

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 (22)

2017

Главный редакторчлен-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленев**Ответственный секретарь– кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:****Р.С. Хакимов**– вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов**– член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф**– доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**С.Г. Бочаров**– кандидат исторических наук (Казань, Россия)**П. Георгиев**– доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков**– доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин**– член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк**– PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор**– доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин**– академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** – кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** – доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 80425, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2017

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2017

© Журнал «Поволжская археология», 2017

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R. S. Khakimov – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)
I. Baldauf – Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
P. Georgiev – Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
A. Türk – PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor – Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Candidate of Historical Sciences **B. L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2017

© Mari State University, 2017

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая география и топография памятников археологии

Иванов В.А. (Уфа, Россия).

Южное Предуралье в эпоху великого переселения народов – археолого-географический контекст. 8

Бадеев Д.Ю. (Москва, Россия).

Улицы средневекового Болгара..... 24

Насыртдинов Б.М., Хасанов Д.И., Георгиев В.В. (Казань, Россия).

Результаты детальных магниторазведочных исследований на территории Болгарского городища в 2012–2015 гг. 36

Зиливинская Э.Д. (Москва, Россия).

Торговые постройки в городах востока и Золотой Орды. 46

Макарова Е.М., Газимзянов И.Р. (Казань, Россия).

Палеодемография Болгарского городища..... 67

Бочаров С.Г. (Казань, Россия).

Средневековое селение Кавалари на Керченском полуострове. 81

Ермаков В.В. (Н. Челны, Россия), *Набиуллин Н.Г. (Казань, Россия), Газизов Д.Г. (Нижнекамск, Россия), Салахатдинова Г.Т. (Н. Челны, Россия).*

К вопросу о локализации исторически известных объектов нового времени (на примере «Чалнинского Городка»). 99

Абдуллин Х.М. (Казань, Россия).

Болгарский селитренный завод по историческим, архивным и картографическим материалам. 112

Материальная культура средневековых памятников Восточной Европы: современные исследования

Бахматова В.Н., Храмченкова Р.Х., Ситдинов А.Г. (Казань, Россия).

Исследования керамики и источников глинистого сырья в керамическом производстве Среднего Поволжья XIII–XIV вв. 126

Шапошник В.Г., Зайончковский Ю.В. (Харьков, Украина).

К истории Харьковского Поудья в золотоордынское время. 147

Бугарчѳв А.И. (Казань, Россия).

О первых болгарских серебряных динарах XIII в. 165

Маслюженко Д.Н. (Курган, Россия),

Чореф М.М. (Нижневартовск, Россия).

Новые находки серебряных монет золотоордынского времени на территории Курганской области. 175

Рябцева С.С., Дергачева Л.В. (Кишинев, Республика Молдова).

К вопросу об этнокультурной принадлежности и датировке группы одежных застежек с территории Пруто-Днестровского междуречья. 190

Елкина И.И. (Москва, Россия).

Археологические текстильные находки XVII–XVIII вв. из слободы
Новодевичьего монастыря в Москве. Атрибуция, реконструкция.....208

Донина Л.Н., Сулова С.В. (Казань, Россия).

Технико-технологические особенности казанско-татарской филиграни:
ретроспективный этно-археологический анализ.....222

Средневековые погребальные комплексы Северной Евразии

Доброва О.П. (Москва, Россия).

Бусы из погребений по обряду ингумации Гнёздовского могильника.236

Руденко К.А. (Казань, Россия), Елкина И.И. (Москва, Россия).

Ювелирные украшения из захоронений в южной части Болгарского
городища (раскопы CLXXIV и CCXIV. Раскопки 2012 и 2015 гг.).258

Чхаидзе В.Н. (Москва, Россия).

Серебряная посуда из погребений кочевников
Восточно-Европейской равнины XIII–XIV вв.275

Хасенова Б.М. (Алматы, Казахстан), Хабдулина М.К. (Астана, Казахстан).

Зеркала в погребальной обрядности
населения Сарыарки в эпоху Золотой Орды.297

Критика и библиография

Жабрева А.Э. (Санкт-Петербург, Россия).

Особенности и перспективы библиографического учета
публикаций по археологическому костюму и текстилю.310

Файзуллина Г.Ш. (Есик, Алматы, Казахстан).

Рецензия на книгу: Г.С. Жумабекова, Г.А. Базарбаева, А. Онгар
«Есік. Иссык. Esik». Алматы, 2011. 200 с.).326

Хроника

Айтуганова Н.Л., Валеев Р.М., Ситдииков А.Г.,

Хайрутдинов Р.Р. (Казань, Россия).

О работе международного семинара «Мониторинг объектов всемирного
наследия ЮНЕСКО: опыт Российской Федерации и стран СНГ».....331

Герасимова М.М. (Москва, Россия),

Пежемский Д.В. (Москва, Казань, Россия).

К юбилею Светланы Григорьевны Ефимовой.....337

Список сокращений346

Авторский указатель349

Правила для авторов363

CONTENS

Historical geography and topography of archaeological monuments

Ivanov V.A. (Ufa, Russian Federation).
 Southern Cis-Urals in the Great Migration Period –
 Archaeological and Geographical Context.8

Badeev D.Yu. (Moscow, Russian Federation).
 Streets of Medieval Bolgar.....24

Nasyrtdinov B.M., Khasanov D.I., Georgiev V.V. (Kazan, Russian Federation).
 Results of Detailed Magnetic Surveying
 in the Territory of Bolgar Fortified Settlement in 2012–2015.36

Zilivinskaya E.D. (Moscow, Russian Federation).
 Trade Constructions in Oriental and Golgen Horde Towns.....46

Makarova E.M., Gazimzyanov I.R. (Kazan, Russian Federation).
 Palaeodemography of Bolgar Fortified Settlement.67

Bocharov S.G. (Kazan, Russian Federation).
 Medieval Kavalari Village on the Kerch Peninsula.81

Ermakov V.V. (*N. Chelny, Russian Federation*), *Nabiullin N.G. (Kazan, Russian Federation), Gazizov J.G. (Nizhnekamsk, Russian Federation), Salakhatdinova G.T. (N. Chelny, Russian Federation).*
 Question on Localization of Historically Known Sites of the Modern Period
 (from the Example of ‘Chalninsky Gorodok’).99

Abdullin Khalim M. (Kazan, Russian Federation).
 Bolgar Saltpeter Plant in Historical, Archival and Cartographic Materials..... 112

**Material culture monuments of Eastern Europe:
 Contemporary investigations**

Bakhmatova V.N., Khramchenkova R.Kh., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation).
 Research in Ceramics and Sources of Raw Clay Material Used
 in Ceramic Production in the Middle Volga Region 13th – 14th cc.....126

Shaposhnik V.G., Zayonchkovskiy Y.V. (Kharkiv, Ukraine).
 History of The Kharkov Udy Region in the Golden Horde Period.147

Bugarchev A.I. (Kazan, Russian Federation).
 First Bolgar Silver Dinars of 13th Century.165

*Maslyuzhenko D.N. (Kurgan, Russian Federation),
 Choref M.M. (Nizhnevartovsk, Russian Federation).*
 New Silver Plated Coins of the Golden Horde Period Discovered
 in the Kurgan Region.175

Riabtseva S.S., Dergacheva L.V. (Chisinau, Republic of Moldova).
 Ethnic-Cultural Identity and Dating of the Clothing Clasp Group
 from the Territory of Prut-Dniester Interfluve.190

<i>Elkina I.I. (Moscow, Russian Federation).</i> Archaeological Textile Findings of 17 th – 18 th Centuries from the Quarter of the Novodevichy Convent in Moscow. Attribution and Reconstruction.....	208
<i>Donina L.N., Suslova S.V. (Kazan, Russian Federation).</i> Technical and Technological Features of Kazan-Tatar Filigree: Retrospective Ethnic-Archeological Analysis.	222

Medieval burial complexes of Northern Eurasia

<i>Dobrova O.P. (Moscow, Russian Federation).</i> Beads from Inhumation Rite Burials of Gnezdovo Burial Mound.	236
<i>Rudenko K.A. (Kazan, Russian Federation), Elkina I.I. (Moscow, Russian Federation).</i> Jewellery from Burials Located in the Southern Part of Bolgar Fortified Settlement (Excavations CLXXIV and CCXIV of 2012 and 2015).....	258
<i>Chkhaidze V.N. (Moscow, Russian Federation).</i> Silver Tableware from the Nomad Burials of 130 th –14 th Centuries on the East European Plain.	275
<i>Khasenova B.M.(Almaty, Kazakhstan), Khabdulia M.K. (Astana, Kazakhstan).</i> Mirrors in the Burial Rites of Saryarka Population in the Golden Horde Period.	297

Critics and Bibliography

<i>Zhabreva A.E. (Saint Petersburg, Russian Federation).</i> Features and Prospects of Bibliographic Control of Publications on Archaeological Costume and Textile.	310
<i>Faizullina G.Sh. (Esik, Almaty, Kazakhstan).</i> Book Review: G.S. Jumabekova, G.A. Bazarbayeva, A. Ongar. Ecik. Yesyk. Esik. Almaty, 2011. 200 P.	326

Chronicle

<i>Aituganova N.L., Valeev R.M., Sitdikov A.G., Khayrutdinov R.R. (Kazan, Russian Federation).</i> Activity of the International Workshop on UNESCO World Heritage Monitoring in the Russian Federation and CIS Countries.	331
<i>Gerasimova M.M. (Moscow, Russian Federation), Pezhensky D.V. (Moscow, Kazan, Russian Federation).</i> To Anniversary of Svetlana G. Efimova.	337
List of Abbreviations.	346
Index of the Authors.....	349
Submissions.	363

Историческая география и топография памятников археологии

УДК 904:397

<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.8.23>

ЮЖНОЕ ПРЕДУРАЛЬЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ – АРХЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ¹

© 2017 г. В.А. Иванов

В статье рассматривается география археологических памятников первой половины I тыс. н.э., изученных в степях Южного Предуралья и Нижнего Поволжья. По мнению автора, локализация данных памятников имеет определенную закономерность. Курганы поздних сарматов (или «гунно-сарматов») в большинстве своем располагаются в лесостепи или вдоль левого берега Волги, что было обусловлено ухудшением климата степи (аридизация), начавшимся в первые века н.э. Курганы поздних сарматов в Зауралье и Поволжье обнаружены в небольшом количестве. Крупные могильники, состоящие из нескольких десятков курганов, известны только в Предуралье – Салихово, Ахмерово, Дербенево. Достоверных свидетельств этнокультурного взаимодействия сарматов с местным финно-угорским населением пока нет. Поэтому турбаслинская культура, памятники которой в виде двух компактных групп, известны в бассейне среднего течения реки Белой и в районе устья реки Камы, выглядит как появившаяся в регионе уже в сложившемся виде. Одновременно небольшие группы (воинские отряды) населения иной этнической и культурной принадлежности внедряются в западные районы ареала носителей поздней мазунинской культуры – курганы на могильниках Тураево и Старая Мушта. По причине своей малочисленности эти отряды быстро растворились среди местного финно-пермского (мазунинского) населения. Археологическая карта региона Южного Предуралья и Заволжья показывает, что степи региона в первой половине I тыс. н.э. были заселены очень слабо. Этнокультурные массивы, представленные большим количеством археологических памятников известны только в лесостепи – поздняя мазунинская (бахмутинская) и именьковская культуры, носители которых, по мнению автора, не принадлежали к сарматскому или «гунно-сарматскому» миру.

Ключевые слова: археология, эпоха Великого переселения, поздние сарматы, гунны, турбаслинская культура, мазунинская культура, именьковская культура, аридизация.

В одной из своих работ С.Г. Боталов – один из ведущих исследователей археологии эпохи раннего средневековья Урала и Предуралья – археологическую ситуацию Эпохи великого

переселения народов в евразийских степях характеризует следующим образом: «При всей исторической грандиозности этого этапа археологически он представлен весьма скудно и

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ «Сравнительно-статистическая характеристика археологических культур Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века» Проект №16-31-00010.

далеко неравнозначно в материалах Восточной Европы» (Боталов, 2009, с. 308). И это совершенно верно, в том числе и применительно к степям Южного Урала и Предуралья. Сам автор данное обстоятельство связывает с мобильностью и распыленностью гуннской орды во время ее прохождения через степи Восточной Европы в IV–V вв. Очевидно, исключать этот фактор действительно не следует. Вместе с тем этнокультурные изменения, которые мы археологически фиксируем в регионе Урало-Поволжья начиная с III–IV вв. н. э. определенно указывают на то, что эпоха Великого переселения явилась поворотным моментом в истории населения региона, коренным образом изменив эволюционный характер ее развития (Иванов и др., 2013, с. 14–32). Это отмечается всеми археологами, в своих исследованиях обращавшихся и обращающихся к материалам указанного периода.

В обобщенном виде мнения современных исследователей сводятся к трем точкам зрения относительно этнокультурной принадлежности тех миграционных потоков, которые фактически и олицетворяли собой механизм перехода населения Южного Урала от эпохи раннего железного века к эпохе раннего средневековья. Большинство исследователей считают, что это были племена поздне-сарматского («гунно-сарматского») этнокультурного мира. По сути, они развивают гипотезу, выдвинутую в свое время А.П. Смирновым (Смирнов, 1952, с. 109). Разница заключается только в том, что одни авторы основной акцент делают на сарматский (Сунгатов и др., 2004, с. 72–73; Шмуратко, 2012, с. 27–29), другие на

«гунно-сарматский» или гуннский (Любчанский, 2006; Боталов, 2009, с. 252; 2016, с. 44–47) импульс.

В отличие от названных исследователей Р.Д. Голдина решающую роль в этом процессе² отводит смешанным гото-славянским группам, пришедшим в регион с юго-запада (Голдина, 1999, с. 266; 2004, с. 308–309).

По мнению С.Э. Зубова, сложившемуся по результатам анализа материалов памятников писеральско-андреевского типа в Среднем Поволжье, в этнических процессах на территории волго-уральской лесостепи активно участвовали воинские дружины зауральских угров-«саргатцев» (Зубов, 2011, с. 109–112). С учетом географии памятников писеральско-андреевского типа, Южное Предуралье вполне могло оказаться в ареале саргатской (угорской) миграции. О чем, вероятно, свидетельствует Кипчаковский курганно-грунтовый могильник на р. Сюнь, исследованный С.Э. Зубовым.

Подобный разброс мнений, на мой взгляд, обусловлен тем, что начало эпохи Великого переселения народов в регионе маркировано либо археологическими культурами – турбаслинская, именьевская – известными нам в уже сложившемся виде и типологически чуждыми предшествующим местным культурам, либо немногочисленными, хотя и яркими, памятниками – могильниками харинско-тураевского типа³ – кратковременными в своей хронологии.

² По крайней мере, для районов Нижнего и Среднего Прикамья.

³ Очевидно, потому и яркими, что их было мало на фоне многочисленных и морфологически уже однообразных памятников культур, генетически восходящих к культурам предшествующей эпохи.

То, что их носители и создатели для региона Южного Предуралья были мигрантами, с одной стороны, ни у кого из исследователей сомнения не вызывает. Вместе с тем отсутствие достоверных комплексов-прототипов на других территориях заставляет исследователей искать логическое толкование гомогенному, по своей сути, и четко локализованному в пространстве и времени археологическому приуральскому материалу. Так, В.В. Овсянников и разделяющий его мнение С.Г. Боталов уже трактуют турбаслинскую культуру, как результат мирного слияния поздних сармат с местным финно-угорским населением – носителями имендяшевской культуры (Овсянников, 1999, с. 178–180; Боталов, 2009, с. 252, 314). Однако, почему создатели памятников имендяшевского типа были именно «местными финно-уграми» и почему автохтонная (в трактовке названных исследователей) турбаслинская культура в плане антропогенеза населения Южного Урала мелькнула как метеор, не оставив после себя никаких следов (Юсупов, 2002, с. 33–34), на этот вопрос авторы указанной гипотезы ответа не дают. Что и не удивительно, поскольку при наличии «конечного продукта» – турбаслинской археологической культуры со всеми ее составляющими – ее исходные компоненты (поздние сарматы/гунно-сарматы, «имендяшевы») выглядят весьма аморфно. Чтобы соединить их в один генетически взаимосвязанный комплекс, нужен дискурс. И мы его имеем.

Аналогичная картина наблюдается и с памятниками тураевского типа: объединив разнотипные (и разнокультурные) погребения Тураевско-

го курганно-грунтового могильника в один этнокультурный комплекс, С.Г. Боталов рассекает погребальный обряд этого памятника на отдельные компоненты, находя для каждого параллели в могильниках Прикамья и Предуралья, различающихся как в культурном, так и хронологическом планах. В результате автор делает закономерный для подобной методики вывод о том, что могильники типа Тураевского, Старо-Муштинского (а по логике имеющегося археологического материала – раннеломоватовских и ранненеволинских) есть результат не этнокультурных инноваций, а социальной эволюции местных финно-угров (Боталов, 2009, с. 320).

Мне думается, что подобного рода дискурсы обусловлены отсутствием у исследователей должного внимания к археолого-географической составляющей исследуемой эпохи (да и других эпох тоже). Поэтому, когда мы обращаемся к фундаментальным обобщающим трудам археологов, посвященным проблемам этнокультурной истории региона, мы вынуждены черпать археолого-географическую информацию не из карт, а из картосхем, не отражающих и даже искажающих реальную ситуацию. Поэтому в настоящей статье я предлагаю рассмотреть археологическую карту Южного Предуралья в эпоху Великого переселения народов именно как карту с масштабом и географическими привязками соответствующих памятников. Чтобы соблюсти это условие, археологическая карта региона, иллюстрирующая рассуждения автора, разделена на две одинаково масштабированные части – северную и южную, – что позволяет дать более

точную информацию о географическом местонахождении того или иного памятника.

Начнем с палеоклиматической характеристики региона в рассматриваемую эпоху. По данным В.А. Дёмкина и его коллег, полученным на материалах Нижнего Поволжья, для рассматриваемого региона «первые века новой эры в климатическом отношении можно рассматривать как эпоху чередования микропluvальных и микроаридных периодов продолжительностью не более 100–150 лет. В частности, относительно влажными условиями характеризовались I и IV века (~ 380–400 мм/год), а наиболее засушливыми – вторая половина II – первая половина III века (~ 330–350 мм/год). Промежуточная и близкая ситуация по степени увлажненности имела место в первой половине II века и во второй половине III века (~ 350–380 мм/год)» (Дёмкин и др., 2009, с. 84). В археологическом контексте очень показательно исчезновение в указанное время следов пребывания сарматов на территории Рын-песков (междуречье Волги и Урала), где для второй половины I тыс. до н. э. – II в. н. э. выявлено 28 пунктов нахождения сарматской керамики. Исследователи связывают это с ухудшением экологических условий на этой территории в I–III вв. н. э. (Иванов, Васильев, 1995, с. 166–169). Усиление континентальности климата в позднесарматское время отмечается и на материале курганов бассейна р. Илек (Хохлова, 1996, с. 66).

Для лесной зоны рассматриваемое время – время перехода от суббореального к субатлантическому периоду, сопровождавшееся повышением увлажненности климата и понижени-

ем среднегодовых температур на 3–4° (Рябогина и др., 2001, с. 211; Голубева, 2008; Жеребцов, 2010, с. 90–92; Якимов и др., 2012). С общечеловеческой точки зрения, в этих условиях наиболее оптимальной зоной обитания в регионе становится лесостепь, что мы и наблюдаем, обратившись к археологической карте Заволжья и Южного Предуралья III–V вв. н. э. Из нее следует, что немногочисленные по сравнению с предшествующей эпохой курганы и курганные могильники II–IV вв., которые исследователями трактуются как позднесарматские (Пшеничнюк, 1983, с. 120–125; Скрипкин, 1984), гуннские (Засецкая, 1986) или «гунно-сарматские» (Боталов, 2009, с. 171–253), локализуются в лесостепи, где они образуют многокурганные могильники типа Дербеневских (по данным А.Х. Пшеничнюка, – более 100 курганов, исследован 31 (Пшеничнюк, 1985, с. 176), Ахмеровских II (27 курганов (Сунгатов, 2005) или Салиховского (более 40 курганов, из которых исследованы 29 (Васюткин, 1986, с. 180). В основном же это одиночные погребения, разбросанные от Волги до Иргиза на расстоянии почти 1400 км, из которых примерно половина локализуется вдоль левого берега Волги (рис. 1 и 2). В общем, картина вполне закономерная: аридизирующаяся степь Заволжья и Предуралья не могла вместить в себя большие массы кочевников, что и нашло свое отражение в археологической карте региона рассматриваемого времени.

Относительно крупные позднесарматские/гунно-сарматские могильники в Южном Предуралье некоторых исследователей наводят на мысль о решающей роли оставившего их населения в формировании тур-

баслинской культуры (В.В. Овсянников, С.Г. Боталов). Безоговорочно принять эту гипотезу мешают следующие обстоятельства. Во-первых, кроме отсутствия исследований, прослеживающих механизм и морфологию этнокультурного симбиоза кочевников и оседлых «имендьяшевцев-финно-угров», о чем было сказано выше, турбаслинские археологические комплексы (поселение + могильник) занимают другую, нежели их гипотетические предки, территорию: узкая полоса протяженностью в 180 км по среднему течению р. Белой между современным г. Бирском и устьем р. Сим и группа могильников и поселений в районе устья Камы. В бассейне р. Белой «турбаслинцы» четко локализируются в четырех пунктах: Кушнаренковское поселение и могильник, Ново-Турбаслинское поселение и могильник, городище Уфа II и серия турбаслинских погребений на территории современного г. Уфы, Улукулевское поселение и Шареевский могильник, расположенные рядом друг с другом. По грубым подсчетам, каждая такая агломерация могла иметь в своем распоряжении не менее 40–45 км хозяйственной территории вдоль р. Белой. Плюс северо-западные склоны Бугульминско-Белебеевской возвышенности – «нейтральной территории», разделяющей этнокультурные группы Урало-Волжской лесостепи, – которую они могли использовать как летние пастбища⁴. В целом

⁴ Для круглогодичного кочевания Бугульминско-Белебеевская возвышенность по своим физикогеографическим и климатическим условиям была просто непригодна. Что и отразилось в ее археологии (точнее – в отсутствии археологических памятников на этой территории).

же это были два «турбаслинских анклава», расположенные на расстоянии более 400 км друг от друга и разделенные пустой территорией северных отрогов Бугульминско-Белебеевской возвышенности (рис. 1).

Впрочем, она была не совсем пустая: примерно на половине указанного расстояния на р. Степной Зай Е.П. Казаковым исследовано поселение «Шихан», давшее керамику именковского (романовского) и турбаслинского типов (Казаков, 1996, с. 46–47).

Во-вторых, наиболее плотно заселенной «турбаслинцами» территорией являлся Уфимский полуостров, где сосредоточено большинство известных сейчас турбаслинских комплексов. Пример – Дежнёвский могильник, состоящий из 104 насыпей, из которых исследовано 81 (Сунгатов, 2006, с. 435), уфимские погребения, количество которых постоянно растет и сейчас перевалило за 30 (Иванов, 2011; Бахшиев и др., 2017). Но до их появления здесь Уфимский полуостров являлся юго-восточной периферией бахмутинского (позднемазунинского) ареала, о чем, прежде всего, свидетельствует стратиграфия городища Уфа II (Овсянников, 1992, с. 70; Иванов, 2012, с. 410–411). Вытеснить «бахмутинцев» – автохтонов прикамско-приуральских лесов – могла только компактная в этнокультурном отношении и организованная социально сила, каковыми «турбаслинцы», судя по морфологии этой археологической культуры, и являлись. Но и сами они, вероятно, по причине своей малочисленности, полностью овладеть всей территорией камско-бельско-уфимского междуречья не могли. О чем вполне определенно свидетельствует

ареал турбаслинских и бахмутинских памятников (рис. 1).

Определенную ясность в процесс взаимодействия «турбаслинцев» и «бахмутинцев» могли бы внести материалы Бирского могильника, среди 700 исследованных погребений которого выявлены и турбаслинские. Причем, если судить по краткому сообщению автора раскопок памятника – Н.А. Мажитова, турбаслинские погребения (более поздние) территориально отделены от более ранних бахмутинских (Мажитов, 2005, с. 489–490). Но как это выглядит планиграфически, а главное – как они соотносятся между собой хронологически, без полной публикации памятника представить пока невозможно.

Как бы то ни было, но наличие турбаслинских погребений на Бирском могильнике свидетельствует о заметном проникновении «турбаслинцев» в глубь мазунинской/бахмутинской территории. Что, наверное, стало возможным еще и потому, что одновременно с «турбаслинцами» в западной части указанной территории появляются инокультурные и иноэтнические группы, представленные в регионе курганами Тураевского и Старо-Муштинского могильников. По поводу этнокультурной принадлежности групп, оставивших подкурганное захоронения указанных могильников, у исследователей до сих пор единого мнения не сложилось: позднесарматская (Сунгатов и др., 2004, с. 63–73; Шмуратко, 2012; Казаков, 2013, с. 101), готославянская (Голдина, Бернц, 2010, с. 160).

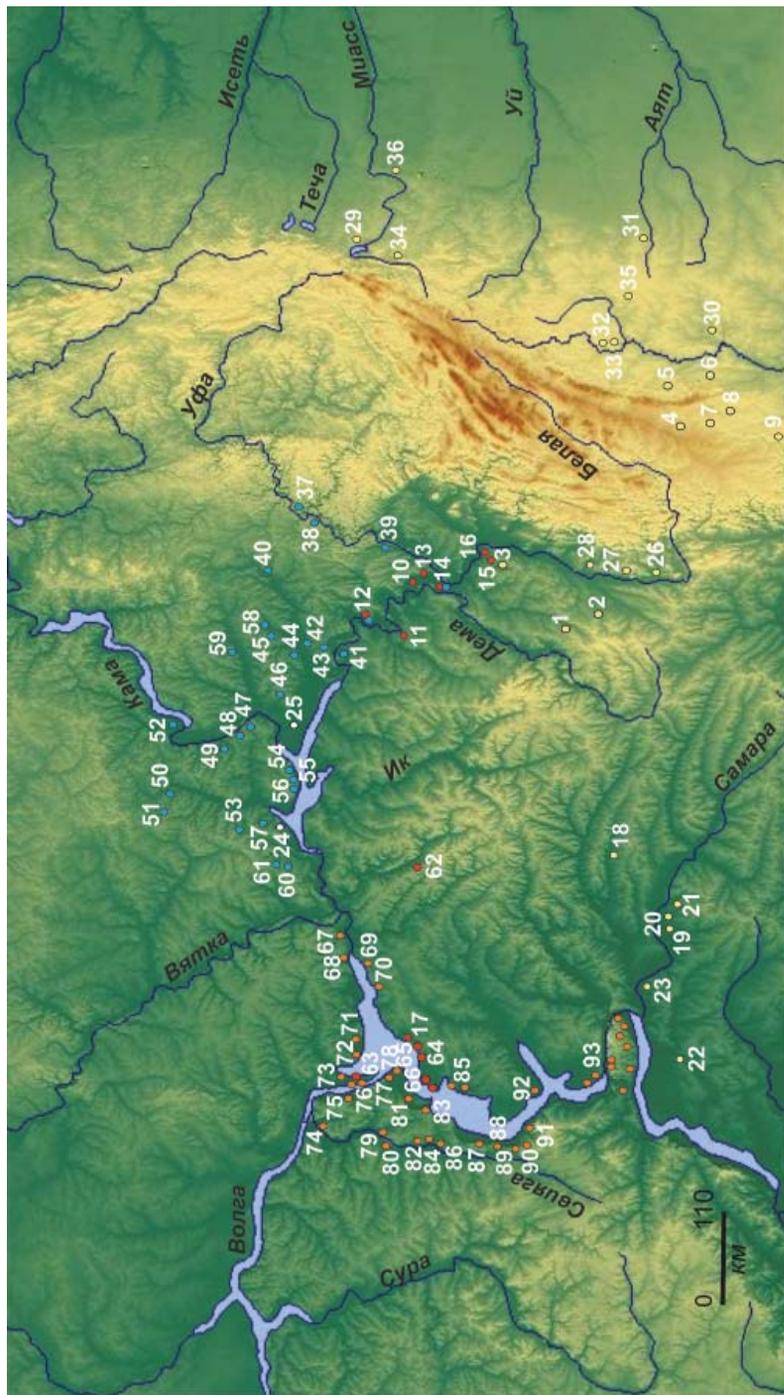
Не обошел своим вниманием этой темы и С.Г. Боталов, выдвинувший по-своему экстравагантный⁵ тезис о

том, что «тураевские комплексы»⁶ следует рассматривать не как результат крупномасштабных этнических перегруппировок и миграций, а как погребения, отражающие процесс родоплеменной дифференциации внутри массива финно-угорского оседлого населения лесного и лесостепного Приуралья. Если и можно говорить о разнокультурных перемещениях в процессе формирования подобных военизированных дружин, то лишь как о внутренних миграциях в пределах бассейна Камы» (Боталов, 2009, с. 320). Доказательная база этого тезиса не представляется убедительной: по сути, – это эклектика из отдельных фактов, извлеченных из материала культур, относящихся к разным эпохам и различному по своему происхождению населению, данный тезис представляется более беллетристическим, нежели научным.

Западный анклав «турбаслинцев» вплотную смыкается с территорией памятников именьковской культуры, этническая принадлежность которой пока так и остается непонятой (рис. 1). Я не буду здесь касаться всем хорошо известной историографии этой проблемы. Отмечу только, что в последние годы в археологии эпохи раннего средневековья Урало-Поволжья Е.П. Казаковым активно разрабатывается концепция «сарматской эпохи» в этнической истории региона, верхнюю границу которой исследователь доводит до VII в. н. э. (Казаков, 2013, с. 101), то есть «именьковцы», по мнению автора, это седентеризовавшиеся сарматы. Данная точка зрения мне не представляется убедительной. Прежде всего, по причине отсутствия в позднесарматских и джетыасарских

⁵ Но не более того.

⁶ Старо-Муштинские, читай, тоже.

Условные обозначения / Conventions: ● - курганы поздних сарматов/mounds of the Late Sarmatians; ● - памятники турбаслинской культуры/monuments of Turbasly culture; ● - памятники мазунинской (бахмутинской) культуры/ monuments of Mazunino (Bachmutimo) culture; ● - памятники именьковской культуры (по П.Н.Старостину и Г.И.Матвеевой/Monuments of Imenkovo culture (according to P.N. Starostin and G.I. Matveeva); ○ - могильники тураевского типа/burial ground of Turaevo type

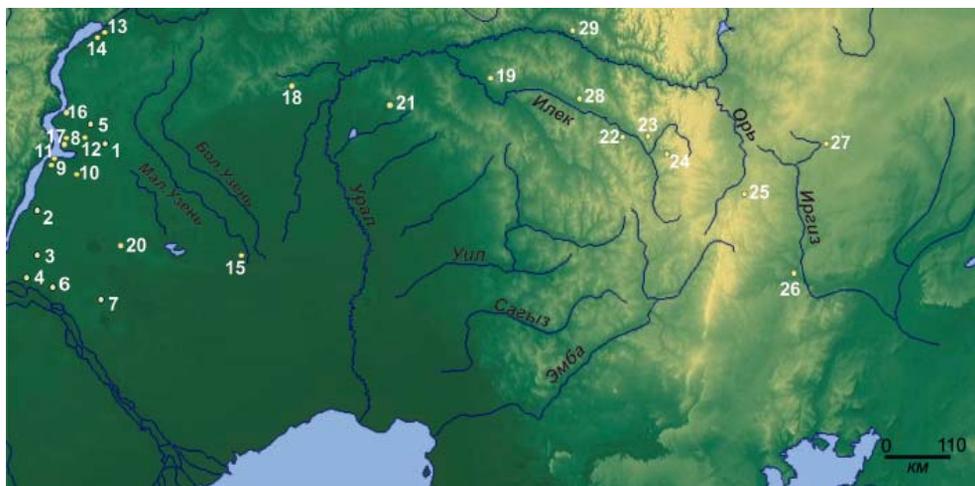
Рис. 1. Карта памятников эпохи Великого переселения народов в Южном Предуралье (север). Курганы: 1 – Чумаровские; 2 – Уязыбашевские; 3 – Леканды; 4 – Темьясовские; 5 – Альмухаметовские; 6 – Сибайские II; 7 – Бекешевы III; 8 – Каратал; 9 – Комсомол IV,VI; 10 – Турбаслы (поселение и курганы); 11 – Кушнареново (поселение и курганы); 12 – Бирский мог.; 13 – Дежневские; 14 – городище Уфа II и Уфимские погребения; 15 – Улукулевское пос.; 16 – Шареево; 17 – Коминтерн II; 18 – Березняки; 19 – Андреевка; 20 – Виловатое; 21 – Гвардейцы; 22 – Осинки; 23 – Черновский; 24 – Тураево; 25 – Старая Мушта; 26 – Дербенево; 27 – Салихово; 28 – Ахмерово II; 29 – Байрамгулово; 30 – Большекараганский; 31 – Каменный Амбар; 32 – Агаповский; 33 – Магнитный; 34 – Малково; 35 – Шатрово; 36 – Першино; 37 – Чандар (городище и могильник); 38 – Каменная Гора городище; 39 – Варьяс городище; 40 – Юмакаевское городище; 41 – Казакларовские городища; 42 – Барьязы городище; 43 – Ангасякский мог.; 44 – Каратамак могильник; 45 – Малокачакский мог.; 46 – Старо-Кабановский мог.; 47 – Тарасовский; 48 – Мазунинский; 49 – Сарапульский; 50 – Ижевский; 51 – Чужьяловский; 52 – Нивский; 53 – Верхне-Утчанское гор.; 54 – Чеганда гор.; 55 – Быргында гор.; 56 – Ныргында гор.; 57 – Чумали II поселение; 58 – Алтаево III поселение; 59 – Сандьяк гор.; 60 – Староигринское гор.; 61 – Варалинское гор.; 62 – Шихан пос.; 63 – Ташкирменский мог.; 64 – Бураковский мог.; 65 – Измерское пос.; 66 – Маклашеевские поселение и могильник; 67 – городище Сикенесское I; 68 – городище Тарасова пристань; 69 – городище Березовское; 70 – поселение Байтерьяковские; 71 – городище и поселение Именьковское; 72 – поселение Рождественское IV; 73 – городище Рождественское; 74 – городище Карамышхинское; 75 – городище Теньковское; 76 – поселения Большекарлангинские.; 77 – городище Камскоустикинское; 78 – городище Кирельское; 79 – городище Апастовское; 80 – городище Бишевское; 81 – городище Елховское; 82 – городище Степановское I; 83 – городище Большетарханское; 84 – поселение Степановское; 85 – городище Степановское; 86 – поселения Старомайские; 87 – поселение Карлинское; 88 – городища Ульяновские; 89 – городище Кувшиновка; 90 – поселение Ашнапандовское; 91 – городище Арбушское; 92 – поселение Гулюшево; 93 – Подстепки.

Памятники, обозначенные Г.И.Матвеевой на Самарской Луке, пронумерованы, но не идентифицированы (Матвеева, 2003, с.129; она же, 2004, с.129).

Fig. 1. Map of the Great Migration sites in the Southern Cis-Urals (northern area). Barrows:

1 – Chumarovo; 2 – Uyazybashevo; 3 – Lekandy; 4 – Temyasovo; 5 – Al'muhametovo; 6 – Sibai II; 7 – Bekeshevo III; 8 – Karatal; 9 – Komsomol IV,VI; 10 – Turbasly (settlement and barrows); 11 – Kushnarenkovo (settlement and barrows); 12 – Birk burial ground; 13 – Dezhnevo; 14 – Ufa II hillfort and burial in the territory of Ufa; 15 – Ulukulevo settlement; 16 – Shareevo; 17 – Komintern II; 18 – Berezniaki; 19 – Andreevka; 20 – Vilovatoe; 21 – Gvardeitsy; 22 – Osinki; 23 – Chernovskii 24 – Turaevo; 25 – Staraiia Mushta; 26 – Derbenevo; 27 – Salihovo; 28 – Ahmerovo II; 29 – Bairamgulovo; 30 – Bol'shekaraganskii; 31 – Kamennyi Ambar; 32 – Agapovskii; 33 – Magnitnyi; 34 – Malkovo; 35 – Shatrovo; 36 – Pershino; 37 – Chandar settlement and burial ground; 38 – Kamennaya Gora hillfort; 39 – Var'ias hillfort; 40 – Yumakaevo hillfort; 41 – Kazaklarovo hillfort; 42 – Bar'yazy hillfort; 43 – Angasyak burial ground; 44 – Karatamak burial ground; 45 – Malokachakovo burial ground; 46 – Staro-Kabanovo burial ground; 47 – Tarasovo burial ground; 48 – Mazunino; 49 – Sarapul; 50 – Izhevsk; 51 – Chuzh'yalovo; 52 – Niva burial ground; 53 – Verhne-Utchansk hillfort; 54 – Cheganda hillfort; 55 – Byrgynda hillfort; 56 – Nyrgynda hillfort; 57 – Chumali II settlement; 58 – Altaevo III settlement; 59 – Sandiyak hillfort; 60 – Staroigra hillfort; 61 – Varali hillfort; 62 – Shihan settlement; 63 – Tashkirmen burial ground; 64 – Burakovo burial ground; 65 – Izmeri settlement; 66 – Maklasheevka settlement and burial ground; 67 – Sikenes' I hillfort; 68 – Tarasova Pristan' hillfort; 69 – Berezovka hillfort; 70 – Baiteriakovo settlement; 71 – Imenkovo hillfort and settlement; 72 – Rozhdestveno IV settlement; 73 – Rozhdestveno IV hillfort; 74 – Karamyshchikha hillfort; 75 – Ten'ki hillfort; 76 – Bolshaia Karlanga settlements; 77 – Kamskoe Ustie hillfort; 78 – Kirelskoe hillfort; 79 – Apastovo hillfort; 80 – Bishevo hillfort; 81 – Elhovskoe hillfort; 82 – Stepanovka I hillfort; 83 – Bolshie Tarkhany hillfort; 84 – Stepanovka settlement; 85 – Stepanovka hillfort; 86 – Staraiia Maina settlements; 87 – Karlinskoe settlement; 88 – Ulyanovsk hillforts; 89 – Kuvshinovka hillfort; 90 – Ashno Pando settlement; 91 – Arbuskoe hillfort; 92 – Gulushevo settlement; 93 – Podstepki.

Monuments designated by G.I. Matveeva on Samara Luka are numbered, but not identified (Matveeva, 2003, p. 129, the same, 2004, p.129).

Условные обозначения/ Conventions: ● - курганы поздних сарматов/mounds of the late Sarmatians

Рис. 2. Карта памятников эпохи Великого переселения народов в Южном Предуралье (юг). Курганы: 1 – Блюменфельд; 2 – Верхний Балыклеј; 3 – Ковыльнов; 4 – Ленинск; 5 – Летошинка; 6 – Маляевка; 7 – Баскунчак; 8 – Иловатка; 9 – Политотдельское; 10 – Альт-Веймар; 11 – Бережновка; 12 – Старая Полтавка; 13 – Покровск; 14 – Бородаевка; 15 – Кара-Оба; 16 – Ровное; 17 – Курнаевка; 18 – Шипово; 19 – Линевка; 20 – Сайхин; 21 – Лебедевка IV, V, VI; 22 – Восточные Курайли; 23 – Жаман-Каргала I; 24 – Ульке; 25 – Жанабаз; 26 – Атра I, II, IV; 27 – Жолуткен; 28 – Джанатан; 29 – Красногор.

Fig. 2. Map of the monuments of the era of the Great Migration of Peoples in the Southern Urals (south). Barrows: 1 – Blyumenfel'd; 2 – Verhnij Balyklej; 3 – Kovylnov; 4 – Leninsk; 5 – Letoshinka; 6 – Malyaevka; 7 – Baskunchak; 8 – Povatka; 9 – Politotdel'skoe; 10 – Al't-Vejmar; 11 – Berezhnovka; 12 – Staraya Poltavka; 13 – Pokrovsk; 14 – Borodaevka; 15 – Kara-Oba; 16 – Rovnoe; 17 – Kurnaevka; 18 – Shipovo; 19 – Linevka; 20 – Sajhin; 21 – Lebedevka IV, V, VI; 22 – Vostochnye Kurajli; 23 – Zhaman-Kargala I; 24 – Ul'ke; 25 – Zhanabaz; 26 – Atra I, II, IV; 27 – Zholutken; 28 – Dzhanatan; 29 – Krasnogor.

могильниках⁷ трупосожжений – характерного обряда именьковских могильников. Несколько гуннских погребений с сожжениями, выявленные И.П. Засецкой в степном Заволжье (Засецкая, 1994, с. 16) вряд ли могут выступить в качестве решающего довода в этом вопросе.

⁷ Последние весьма популярны у ряда уральских археологов, ищущих исходные формы новациям в материальной культуре и погребальной обрядности эпохи Великого переселения народов в Приуралье в материале джетысарских памятников.

Итак, что нам дает археологическая карта Южного Предуралья первой половины I тыс. н. э. в плане понимания этнокультурной ситуации в регионе в эпоху Великого переселения народов? Прежде всего, практически пустая аридизирующаяся степь, по которой кочевали, судя по количеству выявленных сейчас памятников, какие-то разрозненные мелкие группы населения, совершенно не идентифицируемой этнической принадлежности. Отсюда вывод первый – никакого мощного «гунно-сарматского» объединения в степях Заволжья и Южного

Предуралья не было и быть не могло в силу неблагоприятных для кочевников природных условий. В принципе, это даже читается и по мелкомаштабной картосхеме, опубликованной С.Г. Боталовым (Боталов, 2009, рис. 2)⁸.

Вывод второй – основное «биение жизни» в это время происходило на периферии Урало-Волжской степи, главным образом в ее лесостепном пограничье. Именно там начиная с III–IV вв. появляются памятники, отражающие рассматриваемую эпоху⁹. В Зауралье – это погребения «гунно-сарматского» (по С.Г. Боталову) типа. В Предуралье – позднесарматские могильники: Леканды, Дербневский, Салиховский, Ахмеровский II. В бассейне среднего течения р. Белой – памятники турбаслинской культуры. Причем, если исходить из предлагаемой исследователями хронологии турбаслинских памятников – конец V в. для бассейна р. Белой (Сунгатов, 1998, с. 85), вторая половина VI – начало VII в. – для Коминтерновского II могильника (Казаков, 2011, с. 16), возникает соблазн проложить маршрут продвижения «турбаслинцев» в Среднее Поволжье с берегов Средней Белой.

Этим событиям предшествовало внедрение в мазунинскую (фин-

⁸ Подобные картосхемы, эффектные в учебных и научно-популярных изданиях, в научной монографии – не более чем украшательство, поскольку специалисту никакой конструктивной информации не дают.

⁹ Именно появляются, а не формируются, поскольку доводы условных «автохтонистов» – сторонников местного происхождения турбаслинской, например, культуры – убедительными не представляются.

но-пермскую) этнокультурную среду военизированных групп, оставивших подкурганные захоронения Тураевского и Старо-Муштинского могильников (IV–V вв.). Причем члены этих групп ни в культурном, ни тем более в антропологическом отношении ничего общего с местным прикамским населением не имели, а являлись дальними потомками приуральских сарматов конца I тыс. до н. э. (Сунгатов и др., 2004, с. 81).

Вывод третий, – судя по географии известных памятников, пришельцы не представляли в регионе единого этнокультурного и территориального массива. Таковыми являлись только позднемазунинская (бахмутинская) и именьковская культуры. Но их участие в событиях эпохи Великого переселения представляется весьма относительным.

Я преднамеренно уклоняюсь от создания своего дискурса на тему: где, когда и как формировалась «гуннская орда», и какую роль в этом процессе играли разрозненные, разнокультурные и соответственно разноэтничные обитатели Урало-Поволжья. Подобный дискурс станет возможным, а главное – продуктивным – только тогда, когда весь имеющийся корпус археологических источников по гуннской эпохе будет проработан по одной методике, учитывающей не только визуальное сходство или различие объектов и артефактов, но и более глубокую, для визуального восприятия латентную информацию. Подобный подход, конечно же, требует коллективных усилий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахшиев И.И., Куфтерин В.В., Бахшиев Р.И., Гиззатов Д.З.* Новое погребение эпохи раннего средневековья на территории Уфы // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. 1 (15). С. 52–69.
2. *Боталов С.Г.* Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: Рифей, 2009. 672 с.
3. *Боталов С.Г.* Современное состояние исследований эпохи средневековья лесостепного Зауралья. Вопросы культурно-хронологической интерпретации // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). / Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск: Рифей, 2016. С. 44–58.
4. *Васюткин С.М.* Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии // СА. 1986. № 2. С. 180–197.
5. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.
6. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.
7. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). // Материалы и исследования КВАЭ. Т. 17. Ижевск: Изд-во Удмуртский университет, 2010. 499 с.
8. *Голубева Ю.В.* Климат и растительность голоцена на территории республики коми // Литосфера. 2008. № 2. С. 124–132.
9. *Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Алексеев А.О., Хомутова Т.Э., Золотарёва Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Алексеева Т.В., Борисов А.В., Дёмкина Е.В., Журавлёв А.Н.* Палеопочвы и климат степей Нижнего Поволжья в I–IV вв. н. э. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2009. 96 с.
10. *Жеребцов И.Л.* Климат в древней истории финно-угорских народов // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 1. Сыктывкар, 2010. С. 87–92.
11. *Засецкая И.П.* Гунны в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья / Отв. ред. А.С.Скрипкин. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 98–113.
12. *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: АО "Эллипс", 1994. 221 с.
13. *Зубов С.Э.* Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 136 с.
14. *Иванов В.А.* Городище Уфа-II («город Башкорт»). на археологической карте Уфимского полуострова // От древности к новому времени. Проблемы истории и археологии. Вып. XVI / Отв. ред. Е.А. Круглов. Уфа: БГУ, 2011. С. 136–149.
15. *Иванов В.А.* Четыре монеты, как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды (еще один пример современного археологического мифотворчества по материалам городища Уфа-II). // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 404–414.
16. *Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В.* Южный Урал в эпоху средневековья (V–XVI века н. э.). Уфа: БГПУ, 2013. 280 с.
17. *Иванов И.В., Васильев И.Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1995. 264 с.
18. *Казаков Е.П.* К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред.

Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С.40–57.

19. Казаков Е.П. Культуры средневековых сармат Урало-Поволжья: проблемы выявления // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 100–101.

20. Казаков Е.П. Этнокультурная ситауция IV–VII вв. н. э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. 2011. № 12–13. С.8–39.

21. Любчанский И.Э. Этнокультурная реконструкция происхождения носителей традиции турбаслинского керамического комплекса // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С.227–234.

22. Мажитов Н.А. Бирский могильник // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т.1: А–Б. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. С. 489–490.

23. Овсянников В.А. Раскопки городища Уфа II в 1990 году // Башкирский край. Вып. 2. Уфа, 2012. С.65–71.

24. Овсянников В.В. К характеристике этно-культурных контактов в лесостепном Приуралье в позднесарматскую эпоху // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.): Тезисы докладов / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1999. С. 178–180.

25. Пишеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников // История башкирского народа: в 7 т. Т. I. / Отв. ред. М.М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009. С. 173–212.

26. Пишеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 199 с.

27. Пишеничнюк А.Х. Раскопки могильника позднесарматского времени в Южной Башкирии // Археологические открытия 1983 года. / Отв. ред. Р.М.Мунчаев. М.: Наука, 1985. С. 176.

28. Рябогина Н.Е., Матвеева Н.П., Орлова Л.А. Новые данные о природной среде Зауралья в древности (палинологическое исследование отложений Нижне-Ингальского-3 поселения). // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 205–212.

29. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 149 с.

30. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.

31. Сунгатов Ф.А. Ахмеровский могильник II // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т.1: А–Б / Гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. С. 246.

32. Сунгатов Ф.А. Дежнёвские курганы // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 2: В–Ж / Гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2006. С. 435.

33. Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.). Уфа: Гилем, 1998. 168 с.

34. Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.

35. Хохлова О.С. Морфолого-генетический анализ хронорядов почв курганных групп Покровка 1, 2 и 10 в 1995 году. // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 1996. С.62–67.

36. Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов). Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2012. 32 с.

37. Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование // Башкиры. Этническая история и традиционная культура / Ред. Р.М. Юсупов. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. С. 21–45.

38. Якимов А.С., Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Пустовойтов К.Е., Кузяков Я.В. Почвы раннесредневекового (IV–VI вв. н. э.). городища Среднего Притоболья и их палеогеографическое значение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. 4 (52). С. 134–143.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им.М.Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

SOUTHERN CIS-URALS IN THE GREAT MIGRATION PERIOD - ARCHAEOLOGICAL AND GEOGRAPHICAL CONTEXT

V.A. Ivanov

The article considers the geography of studied archaeological sites dating back to the first half of the 1st Millennium A.D. located in the steppes of the Southern Urals and the Lower Volga region. According to the author, the localization of these sites follows a specific pattern. Barrows of late Sarmatians (or ‘Huns-Sarmatians’) are mostly located in the forest-steppe area or along the left bank of the Volga river, which was accounted for by the deterioration of the steppe climate (aridization) which began in the first centuries A.D. A small number of barrows of late Sarmatians have been discovered in the Trans-Urals and the Volga region. Large burial mounds consisting of several dozen barrows - Salikhovo, Akhmerovo, Derbenevo - have only been traced in the Cis-Urals. There is no reliable evidence of the ethnic-cultural interactions of the Sarmatians with the local Finno-Ugric population. Therefore, the Turbasly culture with its sites represented by two compact groups have been discovered in the basin of the middle reaches of the Belaya river and near the mouth of the Kama river and apparently appeared in the region in an established form. At the same time, small groups (military detachments) of the population of a different ethnic and cultural origin were introduced in the western regions of the area populated by the carriers of the late Mazunino culture - barrows at Turaevo and Staraya Mushta burial mounds. Due to their scarcity, these detachments quickly dissolved in the local Finno-Perm (Mazunino) population. The archaeological map of the Southern Urals and Trans-Volga region demonstrates that the steppes of the region were very poorly populated in the first half of the 1st Millennium A.D. The ethnic-cultural groups represented by a large number of archaeological sites have only been discovered in the forest-steppe area – these are the Late Mazunino (Bakhmutino) and Imenkovo cultures, whose carriers, according to the author, did not belong to the Sarmatian or ‘Hun-Sarmatian’ world.

Keywords: archaeology, Great Migration period, Late Sarmatians, Huns, Turbasly culture, Mazunino culture, Imenkovo culture, aridization.

10 This work was carried out with the support of the Russian Foundation for the Humanities, “Comparative-statistical characteristics of the archaeological cultures of the Kama region and the Cis-Urals of the Early Iron Age”, Project No. 16-31-00010.

REFERENCES

1. Bakhshiev, I. I., Kufferin, V. V., Bakhshiev, R. I., Gizzatov, D. Z. 2017. In *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology)* 15 (1), 52–69 (in Russian).
2. Botalov, S. G. 2009. *Gunny i tiurki (istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya) (Huns and Turks (Historical and Archaeological Reconstruction))*. Cheliabinsk: “Rifean” Publ. (in Russian).
3. Botalov, S. G. 2016. In *Arkheologiya Iuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza) (Archaeology of the Southern Urals. Forest, Forest-Steppe (issues of cultural genesis))*. Series: Ethnogenesis of Ural peoples. Cheliabinsk: “Riphean” Publ., 44–58 (in Russian).
4. Vasiutkin, S. M. 1986. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 180–197 (in Russian).
5. Goldina, R. D. 1999. *Drevniya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda (Ancient and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
6. Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st – 5th centuries in the Middle Kama Region)* 1. Izhevsk: “Udmurtia” Publ. (in Russian).
7. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. In *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniya narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans))*. Series: Materialy i issledovaniya Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
8. Golubeva, Yu. V. 2008. In *Litosfera (Lithosphere)*. (2), 124–132 (in Russian).
9. Demkin, V. A., Demkina, T. S., Alekseev, A. O., Khomutova, T. E., Zolotareva, B. N., Kashirskaia, N. N., Udaltsov, S. N., Alekseeva, T. V., Borisov, A. V., Demkina, E. V., Zhuravlev, A. N. 2009. *Paleopochvy i klimat stepei Nizhnego Povolzh'ia v I–IV vv. n.e. (Palaeosoils and Climate of Lower Volga Steppes in the 1st–4th centuries A.D.)*. Pushchino: Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
10. Zherebtsov, I. L. 2010. In *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 1. Syktyvkar, 87–92 (in Russian).
11. Zaset'skaya, I. P. 1986. In Skripkin A.S. (ed.). *Drevniya i srednevekovaya istoriya Nizhnego Povolzh'ia (Ancient and medieval history of the Lower Volga)*. Saratov: Saratov State University 98–113 (in Russian).
12. Zaset'skaia, I. P. 1994. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuiu epokhu (konets IV–V vv.) (Culture of Nomads from the South Russian Steppes in the Hun Period (late 4th – 5th centuries))*. Saint Petersburg: “Ellips” Publ. (in Russian).
13. Zubov, S. E. 2011. *Voinskie migratsii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I–III vv.). Migratsionnye protsessy v formirovaniy novoi etnokul'turnoi sredy po materialam arkheologicheskikh dannyykh (Warriors Migrations of the Roman Time in the Middle Volga Area (1st–3rd Centuries). Migrational Processes in the New Ethno-Cultural Milieu, by the Archaeological Data)*. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).
14. Ivanov, V. A. 2011. In Kruglov, E. A. *Ot drevnosti k novomu vremeni. Problemy istorii i arkheologii» (From Antiquity to the Modern Times. Issues of History and Archaeology)* 16. Ufa: Bashkir State University. 136–149 (in Russian).
15. Ivanov, V. A. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiya (The Golden Horde Civilization)* 5. Kazan: “Foliant” Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 404–414 (in Russian).
16. Ivanov, V. A., Zlygostev, V. A., Antonov, I. V. 2013. *Iuzhnyi Ural v epokhu srednevekovia (V XVI veka n. e.) (Southern Urals in the Middle Ages (5th – 14th Centuries AD))*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

17. Ivanov, I. V., Vasil'ev, I. B. 1995. *Chelovek, priroda i pochvy Ryn-peskov Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ia v golotsene (Man, Nature and Soils of the Ryn Desert on the Volga-Ural Interfluvium in the Holocene)*. Moscow: "INTELLEKT" Publ. (in Russian).
18. Kazakov, E. P. 1996. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysyacheletiiia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 40–57 (in Russian).
19. Kazakov, E. P. 2013. In Vaskul, I. O. (ed.). *Perekhodnye epokhi v arkeologii. XIX Ural'skoe arkeologicheskoe soveshchanie (Transitional Stages in Archaeology: 19th Ural Archaeological Session)*. Syktyvkar: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Komi Scientific Center, Institute for Language, Literature and History, 100–101 (in Russian).
20. Kazakov, E. P. 2011. In *Finno-Ugrica* (12–13), 8–39 (in Russian).
21. Liubchanskii, I. E. 2006. In Obydenнова, G. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia (Southern Ural and Adjacent Territories in Scythian and Sarmatian Time)*. Ufa: "Gilem" Publ., 227–234 (in Russian).
22. Mazhitov, N. A. 2005. In Il'gamov, M. A. (ed.). *Bashkirskaiia entsiklopediia. V 7 t. (Bashkir Encyclopedia. in 7 volumes) 1: A–B*. Ufa: Bashkirskaiia entsiklopediia, 489–490 (in Russian).
23. Ovsianikov, V. A. 2012. In *Bashkirskii kraj (Bashkortostan) 2*, Ufa, 65–71 (in Russian).
24. Ovsianikov, V. V. 1999. Grigor'ev, S. A. (ed.). *XIV Ural'skoe arkeologicheskoe soveshchanie (14th Ural Archaeological Conference)*. Cheliabinsk: "Rifei" Publ., 178–180 (in Russian).
25. Pshenichniuk, A. Kh. 2009. In Kul'sharipov, M. M. (ed.-in-chief). *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes) 1*. Moscow: "Nauka" Publ., 173–212 (in Russian).
26. Pshenichniuk, A. Kh. 1983. *Kul'tura rannikh kochevnikov Iuzhnogo Urala. (Culture of the Early Nomads of the Southern Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
27. Pshenichniuk, A. Kh. In Munchaev, R. M. (ed.). *Arkeologicheskie otkrytiia 1983 goda (Archaeological Discoveries of 1978)*. Moscow: "Nauka" Publ., 176 (in Russian).
28. Ryabogina, N. E., Matveeva, N. P., Orlova, L.A. 2001. In *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (3), 205–212 (in Russian).
29. Skripkin, A. S. 1984. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashei ery (The Lower Volga Region in the First Years of the Current Era)*. Saratov: Saratov University (in Russian).
30. Smirnov, A. P. 1952. In *Materialy i issledovaniia po arkeologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 28*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1–274 (in Russian).
31. Sungatov, F. A. 2005. In Il'gamov, M. A. (ed.). *Bashkirskaiia entsiklopediia. V 7 t. (Bashkir Encyclopedia. in 7 volumes) 1: A–B*. Ufa: Bashkirskaiia entsiklopediia, 246 (in Russian).
32. Sungatov, F. A. 2006. In Il'gamov, M. A. (ed.). *Bashkirskaiia entsiklopediia. V 7 t. (Bashkir Encyclopedia. in 7 volumes) 2: V–Zh*. Ufa: Bashkirskaiia entsiklopediia, 435 (in Russian).
33. Sungatov, F. A. 1998. *Turbasliinskaia kultura (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov V–VIII vv n. e.) (Turbasly Culture (based on the burial sites of 5th–8th centuries AD))*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
34. Sungatov, F. A., Garustovich, G. N., Yusupov, R. M. 2004. *Priural'e v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Staro-Mushtinskii kurganno-gruntovyi mogil'nik) (Cis-Urals Region during the Great Migration (Staraya Myshta barrow-ground necropolis))*. Ufa: "Ufimskii poligrafkombinat" Publ. (in Russian).
35. Khokhlova, O.S. 1996. In Yablonsky, L. T. (ed.). *Kurgany levoberezhnogo Ileka (Mounds of the left bank of Ilek)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 62–67 (in Russian).
36. Shmuratko, D. V. 2012. *Kurgannye mogil'niki kharinskogo tipa v Verkhnem Prikam'e v kontekste kul'turno-istoricheskikh protsessov epokhi Velikogo pereseleniia narodov (statisticheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov) (Barrow Burial Mounds of the Kharino Type in the Upper Kama*

Region in the Context of Cultural and Historical Processes of the Great Migration Period (Statistical Analysis of Funerary Complexes)). PhD Thesis. Kazan (in Russian).

37. Yusupov, R. M. 2002. In Yusupov, R. M. (ed). *Bashkiry. Etnicheskaia istoriia i traditsionnaia kul'tura (The Bashkirs. Ethnic History and Traditional Culture)*. Ufa: "Bashkirskaiia entsiklopediia" Publ., 21–45 (in Russian).

38. Yakimov, A.S., Kaidalov, A. I. Sechko, A. E., Pustovoytov K. E., Kuzyakov Ya.V. 2012. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 52 (4), 134–143 (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. Oktyabrskoy Relolyutsii St., 3a, building 1, Ufa, 450000, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в номер 13.09.2017 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.24.35>**УЛИЦЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРА¹**

© 2017 г. Д.Ю. Бадеев

В статье рассматриваются актуальные вопросы исследования городской планировки средневекового Болгара (IX–XV вв.) – вопросы локализации и организации уличного пространства. Данные археологических исследований позволяют не только наметить трассировку отдельных улиц, но и проследить связь уличной структуры золотоордынского Болгара с элементами городской планировки домонгольского времени. Исходя из результатов многолетних археологических работ, автор разделяет улицы средневекового Болгара, судя по их назначению, на два типа: магистральные (соединяющие различные районы города) и квартальные. Зафиксированы различные виды мощения улиц: деревом, каменными плитами (из белого камня или песчаника) и строительными материалами (битый кирпич, мелкодробленый туф). Основная часть улиц на городской периферии, вероятно, оставалась без мощения, по крайней мере, его наличие археологически не было прослежено.

Ключевые слова: археология, Волжская Болгария, средневековый город, домонгольский период, городская планировка.

Важными элементами городской планировки любого средневекового города выступают наличие и характер устройства улиц. Улицы позволяют не только связать между собой части города но, и наряду с площадями и монументальными сооружениями формируют пространственно-топографический облик города. Подробное исследование уличной планировки города помогает решать вопросы, связанные с его социальной топографией, и выявлять утраченные градостроительные элементы (площади, места переправ и т.п.). В связи с отсутствием каких-либо письменных и изобразительных источников о планировке средневекового Болгара, основным источником выступают археологически зафиксированные элементы городской планировки: остатки мо-

стовых, планиграфическое размещение заглубленных и наземных объектов X–XV вв.

Первые попытки проследить уличную застройку Болгара были предприняты исследователями уже в начале XX в. Так, на основе расположения руин монументальных сооружений, ям и распространения археологического материала были выделены несколько узловых центров с предположительно наиболее плотной застройкой – район Соборной мечети с мавзолеями Восточным и Северным, а также район Черной палаты, Ханской усыпальницы и Малого Минарета, от которых расходились улицы. «Улицы города были кривы и нечего предполагать какую-то большую улицу около тех развалин, которая сохранились донныне: можно только сказать,

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X–XVI вв.)».

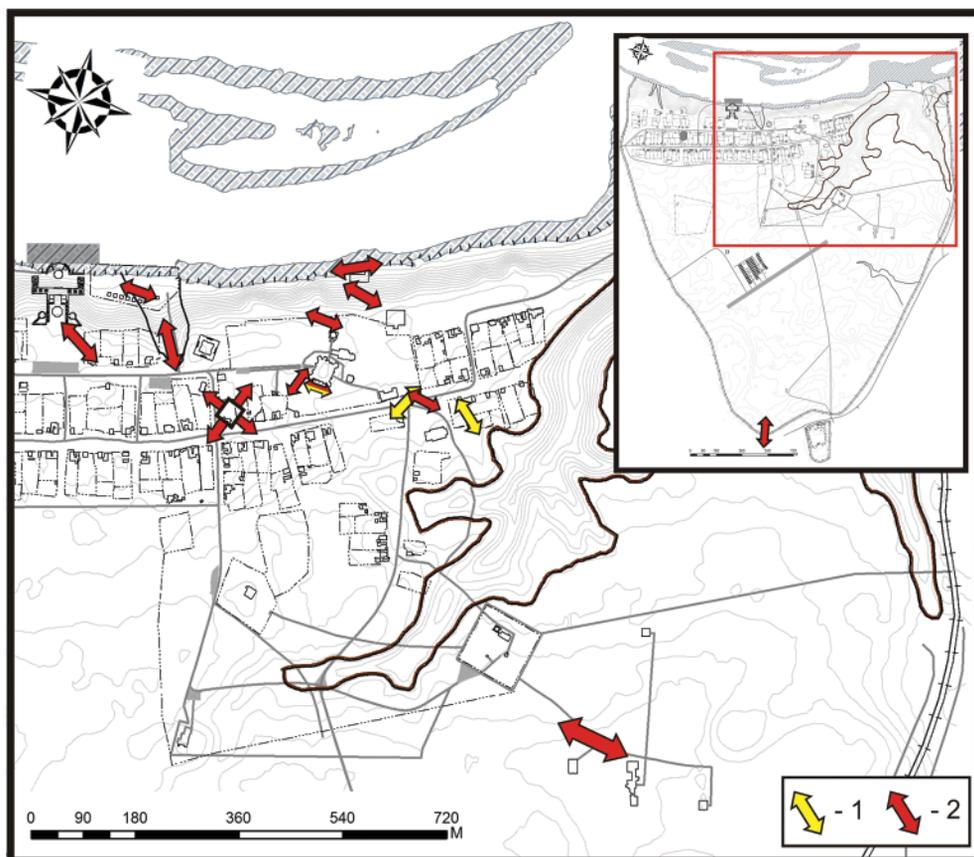

Рис. 1. Участки улиц средневекового Болгара зафиксированные в раскопах:
1 – улицы домонгольского периода; 2 – улицы золотоордынского периода.

Fig. 1. Sections of medieval Bolgar streets discovered at excavations:
1 – streets of the Pre-Mongol period; 2 – streets of the Golden Horde period.

что главная и самая населенная часть города была около нынешней церкви, Черной палаты и близ малого минарета» (Березин, 1853, с. 91). Предположение, основанное на изучении расположения архитектурных сооружений, городских укреплений, важных объектов за границами городища, например, речного порта Ага-Базар, было сделано также А.П. Смирновым для золотоордынского периода существования города. Он выделил возможное направление 3 основных улиц (дорог), которые проходили через город от его центральной архитектурной доминан-

ты – Соборной мечети: «одна – в сторону Ага-Базара, другая – к юго-западу и третья – к югу» (Смирнов, 1974, с. 5, 13, рис. 1). Практически весь археологический материал по благоустройству древнего Болгара, включая и объекты планировочной структуры, такие как улицы, отмостки, площади, ограды, был собран и представлен В.С. Барановым в диссертационной работе и в обширной статье «Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение» (Баранов, 2001a, 2001б). Однако, как отмечает сам автор, до сих пор «получено не

слишком много сведений об уличной сети средневекового Болгара» (Баранов, 2001б, с. 317). Обращаясь к анализу археологических данных, важно учитывать, что ряд монументальных построек золотоордынской эпохи (например, Восточный и Северный мавзолеи, Черная палата) был включен в хозяйственную деятельность в период формирования и существования в XVIII в. на территории Болгарского городища Успенского монастыря и селитренного завода. Это позволяет предположить возможность использования сведений об уличной планировке и ее элементов, сложившихся во второй половине XIV–XV в., для периода существования монастыря и русского села XVIII–XIX вв. К таким элементам можно отнести выявленный в раскопе CLXXI (исследователь Р.Ф. Шарифуллин) участок улицы, вымощенный белым камнем с известковой крошкой (по предварительным данным, датирована XVII–XVIII вв.). Улица располагалась у западного входа Соборной мечети и была ориентирована по оси ЮЮЗ–ССВ, имея общее направление на Черную палату (Археологические исследования..., 2013, с. 11).

Самой ранней улицей, выявленной в ходе археологических исследований на данный момент, является зафиксированный в раскопе СХСІХ (2014–2015 гг.) проход в южной части городских укреплений домонгольского времени (X в.). Ров шириной 4,5–5 м следовал очертаниям Большого Иерусалимского оврага (северо-восток – юго-запад) и был разделен материковой перемычкой шириной около 2 м (Ситдиков и др., 2015, с. 17). Проход пересекал ров по оси северо-запад – юго-восток, с внутренней сто-

роны городища улица была ограничена частокольными оградами. Остатков какого-либо настила зафиксировано не было. По предварительным данным, улица могла просуществовать вплоть до середины XIII в., когда данный участок «плотно застраивается усадьбами с жилыми и хозяйственными помещениями» (Ситдиков и др., 2016, с. 15), хотя стоит отметить, что сам ров просуществовал непродолжительное время и был засыпан еще до XI в., о чем свидетельствует его заполнение. В момент своего существования улица располагалась на южной оконечности укрепленной части города и вела от его окраины к центру. К раннему этапу функционирования города относится еще одна предполагаемая улица, которая была выявлена в раскопе VII (1965 г.), располагавшемся на верхнем плато Болгарского городища, к западу от цитадели, где в период с X по конец XII в. находился незащищенный городской посад. В раскопе непосредственно на материке была зафиксирована прослойка пожара мощностью 5–6 см, представлявшая собой сгоревший деревянный настил площадью 8 кв. м, ориентированный по оси запад – восток. Предполагаемая авторами раскопа улица могла следовать в сторону городской цитадели и соединять последнюю с загородным речным портом Ага-Базар (Смирнов и др. 1965, с. 9). В раскопе ХLI (1972 г.), который был заложен в западной части цитадели домонгольского Болгара, возможно, были зафиксированы остатки улицы с деревянным мощением. Улица, представленная в раскопе «мощной прослойкой сгнившей древесины», пересекала участок засыпанного рва X в., который на данном участке был

ориентирован по оси северо-восток – юго-запад (Хлебникова, 1972, с. 22). Датировка этой улицы по ее стратиграфическому расположению может относиться к нижней границе V слоя по общebolгарской шкале – вторая половина XI в. Небольшая степень изученности территории защищенного раннего Болгара X – первой половины XIII в. (около 2%), расположение большинства раскопов на окраинах цитадели или на городском посаде не позволяют говорить о характере устройства улиц внутри цитадели. Ландшафт местности, в который вписаны цитадель и городской посад домонгольского Болгара, – мыс, образованный краем надпойменной террасы и Большим Иерусалимским оврагом, а также остатки выявленных улиц позволяют говорить о секторном типе планировки (по типологии раннего города) с линейной системой улиц, в основном ориентированных в направлении запад – восток и северо-восток – юго-запад. С возведением новой линии укреплений по западной границе раннего посада («замошный вал») в конце XII – начале XIII в. можно утверждать о существовании трехчастной схемы устройства города, где к западу от защищенной цитадели располагался защищенный посад, а за его пределами, вдоль линии надпойменной террасы, по краям овражисто-балочной системы, в «подгорной» и пойменной частях реки Меленки, на основе отдельных поселений X–XII вв. формируется новый незащищенный посад. Тем самым уличное устройство города приобретает веерную схему, которая получает свое дальнейшее развитие в золотоордынский период, когда появляется не-

обходимость связать различные части города (рис. 1).

После разгрома города в 1236 г. во время монгольского нашествия, Болгар в течение короткого времени быстро восстанавливается, при этом изменяется его планировочная структура: ликвидируются укрепления цитадели, но в той или иной степени сохраняются элементы «замошного вала» (Краснов, 1987, с. 108), которые стали являться западной границей центральной части города, сформированной вокруг Соборной мечети и Ханского дворца, возведение которых положило начало активному каменному строительству. Кроме того, развиваются районы в подгорной и заречной частях города, где ранний золотоордынский «слой тянется на протяжении около 1 км» вдоль реки Меленки, а его мощность достигает 25 см (Хлебникова, 1987, с. 44, 65–66; Бадеев, 2016, с. 103). Все это приводит и к расширению уличной сети. Так, на краю надпойменной террасы и далее по склону в «подгорной» части городища в ходе археологических исследований 1938, 1939, 1950, 1951 г. при изучении дренажно-ряжевой системы, каменных бань и водопроводов были выявлены остатки деревянных мостовых из досок и плах шириной 20–40 см, а также отмосток и площадей как из хорошо подогнанных белокаменных плит, так и иррегулярного белого камня на глиняной основе с добавлением известковой крошки (Баранов, 20016, с. 321–325). Так как многие из этих объектов в раскопы попали не полностью, имеющиеся материалы не позволяют реконструировать их размеры. Можно судить лишь об ориентировке улиц: в

раскопе 1950 г. – северо-восток – юго-запад (XIV в.); в раскопе 1951 г. – запад-северо-запад – восток-юго-восток (вторая половина XIII – начало XIV в.). Эти улицы соединяли кварталы центральной части города с каменными банями, которые располагались в подгорной части. Они сформировались в первой половине XIV в.

На данный момент наиболее изученной является улица, которая вела от бани № 2, проходила по западному краю центральной части города, далее имела продолжение в сторону квартала, сформированного к востоку, юго-востоку от Большого Иерусалимского оврага, где, чуть изменив направление, доходила до места, на котором с возведением оборонительных укреплений середины XIV в. располагался восточный вход. В целом улица была ориентирована по оси запад-северо-запад – восток-юго-восток (Бадеев, Валиев, 2015, с. 133, рис. 3). У бани № 2 в подгорной части (раскопы 26, 41) вымостка улицы была составлена из плит белого камня и отчасти песчаника разной формы и размеров, уложенных на субструкцию песка и подогнанных краями друг к другу. Отмостка располагалась у восточного и северного фасада бани. Автор раскопок отмечает два горизонта отмостки. Прекращение существования объекта относится ко второй половине XIV в. (Хованская, 1952, с. 36–71). Продолжение данной улицы связано с линией водопровода (сооружение 4, раскоп СХП 1991–1993 гг.), которая располагалась по склону с верхнего плато городища, имела общую ориентировку север-северо-запад – юг-юго-восток; зафиксированная в раскопах протяженность объекта составила 36,1 м; датируется началом XIV – 1361 г.

Вероятно, над линией водопровода, который размещался в траншее шириной около 80 см, располагался деревянный настил, а в непосредственной близости мог проходить дувал из сырцовых кирпичей, о чем свидетельствует зафиксированная прослойка из плотного рыжего суглинка с прожилками светло-серой и серой супеси, с включениями углей, золы и древесного тлена (Баранов, 1999, с. 7–9, 33). К сожалению, ширина улицы на данном участке не была установлена. Стоит отметить и тот факт, что улицы на склонах коренного берега во всех зафиксированных случаях совпадали с линиями водопроводов или дренажно-ряжевыми системами, вероятно, это позволяло своевременно и оперативно обслуживать их. Следующий участок улицы был выявлен на верхней площадке городища в 150–160 м к юго-западу от Соборной мечети. Здесь, в раскопах CLXXXVI (2012 г.) и CLXXIX (2012, 2013, 2016 г.), были обнаружены остатки двух параллельных дувалов, сложенных из сырцовых кирпичей. Зафиксированная в раскопах протяженность данного участка улицы достигала 32 м. Ограды из сырцовых кирпичей были ориентированы по оси запад – северо-запад – восток – юго-восток, ширина между кладками не превышала 460 см. Следов мощения улицы зафиксировано не было, однако в раскопе CLXXIX (2012 г.), где исследовался наиболее протяженный участок дороги, на одной из горизонтальных зачисток (по уровню -160 см) удалось зафиксировать 2 неглубокие (до 2–3 см) «канавки» шириной до 30 см, которые располагались параллельно сырцовым оградкам (рис. 2). Расстояние между «канавками» 200 см, от «канавок» до сырцовых

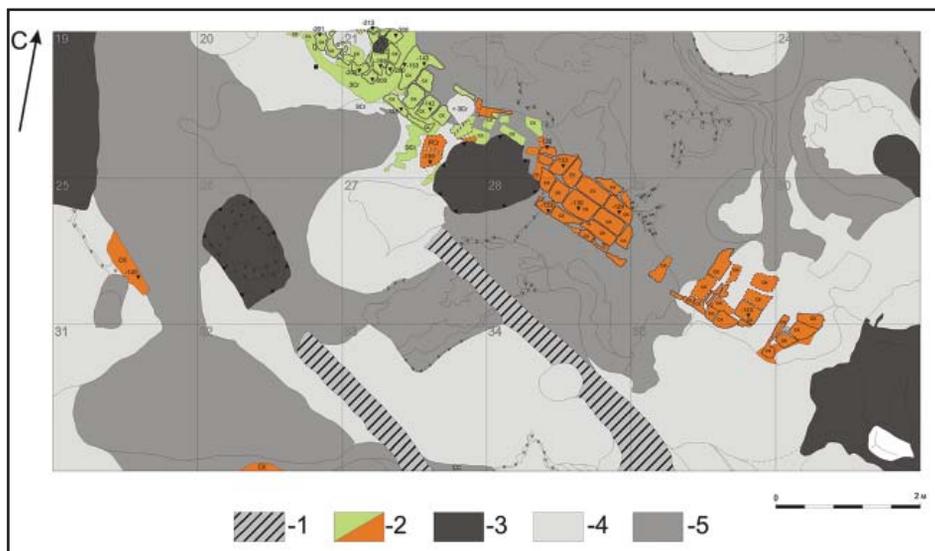

Рис. 2. Участок магистральной улицы XIV столетия в раскопе CLXXIX (2012 г.):
 1 – «канавки» от вдавления деревянных лаг (заполнение: серая супесь с мелкими углями); 2 – фрагменты дувалов из сырцовых кирпичей (выполнены из зеленоватого и рыжего суглинков); 3 – прослойки и объекты слоев I–II и IV-позднего золотоордынского 1-субгоризонта; 4 – прослойки IV-позднего золотоордынского 3-субгоризонта; 5 – прослойки IV-раннего золотоордынского слоя.

Fig. 2. A section of a 14th century main street at excavation 179 (2012):
 1 – ‘grooves’ made by boarding joist pressing (filling material: grey sandy loam with fine coals); 2 – fragments of duvals made of raw bricks (composed of greenish and reddish loam); 3 – interlayers and fragments of 1st–2nd and 4th layers of late Golden Horde subhorizon 1; 4 – 4th interlayers of late Golden Horde subhorizon 3; 5 – interlayers of the 4th early Golden Horde layer.

кладок – 100/110 см, зафиксированная протяженность 5 м. Можно предположить, что данные объекты были образованы вдавлениями от двух деревянных лаг. Благодаря тому что период строительства дувалов из сырцовых кирпичей был выделен в отдельный субгоризонт (3 субгоризонт IV-го позднего слоя), удалось выявить еще одну закономерность: в раскопе 2012 г. на участке фиксации дороги в данном субгоризонте было отмечено наибольшее количество костей животных (рис. 3)². Обилие костей

животных в рассматриваемом субгоризонте дает нам основание говорить о целенаправленном приеме, который применялся для выравнивания поверхности под улицу над просадками в нижележащие ямы. Использование «кухонных» остатков костей животных в качестве «вымосток» под деревянные мостовые было зафиксировано при исследованиях средневековых городов Восточной Европы, прежде всего, Новгорода и Пскова (Арциховский, 1949; Яворская, 2013;

² Для сравнения приводится статистика по остеологической коллекции раскопа

CLXXIX 2013 г., где часть рассматриваемой улицы занимала незначительную площадь.

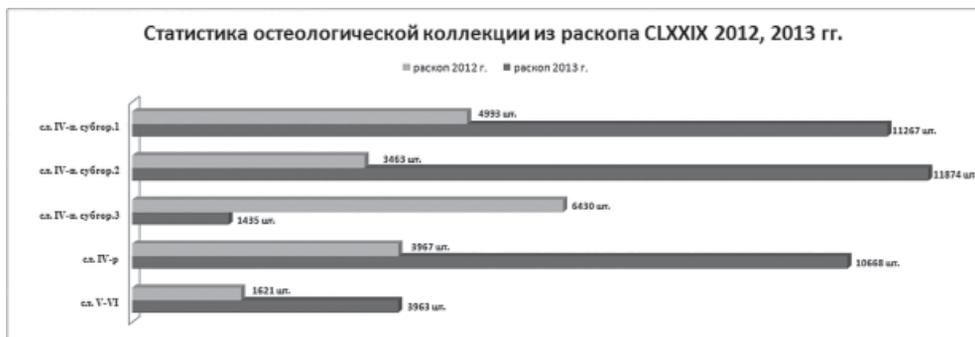

Рис. 3. Статистика остеологического материала из культурных слоев и субгоризонтов в раскопе CLXXIX 2012–2013 гг. (по материалам к.и.н Л.В. Яворской).

Fig. 3. Statistics of osteological material from cultural layers and subhorizons at excavation 179 of 2012–2013 (on the basis of materials provided by Candidate of Historical Sciences L. V. Yavorskaya).

Яворская, 2014). Продолжение улицы можно предполагать на правом берегу Большого Иерусалимского оврага к юго-востоку от Малого минарета, где по расположению и ориентировке жилищ в раскопе XXXVII (1970–1971 гг.) намечена улица, которая имела направление по линии запад – восток и существовала с рубежа XIII в. и примерно до середины XIV в. (Аксенова, 1972, с. 24). В этой части города располагались «сырцовые и кирпичные постройки с застройкой усадебного типа, хозяйственными службами и пространством между усадьбами» (Хлебникова, 1987, с. 76). Юго-восточный участок улицы, как и большинство улиц в этой части города, имел грунтовое покрытие. На основании того что фрагменты рассматриваемой улицы были зафиксированы в различных районах города, мы можем отнести ее к улицам магистрального типа. Особое значение данной улицы определяется и тем фактом, что именно на ней в середине XIV столетия в 150 м к юго-западу от Соборной мечети появляется монументальное здание городского базара (Коваль, Бадеев, 2015, с. 189; Бадеев, 2015,

рис. 2). Кроме того, здание базара имело еще по входу на северо – северо-восточной и юго-юго-западной стенах, к которым также подходила улица. Вдоль северо-северо-восточной части улицы (шириной 12 м) располагались усадьбы с заборами из обожженного кирпича. Этот участок улицы (исследован на протяжении 15 м от северо – северо-восточной стены базара) имел деревянный настил и выходил в сторону Соборной мечети с Северным мавзолеем. Кроме того, по краям улицы располагались торговые ряды, с которых осуществлялась торговля, что подтверждается находками торгового инвентаря – чашечка весов, гирьки, значительное количество монет. С торговлей могла быть связана и улица, подходившая к юго-восточному входу базара; здесь на выявленной в раскопах 1948–1949 гг. отмостки из обожженного кирпича была собрана представительная коллекция медных и серебряных монет – 514 шт., из них около 30% датированы 50–70 гг. XIV в. (Бадеев, 2015, с. 203, 204, рис. 1). Использование для торговли улиц было широко распространено в городах исламского Востока:

«в Передней Азии и в Египте лавки повсюду стояли вдоль улиц; старое арабское обозначение для этого было сафф (ряд)» (Мец, 1973, с. 381). От юго-юго-западного входа в здание базара улица могла вести к ремесленному району, который располагался в юго-западной части города в окрестностях Голландского озера, что позволяет нам видеть в ней еще одну магистральную улицу. Все указанные улицы утрачивают свое значение и прекращают существовать после масштабного погрома города, который по нумизматическому материалу может быть датирован 60–70 гг. XIV в.

С золотоордынским периодом Болгара связано существование еще нескольких улиц, фрагменты которых были выявлены в ходе археологических исследований. Так, в раскопе VII (1965 г.) с южной стороны Соборной мечети зафиксировано до 3 ярусов деревянных мостовых (сооружения № 2, 3, 5), которые были представлены фрагментами деревянных лаг, ориентированных по оси запад – восток (в нижнем ярусе – в качестве полос древесного тлена) и остатки плах или бревен, лежавших по линии север – юг. Отобранный образец древесины из 2 яруса мостовой показал, что применялись деревья хвойных пород. По северному и южному краю мостовая 2 яруса была ограничена отдельными белыми камнями небольшого размера (от 10 до 20 см). Установленная ширина мостовой не более 2,2 м. Авторами раскопок деревянные мостовые датируются в рамках первой половины XIV в. Верхний ярус деревянной мостовой был перекрыт вымосткой из «глиняной массы беловатого тона, с содержанием большого количества щебня и мелкого камня» (сооружение

№ 1), мощностью до 25 см, ширина и протяженность каменной вымостки в отчете не указана, согласно стратиграфическому расположению объект был отнесен к верхней части IV – позднего слоя (Смирнов и др. 1965, с. 6–8, 11, 12, 102). По составу и стратиграфическому расположению данный объект близок к вымостке в раскопе CLXXI (исследователь Р.Ф. Шарифуллин), что дает возможность предположить более раннюю датировку последней. Возможность существования еще одной улицы позднеордынского периода, на материалах «топографии размещения находок» и построек в раскопе XXXVIII (1971 г.), была высказана Т.А. Хлебниковой. Предполагаемый участок улицы располагался в 130–150 м к востоку – юго-востоку от Соборной мечети. Сама улица могла проходить по направлению к центральной городской мечети, каких-либо следов отмотки зафиксировано не было (Хлебникова, 1971, с. 28–29). В первой половине XIV в. уличная сеть выходит за границы центральной части города. Улица с грунтовым покрытием, шириной не более 2–2,5 м была зафиксирована в раскопе CCVI (2015 г.) под насыпью городского вала середины XIV в., проходила «с севера (с территории городища) на юг по гребню водораздела» (Русаков, Коваль, 2015, с. 20).

Таким образом, к началу XIV в. уличная система Болгара выстраивается вокруг нового городского центра – Соборной мечети. Улицы в большинстве своем имеют ориентировку, близкую к зданию центральной мечети. Исключение составляют участки, где происходит приспособление ландшафта под городские нужды, например, для устройства гидротехниче-

ских сооружений, прежде всего, это улицы, располагающиеся на склонах надпойменной террасы. Наличие перекрестков позволяет говорить о формировании квартальной застройки центральной части золотоордынского города. Выявленные магистральные улицы связывали не только центр города с его окраинами, но и соединяли отдельные его районы между собой. Ширина уличного полотна колеба-

лась от 2 до 4,6 м, при этом на разных участках использовались различные приемы и средства мощения улиц. Необходимость в разветвленной уличной системе отпадает с упадком города к концу XIV в., когда прекращают функционировать многие окраинные районы города. Наличие улиц с мощением можно предполагать лишь для участков, прилегающих к Соборной мечети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова Н.Д. Отчет о работах на раскопе XXXVII в 1971 г. / Аксенова Н.Д., Хлебникова Т.А. Отчет об археологических работах на Болгарском городище в 1971 г. по раскопам XXXVII, XXXIX, XL. Болгар. 1972 / Архив БГИАЗ. № 27-1-83. С. 1–24.
2. Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск / Авторы–составители: Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г., Старков А.С. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 34 с.
3. Арциховский А.В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // МИА. № 11. Т. 1 / Ред. Н.Н. Воронин. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 152–244.
4. Бадеев Д.Ю. Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30–70 гг XIV в. // КСИА. Вып. 237. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 200–211.
5. Бадеев Д.Ю. Динамика развития городской территории средневекового Болгара // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Ялта, Кишенёв: Stratum plus, 2016. С. 102–103.
6. Бадеев Д.Ю., Валиев Р.Р. Планировка золотоордынского Болгара: история и перспективы исследования // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 127–136.
7. Баранов В.С. Благоустройство городов Волжской Болгарии (по археологическим материалам Болгарского городища X–XV вв.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2001а. 40 с.
8. Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001б. С. 319–362.
9. Баранов В.С. Отчет об охранных работах на территории Болгарского городища на раскопе СХП (1991–1993 гг). Болгар. 1999 / Архив БГИАЗ. № 796-4.
10. Березин И.Н. Булгар на Волге // Ученые Записки Казанского Университета за 1852 г. Кн. III. Казань, 1853. С. 74–160.
11. Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. Вып. 237. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 188–199.
12. Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 100–124.
13. Мец А. Мусульманский ренессанс. 2-е изд. М.: Наука, 1973. 473 с.
14. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В. Раскоп СХСIX // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / Авторы–составители: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. С. 16–18.

15. Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В., Данильченко А.И. Раскоп СХСІХ // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск / авторы-составители: Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: «Издательский дом «Казанская недвижимость»», 2016. С. 13–15.

16. Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века / Отв. ред.: А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 4–13.

17. Смирнов А.П. Отчет об археологических исследованиях в зоне затопления Куйбышевской ГЭС в 1951 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 633

18. Смирнов А.П., Аксенова Н.Д., Хлебникова Т.А. Отчет Болгарского отряда Поволжской экспедиции АН СССР в 1965 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3011.

19. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.

20. Хлебникова Т.А. Отчет о работах на раскопе XXXVIII Болгарского городища в 1971 году / Архив ИЯЛИ. Ф. 5. Ед. хр. № 330.

21. Хлебникова Т.А. Отчет о работе на раскопах в 1972 г. на городище Великие Болгары / Архив ИА РАН. Р-1, № 4719.

22. Хованская О.С. Городище Болгары. III раскоп / Отчет об археологических исследованиях в зоне затопления Куйбышевской ГЭС в 1951 г. М., 1952 / Архив ИА РАН. Р-1. № 633. С. 36–71.

23. Яворская Л.В. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал. 2013. Т. 92. № 9. С. 1179–1189.

24. Яворская Л.В. Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский II в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2014. № 29 (59). С. 42–55.

Информация об авторе:

Бадеев Денис Юрьевич, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); denisbadeev@mail.ru

STREETS OF MEDIEVAL BOLGAR

D.Yu. Badeev

The article considers the topical study issues associated with the urban planning of medieval Bolgar (9th–15th cc.) – the issues of localization and organization of the street space. The results of archaeological studies allow not only to trace the layout of individual streets, but also to determine the connection of the street structure of the Golden Horde Bolgar with the elements of urban planning dating back to the Pre-Mongol period. Proceeding from the results of many years of archaeological activities, the author classifies the medieval Bolgar streets into the following two types on the basis of their functional purpose: primary (connecting the individual areas of the town) and district streets. The author outlines the various types of street paving with wood and stone slabs (white stone or sandstone) and building materials (crushed brick and fine tuff). Most of the streets located on the periphery of the

The study was fulfilled within the framework of a grant by President of the Russian Federation for governmental support of leading Russian scientific institutions No. NSH-7170.2106.6. “Urbanization and Urban Development Processes in the Volga Region (10th–16th centuries)”.

town were presumably unpaved. In any case, the availability of paving on the streets has not been archaeologically traced.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, medieval town, Pre-Mongol period, urban planning.

REFERENCES

1. Aksenova, N. D. 1972. In Aksenova, N. D., Khlebnikova, T. A. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1971 g. po raskopam XXXVII, XXXIX, XL (Report on Archaeological Activities at Bolgar Fortified Settlement in 1971 on Excavations 37, 39, 40)*. Bolgar. Archives of the Bolgar Historical and Architectural Preservation Area, no 27-1-83, p. 1–24 (in Russian).
2. Valiev, R. R., Sitdikov, A. G., Starkov, A. S. (comp.). 2013. *Arkheologicheskie issledovaniia 2012 g.: Bolgar i Sviiazhska (Archaeological Studies in 2012: Bolgar and Sviiazhska)*. Kazan: Institute of History named after Mardzani the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
3. Artsikhovskii, A. V. 1949. In Voronin, N. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in Archaeology of the USSR)* 11 (1). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 152–244 (in Russian).
4. Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 200–211 (in Russian).
5. Badeev, D. Yu. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde)*. Kazan; Yalta; Kishinev: “Stratum plus” Publ., 102–103 (in Russian).
6. Badeev, D. Yu., Valiev, R. R. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 127–136 (in Russian).
7. Baranov, V. S. 2001. *Blagoustroistvo gorodov Volzhskoi Bolgarii (po arkheologicheskim materialam Bolgarskogo gorodishcha X–XV vv.) Urban Development of Volga Bulgaria (on the Basis of Archaeological Materials from Bolgar Fortified Settlement dated 10th–15th cc.)*. PhD Tesis. Moscow (in Russian).
8. Baranov, V. S. 2001b. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: “Nauka” Publ., 319–362 (in Russian).
9. Baranov, V. S. 1999. *Otchet ob okhrannykh rabotakh na territorii Bolgarskogo gorodishcha na raskope CXII (1991–1993 gg.) (Report on Salvage Activities in the Territory of Bolgar Fortified Settlement at Excavation 112 (1991–1993))*. Bolgar. Archives of the Bolgar Historical and Architectural Preservation Area, № 796-4 (in Russian).
10. Berezin, I. N. 1853. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta za 1852 g. (Scientific Bulletin of the Kazan University of 1852)* 3. 74–160 (in Russian).
11. Koval', V. Yu., Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 237, Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 188–199 (in Russian).
12. Krasnov, Yu. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ., 100–124 (in Russian).
13. Mets A. 1973. *Musul'manskiy renessans (Muslim Renaissance)*. Second edition. Tashkent: “Nauka” Publ. (in Russian).
14. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Masyuta, D. A., Iozhitsa, D.V., Kulikov, A.V., Lesnaya E.S., Yavorskaya, L. V. 2015. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2014 g.: Bolgar i Sviiazhska (Archaeological Studies in 2014: Bolgar and Sviiazhska)*. Kazan: “Kazanskaia nedvizhimost'” 16–18 (in Russian).

15. Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G., Masyuta, D. A., Iozhitsa, D. V., Lesnaya E. S., Yavorskaya, L. V., Danilchenko, A. I. 2016. In Sitdikov, A. G., Valiev, R. R., Starkov, A. S. (comp.). *Arkheologicheskie issledovaniia 2015 g.: Bolgar i Sviiazhskaia (Archaeological Studies in 2015: Bolgar and Sviyazhskaia)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publ., 13–15 (in Russian).
16. Smirnov, A. P. 1974. In Smirnov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 176–182 (in Russian).
17. Smirnov, A. P. 1951. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax v zone zatopeniia Kuibyshevskoi GES v 1951 godu (Report on Archaeological Studies in the Floodplain of Kuibyshev HPP in 1951)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 633 (in Russian).
18. Smirnov, A. P., Aksenova, N. D., Khlebnikova, T. A. 1965. *Otchet Bolgarskogo otriada Povolzhskoi ekspeditsii AN SSSR v 1965 g. (Report of the Bolgar Group of the Volga Region Expedition of the USSR Academy of Sciences in 1965)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 3011 (in Russian).
19. Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32–88 (in Russian).
20. Khlebnikova, T. A. *Otchet o rabotakh na raskope XXXVIII Bolgarskogo gorodishcha v 1971 godu (Report on Activities Conducted at Excavation 38 of Bolgar Fortified Settlement in 1971)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History, fund 5, dossier 330 (in Russian).
21. Khlebnikova, T. A. *Otchet o rabote na raskopakh v 1972 g. na gorodishche Velikie Bolgary (Report on Activities at the Excavations of Great Bolgar Fortified Settlement in 1972)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 4719 (in Russian).
22. Khovanskaia, O. S. 1952. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax v zone zatopeniia Kuibyshevskoi GES v 1951 g. (Report on Archaeological Studies in the Floodplain of Kuibyshev HPP in 1951)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 633, 36–71 (in Russian).
23. Yavorskaya, L. V. 2013. In *Zoologicheskii zhurnal (Russian Journal of Zoology)* 9(92), 1179–1189 (in Russian).
24. Yavorskaya, L. V. 2014. In *Arkheologiya i istoriya Pskov i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Region)* 29(59). 42–55 (in Russian).

About the Author:

Badeev Denis Yu. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

Статья поступила в номер 20.06.2017 г.

УДК 902.65

<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.36.45>

**РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕТАЛЬНЫХ
МАГНИТОРАЗВЕДОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА В 2012-2015 ГГ.**

© 2017 г. **Б.М. Насыртдинов, Д.И. Хасанов, В.В. Георгиев**

В статье рассмотрены результаты магниторазведочных исследований, проведенных на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника в период 2012–2015 гг. Территория Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника входит в состав охраняемых объектов «ЮНЕСКО». Магниторазведка в археологической практике используется очень широко, в связи с высокой информативностью и производительностью данного метода. Вся территория исследования была разбита на квадраты 50×50 м, в каждом квадрате магниторазведочные работы проводились по прямоугольной сетке 2×1 м, обеспечивающее уверенное выделение аномальных объектов. В ходе проведенных исследований было выявлено и классифицировано 63 объекта. В настоящий момент работы по выявлению и классификации информативных магнитных аномалий продолжаются.

Ключевые слова: археология, геофизика, археомагниторазведка, вариации магнитного поля, интерпретация магниторазведочных данных.

Введение

Цель данного проекта – выявление относительно крупных объектов (1×1 м и более), контрастных в магнитном отношении, на территории Болгарского городища. Такими объектами могут быть остатки горнов, печей, скопления обожженной керамики и т.д.

Территория Болгарского городища находится в пределах Западно-Закамской природно-географической части восточной половины Восточно-Европейской платформы, там, где сливаются крупные реки Европы Волга и Кама.

В административном отношении площадь исследования находится в Спасском районе Республики Татарстан, который был образован в 1930 году с центром г. Болгар.

На данной территории расположено более ста археологических па-

мятников различных исторических эпох начиная от верхнего палеолита, Болгарского государства и Казанского ханства.

На территории Болгарского городища магниторазведочные работы проводились с 2011 по 2015 год.

*Методика проведения
магниторазведочных работ*

При проведении магнитометрических работ использовалось два вида приборов: MMPOS-1 (Лаборатория квантовой магнитометрии, г. Екатеринбург) и Geometrics G-859SX (Geometrics, Canada). Оба прибора характеризуются высокой чувствительностью магнитоактивного датчика (± 0.01 нТл).

Выбор параметров сети наблюдения, а соответственно и детальность получаемой информации, определяются исходя из линейных размеров

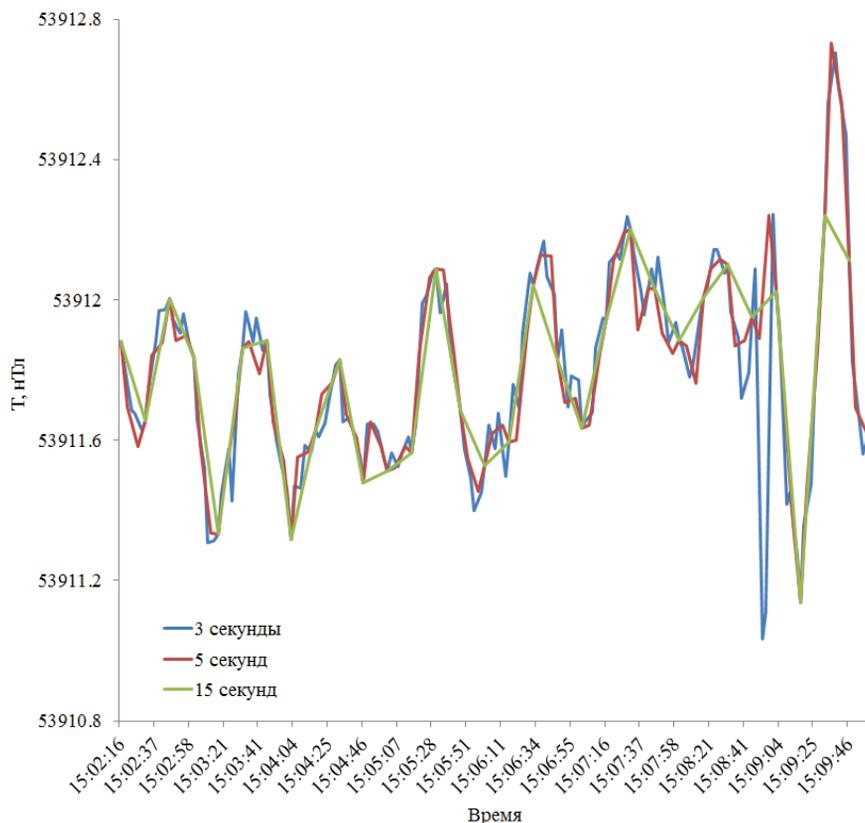

Рис. 1. Графики изменения магнитного поля в зависимости от частоты снятия отсчетов МВС

Fig. 1. Graphs of magnetic field behaviour depending on the sampling rate of the stationary recording magnetometer.

магнитовозмущающих тел, а также уровня техногенных помех, резко снижающих качество магнитной съемки и увеличивающих трудозатраты. Поэтому, исходя из результатов опытно-методических работ, проведенных летом 2011 г., магнитная съемка на территории Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника (БГИАМЗ) проводилась по прямоугольной сетке 2×1 м, обеспечивающей уверенное выделение аномальных объектов.

Вся территория Болгарского городища была разбита на квадраты 50×50 м, с 1 общим профилем с каж-

дой стороны. Увязка результатов магнитных съемок по отдельным квадратам проводилась с запада на восток по смежным профилям измерительных квадратов, а также с юга на север, где квадраты также перекрывались по нескольким точкам.

Выбор местоположения контрольного пункта (КП) является одним из важнейших этапов проведения магниторазведочных работ. Как правило, большая часть района работ представляет собой высокоурбанизированные области с большим количеством техногенных помех (автомобильные дороги, линии электропередач, под-

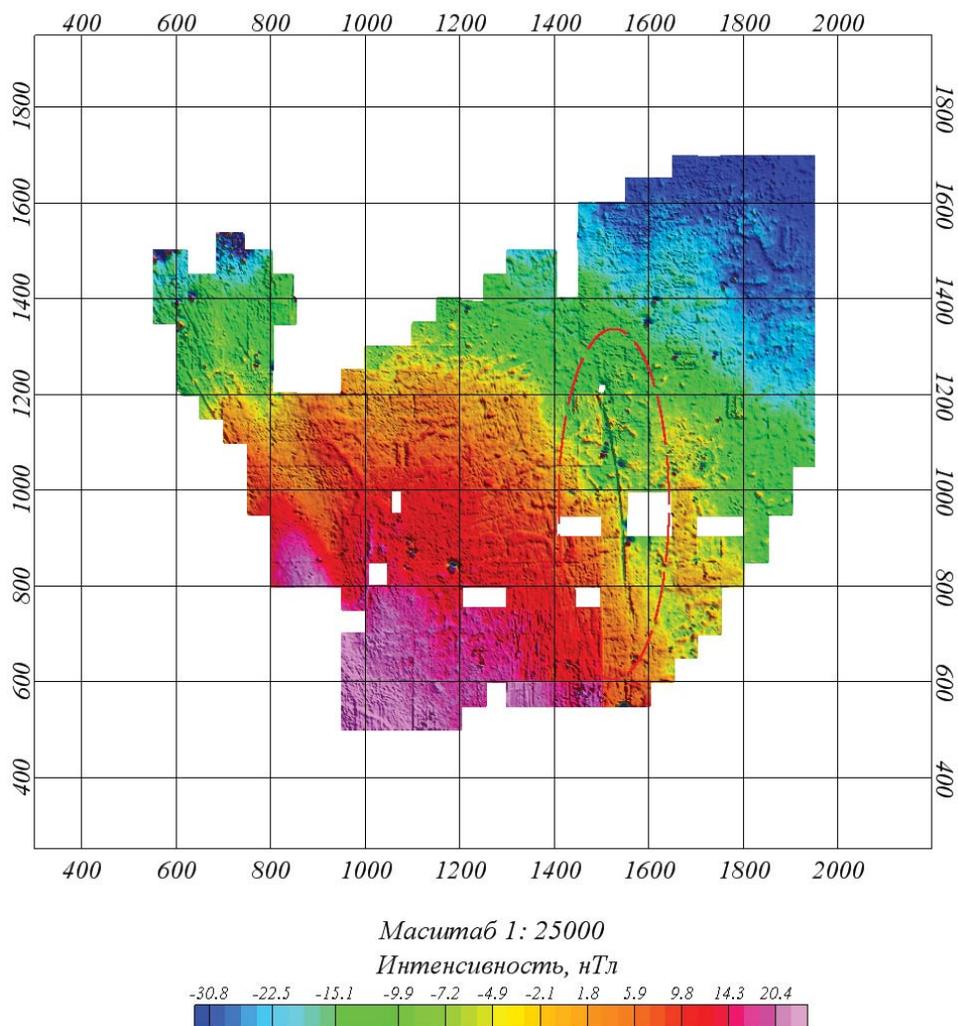

Рис.2. Результирующая карта наблюдаемого магнитного поля на территории БГИАМЗ. Красным пунктиром выделена современная дорога

Fig. 2. Resulting map of the magnetic field observed in the territory of Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve. The contemporary road is highlighted with a red dotted line..

земные коммуникации). В связи с этим при выборе местоположения КП, где располагалась магнитовариационная станция, учитывалось удаление от автомобильных дорог, трубопроводов и линии электропередач. В обязательном порядке проводился визуальный контроль участка, объекты, создающие аномалии-помехи

(металлические предметы, арматура) отсутствовали. На следующем этапе проводилась магнитная съемка в радиусе 10–25 метров от предполагаемого расположения вариационной станции. Если внутри исследуемого радиуса величина напряженности магнитного поля при повторных измерениях различалась не более чем

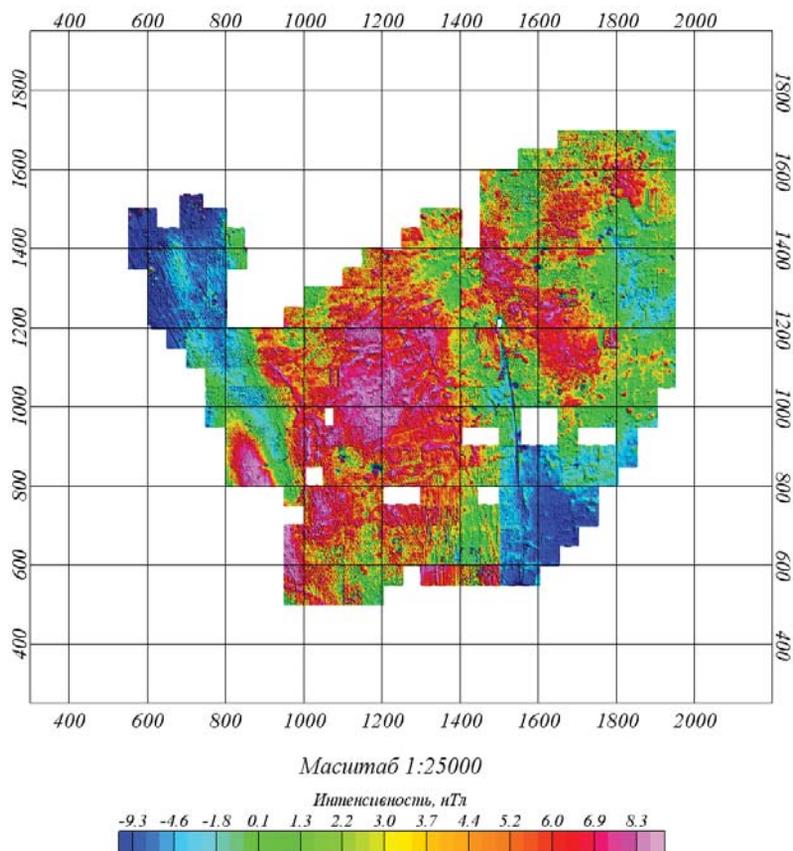

Рис. 3. Результат представления наблюдаемого магнитного поля после применения общего «Тренд» – фильтра Geosoft.

Fig. 3. Results of the representation of the observed magnetic field after the application of the general Geosoft 'trend' filter.

на 1–2 нТл, то КП выставлялся на данной площадке, и его положение не изменялось в течение всего периода проведения магнитометрических работ.

С целью исключения азимутальной зависимости показаний магнитометра, возникающей при смене направления съемки, было принято решение проводить наблюдения магнитного поля по профилю строго в одном направлении. При этом ориентация магнито-измерительного датчика магнитометра ММРОС-1 выдерживалась в направлении запад – восток,

а магнитометра Geometrix G859 в направлении север – юг.

Для учета аномалий, связанных с влиянием роста человека, полевые работы у каждого оператора начинались и заканчивались серией из 5–10 измерений на КП до и после проведения полевой магнитной съемки, что позволило также оперативно контролировать работоспособность измерительной аппаратуры.

Как выяснилось из результатов опытно-методических работ, одним из факторов, влияющих на качество получаемых материалов, является ча-

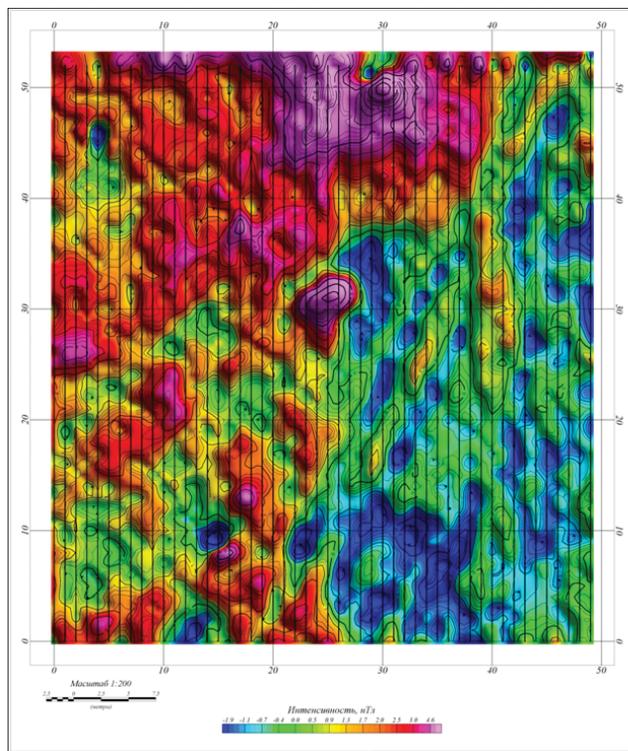

Рис. 4. Карта аномального магнитного поля в пределах «квадрата» №1231.

Магнитная съемка проведена с направлением МЧД С – Ю.

Аномальный объект выделен на рисунке пунктиром,
профиль количественной интерпретации – жирной пунктирной линией.

Fig. 4. Map of an abnormal magnetic field within the 'square' No. 1231. The magnetic survey was conducted with the use of carried out using the N-S direction of the instrument.

The anomalous abnormal site is highlighted in the figure with a dotted line,
and the quantitative interpretation profile - with a bold dashed line.

стота снятия отсчетов магнитовариационной станции (МВС), что определяется в основном конструктивными особенностями измерительной аппаратуры, интенсивностью наблюдаемых геомагнитных полей и, что особенно важно, характером и интенсивностью техногенных помех. Однако с учетом горно-геологических условий наблюдения магнитного поля, уровня техногенной зашумленности и влияния случайных факторов оценка частоты дискретизации отсчетов МВС также подбирались опытным путем (рис. 1).

Анализ графиков вариаций магнитного поля, приведенных на рисунке 1, и скорости выполнения работ привел к выводу о том, что при проведении магниторазведочных работ одному измерению на профиле исследования должно соответствовать минимум три значения МВС. Исходя из этого, измерения вариаций геомагнитного поля выполнялись с дискретностью 3 секунды. Среднеквадратическая ошибка магнитометрических измерений составила 2.34 нТл.

По результатам проведенных работ была построена карта наблюден-

Таблица 1

Классификация магнитных аномалий.

№ объекта	Расположение объекта	Количество аномальных объектов, шт.	Размеры аномалии, м	Ta, нТл	Вероятный тип объекта
1	Северо-западная часть территории Болгарского городища (озеро Голанское)	23	≈2x2	100-200	Остатки горнов, печей и т.д.
2	Западной части территории Болгарского городища	1	≈2x2	157	Остатки горнов, печей и т.д.
4, 5	Центральная часть территории Болгарского городища	6	≈15x15	10-30	Скопление обожженной керамики
3, 7	Центральная и южная часть территории Болгарского городища	7	≈10x10	50-150	Скопление обожженной керамики
8	Восточная часть территории Болгарского городища	6	≈15x15	50-150	Скопление обожженной керамики
9	Центральная и юго центральная часть территории Болгарского городища	7	≈15x15	50-150	Современная туристическая инфраструктура (скамейки, остановки)
10	Восточная часть территории Болгарского городища	1	15x12	78	Скопление обожженной керамики
11	Восточная часть территории Болгарского городища	1	7x7	15	Скопление обожженной керамики
12	Восточная часть территории Болгарского городища	4	≈10x10	25-50	Скопление обожженной керамики
13	Восточная часть территории Болгарского городища	1	15x14	308	Скопление отходов от металлургического производства
14	Юго-восточная часть территории Болгарского городища	6	≈5x10	25-50	Скопление обожженной керамики

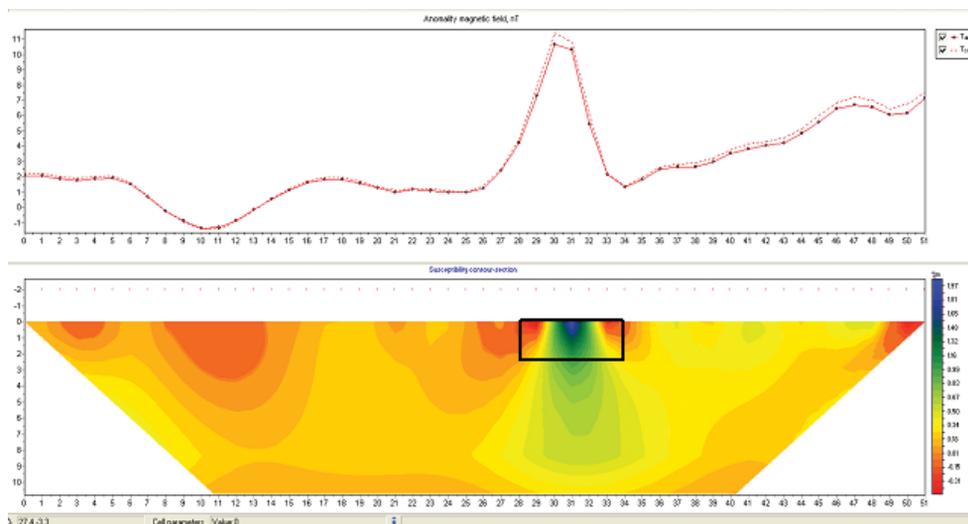

Рис. 5. Результат моделирования разреза магнитной восприимчивости (отн. ед. СГС)
 Fig. 5. Results of modelling the sectional drawing of magnetic susceptibility (GHS relative unit).

ного магнитного поля в пределах Болгарского заповедника, приведенная на рис. 2.

На карте видно, что наблюдаемое магнитное поле характеризуется неоднородным строением. Максимальная интенсивность аномального магнитного поля участка наблюдается в юго-западном углу площади исследования, где его интенсивность составляет 25–60 нТл. Наблюдается уменьшение интенсивности T_a в северо-западном и северо-восточном направлениях, достигая значений порядка -10 – -40 нТл. При этом необходимо отметить, что из результатов магнитометрических наблюдений исключены «квадраты» с максимальным влиянием техногенных помех (объекты туристической инфраструктуры, хозяйственные постройки и т.д.). Основными морфоэлементами, осложняющими картину магнитного поля

являются линейные протяженные аномалии T_a север-северо-восточного простирания, природа которых связывается с существующими автодорогами (выделены красным пунктиром), линейными аномалиями северо-западного простирания (западная часть участка работ), отождествляемыми с неоднородностями подошвы культурного слоя, а также высокоинтенсивными (10–20 нТл) изометричными знакопеременными, предположительно связанными с результатами «технологической» деятельности болгарского ремесленничества – эпицентрами гончарного и кузнечного производства (горны и т.д.).

На данном этапе целесообразно отметить возможности пакета программ Oasismontaj 7.0.1 (Geosoft, Canada), предоставляющего широкий выбор приемов обработки и визуализации результатов магнитных

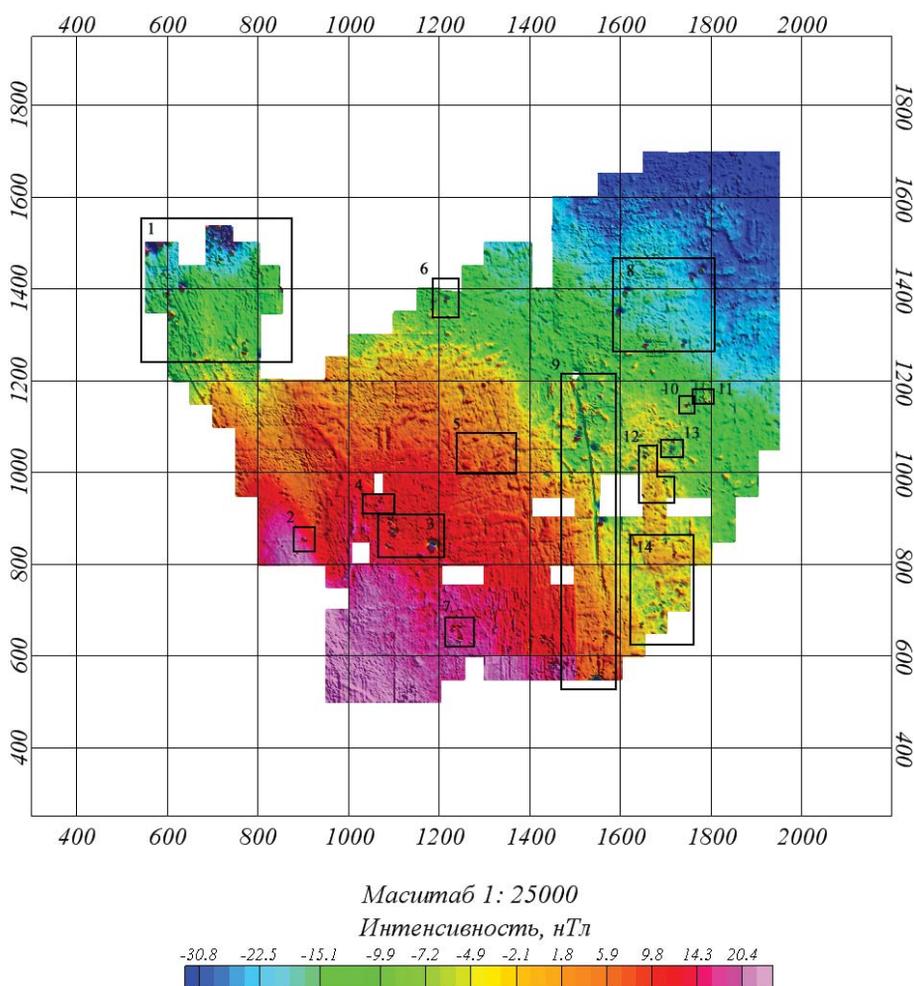

Рис. 6. Результирующая карта наблюдаемого магнитного поля на территории Болгарского городища, с выделенными полигонами в которых располагаются магнитные аномалии.

Fig. 6. Resulting map of the magnetic field observed in the territory of Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve with highlighted areas of magnetic anomalies.

съемок. В процессе работы авторами использованы различные процедуры фильтрации: «Быстрое Фурье-преобразование», построение «Теневого рельефа» магнитного поля, вычисление первой вертикальной производной T_a , фильтров высоких и низких частот (выделения высокочастотных и низ-

кочастотных трансформант T_a), конволюционного фильтра Гаусса, а также вычисления регионального «Тренда» на базе исходных данных (рис. 3).

Отметим, что применение различных математических приемов фильтрации приводит к более контрастному отображению результатов

магнитных съемок, с одной стороны, а с другой – увеличивает широту дискусионных разногласий с коллегами.

В процессе выполнения полевых работ в пределах одного из «квадратов», в пределах которого находился объект археологических поисков, авторами были проведены работы с непрерывной регистрацией магнитного поля. При этом частота дискретизации по профилям исследования составляла 3 секунды (рис. 4); результаты количественной интерпретации по одному из профилей приведены на рис. 5.

Моделирование геологического разреза проводилось в пакете программ «ZONDMAG2D» (автор А.Е. Каминский) с применением алгоритма инверсии «Оккама». Качество подбора модели среды оценивалось по величине среднеквадратической невязки, которая составила 5,2%.

На настоящее время выявлено и классифицировано 63 объекта (рис. 6), которые могут быть интерпретированы как археологические объекты. Данные объекты можно

классифицировать по форме, интенсивности и размерам (таблица 1).

Заключение

В результате проведенных исследований были получены следующие основные результаты:

1. Разработана методика проведения полевых магниторазведочных работ.
2. Разработана методика качественной и количественной интерпретации данных магнитометрических исследований.
3. Выявлено 63 объекта, которые могут представлять интерес, с точки зрения археологии.

На данный момент продолжается работа по выявлению и классификации информативных магнитных аномалий. Создается каталог магнитных аномалий, включающий в себя точные координаты, описание морфологии аномалий, предварительное определение типа аномалиеобразующих объектов. Ведется работа по разработке алгоритма, позволяющего выявлять и изучать линейные объекты большой протяженности (дорог, канавы, рвы и т.д.).

Информация об авторах:

Насыртдинов Булат Мансурович, старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Bulat.Nasyrtdinov@kpfu.ru

Хасанов Дамир Ирекович, кандидат геолого-минералогических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); damiir.khassanov@mail.ru

Георгиев Владимир Вячеславович, ведущий инженер Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); georg.vlad@mail.ru

RESULTS OF DETAILED MAGNETIC SURVEYING IN THE TERRITORY OF BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT IN 2012–2015.

B.M. Nasyrtdinov, D.I. Khasanov, V.V. Georgiev

The article considers the results of magnetic surveys conducted in the territory of Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve in 2012–2015. The territory of Bolgar Historical and Architectural Museum-Reserve is included in the list of UNESCO

protected sites. Magnetic surveying is widely used in archaeological practice due to the high informativeness and efficiency of the method. The entire study area was subdivided into squares of 50×50 m, and magnetic surveying was conducted in each square according to a rectangular grid of 2×1 m, ensuring reliable identification of abnormal sites. A total of 63 sites were identified and classified in the course of the studies. The work on identification and classification of informative magnetic anomalies is currently underway.

Keywords: archaeology, geophysics, archaeological magnetic surveying, magnetic field variations, interpretation of magnetic surveying data.

About the Authors:

Nasyrtdinov Bulat M. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Bulat.Nasyrtdinov@kpfu.ru

Khasanov Damir I. Candidate of Geological-Mineralogical Sciences, Assistant Professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; damir.khasanov@mail.ru

Georgiev Vladimir V. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; georg.vlad@mail.ru

Статья поступила в номер 11.09.2017 г.

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.46.66>

ТОРГОВЫЕ ПОСТРОЙКИ В ГОРОДАХ ВОСТОКА И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2017 г. Э.Д. Зиливинская

В статье рассматриваются торговые сооружения в странах Востока. По письменным источникам известно, что рынки или базары являлись важнейшими учреждениями в средневековых восточных городах. При этом они служили не только для купли-продажи, но и выполняли различные общественные функции. Архитектурные формы восточных базаров сложились достаточно рано. Элементарной единицей их была лавка или дуккан. Восточные рынки состояли из отдельных дуக்கанов, сгруппированных в блоки различным образом (таки, тумы, чорсу). Отличительной чертой планировки таков и чорсу является центрально-купольная композиция, а для тумов характерна секционная структура, которая может быть скомпонована в виде линейных пассажей или дворовых комплексов. Некоторое сходство со среднеазиатскими тумами линейной планировки имеют малоазийские крытые рынки – бедестаны. В городах Золотой Орды существовали торговые улицы (тумы), о чем косвенно свидетельствуют исследования в Ургенче. В Болгаре и, возможно, Старом Орхее найдены торговые здания капитальной постройки, напоминающие по своей планировке бедестаны Малой Азии.

Ключевые слова: археология, архитектура, страны Востока, Золотая Орда, торговля, лавки, рынки, торговые здания.

Торговля являлась важнейшей составляющей жизни человеческого общества с древнейших времен. Известно, что некоторый обмен материальными продуктами у многих народов осуществлялся уже в каменном веке. Однако торговля в современном понимании этого термина, то есть обмен с целью получения выгоды, стала развиваться только тогда, когда стали появляться излишки производимых продуктов и товаров. Внутренняя, а затем и внешняя торговля становятся существенным фактором исторического развития. Для осуществления обмена товарами возникают специально отведенные места, а затем и постройки – рынки. Точно определить, когда они появляются, не представляется возможным. Скорее всего, в том или ином виде рынки возникают одновременно с выделением торговли в отдельное

занятие. По крайней мере, в Древнем мире рынки были уже довольно развиты, что нашло отражение в различных литературных источниках.

Страны Среднего Востока и Передней Азии всегда находились на пересечении торговых путей, и в каждом городе непременно были торговые точки. Купля-продажа велась в городских постоянных дворах (*караван-сараях, фундуках, ханах*), но большинство исследователей считает, что в них совершались в основном оптовые сделки, а для розничной торговли использовались другие заведения. Арабские авторы называли их *сук* (рынок) или *асвак* (рынки); по-персидски они назывались *базар*. У Истахри и Ибн Хаукаля встречаются названия *маджма* и *алим маджма*, то есть «место сбора» и «великое место сбора» (Смирнова, 1970, с. 127). Эти тер-

мины подчеркивают многолюдность мест торговли. Кроме того, восточный базар служил не только для продажи и покупки товаров, но и являлся одним из важнейших общественных мест города, был средоточием социальной, политической и культурной жизни. На базар приезжали купцы и приходили странники со всех сторон света; здесь можно было совершить сделку, узнать последние новости, услышать проповедь, узнать предсказание своего будущего, воспользоваться услугами цирюльника или лекаря. На базарных площадях провозглашались указы правителей и выступали с представлениями бродячие артисты. Многообразная жизнь базара на Востоке нашла свое отражение в средневековой литературе: в повестях, сказках и притчах почти всегда есть сюжет, так или иначе связанный с базаром.

В средние века рынки в крупных городах находились чаще всего в пределах рабата, то есть ремесленного пригорода (Смирнова, 1970, с. 127–129), но в Самарканде крытый базар обнаружен в шахристане, к северу от соборной мечети города (Буряков, Садиев, Федоров, 1975, с. 93). Как и в более позднее время, существовали определенные «базарные» дни, когда в город съезжались ремесленники со своими товарами и жители близлежащих деревень (Смирнова, 1970, с. 131). Каждый рынок (или определенная часть пассажа) имел свою специализацию. О рынках Нишапура X в. и городских караван-сараях при них подробно и красочно пишет Ибн Хаукаль: «И есть в этих базарах постоянные двory (ханат) и фундуки, в которых живут купцы с товарами и есть в них «ханбераты» для продажи и купли. В каждый фундук направля-

ется с теми видами товаров, которыми в нем обычно торгуют. И редко какой из этих фундуков не похож на самые большие базары своего рода» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 318). В Халебе в XII–XIII вв. известны рынки тканей, ювелиров и конный базар (Большаков, 1984, с. 116–117). Описывая Самарканд XV в., Бабур специально отмечает: «У этого города есть особенность, которая редко встречается в других городах: для каждого промысла отведен отдельный базар, и они не смешиваются друг с другом» (Бабур-наме, 1993, с. 73).

Достаточно рано сложились архитектурные формы восточных базаров. Элементарной единицей их была лавка или *дуккан*. Лавка могла служить только для торговли или в ней могла находиться мастерская ремесленника. О.И. Смирнова приводит сведения из истории Самарканда, в которых рассказывается о заезде евреев, который видел на базаре ювелиров мастера, изготовлявшего «двух газелей из золота и зайца из серебра» (Смирнова, 1970, с. 131). Мастерские ремесленников могли находиться как в самих лавках, так и в караван-сараях при базаре. Об этом известно от Ибн Хаукаля: «А для небогатых есть фундуки и постоянные двory (хан), в которых обитают люди труда и ремесленники, с оживленными лавками, заселенными комнатами и мастерскими, наполненными ремесленниками. Так, у изготовляющих калансувы на их базаре есть фундук с мастерскими и комнатами, заполненными ими. У сапожников, галантерейщиков, веревочников и других на их базарах также есть фундуки, наполненные людьми их ремесла» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 318).

В разных странах лавки могли отличаться своим внешним видом. А. Мец приводит описание базаров Северной Африки: «Представьте себе два или три ряда поистине собачьих будок, в них по базарным дням сидят на корточках арабы и торгуются» (Мец, 1996, с. 436). В Средней Азии, судя по письменным источникам, дуккан – это однокамерное здание с айваном. Дукканы могли иметь второй этаж – *балхона* (Маньковская, 2014, с. 197–198).

Восточные рынки состояли из отдельных дукканов, сгруппированных в блоки. Часто базары располагались вдоль городских магистралей, например именно так выглядели рынки Пенджикента (Распопова, 1971, с. 69). Строительство торговой улицы в Самарканде при Тимуре подробно описывает Руи Гонсалес де Клавихо: «В этом городе Самарканде продается каждый год много разных товаров, которые привозят туда из Китая, Индии, Тарталии и различных других мест и из самой (Самаркандской) земли, достаточно богатой. А так как (в городе) не было специальной площади, где бы удобно было торговать, сеньор приказал проложить через город улицу, в которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров. Эта улица начиналась в одном конце города и шла до другого, пересекая его весь... Менее чем за двадцать дней было сделано такое большое дело, что просто удивительно» (Клавихо, 1990, с. 124–125).

Подобные торговые улицы обычно перекрывали куполами, *таками*. Слово *так* обозначало постройки с криволинейным перекрытием – арками или куполами (Смирнова, 1970,

с. 128; Маньковская, 2014, с. 198–200). Например, в Самарканде в домонгольский период квартал, где находились рынки, назывался Рас ат-Так, дословно «Голова свода» (Бартольд, 1963, с. 136). Восточные авторы упоминают персидские рынки в виде крытых галерей: «На таком базаре, когда его хотели сделать красивым, расписывали стены, белили их, базар мостили и накрывали крышей» (Мец, 1996, с. 436).

Еще одно древнейшее название архитектурного торгового ансамбля – это *чахар-су* или *чорсу*, дословно «четырёхсторонний» (Смирнова, 1970, с. 128). Обычно – это центрические здания с выделенным большим куполом в центре. Древнейшим известным примером такого здания является сооружение близ Ярбекир-калы, в левобережном Хорезме, исследованное Хорезмской экспедицией и датированное XII–XIII вв. (Вишневская, 1963, с. 68–73). Л.Ю. Маньковская относит его к караван-сараям «с четырьмя равновеликими дворами» (Маньковская, 2014, с. 205). Здание не было достроено, но, судя по имеющейся части, оно должно было представлять собой квадрат со стороной около 200 м (рис. 1). Этот квадрат был разделен двумя взаимно перпендикулярными улицами на четыре одинаковых квартала (полностью возведены два северных). Каждый квартал состоял из большого квадратного двора, окруженного со всех сторон сплошной секционной застройкой. В свою очередь, секции состояли из двух комнат и айвана, соединенных между собой, но изолированных от других секций. Помещения, скорее всего, были перекрыты сырцовыми сводами. Всего в постройке должно было быть свыше

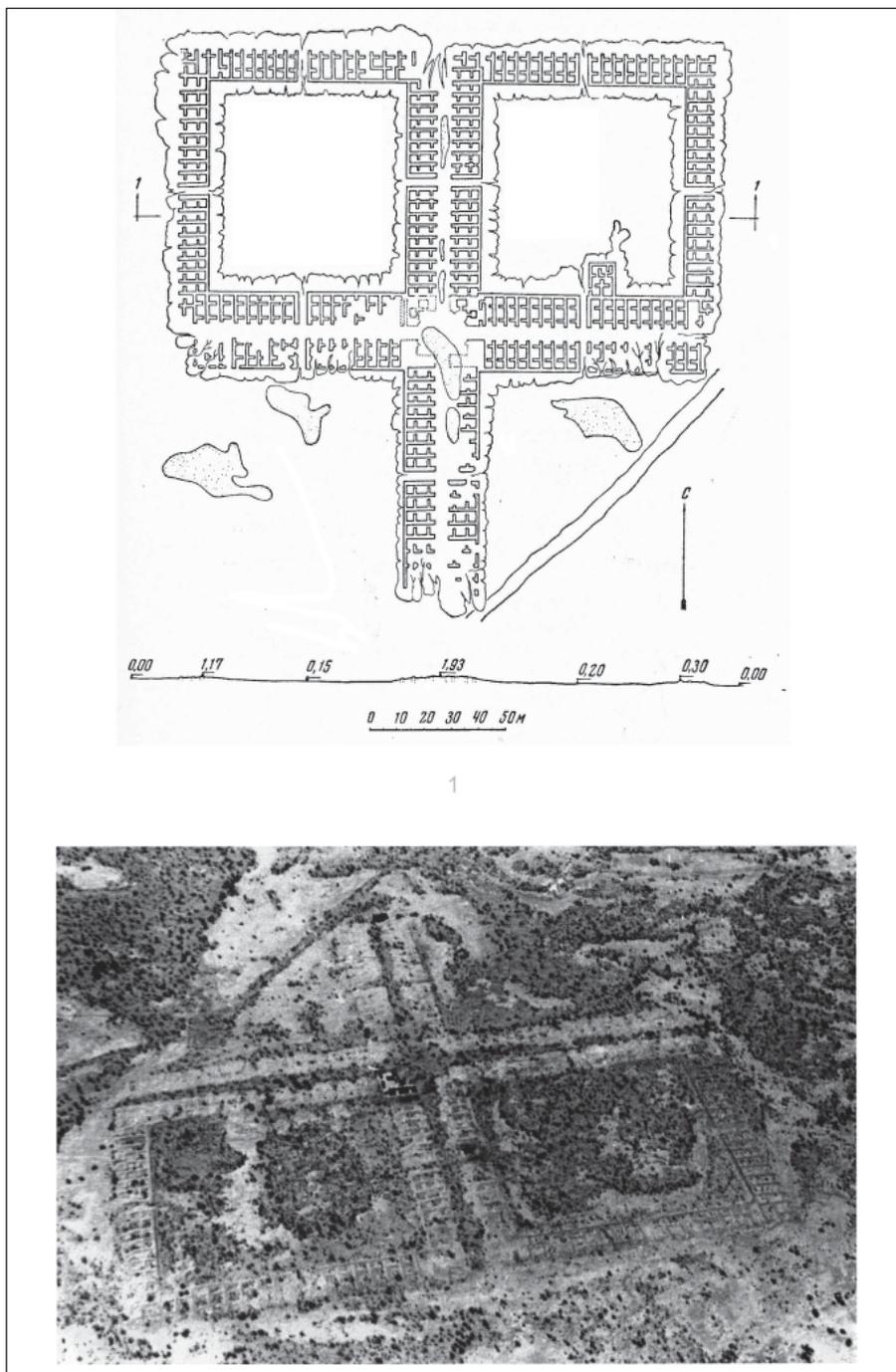

Рис. 1. Здание близ Ярбекир-калы: 1 – план; 2 – аэрофото (по О.А.Вишневской).
Fig. 1. Building near Yarkbekir-kala: 1 – plan; 2 – aerial photograph (after O.A. Vishnevskaya).

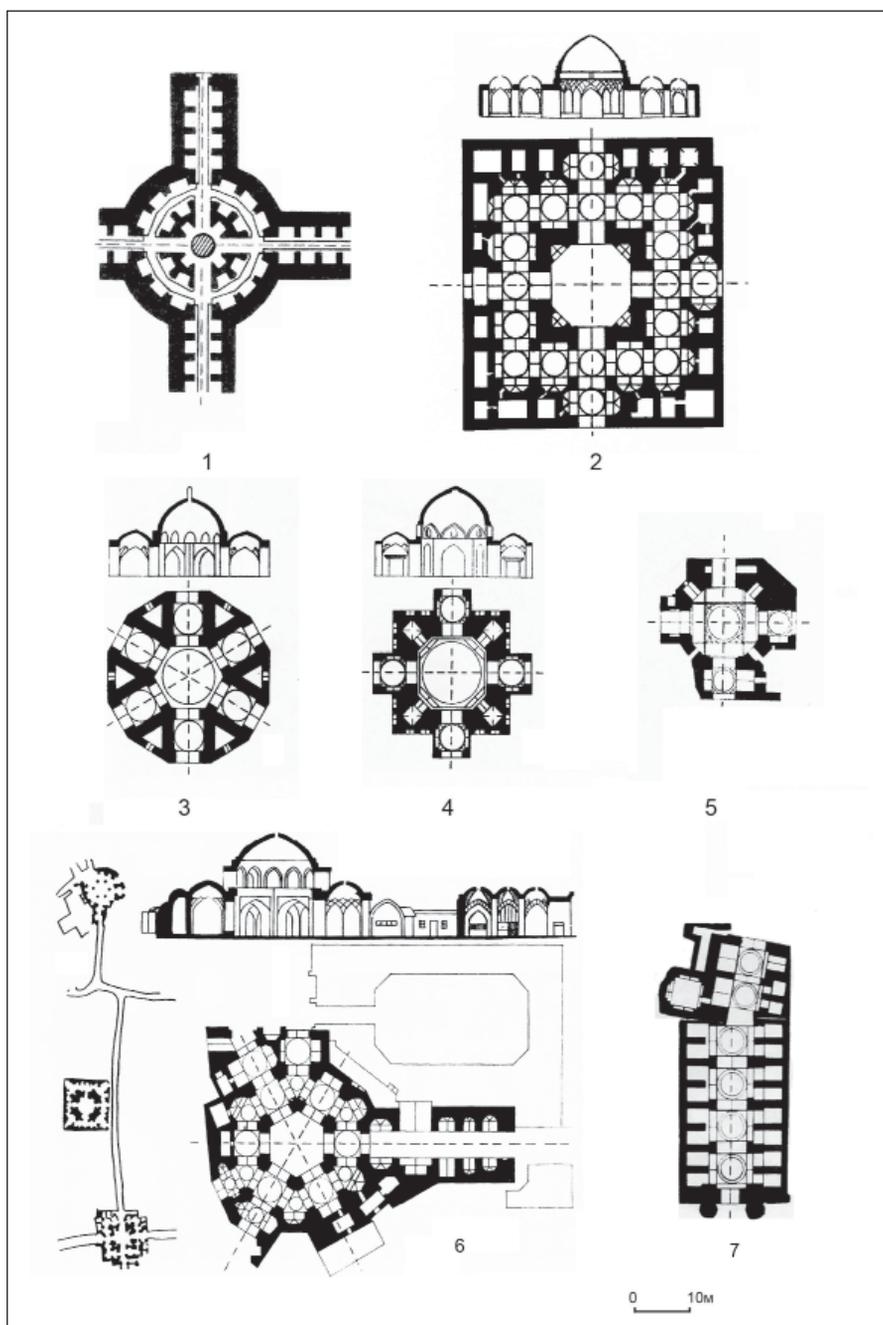

Рис. 2. Торговые здания в Средней Азии: 1 – Чорсу в Ташкургане (Афганистан); 2 – Таки Загаррон в Бухаре; 3 – Чорсу в Самарканде; 4 – Чорсу в Шахрисябсе; 5 – Таки Саррафон в Бухаре; 6 – Таки Тельпак Фурушон в Бухаре; 7 – Тим Палван-Дарваза в Хиве (по Л.Ю.Маньковской).

Fig. 2. Trade buildings in Central Asia: 1 – Chorsu in Tashkurgan (Afghanistan); 2 – Taki Zaharron in Bukhara; 3 – Chorsu in Samarkand; 4 – Chorsu in Shahrisabz; 5 – Taki Sarrafon in Bukhara; 6 – Taki Telpak Furushon in Bukhara; 7 – Tim Palvan-Darvaza in Khiva (after L. Yu. Mankovskaya).

750 помещений, образовывавших более 250 жилых ячеек (Вишневская, 1963, с. 68).

Если бы не особенности планировки, здание напоминало бы четыре караван-сарая, пристроенных друг к другу. Для караван-сарая характерно замкнутое пространство, обеспечивающее безопасность купцов и их товаров. Его образуют толстые глухие стены, часто укрепленные башнями, а во внутренний двор ведет один вход. У караван-сарая дворового типа обширный двор окружают жилые и хозяйственные помещения, пристроенные к внешним стенам. Особенностью сооружения у Ярбекир-калы является то, что жилые секции не соединялись с дворами, а имели выходы с наружной стороны здания и со стороны магистральных улиц. Во дворы можно было попасть через четыре входа, расположенных по середине каждой стороны. На месте пересечения магистральных улиц, которые имели ширину 5 м, находилась обширная (300 кв. м) площадь. На центральную площадь в каждом углу выходило по два изолированных помещения и лестница, вероятно, ведущая на крышу. Стены, ограничивающие площадь, были облицованы обожженным кирпичом, а повороты на центральные улицы были оформлены пилястрами треугольного сечения.

О.А. Вишневская считала это здание караван-сарая, а особенности его конструкции объясняла тем, что оно являлось одновременно базаром. Следует отметить, что в Ярбекире полностью отсутствует функция защиты, присущая караван-сараям. Скорее всего, это просто рынок, находящийся за стенами города. Секции представляют собой лавочки (дукканы), воз-

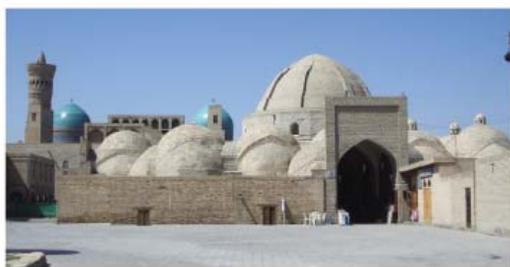
можно, с мастерскими и жилыми помещениями в задних комнатах. Лавки образуют торговые ряды, пассажи (тим) вдоль улиц и с внешней стороны здания. Улицы, возможно, должны были иметь перекрытие, а на месте их пересечения мог быть возведен купол (так). Четыре внутренних двора служили, скорее всего, для разгрузки и складирования товаров, возможно для кратковременного содержания животных. Таким образом, хотя четкой дифференциации между городским караван-сараям и базаром в восточных городах не существовало, здание у Ярбекир-калы является скорее рынком, нежели караван-сараям.

Чорсу могли быть замкнутыми и оставались вдали от проезжей части дороги или проходными, если находились на перекрестках магистралей. Такую же структуру, по мнению Л.Ю. Маньковской, имеют и таки (Маньковская, 2014, с. 199–200). Это хорошо видно на планах сохранившихся базаров более позднего времени. Проходными являются Чорсу в Ташкургане (Афганистан), Самарканде (XVIII в.), Шахрисябсе (XVII в.) и знаменитые рынки Бухары Таки Саррафон (купол менял, XVI в.), Таки Загаррон (купол ювелиров, XVI в.) и Таки Тельпак Фурушон (купол шапок и украшений, XVI в.) (рис. 2: 1–6, 3).

В отличие от таков и чорсу *тимы* определенного строения не имеют. Это многокамерные структуры различной планировки, которая адаптируется к условиям застройки. Так, тим Абдуллахана в Хиве (XVI в.) имеет фасадную композицию, а тим Палван Дарваза в Хиве (XIX в.) – продольно-осевую (рис. 2: 7). На основе анализа вакфных документов Л.Ю. Маньковская пришла к выводу, что тимы

1

2

3

и тимча Самарканда (XV–XVII вв.) могли иметь дворовую планировку, которая делает их фактически не отличимыми от караван-сараяев (Маньковская, 2014, с. 200). О.И. Смирнова полагает, что в средневековье было два вида тимов: специализированные торговые постройки, при которых имелись постоянные дворы (ханы) со складскими помещениями, где велась также оптовая торговля, и тимы – обычные торговые ряды (Смирнова, 1970, с. 134–135). В качестве примера торговых рядов она приводит описание крытого рынка Оша конца XIX–XX вв., составленного по рассказам старожилов: «...Здесь через речку были перекинuty два висячих моста

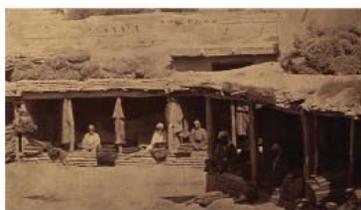
Рис. 3. Торговые здания XVI–XVII вв. в Бухаре:
1 – Таки Саррафон; 2 – Таки Загаррон; 3 – Таки Тельпак Фурушон.

Fig. 3. Trade buildings of 16th–17th centuries in Bukhara:

1 – Taki Sarrafon; 2 – Taki Zaharron;
3 – Taki Telpak Furushon.

(осма-купрюк) на расстоянии 800–900 м друг от друга. Тим стоял между этими мостами на главной городской улице, проходившей по правому берегу речки параллельно ее руслу, в 40–50 м от последнего... Это деревянное каркасное сооружение, нечто вроде наземного тоннеля длиной в 700–800 м, перекрывающее улицу и открытое с двух сторон. Внутри тима по обеим сторонам улицы тянулись, как и сейчас, лавки, которые он защищал от жаркого солнца летом и непогоды зимой. Раньше тим был покрыт камышом, в настоящее время камышовая кровля заменена листовым железом.

Лавки в тима располагались в определенной последовательности. Сначала шли лавки продавцов духов и лекарств (аттор) и сладостей (кандфуруш), глубже – продавцов тканей, одежды и тубетеек (баззо), а за ними уже лавки слесарей (тамурчи), ювелиров (заргар) и ножевщиков (пучокчи), в которых сидели ремесленники. Лавки последних состояли из двух помещений – переднего, где ремесленник работал, выставлял и продавал свой товар и заднего – пристройки для товарных запасов. Вокруг тима со-

1

2

3

4

Рис. 4. Торговые ряды в Самарканде: 1 – лавки ковров; 2 – лавки веревок; 3 – лавки медных изделий; 4 – лавки тканей (Туркестанский альбом 1871–1872).

Fig. 4. Trade stalls in Samarkand: 1 – carpet shops; 2 — rope shops; 3 – copper ware shops; 4 – fabric shops (Turkestan album, 1871–1872).

средоточивалась почти вся городская торговля, в особенности в базарные дни. Между тимом и речкой (от моста до моста) шла бойкая торговля чаем (чай-бозор), тибетейками (дуппи-бозор), одеждой (тон или джома-бозор). По другую сторону тима торговали зеленью – арбузами и дынями (кавун-бозор), изюмом (узум-бозор), овощами и фруктами. Ниже мостов и тима по обеим сторонам речки в базарные дни собиралось несколько базаров. На левом берегу, между ним и дорогой, торговали фуражом (утун, или алаф-бозор); по другую сторону дороги, между этим базаром и тимом, шла торговля лошадьми (кой-бозор) и ско-

том (мол-бозор). На правом берегу речки, ниже моста, шла торговля камышом и камышовыми поделками (бурье-бозор). Около висячих мостов у воды были чайханы и ошханы, по две с каждой стороны моста, в базарные дни переполненные народом. Чайханы играли большую роль в базарной жизни, здесь люди встречались, заключали разные торговые сделки; тут же на базарных площадях стояли мечети и мадрасе» (Смирнова, 1970, с. 135–136).

Исследовательница совершенно верно отмечает, что описание торгового центра старого Оша местным старожилом удивительно напоминает описания самаркандских и других средневековых рынков географами и помогает лучше их себе представить. Это описание может быть великолепно проиллюстрировано фотографиями «Туркестанского альбома» (Туркестанский..., 1871–1872) (рис. 4).

Таким образом, отличительной чертой таков и чорсу является центрально-купольная композиция, а для тимов характерна секционная структура, которая может быть скомпонована в виде линейных пассажей или дворовых комплексов.

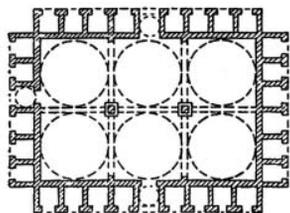
Некоторое сходство со среднеазиатскими тимами линейной планировки имеют малоазийские крытые рынки – *бедестаны*. Однако считается, что это чисто турецкий тип сооружений (ВИА, 1966, с. 446–447). Первоначально бедестаны предназначались для торговли тканями, а затем стали использоваться для продажи других товаров. Построенные в торговых районах, бедестаны представляли собой улицы, перекрытые сводами и застроенные по обеим сторонам лавками. Такая композиционная схема была заимствована у мечетей с многокупольным покрытием на столбах. Простейшая постройка такого плана – бедестан Эшефроглу в Бейшехире (XIV в.). Он имеет шесть куполов в два ряда, которые опираются на стены и два устоя в центре зала (рис. 5: 1). По периметру центральная часть обустроена лавками со сводчатым перекрытием. Такую же структуру имеют и другие крытые рынки: здание в Тире (1396) перекрыто восемью куполами на трех столбах, в Бурсе (1405 г.) и Эдирне (1418 г.) шесть опор поддерживают четырнадцать куполов. Крытый рынок в Анкаре (1465 г.) имеет более развитый план: прямоугольный, сильно вытянутый зал, перекрытый десятью куполами на двух столбах, окружен сводчатым коридором с лавками по обеим сторонам.

Небольшие торговые здания имели два входа, более крупные – четыре входа, расположенные по середине каждой стороны. Архитектура бедестанов проста и целесообразна; различались они только размерами, от которых зависело количество опор и соответственно – куполов.

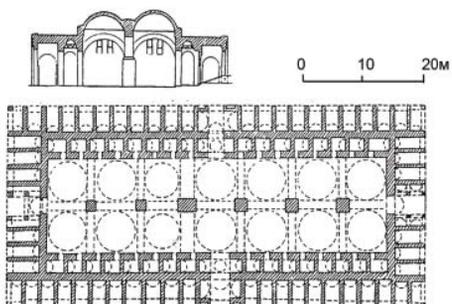
Золотоордынские города, хотя и обладали своей спецификой, были

типично восточными городами. Об этом свидетельствует, прежде всего, состав общественных зданий, таких как мечети, медресе, мавзолеи, бани-хаммам. Естественно, в них имелись и такие важные общественные места, как базары, которые непременно упоминаются авторами в письменных источниках. «Он, то есть Сарай, город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, место, куда направляются товары», – писал ал-Омари о столице улуса Джучи (Тизенгаузен, 1884, с. 241). Ибн Баттута также отмечает наличие базаров в Сарае: «Город Сарай (один) из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, красивыми базарами и широкими улицами...В нем (живут) разные народы, как то: Монголы – это (настоящие) жители страны и владыки (ее); некоторые из них мусульмане; Асы, которые мусульмане; Кипчаки, Черкесы; Русские и Византийцы, которые христиане. Каждый народ живет на своем участке отдельно, там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в (особом) участке, где стена окружает имущество купцов» (Тизенгаузен, 1884, с. 306). Из этого описания видно, что в Сарае были не только различные базары, организованные, в том числе, и по этническому принципу, но и большой городской караван-сарай. Ибн Баттута также упоминает базар в Маджаре, на котором он встретил еврея из «земли Андалусской» и на котором было много странствующих торговцев (Тизенгаузен, 1884, с. 288).

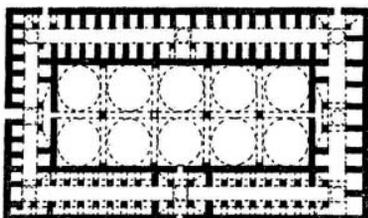
Несмотря на то что археологические исследования проводились на многих золотоордынских городах,

1

2

3

Рис. 5. Бедестаны Малой Азии:
1 – Эшрефоглу в Бейшехире, XIV в.; 2 – в Бурсе, 1405 г.;
3 – Махмуд-паши в Анкаре, 1465 г.; 4 – Капалы Чарши в Стамбуле, 1455 г.

Fig. 5. Bidestans in Asia Minor:
1 – Esrefoglu in Beyşehir, 14th c.; 2 – in Bursa, 1405;
3 – Mahmud-Pasha in Ankara, 1465; 4 – Kapalı Charshi in Istanbul, 1455.

Рис. 6. «Улица караван-сарая» в Куня-Ургенче, план (по Г.А. Федорову-Давыдову).

Fig. 6. 'Caravanserai street' in Kunya-Urgench, layout (after G.A. Fedorov-Davydov).

объекты, которые можно связать с торговлей внутри города, – единичны.

Некоторое представление о торговых комплексах золотоордынского времени дают результаты раскопок ХАЭЭ в Ургенче в районе «ворот караван-сарая». Здесь была раскопана часть улицы, которая получила название «Улицы караван-сарая» (Вактурская, 1958, с. 478–479; Федоров-Давыдов, 1958, с. 506–528). Улица имела направление восток–запад и часть помещений ее была пристроена к порталу здания «караван-сарая». Всего было вскрыто 54 помещения, которые располагались двумя кварталами без разделения на отдельные

дома по двум сторонам улицы (рис. 6, 7). Улица была немощеной, ширина ее составляла около 3 м. Исследователи предположили, что она могла быть крытой (Вактурская, 1958, с. 478). Стены помещений сложены из вторично использованного золотоордынского кирпича. В планировке выделяется несколько групп комнат, причем в каждой группе присутствует одно или два помещения жилого характера. В жилых комнатах вдоль стен находились суфы, занимавшие большую часть помещения. К ним пристроены печи, от которых отходят горизонтальные дымоходы канов, обогревающих поверхность суфы. Полы

1

2

3

Рис. 7. «Улица караван-сарая» в Куня-Ургенче: 1– общий вид; 2–3 – виды помещений (по Г.А. Федорову-Давыдову).

Fig. 7. 'Caravanserai street' in Kunya-Urgench: 1– general view; 2–3 – views of premises (after G.A. Fedorov-Davydov).

выложены кирпичом или обмазаны глиной; в центре пола находилась тошна, закрытая кирпичной плитой с одним или несколькими отверстиями или звездчатым вырезом.

Наряду с жилыми вскрыты комнаты производственного или торгового назначения. Помещение 12 являлось жилищем бедного ремесленника-пекаря. К стандартной жилой комнате здесь пристроено небольшое помещение с тандыром. Помещение 10 являлось мастерской-пекарней зажиточного ремесленника. В ней находились два больших тандыра и подставка под жернов. К пекарне примыкали четы-

ре комнаты, в которых жила семья пекаря. Непосредственно на улицу с обеих сторон выходили айваны с деревянными навесами. В раскопе были расчищены нижние части столбов, опиравшихся на кирпичи и поддерживающих крышу. В айванах находились очаги-тандыры. Один из айванов служил мастерской для кузнеца и ремесленника-литейщика. Здесь находились три очага, внутри которых и рядом с ними обнаружены куски меди и железа, а также медный шлак и уголь. В другом айване обнаружены три печи, вероятно, для варки еды. Во всех айванах найдены многочислен-

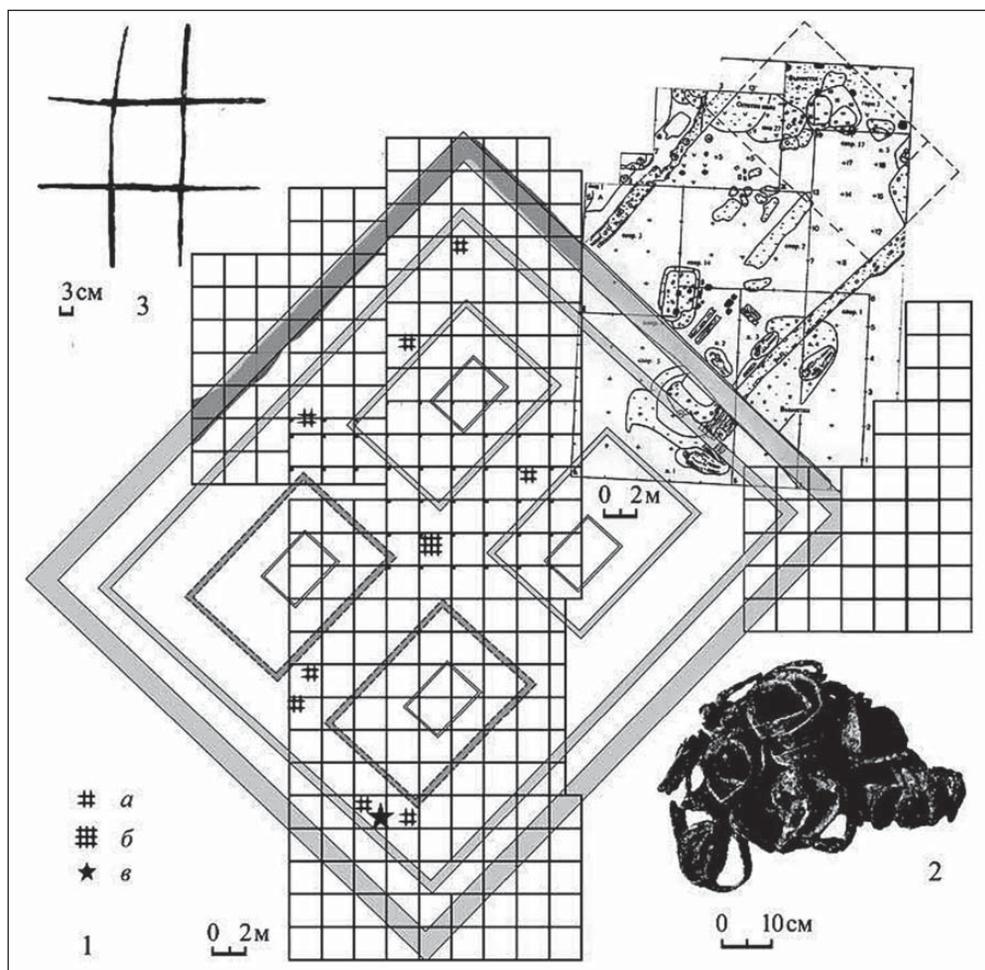

Рис. 8. Рынок в Болгаре: 1 – общий план; 2 – стремена; 3 – решетки (по В.Ю.Ковалю и Д.Ю.Бадееву).

Fig. 8. Market in Bolgar: 1 – general layout; 2 – stirrups; 3 – bars (after V.Yu. Koval and D.Yu. Badeev).

ные монеты, в том числе два монетных клада; в одной комнате обнаружены чашечки весов.

На юго-западном углу улицы исследована двухкомнатная чайхана. Собственно чайхана (пом. 34) представляла собой четырехугольную комнату с входом с улицы. Вдоль трех стен в ней были сделаны суфы, а в центре находился кирпичный пол. К западу от входа пристроен айван с тремя очагами. В южной стене было

сделано окно во внутреннюю комнату, в которой расчищен очаг и вскрыта мусорная яма, забитая керамикой и костями. К северу и западу от этого комплекса также располагались дополнительные пристройки к чайхане в виде айванов с суфами и очагами. В них были найдены фрагменты различной посуды, в том числе чайников.

Торговая улица, вскрытая раскопками, относится к самому позднему периоду существования этой части

города, то есть к XVI–XVII вв. Стратиграфический раскоп показал, что здесь прослеживается пять строительных горизонтов, причем во всех периодах сохранялось направление улицы и ее планировка. Самые ранние постройки относятся к концу XIV – началу XV в., то есть к финалу золотоордынского периода. Можно предположить, что в это время торговая улица Ургенча имела примерно такую же структуру.

Единственным торговым зданием в Золотой Орде, назначение которого не вызывает сомнений, является рынок г. Болгара (Баранов, Бадеев, Коваль, 2012; Коваль, Бадеев, 2015). Здание расположено в центральной части города в 150 м к юго-западу от Соборной мечети. Оно было построено в 1350-х гг. и погибло в 1360-х – 1370-х гг. от пожара (Коваль, Бадеев, 2015, с. 189).

Постройка имела форму прямоугольника, размерами 37×34 м (рис. 8). Внешние стены ее были сложены из обожженного кирпича на ленточном фундаменте из белого камня, залитого известковым раствором. Кладка стен велась на глиняном растворе с применением известкового. Толщина внешних стен составляла приблизительно 4 ряда кладки. По мнению исследователей, во внутрь здания вели четыре входных проема, расположенные по центру стен и имевшие ширину около 4 м (Коваль, Бадеев, 2015, с. 190). Внутри, на расстоянии 2,4 м от внешних стен, находилась ленточная кладка из сырцовых кирпичей, уложенных на ребро под углом, т.е. «в елочку». Ширина этих стенок 25 см (1 ряд кирпича). Эти кладки являлись остатками цоколей внутренних стен, которые были деревянными или фахверковыми

ми. Перегородки отгораживали ряды лавок, идущих вдоль внешних стен здания. При ширине помещений лавок около 2 м, по периметру здания могли быть расположены около 50 дукканов (Коваль, Бадеев, 2015, с. 191). Внутри помещений были обнаружены остатки деревянных полов. Лавки, по-видимому, закрывались деревянными дверьми, которые запирались на железные засовы и цилиндрические замки, большое количество которых (46 шт.) было найдено в местах предположительного расположения дверей (Коваль, 2013, с. 29).

Кроме лавок, расположенных вдоль стен, внутри здания базара были сооружены 4 павильона размерами 10,6×9 м, стены которых также стояли на ленточных цоколях из сырцового кирпича. В них также, вероятно, находились торговые секции. Внутри каждого павильона были сделаны небольшие прямоугольные (4×3 м) помещения, служившие, вероятно, для складирования товаров. Между пристенными лавками и павильонами шла обводная галерея шириной 3,2 м.

Точных данных о перекрытии здания базара в Болгаре не выявлено, но, учитывая то, что внутренние стены, скорее всего, были деревянными, перекрытие могло быть только плоским, балочным. Освещение здания осуществлялось через зарешеченные окна, сделанные, видимо, в крыше. Железные решетки от окон были найдены в разных частях галереи. Они были сделаны из четырех круглых в сечении железных прутьев и имели размеры 60×60 см. Решетка в центре здания состояла из 6 прутьев и была размерами 80×80 см.

Внутри здания найдены предметы, являющиеся неотъемлемыми

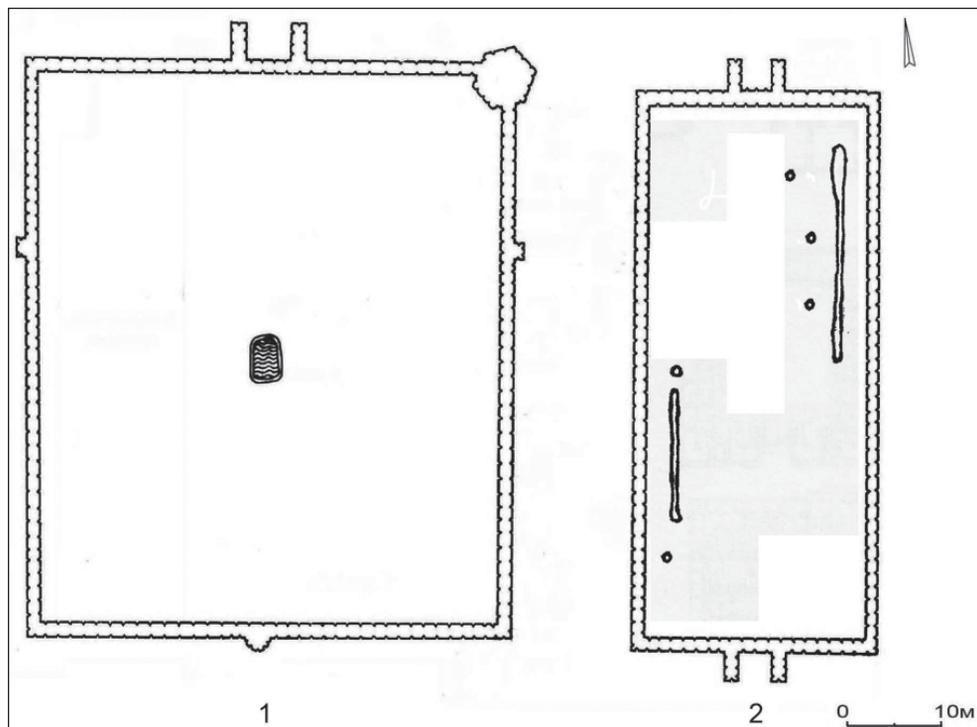

Рис. 9. Каменные сооружения в Старом Орхее: 1 – здание I; 2 – здание II.

Fig. 9. Stone structures in Old Orhei: 1 – building I; 2 – building II.

атрибутами процесса торговли: весы, разнообразные гири, большое количество медных и серебряных монет (Коваль, 2013). Пробирные камни со следами золота свидетельствуют о том, что здесь могли продаваться ювелирные изделия. Также было найдено большое количество фламандских свинцовых торговых пломб, которыми маркировали высококачественное шерстяное сукно (Коваль, 2015). К другим товарам, которыми торговали на этом базаре, относятся стремена, 70 пар которых обнаружены в слое пожара.

К северо-восточной стене базара примыкали две кирпичные стенки, которые пристроены к фундаменту здания под прямым углом в 10 м от внешних углов северо-восточной сте-

ны. Расстояние между ними составляло 12 м. Между стенками прослежены остатки деревянной уличной вымостки. Вероятно, здесь располагалась торговая улица с лавками, которая вела к зданию базара. Об этом свидетельствуют, в частности, находки монет и гирек (Бадеев, 2015, с. 202–203).

Таким образом, архитектура центрального рынка города Болгара была простой и предельно функциональной. Здание представляло собой слегка вытянутый призматический объем с глухими кирпичными стенами, расчлененными по середине широкими входами. Перекрытие было плоским со световыми отверстиями. По планировке более всего болгарский базар напоминает среднеазиатские тимуридские линейной планировки и турецкие бе-

дестаны. Своеобразие его плану придает наличие внутренних павильонов, структура которых напоминает дворы Ярбекира в миниатюре.

Еще один объект, который может рассматриваться как городской рынок находится на западе Золотой Орды – на городище Старый Орхей. В центральной части города здесь были исследованы две крупные каменные постройки, которые условно получили названия «караван-сарай I» и «караван-сарай II». Эти названия появились в публикации первого исследователя памятника Г.Д. Смирнова (Смирнов, 195, с. 39).

Стены обоих зданий сложены панцирной кладкой из слегка подтесанных крупных глыб известняка на известковом растворе. Первое здание прямоугольное в плане и ориентировано по оси север–юг с небольшим (10°) отклонением к востоку (рис. 9: 1). Его внешние размеры $57,7 \times 51,5$ м. В северной стене находился вход, который снаружи был оформлен большим порталом, от которого сохранились два прямоугольных пилона. Восточная и западная стены имели прямоугольные контрфорсы, которые ввиду их незначительной величины являлись, скорее всего, декоративными. В середине южной стены, снаружи, сделан полукруглый выступ диаметром 2,6 м, который сложен в перевязку со стеной. Северо-восточный угол здания охвачен цоколем шестиугольного сооружения со сторонами длиной $3,05$ м – $3,4$ м. Внутренние конструкции не прослеживались, так как здание не было достроено, но внутри него было найдено много архитектурных деталей, среди которых каменные базы колонн. В центре огороженного пространства находился неглубокий

бассейн размерами $3,75 \times 3,3$ м со стенками и дном, покрытыми известковым раствором. П.П. Бырня, проанализировав планировку здания, пришел к выводу, что развалины «караван-сарая I» в Старом Орхее являются остатками недостроенной Соборной мечети города (Бырня, 1985; Бырня, Рябой, 1997, с. 92). Сравнение этого здания с другими мечетями Золотой Орды позволяет считать эту атрибуцию абсолютно верной (Зиливинская, 2009; 2011, с. 9–36; 2014, с. 17–45).

Другое монументальное здание расположено в 18 – 20 м к востоку от мечети. Стены его имеют точно такое же направление. Постройка прямоугольной, сильно вытянутой в меридиональном направлении формы (рис. 9: 2). Размеры ее 52×26 м. Стены сложены из слабо обработанных блоков известняка на известковом растворе. Кладка стен лежит на сплошном ленточном фундаменте также из известняка, залитого раствором. Высота фундамента до $0,5$ м, толщина до $1,7$ м. Толщина стен $1,1$ м; они сохранились на высоту около $0,5$ м над фундаментом. Здание имело два входа, которые размещались по середине коротких стен, точно друг против друга. Оба входа были оформлены порталами, от которых сохранились пилоны длиной $2,8$ м. Северный портал был несколько больше южного, ширина его пилонов $1,8$ м, а расстояние между ними – $3,4$ м. Южный вход имел ширину $3,0$ м и был обрамлен пилонами толщиной $1,5$ м (Бырня, Рябой, 1997, с. 100–102). Внутри здания были обнаружены траншеи, вероятно, от деревянных брусьев, выкопанные параллельно внешним стенам на расстоянии примерно $3,2$ м, а также столбовые ямы, то есть вну-

тренные конструкции могли быть деревянными. Здание не было построено, и точное его назначение не определено.

Рассмотрев комплекс «караван-сараяв», Т. Нестерова высказала предположение, что два монументальных здания в Старом Орхее представляют собой караван-сарай сельджукского типа, в котором две части не примыкают друг к другу, а поставлены рядом (Nesterov, 2003, р. 47–49, 96–100). Эта гипотеза кажется довольно странной. Если считать эти здания караван-сараями, то, скорее, можно предположить, что это два хана, построенные рядом, как, например, ханапары Ани (Халпахчян, 1971, с. 186). Кроме того, здание I с многогранной башней (минаретом) в углу и полукруглым (михрабным) выступом в южной стене, на мой взгляд, однозначно является мечетью. Что касается сооружения II, то оно действительно может быть городским караван-сараям. Именно городские постоянные дворы не столь замкнуты и могут иметь два входа, как караван-сарай в Пайкенде, на городище Куртлы (Хмельницкий, 1992, с. 180–182; 1996, с. 298–299) и уже

упоминавшиеся ханапары Ани. По своим пропорциям сооружение II, наиболее близко к караван-сараям Армении (Халпахчян, 1959; 1971, с. 188; Hillenbrand, 1994. P. 554).

В то же время расположение здания рядом с Джума мечетью, его прямоугольная сильно вытянутая форма и наличие сквозного прохода позволяют предположить, что оно является рынком, аналогичным городскому базару Болгара. Деревянные конструкции, найденные внутри периметра стен, могут быть остатками перегородок, разделяющих отдельные лавки. К сожалению, доказать эту гипотезу невозможно, так как раскопки здесь проводились достаточно давно, и материалы их в настоящее время недоступны.

Таким образом, следует констатировать, что здания, связанные с городской торговлей в Золотой Орде, почти не выявлены. При проведении дальнейших исследований золотоордынских городищ следует учитывать возможность обнаружения подобных объектов, причем, судя по материалам Болгара и Старого Орхее, они могут быть расположены в центральной части города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабур-наме. Записки Бабура / перевод М. Салье; общая ред. и доработка С.А. Азимджановой. Ташкент: Главная редакция энциклопедий Института Востоковедения АН Узбекистана, 1993 г. 464 с.
2. Бадеев Д.Ю. Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30–70 гг. XIV в. // КСИА. Вып. 237. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 200–211.
3. Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследование остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 158–171.
4. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963. С. 4–60.
5. Белецкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 390 с.
6. Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в. М.: Наука, 1984. 345 с.

7. Буряков Ю.Ф., Садиев М., Федоров М.К. Соборная мечеть Самарканда в IX – нач. XIII вв. // Афрасиаб. Вып. IV / Сост. Д. Кадырова. Ташкент: Фан, 1975. С. 77–100.
8. Бырня П.П. Каменное сооружение 1 в Старом Орхее // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985. С. 24–35
9. Бырня П.П., Рябой Т.Ф. Монументальная архитектура золотоордынского города XIV в. Шехр ал-Джедид // СА. 1997. № 2. С. 91–104.
10. Вактурская Н.Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 / Труды ХАЭЭ. Т. II / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: Наука, 1958. С 467–495.
11. Вишневская О.А. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Вып. 7. Ч. II. Памятники средневекового времени, этнографические работы / Материалы Хорезмской экспедиции. / Отв. ред. С.П. Толстов. М.: Из-во АН СССР, 1963. С. 54–72.
12. Всеобщая история литературы. Т.3. Л.-М.: Из-во литературы по строительству, 1966. 704 с.
13. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.
14. Зиливинская Э.Д. Золотая Орда как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма // *Archaeologia Abrahamica*: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Ред.-сост. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 349–385.
15. Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Изд. дом Астраханский университет, 2011. 252 с.
16. Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М.: Наука, 1990. 166 с.
17. Коваль В.Ю. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV в. в Болгаре // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 9–33.
18. Коваль В.Ю. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. Вып. 237. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 211–222.
19. Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. Вып. 237. М.: Языки славянской культуры. С. 188–199.
20. Маньковская Л.Ю. Формообразование и типология зодчества Средней Азии. IX – начало XX века. Ташкент: Baktria Press, 2014. 496 с.
21. Мец А. Мусульманский ренессанс. М.: ВиМ, 1996. 542 с.
22. Распопова В.И. Один из базаров Пенджикента VII–VIII вв. // Страны и народы Востока. Вып. X. М.: Наука, 1971. С. 67–76.
23. Смирнов Г.Д. Археологические исследования Старого Орхее // КСИИМК. Вып. 56. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С.24–40.
24. Смирнова О.И. Очерки по истории Согда. М.: Наука, 1970. 287 с.
25. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Арабские источники. СПб, 1884. 588 с.
26. Туркестанский альбом, 1871–1872. Часть промысловая / Сост. А.Л. Кун, М.И. Бродовский Ташкент: Главный штаб туркестанского военного округа. 1871–72. 50 с.
27. Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки квартала XV–XVII вв. на городище Таш-кала // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 / Труды ХАЭЭ. Т. II / Отв. ред. С.П. Толстов. М., 1958. С. 505–529.
28. Халтахчьян О.Х. Гражданское зодчество Армении (жилые и общественные здания). М.: Издательство литературы по строительству, 1971. 248 с.

29. Халпахчян О.Х. Каравансарай Армении // Архитектурное наследство. 1959. № 11. С. 105–133.
30. Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X веков. Берлин, Рига: Continent Ltd., 1992. 343 с.
31. Хмельницкий С.Г. Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI–XIII вв. Ч.1. Берлин; Рига: «ГАМАJUN», 1996. 335 с.
32. Hillenbrand R. Islamic Architecture. N.Y.: Columbia University Press, 1994. 645 p.
33. Nesterov T. Situl Orheiul Vechi. Monumente de arhitektura. Moldova, Epigraf, 2003. 236 с.

Информация об авторе:

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия), eziliv@mail.ru

TRADE CONSTRUCTIONS IN ORIENTAL AND GOLGEN HORDE TOWNS

E.D. Zilivinskaya

The article considers trade constructions located in Oriental countries. According to written sources, markets or bazaars represented the most important institutions in medieval Oriental towns. At the same time, they were not only used for sales and purchases, but also served various public functions. The architectural forms of Oriental bazaars established in a rather early historical period. Their basic unit was a shop, or dukkan. Oriental markets consisted of individual dukkans arranged in groups on the basis of various criteria (Taks, Tims and Chorsu). A distinctive feature of the layout of Taks and Chorsu is a central dome composition, whereas the Tims are characterized by a sectional structure which can be arranged in the form of linear passages or courtyard complexes. Certain similarity with the Central Asian Tims with a linear arrangement is demonstrated by Minor Asian covered markets - Bidestans. As indirectly evidenced by studies conducted in Urgench, trading streets (Tims) were present in the towns of the Golden Horde. Trade buildings of capital construction resembling the bidestans of Minor Asia in terms of arrangement have been discovered in Bolgar, and presumably in Old Orhei.

Keywords: archaeology, architecture, Oriental countries, Golden Horde, trade, shops, markets, trade buildings.

REFERENCES

1. Babur-name. Zapiski Babura (Baburnama. Letters of Babur). 1993. Tashkent: "Glavnaia redaktsiia entsiklopedii Instituta Vostokovedeniia AN Uzbekistana" Publ. (in Russian).
2. Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 237*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 200–211 (in Russian).
3. Baranov, V. S., Badeev, D. Yu., Koval', V. Yu. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) (1)*, 158–171 (in Russian).
4. Bartol'd, V. V. 1963. In *Sochineniia (Compositions) 1*. Moscow: "Nauka" Publ., 4–60 (in Russian).
5. Belenitskii, A. M., Bentovich I. B., Bolshakov, O. G. 1973. *Srednevekovyi gorod Srednei Azii (Medieval Town of Central Asian)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Bol'shakov, O. G. 1984. *Srednevekovyi gorod Blizhnego Vostoka. VII – seredina XIII v. (Medieval Town of the Middle East. 7th - mid-13th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Buriakov, Yu. F., Sadiev, M., Fedorov, M. K. 1975. In Kadyrova, D. (ed.). *Afrasiab (Afrasiyab) 4*. Tashkent: Fan Publ., 77–100 (in Russian).

8. Byrnia, P. P. 1985. In *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovykh pamiatnikov v Dnestrovsko-Prutskom mezhdurech'e (Archaeological Studies of Medieval Monuments in the Dniester-Prut interfluvium)*. Kishinev, 24–35 (in Russian).
9. Byrnya, P. P., Ryaboy, T. F. 1997. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 91–104 (in Russian).
10. Vakturskaia, N. N. 1958. In Tolstov, S. P. (ed.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1949–1953 (Archaeological and Ethnographical Activities of the Khwarezm Expedition of 1949–1953)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition) 2. Moscow: “Nauka” Publ., 467–495 (in Russian).
11. Vishnevskaya, O. A. 1963. In Tolstov, S. P. (ed.). *Polevye issledovaniia Khorezmskoi ekspeditsii v 1958–1961 gg. Ch. II. Pamiatniki srednevekovogo vremeni, etnograficheskie raboty (Field research of the Khwarezm Expedition in 1958–1961. Part II. Monuments of the Medieval Period, Ethnographic Activities)*. Series: Materialy Khorezmskoi ekspeditsii (Materials of the Khwarezm Expedition) 7. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 54–72 (in Russian).
12. *Vseobshchaya istoriya literatury (General history of literature)* 3. 1966. Leningrad; Moscow: “Izd-vo literatury po stroitel'stvu” Publ. (in Russian).
13. Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkhitectura Zolotoi Ordyy (Architecture of the Golden Horde) 1. Kul'tovoye zodchestvo (Ritual Architecture)*. Moscow; Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).
14. Zilivinskaya, E. D. 2009. In Beliaev, L. A. (ed.). *Archeologia Abrahamica. Issledovaniia v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama (Archeologia Abrahamica. Studies in Archaeology and Artistic Tradition of Judaism, Christianity and Islam)*. Moscow: “Indrik” Publ., 349–385 (in Russian).
15. Zilivinskaya, E. D. 2011. *Ocherki kul'tovogo i grazhdanskogo zodchestva Zolotoy Ordyy (Essays on the cult and civil architecture of the Golden Horde)*. Astrakhan: “Astrakhanskii universitet” Publishing House (in Russian).
16. Klavikho Rui Gonsales de. 1990. *Dnevnik puteshestviia v Samarkand ko dvoru Timura (1403–1406) (Diary of a Journey to Samarkand to the Court of Timur (1403–1406))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
17. Koval', V. Yu. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 9–33 (in Russian).
18. Koval', V. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 211–222 (in Russian).
19. Koval', V. Yu., Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 237. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 188–199 (in Russian).
20. Man'kovskaia, L. Yu. 2014. *Formoobrazovanie i tipologiya zodchestva Srednei Azii. IX – nachalo XX veka (Morphogenesis and Typology of Central Asian Architecture. 9th – early 20th centuries)*. Tashkent: “Baktria Press” Publ. (in Russian).
21. Mets A. 1996. *Musul'manskiy renessans (Muslim Renaissance)*. Tashkent: “ViM” Publ. (in Russian).
22. Raspopova, V.I. 1971. In *Strany i narody Vostoka (Countries and peoples of the East)* 10. Moscow: “Nauka” Publ., 67–76 (in Russian).
23. Smirnov, G. D. 1954. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 56. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 24–40 (in Russian).
24. Smirnova, O. I. 1970. *Ocherki po istorii Sogda. (Essays on the History of Sogdiana)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
25. Tiesenhhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordyy. T. I. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

26. Kun, A. L., Brodovskii, M. I. (comp.). 1871–1872. *Turkestanskii al'bom, Chast' promyslovaia (Turkestan Album, 1871-1872. Crafting Section)*. Tashkent: "Glavnyi shtab turkestanского voennogo okruga" Publ. (in Russian).
27. Fedorov-Davydov, G. A. 1958. In Tolstov, S. P. (ed.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoi ekspeditsii 1949–1953 (Archaeological and Ethnographic Activities of the Khwarezm Expedition in 1949–1953)*. Series: Trudy Khorezmskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition) 2. Moscow: "Nauka" Publ., 505–529 (in Russian).
28. Khalpakhch'ian, O. Kh. 1971. *Grazhdanskoe zodchestvo Armenii (zhilye i obshchestvennye zdaniia) (Civil Architecture of Armenia (Residential and Public Buildings))*. Moscow: "Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu" Publ. (in Russian).
29. Khalpakhch'ian, O. Kh. 1959. In *Arkhiturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)* (11), 105–133 (in Russian).
30. Khmel'nitskii, S. 1992. *Mezhdurabami i tiurkami. Arkhitektura Srednei Azii IX–X vv. (Between Arabs and Turks: Architecture of Central Asia in 9th –10th Centuries)*. Berlin; Riga: "Continent Ltd" Publ. (in Russian).
31. Khmel'nitskii, S. G. 1996. *Mezhdurabami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI–XIII vv. (From the Samanids to the Mongols: Architecture of Central Asia in 11th –13th Centuries)*. Part 1. Berlin; Riga: "Gamajun" Publ. (in Russian).
32. Hillenbrand, R. 1994. *Islamic Architecture*. New York: Columbia University Press.
33. Nesterov, T. 2003. *Situl Orheiul Vechi. Monumente de arhitektura*. Moldova, Epigraf.

About the author:

Zilivinskaya Emma D. Doctor of Historical Sciences. Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maklay (IEA), Russian Academy of Sciences. Leninsky Ave., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation; eziliv@mail.ru

Статья поступила в номер 07.08.2017 г.

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА¹

© 2017 г. Е.М. Макарова, И.Р. Газимзянов

В статье представлены результаты изучения палеодемографических структур Болгарского городища золотоордынского времени. Авторами проанализированы 4 некрополя, располагавшиеся: 1) на месте бывшего аэродрома (раскопы СXLVI, CLIV и CLV); 2) на месте современного «Памятного знака» (раскоп CLVI); 3) вокруг мавзолея в южной части городища (раскопы CLXXIV и ССХIV); 4) некрополь в северо-западной части городища (раскоп СХСI). Для полноты характеристики населения Болгара были привлечены ранее опубликованные материалы Усть-Иерусалимского могильника. Сопоставление палеодемографических данных о населении, захороненном на пяти некрополях в разных частях Болгарского городища, показало сходную картину смертности. Вместе с тем, выделены два некрополя – некрополь у мавзолея в южной части Болгарского городища и Усть-Иерусалимский могильник, серии из которых отличаются относительно меньшей продолжительностью жизни и высокими процентами детской смертности. Эта особенность объясняется авторами тем, что данные два могильника наиболее полно раскопаны, а, следовательно, представленный материал лучше передает демографическую картину.

Ключевые слова: археология, антропология, палеодемография, Болгарское городище, Золотоордынские города, Среднее Поволжье.

Неоднократно интерес антропологов был направлен на изучение населения средневекового Болгара. Как правило, их работы были посвящены исследованию краниологии жителей города (Трофимова, 1949, 1956; Постникова, 1970, 1973; Ефимова, 1981, 1991; Герасимова и др., 1987; Газимзянов, 1996, 2001, 2002, 2004, 2015), реже изучались особенности посткраниального скелета (Герасимова и др., 1987; Боруцкая, 2004; Макарова и др., 2016), в единичных случаях исследователи в своих работах анализировали палеодемографические показатели (Васильев, Газимзянов,

2003; Боруцкая и др., 2007; Газимзянов, 2016), хотя к сегодняшнему дню накоплен репрезентативный антропологический материал. Данная работа является начальным этапом изучения демографической структуры населения Болгарского городища в целом.

Материалы и методы

Источником исследования половозрастной структуры послужили антропологические материалы из четырех некрополей Болгарского городища – некрополь в районе бывшего аэродрома, некрополь в районе современного «Памятного знака», некрополь вокруг мавзолея в южной части

¹ Работа подготовлена в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ №НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X-XVI вв.)».

городища, некрополь в северо-западной части городища (табл. 1).

Половозрастные определения проводились по принятой в российской палеоантропологии методике. Определение возраста взрослой части выборки производилось по облитерации швов черепа и степени стертости коронок зубов с учетом фиксации наличия/отсутствия линий прирастания эпифизарных частей и изношенности суставов посткраниального скелета. Определение возраста детей произведено с учетом сформированности зубной системы (от закладок коронок зуба, до закрытия корней зуба) и посткраниального скелета (прирастание эпифизарных частей, апофизов тазовой кости и позвоночного столба). При определении пола взрослых индивидов учитывались морфологические особенности черепа и тазовых костей (Герасимов, 1955; Добряк, 1960; Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). Все половозрастные определения выполнены И.Р. Газимзяновым.

Для описания возрастной структуры некрополей были использованы категории, предложенные Д.В. Пезжемским (2003, 2010): *Natus* (новоорожденные), *Lacteus* (до 1 года), *Infantilis prim.* (до 3 лет), *Infantilis I* (до 6–7 лет), *Infantilis II* (до 12–13 лет), *Juvenilis I* (до 18–20 лет), *Juvenilis II* (до 25 лет), *Adultus* (25–35 лет), *Maturus I* (35–45 лет), *Maturus II* (45–55 лет), *Senilis* (старше 55 лет).

Поскольку при определении биологического возраста использовались разные возрастные интервалы, при подсчете численности по возрастным когортам проводилось распределение одной возрастной категории на два

соседних интервала, поэтому в некоторых группах мы имеем дробное количество индивидов.

Некрополь в районе бывшего аэродрома

Некрополь представлен 126 погребениями. Из них в 21 погребении человеческие останки не представлены. Не удалось выполнить половозрастные определения в случае с тремя взрослыми и одним детским погребением в силу плохой сохранности костей. Распределение остальных костяков по возрасту и полу представлено в таблице 2.

Половозрастная структура населения, погребенного на некрополе в районе бывшего аэродрома, характеризуется практически равным процентом умерших детей и взрослых: 49% детей и 51% взрослых. Средний возраст смерти с учетом детской смертности составил 24,2 года, средний возраст смерти взрослого населения составил 36,5 лет. Пик детской смертности приходится на период первого детства (36,8% от общего количества детей). Каждый второй ребенок в популяции не доживал до трехлетнего возраста. Наибольшее количество детей умирало в возрасте до 1 года. Во взрослой части выборки женщины умирали чаще, чем мужчины. Пик женской смертности приходится на молодой возраст, в то время как мужчины чаще доживали до зрелого возраста. Средний возраст смерти в мужской части выборки составил 39,6 лет, женщины умирали в среднем в 33,5 лет (рис. 1).

Некрополь в районе современного «Памятного знака»

Некрополь в районе современного «Памятного знака» представлен всего

Таблица 1

Некрополи Болгарского городища, исследуемые в работе

Некрополи	Датировка	Раскопы	Автор раскопа, год
Некрополь в р-н бывшего аэродрома	XIV - начала XV вв.	CXLVI CLIV, CLV	В.С. Баранов, 2010 А.Г. Ситдииков, 2011
Некрополь в р-не современного «Памятного знака»	Первая половина XV в.	CLVI	В.С. Баранов, 2011
Некрополь вокруг мавзолея в южной части Болгарского городища	середина XIV – первая половина XV вв.	CLXXIV CCXIV	И.И. Ёлкина, 2012 И.И. Ёлкина, 2015
Некрополь в северо-западной части Болгарского городища	середина XIV-начало XV вв.	CXCI	А.Г. Ситдииков, С.Г.Бочаров, 2013

Таблица 2

Половозрастная структура населения, погребенного на некрополе в районе бывшего аэродрома

	N*	%	N ♂	%	N ♀	%
<i>Natus</i> (новорожденный)	1	1,0				
<i>Lacteus</i> (до 1 года)	11	10,9				
<i>Infantilis prim</i> (до 3-лет)	11	10,9				
<i>Infantilis I</i> (до 6-7 лет)	6	5,9				
<i>Infantilis II</i> (до 12-13 лет)	8	7,9				
<i>Juvenilis I</i> (до 18-20 лет)	7,5	7,4	1	1,6	4,5	7,3
<i>Juvenilis II</i> (до 25 лет)	4,5	4,5	1	1,6	3,5	5,6
<i>Adultus</i> (25-35 лет)	19,0	18,8	6,5	10,5	12,5	20,2
<i>Maturus I</i> (35-45 лет)	18,5	18,3	6,5	10,5	12	19,4
<i>Maturus II</i> (45-55 лет)	9,5	9,4	5	8,1	4,5	7,3
<i>Senilis</i> (старше 55 лет)	5	5,0	4	6,5	1	1,6
Итого	101	100,0	24	38,7	38	61,3

*численность

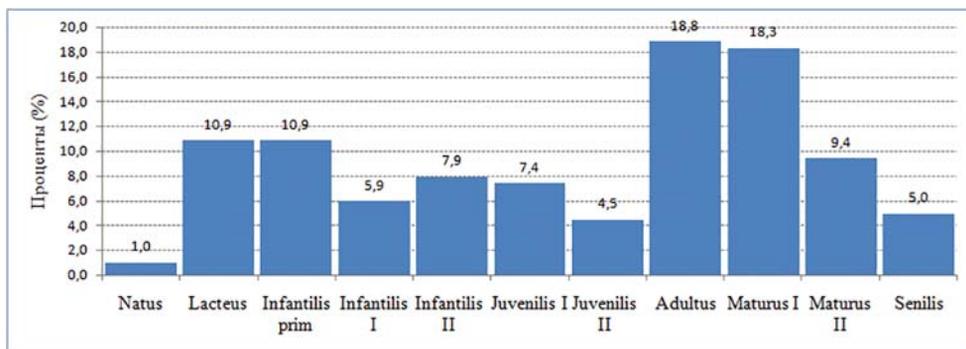

Рис. 1. Диаграмма распределения населения погребенного на некрополе в районе бывшего аэродрома по возрастным когортам.

Fig. 1. Diagram of distribution of the population buried at the necropolis in the area of a former aerodrome on the basis of age cohorts.

19 погребениями, из них два детских и два взрослых не подлежат более точным определениям (табл. 3).

Поскольку выборка слишком малочисленна для анализа возрастной структуры, приведем лишь основные палеодемографические показатели. Наибольший процент смертности приходится на период первого детства и на зрелый возраст. Процент детской

смертности ниже – 31,5%, при этом не следует забывать, что мы имеем дело не с полностью раскопанным некрополем. Средний возраст смерти с учетом детей составил 28,3 года. Средняя продолжительность жизни взрослых составила 36,5 лет (36,0 лет у мужчин и 37,0 лет у женщин). Полученные данные визуализированы на диаграмме (рис. 2).

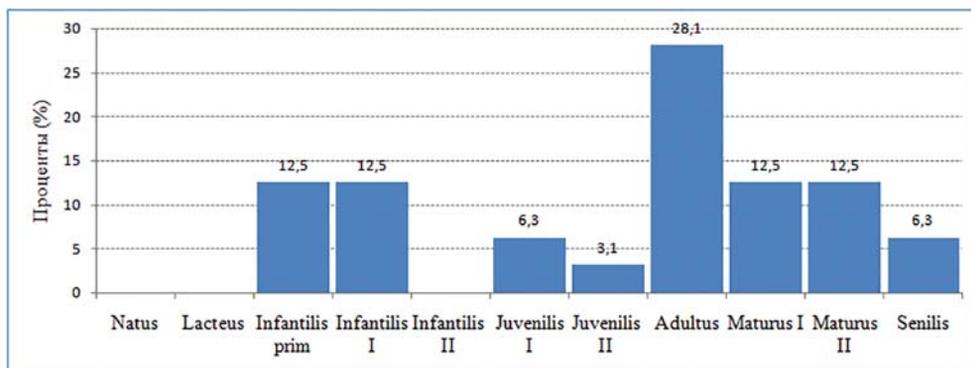

Рис. 2. Диаграмма распределения населения погребенного на некрополе в районе современного «Памятного знака» по возрастным когортам.

Fig. 2. Diagram of distribution of the population buried at the necropolis in the area of the contemporary 'Memorial sign' on the basis of age cohorts.

Таблица 3

Половозрастная структура населения,
погребенного на некрополе в районе современного «Памятного знака»

	N*	%	N ♂	N ♀
<i>Natus</i> (новорожденный)	0	0,0		
<i>Lacteus</i> (до 1 года)	0	0,0		
<i>Infantilis prim</i> (до 3-лет)	2	13,3		
<i>Infantilis I</i> (до 6-7 лет)	2	13,3		
<i>Infantilis II</i> (до 12-13 лет)	0	0,0		
<i>Juvenilis I</i> (до 18-20 лет)	1	6,7	1	0
<i>Juvenilis II</i> (до 25 лет)	0,5	3,3	0,5	0
<i>Adultus</i> (25-35 лет)	4,5	30,0	3,5	1
<i>Maturus I</i> (35-45 лет)	2	13,3	1,5	0,5
<i>Maturus II</i> (45-55 лет)	2	13,3	1,5	0,5
<i>Senilis</i> (старше 55 лет)	1	6,7	1	0
Итого	15	100,0	9	2

* численность

Таблица 4

Половозрастная структура населения,
погребенного на некрополе в южной части Болгарского городища

	N*	%	N ♂	%	N ♀	%
<i>Natus</i> (новорожденный)	2	1,6				
<i>Lacteus</i> (до 1 года)	16,5	13,1				
<i>Infantilis prim</i> (до 3-лет)	25,5	20,2				
<i>Infantilis I</i> (до 6-7 лет)	5	4,0				
<i>Infantilis II</i> (до 12-13 лет)	11	8,7				
<i>Juvenilis I</i> (до 18-20 лет)	16	12,7	4	6,6	7	11,5
<i>Juvenilis II</i> (до 25 лет)	6	4,8	2,5	4,1	3,5	5,7
<i>Adultus</i> (25-35 лет)	18,5	14,7	5,5	9,0	13	21,3
<i>Maturus I</i> (35-45 лет)	11	8,7	7	11,5	4	6,6
<i>Maturus II</i> (45-55 лет)	10,5	8,3	8	13,1	2,5	4,1
<i>Senilis</i> (старше 55 лет)	4	3,2	4	6,6	0	0,0
Итого	126,0	100,0	31,0	50,8	30,0	49,2

* численность

Таблица 5

Половозрастная структура населения,
погребенного на некрополе в северо-западной части Болгарского городища

	N*	%	N ♂	%	N ♀	%
<i>Natus</i> (новорожденный)	3	8,6				
<i>Lacteus</i> (до 1 года)	2	5,7				
<i>Infantilis prim</i> (до 3-лет)	2	5,7				
<i>Infantilis I</i> (до 6-7 лет)	3	8,6				
<i>Infantilis II</i> (до 12-13 лет)	1	2,9				
<i>Juvenilis I</i> (до 18-20 лет)	4,5	12,9	1	4,2	3,5	14,6
<i>Juvenilis II</i> (до 25 лет)	1,5	4,3	0	0,0	1,5	6,3
<i>Adultus</i> (25-35 лет)	3,5	10,0	0,5	2,1	3	12,5
<i>Maturus I</i> (35-45 лет)	8	22,9	4	16,7	4	16,7
<i>Maturus II</i> (45-55 лет)	5	14,3	1,5	6,3	3,5	14,6
<i>Senilis</i> (старше 55 лет)	1,5	4,3	1	4,2	0,5	2,1
Итого	35,0	100,0	8,0	33,3	16,0	66,7

*численность

***Некрополь вокруг мавзолея
в южной части
Болгарского городища***

Некрополь вокруг мавзолея в южной части городища самый представительный из всех рассматриваемых некрополей. На этом памятнике было вскрыто 147 погребений. Половозрастные определения удалось выполнить для 126 индивидов (табл. 4).

Как и в случае с некрополем в районе бывшего аэродрома, здесь выделяются два пика смертности – в первом детстве и в зрелом возрасте. Высокая детская смертность, особенно в возрастной когорте до 1 года и от 2 до 3 лет, повлияла на средний возраст смерти, который составил 19,2 года, что является самым низким по-

казателем из всех рассматриваемых серий. Без учета детской средний возраст смерти у взрослого населения составил 34,5 года. В женской части выборки пик смертности приходится на молодой возраст, в мужской, как и в предыдущих сериях, на зрелый. Следует также отметить, что в данном некрополе не представлены женщины старческого возраста, чего не было встречено в предыдущих двух сериях. Средний возраст смерти в мужской части выборки составил 39,2 лет, в женской – 29,8 лет (рис. 3).

***Некрополь в северо-западной части
Болгарского городища***

Некрополь в северо-западной части городища представлен небольшим количеством погребений. Всего

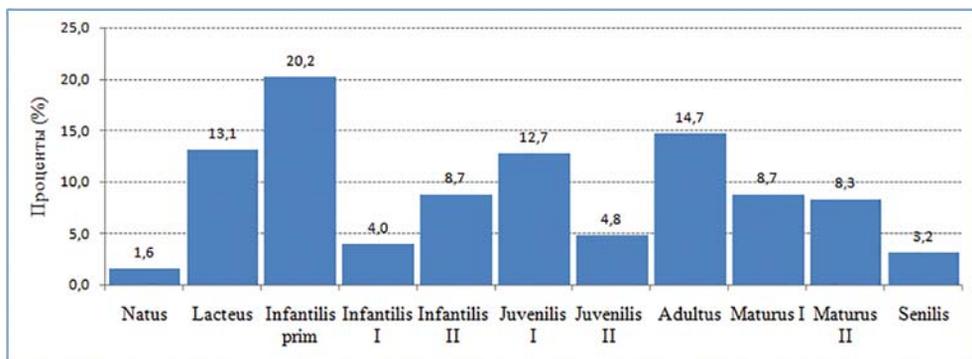

Рис. 3. Диаграмма распределения населения погребенного на некрополе вокруг мавзолея в южной части Болгарского городища по возрастным когортам.

Fig. 3. Diagram of distribution of the population buried at the necropolis encircling the mausoleum in the southern part of Bolgar settlement on the basis of age cohorts.

вскрыто 11 детских и 24 взрослых погребения (табл. 5).

В очередной раз картина распределения возрастов представлена двумя пиками смертности – в зрелом возрасте и в возрасте первого детства. Средний возраст смерти с учетом детей составил 25,5 лет, без учета – 36,9 лет. Следует отметить, что в выборке абсолютно не представлен старческий возраст. И среди мужчин, и среди

женщин преобладают индивиды зрелого возраста. При этом смертность в молодом возрасте у женщин также высока, как и в зрелом. Средний возраст смерти мужчин составил 40,5 лет, женщин – 33,3 (рис. 4).

Сравнительный анализ

Болгарское городище хорошо известно своими некрополями, часть из которых была изучена еще в 1930-е гг. И в археологии, и в палеоантрополо-

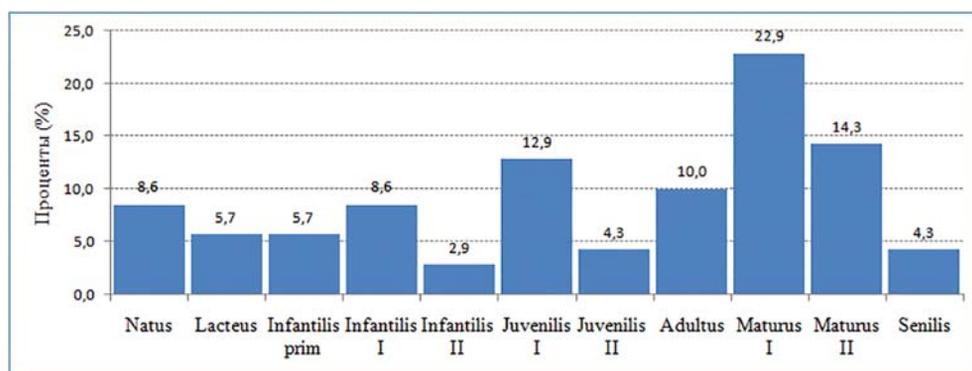

Рис. 4. Диаграмма распределения населения погребенного на некрополе в северо-западной части Болгарского городища по возрастным когортам.

Fig. 4. Diagram of distribution of the population buried at the necropolis in the northwestern part of Bolgar fortified settlement on the basis of age cohorts.

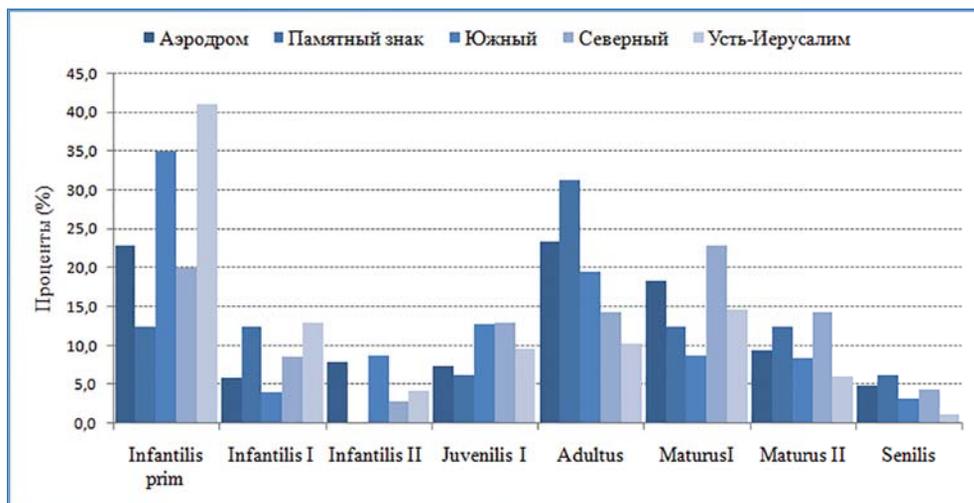

Рис. 5. Диаграмма распределения населения Болгарского городища по возрастным когортам.

Fig. 5. Diagram of distribution of the population of Bolgar settlement on the basis of age cohorts.

гии широко используются материалы по некрополям на Бабьем бугре, у Черной палаты, у «Четырехугольника», у Малого минарета и др., однако палеодемографические данные по ним либо отсутствуют, либо на текущем этапе не сопоставимы с нашими.

Единственным некрополем Болгарского городища, по которому до настоящего времени были опубликованы палеодемографические данные, является Усть-Иерусалимский могильник (Васильев, Газимзянов, 2003; Боруцкая и др., 2007). По остальным кладбищам имеются только величины среднего возраста смерти.

При анализе палеодемографических характеристик Усть-Иерусалимского могильника обращает на себя внимание высокий процент детских костяков – более половины, 57,14%. Соотношение по полу в данной группе распределено в сторону преобладания женских ко-

стяков. Средний возраст смерти из-за большого количества детей, особенно в возрасте 0–5 лет, составил – 16 лет (самый низкий показатель по некрополям Болгарского городища). Взрослая часть населения по этому показателю мало чем отличается от остальных синхронных групп, в среднем возраст смерти – около 32 лет (у мужчин – 34,8 лет, у женщин – 29,2 года).

Мы предприняли попытку сопоставить половозрастные структуры населения Болгара, захороненного на разных некрополях. При этом мы столкнулись с рядом трудностей, главная из которых связана с разными методиками подсчета демографических показателей, что делает сравнение материалов друг с другом практически невозможным. Так, для сопоставления анализируемых серий с материалами Усть-Иерусалимского могильника нам пришлось объединить в когорту *Infantilis prim*.

Таблица 6

Сравнительная характеристика некоторых палеодемографических показателей по некрополям Болгарского городища

	Некрополь в р-н бывшего аэродрома	Некрополь в р-не современного «Памятного знака»	Некрополь вокруг мавзолея в южной части Болгарского городища	Некрополь в северо-западной части Болгарского городища	Усть-Иерусалимский могильник
Кол-во детей*	40 (38,1%)	6 (31,6%)	67 (47,5%)	11 (31,4%)	172 (57,1%)
Кол-во взрослых*	65 (61,9%)	13 (68,4%)	74 (52,5%)	24 (68,6%)	129 (42,9%)
Средний возраст смерти без учета детей	36,7	36,8	34,6	36,9	31,7
Средний возраст смерти ♂	39,6	36,1	39,2	40,5	34,8
Средний возраст смерти ♀	33,9	37,5	29,9	33,3	29,2
Средний возраст смерти детей	5,1	4,8	4,7	3,5	4,3

*В данном случае также учтены погребения взрослых и детей, по которым отсутствуют точные определения возраста (или пола) из-за плохой сохранности костей.

всех детей в возрасте до 3-х лет, а в когорту *Adultus* добавить индивидов *Juvenilis II* (рис. 5).

В целом при сопоставлении половозрастной структуры населения Болгара, захороненного в разных некрополях, можно отметить довольно схожую картину смертности (табл. 6, рис. 5). В каждой группе мы отмечаем два пика смертности у детей в возрасте до 3-х лет и взрослых в зрелом возрасте, что, на наш взгляд, вполне отражает естественные демографические процессы. Большое количество женщин, умерших в молодом возрас-

те характерно для многих стабильных палеопопуляций. Еще В.П. Алексеев писал, что женский организм сильнее подвержен неблагоприятным воздействиям среды обитания, что, в первую очередь, связано с частыми родами (Алексеев, 1972, с. 20).

При общей схожести демографических характеристик всех позднезолотоордынских некрополей Болгара самыми высокими показателями детской смертности выделяются, на фоне остальных, некрополь вокруг мавзолея в южной части городища и Усть-Иерусалимский могильник. Не

исключено, что расхождения по этим показателям с другими кладбищами вызваны тем, что указанные два некрополя раскопаны наиболее полно. Также обращает на себя внимание в обеих выборках относительно низкая продолжительность жизни, которая, в первую очередь, связана с относительно высокой женской смертностью в молодом возрасте. Анализируя данные по остальным палеодемографическим признакам, отмечаем, что уровень жизни жителей Болгара был достаточно высоким, о чем свидетельствует большое количество людей, доживших до зрелого и старческого возраста как среди мужчин, так и среди женщин. Высокий процент детской смертности в первый год жизни, скорее всего, связан с плохим либо недостаточным медицинским уходом за ребенком.

Выводы

1. Полученная в ходе нашего исследования картина смертности населения средневекового Болгара хорошо вписывается в естественный ход демографических процессов.

2. Население, захороненное в Усть-Иерусалимском могильнике, сильно отличается от других групп болгарского населения. Вероятнее всего, эти отличия связаны с иными культурными традициями, присущими населению, погребенному в Усть-Иерусалимском могильнике, что также проявляется в некоторых особенностях погребального обряда и отличном от других краниометрическом типе.

3. На примере наших данных в очередной раз подтвержден постулат, изложенный В.П. Алексеевым еще в 1972 г. Речь идет о том, что материал для палеодемографических исследований должен происходить из «полностью или почти полностью раскопанных могильников, так как в противном случае он не обеспечивает случайность выборки». В случае если мы имеем дело с частично раскопанными некрополями, у нас всегда есть риск столкнуться с участком могильника, отличным от всего массива захоронений демографической, этнической или социальной спецификой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Палеодемография СССР // СА. 1972. № 1. С. 3–20.
2. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
3. Алексеев В.П. Остеометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 249 с.
4. Боруцкая С.Б. Палеоантропологическое исследование погребений Усть-Иерусалимского могильника г. Болгар (Татарстан) // Вестник антропологии. 2004. Вып. 11. С. 102–107.
5. Боруцкая С.Б., Васильев С.В. Анализ пропорций скелетов Усть-Иерусалимского могильника // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала (материалы III Халиковских чтений, г. Болгар, 27–30 мая 2004 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РИЦ «Школа», 2006. С. 409–418.
6. Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Газимзянов И.Р. Палеодемографические и палеопатологические аспекты исследования детских погребений Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар) // Вестник антропологии. Вып. 15. 2007. С. 413–418.
7. Васильев С.В., Газимзянов И.Р. Палеодемография Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар, Татарстан) // Экология древних и современных обществ. Вып. 2 /

Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2003. С. 218–220.

8. *Газимзянов И.Р.* Антропология населения Волжской Булгарии золотоордынского периода и некоторые вопросы этногенеза татар Среднего Поволжья // Вестник антропологии. Вып. 1. 1996. С. 97–120.

9. *Газимзянов И.Р.* Еще раз о могильнике «Бабий Бугор» // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред.: Е.П. Казаков. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 132–137.

10. *Газимзянов И.Р.* Краниология Усть-Иерусалимского могильника // Древность и средневековые Волго-Камья. Материалы III Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РИЦ «Школа», 2004. С. 46–49.

11. *Газимзянов И.Р.* Мавзолеи города Болгара: антропологический аспект // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдииков. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 11–15.

12. *Газимзянов И.Р.* Население средневекового Болгара по данным краниологии. Предварительные результаты по материалам раскопок 2010–2013 гг. // Поволжская археология. 2015. № 3(13). С. 112–124.

13. *Газимзянов И.Р.* Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии: Реконструкция этногенетических процессов. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. 269 с.

14. *Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек). М.: Наука, 1955. 585 с.

15. *Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. 254 с.

16. *Добряк В.И.* Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Гос. мед. изд-во УССР, 1960. 192 с.

17. *Ефимова С.Г.* Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 95 с.

18. *Ефимова С.Г., Минков Ц.* Об антропологическом составе населения Волжской Булгарии (по данным не метрических систем признаков) // Интердисциплинарные исследования. Кн. 7–8. / Отв. ред. Х. Тодорова. София: Изд-во АИМ при БАН, 1981. С. 7–15.

19. *Макарова Е.М., Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г.* Морфология посткраниального скелета населения Болгара (по материалам СХСИ раскопа) // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 244–259.

20. *Пежемский Д.В.* Определение биологического возраста в палеоантропологии и проблема возрастных интервалов // V Конгресс этнографов и антропологов России / Отв. ред. В. А. Тишков. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 255.

21. *Пежемский Д.В.* Половозрастная структура населения Псковского конца средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы 55-го заседания, посвящ. юбилею проф. И.К. Лабутиной (13–15 апреля 2009 г.) / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. Псков-Москва: ИА РАН, 2010. С. 47–55.

22. *Постникова Н.М.* К антропологии населения Волжской Булгарии: Антропологические материалы из могильника Минарет XIV–XV вв. // СА. 1973. № 3. С. 203–211.

23. *Постникова Н.М.* К антропологии средневекового могильника Четырехугольник // Материалы и исследования по археологии СССР, 1970, № 164. С. 24–38.

24. *Трофимова Т.А.* Антропологический состав населения г. Болгары в X–XV вв. // Антропологический сборник. Т. 1 / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 33. М.: АН СССР, 1956. С. 73–145.

25. *Трофимова Т.А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. VII. М.-Л.: АН СССР, 1949. 263 с.

Информация об авторе:

Макарова Екатерина Михайловна, научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет; научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ekaterina.m.makarova@gmail.com

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, заведующий археобиологической лабораторией, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); g-ilgizar@yandex.ru

PALAEODEMOGRAPHY OF BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT**E.M. Makarova, I.R. Gazimzyanov**

The article features the results of studying the palaeodemographic structures of Bolgar fortified settlement dating back to the Golden Horde period. The authors analyzed 4 necropoleis located in the following areas: 1) at the site of a former aerodrome (excavations 146, 154 and 155); 2) at the site of the contemporary Memorable sign (excavation 156); 3) encircling the mausoleum in the southern part of the fortified settlement (excavations 174 and 214); 4) necropolis in the northwestern part of the settlement (excavation 191). In order to obtain a comprehensive characteristic of the Bolgar population, the authors used previously published materials from Ust-Jerusalem burial mound. A mortality pattern was determined using a comparison of the palaeodemographic data of the population buried at five necropoleis in various parts of Bolgar fortified settlement. At the same time, the authors identified two necropoleis located near the mausoleum in the southern part of Bolgar settlement and the Ust-Jerusalem burial mound, with series of findings characterized by a relatively shorter lifetime of the buried and a high percentage of infant mortality. As explained by the authors, this feature is accounted for by the fact that the two burial mounds have been most thoroughly excavated, thereby the presented material better conveys the demographic pattern.

Keywords: archaeology, anthropology, palaeodemography, Bolgar fortified settlement, Golden Horde towns, Middle Volga region.

REFERENCES

1. Alekseev, V. P. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 3–20 (in Russian).
2. Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Cranimetry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Osteometry. Methodology of Anthropological Research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Borutskaiia, S. B. 2004. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 11, 102–107 (in Russian).
5. Borutskaiia, S. B., Vasil'ev, S. V. 2004. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia Povolzh'ia i Urala. Materialy III Khalikovskikh chtenii (g. Bolgar. 27–30 maia 2004 g.) (Historical and Culturel Investigations in the Volga Region and the Urals. Proceedings of III Khalikov Readings (Bolgar, May 27–30, 2004))*. Kazan: "Shkola" Publ., 409–418 (in Russian).
6. Borutskaiia, S. B., Vasil'ev, S. V., Gazimzyanov, I. R. 2007. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 15, 413–418 (in Russian).
7. Vasil'ev, S. V., Gazimzyanov, I. R. 2003. In Matveeva, N. P. (ed.). *Ekologiia drevnikh i sovremennykh obshchestv (Ecology of Ancient and Contemporary Societies)*. Tiumen: Institute of Problems of Development of the North of the SB RAS. 2, 218–220 (in Russian).

The work was prepared within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of the leading Russian scientific schools No. NSH-7170.2016.6. "Processes of urbanization and urban development in the Volga region (10th – 16th cc.)."

8. Gazimzianov, I. R. 1996. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 1, 97–120 (in Russian).
9. Gazimzianov, I. R. 2002. In Kazakov, E. P. (ed.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: “Master-Line” Publ., 132–137 (in Russian).
10. Gazimzianov, I. R. 2004. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: “Shkola” Publ., 46–49 (in Russian).
11. Gazimzianov, I. R. 2016. In Abdullin, Kh. M., Sitdikov, A. G. (eds.). *Materialy Kongressa islamskoi arkheologii Rossii i stran SNG (Materials of the Congress on Islamic Archaeology of Russia and the CIS Countries)*. Kazan: Institute of Archeology of the Tatarstan Academy of Sciences, 11–15 (in Russian).
12. Gazimzianov, I. R. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 112–124 (in Russian).
13. Gazimzianov, I. R. 2001. *Naselenie Srednego Povolzh'ia v sostave Zolotoi Ordy po dannym kraniologii: Rekonstruktsiia etnogeneticheskikh protsessov. (Population of the Middle Volga Region within the Golden Horde on the basis of Craniological Information: Reconstruction of Ethnogenetic Processes)*. PhD. Diss. Moscow, 2001.
14. Gerasimov, M. M. 1955. *Vosstanovlenie litsa po cherepu: (sovremennyi i iskopaemyi chelovek) (Forensic Facial Reconstruction: Modern and Fossil Human)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
15. Gerasimova, M. M., Rud', N. M., Yablonskii, L. T. 1987. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy (Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
16. Dobriak, V. I. 1960. *Sudebno-meditsinskaia ekspertiza skeletirovannogo trupa (Forensic Medical Examination of Skeletonized Cadaver)*. Kiev: State Medical Publisher House of the Ukrainian SSR (in Russian).
17. Efimova, S. G. 1991. *Paleoantropologiya Povolzh'ia i Priural'ia (Paleoanthropology of the Volga Region and the Urals)*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).
18. Efimova, S. G., Minkov, Ts. 1981. In Todorova, Kh. (ed.). *Interdistsiplinarni izsledvaniia (Interdisciplinary Studies)* 7–8. Sofia: “AIM” Publ., 7–15 (in Russian).
19. Makarova, E. M., Sitdikov A. G., Bocharov, S. G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 49–69 (in Russian).
20. Pezhemskii, D. V. 2003. In Tishkov, V. A. (ed.). *V Kongress etnografov i antropologov Rossii (5th Congress of Russian Ethnographers and Anthropologists)*. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 255 (in Russian).
21. Pezhemskii, D. V. 2010. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli: materialy 55-go zasedaniia, posviashch. iubileiu prof. I.K. Labutinoi (13–15 apreliia 2009 g.) (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)*. Pskov-M.: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 47–55 (in Russian).
22. Postnikova, N. M. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 203–211 (in Russian).
23. Postnikova, N. M. 1970. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 164. Moscow: “Nauka” Publ., 24–38 (in Russian).
24. Trofimova, T. A. 1956. In *Antropologicheskii sbornik (Anthropological Collection)* 1. Series: *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography, USSR Academy of Sciences)* 33. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 73–145 (in Russian).
25. Trofimova, T. A. 1949. In *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences)* 7. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1–263 (in Russian).

About the Authors:

Makarova Ekaterina M. Kazan Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ekaterina.m.makarova@gmail.com

Gazimzyanov Ilgizar R. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; G-Ilgizar@yandex.ru

Статья поступила в номер 13.09.2017 г.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ СЕЛЕНИЕ КАВАЛАРИ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ¹

© 2017 г. С.Г. Бочаров

В статье предпринимается попытка локализации средневекового селения Кавалари на Крымской стороне побережья Керченского пролива. Селение Кавалари занимало пространство около 350×200 м между современными населёнными пунктами Заветное и Набережное. Определить местоположение этого поселения удалось на основании картографических источников компасных карт – портоланов. В результате археологических исследований, проведённых экспедицией «Каффа» в 2010 г. установлена стратиграфическая ситуация и определено время существования селения Кавалари – вторая половина XIII – конец XV вв. Населённый пункт Кавалари входил в сельскую округу города Воспоро, части генуэзских владений в Северном Причерноморье – Генуэзской Газарии.

Ключевые слова: археология, историческая география, средневековый Крым, Керченский полуостров, село Набережное, Генуэзская Газария, Каффа, Воспоро, Кавалари, поливная керамика.

Данная статья является второй в серии продолжающихся публикаций о сельских памятниках Керченского полуострова XIII–XV вв., связанных с генуэзским присутствием в регионе и отмеченных на средневековых компасных картах-портоланах. Первыми были опубликованы материалы археологических исследований селения Дзукалаи на азовском побережье полуострова (Бочаров, 2016а, с. 88). На настоящий момент уже удалось восстановить основные вопросы, связанные с исторической топографией единственного генуэзского экономического и административного центра на Керченском полуострове – города Воспоро (Бочаров, 2003, с. 46; 2013а, 343; 2015, с. 127; Vocharov 2015, р. 443), а также в целом определить историко-географические границы

его сельской округи (Бочаров, 2001, с. 157; 2008, с. 12; 2013б, с. 38; 2016б, с. 263; Бочаров, Коваль, 2011а, с. 46; 2011б, с. 127). Дальнейшие продолжение этих исследований мы видим в рамках публикации археологических материалов.

В 2008–2010 гг. проводились исследовательские мероприятия по совместной программе Крымского филиала Института археологии НАНУ (сегодня – Институт археологии Крыма РАН) (соруководитель программы С.Г. Бочаров) и Института археологии РАН (соруководитель программы В.Ю. Коваль): «Роль Крыма в торговых и культурных связях Украины и России в XIII–XV вв.». Одной из основных задач программы был поиск средневековых поселений на Керченском и Тарханкутском полу-

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00213)

островах, отмеченных на компасных картах-портоланах. В 2010 г. археологической экспедицией «Каффа» были проведены археологические разведки, в ходе которых ставилась задача соотнесения пунктов, указанных на портоланах, с известными археологическими памятниками либо с географическими пунктами, удобными для размещения поселений, пристаней и якорных стоянок.

В ходе этих разведок была осуществлена шурфовка поселения у села Набережное (Заветнинский сельский совет Ленинского района Республики Крым) (Бочаров, 2011, л. 5–19). На компасных картах-портоланах эта местность отмечена топонимом Кавалари (Cavallar, Cavallario, Cavallari), который ранее отождествлялся исследователями с географическим ориентиром либо с мысом Кыз-Аул (Тодорова, 1989, с. 181; Еманов, 1995, с. 101), либо с мысом Такиль (Kretschmer, 1909, с. 644). Однако, по нашему мнению, топоним Кавалари принадлежал селению, отмеченному на морских картах в Южной части побережья Керченского пролива. Установленные разведками в 2009 г. размеры поселения, которое находится на поле между селами Заветное (бывшее Яньш-Такиль) и Набережное составляют участок около 350×200 м. (рис. 1). При архивных изысканиях удалось выяснить, что первые находки керамики XIII–XV вв. в этом месте были отмечены в 1998 г. в отчете Боспорской охранно-археологической экспедиции (Зинько, Пономарев, 1998, л. 4)

С целью получения данных стратиграфии и археологических материалов для датировки памятника, на нем были заложены три шурфа. Шурфы

расположены в южной части села Заветное, на естественном мысе, в местах наибольшей концентрации подъемного материала (рис. 1).

Шурф 1 расположен у южного склона естественного мыса в 30,00 м. севернее здания фермы на незастроенном пространстве (рис. 1). Шурф ориентирован по оси север – юг. Размер шурфа 2,00×2,00 м. Глубина культурных напластований до 0,84 м.

Стратиграфическая ситуация в шурфе 1 (рис. 2; 3). Слой дерна толщиной от 0,02 до 0,05 м зафиксирован по всей площади шурфа, археологических находок в слое не обнаружено. Под ним, также на всей площади шурфа, зафиксирован слой светло-серого грунта, мощностью до 0,22 м. Археологические находки в слое не найдены. Ниже залегал слой серо-коричневого грунта на глубине от 0,12 до 0,25 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,40 м. В слое были обнаружены: один фрагмент дна сосуда красноглиняного (I–III вв.?), десять фрагментов амфор красноглиняных (группа Трапезунд, XIII–XIV вв.) (Волков, 1989, с. 87–96; Масловский, 2006, с. 381–383), тридцать два фрагмента сосудов красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 356–359), один фрагмент сосуда красноглиняного (группа Юго-Западный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 383–388), фрагмент кувшина поливного красноглиняного (группа Юго-Восточный Крым, XIV–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 364–366), три фрагмента кувшина поливного красноглиняного со штампованным орнаментом, полива

Рис. 1. Средневековое селение Кавалари. Общий план. Красным цветом выделена примерная территория поселения. 1, 2, 3 – расположение шурфов (исследования 2010 г.), 4 – предполагаемая территория могильника.

Fig. 1. Medieval village of Kavalari. General plan. The approximate territory of the settlement is highlighted in red. 1, 2, 3 – location of pits (study of 2010), 4 – anticipated territory of the burial mound.

зеленого цвета (рис. 4) (Солхат, вторая треть XIV в.) (Масловский, 2006, с. 368; Бочаров, Масловский, 2015, с. 192), три фрагмента мисок красноглиняных с монохромной поливой (группа Юго-Восточный Крым, XIV–XV вв.), два фрагмента миски поливной с росписью марганцем (Солхат, 40-е гг. XIV в.) (Бочаров, Масловский, 2016, с. 22). Слой светло-коричневого грунта зафиксирован также на всей площади шурфа, залегал под слоем серо-коричневого грунта, на глубине от 0,40 до 0,64 м от уровня современной дневной поверхности. Его мощность около 0,25 м. Археологические находки в слое не зафиксированы. Слой плотного желтого суглинка зафиксирован на всей площади шурфа. Залегал под слоем светло-коричневого грунта, на глубине от 0,60 до 0,82 м. от уровня современной днев-

ной поверхности. Мощность слоя до 0,03 м. Археологические находки в слое не обнаружены. Ниже слоя плотного желтого суглинка залегал материковый слой (рис. 2; 3).

Шурф 2 расположен в 9,00 м западнее шурфа 1, ориентирован по оси север – юг (рис. 1). Размер шурфа 2,00×2,00 м. Глубина культурных напластований до 1,26 м.

Стратиграфическая ситуация в шурфе 2 (рис. 5; 6). Слой дерна зафиксирован по всей площади шурфа. Толщина слоя 0,02 до 0,05 м. Археологические находки в слое не найдены. Слой светло-серого грунта зафиксирован на всей площади шурфа. Залегал под слоем дерна, на глубине от 0,02 до 0,05 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,20 м. Находки в слое не обнаружены. Слой серо-коричневого

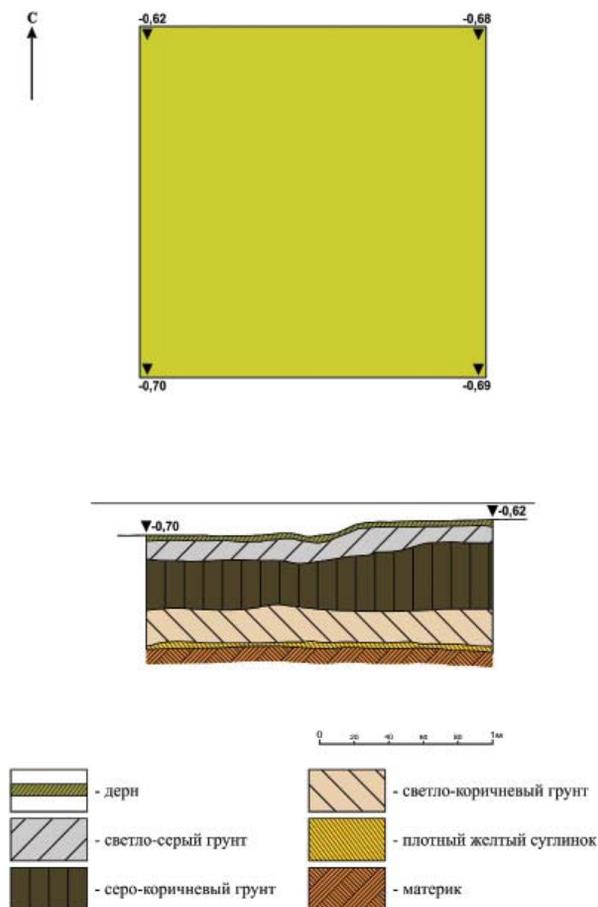

Рис. 2. Средневековое селение Кавалари. План шурфа 1 и стратиграфия западного борта.

Исследования 2010 г.

Fig. 2. Medieval village of Kavalari. Plan of the pit 1 and the stratigraphy of the western wall. Studies of 2010.

грунта зафиксирован на всей площади шурфа. Залегал под слоем светло-серого грунта, на глубине от 0,16 до 0,20 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,82 м. В слое были найдены: тринадцать фрагментов амфор красноглиняных (рис. 7) (группа Трапезунд, XIII–XIV вв.) (Волков, 1989, с. 87–96; Масловский, 2006, с. 381–383), четырнадцать фрагментов сосудов красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 356–359), восемь фрагментов сосудов красноглиняных (группа Юго-Западный Крым, XIII–XV вв.) (Вол-

ков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 383–388), два фрагмента кувшинов поливных красноглиняных, полива зеленого цвета (рис. 8: 1, 3) (группа Юго-Восточный Крым, XIV–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 364–366), четыре фрагмента чаш поливных красноглиняных монохромных, глазурь желтого цвета (рис. 8: 2, 7) (Солхат, вторая половина XIV в.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 360–364), один фрагмент миски поливной красноглиняной полихромной с орнаментом сграффито (рис. 8: 4) (Солхат, вторая половина XIV в.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 355,

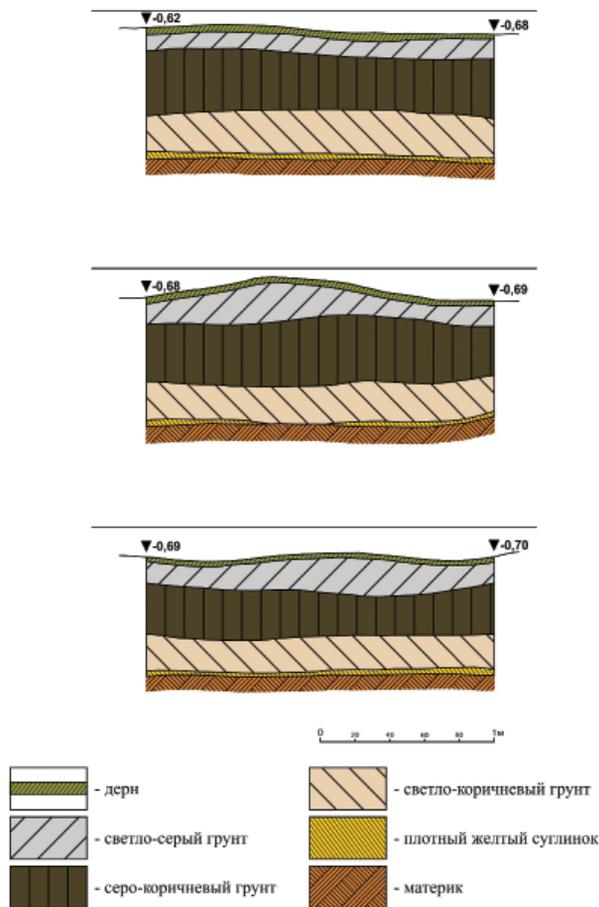

Рис. 3. Средневековое селение Кавалари. Стратиграфии бортов шурфа 1. Исследования 2010 г.

Fig. 3. Medieval village of Kavalari. Stratigraphy of the walls of pit 1. Studies of 2010.

360–364), один фрагмент чаши поливной красноглиняной монохромной, полива зеленого цвета (рис. 8: 5) (Каффа, XV в.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 356–357), один фрагмент стенки миски поливной (рис. 8: 6) (Византия, вторая половина XIII в.) (Бочаров, Масловский, 2012, с. 29). Слой светло-коричневого грунта зафиксирован на большей площади шурфа. Залегал под слоем серо-коричневого грунта, на глубине от 0,50 до 0,60 м. от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,24 м. В слое были обнаружены: один фрагмент венчика сосуда красноглиняного (I–III вв.), восемь

фрагментов амфор красноглиняных (рис. 9: 1, 4) (группа Трапезунд, XIII–XIV вв.) (Волков, 1989, с. 87–96; Масловский, 2006, с. 381–383), тридцать фрагментов сосудов красноглиняных (рис. 9: 2, 5–7, 9) (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 356–359), двадцать девять фрагментов сосудов красноглиняных (рис. 9: 3, 8) (группа Юго-Западный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 383–388), один фрагмент стенки кувшина поливного красноглиняного (рис. 9: 10) (группа Юго-Восточный Крым, XIV–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский,

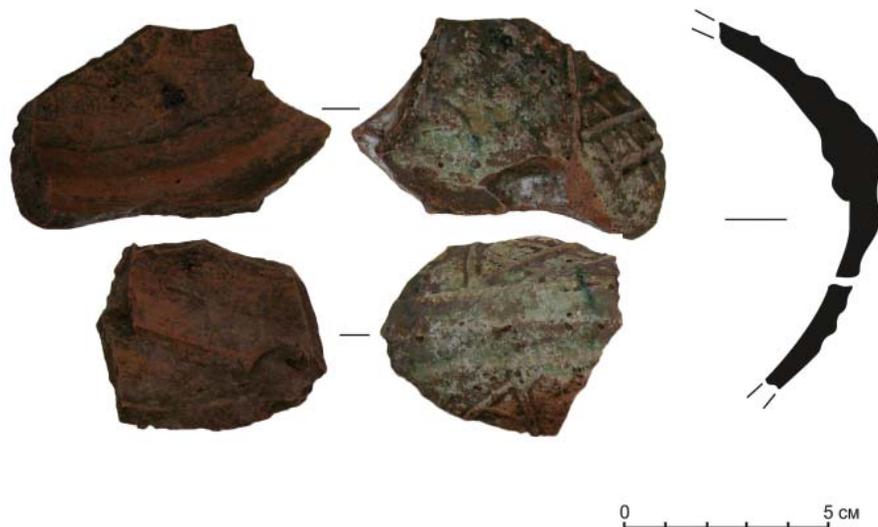

Рис. 4. Средневековое селение Кавалари.
Исследования 2010 г. Шурф 1, слой светло-серого грунта.
Фрагменты кувшина штампованного поливного (Солхат, вторая треть XIV в.).
Fig. 4. Medieval village of Kavalari. Studies of 2010. Pit 1, a layer of light grey soil.
Fragments of a glazed stamped jar (Solkhath, second third 14th century).

2006, с. 364–366), один фрагмент венчика чаши поливной красноглиняной монохромной, полива желтого цвета (рис. 9: 11) (Солхат, вторая половина XIV в.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 360–364), пластина медная. Слой плотного желтого суглинка зафиксирован на большей площади шурфа. Залегал под слоем светло-коричневого грунта, на глубине от 0,70 до 0,78 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,05 м. Находки в слое не зафиксированы. При исследовании слоев серо-коричневого грунта, светло-коричневого грунта и плотного желтого суглинка в северном борту шурфа была зафиксирована и исследована яма 1 (рис. 5). Устье ямы овальное в плане, размером 1,35×0,85 м. Глубина ямы 0,50 м. Дно ямы овальное в плане, размером 1,50×0,98. Яма кололоводная в сечении. Дно относительно ровное. Яма 1 была заполнена

слоем светло-коричневого плотного грунта, который залегал под слоем серо-коричневого грунта на глубине от 0,92 до 1,05 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,26 м. В слое были обнаружены: один фрагмент амфоры красноглиняной (рис. 10: 1) (группа Трапезунд, XIII–XIV вв.) (Волков, 1989, с. 87–96; Масловский, 2006, с. 381–383), сорок три мелких фрагмента сосудов красноглиняных (рис. 10: 2, 3) (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 356–359), десять фрагментов сосудов красноглиняных (рис. 10: 4) (группа Юго-Западный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 383–388), четыре фрагмента кувшинов поливных красноглиняных (рис. 10: 8–11) (группа Юго-Восточный Крым, XIV–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 364–366), (Волков,

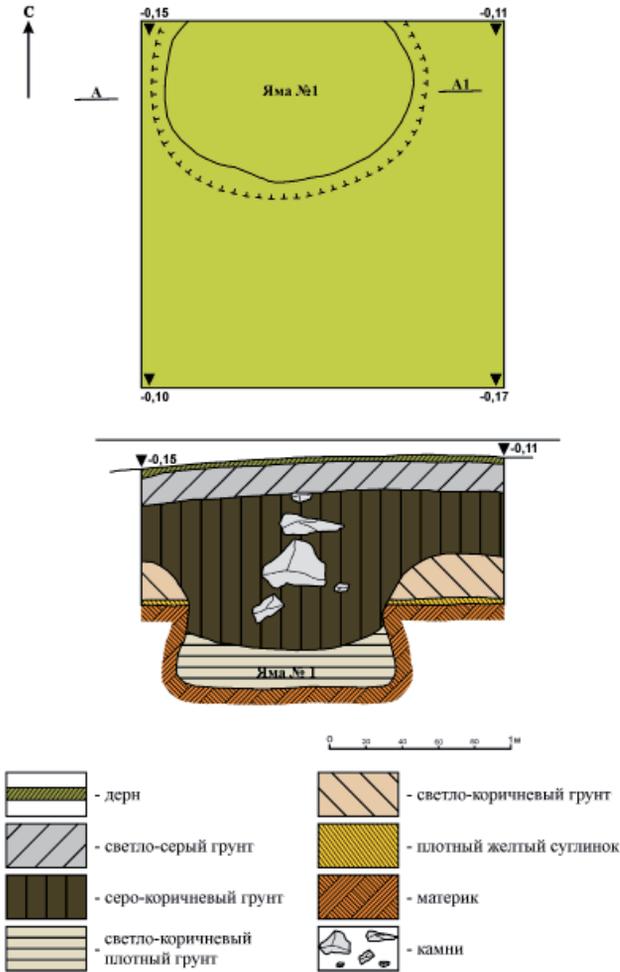

Рис. 5. Средневековое селение Кавалари. План шурфа 2 и стратиграфия западного борта.

Исследования 2010 г.

Fig. 5. Medieval village of Kavalari. Plan of the pit 2 and the stratigraphy of the western wall. Studies of 2010.

1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 356–357), один фрагмент миски поливной с росписью марганцем (рис. 10: 7) (Солхат, 40-е гг. XIV в.) (Бочаров, Масловский, 2016, с. 22), один фрагмент миски поливной красноглиняной полихромной с орнаментом сграффито (рис. 10: 5) (Солхат, вторая половина XIV в.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 355, 360–364), один фрагмент чаши поливной красноглиняной монохромной, полива зеленого цвета (рис. 10: 6) (Каффа, XV в.), один втульчатый наконечник железный стрелы арбалет-

ной (рис. 11) (XV в.) (Кирилко, Мыц, 2004, 212). Ниже слоя плотного желтого суглинка залегал материковый слой очень плотного желтого суглинка (рис. 5; 6).

Шурф 3 расположен в южной части исследуемого участка в 7,00 м южнее грунтовой дороги и в 10,00 м севернее шурфа 1 (рис. 1). Шурф ориентирован по оси север – юг. Размер шурфа 2,00×2,00 м. Глубина культурных напластований до 0,86 м.

Стратиграфическая ситуация в шурфе 3. Слой дерна отмечен по всей площади шурфа, его толщина от 0,02

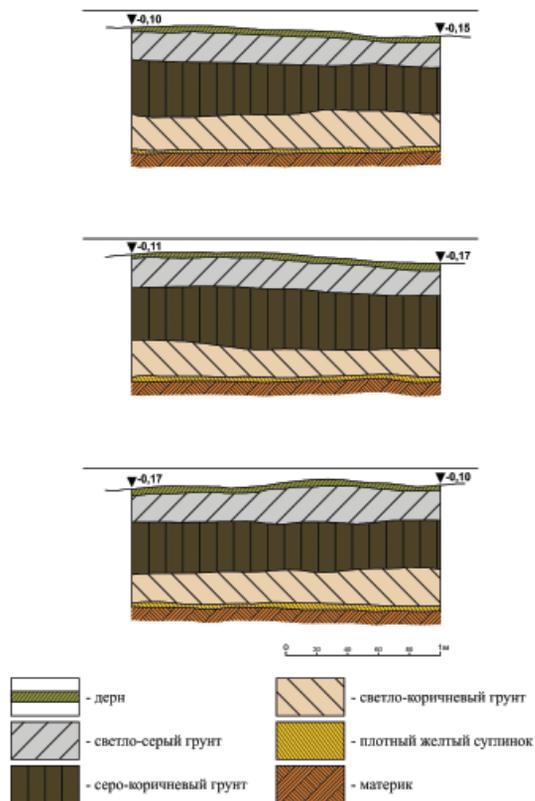

Рис. 6. Средневековое селение Кавалари. Стратиграфии бортов шурфа 2. Исследования 2010 г.

Fig. 6. Medieval village of Kavalari. Stratigraphy of the walls of pit 2. Studies of 2010.

до 0,06 м. В слое были обнаружены: пятнадцать мелких фрагментов сосудов красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 356–359), два фрагмента красноглиняных сосудов (группа Юго-Западный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 383–388). Слой светло-желтого суглинка зачищен в северном и западном бортах шурфа. Залегал под слоем дерна, на глубине от 0,02 до 0,06 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,10 м. Археологические находки в слое не найдены. Слой светло-серого грунта отмечен на всей площади шурфа. Залегал под слоями дерна, светло-желтого суглинка, на глубине от 0,04 до 0,15 м от уровня современной дневной по-

верхности. Мощность слоя до 0,28 м. Находки в слое не обнаружены. Слой серо-коричневого грунта зафиксирован на всей площади шурфа. Залегал под слоем светло-серого грунта, на глубине от 0,08 до 0,32 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,34 м. В слое были обнаружены: два фрагмента красноглиняных сосудов (I–III вв.?), два фрагмента амфор красноглиняных (группа Трапезунд, XIII–XIV вв.) (Волков, 1989, с. 87–96; Масловский, 2006, с. 381–383), восемьдесят девять мелких фрагментов сосудов красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 356–359), один фрагмент стенки чаши поливной красноглиняной монохромной, полива желтого цвета (Солхат,

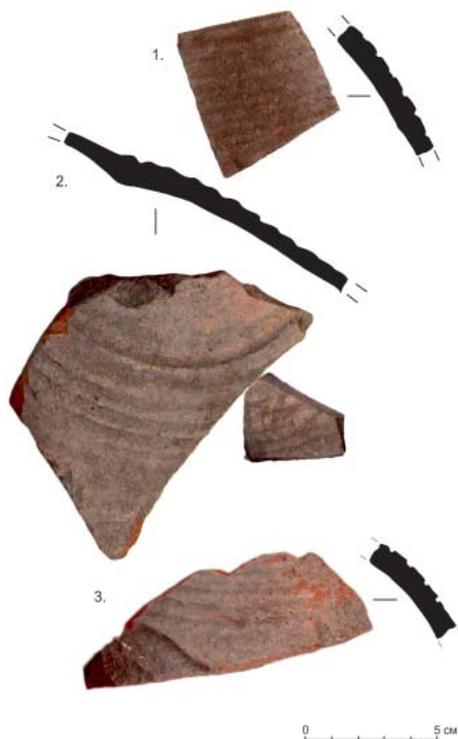

Рис. 7. Средневековое селение Кавалари.
Исследования 2010 г.
Шурф 2, слой серо-коричневого грунта.
Фрагменты амфор красноглиняных
(группа Трапезунд, XIII–XIV вв.).

Fig. 7. Medieval village of Kavalari.
Studies of 2010. Pit 2, a layer of grey-brown soil.
Fragments of red clay amphorae
(Trapezund group, 13th–14th cc.).

вторая половина XIV в.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 360–364), ножевая накладка бронзовая, листовидная. Слой светло-коричневого грунта зафиксирован на всей площади шурфа. Залегал под слоем серо-коричневого грунта, на глубине от 0,45 до 0,62 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,24 м. В слое были обнаружены: четыре фрагмента сосудов красноглиняных (I–III вв.), один фрагмент стенки амфоры красноглиняной с зональным рифлением (Причерноморский тип, IX–X вв.) (Паршина и др., 2001, с. 76–86), сорок семь мелких фрагментов сосудов красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.) (Волков, 1992, с. 5–19; Масловский, 2006, с. 356–359). Слой плотного желтого суглинка зафиксирован на всей площади шурфа. Залегал под слоем свет-

ло-коричневого грунта, на глубине от 0,70 до 0,82 м от уровня современной дневной поверхности. Мощность слоя до 0,04 м. Находки в слое не зафиксированы. Ниже слоя плотного желтого суглинка залегал материковый слой очень плотного желтого суглинка.

Для всех трех шурфов характерна высокая интенсивность заполнения археологическими находками, связанными с периодом конца XIII – начала XV в. слоев серо-коричневого и светло-коричневого грунта. По-видимому, именно эти два слоя, насыщенные остатками бытовых предметов, и следует связывать с функционированием здесь селения эпохи Золотой Орды, носившего название Кавалари.

Могильник пункта Кавалари находится северо-восточнее территории поселения под современной коттеджной застройкой села Набережное (рис. 1). По свидетельствам местных жителей, при проведении земляных работ в южной части села в 1999 г. были разрушены несколько захоронений в плитовых могилах. Христиане (адыги, зихи – латинских письменных источников, черкесы – восточных), переселившиеся в Крым из региона Северного Кавказа в конце XIII – начале XIV в. фиксируются в Горном

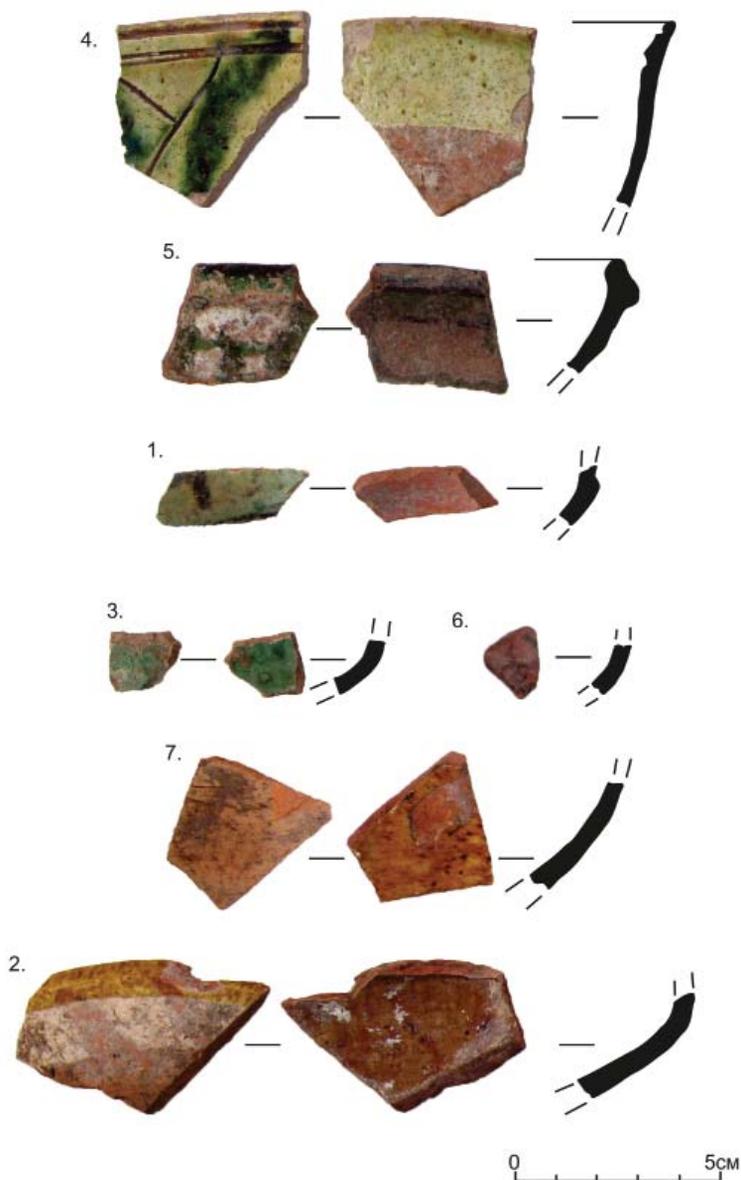

Рис. 8. Средневековое селение Кавалари. Исследования 2010 г. Шурф 2, слой серо-коричневого грунта. 1, 3 – фрагменты кувшинов поливных красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIV–XV вв.), 2, 7 – фрагменты чаш поливных красноглиняных монохромных (Солхат, вторая половина XIV в.), 4 – фрагмент миски поливной красноглиняной полихромной с орнаментом сграффито (Солхат, вторая половина XIV в.), 5 – фрагмент чаши поливной красноглиняной (Каффа, XV вв.), 6 – фрагмент миски поливной (Византия, вторая половина XIII в.).

Fig. 8. Medieval village of Kavalari. Studies of 2010. Pit 2, a layer of grey-brown soil. 1, 3 – fragments of glazed red clay jars (South-Eastern Crimea group, 14th–15th cc.), 2, 7 – fragments of monochrome red clay glazed bowls (Solkhath, second half of 14th c.), 4 – fragment of a polychrome glazed red clay bowl with a sgraffito ornament (Solkhath, second half of 14th c.), 5 – fragment of a glazed red clay bowl (Caffa, 15th c.), 6 – fragment of a glazed bowl (Byzantium, second half of 13th c.).

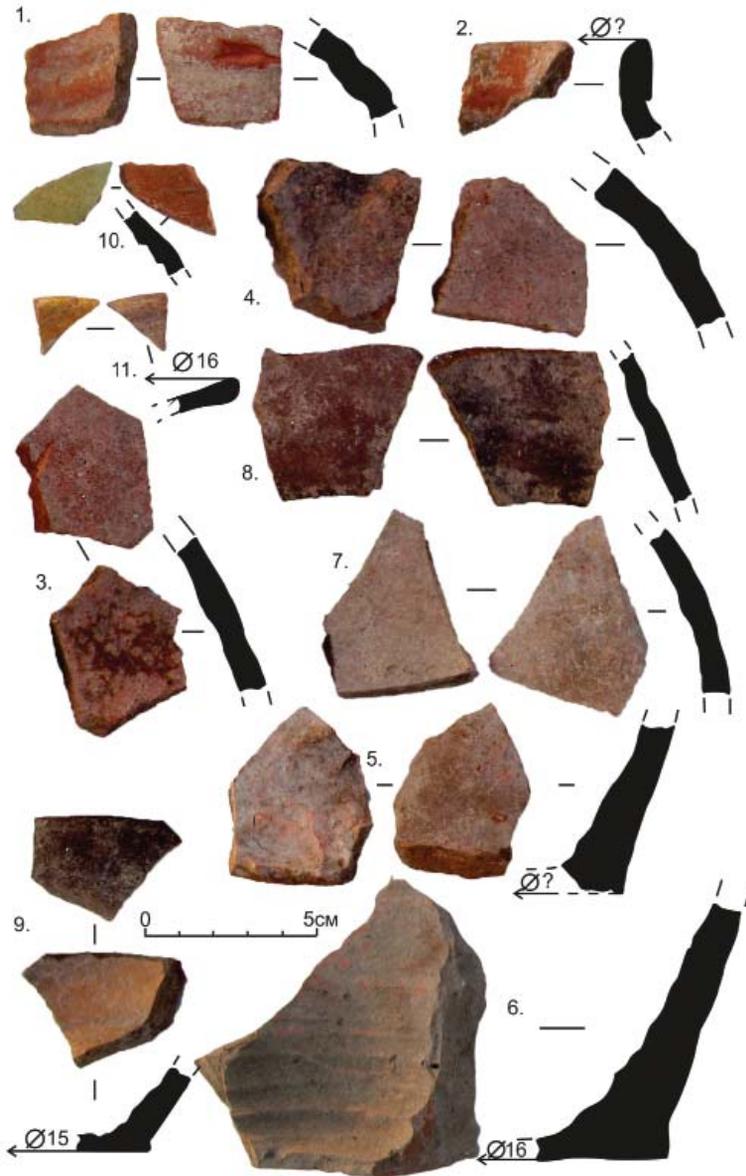

Рис. 9. Средневековое селение Кавалари. Исследования 2010 г. Шурф 2, слой светло-коричневого грунта. 1, 4 – фрагменты амфор красноглиняных (группа Трапезунд, XIII–XIV вв.), 2, 5–7, 9 – фрагменты сосудов красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.), 3, 8 – фрагменты сосудов красноглиняных (группа Юго-Западный Крым, XIII–XV вв.), 10 – фрагмент стенки кувшина поливного красноглиняного (группа Юго-Восточный Крым, 11 – фрагмент венчика чаши поливной красноглиняной (Солхат, вторая половина XIV в.).

Fig. 9. Medieval village of Kavalari. Studies of 2010. Pit 2, light brown soil layer. 1, 4 – fragments of red clay amphorae (Trapezund group, 13th–14th cc.), 2, 5–7, 9 – fragments of red clay vessels (Southeast Crimea group, 13th–15th cc.), 3, 8 – fragments of red clay vessels (South-Western Crimea group, 13th–15th cc.), 10 – fragment of the wall of a of glazed red clay jug (Southeast Crimea group, 11 – fragment of the collar of glazed red clay bowl (Solkhath, second half of 14th c.).

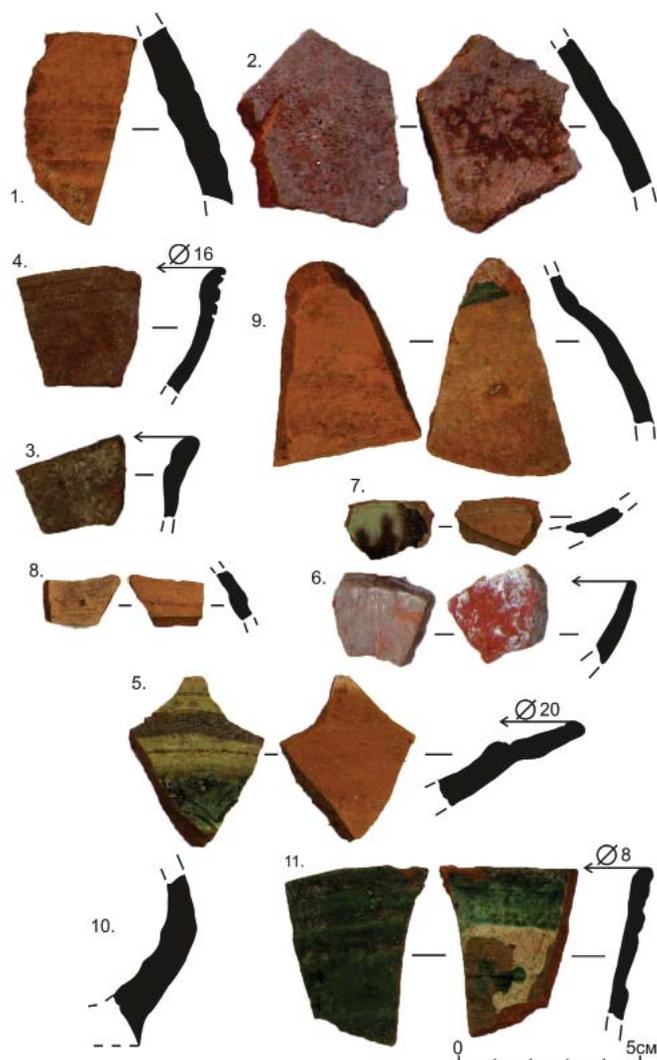

Рис. 10. Средневековое селение Кавалари. Исследования 2010 г. Шурф 2, яма 1, слой светло-коричневого плотного грунта. 1 – фрагмент амфоры красноглиняной (группа Трапезунд, XIII–XIV вв.), 2, 3 – фрагменты сосудов красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIII–XV вв.), 3 – фрагмент сосуда красноглиняного (группа Юго-Западный Крым, XIII–XV вв.), 8–11 – фрагменты кувшинов поливных красноглиняных (группа Юго-Восточный Крым, XIV–XV вв.), 5 – фрагмент миски поливной красноглиняной полихромной с орнаментом сграффито (Солхат, вторая половина XIV в.), 6 – фрагмент чаши поливной красноглиняной (Каффа, XV в.), 7 – фрагмент миски поливной с росписью марганцем (Солхат, 40-е гг. XIV в.).

Fig. 10. Medieval village of Kavalari. Studies of 2010. Pit 2, hollow 1, a layer of light brown dense soil. 1 – fragment of a red clay amphora (Trapezund group, 13th–14th cc.), 2, 3 – fragments of red clay vessels (Southeast Crimea group, 13th–15th cc.), 3 – fragment of a red clay vessel (Southwest Crimea group, 13th–15th cc.), 8–11 – fragments of glazed red clay jars (South–East Crimea group, 14th–15th cc.), 5 – fragment of a polychrome glazed red clay bowl with a sgraffito ornament (Solkhat, second half of 14th c.), 6 – fragment of a glazed red clay bowl (Caffa, 15th c.), 7 – fragment of a glazed bowl with a manganese painting (Solkhat, 1340s).

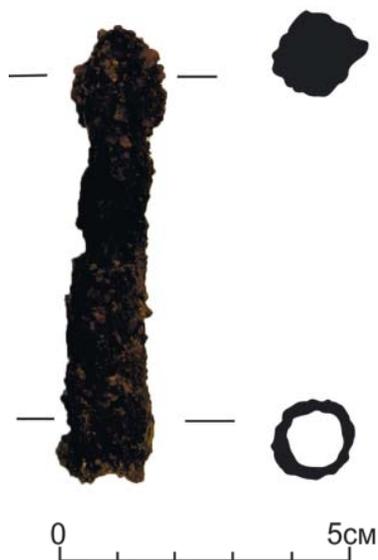

Рис. 11. Средневековое селение Кавалари. Исследования 2010 г. Шурф 2, яма 1, слой светло-коричневого плотного грунта.

Наконечник арбалетной стрелы (XV в.).

Fig. 11. Medieval village of Kavalari. Studies of 2010. Pit 2, hollow 1, a layer of light brown dense soil. Crossbow arrowhead (15th c.).

Крым на памятниках междуречья Качи – Бельбека и в Алуштинской долине (Мыц, 1991, с. 82). Одним из отличительных признаков погребального обряда этой новой группы населения является наличие в захоронениях жертвенной пищи (Мыц, 2009, с. 217, 226). Из восьми расположенных на побережье Керченского пролива селений могильники изучены только на двух. В некрополе селений Пондико (современная территория города Керчи) (Бутягин, Виноградов, 2006, с. 49–51) и Дзукалаи (современное Золотое) (Орлов, 1979, с. 116–124; Бочаров, 2016а, с. 147) фиксируется наличие погребального инвентаря с остатками жертвенной пищи. В связи с отсутствием исследований некрополя поселения Кавалари сделать выводы о его населении мы можем только гипотетически. Выскажем предположение, что селение Кавалари, как и остальные населенные пункты побережья Керченского полуострова, было основано переселенцами из дельты Кубани и Северного Кавказа – адыгами (Бочаров, 2013б, с. 39).

Удалось найти два упоминания селения Кавалари в письменных источниках. Первое – относится к 26 марта 1393 г, когда был составлен договор между дожем Генуи Антонио ди Монтальдо, Советом старейшин Генуи, с согласия официи Монеты, с одной стороны, и патроном и совладельцем навы (корабля), жителем Каффы Джованни ди Сан Донато – с другой. В соответствии с этим договором в портах Матрега, Воспоро, Кавалари, Кубатуба, Каффа, Чембало, Леффети в течение ноября 1393 г. на это судно должно быть погружено зерно, которое надо было доставить в Геную (Balard, 1978, p. 754; Карпов, 1998, с. 10; Мыц, 2009, с. 158). Второе упоминание относится к 1454 г. и связано с действиями османского флота Мехмеда II под командованием Темир-Кая против генуэзской Каффы. Идя после разорения города Севастополис (современный Сухуми) к Каффе, у селения Кавалари Темир-Кая встретился с представителями крымского хана Хаджи-Гирея, где обсуждался план совместных действий против Каффы (Мыц, 2009, с. 238).

Вероятно, селение Кавалари входило в состав Генуэзской Газарии – владений Генуэзской республики в Северном Причерноморье – и было частью сельской округи четвертого по величине генуэзского города Крымского полуострова – Воспоро.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бочаров С.Г.* Генуэзская крепость Воспоро в XIV – XV веках // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и Средние века. Резюме докладов XI международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд. РГПУ, 2003. С. 46–47.
2. *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV веков II // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции / Отв. ред. А.И. Иваненко. Керчь, 2001в. С. 157–161.
3. *Бочаров С.Г.* Историческая география Генуэзской Газарии 1275–1475 гг. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.). / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Ялта, Кишинёв: Stratum plus, 2016а. С. 263–268.
4. *Бочаров С.Г.* Крепостные сооружения города Боспора – Воспоро в XIV–XV вв. Реконструкция // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрёстке. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). / Ред. М.Ю. Вахтина, Е.В. Грицик, и др, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013а. С. 342–348.
5. *Бочаров С.Г.* Отчет об археологических исследованиях средневековых поселений XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова в 2010 г. Симферополь, 2011 / Научный архив ИАК РАН. Инвентарная книга 7. Инвентарный № 1229. Папка 1665. 146 л.
6. *Бочаров С.Г.* Поселения XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова – связи с регионом Кубани // Материалы Шестой Кубанской Международной археологической конференции / Отв. ред И.И. Марченко. Краснодар: Изд-во Экоинвест, 2013. С. 37–40.
7. *Бочаров С.Г.* Поселения Крымского побережья XIII–XV вв. Данные карт-портोलанов и археологическая ситуация // Этнические, демографические и духовные взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху, византийский период и средневековье. 11 заседание Совместной комиссии по исследованиям в области истории, археологии, этнографии и фольклора НАНУ и Румынской АН (22–27 сентября 2008 г., Симферополь). / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Кожокару. Симферополь: Издательство А. Э. Барановского, 2008. С. 12–14.
8. *Бочаров С.Г.* Средневековое селение Дзукалаи на Керченском полуострове. // Поволжская археология. 2016а. № 4. С. 88–103.
9. *Бочаров С.Г.* Фортификационные сооружения генуэзского Воспоро // Причерноморье в средние века. Вып. 9 / Отв. ред. С.П. Карпов. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. С. 127–148.
10. *Бочаров С.Г., Коваль В.Ю.* Карты-портоланы и археологическая ситуация на крымском побережье в контексте византийско-генуэзской черноморской торговли // Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов «Российское византиноведение: традиции и перспективы» / Отв. ред. С.П. Карпов. М.: Изд. Московского университета, 2011б. С. 46–49.
11. *Бочаров С.Г., Коваль В.Ю.* Поселения крымского побережья в системе международной торговли Руси и Средиземноморья. Археологические свидетельства // Труды III (XIX). Всероссийского археологического съезда. Т. II. / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Великий Новгород–Старая Русса, 2011а. С. 127.
12. *Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Поволжская археология. Казань. 2012. № 1. С. 20–36.

13. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Наиболее массовые типы поливных импортов крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в. // Поволжская археология. 2015. № 4. С. 189–200.
14. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда). // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск – 2012 / Отв. ред. Ю.Д. Обухов / Археология Евразийских степей. Вып. 23. / Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость». 2016. С. 20–38.
15. Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Мирмекий в свете новых археологических открытий. Санкт-Петербург: Изд. Гос. Эрмиража, 2006. 79 с.
16. Волков И.В. Импортная амфорная тара золотоордынских городов // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во: Ростовского ун-та, 1989. С. 87–96.
17. Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (классификация и датировка). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1992. 20 с. Таб. 1–3.
18. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: Город, 1995. 225 с.
19. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Отчёт о работе Боспорской охранно-археологической экспедиции 1998 г. / Научный архив Института археологии Крыма РАН. Инв. кн. 6. Инв. № 592. Папка 970. 36 л.
20. Карпов С.П. Регесты документов Фонда Diversorum Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья. // Причерноморье в средние века. Вып. 3 / Отв. ред. С.П. Карпов. СПб.: Алетей, 1998. С. 9–81.
21. Кирилко В.П., Мыц В.Л. Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1993–1993 гг.). // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена / Гл. ред. В. Л. Мыц. Киев: Стилос, 2004. С. 205–245
22. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2006. С. 309–473.
23. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 427 с.
24. Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 158 с.
25. Орлов Р.С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII–XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1979. С. 114–129.
26. Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье / Отв. ред. М.И. Гладких. Киев: Стилос, 2001. С. 52–81.
27. Тодорова Е. Северное побережье Чёрного моря в период позднего средневековья. // История СССР. 1989. Вып. 1. С. 170–184.
28. Фоменко И.К. Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам конца XIII–XVII вв. // Причерноморье в средние века. Вып. 5 / Под ред. С.П. Карпова. СПб.: Алетей, 2001. С. 40–108.
29. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. Москва: Индрик. 2007. 397 с.
30. Balard M. La Romanie Génoise (XIII e – début du XV e siècle). Rome: École Française de Rome, Genova: Società Ligure di Storia Patria, 1987, vol. II. 1007 p.
31. Bocharov S. Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of 14th–15th centuries // Classica et Christiana. Vol. 10. Yassi, 2015, p. 443–459.
32. Kretschmer K. Die italienischen Portolane des Mittelalters. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und sohn, 1909. 676 p.

Информация об авторе:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sgbotcharov@mail.ru

MEDIEVAL KAVALARI VILLAGE ON THE KERCH PENINSULA**S.G. Bocharov**

The article attempts to localize the medieval village of Kavalari on the Crimean coastline of the Kerch Strait. Kavalari village occupied an area of approximately 350×200 m between the contemporary Zavetnoye and Naberezhnaya settlements. The location of this settlement was determined on the basis of cartographic sources of compass maps – portolan charts. As a result of archaeological studies conducted by the Caffa expedition in 2010, the stratigraphic situation was established and the period of existence of Kavalari village was determined as the second half of 13th – late 15th centuries. Kavalari settlement was included in the rural area of Vosporo and a portion of the Genoese territory in the Northern Black Sea region – Genoese Khazaria.

Keywords: archaeology, historical geography, medieval Crimea, Kerch peninsula, Naberezhnoye village, Genoese Khazaria, Caffa, Vosporo, Kavalari, glazed ceramics.

REFERENCES

1. Bocharov, S. G. 2003. In *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i Srednie veka. Reziime dokladov XI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (International Relations in the Black Sea Basin in Antiquity and the Middle Ages. Summary Reports of the 11th International Scientific Conference)*. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical University Publ., 46–47 (in Russian).
2. Bocharov, S. G. 2001. In Ivanenko, A. I. (ed.). *175 let Kerchenskomu muzeiu drevnostei. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (175th Anniversary of the Kerch Museum of Antiquities. Proceedings of International Conference)*. Kerch, 157–161 (in Russian).
3. Bocharov, S. G. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde)*. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 263–268 (in Russian).
4. Bocharov, S. G. 2013. In Vakhtina, M. Iu., Gritsik, E. V. et. al. (eds.). *Bosporskii fenomen: greki i varvary na Evraziiskom perekrestke. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (The Bosporan Phenomenon: Greeks and Barbarians on the Crossroads of Eurasia). Proceedings of the International Conference*. Saint Petersburg: Nestor-Historia Publ., 342–348 (in Russian).
5. Bocharov, S. G. 2011. *Otchet ob arheologicheskikh issledovaniiax srednevekovykh poselenii XIII–XV vv. na poberezh'e Kerchenskogo poluoostrova v 2010 g. (Report on the Archaeological Studies of 13th–15th Centuries Medieval Settlements on the Shore of Kerch Peninsula in 2010)*. Simferopol. Scientific Archive of the Institute of Crimean Archaeology, Russian Academy of Sciences, inventory book 7, inv. no. 1229, folder 1665, 146 l (in Russian).
6. Bocharov, S. G. 2013. In Marchenko, I. I. (ed.). *Materialy Shestoi Kubanskoi Mezhdunarodnoi arheologicheskoi konferentsii (Proceedings of the Sixth Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: "Ekoinvest" Publ., 37–40 (in Russian).
7. Bocharov, S. G. 2008. In Bocharov, S. G., Kozhokaru, V. (eds.). *Etnicheskie, demograficheskie i dukhovnye vzaimootnosheniia Severnogo i Zapadnogo Prichernomor'ia v antichnuu epokhu,*

The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 14-28-00213)

vizantiiskii period i srednevekov'e (*Ethnic, Demographical and Spiritual Relations between the Northern and Western Black Sea Regions in Ancient Times, the Byzantine Period and the Middle Ages*). Simferopol: "Izdatel'stvo A. E. Baranovskogo" Publ., 12–14 (in Russian).

8. Bocharov, S. G. 2016. In *Povolzhskaya arkhеologiya (Volga River Region Archaeology)*. (4), 88–103 (in Russian).

9. Bocharov, S. G. 2015. In Karpov, S. P. (ed). *Prichernomor'e v srednie veka (Pontic Sea Region in the Middle Ages)*. (9). Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 127–148 (in Russian).

10. Bocharov, S. G., Koval', V. Yu. 2011. In Karpov, S. P. (ed.). *Rossiiskoe vizantinovedenie: traditsii i perspektivy. Tezisy dokladov XIX Vserossiiskoi nauchnoi sessii vizantinistov (Russian Byzantine Studies: Traditions and Perspectives. Abstracts of the XIX All-Russian Scientific Session of Byzantinists)*. Moscow: Moscow State University Publ., 46–49 (in Russian).

11. Bocharov, S. G., Koval', V. Yu. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). *Trudy III (XIX). Vserossiiskogo arkhеologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod – Staraiia Russa (Proceedings of the 3rd (19th). All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod – Staraya Russa)*. 2. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 127 (in Russian).

12. Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2012. In *Povolzhskaya arkhеologiya (Volga River Region Archaeology)*. (1), 20–36 (in Russian).

13. Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2015. In *Povolzhskaya arkhеologiya (Volga River Region Archaeology)*. 14 (4), 189–200 (in Russian).

14. Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo madzharskogo arkhеologicheskogo foruma. Piatigorsk-Budenovsk-2012. (Materials of the First Major Archaeological Forum. Pyatigorsk-Budyonnovsk-2012)*. Series: Arkhеologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes). 10. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. House, 20–38 (in Russian).

15. Butyagin, A. M., Vinogradov, Yu. A. 2006. *Myrmekiy v svete arkhеologicheskikh otkrytiy (Myrmekion in the Light of New Archaeological Discoveries)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum Publ. (in Russian).

16. Volkov, I. V. 1989. In Fyodorov-Davydov, G. A. (manag. ed.). *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vv. (Northern Pontic area and the Volga Region in East-West Relations in 12th–16th Centuries)*. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University, 87–96 (in Russian).

17. Volkov, I. V. 1992. *Keramika Azova XIV–XVIII vv. (klassifikatsiia i datirovka). (Pottery of Azov in 14th–18th Centuries (Classification and Dating))*. PhD Thesis. Moscow: Moscow State University (in Russian).

18. Emanov, A. G. 1995. *Sever i Jug v istorii kommertsii na materialakh Kafy XIII–XV vv. (North and South in the History of Commerce by 13th–15th Centuries Materials from Caffa)*. Tyumen: "Gorod" Publ. (in Russian).

19. Zin'ko, V. N., Ponomarev, L. Iu. *Otchet o rabote Bosporskoii okhranno-arkhеologicheskoi ekspeditsii 1998 g. (Report on the Activities of Bosphorus Salvage Archaeological Expedition in 1998)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, inv. 6. Inv, no. 592, folder 970, 36 p.

20. Karpov S.P. 1998. In Karpov S.P. (ed.). *Prichernomor'e v srednie veka (Pontic Sea Region in the Middle Ages)*. (3). Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 9–81 (in Russian).

21. Kirilko, V. P., Myts, V. L. 2004. In Myts (ed.). *O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh ("On Antiquities of the Southern Coast of the Crimea and the Tauric Mountains")*. Kiev: "Stilos" Publ., 205–245 (in Russian).

22. Maslovskii, A. N. 2006. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkhеologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)*. 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 309–473 (in Russian).

23. Myts, V. L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).

24. Myts, V. L. 1991. *Ukrepnieniia Tavriki X–XV vv. (Fortifications of Taurica in the 10th–15th Centuries)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
25. Orlov, R. S. 1979. In Baran, V. D. (ed.). *Pamiatniki drevnikh kul’ tur Severnogo Prichernomor’ia (Monuments of Ancient Cultures of Northern Pontic Region)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 114–129 (in Russian).
26. Parshina, E. A., Teslenko, I. B., Zelenko, S. M. 2001. In Gladkikh, M. I. (ed.). *Morskaia trgovlia v Severnom Prichernomor’e (Sea Trade in the Northern Pontic)*. Kiev: “Stilos” Publ., 52–81 (in Russian).
27. Todorova, E. 1989. In *Istoriya SSSR (History of the USSR)*. (1), 170–184 (in Russian).
28. Fomenko, I. K. 2001. In Karpov, S. P. (ed.). *Prichernomor’e v srednie veka (Pontic in the Middle Ages)*. 5. Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ., 40–108 (in Russian).
29. Fomenko, I. K. 2007. *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor’e. Konets XIII–XVII vv. (How the World Looked on the Ancient Portolanos. Pontic Area. Late 13th – 17th Centuries)*. Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).
30. Balard M. 1978. *La Romanie Génoise (XIII e – début du XV e siècle)*. 1. Rome: École Française de Rome; Genova: Società Ligure di Storia Patria.
31. Bocharov, S. 2015. *Classica et Christiana*. Yassi. 10. 443–459.
32. Kretschmer, K. 1909. *Die italienischen Portolane des Mittelalters*. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und sohn.

About the Author:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Статья поступила в номер 14.08.2017 г.

**К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИ
ИЗВЕСТНЫХ ОБЪЕКТОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ
(НА ПРИМЕРЕ «ЧАЛНИНСКОГО ГОРОДКА»)**

© 2017 г. **В.В. Ермаков**, Н.Г. Набиуллин,
Д.Г. Газизов, Г.Т. Салахатдинова

Археологическими исследованиями удалось локализовать места расположения исторически известных объектов на территории г. Набережные Челны – «Чалнинского городка» середины XVII в. на «Мысовой горе» и других. Авторы полагают, что доминирование роли естественно-географического фактора в древности, средневековье, Новое время обусловило преемственность в выборе населением мест для первоначальных поселений, особенно укрепленных. Площадка «Мысовой горы» – важный стратегический пункт и потенциальное место для расположения небольшого укрепленного пункта на периферии Волжской Булгарии. Подобные участки местности продолжали оставаться таковыми и в золотоордынское, и пост-золотоордынское время, и ногайский период.

Ключевые слова: археология Нового времени, XVII в., Республика Татарстан, Чаллы, Набережные Челны, «Чалнинский городок».

Среднее Поволжье является территорией, благоприятной во всех отношениях для жизнедеятельности человека, что обусловило и ее значительную насыщенность археологическими памятниками. Благодаря многолетним масштабным работам нескольких поколений исследователей на территории Республики Татарстан выявлены тысячи памятников археологии, основная часть которых датирована временем от эпохи камня до позднего средневековья включительно. Гораздо меньше зафиксировано памятников нового времени (Свод памятников, 2007), что объясняется в том числе и особенностями развития региональной науки, организации исследований – прежде всего необходимостью спасения и изучения много-

численных древних и средневековых памятников¹.

Известное (и спорное) в историографии утверждение о том, что основная задача археологии заключается прежде всего в изучении эпох и периодов, не обеспеченных письменными источниками, в региональной науке приобрело некий своеобразный оттенок. Поскольку собственных письменных документов болгаро-татарского средневековья вплоть до падения Казанского ханства практически не сохранилось, основным историческим источником в изучении

¹ Возможно, это отчасти объясняет развитие «индустриальной археологии» в регионах, где нет такой концентрации древних и средневековых памятников.

этих периодов стали археологические материалы. Считается, что последующая историческая эпоха сохранила письменные документы, и поэтому археологические материалы часто рассматривались как дополнительный исторический источник. Культурные слои, объекты, материальные остатки нового и даже новейшего времени фиксировались и изучались, но обычно при охранных работах, в процессе исследования ранних объектов, перекрытых поздними напластованиями.

В то же время о разнообразии и информативности письменных документов по истории края, а значит, и возможностях полноценного использования этой категории исторических источников вплоть до XVIII–XIX вв., особенно колонизации «раннего нового времени», говорить не приходится.

Описания конкретных объектов исторической действительности нового времени присутствуют в исторических исследованиях, но, как правило, в качестве иллюстрирующего, статистического материала для решения общих вопросов, выявления и оценки тенденций, явлений, событий. При этом задача локализации исторических объектов обычно не ставится, хотя попытки провести натурные сопоставления исторически известных объектов с какими-либо руинированными остатками (и наоборот) иногда можно встретить в микро-региональных исследованиях, в работах по истории градостроительства и архитектуры, а также в краеведческих работах (см., напр.: Амирханов, <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/6/>; Фролов, 2002; Назарова, 2009; Губайдуллин, Измайлов, 2011). При этом информативный потенциал последних, как нам представляется,

«профессиональными» историками часто недооценивается.

Следует подчеркнуть, что исторические объекты нового времени являются не только потенциальными, но и полноценными объектами именно фундаментального научного изучения. Несмотря на отмеченную выше относительно слабую информативность письменных документов, как раз при изучении археологизированных следов исторически известных объектов появляется возможность соотнести данные исторических источников разных категорий, совершенствовать методики получения и исследования заложенной в них информации с перспективой проведения работ, которые принято называть комплексными. Первоначальной задачей и условием проведения такой работы является максимально точная локализация объекта исторической действительности – идентификация исторически известного объекта с его археологическими остатками. Локализация исторических объектов² является не только научной задачей, но и основным условием сохранения их остатков³.

² Кроме общей локализации, установление местоположения конкретных объектов. Так, исходя из имеющегося описания «Чалнинского городка», в известной степени его «типового» характера, в будущем можно попробовать установить местоположение башен и др.

³ До последнего времени памятники нового времени находились в более неблагоприятных условиях по сравнению с древними и средневековыми и с точки зрения их государственной охраны. Лишь совсем недавно законодательно был установлен «столетний рубеж» для культурного слоя.

Рис. 1. А – вид на Элеваторную (Мысовую) гору с юго-запада. 1980-е годы (Фонды Музея истории города Naberezhnye Chelny city); Б – современный вид на Элеваторную (Мысовую) гору с юга.

Fig. 1. A – View of the Elevatornaia (Mysovaia) Hill from the Southwest, 1980-ies (Funds of the Museum of History of Naberezhnye Chelny city); Б – modern view of the Elevatornaia (Mysovaia) Hill from the South.

В свете сказанного, на наш взгляд, интерес представляют материалы и результаты пока небольших исследований на территории и в окрестностях современного города Naberezhnye Chelny. По истории города имеется достаточно много публикаций историков и краеведов (см., напр.: Лапочкин, Казань, 1972; Дубровский, 2007; Ермаков, 2008). Несмотря на территориальную отдаленность от археологических центров и относительно позднее начало археологических исследований, здесь выявлены памятники практически всех исторических эпох, что является свидетельством традиционной заселенности региона. Предварительное картографирование выявленных памятников позволяет обнаружить их неравномерную распределенность. Большинство памятников выявлено в зоне Нижнекамского водохранилища, что объективно объясняется естественным тяготени-

ем мест проживания человека к воде, а также целенаправленным охранно-спасательным характером проводившихся исследований (Казаков, Набиуллин, 2010).

Как историческое ядро будущего города Naberezhnye Chelny историки и краеведы традиционно рассматривают район «Мысовой (современной Элеваторной, или Элеваторской) горы», расположенной на высоком мысу, в месте слияния рр. Мелекеска и Челна (Челнинка) (рис. 1, 2). Еще в XIX в. краевед Р.Г. Игнатъев описал остатки небольшой крепости, находившейся на Мысовой горе, определив ее как «Ногайское» городище: «В Мензелинском уезде, при Челновской пристани, близ устья реки Челновки, на вершине горы «Мыс» или Мысовой... находится ногайское городище; оно состоит из круглого вала песчано-каменистого грунта с двумя выходами с в[осточной] и з[ападной] стороны:

Рис. 2. Условное современное обозначение «Мысовой горы» на фрагменте плана генерального межевания конца XVIII в. (РГАДА. Ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 3542).

Fig. 2. Modern symbol of the “Mysovaia Hill” on fragment of the Scheme of General land surveying of the late 18 century.

Russian State Archive of Ancient Documents, fund 1356, inv. 1, dossier 1205.

этот вал в окружности 104, а в вышину неравномерно, что конечно произошло от времени, $1\frac{1}{2}$ и 2 саж. ... Ногайское городище иначе называется в народе «Ногайским валом»; очень может быть, что это городище было крепостцей, и, конечно, по крайне затруднительному и теперь еще входу на гору Мыс и при младенчестве в то время военного искусства, крепостца была неприступною; но, как увидим далее, по р. Каме был как бы целый ряд укреплений» (Игнатъев, 1883, с. 339).

Традиционно считается, что расположенная на «Мысовской горе» крепость была построена в середине XVII в., и ее строительство было непосредственно связано с процессом колонизации края. Массовая колонизация региона и образование здесь сети новых поселений приходится на середину XVII – начало XVIII в., хотя некоторые опорные пункты колонизации были возведены еще в XVI в. Одним из них была основанная в 1584–1586 гг. Мензелинская крепость, от которой на расстоянии нескольких десятков верст находился основанный в 1626 г. Чалнинский починок. На левом берегу Камы и по берегам небольших речек (Мелекески, Челнинки, Шильны) возник целый ряд починок и деревень.

В 1650 г. уфимскому стольнику и воеводе Ф.Я. Милославскому были присланы указ Алексея Михайловича и его грамота с приказанием построить «на реке Чалне», при впадении ее в Каму, казацкий укрепленный городок «для оберегания от приходу калмыцких и нагайских и воинских людей». В короткое время крепость была построена. Она стала называться «Чалнинский городок».

Имеется относительно подробное описание «Чалнинского городка»: «Чалнинский городок новорублен в тарасы, намощен, покрыт драницами. На нем з загодя перила мерою в длину сто сажен, а поперег шездесят сажен. А в вышину городок и с перилы две сажени⁴. Поперег мосту сажень бес полу-аршина. Стоит на горе над Камою, около города з дву сторон ров копан невелик. А около рва надолбы». Крепость была защищена деревянными стенами. Имелось шесть деревянных башен, четыре из которых были глухие, а две в середине – проездные. Башни были закрыты шатрами. Размер башенной стены составлял четыре сажени, а в высоту – четыре сажени с аршином (без учета высоты шатра).

⁴ Ср. форму, размеры, «вышину» «Ногайского» городища.

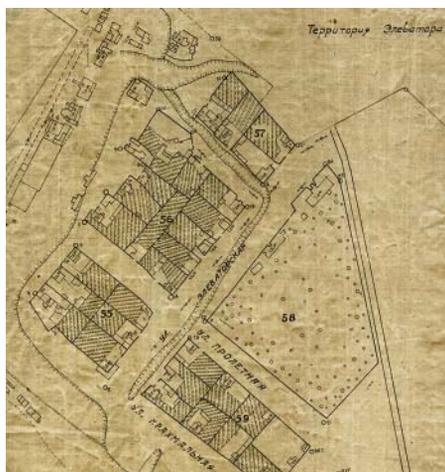

Рис. 3. Фрагмент плана г. Naberezhnye Chelny. 1937 г. Фонды Музея истории города Naberezhnye Chelny.

Fig. 3. Fragment of a plan of Naberezhnye Chelny. 1937. Funds of the History Museum of Naberezhnye Chelny.

В самом «Чалнинском городке» имелась «изба хлебная» да «погреб государев казенной дубовой с выходом». В крепости располагался амбар, имелись также изба тюремная, изба караульная у Спасских ворот, хоромная изба приказного чиновника, клеть, баня с предбанником.

По государеву указу 1650 г. было велено устроить в крепости сто человек конных белопащенных казаков. Поселены были казаки недалеко от крепостных стен двумя слободами по пятьдесят человек. Содержать себя и свое хозяйство казаки должны были

в основном своими собственными силами. Для этого им была выделена пашенная земля, сенокосы и участки леса.

Какие-либо сведения о военных столкновениях в районе «Чалнинского городка» неизвестны. Просуществовал он сравнительно недолго. В 1652–1656 гг. строится Закамская оборонительная черта по линии Белый Яр – Ерыклинск – Биляр – Новошешминск – Кичуй – Зай – Мензелинск, и «Чалнинский городок» лишается своего военного значения. Считается, что крепость было приказано разобрать

Рис. 4. Участок «Элеваторной горы» на космическом снимке Google Earth с условным обозначением оборонительного рва «Чалнинского городка»

Fig. 4. Section of 'Elevatornaya Gora' on a Google Earth satellite image with a reference designation of the fortification moat of 'Chelninsky gorodok'.

и перевести в Заинск. В процессе колонизации и продвижения границ на восток Закамская черта также постепенно теряла свое военное значение (Ермаков, 2008, с. 88–96).

Прежде стратегически важная в военном отношении «гора Мыс» после окончания функционирования «Чалнинского городка» длительное время практически не осваивалась, видимо, по причине неблагоприятных условий для ведения хозяйства – высокой выдуваемой площадки, каменистого грунта и т.д. Принято считать, что данная территория начинает полноценно осваиваться только в новейшее время. В начале XX в. на «Мысовской горе» был построен крупный элеватор, давший впоследствии новое название местности, а позже появился существующий и ныне поселок.

Несколько лет назад Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ проводил историко-археологические исследования на территории и в окрестностях г. Набережные Челны⁵. Одна из задач этих работ заключалась в уточнении сведений о «Чалнинском городке» на территории

«Элеваторной горы» и планировании мероприятий по его сохранению. Локализация исторически известного объекта на современной местности (идентификация археологического объекта с исторически известным объектом) проводилась с использованием документальных источников с последующими натурными работами.

На плане г. Набережные Челны 1937 г. (рис. 3) удалось обнаружить, что на территории «Элеваторной горы» явно прослеживается «Г»-образная «канавка» со сторонами 210×135 м соответственно по линиям запад – восток и север – юг, ограничивающая с напольной стороны подпрямоугольную по форме площадку ~3,5 га (с учетом эрозии больше). Размеры ограниченной площади вполне сопоставимы с известными по письменным источникам – 100×60 кв. саженей. В северо-восточной части «городка» фиксируется сохранившийся естественный (?) овраг. Сопоставив план 1937 г. с современной топосъемкой, удалось предварительно локализовать оборонительный ров (рис. 4), а впоследствии, как представляется, достаточно точно (на площадке размерами 4×4 м) «поймать» его участок при натурных работах.

Последовавшие за работой в архиве натурные исследования были начаты с общего осмотра «Элеваторной Горы», территория которой ныне представляет собой большой интенсивно застраиваемый поселок. Многие участки, отмеченные ранее как перспективные для археологического изучения, теперь находятся в частной собственности и практически недоступны для проведения разведки и раскопок. Культурный слой здесь практически не прослеживается, что

⁵ Работа проведена при поддержке Исполнительного комитета г. Набережные Челны, Фонда «Историко-культурное наследие» (Ж.С. Сафиуллин) в рамках проекта по историко-археологическим исследованиям города при активном участии Музея истории города Набережные Челны, исторического факультета Набережночелнинского государственного педагогического университета, историков, архитекторов, краеведов (М.М. Басыров, Р.Ф. Валиуллин, Л.М. Галиев, А.Г. Дубровский, Б.А. Канеев, В.В. Морозов, Э. А. Хуснутдинов и др.). Пользуясь случаем, авторы выражают благодарность всем, кто принял участие в организации и проведении исследований.

Рис. 5. Вид со стороны Набережночелнинского элеватора на ул. Элеваторная, которая прошла по линии оборонительного рва «Чалнинского городка»

Fig. 5. View from the Naberezhnye Chelny elevator over Elevatoraya str. passing along the line of the fortification moat of 'Chelninsky gorodok'.

объясняется поздним началом полноценного хозяйственного использования территории, выветриванием слоя этой возвышенной площадки, переработкой при современной интенсивной строительной деятельности. На поверхности фиксируется очень немногочисленный подъемный материал позднейшего времени, в основном мелкие фрагменты глазурованной посуды.

Остатки оборонительного рва практически не прослеживаются (рис. 5). Опрос местных жителей дал приблизительную локализацию некоторых участков ныне сильно запылившей ложбины («канавы») – возможных его остатков, – хорошо заметной еще в середине XX в. Полученная информация частично совпадает с данными упомянутого плана.

При проведении непосредственно раскопок археологические остатки «Чалнинского городка» локализованы в виде примитивного оборонительного рва с зафиксированной глубиной чуть более метра (от уровня выявления; от уровня современной дневной поверхности 2 м) и шириной на уровне выявления 2,5–3 м (рис. 6). Ров имеет относительно пологие, не-

ровные, слегка закругленные стенки и слегка закругленное неровное дно. Известный принцип возведения некоторых оборонительных рвов, при котором одна из стенок возводилась более пологой, другая более крутой, не выдержан; дренажный ровик на дне рва не выявлен. Ров находился с внешней стороны «городка»; с внутренней стороны выявлены предполагаемые остатки оборонительного вала с сохранившейся высотой не более полуметра.

Культурные напластования и остатки, соотносимые со временем функционирования «Чалнинского городка», на исследованных участках не выявлены. Оно было столь исторически коротким, что, видимо, культурные отложения этого времени здесь не сформировались и археологически не выявляются даже на дне рва (очевидно, даже не приходилось его подчищать)⁶.

⁶ Некоторые сомнения в полученные результаты внес открытый В.В. Ермаковым уже после окончания натуральных исследований архивный документ с указанием на противопожарную канаву глубиной одну сажень недалеко от элеватора. Плана или указания на конкретный

Длительным «периодом запустения» после окончания функционирования «Чалнинского городка» и поздним полноценным освоением этой территории объясняется и общие слабая интенсивность и насыщенность культурными остатками слоя в раскопе. Последние представлены в основном предметами хозяйственной деятельности и быта уже новейшего времени.

участок, где она была проложена, нет. Считаем уместным привести здесь часть письма, где говорится об этом документе»: «<...> В июне 1914 г., когда уже шло рытье котлованов под фундаменты элеватора, обозначилась одна проблема. Недалеко от строящегося объекта находился керосиновый бак емкостью 40 тыс. пудов, принадлежавший Черноморскому торгово-промышленному обществу. Для обеспечения противопожарной безопасности было предложение отодвинуть бак, но не договорились. Тогда из Симбирска пришло распоряжение – окопать строительную площадку. По границе всего участка была прорыта канава глубиной 1 сажень, с устройством со стороны элеватора вала (кавальера). Были устроены также водотбойные колодцы, во избежание размыва канавы. Вся эта работа была оплачена дополнительно, сверх сметы. <...> В. В.» [2 января 2015 г.].

Повторимся, что мы исходим прежде всего из того, что размеры ограниченной рвом площадки предполагаемого «Чалнинского городка» удивительно соотносятся с данными письменных источников. Не исключено, что для уменьшения трудозатрат канава могла быть проложена в том числе и по заплывшему рву «Чалнинского городка». Во всяком случае, при организации будущих исследований следовало бы учитывать данные этого документа, который представляет определенный интерес по крайней мере для истории Челнинского элеватора.

Результаты проведенных исследований при дальнейшей отработке используемых методик можно будет с известными корректировками попробовать использовать в ретроспективном плане, при изучении периодов, не обеспеченных письменными источниками, по крайней мере, позднесредневековых древностей. Такое направление исследований представляется актуальным, поскольку история «финального средневековья» – «раннего нового времени» – пока остается в значительной степени дискуссионной, в том числе в области вопросов, связанных с изучением преемственности освоения территорий, маркированных археологическими памятниками средневековья – историческими поселениями нового времени (см., напр.: Зорин, 2001, с. 87; Хузин, 2006, с. 5–12; Насыров, 2007, с. 37, 38).

Материалы и результаты, полученные этими небольшими исследованиями, отличаются от данных с других, в том числе изученных более широкими раскопными площадями участков «Элеваторной горы». Кроме слоя XVII–XVIII вв., другие авторы отмечают еще и «наслоение, связанное с функционированием болгаро-татарского поселения (XIII–XVI вв.)»; при этом «внутренняя территория поселения могла заселяться уже в позднедомонгольский период»; делается попытка соотнести оборонительный ров со «средневековым поселением»; высказывается предположение, что памятник на территории «Элеваторной

Рис. 6. Участок оборонительного рва «Чалнинского городка»

Fig. 6. Section of the fortification moat of 'Chelninsky gorodok'.

горы» («Яр-Чаллыное городище») мог составлять единый комплекс с Усть-Челнинским селищем на противоположном берегу рч. Челна (Челнинка) и «являться центром данной округи» (Багавиева и др., 1999; Нигамаев, 2009). Подчеркнем, что, кроме ранее выявленного Е.П. Казаковым Усть-Челнинского селища (Казаков, Набиуллин, 2010), на территории и в окрестностях современного города известны и другие памятники болгаро-татарского времени – Орловское, Самоскаковское, Кзыл-Тауское селища и др. (Фахрутдинов, 1975, №№ 1252, 1253; Каталог, 1980, № 731).

Доминирование роли естественно-географического фактора в древности, средневековье, новое время обусловило преемственность в выборе мест для проживания, в том числе первоначальных поселений, особенно укрепленных⁷. Известно

частичное или полное использование площадок городищ и остатков их оборонительных укреплений в раннем железном веке, раннем средневековье, в болгарское время.

Попытка соотнести оборонительный ров со «средневековым поселением» нам показалась пока преждевременной и однозначно археологически не убедительной. Однако площадка «Мысовой горы» – действительно, важный стратегический пункт и потенциальное место для расположения небольшого укрепленного пункта на периферии Волжской Булгарии⁸. Подобные участки местности продолжали оставаться таковыми и в золотоордынское, и постзолотоордынское время и в ногайский период, что, возможно, отразилось в топонимике («Ногайский вал», «Ногайское городище» и др.) (Насыров, 2007, с. 34–38). В таком

⁷ В данном случае речь идет, прежде всего, о фактической преемственности в разные историко-культурные периоды и эпохи, что не всегда предполагает хронологическую непрерывность (в археологическом понимании – однослойность или многослойность памятника, наличие или

отсутствие стерильных прослоек в культурном слое).

⁸ Одним из ближайших подобных объектов мог являться расположенный в десяти километрах ниже по течению р. Кама при впадении в нее р. Биклянь (на правом ее берегу) возвышенный мыс у с. Бетьки.

свете упомянутые выше сообщения краеведов XIX в. (Игнатьев, 1883) начинают оцениваться более, чем историографическое прошлое, и приобретают новое видение, а точнее, возвращают нас, возможно, к заложенному в них первоначальному смыслу.

Если это так, то «Чалнинский городок» середины XVII в., построенный «для оберегания от приходу калмыцких и нагайских воинских людей», продолжил своеобразную «историческую эстафету» в очередном использовании созданной природой местности.

Несмотря на наличие широкого хронологического разрыва между «Чалнинским городком» и освоением этой территории в новейшее время, фактически сохраняется преемственность в планировке, по крайней мере, в направлении и расположении двух современных улиц поселка на «Элеваторной горе» (рис. 4)⁹.

Поскольку в процессе строительства и развития г. Набережные Челны планомерного исследования его территории на предмет выявления здесь памятников археологии не проводилось, многие из них вошли в черту города, были частично или полностью уничтожены застройкой, потеряли свою топографическую привязку. Среди них и культурный слой исторических населенных пунктов (рис. 2). Кроме Чалнинского починка и Бережной слободы¹⁰, на современной карте города до сих пор сохранились названия и некоторых других населенных пунктов – Орловка (Космодемьянское), Боровецкое, Сидоровка (Развилы), Мироновка и др. Были и такие населенные пункты, о которых сегодня уже почти ничего неизвестно – Марков Починок, деревни Савина, Шишкина, Ключ, Новая и др. Необходима локализация и других объектов нового времени – Шильнинского (Шильвинского) медеплавильного завода XVIII–XIX вв. и др., а также исследование таких сложных комплексов, как «Челнинский элеватор» начала XX в. и др., «археологизация» которых наступила.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амирханов Р.А.* Закамские засечные линии – восточные границы России (Альметьевский регион во 2-й половине XVII – 1-й половине XVIII веков). Доступно по URL: <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/6/>

⁹ Точнее говорить в первую очередь об оборонительном вале, расплывшиеся остатки которого, видимо, послужили основанием участков поселковой дороги. По южной линии оборонительных укреплений прошла современная ул. Элеваторская, по восточной – пер. Красногорский. Северная часть современной ул. Пролетная (между ул. Красногорская и Элеваторская), возможно, прошла по линии бывшей дороги между предполагаемыми проездными башнями, располагавшимися приблизительно на углу современных ул. Элеваторская и Пролетная. Современная «красная линия» улиц в некоторых местах проходит по поверхности оборонительных сооружений (рис. 4–6).

¹⁰ С основанием в 1650 г. «Чалнинского городка» название «Чалнинский починок» исчезает из документов, и самое крупное поселение челнинских жителей стало именоваться «село Мыс» (Мысовые Челны). Бережная слобода (1630) с основанием крепости стала называться Бережными Челнами. Позднее Мысовые Челны стали волостным селом, оставив за Бережными Челнами роль торговой слободы.

2. Багавиева А.А., Низамаев А.З., Хузин Ф.Ш. Отчет об археологических исследованиях в Набережных Челнах в 1997 году. Елабуга, 1999. Лаборатория археологии и этнологии ЕГПУ.
3. Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. «Длинные валы» в Волго-Камье: археологические исследования и историческая интерпретация // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова (27–30 мая 2009 г., Казань) / Археология евразийских степей. Вып. 11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011. С. 56–65.
4. Дубровский А.Г. Наш край: Нижнее Прикамье. Иллюстрированные краеведческие очерки. Казань: ОАО «ПИК «Идел-Пресс», 2007. 864 с.
5. Ермаков В.В. Обращение к истокам: История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья: ч. I. Казань: Казан. гос. ун-т, 2008. 468 с.
6. Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань: Издательство Казанского университета, 2001. 704 с.
7. Игнатьев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Отдел второй. Уфа, 1883.
8. Казаков Е., Набиуллин Н. Яр Чаллы – Набережные Челны // Достояние поколений. 2010. № 2 (8). С. 26–31.
9. Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. II. Эпоха железа. Волжская Болгария. Золотоордынские города. Казанское ханство. Коллекции XVI–XVII вв. / Сост. А.М. Ефимова Казань, 1980. 228 с.
10. Лапочкин В., Почелина В. Страницы челнинской истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 1972. 72 с.
11. Назарова И.В. Архитектурно-пространственная организация оборонительно-крепостных комплексов Волго-Камья середины XVI–XVII вв. Дисс... канд. архитектуры. Казань, 2009. 170 с.
12. Насыров Р.Г. Сельское расселение в Западном Закамье (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 240 с.
13. Низамаев А.З. Отчет об археологических исследованиях на территории Элеваторной Горы в Набережных Челнах в 2008 году. Елабуга, 2009 / Лаборатория археологии и этнологии ЕГПУ.
14. Свод памятников археологии Республики Татарстан: в 3 т. / Отв. ред. А.Г. Ситдинов, Ф.Ш. Хузин. Т. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 529 с.
15. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.
16. Фролов Н.С. Село Черемшанская крепость (XVIII–XIX вв.). Очерки истории. Казань: ТаРИх, 2002. 208 с.
17. Хузин Ф.Ш. О некоторых проблемах определения времени возникновения булгаро-татарских городов // Казань в средние века и раннее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции (Казань, 24–25 мая 2005 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, И.К. Загидуллин). Казань: ИИ АН РТ, 2006. С. 5–12.

Информация об авторах:

Ермаков Владимир Васильевич, доктор исторических наук (г. Наб. Челны, Россия)

Набиуллин Наиль Гатиатуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

Газизов Джалиль Гасимович, педагог дополнительного образования, «Центр детского (юношеского) технического творчества» (г. Нижнекамск, Россия); jalil_66@list.ru

Салахатдинова Гузель Тимерзяновна, и.о. директора. Историко-краеведческий музей, (г. Набережные Челны, Россия); guzel-salah@yandex.ru

QUESTION ON LOCALIZATION OF HISTORICALLY KNOWN SITES OF THE MODERN PERIOD (FROM THE EXAMPLE OF 'CHALNINSKY GORODOK')

V.V. Ermakov, N.G. Nabiullin, D.G. Gazizov, G.T. Salakhadinova

Archaeological studies have allowed to localize the locations of historically studied sites in the territory of Naberezhnye Chelny - Chalninsky gorodok of the mid-17th century located on 'Mysovaya Gora', and other sites. According to the authors, domination of the natural-geographical factor in antiquity, the Middle Ages and the Modern period has determined the continuity in the selection of locations for original, particularly fortified, settlements by the population. The area of Mysovaya Gora is an important strategic point and a potential location for a small fortified outpost on the periphery of Volga Bolgaria. Similar areas of the terrain have preserved in the Golden Horde, Post-Golden Horde and Nogai periods.

Keywords: archaeology of the Modern period, 17th century, Republic of Tatarstan, Chally, Naberezhnye Chelny, 'Chelninsky gorodok'.

REFERENCES

1. Amirkhanov, R. A. *Zakamskie zasechnye linii – vostochnye granitsy Rossii (Al'met'evskii region vo 2-i polovine XVII – 1-i polovine XVIII vekov) (Trans-Kama Abatis Lines - the Eastern Borders of Russia (Almetyevsky Region in the second half of 17th - first half of 18th centuries)*. Available at: <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/6/> (in Russian).
2. Bagavieva, A. A., Nigamaev, A. Z., Khuzin, F. Sh. 1999. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniakh v Naberezhnykh Chelnakh v 1997 godu (Report on Archaeological Studies in Naberezhnye Chelny in 1997)*. Elabuga. Laboratory of archaeology and ethnology Elabuga State Pedagogical University (in Russian).
3. Gubaidullin A. M., Izmailov, I. L. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings)*. Kazan: "Foliant" Publ., 56–65 (in Russian).
4. Dubrovskii, A. G. 2007. *Nash kraj: Nizhnee Prikam'e. Illiustrirovannye kraevedcheskie ocherki (Our Land: The Lower Kama Region. Illustrated Essays on Local History)*. Kazan: "Idel-Press" Publ. (in Russian).
5. Ermakov, V. V. 2008. *Obrashchenie k istokam: Istoriia Naberezhnykh Chelnov i regiona Vostochnogo Zakam'ia (Going Back to the Roots: History of Naberezhnye Chelny and the Eastern Trans-Kama Region)* I. Kazan: Kazan State University (in Russian).
6. Zorin, A. N. 2001. *Goroda i posady dorevoliutsionnogo Povolzh'ia (Towns and Townships of the Pre-Revolutionary Volga Region)*. Kazan: Kazan University (in Russian).
7. Ignat'ev, R. G. 1883. In *Spravochnaia knizhka Ufmskoi gubernii. Otdel vtoroi (Reference Book of Ufa Governorate. Second Section)*. Ufa (in Russian).
8. Kazakov, E., Nabiullin, N. 2010. In *Dostoitanie pokolenii (Wealth of Generations)* 8(2), 26–31 (in Russian).
9. Efimova, A. M. (comp.). 1980. *Katalog arkhelogicheskikh kollektzii Gosudarstvennogo muzeia TASSR. Vyp. II. Epokha zheleza. Volzhskaia Bolgariia. Zolotoordynskie goroda. Kazanskoe khanstvo. Kollektzii XVI–XVII vv. (Catalogue of Archaeological Collections of the State Museum of the Tatar SSR. Issue 2. The Iron Age. Volga Bolgaria. Towns of the Golden Horde. Kazan Khanate. Collections of the 16th – 17th cc.)*. Kazan (in Russian).
10. Lapochkin, V., Pochelina, V. 1972. *Stranitsy chelninskoi istorii. (Pages of Chelny History)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

11. Nazarova, I. V. *Arkhitelturno-prostranstvennaia organizatsiia oboronitel'no-krepostnykh kompleksov Volgo-Kam'ia serediny XVI–XVII vv. (Architectural and Spatial Organization of the Defensive and Fortification Complexes of the Volga-Kama Region in the mid-16th – 17th cc.)*. Cand. Thesis. Kazan, 2009. (in Russian).
12. Nasyrov, R. G. 2007. *Sel'skoe rasselenie v Zapadnom Zakam'e (vtoraia polovina XVI – nachalo XVIII vv.) (Rural Resettlement in the Western Trans-Kama Region (second half of 16th – early 18th cc.))*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
13. Nigamaev, A. Z. 2009. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiaakh na territorii Elevatornoi Gory v Naberezhnykh Chelnakh v 2008 godu (Report on Archaeological Studies at Elevatornaya Gora, Naberezhnye Chelny in 2008)*. Elabuga. Laboratory of archaeology and ethnology of the Elabuga State Pedagogical University (in Russian).
14. Sitdikov, A. G., Khuzin F. Sh. (eds.). 2007. *Svod pamiatnikov arkheologii Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites in the Republic of Tatarstan) 3*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
15. Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territoriia (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
16. Frolov, N. S. 2002. *Selo Cheremshanskaia krepost' (XVIII–XIX vv.). Ocherki istorii (The village of Cheremshan Fortress (18th–19th centuries. Essays on History)*. Kazan: “TaRIkh” Publ. (in Russian).
17. Khuzin, F. Sh. 2006. In Khuzin, F. Sh., Zagidullin, I. K. (eds.). *Kazan' v srednie veka i rannee novoe vremia (Kazan in the Middle Ages and Early Modern Times)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 5–12 (in Russian).

About the Authors:

Ermakov Vladimir V. Doctor of Historical Sciences, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

Nabiullin Nail G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

Gazizov Jalil G. Center of Children's (Youth) Technical Creativity of the Nizhnekamsk municipal district of the Republic of Tatarstan, Nizhnekamsk, Russian Federation, jalil_66@list.ru

Salakhatdinova Guzel T. History and Local History Museum, Naberezhnye Chelny, Gidrostroitelei str., 16. 423800, Russia; guzel-salah@yandex.ru

Статья поступила в номер 02.10.2017 г.

УДК 93/358.11/528.9

<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.112.125>

БОЛГАРСКИЙ СЕЛИТРЕННЫЙ ЗАВОД ПО ИСТОРИЧЕСКИМ, АРХИВНЫМ И КАРТОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

© 2017 г. Х.М. Абдуллин

В статье собраны и анализируются все известные историографические сведения о функционировании Болгарского селитренного завода на территории Болгарского городища в Спасском уезде Казанской губернии. Автором приводятся данные о селитренном производстве в России в целом, впервые вводятся в научный оборот архивные источники о личном составе Болгарского селитренного завода из исповедных росписей Успенской церкви села Болгары XVIII века. Наиболее полно проанализирован картографический материал XVIII–XIX вв., в котором можно найти сведения о функционировании завода, информацию о расположении основных производств, мест добычи сырья и прочие подробности. Автор делает вывод о начале деятельности завода с 1673 года и о приостановке работы завода в первой половине XVIII в. В середине XVIII в. деятельность завода возобновилась, в частности, в 1763 г. на нем работало свыше 380 человек.

Ключевые слова: археология, Болгарское городище, селитренное производство, Болгарский селитренный завод, исповедные росписи, личный состав чинов, картография.

Производство селитры в Российской империи являлось составляющей порохового дела в стране. Селитра изготовлялась преимущественно в Казанской, Киевской и Азовской губерниях, откуда затем поставлялась на пороховые заводы (Манойленко, 2013, с. 280). Данные регионы неслучайно являлись лидерами селитренного производства России. В тот период считалось, что лучшим исходным материалом для заготовки селитры служит земля с древних городищ или курганов древних народов. При этом селитерным мастерам было позволено срывать курганы и городища до основания. А местным чиновникам предписывалось изыскивать такие места и указывать их селитерным мастерам, а также снабжать их необходимым количеством землекопков для добычи курганной земли (Жиринов, 2010).

Государственная опека селитренного производства ощущалась и в преимущественном праве казны на приобретение и последующее распределение селитры. Однако, несмотря на это, держатели селитренного производства часто самостоятельно продавали ее частным лицам. Сенатский указ от июня 1711 г. запретил продажу селитры посторонним лицам, за исключением тех «уговорщиков», «которым по подрядам велено будет порох делать, и ставить в Артиллерию» (ПСЗРИ, № 2381). Местом сбора всей произведенной селитры являлась Москва, а именно Приказ Артиллерии. Такой порядок в России просуществовал до 1719 г., когда не закупленную в течение месяца казной и теми самыми «пороховыми уговорщиками» готовую селитру было вновь разрешено продавать частным лицам (ПСЗРИ, № 4808). При этом в 1720 г. по пред-

ставлению сенатора, президента Берг-коллегии Якова Вилимовича Брюса, Коллегия иностранных дел и Коммерц-коллегия издали распоряжение, запрещавшее промышленникам вывоз селитры за границу (Манойленко, 2013, с. 280).

Первое упоминание о производстве селитры в Болгарах относится к 1673 г., оно было организовано по инициативе казанского воеводы (Бранденбург, 1876, с. 311). В конце 1690-х гг. им руководил дворянин Луговской (по другим сведениям – Т. Ледаговский) (Белов, Коршунова, 2014, с. 338). В 1697 г. в наказе окольному князю Петру Лукичу Львову, назначенному воеводой в Казань, отмечалось: «Да в прошлом во 181 г. будучи в Казани боярин и воевода князь Алексей Андреевич с товарищи, приказали в казанском уезде на селитряное варенье старые городищи в разных местах и делана была селитра и порох многое число». На этот же предмет П.Л. Львову указывалось «И окольному, и воеводам князю Петру Лукичу с товарищи, будучи в Казани велеть селитру варить и зелье делать и в иных местах селитры приискывать и заводить селитренное и зельное дело большими заводами, и порох делать пушечный и ручной самый добрый; а сколько вновь в казанском уезде селитры выварено и сделано, и что в тех селитренных заводах и о зелье учнется впредь делать, и о том писать великому государю почасту и зелью опыт присылать к Москве в Казанский приказ, а порох держать до указу в каменных погребках» (Бранденбург, 1876, с. 335–336). Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона «в Приволжье селитряные заводы были устроены Петром

Великим в Спасском уезде Казанской губернии в деревне Болгары, около Астрахани и близ Саратова» (Энциклопедический словарь..., 1900).

Впрочем, в первое десятилетие XVIII в. селитренное производство в Болгарах сворачивается и переносится ближе к Астрахани, где около 1709 г. был основан казенный селитренный промысел (Бранденбург, 1876, с. 335–316).

Возобновление деятельности Болгарского селитренного завода относится, очевидно, к середине XVIII в. В исторической литературе отмечается, что в 1763 г. здесь работало более 380 человек (История Татарской..., 1951; Белов, Коршунова, 2014, с. 338). Возможно, что селитра, полученная в середине XVIII в., и позже направлялась в Казань, сначала для испытания артиллерийских орудий, изготавливаемых в арсенальном дворе казанского кремля (Абдуллин, 2013, с. 5–11), а позже для производства пороха на Казанском казенном пороховом заводе.

Найденные нами документы о Болгарском селитренном заводе прослеживаются по исповедным ведомостям Успенской церкви села Болгары 1780–1790-х гг.

Исповедные ведомости (рописи) – замечательный источник по учету населения в Российской империи. Это ежегодный отчетный документ, составляемый по каждому приходу православной церкви в XVIII – начале XX века. Он представлял собой посемейный список всех проживающих на его территории прихожан (как правило, за исключением младенцев) с указанием для каждого человека, был ли он в этом году на исповеди и причащался ли у своего священника.

ЕКСАСО		Актъ о рождении		Протоколи	
Семья	Людск.	Мушкет.	Хвоста	Хвоста	
				Мушкет.	Хвоста
Духовн. нѣв домашнѣ					
1	1	-	Свѣдѣннѣ сына Николаевъ	35	А
		1	Хвоста его Абдуллахъ Мухомедовъ	29	
	2	-	Умѣ дѣлѣ: свѣдѣннѣ платонѣ	1/2	А
	2	-	Доверѣ: Марковѣ	7	
	3	-	Сина	5	Всѣ
	4	-	Марковѣ	4	
	5	-	Умѣо фѣ Свѣдѣннѣ платонѣ родная прахирѣнѣ платонѣ Петрова Поповская сына	64	Всѣ
			Областнаго Свѣдѣннѣ Завоски Иосифовѣ		и
1	3	-	Артиллерѣ Иосифовѣ Федоровѣ	69	и
	6	-	Хвоста его Доминикѣ пѣтровоѣ подпорѣтѣнѣ	59	и
	4	-	Николаи Свѣдѣннѣ	31	
	7	-	Хвоста его сына Николаевѣ Фурьевѣ	28	и
	5	-	Свѣдѣннѣ Николаевѣ	29	
	6	-	Маврии Свѣдѣннѣ	28	
	7	-	Федорѣ Мавриевѣ	30	
			Хвоста		

Рис. 1. Фрагмент исповедной ведомости Успенской церкви села Болгары 1783 г. НА РТ. Ф.4. Оп.18. Д.2. Л.32.

Fig. 1. Fragment of a confessional register from Assumption Church in Bolgary village, 1783, National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 4, inv. 18, dossier 2, sheet 32.

В самом раннем рассмотренном исповедном реестре 1770 г. в селе Болгары ничто не указывает на наличие селитренного промысла (НА РТ. Ф.4. Оп.5. Д.2. Л.90–99), нет таких сведений и в 1775, 1776, 1778 г. (НА РТ. Ф.4. Оп.10. Д.2. Л.127–137; НА РТ. Ф.4. Оп.11. Д.2. Л.126об.; НА РТ. Ф.4. Оп.13. Д.1. Л.111).

Только в исповедном списке села Болгары 1780 г. находим военных чинов Болгарского казенного селитренного завода. Его возглавлял капитан артиллерии Матвей Федоров 59-ти лет. Его 20-летний сын числился в списке сержантом. Особо подчеркнем, что чины завода стояли здесь на «винтер квартирах», то есть были размещены в зимних помещениях для войск, а следовательно, находились в селе круглогодично. Кроме капитана к командному составу заведения относились фуруеры¹, всего 5 человек,

среди которых отдельно выделялись капрал², цейдинер³ и писарь. Личный состав завода состоял из 5 бомбардиров⁴, 13 канониров⁵, 6 фузилеров⁶, 1 селитренного мастера, 7 подмастерьев, имевших разную специализацию, 2 кузнецов, 4 пороховщиков, 63 селитерщиков и 4 денщиков (НА РТ. Ф.4. Оп.15. Д.2. Л.1–4).

На следующий год из списка служащих исчезли сведения о пороховщиках и больше они в списках не указывались. Возможно, в первый год функционирования завода они испробовали селитру для производства пороха (НА РТ. Ф.4. Оп.16. Д.1. Л.1–3 об.).

В 1783 г. в исповедной росписи Успенской церкви села Болгары значатся: командир Болгарского селитренного завода артиллерии капитан Матвей Федоров (уже 69-ти лет); подпоручик Николай Бышковской, 31 год; 5 фуруеров (из них два капрала и

¹ Фуруер (от нем. Führer) – командир, начальник, представитель командного состава.

² Капрал (из польск. kapral или нем. kargal – «командир») – начальник команды – воинское звание младшего командного состава и низший унтер-офицерский (сержантский) чин в вооружённых силах ряда стран. В 1647 г. звание «капрал» появилось в России, в полках нового строя, официально введено «Воинским уставом» Петра I. В первой половине XIX века чин «капрал» заменён чином «младший унтер-офицер».

³ Цейдинер (или Цейхдинер) – нижний нестроевой чин в армии, помощник цейхвандера, чиновника военного и морского ведомства, заведовавшего предметами и материалами по артиллерийской и инженерной частям.

⁴ Бомбардир – с конца XVIII века в Российской империи рядовой артиллерист, служивший при орудиях (мортиры, гаубицы, единороги). В дальнейшем до 1917 года бомбардир – нижний чин артиллерийских частей русской императорской армии с повышенной квалификацией (соответствовал ефрейтору в пехоте). В бомбардиры назначали за примерное поведение и хорошее знание службы.

⁵ Канонир (нем. Kanonier) – младший нижний чин рядового артиллерии армии и флота (в Российской империи до 1917 года), буквально пушкарь, от французского canonier, от canon (пушка). Строевые нижние чины Русской артиллерии разделялись на канониров (рядового звания) и фейерверкеров (унтер-офицерского звания). Артиллеристы рядового звания делились на канониров, бомбардиров (старших канониров), бомбардир-лаборантов и бомбардир-наводчиков.

⁶ Фузилёры (фр. fusiliers – стрелок из ружья) – пехотные солдаты, вооружённые кремнёвыми ружьями (fusils). Первоначально использовались для прикрытия артиллерии и в качестве лёгкой пехоты.

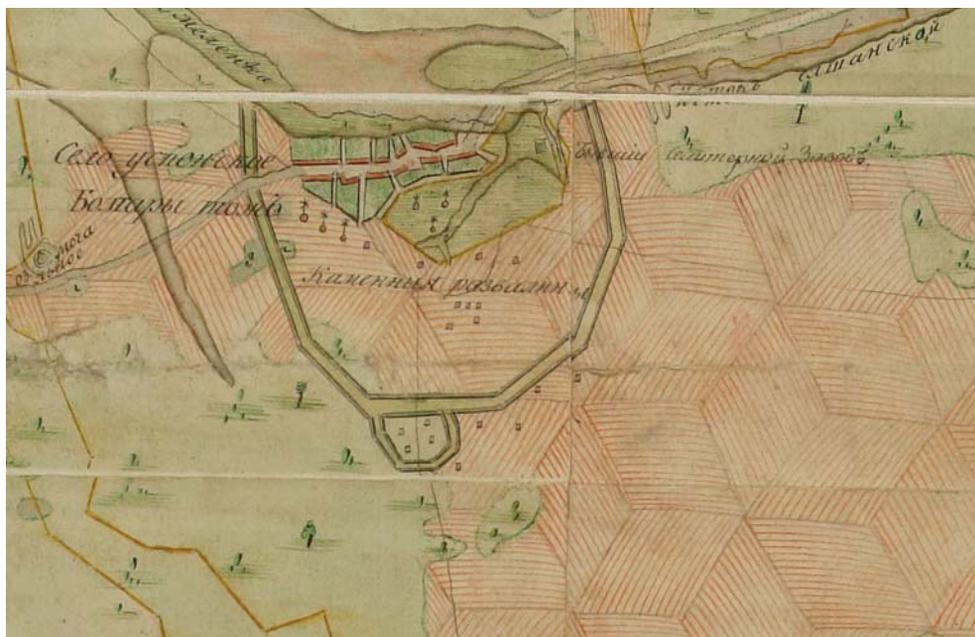

Рис. 2. Фрагмент Генерального уездного плана Спасского уезда конца XVIII в.
РГАДА. Ф.1356. Оп.1. Д.1205.

Fig. 2. Fragment of a General district plan of the Spassky district, late 18th century.
Russian State Archive of Ancient Acts, fund 1356, inv. 1, dossier 1205.

цейдинер), 3 бомбардира, 8 канониров, 16 фузелеров, 2 мастеровых (селитерный мастер и машинный подмастерье), 7 селитренных учеников, 2 кузнеца, 62 селитерщика и 4 денщика (НА РТ. Ф.4. Оп.18. Д.2. Л.32–34 об.). Таким образом, увеличилось количество обер-офицеров, не стало писаря, уменьшилось количество бомбардиров, значительно уменьшилось количество канониров, увеличилось количество фузилеров, стало 2 мастеровых.

В 1785 г. вновь перед нами предстанет измененный состав завода. Вероятно, ушел в отставку пожилой капитан Федоров, а управление заводом принял подпоручик Бышковский, появляется должность сержанта, количество бомбардиров сократилось до 2-х, сократилось число фузилеров, до 3-х человек сократилось число селитерных

учеников, при этом из их числа были выделены в отдельную категорию 3 столяра, до 59 человек уменьшилось количество селитерщиков, денщик остался один (НА РТ. Ф.9. Оп.32. Д.1. Л.41–44).

Следующая духовная роспись, которую удалось найти, относится к 1792 г. и в ней Болгарский селитренный завод указан уже как «оставленный», при этом здесь продолжало находиться в качестве караула 5 служителей из числа военнослужащих, впрочем, все преклонного возраста (НА РТ. Ф.9. Оп.39. Д.1. Л.31).

В 1795 г. состав караула оставался тем же (НА РТ. Ф.9. Оп.42. Д.5. Л.50–50 об.).

Картографический материал из фондов государственных архивов РФ также несет в себе информацию о Болгарском селитренном заводе.

Рассмотренные нами планы относятся к концу XVIII–XIX в. Среди них выделяется генеральный уездный план Спасского уезда конца XVIII в. из собраний планов генерального межевания с масштабом в 1 версту (РГАДА. Ф.1356. Оп.1. Д.1205). Это наиболее подробный уездный план, созданный благодаря программе генерального межевания всех земель Российской империи. Представленное здесь село Успенское (Болгары) прорисовано довольно подробно, в том числе на план нанесены границы городища (валы), отдельные здания, территория Малого городка, Иерусалимский овраг, распахиваемая территория и здание бывшего селитренного завода на востоке городища. План утвержден в Межевой канцелярии землемером, коллежским секретарем Михайлой Носовым.

Карта Спасского уезда с масштабом в 8 верст представляет собой красочную, парадную карту с описанием города Спасска и его уезда (РГАДА. Ф.1356. Оп.1. Д.1207). Она условно разделена на четыре части уезда, которые будут более подробно указаны в отдельном Атласе Спасского уезда, в четырех частях. В данном случае бросается в глаза доминирующее положение села Успенское (Болгары) для всей прилегающей округи. Масштаб карты не позволил прорисовать более подробно все особенности села, однако в непосредственной близости от села все же локализован «казенный селиторный завод».

Наконец, последним в ряду уездных планов следует отметить Атлас Спасского уезда в 4 частях и масштабом в 2 версты (РГАДА. Ф.1356. Оп.1. Д.1209, Д.1210, Д.1211, Д.1212). Подобно предыдущей карте, части Атласа также красиво оформлены, однако

отсутствует уездное описание. Село Болгары вошло в 1-ю часть атласа. Подобно генеральному плану Спасского уезда конца XVIII века, здесь также подробно прорисованы валы, отдельные здания как самого села, так и городища, территория Малого городка, Иерусалимский овраг, распахиваемая территория и здание бывшего селитренного завода.

В Российском государственном военно-историческом архиве нами выявлен «План экономическому селу Болгары, что внутри земляного вала» (РГВИА. Ф.418. Оп.1. Д.544). Необходимо отметить, что в описи, в названии плана указано, что он относится к первой четверти XIX века, однако локализация на плане действующего монастыря в районе Соборной мечети прямо указывает на более древний характер этого картографического источника. Как известно, Успенский монастырь в селе Болгары был закрыт в 1770-е годы (Республика Татарстан, 1998, с. 236). К сожалению, план не подписан, что делает невозможным более точную датировку его создания. Это цветной, красочный план, содержащий в себе кроме собственно плана городища и села описание плана, список новых построек и профили трех старинных сооружений городища. На ней хорошо прорисованы пашни, река, затапливаемые территории, посадки, овраги, рвы и валы городища. Строения села прорисованы схематично, неподробно, однако отдельно стоящие здания и руины исторических построек локализованы правильно. Все они подписаны, их описания следующие: *«А. Бывшего города Болгара земляной вал; В. За большим валом небольшой земляной вал; С. Монастырь; Д. В оном монастыре каменный*

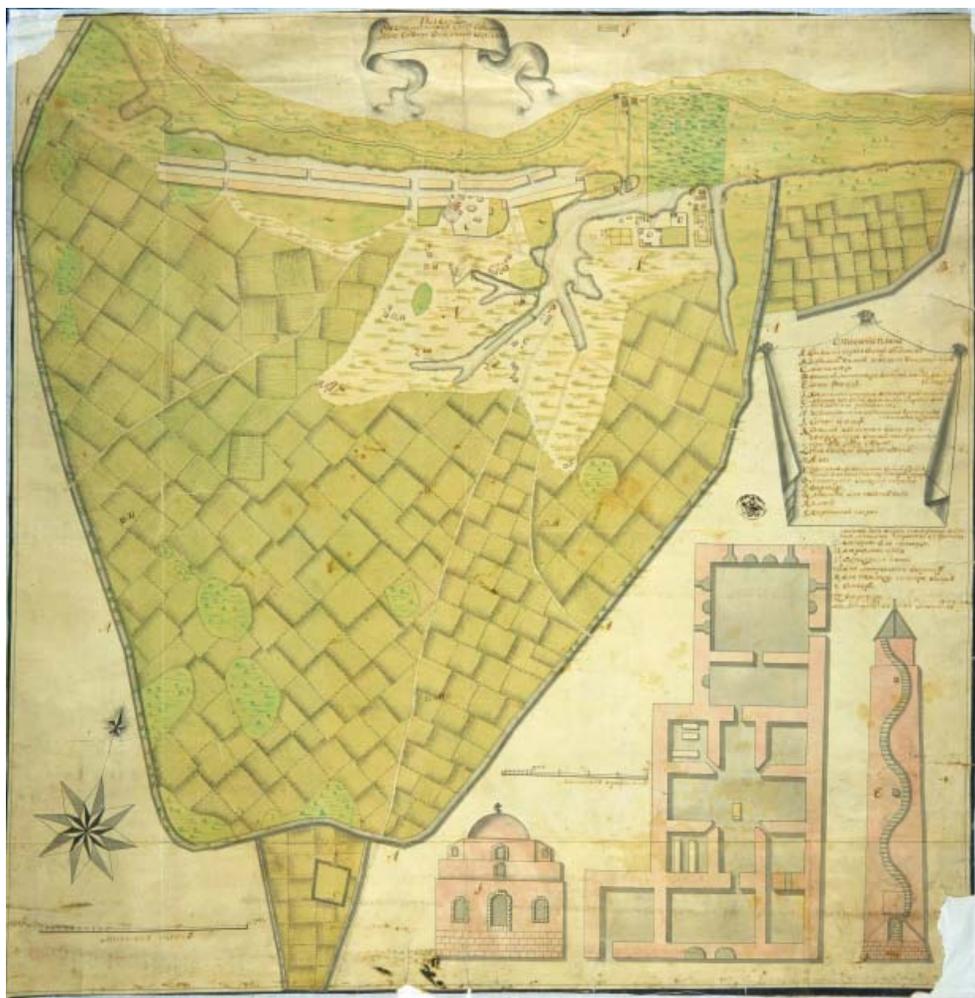

Рис. 3. План села Болгар. РГВИА. Ф.418. Оп.1. Д.544.

Fig. 3. Plan of Bolgar village.

Russian State Military and Historical Archive, fund 418, inv. 1, dossier 544.

столб вышиной 12 сажень; Е. Оной фасад; F. Каменные строения, которые развалились; G. Места, где были каменные строения, кои ныне до земли развалились; H. Развалившаяся, называемая Греческая каменная церковь; J. С оной фасад; K. Бывшая каменная баня, где ныне содержатся заводские деревянные припасы, зола и уголье; L. Село Болгары, огороды и

гумно; M. Ямы; N. За селом не пашенной земли 53 деячины, коя означена под селитренным заводом; O. Селитренные заводские строения; P. Варницы; Q. Машины для подъема воды; R. Ключи; S. Кирпичный сарай».

Подчеркнем, что наличие действующего селитренного завода еще раз подтверждает версию о создании плана в XVIII веке, так как на генераль-

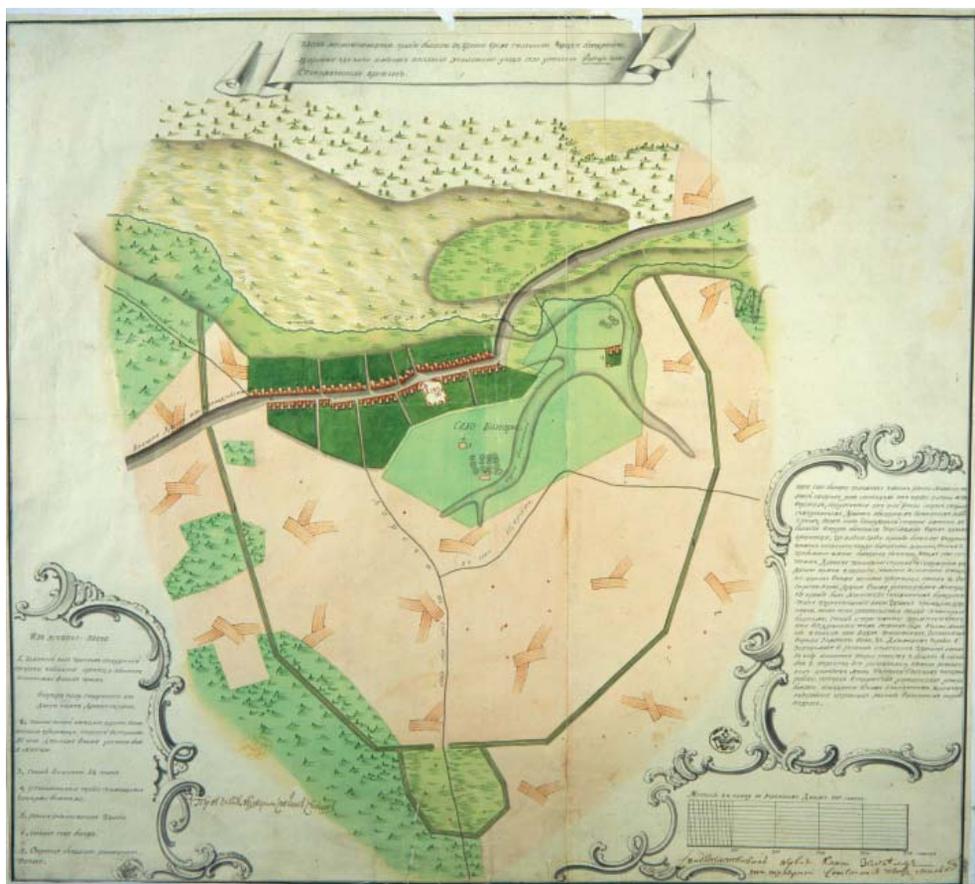

Рис. 4. План местоположению прежде бывшего в древнее время столичного города Болгарского царства. РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.21708.

Fig. 4. Plan of the former ancient capital of the Bolgar kingdom. Russian State Military and Historical Archive, fund 846, inv. 16, dossier 21708.

ном уездном плане Спасского уезда конца XVIII века завод уже назван «бывшим». Не менее важная информация содержится во втором списке, приведенном на плане и обозначенном как «Места где впредь построить водяные машины и прочие строения». Среди указанных зданий здесь нанесены: «Г. Казармы для команды; У. Караульная изба; V. Офицерский покой; W. Для литрования варницу; X. Для поклажи селитры выход; Y. Амбар; Z. Варницы; aa. Ветряные, водяные машины».

Другим выявленным нами и не публиковавшимся ранее планом Болгарского городища является «План местоположению прежде бывшего в древнее время столичного города Болгарского царства, где ныне имеют поселение Лаишевского уезда села Успенского (Болгары тож) экономические крестьяне», относящийся к концу XVIII – началу XIX в. План цветной, подписан землемером первого класса, титулярным советником Петром Мальковым, масштаб – 100 сажень (РГВИА. Ф.846. Оп.16.

Рис. 5. План Великого Града Болгар, древней столицы Болгарского царства. НА РТ. Ф.200. Оп.1. Д.53. Л.2об.-3.

Fig. 5. Plan of Great Bolgar Town, ancient capital of the Bolgar kingdom. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 200, inv. 1, dossier 53, sheet 2rev.-3.

Д.21708). На плане подробно локализованы деревенские дома и приусадебные участки, пашни, леса, дороги, реки, овраги и затапливаемые во время половодья пространства, отдельно стоящие здания городища и валы. Отметим, что все отдельно стоящие здания пронумерованы. В левом нижнем углу приведены изъяснения плана: *«1. земельный вал при коем с полуденной стороны небольшая крепосца, обнесенная таковым же валом и рвом. Внутри вала сооруженные из дикого камня древние строения; 2. палата из коей освещена церковь во имя Николая Чудотворца, а при ней выстроенная вновь церковь во имя Успенья Божьей Матери; 3. столб вышиной в 12 сажень; 4. развалившаяся ограда с имеющимися четырьмя башнями; 5. разные развалившиеся здания; 6. селение села Болгар; 7. строение бывшего селитренного завода».*

«План Великого Града Болгар, древней столицы Болгарского царства. На развалинах коего ныне стоит казенного ведомства село Болгары, Богородско-Успенское тож, Казанской губернии в Спасском уезде во 123 верст от города Казани» (НА РТ. Ф.200. Оп.1. Д.53. Л.2 об.–3) был составлен и опубликован казанским губернским архитектором А. Шмидтом в 1827 г. На нем хорошо прорисованы географические особенности и, конечно же, указаны все здания и развалины, которые пронумерованы в количестве 28 объектов. Объяснения объектов вынесены за план, в нижнюю часть большой страницы. Объяснения разделены на две части. В первой из них выделены «древние каменные здания и развалины»: 1) древняя мечеть, обращенная в церковь св. Николая; 2) круглая башня

или минарет, от жителей большим столбом называемая; 3) другая башня, малым столбом называемая; 4) черная или судная палата; 5) белая палата с тремя куполами; 6) развалины четырехугольных палат, называемых Ханскими; 7) развалины четырех башен, образующих квадрат; 8,9,10,11,12,13 и 14) развалины четырехугольных палат разного вида; 15) Малый городок с валом и рвом; 16) развалины четырех квадратных палат в Малом городке; 17) большой земляной вал; 18) развалины палаты с бывшими круглыми башнями на возвышенном кургане за болотом, где по приданию стоял маяк; 19) урочище Ага-базар, где видны развалины здания с башнями и признаки вала; 20) развалины разных каменных домов.

Вторая часть объяснений включает «новые здания», среди которых выделены: 21) церковь Успения Пр. Богородицы; 22) крестьянские дома; 23) старообрядческие кельи; 24) житницы; 25) бугры после селитренного завода; 26) околица; 27) русское кладбище; 28) колодцы. Также из интересных обозначений на плане следует упомянуть *«Дорогу царскую, устроенную для пришествия Екатерины II»*, которая примыкала к дороге на Тетюши с внешней стороны большого вала.

Наконец, «План села Болгар с развалинами Болгарской столицы Спасского уезда Казанской губернии. По планам Шмидта, Штрауса, Савенкова и др.» был напечатан в конце XIX – начале XX в. и, как следует из названия, являлся сводным планом из ранних карт. Масштаб 250 сажень в английском дюйме. Из наследия бывшего селитренного завода здесь отмечены: *«15. Места бугров или се-*

литренных буртов; 20. Место здания бывшего селитренного завода; 21. Того же завода участок, бывший особую оброчную статью». Обращает на себя внимание пункт № 20, помещенный почему-то не в местах компактного расположения производств завода или штаб-квартиры управления, а вынесенный в нижнюю, ныне затопленную часть села. Ранее нигде на картах и планах наличие завода на этой территории не отмечалось.

Таким образом, резюмируя все имеющиеся на данный момент свидетельства о Болгарском селитренном заводе, можно сделать следующие основные выводы:

- в литературе и историографии о существовании Болгарского селитренного завода известно с 1673 г.;

- в первое десятилетие XVIII в. селитренное производство в Болгарах сворачивается и переносится ближе к Астрахани;

- производство селитры в Болгаре возобновляется, очевидно, в середине XVIII в., т.к. в историографии указывается, что в 1763 г. здесь работало более 380 человек;

- в церковных документах села Болгары, чины Болгарского казенного селитренного завода начинают фигурировать с 1780 г.;

- военные чины завода находились в Болгарах круглогодично;

- число чинов завода в 1780-е гг. сокращалось;

- в 1792 г. Болгарский казенный селитренный завод в церковных документах значится как «оставленный»;

- картографические материалы конца XVIII – начала XX в. уточняют данные о расположении основных производств завода, его штаб-квартиры, мест добычи сырья и др. подробности функционирования и размещения завода..

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллин Х.М. Военные учреждения и заведения Казанского кремля в XVIII – первой половине XX вв. Казань: Отечество, 2013. 164 с.
2. Атлас Спасского уезда. Ч. 1 / Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1209.
3. Атлас Спасского уезда. Ч. 2 / Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1210.
4. Атлас Спасского уезда. Ч. 3 / Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1211.
5. Атлас Спасского уезда. Ч. 4 / Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1212.
6. Белов С.Г., Коришнова О.Н. Пороховое производство в Казанском крае: к истории формирования химической промышленности на территории Татарстана (вторая половина XVI – первая половина XVIII вв.) // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 9. С. 337–339.
7. Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701–1720 г.). СПб.: Типография артиллерийского журнала, 1876. 574 с.
8. Генеральный уездный план Спасского уезда / Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1205.

9. Духовная роспись на 1792 г. / Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 9. Оп. 39. Д. 1. Л. 31.
10. Духовная роспись на 1795 г. / Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 9. Оп. 42. Д. 5. Л. 50–50 об.
11. Духовные ведомости за 1770 г. / Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 5. Д. 2. Л. 90–99.
12. Духовные ведомости за 1775 г. / Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 10. Д. 2. Л. 127–137.
13. Духовные ведомости за 1776 г. / Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 126 об.
14. Духовные ведомости за 1778 г. / Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 13. Д. 1. Л. 111.
15. Духовные ведомости за 1780 г. / Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 15. Д. 2. Л. 1–4.
16. Духовные ведомости за 1781 г. / Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 16. Д. 1. Л. 1–3об.
17. Духовные росписи за 1783 г. / Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 18. Д. 2. Л. 32–34об.
18. Духовные росписи за 1785 г. / Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 9. Оп. 32. Д. 1. Л. 41–44.
19. *Жирнов Е.* Заразное кладоискательство // *Коммерсантъ Деньги*. 2010. № 3. С. 53.
20. История Татарской АССР. Т. 1. / отв. ред. Х.Г. Гимади. Казань: Таткнигоиздат, 1951. С. 198.
21. *Манойленко Ю.Е.* К истории организации производства артиллерийского вооружения в России в первой четверти XVIII века // *История военного дела: исследования и источники*. Т. IV. 2013. С. 265–291. Доступно по URL: <http://www.milhist.info/2013/08/15/manoilenko>
22. План Великого Града Болгар... / Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 200. Оп. 1. Д. 53. Л. 2об.-3.
23. План местоположению... / Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 21708.
24. План с. Болгар (близ г. Тетюши)... / Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 418. Оп. 1. Д. 544.
25. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. VII. № 4808. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Его Императорского Величества Е.И.В. Канцелярии, 1830. 933 с.
26. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое Т. IV. № 2381. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. 890 с.
27. Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – начало XX веков). Казань: Фест, 1998. 303 с.
28. Уездная карта Спасского уезда. М.: 8 в. / Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1207.
29. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 29 (57). СПб.: Акционерное издательское общество Ф.А. Брокгауз И.А. Ефрон, 1900. С. 360.

Информация об авторе:

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); Xalimabd@mail.ru

**BOLGAR SALTPETER PLANT IN HISTORICAL,
ARCHIVAL AND CARTOGRAPHIC MATERIALS****Kh.M. Abdullin**

The article features a collection and analysis of all known historiographical information concerning the operation of the Bolgar saltpetre plant in the territory of Bolgar fortified settlement in the Spassky district of Kazan governorate. The author provides information on Russian saltpetre production in general, and introduces into scientific discourse the archival sources on the personnel of the Bolgar saltpetre plant based on confessional registers from the Assumption Church located in Bolgary village of the 18th century. The most thoroughly analyzed cartographic material of the 18th – 19th centuries provides information on plant operation, the arrangement of primary production facilities, raw material sources, and other details. The author concludes that the termination of the plant began in 1673 and terminated in the first half of the 18th century. In the mid-18th century its operation resumed, and for instance in 1873 its personnel consisted of 380 people.

Keywords: archaeology, Bolgar fortified settlement, saltpetre production, Bolgar saltpetre plant, confessional registers, public officials, cartography.

REFERENCES

1. Abdullin, Kh. M. 2013. *Voyennyye uchrezhdeniya i zavedeniya Kazanskogo kremlya v XVIII – pervoy polovine XX vv. (Military establishments and institutions of the Kazan Kremlin in the XVIII – first half of XX centuries)*. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).
2. *Atlas Spasskogo uezda (Atlas of the Spassky District)* 1. Russian State Archive of Ancient Documents, fund 1356, inv. 1, dossier 1209 (in Russian).
3. *Atlas Spasskogo uezda (Atlas of the Spassky district)* 2. Russian State Archive of Ancient Documents, fund 1356, inv. 1, dossier 1210 (in Russian).
4. *Atlas Spasskogo uezda (Atlas of the Spassky district)* 3. Russian State Archive of Ancient Documents, fund 1356, inv. 1, dossier 1211 (in Russian).
5. *Atlas Spasskogo uezda (Atlas of the Spassky district)* 4. Russian State Archive of Ancient Documents, fund 1356, inv. 1, dossier 1212 (in Russian).
6. Belov, S. G., Korshunova, O. N. 2014. In *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta (Bulletin of the Kazan Technological University)* 17 (9). 337–339 (in Russian).
7. Brandenburg, N. E. 1876. *Materialy dlya istorii artilleriyskogo upravleniya v Rossii. Prikaz artillerii (1701–1720 g.) (Materials for the history of artillery control in Russia. The order of artillery (1701–1720))*. Saint Petersburg: "Tipografiya artilleriyskogo zhurnala" Publ. (in Russian).
8. *General'nyi uezdnyi plan Spasskogo uezda (General Plan of the Spassky District)*. Russian State Archive of Ancient Documents, fund 1356, inv. 1, dossier 1205 (in Russian).
9. *Dukhovnaia rospis' na 1792 g. (Spiritual Register of 1792)*. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 9, inv. 39, dossier 1, p. 31 (in Russian).
10. *Dukhovnaia rospis' na 1795 g. (Spiritual Register of 1795)*. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 9, inv. 42, dossier 5, p. 50–50 back of sheet (in Russian).
11. *Dukhovnye vedomosti za 1770 g. (Spiritual Registers of 1770)*. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 4, inv. 5, dossier 2, p. 90–99 (in Russian).
12. *Dukhovnye vedomosti za 1775 g. (Spiritual Registers of 1775)*. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 4, inv. 10, dossier 2, p. 127–137 (in Russian).
13. *Dukhovnye vedomosti za 1776 g. (Spiritual Registers of 1776)*. National Archive of the Republic of Tatarstan, f. 4, inv. 11, dossier 2, p. 126 back of sheet (in Russian).
14. *Dukhovnye vedomosti za 1778 g. (Spiritual Registers of 1778)*. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 4, inv. 13, dossier 1, p. 111 (in Russian).

15. *Dukhovnye vedomosti za 1780 g. (Spiritual Registers of 1780)*. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 4, inv. 15, dossier 2, p. 1–4 (in Russian).
16. *Dukhovnye vedomosti za 1781 g. (Spiritual Registers of 1781)*. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 4, inv. 16, dossier 1, p. 13 back of sheet (in Russian).
17. *Dukhovnye rospisi za 1783 g. (Spiritual Registers of 1783)*. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 4, inv. 18, dossier 2, p. 32–34 back of sheet (in Russian).
18. *Dukhovnye rospisi za 1785 g. (Spiritual Registers of 1785)*. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 9, inv. 32, dossier 1, p. 41–44 (in Russian).
19. Zhirnov, E. 2010. In *Kommersant' Den'gi (Kommersant Dengi)*. (3), 53 (in Russian).
20. Gimadi, Kh. G. (ed.). 1951. *Istoriya Tatarskoy ASSR. (History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic.)* 1. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
21. Manoilenko, Iu. E. 2013. In *Istoriia voennogo dela: issledovaniia i istochniki (History of Military Art: Studies and Sources)* IV. 265–291. URL: <http://www.milhist.info/2013/08/15/manoilenko> (in Russian).
22. *Plan Velikogo Grada Bolgar... (Plan of the Great Town of Bolgar...)*. National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 200, inv. 1, dossier 53, p. 2 back of sheet-3 (in Russian).
23. *Plan mestopolozheniiu ... (Plan of Location...)*. Russian State Archive of Military History, fund 846, inv. 16, dossier 21708 (in Russian).
24. *Plan s.Bolgar (bliz g.Tetiushi)... (Plan of Bolgar Village (near the Town of Tetyushi)...*. Russian State Archive of Military History, fund 418, inv. 1, dossier 544 (in Russian).
25. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe (Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection)* VII. № 4808. 1830. Saint Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ. (in Russian).
26. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe (Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection)* IV. № 2381. 1830. Saint Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ. (in Russian).
27. *Respublika Tatarstan: Pravoslavnye pamiatniki (seredina XVI – nachalo XX vekov) (The Republic of Tatarstan: Orthodox Monuments (Mid-16th - Early 20th centuries))*. 1998. Kazan: "Fest" Publ. (in Russian).
28. *Uezdnaia karta Spasskogo uезда M.: 8 v. (Map of the Spassky District. Moscow: 8th c.)* Russian State Archive of Ancient Documents, fund 1356, inv. 1, dossier 1207 (in Russian).
29. Brokgauz, F. A., Efron, I. A. 1900. In Andreevskii, I. E. (ed.). *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona (Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary)* 29(57). Saint Petersburg: Aktsionernoe izdatel'skoe obshchestvo F. A. Brokgauz, I. A. Efron (in Russian).

About the Author:

Abdullin Khalim M. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Xalimabd@mail.ru

Статья поступила в номер 07.09.2017 г.

Материальная культура средневековых памятников Восточной Европы: современные исследования

УДК 902:748

<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.126.146>

ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ И ИСТОЧНИКОВ ГЛИНИСТОГО СЫРЬЯ В КЕРАМИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ XIII–XIV ВВ.¹

© 2017 г. В.Н. Бахматова, Р.Х. Храмченкова, А.Г. Ситдилов

В данной работе представлены результаты междисциплинарного исследования как фрагментов керамической посуды, так и образцов предполагаемого глинистого сырья. Объектом аналитического исследования являлись более ста фрагментов глиняной посуды, относящихся к разным группам керамики, обнаруженным в раскопах на территории Болгара – столичного города Волжской Болгарии XIII–XIV вв. Исследования осуществлялись несколькими методами: оптическая микроскопия и петрография (ОМР), дифференциальный термомагнитный анализ (DTMA), рентгенографический анализ (XRD), спектральный эмиссионный анализ (ESA), интегрированный дифференциальный термический анализ (IDTA). Кроме того, девять образцов керамического импорта были подвергнуты хроматографическому анализу (СГ). В округе городских поселений Волжской Болгарии были отобраны для идентификации источников керамического сырья 92 образца глины, которые были исследованы всеми указанными методами, за исключением IDTA и хроматографии. Авторы пришли к выводам, что методы ОМР, ESA и IDTA продемонстрировали идентичное распределение керамики по группам, но два первых были признаны самыми информативными и эффективными. В целом для определения происхождения глинистого сырья наиболее информативен ESA.

Ключевые слова: археология, физико-химическая аналитика средневековья, Волжская Болгария, Улус Джучи, керамика, сырьевые источники.

Введение. В XIII–XIV вв. после монгольского вторжения Болгар стал центром болгарской части Золотой Орды, являясь крупным административным, политическим, торговым и ремесленным центром в Восточной Европе. Археологические раскопки свидетельствуют о высоком уровне производства керамических изделий на территории данного государствен-

ного образования. Изготовление керамических изделий в городских центрах Волжской Болгарии было одним из наиболее развитых ремесленных производств. У керамики каждого центра были отличительные особенности. Хлебникова Т.А. выделила характерные группы керамики (Хлебникова, 1984). Наряду с высоким технологическим уровнем специали-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X–XVI вв.)».

зированных мастерских для производства глиняной посуды существовало мелкое домашнее производство на заказ и для собственного употребления. Все это дало начало огромному разнообразию форм и типов посуды, которые отличались между собой по истокам, технологии, материалам. Разнообразие глиняной посуды было вызвано не только этническими и культурными традициями, но и разными источниками сырья для керамического производства (Васильева, 1988).

Крупномасштабные археологические исследования на территории древнего Болгара в 2010–2014 гг. возобновили интерес современных аналитических методов к археологической керамике как источнику информации. В археологических исследованиях неполивной керамики многие авторы скептически относятся к применению аналитических методов. Керамика составляет большинство в объеме археологических находок, поэтому необходимы методы, которые могут быть применены к анализу больших объемов экспонатов. В этом случае определение оптимального набора аналитических исследований, позволяющих получить максимальную информацию с минимумом финансовых расходов, является очень актуальной проблемой.

Невозможно определить сырьевой источник при визуальном осмотре. Некоторые исследователи решили эту проблему путем применения одного типа анализа – рентгеноспектрального – например методом энергетической дисперсии (Hall, Minaev, 2002; Fernandez-Ruiz, Garcia-Heras, 2007), XRD (Costa и др., 2004). Но междисциплинарный подход является самым

результативным. Рассматривая этот вопрос, Д. Гриффит (Griffiths, 1999) написал о важности изучения археологической керамики различными аналитическими методами, подчеркнув, что «при исследовании происхождения результат, может быть достигнут усилиями междисциплинарного подхода» (перевод цитаты авторов). Определение источников глинистого сырья – коллективная научная работа (Ammerman и др., 2008; Gliozzo и др., 2004; Kreiter и др., 2007; Scarlpelli и др. 2010; Franchesco, 2011; Weaver и др., 2012). Основные методы большей части исследований этой проблемы в археологии – XRD, XRF и оптический микроскопический анализ ОМР. Существуют исследования по соотношению керамики и глинистого сырья с использованием катодной люминесценции CL (Kreiter et al., 2007), метода ICP (Hoeck и др., 2009), электронного анализа ЕМА (Ionescu и др., 2011), сканирующей электронной микроскопии SEM (Scarlpelli и др., 2010).

Данное исследование касается средневековой керамики одного из крупных государственных образований Восточной Европы. Образцы керамики и сырой глины были изучены различными аналитическими методами, чтобы охарактеризовать их состав. Сравнение аналитических данных позволило определить возможности каждого анализа в изучении сырьевого источника для изготовления керамики.

Материалы. Для аналитических исследований были отобраны керамические образцы из раскопов на территории древнего Болгара. Большую часть образцов можно отнести ко времени Золотой Орды – второй полови-

не XIII–XIV в. Выборка характеризует широкий диапазон болгарской керамики. Основу выборки составила общеповолжская керамика, являющаяся определенным маркером материальной культуры Волжской Болгарии. Согласно общепринятой классификации Т.А. Хлебниковой остальные образцы можно отнести к следующим группам: VII и XVIII – группы керамики прикамских истоков, XIII – группа керамики «джукетау», XIV – группа керамики «древнерусская», XVI – группа керамики «славяноидная», XVII – группа керамики «суварская», XIX – группа керамики степного происхождения «кыпчакская» (Хлебникова, 1984). Изученная группа включала также некоторые фрагменты сфероконических сосудов и дымогарных труб. Несколько образцов – фрагменты керамического импорта. Для сравнения была использована русская керамика XVIII–XIX вв.

Очевидно, гончары использовали сырье, которое было в непосредственной близости и подходило для производства керамики. Согласно этнографическим исследованиям Д. Арнольда (Арнольд, 1985) гончар использует в качестве сырья глину, которая располагается в радиусе от 1 до 7 км от его мастерской.

Для изучения сырьевых источников была собрана информация о центрах керамического производства в Волжской Болгарии и месторождениях глин в Среднем Поволжье. Отбор образцов глин был сделан вблизи археологических объектов и непосредственно на месторождениях глин. Было отобрано по 3–5 образцов сырья на каждом объекте, забор осуществлялся на уровне 60–120 см от дневной поверхности. Место отбора

каждой пробы было сфотографировано, зафиксировано с помощью навигационных приборов. На рисунке 1 представлена карта с пунктами отбора проб глинистого сырья на месторождениях (синим цветом) и местами отбора вблизи болгарских поселений (красным цветом).

Первоначально были произведены визуальный осмотр и описание образцов сырья и керамики.

Аналитические методы. Керамические образцы были проанализированы при помощи оптической микроскопии и петрографии (ОМР)², дифференциального термоманнитного анализа (DTMA)³, рентгенографического анализа (XRD)⁴, эмиссионного спектрального анализа (ЕКА)⁵, интегрированного дифференциального термического анализа (IDTA)⁶, хроматографии⁷. Исследования были выполнены в Центральном Научно-исследовательском институте Геологии нерудных полезных ископаемых (XRD, DTMA, IDTA), на кафедре Минералогии и литологии и в лабораториях Геохимии горючих полезных ископаемых Казанского (Поволжского) федерального университета (ОМР, XRD, DTMA, хроматография), в реставрационно-аналитическом отделе Института Археологии АН РТ (ЕКА)

² Анализ проведён к.г.-м.н. А.Н. Кольчугиным.

³ Анализ проведён к.г.-м.н. Л.В. Халлеп.

⁴ Анализ проведён Н.Н. Наумкиной, Г.М. Ескиной под руководством В.П. Морозова.

⁵ Анализ проведён руководителем реставрационно-аналитического отдела ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, к.ф.-м.н. Р.Х. Храмченковой.

⁶ Анализ проведён А. Губайдуллиной.

⁷ Анализ проведён Ф. Носовой.

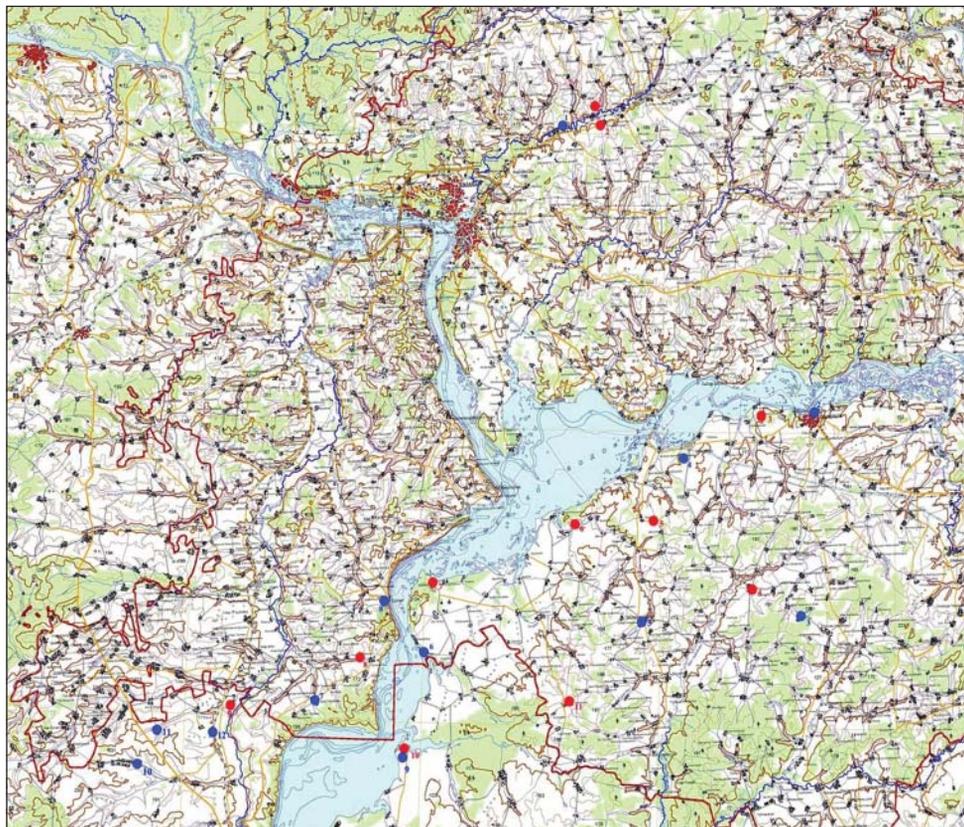

Рис. 1. Карта с пунктами отбора сырья на месторождениях (обозначены синими точками) и в округе памятников Волжской Болгарии (обозначены красными точками).
Fig. 1. The map with points of raw sampling places (blue) and of settlements of Volga Bulgaria (red).

Микроструктура, цементная основа и включения были определены в образцах анализом ОМР. Петрографическое наблюдение тонкого среза было сделано при помощи поляризационного микроскопа «OLIMPUS BX53P».

Для выполнения других видов анализов все образцы были размолоты в порошок (размер 0,06 мм).

Дифференциальный термомангнитный анализ (DTMA) по индуцированной намагниченности выполнялся на авторегистрирующих крутильных магнитных весах, основанных на методе Фарадея. Традиционные методы

изучения минералов в применении к ферримангнетикам в маложелезистых объектах являются малоинформативными. Оптическими методами практически диагностируется только магнетит, поскольку большая часть железосодержащих минералов находится в тонкодисперсном состоянии. Сущность метода DTMA заключается в изучении зависимости магнитных характеристик (в нашем случае – индуктивной намагниченности) от температуры. Эти особенности зависят от железосодержащих компонентов, которые фиксируются в глине и керамике. Физической основой метода

DTMA является наличие у ферри-магнитных минералов таких первичных характеристик, как точка Кюри и удельная намагниченность, однозначно и функционально связанных с составом и кристаллической структурой минералов и практически независимых от других факторов.

Рентгенографический анализ (XRD) был выполнен при помощи дифрактометра D8 ADVANCE (фирма Bruker Axs, Германия) с использованием монохроматизированного CuKa-излучения к минералогической характеристике и керамики и глины. Во время съемки препарат вращался в собственной плоскости со скоростью 60 об/мин. Первоначально снимались обзорные дифрактограммы с шагом сканирования 0.05° , экспозицией в точке – 0,5 сек, интервал съемки $3-70^\circ$ q. После выбора информативной угловой области $3-40^\circ$ 2q условия регистрации спектра были изменены, а съемка повторена с шагом сканирования 0.02° и экспозицией в точке – 3 сек.

Для идентификации слоистых глинистых минералов готовится ориентированный препарат, представляющий собой пленку глинистых частиц, преимущественно ориентированных параллельно плоскости подложки базальными сетками. Дополнительно этот препарат насыщался полярными органическими жидкостями с диагностической целью, а регистрация и обработка дифракционного спектра повторялись. Присутствие карбонатов в пробах отрицательно сказывается на возможности выделения качественного препарата глинистой фракции, что потребовало провести процедуру кислотной обработки исходного материала пробы.

Эмиссионный спектральный анализ (ESA) – один из самых старых из аналитических методов для определения химического состава. Основные макро и микроэлементы определены методом ESA. Сущность методики заключается в следующем. Навеска образца в 25 мг сжигается из кратера угольного электрода в дуге переменного тока до полного испарения. Время экспозиции для легколетучих элементов – 30 сек при силе тока 8А; после этого часть диафрагмы перекрывается и образец дожигается при силе тока 18А. Спектр, получаемый на дифракционном спектрографе ДФС-458, регистрируется на фотопластинки ПФС-03. Рабочая решетка спектрографа № 3 с 1800 шт/мм с разрешением 0,6 нм. Полученные спектрограммы фотометрировались на спектрофотометре МФ-2. Исследованные выборки были проанализированы классическим методом калибровки по Государственному стандарту глин и необработанных полезных ископаемых.

Комплексный дифференциальный термический анализ (ИДТА) был проведен с помощью синхронного термоанализатора STA 409 PC Luxx и включал три типа термоанализа – термогравиметрическая аналитика (TGA), дифференциальная сканирующая калориметрия (DSC) и дифференциальный термический анализ (DTA). ИДТА – метод теплового анализа, в котором изменения в физических и химических свойствах материалов измерены как функция увеличения температуры с постоянным обогревающим уровнем. Данные этого исследования могут свидетельствовать о таких физических параметрах, как микропористость, внутренняя влажность, процентное соотношение меж-

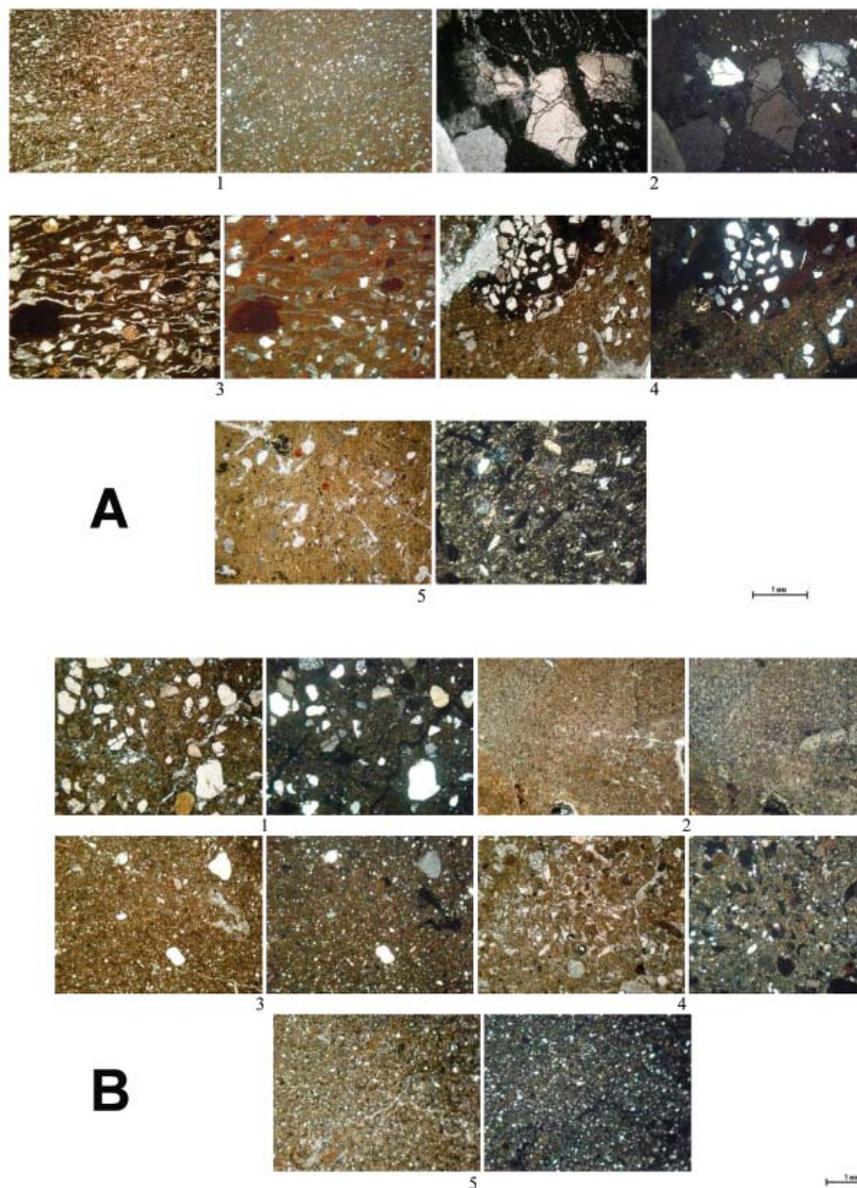

Рис. 2. Примеры микрофотографий шлифов пяти основных типов: А - керамика: 1 – керамика с естественной примесью мелкого песка и полевых шпатов; 2 – керамика с искусственной примесью крупного песка; 3 – керамика с грубой примесью кварцевых зёрен и естественной примесью гематита; 4 – керамика с добавкой из кварцевых агрегатов, 5 – керамика с примесью карбоната (дроблённые раковины улитки). В – образцы глинистого сырья.

Fig. 2. The examples of microphotographs of thin section of five basic types: А – of Volga Bulgarian ceramic: 1 – ceramic with original impurity of fine sand and of semi-grinding grain feldspars; 2 – ceramic with artificial of coarse sand; 3 – ceramic with coarse quartz grains and native hematite; 4 – ceramic with crush material and large quartz grains, 5 – ceramic with carbonate impurity of snail shell. В – of raw clays.

ду естественным углеродным компонентом и привнесенной органической добавкой. Режим съемки: нагрев в интервале 30–1000°C; скорость нагрева – 10 К/мин, тигли платиновые с крышками, среда – воздух.

Для определения органических микровключений фрагменты керамического импорта были изучены хроматографией на приборе «KRISTALL 2000M». Режим программирования температуры от 100° до 300°C. Пробоподготовка включала экстракцию хлороформом органических объектов из образцов в аппарате «Soksleta» и определение группового состава битумоидов методом жидкостно-адсорбционной хроматографии (выделение масел, смол и асфальтенов).

Результаты. Керамика. В результате проведенных исследований был получен обширный научный материал. По причине большого объема аналитических данных (более 200 страниц) в предложенной статье отражена только часть полученных результатов.

Согласно исследованиям петрографии (ОМР) керамика разделилась на пять основных групп (рис. 2: а). Первая группа – керамика с естественной примесью мелкого песка и зернами полевых шпатов. Большинство образцов керамики I общеболгарской группы и образцов керамики XIX группы имеют такие характеристики. Вторую группу составляет керамика с искусственной примесью крупного песка. Данные характеристики объединяют часть керамики I общеболгарской группы, керамику «джукетау» и «древнерусскую» керамику. Третью группу составляет только керамика «джукетау», керамика с крупными кварцевыми зернами и естественной примесью гематита.

Следующая группа представлена керамикой с добавкой кварцевых агрегатов и крупных зерен кварца – это «древнерусская» керамика и керамика «суварской» группы. Пятая группа керамики характеризуется небольшим количеством примеси карбоната (дробленая раковина речных моллюсков) – керамика прикамских истоков (VII и XVIII группы), «славяноидная» керамика.

Рентгенографический анализ (XRD) показал, что все образцы довольно однородны по минералогической структуре. Такая однородность обусловлена единством территории и однородной геологической историей. Основу всех образцов составляют кварц, полевые шпаты с рентгено-аморфной фазой. Глиняная фракция характеризуется наличием белой слюды, остатками гидрослюды и измененного смектита. Часто отмечается присутствие гематита, потому что все образцы были сделаны из ожелезненного глинистого сырья. Есть минеральные вещества, которые образовались в результате влияния высокой температуры: кристобаллит, магниевый алюмосиликат, сильно кристаллизованная слюда. Также присутствуют минералы, которые стабильны к высокой температуре: диопсид, шпинель. В небольшой части керамических образцов присутствуют минеральные вещества, нестабильные к высоким температурам, такие как хлорит, кальцит, амфибол, гидроксиллопатит. Присутствие измененного смектита позволяет говорить о низкой температуре обжига или ее отсутствии. С другой стороны, возникновение кристобаллита свидетельствует о высокотемпературном обжиге.

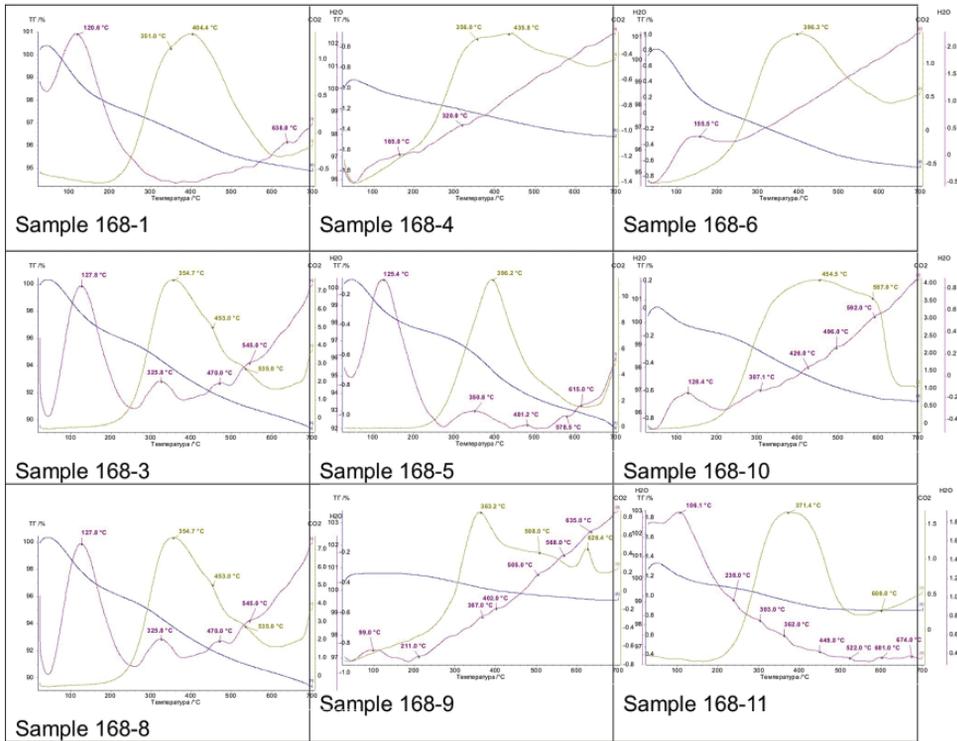

Рис. 3. Примеры кривых по результатам дифференциального термического анализа.
 Fig. 3. The examples of curves of IDTA.

По результатам рентгенографического исследования (XRD) керамику разделили на две многочисленные группы по характеристикам сырья. Первая группа характеризуется кварц-полевошпатным сырьем и/или высокотемпературным обжигом – высокое содержание агрегатов и зерен кварца в образце. Эти характеристики присущи керамике I общеболгарской группы, керамике XIX группы и всем сфероконусам. Можно выделить две подгруппы. В состав первой подгруппы входит кристобаллит, в состав второй подгруппы – гематит и сильно кристаллизованная слюда. Вторая группа характеризуется низкой температурой обжига и сложена из различных минеральных веществ: амфибол, гидроксиллопатит, кальцит – группы

керамики с примесью толченой раковины или без видимой примеси.

Большинство проанализированных проб глинистого сырья и соответственно керамика имеют высокое содержание железистых минеральных веществ. Традиционные методы изучения минералов в применении к ферромагнетикам в низкоферрисодержащих породах мало информативны. Оптические методы практически диагностируют только магнетит как преобладающий среди железистых минералов, поэтому было принято решение использовать метод ДТМА. По результатам исследования ДТМА керамические фрагменты разделились на шесть основных групп: группа I – глина, содержащая магнетит: а – керамика с повторным нагреванием,

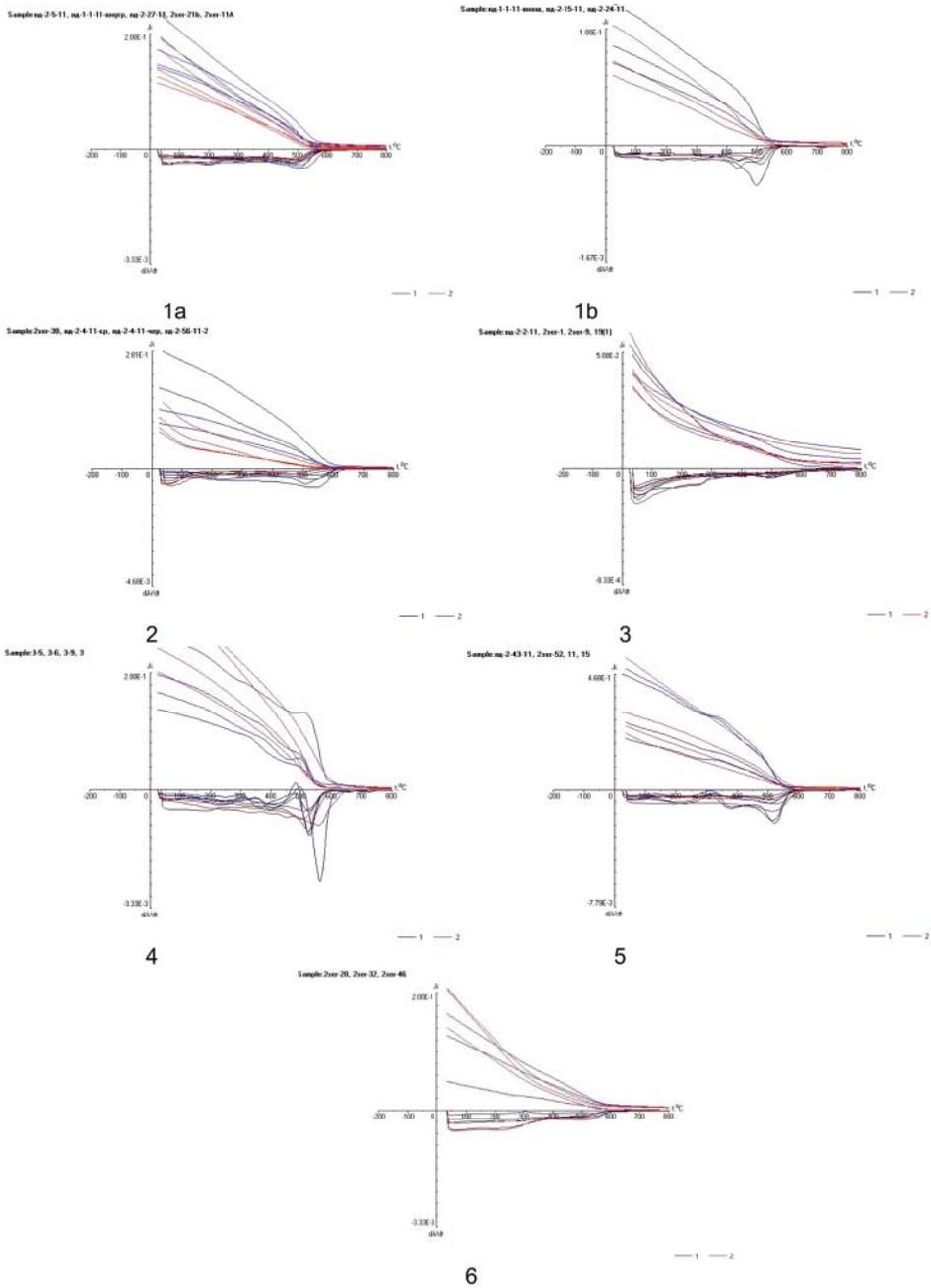

Рис. 4. Кривые исследования керамических групп дифференциальным термомангнитным анализом.

Fig. 4. The DTMA curves of ceramic groups.

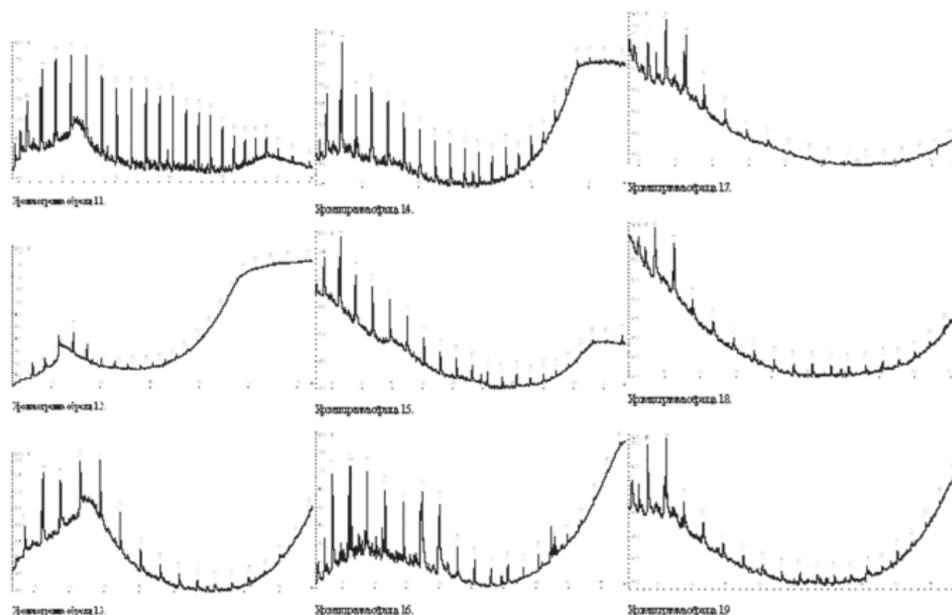

Рис. 5. Хроматограммы фрагментов импортной керамики.

Fig. 5. Chromatograms of fragments of import ceramics.

b – керамика без повторного нагревания; группа 2 – глина, содержащая гетит-маггемит, керамика с повторным нагреванием; группа 3 – керамика с высокой температурой обжига; группа 4 – глина, содержащая сидерит, лепидокрокит, керамика с низкой температурой обжига; группа 5 – глина, содержащая маггемит, лепидокрокит, низкая температура обжига керамики < 400°C; группа 6 – глина, содержащая анкерит, температура нагревания ≤ 760°C. Примеры кривых измерений керамических групп по результатам ДТМА приведены на рисунке 4.

Исследование при помощи эмиссионного спектрального анализа (ESA) позволило определить большие различия между керамическими образцами. В результате определения химического состава методом (ESA) керамические фрагменты поделены на девять групп.

Группа 1 – низкая концентрация Ti, Al, Fe, Cr, V. Высокая концентрация Ca.

Группа 2 – высокая концентрация Ca и низкая концентрация Nb.

Группа 3 – низкая концентрация Ca и Cr.

Большая амплитуда распределения микроэлементов в этих трех группах свидетельствует о разных источниках глинистого сырья.

Группа 4 – приблизительно ~ 3%, низкая концентрация Nb и средняя концентрация V.

Группа 5 – содержание Ca приблизительно 2%, низкая концентрация Mn, Fe, V и средняя концентрация Cr. Почти все образцы из этой группы относятся к I общеболгарской группе.

Группа 6 – состав, как в группе 5, но V ~ 0.016–0.021%.

Группа 7 – состав, как в группе 6. Различие – в низкой концентрации As

Таблица 1

Химический состав: А – химический состав керамических образцов (главные, незначительные элементы), % (микроэлементы), ppm; С – химический состав образцов глинистого сырья (главные, незначительные элементы), % (микроэлементы), ppm; С – химический состав образцов керамики (главные, незначительные элементы).

Aln	Fragments of ceramic	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	Na ₂ O	K ₂ O	TiO ₂	P ₂ O ₅	MnO	Ag	As	B	Ba	Be	Bi	Co	Cr	Cu	Ga	Li	Nb	Ni	Pb	Sb	Se	Sr	Y	Yb	Zn	Zr			
e-1	Khoerzem	46,2	15,9	4,65	7,4	1,3	1,58	2,2	0,9	0,73	0,02	0,045	50,7	53,0	17,0	0,9	1,40	7,4	9	33	2	33	10	7	10	3	49	50	8	1,2	90	110			
e-2	Kypchakly XIX	0,12	0,58	1,88	21,2	3,67	8,13	1,07	2,1	0,4	57,8	0,13	38	899	520	2,6	0,8	172	110	65	123	33	10	32	15	8	14	3,6	280	150	24	3	64	100	
e-3	Sivar XVII	62,04	11	4,29	2,14	1,02	1,38	2,18	1,15	0,72	0,03	0,075	29	58	360	1,9	0,12	80	36	7	64	10	32	15	9	12	3,6	270	140	19	2,3	64	210		
e-4	Old Russian XIV	55,16	18,7	4,54	2,18	1,92	1,89	2,39	1,08	2,56	0,03	0,035	29	232	540	2,1	4,1	160	44	11	160	44	11	59	19	12	11	3	200	130	25	67	130		
e-5	Kama region VII	52,61	17,3	5,11	8,34	2,68	0,58	1,44	1,02	0,76	0,22	0,025	56	34	530	2	1	17	130	45	12	33	7	55	15	11	11	3,4	350	120	23	3	63	210	
e-6	Kama region VII	57,74	15,3	6,15	12	3,66	0,46	0,79	1,19	1,92	0,11	0,08	32	39	1300	2,1	1	12	130	76	12	36	8	44	11	10	20	2,5	410	160	28	3,5	86	170	
e-7	Sivar XVII	55,64	16,5	5,33	2,29	1,45	1,31	1,33	1,19	1,76	0,03	0,04	17,5	72	480	2,3	0,9	171	130	62	18	42	9	38	19	14	16	3,7	280	170	27	3,2	110	190	
e-8	Bulgarian ceramics I	57,64	23,6	5,43	2,65	2,55	1,04	3,21	1,11	0,63	0,14	0,16	42	215	370	2,1	0,17	140	55	26	39	14	41	26	11	14	4	190	130	20	2,7	56	200		
e-9	Bulgarian ceramics I	49,97	30,2	5,94	1,36	3,06	1,18	2,25	1,26	0,37	0,09	0,03	14	44	420	1,9	22	200	57	22	37	13	65	25	8	15	3,1	250	150	19	3	42	210		
e-10	Sphere-cores	55,49	15,7	6,58	1,96	2,55	2,02	2,18	1,49	0,66	0,09	0,095	28	67	390	1,9	0,7	21	240	55	17	41	60	34	7	15	3,3	200	150	25	2,9	38	200		
e-11	Old Russian XIV	62,18	12,1	5,43	1,29	2,41	0,48	0,82	1,35	0,82	0,04	0,075	77	60	300	1,9	0,8	26	270	115	18	35	14	150	16	15	15	2,5	100	130	20	2,2	96	140	
e-12	Old Russian XIV	64,28	16	5,68	3,1	2,31	1,45	2,18	1,24	2,45	0,05	0,055	49	510	1,8	0,9	20	250	45	12	34	11	54	18	15	13	4,2	240	190	26	2,6	96	250		
e-13	Kypchakly XIX	62,6	15,7	8,29	1,53	3,37	1,58	2,18	1,35	0,66	0,11	0,035	43	81	520	1,7	0,9	20	400	66	25	34	16	94	16	8	18	2,5	330	230	26	3	72	100	
e-14	Dzhuketau XIII	59,92	14,4	8,72	2,61	2,64	0,71	1,21	1,64	2,19	0,05	0,03	51	68	430	1,8	0,8	15	440	59	15	45	13	56	13	9	16	2,7	320	250	19	2,3	73	200	
B/n	Raw sampling places	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MgO	Na ₂ O	K ₂ O	TiO ₂	P ₂ O ₅	MnO	Ag	As	B	Ba	Be	Bi	Co	Cr	Cu	Ga	Li	Nb	Ni	Pb	Sb	Se	Sr	Y	Yb	Zn	Zr			
s-1	Bazar Manak	75,19	13,44	1,37	4,27	1,59	1,23	1,75	0,78	0,18	0,053	0,03	57	24	235	1,7	0,9	13	96	50	12	39	9	54	17	25	7	2,7	295	101	15	3,7	45	135	
s-2	Big Tarhan	56,19	20,69	2,42	14,2	3,23	1,19	1,02	0,65	0,12	0,054	0,02	50	31	445	1,6	0,9	12	101	21	9	35	8	27	14	18	9	2,9	150	140	22	3,8	34	270	
s-3	Kurkachi	71,37	19,43	2,75	1,15	1,78	1,12	1,49	0,65	0,11	0,051	0,03	82	29	315	1,8	0,8	14	110	34	11	37	8	36	10	16	10	3,6	91	98	27	3,2	52	200	
s-4	Old Marina	81,49	9,26	2,15	1,74	1,17	1,18	2,12	0,5	0,23	0,04	0,03	65	24	135	1,6	0,9	160	47	127	10	69	14	24	24	10	2,2	170	113	32	3	25	160		
s-5	Old Nohrat	66,19	22,71	3,17	1,19	2,98	1,37	1,06	0,87	0,11	0,045	0,03	37	39	215	1,7	0,9	15	160	37	14	36	12	36	13	9	15	2,5	117	200	27	3,9	27	375	
s-6	Biljar	74,75	15,03	2,22	2,97	1,44	0,93	1,69	0,86	0,15	0,083	0,04	34	19	310	1,8	1	16	205	63	16	45	14	70	19	27	10	2,5	225	120	32	4,1	49	195	
s-7	Kojaveva right coast	75,97	15,24	3,29	1,11	0,89	0,78	1,76	0,63	0,16	0,054	0,07	32	22	216	1,5	1	20	210	70	15	57	18	82	18	22	13	2,7	205	135	40	3,6	44	255	
s-8	Chistopol	70,71	15,79	4,07	2,83	2,08	0,91	1,85	0,92	0,14	0,063	0,04	65	24	245	1,9	0,9	23	225	69	18	62	14	88	15	25	20	3	200	200	45	4	58	175	
s-9	Tenushy	62,36	23,63	4,83	1,62	3,95	0,88	1,09	0,89	0,099	0,057	0,08	41	22	275	2	0,9	17	240	43	14	32	9	131	13	17	2,6	99	195	24	3,6	47	150		
s-10	Kojaveva right coast	78,11	13,15	3,58	0,74	0,85	0,83	1,04	0,76	0,15	0,083	0,06	36	120	1,6	1	20	285	64	16	55	15	85	18	30	11	2,9	195	141	34	3,2	48	205		
s-11	Voklin	71,16	15,69	5,91	1,08	1,22	1,18	2,06	0,89	0,14	0,076	0,02	40	20	280	1,7	0,9	23	330	54	21	39	15	20	17	17	18	2,3	210	215	42	4	52	320	
168-3	XVIII Ural region	0,11	0,81	1,55	16,89	7,29	13,51	1,94	2,47	2,08	53,11	0,26	1,16	28	2250	2	1,5	17	140	64	8	25	9	34	24	11	12	2,8	730	12	23	3,7	120	190	
168-9	Russian ceramics 18th-19th	0,042	0,87	0,34	1,4	5,29	13,74	2,73	1,46	1,41	72,38	0,06	71	72	310	1,8	1	30	130	68	13	45	66	24	30	19	2,8	140	14	36	4	100	300		
168-5	XVIII Ural region	0,16	0,77	1,48	15,24	6,36	14,45	2,18	2,51	3,17	53,39	0,37	2,2	570	2	1,25	170	61	10	29	8	45	20	16	15	4,4	580	10	23	4	135	190			
168-1	Bulgarian ceramics I	0,11	0,98	1,88	2,43	7,87	16,35	1,99	2,76	2,52	62,86	0,23	79	840	2,6	1,9	31	180	800	13	27	13	150	140	30	16	30	4,3	175	10	30	4,3	175	100	
168-6	Bulgarian ceramics I	0,061	1,12	2,67	1,98	8,01	15,78	1,99	1,95	2,23	64,02	0,69	39	33	1190	2,4	2,5	28	160	120	13	31	15	200	20	26	29	3	370	17	35	4,3	140	270	
168-2	Dzhuketau XIII	0,049	0,88	1,94	4,55	6,65	16,24	2,18	2,59	4,43	80,24	0,53	50	38	1180	2,1	1,4	24	180	110	12	81	25	81	25	21	30	21	3,6	400	13	32	3,9	150	260
168-4	Dzhuketau XIII	0,091	1	2,45	3,55	7,08	16,16	2,24	3,23	4,5	62,63	0,67	63	70	340	2,7	3,1	200	117	129	14	140	33	26	16	2,8	360	13	26	3,6	205	260			
168-7	Bulgarian ceramics I	0,079	1,04	8,81	3,1	7,72	16,54	1,94	2,98	3,02	62,63	0,8	45	70	340	2,7	3,1	200	117	129	14	140	33	26	16	2,8	360	13	26	3,6	205	260			
168-8	Russian ceramics 18th-19th	0,17	1,09	1,53	2,66	8,94	17,67	1,63	2,24	1,45	62,31	0,39	42	67	1850	3,4	0,9	34	150	91	12	27	16	150	30	16	19	3	300	18	40	4,6	130	100	
168-11	Russian ceramics 18th-19th	0,095	1,11	2,5	3,01	8,89	15,39	1,63	2,76	2,56	61,87	0,33	28	79	1240	2,6	1,47	200	95	14	29	12	190	43	19	17	3	360	17	37	4,2	185	290		
168-12	Dzhuketau XIII	0,064	1,19	0,98	2,54	10,3	18,05	1,99	2,89	2,74	58,93	0,3	38	102	430	2,7	1,7	28	180	116	17	42	21	190	34	19	22	3,3	210	22	37	4,1	185	280	
168-1																																			

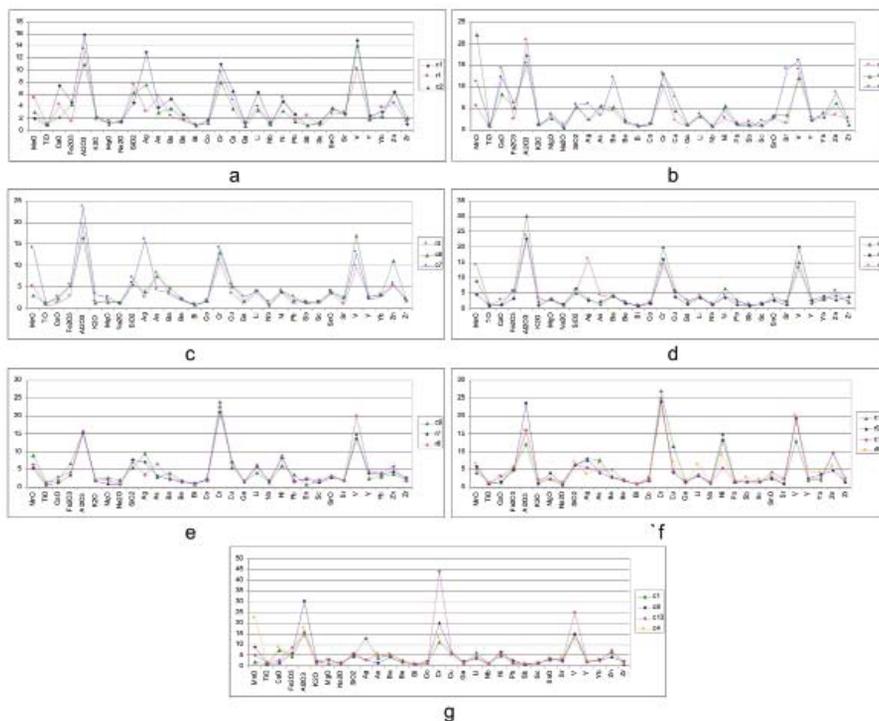

Рис. 6. Сравнение диаграмм: $c(n)$ – керамические образцы, $r(n)$ – образцы глинистого сырья; n – номер в таблице 1 а и б.

Fig. 6. Comparing diagrams:

$c(n)$ – ceramic samples, $r(n)$ – raw clay; n – number in table 1 a and b.

и большой концентрации Cg и V . Все сфероконусы находятся в этой группе.

Группа 8 – отличается высокой концентрацией Cg .

Группа 9 – отличается высокой концентрацией Cg и V .

По аналитическим данным невозможно назвать первые две группы однородными по распределению некоторых элементов – наблюдается слишком большое расхождение макро- и микроэлементного составов. Вероятно, это – импортная керамика. В группах 3–9 наблюдаются некоторые особенности химического состава, но структура керамики в каждой из этих групп отличается однородностью.

Методом IDTA были изучены 30 образцов болгарской керамики. Результаты IDTA показывают широкий диапазон аналитических данных, явно отразившийся в разности поведения кривой IDTA для различных керамических образцов. Полученные результаты анализа демонстрируют трудности восприятия и осмысления всей информации в целом. Примеры кривых разных фрагментов керамики представлены на рисунке 3. В обсуждении представлены результаты сравнения IDTA и ESA.

Только 9 фрагментов керамического импорта были проанализированы хроматографией (рис. 5). Это фрагменты амфор и других тарных

Таблица 2

Данные геохимии районов Республики Татарстан

region	Cu	Zn	Ni	Cr	V
Agruz	29	63	57	98	84
Aznakaevo	46	70	95	132	105
Aksubaevo	28	69	52	88	86
Aktanush	39	68	75	115	92
Alekseevo	27	58	46	81	77
Alkeevo	18	49	33	66	62
Almetjevsk	44	73	75	115	102
Apastovo	26	69	47	84	86
Arsk	22	60	46	95	87
Atnja	18	54	40	82	76
Bavlu	34	58	67	108	92
Baltasy	31	60	58	97	96
Bugulma	34	62	76	124	96
Buinsk	25	64	42	79	85
Verchny Uslon	35	61	58	94	80
Big Mountain	14	45	31	64	60
Drojanoje	23	71	40	82	91
Elabuga	27	61	54	123	85
Zainsk	36	65	70	116	102
Zelenodolsk	16	46	32	65	63
Kaibicu	25	59	46	89	89
Kama Mouth	29	55	52	92	87
Kukmor	34	63	65	106	102
Laishevo	14	39	27	60	54
Leninjgorsk	43	70	80	119	107
Mamadush	38	70	73	116	103
Mendeleevsk	29	59	59	134	87
Menzelinsk	40	60	65	112	94
Muslumovo	36	53	71	117	95
Nignekamsk	32	53	54	106	85
Novosheshminsk	36	61	59	112	98
Oktiabrsk	26	59	51	99	88
Pestrectu	25	61	46	85	79
Rub.Sloboda	27	59	55	96	89
Sabu	33	56	54	105	96
Sarmanovo	39	65	88	117	112
Spassk	18	44	36	75	68
Tetiushu	28	56	87	141	96
Tukaevo	38	53	77	134	105
Tuliachy	22	50	48	91	89
Cheremshan	38	62	67	110	105
Chistopol	32	55	58	105	99
Iutasinsc	46	61	93	136	108

сосудов. Все вычисленные хроматографическим образом индикаторы говорят о том, что органическое вещество (OS) изученных образцов имеет морское происхождение. Все изученные образцы содержат сингенетический OS, то есть органическую составляющую глины, из которой сделан сосуд. В то же время в одном фрагменте две примеси OS наблюдаются вместе с органической составляющей глины. Вероятно, глина, из которой сделан сосуд, закрыла органические материалы от продуктов, транспортируемых в нем. В результатах анализа одного фрагмента амфоры наблюдаются дополнительные пики S30 в области алканов, которые могут однозначно говорить о присутствии инородного органического вещества класса OS. Возможно, в этом сосуде перевозилось оливковое масло, так как С30-олеанан является реликтовым углеводородом для оливкового масла.

Глинистое сырье. По результатам исследования ОМР все пробы глин разделились на пять групп. В сырье первой группы содержится большое количество обломочного материала – 30%, который состоит из алевритовой и песчаной фракций. По минеральному составу обломочный материал представлен на 65% кварцем, на 20% фрагментами горных пород, на 10% зернами полевых шпатов, на 5% фрагментами глиняных комковатых агрегатов. Глинистая основа составлена каолинитом, смектитом, хлоритом и гидрослюдами. Образцы второй группы содержат 90% глинистой основы и 10% зерен кварца и полевых шпатов. Сырье третьей группы содержит 65–80% глинистой составляющей (каолинит, смектит, хлорит и гидрослюда) и 20–35% обломочной компоненты,

сложенной алевритовой и песчаной фракциями. По минеральному составу обломочный материал на 80% представлен кварцем, на 10% обломками кремнистых пород, на 5% полевыми шпатами, на 5% глинистыми комковатыми агрегатами. Для следующей группы характерно 60–75% глинистых минералов и 25–40% обломочного материала: 85% кварц, 5% мусковит, 5% микроклин и плагиоклаз, 5% глинистые комковатые агрегаты. В пятую группу вошли образцы, содержащие 80% глинистых минералов и 20% обломочного материала: 80% кварц, 10% микроклин и плагиоклаз, 5% мусковит, 5% глинистые комковатые агрегаты (рис. 2: b).

Метод XRD показал достаточно однородный фазовый состав образцов. Согласно данным XRD их можно разделить на четыре группы. Фазовый состав групп образцов представляет собой следующие наборы минералов. Группа 1 – глинистые минералы, кварц, полевые шпаты. В следующих группах было выделено по 2–3 подгруппы. Группа 2: 1 – глинистые минералы, кварц, полевые шпаты, кальцит; 2 – глинистые минералы, кварц, полевые шпаты, кальцит, доломит. Группа 3: 1 – глинистые минералы, кварц, полевые шпаты, кальцит, доломит, цеолит; 2 – глинистые минералы, кварц, полевые шпаты, кальцит, цеолит. Группа 4: 1 – глинистые минералы, кварц, полевые шпаты, минералы группы амфибола; 2 – глинистые минералы, кварц, полевые шпаты, кальцит, доломит, минералы группы амфибола; 3 – глинистые минералы, кварц, полевые шпаты, кальцит, минералы группы амфибола. Состав глинистых минералов в выделенных группах следующий: группа 1: 1 – каолинит,

сметтит, гидрослюда, 2 – каолинит, смектит, хлорит, гидрослюда; группа 2 – каолинит, смектит, хлорит, гидрослюда; группа 3 – каолинит, смектит, хлорит, гидрослюда; группа 4 – каолинит, смектит, хлорит, гидрослюда.

Для образцов всех групп, кроме первой, характерен такой состав глинистых минералов: каолинит, смектит, хлорит, гидрослюда. Сырье первой группы имеет отличный состав: кварц, полевые шпаты и глинистые минералы, представленные каолинитом, смектитом, гидрослюдой иногда хлоритом. Во второй группе отмечены образцы с кальцитом и доломитом в составе фазы. Третья группа отличается присутствием в минеральном составе цеолита, последняя – присутствием минералов группы амфибола.

Метод ESA продемонстрировал изменения химического состава по макро- и микроэлементам. Результаты распределения состава некоторых керамических и сырьевых образцов даны в таблице 1: а, б. В некоторых образцах есть высокие и низкие концентрации CaO , Al_2O_3 , подобные керамическим образцам. Образцы с концентрацией Cr , Ni , V , отличающейся в несколько раз, являются самыми интересными.

Измерения DTMA не привели к видимым результатам, потому что магнитный уровень керамических образцов больше, чем магнитные особенности образцов сырья. По этой причине невозможны компетентные интерпретации и идентификации.

Обсуждение. Для решения проблемы исследования был проведен сопоставительный анализ, в результате которого были сравнены аналитические результаты изучения образцов сырья и керамики. Для всех числовых

данных была выполнена стандартная статистическая обработка, применяемая для обработки больших объемов аналитических данных. С этой целью все данные XRD и OMP были переведены в числовые эквиваленты. К сожалению, эта процедура не показала хороших результатов. Суммарно было получено слишком большое количество групп. Кроме того, данные DTMA и IDTA не могут быть подвергнуты статистической обработке. Результаты этих исследований полностью или частично графические. В результате соотношение данных по керамике и по глине оказалось невозможным. В итоге была выполнена корреляция данных «ручным» методом, которая позволила сделать интересные интерпретации и заключения.

Результатом исследований керамического материала было разделение его на группы по набору характеристик. Сравнение распределения керамики и глиняных образцов на группы показало, что данное распределение имеет большое количество совпадений по результатам ESA и OMP. И эти группы хорошо коррелируют с классификацией по морфологическим характеристикам. Преимущество ESA – более подробное подразделение. Визуальное изучение кривых IDTA отдельных групп показало идентичное распределение. У образцов с одинаковым распределением в группы присутствуют сходные изменения кривой объема выделения паров углекислого газа и воды.

Несмотря на то что распределение на группы согласно DTMA не совпадает ни с одной группировкой, некоторые интересные наблюдения были получены. Интерпретация термоманитных исследований данных кера-

мических фрагментов из раскопок древнего Болгара позволяет выделить, по крайней мере, три источника сырья для керамического производства. Кроме того, эти исследования позволили говорить о некоторых условиях утилизации керамических предметов. Группа керамики «джукетау» имела особую технологию производства. Образцы керамики этой группы имеют в своей структуре зерна хорошо кристаллизованного железа как естественную примесь. Этот метод дает также определенную информацию о температуре обжига и повторного нагревания. Согласно данным ДТМА есть керамические черепки с низкой температурой обжига – меньше, чем 400°C.

Данные XRD хорошо скоординированы с другими аналитическими результатами. Наличие силикатов в составе керамики свидетельствует об определенной температуре обжига – не больше, чем 850°C. Таким же принципом обусловлено наличие карбонатов. Для керамики групп VII, XVI и XVIII присутствие кальцита характерно. В некоторых случаях для производства керамических сосудов в глиняную массу добавлялись дробленая раковина речных моллюсков. Только в одном образце группы «джукетау» также присутствует кальцит.

После того как интерпретация аналитических данных была выполнена, рассматривались особенности изученного материала и возможности методов, которые использовались в исследовании. Применение для анализа керамики метода XRD ограничено, потому что часть фаз минеральных веществ превращается во время нагревания в аморфную фазу. К сожалению, эта фаза не дает рентгеногра-

фической информации. О сложности исследований фазового состава глины уже было сказано выше. Другой проблемой изучения болгарской керамики и глин является очень однородная минеральная структура. Данная территория имеет единые геологические процессы формирования осадочных глинистых отложений; отложения сформированы в результате различных русловых процессов р.Волги и ее притоков. Результаты OMP и XRD полностью отражают это.

В этом отношении результаты спектрального анализа выглядят наиболее интересными. С помощью данных ESA представляется возможным выявить различный химический состав образцов глин, сопоставимый с составом керамики. Самые большие отклонения наблюдаются относительно содержания кальция – от 0,83 до 17,85% и алюминия – от 9,26 до 30,85%. Максимальное возможное содержание полевых шпатов ($K(На)2O \cdot Al_2O_3 \times 6SiO_2$) в изученных глинах 30%, которое является индикатором для хорошего керамического сырья. Все полученные результаты коррелируют с фазовым составом сырья.

При исследовании химического состава необходимо учитывать тот факт, что керамическое тесто может состоять не только из природной глины, но и включать различные искусственно введенные добавки. Эти примеси могут быть как минеральными, так и органическими. Все это усложняет задачу исследователей (Ноевск, 2009). «Разбавление» глинистого сырья компонентами кальция значительно изменяет распределение основных элементов и также может изменить картину химической микроструктуры. Примером могут служить

фрагменты керамических сосудов, сделанные с добавлением дробленой раковины речных моллюсков (номера А/п с-5 и А/п с-6 в таблице 1). Несмотря на то что оба продукта принадлежат к одной группе керамики прикамских истоков, один из них произведен в той местности, где в составе воды фиксируется высокое содержание стронция и бария. Известно, что в Татарстане есть водоносные слои, которые характеризуются повышенным содержанием этих двух элементов (Гидрогеология СССР, 1970).

Но проводимые исследования показали, что есть соответствие между элементным составом керамики и глинистым сырьем. Сопоставление данных таблицы 1 и диаграмм на рисунке 6 показывают, что совпадение составов наблюдается для всех химических элементов. Концентрации элементов на диаграммах даны в относительных единицах. Для сравнения размеров отклонений представлена диаграмма составов образцов керамики различных групп (рис. 6: г). Это свидетельствует о том, что локализация, согласно аналитическим данным большей части керамики, соответствует культурно-археологическим характеристикам образцов. Геохимические данные микроэлементного состава в районах Республики Татарстан представлены в таблице 2. Эти значения координируются с результатами данной работы.

Выводы. Проведенные междисциплинарные исследования дали много аналитической информации о неполивной керамике Волжской Болгарии. Интерпретации аналитических данных по изучению керамики и глиняного сырья позволили получить много интересных наблюдений. Химический состав фрагментов ке-

рамики и образцов глины имеет существенные различия. Глиняная посуда болгар отличается и по технике изготовления, и по исходному сырью. Обозначены некоторые группы, имеющие характерный химический элемент и фазовый состав. Результаты изучения керамики и глинистого сырья методами IDTA, OMP, ESA позволили сделать групповой анализ, но данные ESA оказались более информативными.

Сводные данные оптической микроскопии и петрографии (OMP), рентгенофазового анализа и дифференциального термического анализа (DTA) позволяют получить информацию о технологии изготовления керамических сосудов. Интерпретация данных DTMA дает дополнительную информацию об условиях утилизации глиняной посуды (повторенное нагревание).

Эмиссионный спектральный анализ (ЕКА) может быть использован для определения источников и материалов для производства керамики. Сравнение химического состава керамических фрагментов и глин позволило выявить некоторые источники глинистого сырья. Важную роль в изучении источника играет элементный состав, который соответствует локальной геохимической картине района. Это особенно важно в условиях проведения исследований на территории Среднего Поволжья, имеющего схожий состав глинистых отложений. Однако в интерпретации химических данных результаты исследований петрографии должны приниматься во внимание для получения информации о примесях, добавляемых в керамическое тесто. При сопоставлении химического состава керамических образ-

цов необходимо учитывать еще один фактор – экологический. Химический состав основных пород мог измениться в результате деятельности человека.

Вполне возможно использовать хроматографические исследования для определения микровключений органических материалов, сохранившихся в стенках глиняной посуды. Анализ СГ дорогостоящий, но в то же время этот метод позволяет получить очень интересную информацию.

К сожалению, пока нет достаточного количества данных об органической химии, полученной при исследовании археологических предметов. Авторы надеются, что со временем в области археологических исследований сформируется база данных по органическим включениям в керамических артефактах. В результате станет возможным определить место производства оливкового масла или вина, которые поступали в Среднее Поволжье.

Авторы выражают благодарность всем исполнителям анализов, а также исследователям Болгарского городища в 2011 и 2012 гг., предоставивших свои материалы для проведения исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 195 с.
2. Васильева И.Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 103–148.
3. Гидрогеология СССР. Поволжье и Прикамье. Т. XIII. М.: Недра, 1970. 800 с.
4. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.
5. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика // Великий Болгар / Отв. ред. В.С. Баранов, Р.М. Валеев, Р.Р. Салихов, М.Д. Полубояринова, Р.Ф. Шарифуллин. М., Казань: Феория, 2013. С. 142–159.
6. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 8–102.
7. Ammerman A.J., Liopolus I., Bondioni F., Filippi D., Hilditch J., Manfredini A., Pennisi L., Winter N.A. (2008). The clay beads in the Velabrum and the earliest tiels in Rome. *Journal of Roman Archaeology*, 21, 7–30.
8. Arnold D. *Ceramic Theory and Cultural Process*. Cambridge University Press Cambridge. 1985.
9. Costa M.L., Kern D.C., Pinto A.H.E., Souza J.R. (2004). The ceramic artifacts in archaeological black earth (terra preta). from Amazon region, Brazil: *Mineralogy. Acta Amazonica*, 34(2), 165–178. scielo.br/pdf/aa/v34n2/v34n2a03.pdf
10. De Francesco A.M., Graciano T., Andaloro E., La Marca A., Colelli C., Crisci G. M., Barrese E., Bocci M. (2011). Archaeometric characterization of ampharae and bracks of Imperial Age found in a roman villa near the Luzzi town (Cosenza, Calabria, Italy). *Periodico di Mineralogia*, 80, n. 2, pp. 217–230.
11. Fernandez-Ruiz R., Garcia-Heras M. (2007). Study of archaeological ceramics by total-reflection X-ray fluorescence spectrometry: Semi-quantitative approach. *Spectrochimica Acta Part B*, 62, 1123–1129.
12. Gliozzo E., Memmi Turbanti I (2004). Black gloss pottery: production sites and technology in northern Etruria, part I: provenance studies. *Archaeometry*, 46, 201–225.
13. Griffiths D. (1999). The role of interdisciplinary science in the study of ancient pottery. *Interdisciplinary science reviews*, 24, 4, 289–300.

14. Hall M., Minaev S. (2002). Cyemical Analyses of Xiong-nu Pottery: A Preliminary Study of Exchange and Trade on the Inner Asian Stepps. *Journal of Archaeological Science*, 29, 135–144.
15. Hoeck V., Ionescu C., Ghergari L., Precup C. (2009). Towards mineralogical and geochemical reference group for some Bronze Age ceramics from Transylvania (Romania). *Studia UBB, Geologia*, 54 (2), 41–51.
16. Ionescu C., Hoeck V., Ghergari L. (2011). Electron microprobe analysis of ancient ceramics: A case study from Romania. *Applied clay science*, 53, 466–475.
17. Kreiter A., Bajnoczi B., Sipos P., Szacmany G., Toth M. (2007). Archaeometric Examination of Early and Middle Bronze Ceramics from Szazhalombatta-Foldvar, Hungary. *Archaeometria Muhly*, 2, 33-48. ace.hu/am/2007_2/AM-2007-02-KA.pdf
18. Scarpelli R., De Francesco A.M., Perri F., Osanns M., Colangelo L., Miriello D., La Russa M.F., Barca D., Crisci M. (2010). Archaeometric study of sub-geometric pottery found in Potenza. *Period.Mineral, Special Issue*, 81-94. sgi2012.unical.it/data/docs/ts_pdf/21_TS3.3.pdf
19. Wever I., Meyers G.E., Mertzman S.A., Sternberg R., Didaleusky, J. (2012). Geochemical evidence for integrated ceramic and roof tile industries at the Etruscan site of Poggio Colla, Italy. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, 13, 1, 31-43..

Информация об авторах:

Бахматова Вера Николаевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); luna-87@yandex.ru

Храмченкова Резида Хавиловна, кандидат физико-математических наук, заведующий отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); rkhramch@gmail.com

Ситдигов Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

RESEARCH IN CERAMICS AND SOURCES OF RAW CLAY MATERIAL USED IN CERAMIC PRODUCTION IN THE MIDDLE VOLGA REGION 13TH – 14TH CC.

V.N. Bakhmatova, R.Kh. Khramchenkova, A.G. Sitdikov

The article presents the results of an interdisciplinary study of fragments of ceramic dish-ware, as well as the samples of contemplated raw material. The analytical study covered over a hundred fragments of pottery corresponding to different groups of ceramics discovered at excavations in the territory of Bolgar, the capital of Volga Bulgaria in 13th – 14th centuries. The studies were conducted with the use of the following methods: optical microscopy and petrography (OMP), differential thermomagnetic analysis (DTMA), X-ray diffraction analysis (XRD), spectral emission analysis (ESA) and integrated differential thermal analysis (IDTA). In addition, nine samples of ceramic imports were subjected to chromatographic analysis (CG). A total of 92 samples of clay were collected in the area of urban settlements of Volga Bulgaria in order to identify the sources of raw ceramic materials, which were investigated using all the aforesaid methods with the exception of IDTA and chromatography. The authors conclude that the OMP, ESA and IDTA methods demonstrated an identical distribution of ceramics within the groups, but the first two were recognized as the most informative

The study was fulfilled within the framework of a grant by President of the Russian Federation for governmental support of leading Russian scientific institutions No. NSh-7170.2106.6. “Urbanization and Urban Development Processes in the Volga Region (10th – 16th centuries)”.

and efficient methods. In general, the most informative method in terms of the determination of the origin of raw clay materials is ESA.

Keywords: archaeology, physicochemical analysis, Middle Ages, Volga Bulgaria, Ulus of Jochi, ceramics, raw material sources.

REFERENCES

1. Vasil'eva, I. N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X–XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in 10th–14th Centuries)*. Yekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Vasil'eva, I. N. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 103–148 (in Russian).
3. 1970. *Gidrogeologiya SSSR. Povolzh'e i Prikam'e (Hydrogeology of the USSR. The Volga and Kama Regions)* 13. Moscow: "Nedra" Publ. (in Russian).
4. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Khlebnikova, T. A. 2013. In Baranov, V. S., Valeev R. M., Salikhov R. R., Poluboiarinova M. D., Sharifullin R. F. (eds.). *Velikii Bolgar (Great Bolgar)*. Moscow; Kazan: "Feoriia" Publ., 142–159 (in Russian).
6. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 8–102 (in Russian).
7. Ammerman, A. J., Liopolus, I., Bondioni, F., Filippi, D., Hilditch, J., Manfredini, A., Pennisi, L., Winter, N. A. 2008. *Journal of Roman Archaeology*, 21, 7–30.
8. Arnold, D. 1985. *Ceramic Theory and Cultural Process*. Cambridge University Press Cambridge.
9. Costa, M. L., Kern, D. C., Pinto, A. H. E., Souza, J. R. 2004. *Acta Amazonica*, 34(2), 165–178. scielo.br/pdf/aa/v34n2/v34n2a03.pdf
10. De Francesco, A. M., Graciano, T., Andaloro, E., La Marca, A., Colelli, C., Crisci, G. M., Barrese, E., Bocci, M. 2011. *Archaeometric characterization of ampharae and bracks of Imperial Age found in a roman villa near the Luzzi town (Cosenza, Calabria, Italy)*. *Periodico di Mineralogia*, 80, no. 2, 217–230.
11. Fernandez-Ruiz, R., Garcia-Heras, M. 2007. *Study of archaeological ceramics by total-reflection X-ray fluorescence spectrometry: Semi-quantitative approach*. *Spectrochimica Acta Part B*, 62, 1123–1129.
12. Gliozzo, E., Memmi Turbanti, I. 2004. *Black gloss pottery: production sites and thechnology in nothern Etrutia, part I: provenance studies*. *Archaeometry*, 46, 201–225.
13. Griffiths, D. 1999. *The role of interdisciplinary science in the study of ancient pottery. Interdisciplinary science reviews*, 24, 4, 289–300.
14. Hall, M., Minaev, S. 2002. *Journal of Archaeological Science*, 29, 135–144.
15. Hoeck, V., Ionescu, C., Ghergari, L., Precup, C. 2009. *Towards mineralogical and geochemical reference group for some Bronze Age ceramics from Transylvania (Romania)*. *Studia UBB, Geologia*, 54 (2), 41–51.
16. Ionescu, C., Hoeck, V., Ghergari, L. 2011. *Electron microprobe analysis of ancient ceramics: A case study from Romania*. *Applied clay science*, 53, 466–475.
17. Kreiter, A., Bajnoczi, B., Sipos, P., Szacmany, G., Toth, M. 2007. *Archaeometric Examination of Early and Middle Bronze Ceramics from Szazhalombatta-Foldvar, Hungary*. *Archaeometria Muhly*, 2, 33–48. ace.hu/am/2007_2/AM-2007-02-KA.pdf
18. Scarpelli, R., De Francesco, A.M., Perri, F., Osanns, M., Colangelo, L., Miriello, D., La Russa, M.F., Barca, D., Crisci, M. 2010. In *Archaeometric study of sub-geometric pottery found in Potenza*. *Period. Mineral, Special Issue*, 81–94. sgi2012.unical.it/data/docs/ts_pdf/21_TS3.3.pdf

19. Wever, I., Meyers, G. E., Mertzman, S. A., Sternberg, R., Didaleusky, J. 2012. In *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, 13(1), 31–43.

About the Authors:

Bakhmatova Vera N. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; lyna-87@yandex.ru

Khramchenkova Rezida Kh. Candidate of Physics-Mathematics Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; RezidaHram@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в номер 26.07.2017 г.

К ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО ПОУДЬЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ

© 2017 г. В.Г. Шапошник, Ю.В. Зайончковский

Статья посвящена анализу археологических памятников золотоордынского времени, зафиксированных на территории Харьковской области (Украина) в бассейне реки Уды (Прудья). Авторами сводится воедино опубликованная в научной литературе информация о найденных в Харьковской области денежных кладах золотоордынского времени и синхронных им поселениях. Проводится картографирование этих памятников и их локационный анализ. Факт концентрации кладов и поселений золотоордынского времени в Прудье, особенно наглядный на фоне почти полного отсутствия синхронных памятников в других микрорегионах Харьковщины, объясняется прохождением здесь в то время важного транзитного торгового пути, связывающем город Азак (перекресток международной евразийской торговли) со Средним Поднепровьем, где открывались пути дальше, на Запад и Север. На основе анализа нумизматических и археологических данных авторы реконструируют историю изучаемой территории во второй половине XIII – первой четверти XV вв., и прежде всего, динамику функционирования торгового пути и связанной с ним инфраструктуры. Обозначаются перспективные направления и задачи для дальнейших исследований.

Ключевые слова: археология, нумизматика, бассейн р. Уды (Прудья), Золотая Орда, торговые пути, монетные клады.

На протяжении последних десяти лет существенно возросло количество зафиксированных на территории Харьковского Прудья памятников золотоордынской эпохи как поселений, так и относящихся к категории случайных находок монетных комплексов того времени. Целью этой работы является сведение воедино всей опубликованной информации о золотоордынских памятниках исследуемого микрорегиона; их картографирование; локационный анализ; объяснение их концентрации фактом прохождения здесь в то время транзитного торгового пути; обозначение перспективных мест для поиска древней инфраструктуры, связанной с этим путем.

Для начала приведем краткое географическое и историческое описание

территории, являющейся объектом изучения и анализа. Река Уды – правый приток реки Северский Донец (являющейся, в свою очередь, правым притоком реки Дон, впадающей в Азовское море). Ее истоки находятся на территории Белгородской области России, устье – у пгт Эсхар Чугуевского района Харьковской области. Общая длина реки составляет 164 км, из которых 127 км приходится на Харьковскую область, в которой площадь ее водосбора занимает 11% (подчеркнем) от общей территории региона. Бассейн реки расположен в лесостепной ландшафтно-климатической зоне и примыкает к водоразделу Днепр – Дон. Поверхность бассейна представляет собой полого-волнистую равнину, расчлененную густой

Рис. 1. Памятники золотоордынского времени на территории Харьковской области.

Fig. 1. Sites of the Golden Horde period in the territory of Kharkov region.

сетью балок и оврагов. В настоящее время большая часть бассейна распахана, но площадь лесов, сохранившихся в основном в пойме и балках, доходит до 10%. Долина имеет хорошо выявленную асимметрию склонов: правый склон высокий и крутой с большим количеством балок и оврагов, а левый – пологий, низкий и террасированный. Пойма реки хорошо развита по всей длине, двухсторонняя, шириной до 3,5 км. Ее поверхность – ровная, покрыта травянистой растительностью. В настоящее время от устья реки на 100 км вверх по течению идет сплошная агломерация – населенные пункты, практически переходящие друг в друга.

Прудье в VIII–XIII веках являлось выдвинутым на юго-восток за водо-

раздел рек Днепр и Дон, пограничным со Степью районом проживания славянского населения. Вероятно, поселенцев привлекала не только перспектива хозяйственного освоения этих земель, но и неоднократно отмеченное исследователями их «особое географическое положение, позволяющее играть существенную роль в международных торговых связях» (Дьяченко, 2008, с. 84) (акцентируем внимание на этом тезисе, так как считаем его справедливым и для более поздних эпох).

Территория Прудья была освоена еще племенами роменской культуры (летописные северяне) (Седов, 1982, с. 135, рис. 20). В VIII–X веках, когда здесь простиралась власть Хазарского каганата, функционировали

укрепленные славянские поселения на месте Донецкого, Хорошевского и Водянского городищ скифского времени, располагавшихся на высоких мысах правого берега реки (Скирда, 2004, с. 40–41). Хазарский каганат был полиэтничным государством с передовой и разносторонне развитой экономикой, занимавшим огромные территории Юго-Восточной Европы, граничившим и соперничавшим с Византией и Арабским халифатом (Скирда, 2004, с. 45). Археологическим проявлением материальной культуры населения этого государства является салтовская культура, памятники которой также зафиксированы на берегах реки Уды (Скирда, 2004, с. 44–45; Шрамко Б.А., 1977, с. 137). В Хазарском каганате была развита как внутренняя торговля, так и международная, в том числе – транзитная. По территории государства проходили многочисленные торговые пути – сухопутные и водные. Для того времени исследователи реконструируют два пересекающих Поудье важных караванных пути, проходящих в Среднее Поднепровье с юго-востока и северо-востока (Плетнёва, 1996, с. 149; рис. 53). Один из этих путей шел от Саркела (крепость на берегу Дона, стоящая на пересечении ветвей «великого шелкового пути»), второй шел из Волжской Болгарии, постепенно отбирающей у Хазарского каганата роль посредника в торговле между Востоком и Западом. Активно использовался и водный путь по Северскому Донцу и Дону, обеспечивающий связь с городами Приазовья и Причерноморья, а через волок – с Волжским и Каспийским регионами.

Внутренний политический кризис привел к ослаблению государства

(Плетнёва, 1976, с. 61–72) и в начале X века существовавшие в регионе поселения были уничтожены печенегами (Скирда, 2004, с. 43).

В 60-х годах X века после успешных военных походов киевского князя Святослава Игоревича территория Подонья и Южного Приазовья переходит под власть Рюриковичей. Саркел стал Белой Вежей, на Таманском полуострове было основано Тмутараканское княжество, включавшее и восточную часть Керченского полуострова (город Корчев) (Шрамко Б.А., 1962, с. 292). Эти события оживили Донской водный путь, главную коммуникацию, соединяющую основную часть государства с новыми отдаленными территориями и расположенными на них приморскими городами, имеющими веками отлаженные торговые связи (Шрамко Б.А., 1962, с. 355). В Поудье заново отстраиваются укрепления Донецкого и Хорошевского городищ, основывается Харьковское городище (Скирда, 2004, с. 54). Расположение на оживленном торговом пути способствует быстрому развитию у нового населения ремесла и торговли. Показательна находка знаменитого Безлюдовского клада 1930 года – памятника оригинального денежного обращения Северской земли середины X века, включавшего в себя 1200 серебряных монет, главным образом обрезанных подражаний куфическим дирхемам (Колода, 2014, с. 6–29). В.П. Даркевич, описывая древнерусские международные связи, отмечал, что «большая часть кладов... тяготеет к бассейнам судоходных рек – главным путям сообщения того времени». Он же писал: «На перекрестках водных и сухопутных коммуникаций располагались поселения,

где происходил обмен. Отсюда связь кладов с районами концентрации населения, причем их скопления наблюдаем в ключевых пунктах с широким размахом внешней торговли... Клады сосредоточены и в тех перевалочных пунктах, где местное и пришлое население извлекало доход из перевозки грузов проезжих купцов» (Даркевич, 1985, с. 389) (акцентируем внимание и на этом тезисе, так как тоже считаем его справедливым и для более поздних эпох).

Наступившее затем ослабление центральной власти в государстве и усиление центробежных тенденций позволили половцам (новой волне кочевников с Востока) во второй половине XI века взять под свой контроль степи Северного Причерноморья и Приазовья (Шрамко Б.А., 1962, с. 322). В 1117 году жители покинули Белую Вежу. Примерно в это время прекращает существование и Тмутараканское княжество (Шрамко Б.А., 1962, с. 356–357). Но значение торгового пути по Северскому Донцу и Дону сохранилось (половцы поощряли торговлю и пропускали купцов через свою территорию даже во время военных действий (Шрамко Б.А., 1962, с. 330). Несмотря на близкое соседство со Степью, продолжили свое существование и укрепленные поселения Поудья. Наиболее исследованным из них является Донецкое городище, возле которого располагался обширный ремесленный посад. Археологические раскопки этого поселения дали разнообразный богатый материал (Шрамко Б.А., 1962, с. 331–361). Показательна находка медной монеты сельджукского султана Рума Изз-аддина Кылыдж Арслана II, правившего в 1156–1188 гг.

(Шрамко Б.А., 1962, с. 355). Город Донец упоминается в Ипатьевской летописи под 1185 годом в рассказе о бегстве новгород-северского князя Игоря Святославовича из половецкого плена (Шрамко Б.А., 1962, с. 331). Отметим, что, по крайней мере, в XII в. Доном (или Великим Доном) летописцы называли современный Северский Донец и нижнее течение современного Дона (от впадения в него Северского Донца); современную реку Уды называли Донец (или Малый Донец) (Шрамко Б.А., 1962, с. 333).

В 1239–1241 гг. южнорусские земли подверглись татаро-монгольскому нашествию, которое сопровождалось тотальным разрушением и истреблением. Не избежали этой участи и поселения Поудья: Донецкое, Харьковское, Хорошевское и Чугуевское городища были полностью разрушены и сожжены (Скирда, 2004, с. 60). В результате нашествия эти опустошенные территории вошли в состав раскинувшейся на огромных пространствах Евразии Монгольской империи, а чуть позже – обособившегося от нее Улуса Джучи (Золотой Орды). Новая администрация была заинтересована в восстановлении торговли, приносившей немалую прибыль в казну. Существуют археологические свидетельства, позволяющие предположить, что уже в середине XIII века на государственном уровне был запущен процесс восстановления торговых путей, в том числе – транзитного Донского, и вскоре по ним вновь ходили купеческие караваны (Тропин, 2016, с. 133–142). После разгрома возродилась жизнь и на Донецком городище, о чем свидетельствуют найденные при раскопках вещи и монеты конца XIII–XIV веков. Однако поселение значительно умень-

шилось в размерах, часть территории бывшего посада заняло кладбище. Отметим, что кроме джучидских монет, на памятнике был найден пражский грош Вацлава IV (1378–1419 гг.) (Шрамко Б.А., 1962, с. 360).

На протяжении всего XX века Донецкое городище оставалось единственным пунктом не только Поудья, но и практически всей Харьковской области, для которого археологическими раскопками было подтверждено его существование в золотоордынское время. Зато неуклонно росло количество ставших известными памятников того времени другого рода – кладов джучидских серебряных монет, находимых в регионе при случайных обстоятельствах. Эти находки являются ценным источником для реконструкции истории региона.

Приведем сводный список денежных кладов Золотоордынского времени, найденных на территории Харьковской области (в хронологической последовательности, без учета недосягаемых комплексов).

1. В 1857 г. в городе Харькове «найден клад из 228 серебряных монет Узбека, Джанибека, Бирдибека, Кульны, Науруза, Хызра, Ордумелика, Килдибека, Мюрида, Абдуллаха, чеканенных в Сарае ал-Джедиде, Гюлистане, Азаке, Орде в 715–767 г. х. Более половины монет, начиная с Бердибека, чеканены в Азаке. Эти монеты составляют непрерывный ряд с 759 по 766 г. х... Клад передан в Харьковский университет» (Федоров-Давыдов, 1960, с. 149, № 107; Данилевич, 1905, с. 384).

2. В 1893 году в Бабаёвской волости Харьковского уезда (с. Бабаи Харьковского района) «на берегу р. Уды найден клад из 425 серебряных

монет Токтамыша, Бек-Пулада, Тимур-Кутлуга, Шадибека, Пулада, Тимур-хана, чеканенные в Сарае, Азаке, Орде, Орде ал-Джедиде, Крыму и Кафе в 782–814 г. х., в кладе много подражаний... Монеты отданы на переплав (проба 0,865)» (Федоров-Давыдов, 1960, с. 175, № 224; Данилевич, 1905, с. 387).

3. В 1909 году на территории Богодуховского уезда были найдены «восемь половинок монетных слитков новгородского типа» (Шрамко Б.А., 1962, с. 355).

4. В 1927 г. в селе Красная Поляна (Змиевской район, правый берег р. Уды): был найден «клад монет, из которых три джучидские/одна из них Бирдибека, 761 г. х., чеканенная в Гюлистане» (Шрамко Б.А., 1977, с. 76).

5. В 1952 г. в пгт. Васищево (Харьковский район, левый берег реки Уды) жителем поселка Затолокиным Г.Т. был найден клад из 2500 золотоордынских монет (Шрамко Б.А., 1977, с. 126). Клад хранится в Харьковском историческом музее, включает в себя монеты 11 ханов (большинство – Абдаллаха), отчеканенные в «Азаке..., Болгаре, Сарай-Бату, Новом Сарае... и в других городах» (Скирда, 2004, с. 62).

6. В 1954 г. в городе Харькове был «найден большой клад до 1500 серебряных монет, чеканенных в период ханов от Токты до Абдуллаха. Хранится в Харьковском музее» (Федоров-Давыдов, 1960, с. 150, № 108).

7. До 1955 г. в г. Харькове «найден 17 джучидских монет, из них 2 определены: Узбек и Токтамыш... Сообшил В.И. Кадеев в 1955 г.» (Федоров-Давыдов, 1963, с. 205).

8. В октябре 1961 года на хуторе Кирсаново, расположенного возле

села Лизогубовка (Харьковский район, левый берег реки Уды) Веденевой М.Ф. был найден монетный клад, залегавший компактно в песке на глубине 70 см, без следов вместилища. Через несколько месяцев 180 монет из этого клада (общим весом 257 грамм) были переданы на хранение в Музей археологии и этнографии Харьковского университета. Монеты несут на себе имена разных ханов. «Удалось установить принадлежность части монет хану Мухаммеду Булаку» (Скирда, 2004, с. 63). По другим данным, в кладах было «более 180 джучидских монет» (Шрамко Б.А., 1977, с. 127). (Существует электронный каталог, который содержит изображения в разрешении 300 dpi и атрибуцию 375 монет из фондов музея, в который поступил этот комплекс (Коврижных, 2009)).

9. В 1963 году у села Приколотное Великобурлукского района был найден клад восточных монет (50 экземпляров), переданный на хранение в Харьковский исторический музей (Шрамко Б.А., 1977, с. 64). Другие авторы уточняют, что клад был найден на усадьбе Елены Евсеевой и приводят постановочные фотографии монет клада (насыпью) и его вместилища: фрагмента небольшого (высотой порядка 100 мм) толстостенного керамического сосуда (кувшинчика – ?) (Бейдин, 2007, с. 1, 65). На фото можно рассмотреть аверсы монет с именами Мухаммеда, Токтамышша, Сююргатмышша и Тимура, а также реверсы монет с указанием места чекана Сарай ал-Джадида и датами 762, 782, с Символом Веры.

10. В публикации, посвященной находке осенью 2010 года в селе Красная Поляна (Змиевской район, правый

берег р. Уды) монетного штемпеля для чеканки подражаний джучидским монетам, была следующая информация: «Известно, что в один день со штемпелем на приусадебном участке было собрано до двадцати серебряных джучидских монет. Те из них, с которыми удалось ознакомиться авторам, были отчеканены в правление Токтамышша на различных монетных дворах. Что примечательно, среди находок была серебряная монетная заготовка весом 1.24 г. Со слов жителей села, прежние владельцы участка при обработке земли на протяжении долгого времени находили аналогичные монеты в значительном количестве» (Зайончковский, 2015а, с. 119–120).

11. В апреле 2014 года на прибрежной поляне у реки Северский Донец в Чугуевском районе был обнаружен клад джучидских дангов, состоящий из 116 монет. Доступными для изучения из них оказались 114. В публикации этого комплекса приведены для каждой монеты качественные фотозображения аверса и реверса, атрибуция, масса и размер. Состав комплекса: Токтамышш – 3 экз. (Крым 796 г. х. – 2, Орда «Сэтудан» – 1), Шадибек – 4 (Кафа-Джадид 807 г. х. – 1, Кафа-Джадид 80 (?)) г. х. – 1, без обозначения м.д. – 1), Пулад – 8 (Кафа-Джадид 809 г. х. – 1, Орду 812 г. х. – 1, Орду – 1, Хаджи-Тархан – 2, без обозначения м.д. – 2, м.д. не определен – 1), Тимур – 2 (Азак 814 г. х. – 1, Орду (?) – 1), Керим-Берди – 2 (Хаджи-Тархан – 1, без обозначения м.д. – 1), Кибак – 1, Чекре – 2 (Орду-Муаззам (?) – 1, Хаджи-Тархан 817 г. х. – 1), Дервиш – 9 (Сарай – 1, Бек-Базари – 1, Крым 822 г. х. – 1, Крым – 2, Орду – 2, Орду-Муаззам – 1, Хаджи-Тархан – 1), Саид-Ахмад I – 1 (Орду-Муаззам 819 г. х.),

Бек-Суфи – 24 (Крым 822 г. х. – 13, Крым 823 г. х. – 4, Крым – 7), Девлет-Бирди – 5 (Кафа-Джадид (?) – 1, Крым 824 г. х. – 1, Крым 825 г. х. – 2, Крым 825? г. х. – 1), Девлет-Бирди/Ярхас (?) – 1 (Каффа-Джадид), Улу-Мухаммед – 40 (Сарай – 2, Азак – 14, Иль Уй-Муаззам – 11, Орду (?) – 1, Хаджи-Тархан 822 г. х. – 3, Хаджи-Тархан 824 г. х. – 2, Хаджи-Тархан – 6, м.д. не определен – 1), подражания дангам – 7, неопределенные – 5 (Зайончковский, 2015б, с. 226–243).

12. В 2014 году была опубликована информация о кладе, найденном в лесу у бывшего хутора Стромоехова, между селами Заудье и Старая Покровка (Чугуевский район, правый берег р. Уды). В состав клада входило более 300 монет, из которых доступными для исследования было только 153. Из них – две монеты Мухаммеда чекана Орды 773 и 777 г. х.; 142 монеты Токтамышша 782–796 г. х. с местом чекана: Азак, Азак ал-Махруса, Орда ал-Муаззам, Сарай ал-Джадид, Крым, Орда Сетудан, Сарай; 2 монеты Таш-Тимура чекана Крыма 796 г. х., 6 монет Тимур-Кутлуга чекана Крыма, на трех из них видны даты: 789, 799 и 801 г. х.; 1 монета Мухаммеда Челеби чекана Эретны 782 г. х. (с надчеканом). Автор публикации по весу выделила следующие группы:

до 1,0 гр. – 4 шт. (Токтамыш); от 1,0 до 1,1 гр. – 32 шт. (Токтамыш, Мухамед Челеби), от 1,1 до 1,2 гр. – 97 шт. (Мухамед Буляк, Таш-Тимур, Токтамыш, Тимур-Кутлуг), от 1,2 до 1,3 гр. – 12 шт. (Токтамыш, Тимур-Кутлуг), от 1,3 до 1,4 гр. – 5 шт. (Токтамыш) и более 1,4 гр. – 3 шт. «Самая тяжелая и самая легкая по весу монеты клада были выбиты от имени Токтамышша и весят соответственно 0,65 та 1,9 гр.»

(Голубева, 2014б, с. 51–52). Изображения четырех монет из этого клада опубликованы. Они отчеканены от имени Токтамышша на монетном дворе Крым (Голубева, 2014а, с. 245).

13. В 2014 году возле реки Уды был найден большой комплекс (до 1300 экземпляров) серебряных джучидских монет, из которых опубликованы два экземпляра, с именем Токтамышша и указанием места чекана Сарай ал-Джадид, но входящих в штемпельную цепочку продукции монетного двора Азак (Ермолов, 2016, с. 313; рис. 6).

Как видим, 10 из вышеперечисленных 13 кладов найдены в поречье Уд. Исследователи уже обращали свое внимание на этот интересный и явно не случайный факт.

В 2003 году историки и археологи из Харьковского национального университета Скирда В.В., Зайцев Б.П. и Парамонов А.Ф. опубликовали книгу «Из глубины веков: к истории города Харькова». В этой книге в главе «Под властью Золотой Орды» есть следующие строки: «Об интенсивности внутренней торговли в это время свидетельствуют многочисленные находки серебряных золотоордынских (джучидских) монет (главным образом XIV века)... Они являются характерными в первую очередь для тех районов, которые располагались в бассейне реки Уды... Кроме монет... известны находки монетных кладов... В золотоордынский период немногочисленное население Харьковщины поддерживало и внешние торговые связи со странами Востока и Западной Европы... Указанные находки... доказывают, что жизнь на опустошенных пространствах продолжалась. Богатства края побуждали к заняти-

ям сезонными промыслами... Можно предположить и то, что немногочисленные группы людей поселялись на караванных и торговых путях как менялы и посредники, заготавливая фураж и зерно для потребностей кочевых орд...» (Скирда, 2004, с. 62–63).

В 2006 году журналист Л. И. Мачулин в своем научно-популярном издании «Клады Харьковской губернии» из серии «Харьковская старина» задавался риторическими вопросами касательно ежегодных находок древних монет на Харьковщине: «Разве это не свидетельствует о том, что здесь мог проходить торговый путь? Или о том, что на этом месте были поселения с высокоразвитыми торговыми отношениями с «дальним зарубежьем»?» (Мачулин, 2006, с. 20).

Краеведы Бейдин Г.В. и Григорьянц М.Н. в аннотации своей книги «Клады и монеты Харьковщины», опубликованной в 2007 году, пишут, что дают в ней ответ в том числе и на вопрос: «Почему клады Золотой Орды сконцентрированы только в окрестностях Харькова?» (Бейдин, 2007, с. 2). Анонсированным авторами ответом на него можно считать следующий текст в главе «Под властью Золотой Орды»: «... о том, что определенная жизнь на Харьковщине в это время все же была, свидетельствуют находки монет. Только при наличии населения и развития у него товарно-денежных отношений могут существовать монеты, а количество их находок дает возможность делать выводы о плотности заселения, о прохождении торговых путей и интенсивности торговли, о политических и экономических связях и о развитии экономики в целом» (Бейдин, 2007, с. 62–63). В заключитель-

ной части этой главы авторы пишут: «Подробное исследование джучидских монет, найденных на территории Харьковской области, может уточнить период их широкого распространения и определить из каких регионов золотоордынского государства поступала к нам монета, то есть можно уточнить прохождение торговых путей по территории Харьковской области в этот период» (Бейдин, 2007, с. 672).

В 2015 году в пятом выпуске сборника «Средневековая нумизматика Восточной Европы» нами было опубликовано сообщение «Штемпель для чеканки подражаний джучидским монетам из Харьковской области». В это сообщение были включены следующие тезисы: «В поречье Уд зафиксировано довольно много кладов джучидских монет, в том числе крупных... Их концентрация здесь особенно выделяется на фоне единичности или полного отсутствия таких находок в других микрорегионах Харьковщины. Опираясь на выводы Г.А. Федорова-Давыдова и В.П. Даркевича, основанные на анализе топографии монетных кладов, можно допустить активное использование реки Уды во второй половине XIV – начале XV в. в качестве транзитного торгового пути, связывающего Донскую водную магистраль с южнорусскими землями Днепровского Левобережья...» (Зайончковский, 2015б, с. 120).

Уместно в развернутой форме напомнить о выводах Федорова-Давыдова Г.А., касающихся особенностей денежного обращения на территориях, прилегающих к верхнему течению рек Дона, Северского Донца и Сейма.

До 60-х годов XIV века в этом регионе денежное обращение отсут-

ствовало и кладов, сокрытых в первой половине века, не зафиксировано. Однако ситуация меняется в 60-х годах. Клады этого периода указывают на тесные экономические связи с Югом, обусловленные тем, что именно по Северскому Донцу и Дону осуществлялась торговля с Восточным Причерноморьем. В это время здесь образуется «особый экономический район», который отличается большой долей в денежном обращении монет, отчеканенных в Азаке – важнейшем центре на этих путях. «Движение азакских монет на север встречало обратное движение русских слитков, «сумов» на юг» (Федоров-Давыдов, 1960, с. 109).

Последовавший в Золотой Орде внутренний политический кризис, сопровождавшийся опустошительной смутой (Федоров-Давыдов, 1960, с. 111) принес свои особенности в денежное обращение последней трети XIV в. «Серебро в большей степени, чем раньше, уходит из сферы городского торга и местного денежного обращения в сферу транзитной торговли, купеческого капитала. Клады этого времени лежат главным образом на речных путях» (Федоров-Давыдов, 2003, с. 54).

Непродолжительный период относительной стабильности в начале правления Токтамыша сменился новыми потрясениями, связанными с поражениями последнего в войнах против Тимура. Но и в первые десятилетия XV века у интересующего нас региона существовали торговые связи с Азаком и Крымом. Этот фактор воздействовал на формирование особенностей местного денежного обращения. Показательно, что действие

денежной реформы 802 г. х. на эту территорию фактически не распространилось (Федоров-Давыдов, 1960, с. 127).

Оживлению в этом регионе международной торговли, несомненно, способствовало основание в 30-е годы XIV в. генуэзской и венецианской колоний в Азаке. «Именно сюда начали поступать все товары, доставлявшиеся караванами с Востока. Здесь их грузили на корабли и вывозили в страны Средиземноморья... Благодаря кипучей деятельности итальянцев Азак в XIV в. становится конечным пунктом сразу нескольких крупных торговых путей. Один из них шел с севера по Дону... Удобное географическое положение и наличие непосредственного выхода к морю сделали Азак... одним из основных экспортных центров Золотой Орды... Обширную статью экспорта составляла поступающая из Руси пушнина... Оттуда же привозили мед, воск и кожи» (Егоров, 2010, с. 92).

Дополнительно подчеркнем значение зимних путей в условиях Восточной Европы, письменно зафиксированное для первой половины XV века Иосафием Барбаро, проживавшем в Тане (Азаке): «когда там намереваются ехать с одного места в другое – особенно же если предстоит длинный путь, – то едут зимним временем, потому что все кругом замерзает и ехать хорошо... И тогда с величайшей легкостью перевозят все, что требуется на санях... Летом там не отваживаются ездить слишком далеко по причине величайшей грязи и огромнейшего количества слепней, которые прилетают из многочисленных и обширнейших тамошних лесов...» (Скржинский,

1971, с. 158). Перемещение в зимнее время позволяло без перегрузки товара сочетать движение по замерзшим речным руслу с движением по сухопутным участкам, способствующим сокращению пути.

Клады джучидских монет долгое время были единственной пополняемой категорией памятников золотоордынского времени в Поудье. Но в последние годы предположения харьковских ученых о возможности существования здесь еще не открытых поселений (Скирда, 2004, с. 63), (Шрамко И.Б., 2010, с. 163) сбылись – археологическими раскопками достоверно зафиксированы три новых пункта золотоордынского времени.

Поселение Олешки: обнаружено в 2006 году, исследовалось в 2006–2007 годах. Результаты исследований подробно опубликованы в 2010 году. Памятник расположен к северу от Харькова, на мысу у безымянного ручья – правого притока реки Харьков. На обширной территории (более 4 га) были расположены многочисленные жилые и хозяйственные постройки. При раскопках были получены выразительные материалы второй половины XIV века, в том числе несколько серебряных монет хана Мухаммеда чекана Орды. Население вело оседлый образ жизни и занималось выращиванием земледельческих культур, скотоводством, охотой и рыбным промыслом. Исследователи отмечают преобладание керамики «древнерусского облика» (это отличает Олешки от синхронных поселений, расположенных южнее, в среднем течении реки Северский Донец) и наличие некоторых типов орудий труда и предметов вооружения, формы которых были выработаны еще в Киевской Руси.

Присутствуют фрагменты импортной керамики: амфор типа «Трапезунд» и сосудов крымского производства. Показательны находки обломков чугунных котлов (Шрамко И.Б., 2010, с. 163–230).

В 2008–2009 годах проводились охранные раскопки в историческом центре г. Харькова, на улице Квитки-Основьяненко (коренной берег около слияния рек Харьков и Лопань, детинец Харьковской крепости). Общая площадь раскопа за два сезона составила более 700 кв. м с общей стратиграфией. Несмотря на сильное повреждение древних культурных слоев и объектов, на глубине около двух метров, под слоями второй пол. XVII–XIX в., над материковым песком, был выявлен культурный слой золотоордынского времени (второй пол. XIII–XIV в.), насыщенный фрагментами керамики древнерусского облика (в публикации приведены прорисовки характерных образцов) и костями животных. С этим слоем связано две культовых (?) ямы, содержащие останки детей и животных. Найдена серебряная джучидская монета с именем Узбека, отчеканенная в Сарае в 340 г. х. (Голубева, 2009, с. 21–23), (Голубева, 2010, с. 78). Уточним, что находки джучидских монет на территории города Харькова фиксировались и ранее: «пять золотоордынских монет найдены в 1925 г. на ул. Чернышевского» (Шрамко Б.А., 1977, с. 36); на этой же улице до 1955 г. «найжены были 3 серебряные джучидские монеты: Узбек–1 и Джанибек–2» (Федоров-Давыдов, 1963, с. 205); «две джучидские монеты /Узбек и Джанибек/ найдены в 1960 г. на ул. Рыбасовской» (Шрамко Б.А., 1977, с. 36).

Поселение Стромохово: зафиксировано в 2013 году, расположено в лесу недалеко от бывшего хутора Стромохова (между селами Заудье и Старая Покровка Чугуевского района), на правом берегу р. Уды (Голубева, 2014а, с. 245). Показательна сохранность памятника: на поверхности визуально прослеживаются западины от жилищ. Кроме сбора подъемного материала, были заложены разведочные шурфы и незначительный по площади раскоп. Зафиксирован достаточно мощный культурный слой, насыщенный находками, что позволило сделать вывод о перспективности дальнейших исследований. Среди собранного материала: чересло, наральник, серпы, обломки чугунных котлов со следами ремонта, пара стремян, фрагменты керамической посуды с клеймами, обломки амфор, серебряная монета Токтамышша, отчеканенная в Крыму в 796 г. х. (Голубева, 2015, с. 226–227). Также оказалась доступной для исследования часть клада серебряных джучидских монет, найденного возле поселения (под номером 12 выше по тексту). Исследовательница считает, что поселение «по кладу и сопутствующим материалам можно предварительно датировать как минимум второй половиной XIV в. Скорее всего, оно прекратило свое существование во время правления хана Тимур-Кутлуга» (Голубева, 2015, с. 227). Отметим, что через бывший хутор Стромохова проходила старая дорога, ведущая к переправе через реку Уды от села Мохнач, расположенного на правом берегу реки Северский Донец.

О возможности существования поселения золотоордынского времени на территории с. Красная По-

ляна Змиевского р-на (правый берег р. Уды) мы писали в опубликованном в 2015 году сообщении о находке штемпеля для чеканки подражаний джучидским монетам. «... По словам местных жителей, за последние столетия на территории села и в его ближайших окрестностях было обнаружено при случайных обстоятельствах несколько (не менее пяти) комплексов серебряных джучидских монет. Для части из них вместительнее служили керамические сосуды. Обычны здесь и единичные находки джучидских монет как серебряных, так и медных, причем последних – на порядок меньше, чем серебряных. Самые ранние из них отчеканены во время правления Узбека, самые поздние – при Пуладе, но абсолютное большинство монет несет на себе имя Токтамышша. Неоднократно здесь находили и подражания джучидским монетам. Обычны находки предметов христианской металлопластики XIV века, фрагменты бронзовых ордынских зеркал, чугунных котлов. Авторам известно о находке двух фрагментов денежных весов, нескольких ювелирных матриц... Археологические исследования в с. Красная Поляна не проводились. Можно только предположить, что здесь в конце XIV – начале XV в. существовало торгово-ремесленное поселение, расположенное на важном в масштабах Восточной Европы пути (возможно, на перекрестке путей)» (Зайончковский, 2015б, с. 121).

Дополнительно отметим, что еще во второй половине XX века через с. Красная Поляна проходил Змиевский тракт, пересекавший реку Уды в этом месте, чему способствовали особенности рельефа – наличие пологого спуска в пойму со стороны

обычно высокого и крутого правого склона речной долины. В прошлое время перемещение по Змиевскому тракту благодаря форсированию рек Мжа и Уды значительно сокращало путь по сравнению с движением по Муравскому шляху, проходившему по водоразделу Днепр – Дон и огибавшему верховья этих рек. Также интересна местная легенда о возникновении названия села, записанная в 1924 году: «В очень далекие времена через озеро Красное переправляли товары (тут проходил торговый путь). Сушили их на поляне, отсюда и пошло название Красная Поляна» (Ракитянская, 2011, с. 7).

Датировка вновь открытых поселений согласуется с выводами В.Л. Егорова о том, что в первой половине XIV в. началось постепенное хозяйственное освоение порубежных районов славянским населением (Егоров, 2010, с. 49). Опираясь на ландшафтно-растительную ситуацию региона, исследователь предполагал, что границу собственно золотоордынской территории можно провести несколько южнее Харькова (Егоров, 2010, с. 39). На линии соприкосновения степной и лесостепной зон в летний период находились монгольские кочевья (Егоров, 2010, с. 49). Автор так описывает один из возможных вариантов использования пограничных территорий: «Между русскими и монгольскими владениями обычно находилась своеобразная нейтральная полоса, использовавшаяся поочередно в хозяйственном отношении. И далее: «... в XIV в... на стабильность русско-золотоордынского пограничья влияло и заметное сокращение монгольской военной экспансии на север», «... на-

ступила «тишина велика на 40 лет»» (Егоров, 2010, с. 52).

Подведем итоги. В первой половине XIII века в Поудье существовало несколько древнерусских укрепленных поселений, связанных с веками проходившем здесь из Среднего Поднепровья водным торговым путем по системе Уды – Северский Донец – Дон – Азовское море – Черное море. В результате татаро-монгольского нашествия эти поселения были подвергнуты тотальному разрушению, территория была включена в состав Золотой Орды, богатые местные угодья использовались в качестве летних кочевий. В скором времени, в результате предпринятых на государственном уровне мер по восстановлению функционирования транзитных торговых путей, возродилась жизнь на Донском городище и, возможно, на Харьковском. С шестидесятых годов XIV в. в Поудье начинают «выпадать» в землю клады серебряных джучидских монет (в том числе – крупных, до 2500 экземпляров), которые четко маркируют проходивший здесь торговый путь. Состав этих кладов подчеркивает южные экономические связи микрорегиона. Вероятно, такому оживлению способствовало основание итальянских колоний в городе Азак (расположенном в дельте Дона и являвшемся перекрестком важнейших трансконтинентальных путей того времени), а также демографический и экономический рост в славянских землях Днепровского Левобережья. В это же время в поречье Уд начинают основываться новые стационарные поселения. Характер находок с этих памятников указывает на то, что основным населением на них были

славяне. Жители этих поселений занимались пашенным земледелием, промыслами, ремеслами и торговлей. Исходя из датировки младшего из зафиксированных кладов (хотя и найденного на берегу Северского Донца) можно предположить, что активное использование проходившего здесь торгового пути и существование поселений продолжилось и в первой четверти XV века. Памятники более позднего времени на этой территории пока не зафиксированы. Вероятно, в 20-х годах жизнь на здешних поселениях затухает по причине политического кризиса, повлекшего в этот раз окончательный распад Джучидского государства.

Связь поселения у бывшего хутора Стримоухова и близко расположенного возможного поселения на территории села Красная Поляна с переправами через реку Уды позволяет предположить для той эпохи существование развитой сети региональных сухопутных путей с собственной, еще не найденной, инфраструктурой. Вполне возможно существование нескольких ответвлений от Муравского шляха в месте, где он отклоняется к Западу, огибая истоки реки Мжа. Движение по этим ответвлениям позволяло существенно сократить путь, но предполагало в летнее время форсирование водных преград: рек Мжа и Уды. В свете этого перспективен поиск новых памятников золотоордынского времени как в поречье Уд (в местах, сочетающих наличие бродов или переправ с удобным спуском в пойму со стороны высокого правого берега – с. Боровая, с. Заудье, с. Старая Покровка), так и в поречье Мжи (г. Змиёв, с. Соколово, с. Тимченки, г. Мерефа) и на трассе Муравского

шляха (в местах возможных ответвлений от него в сторону переправ на реке Мжа). Также считаем перспективным поиск мест расположения стоянок на расстоянии суточных переходов на Муравском шляхе (с. Огульцы) и поиск таких мест на реке С. Донец (впадение реки Уды, брод возле с. Гайдары, с. Савинцы, впадение реки Оскол). Возвращаясь к поречью Уд, считаем важной задачей поиск «волока» через водораздел Днепр – Дон, который тоже может быть многовариантным. Как возможный вариант: он проходил через один из малых правых притоков реки Уды выше Донецкого городища и один из малых левых притоков реки Мерла (Мерчик – ?), но также возможно, что он был значительно севернее, между верховьями рек Уды или Харьков и верховьями реки Ворскла. Всем этим поискам может существенно поспособствовать как тщательный топографический анализ современного ландшафта, так и анализ старых картографических и письменных источников: дорожной сети, обозначенной на планах генерального межевания XVIII века, документы по организации сторожевой и станичной службы, указания на маршруты передвижения и места используемых бродов и «перелазов» татарских отрядов при набегах XVI–XVIII веков. Также, с учетом плотной заселенности в настоящее время многих районов, перспективных для поиска, считаем важной работу археологов с местным населением (опрос, сбор сведений о случайных находках).

При составлении сводки денежных кладов на себя обратил внимание тот печальный факт, что многие комплексы, очень давно хранящиеся в государственных музеях, остаются

неопубликованными. Считаю их публикацию вполне выполнимой задачей ближайшего времени.

В заключение авторы выражают свое глубокое уважение и искреннюю признательность нескольким поколениям харьковских (и не только) историков, археологов и краеведов, чьи труды способствовали открытию и публикации памятников, включенных в эту сводку, и выявлению закономерностей в их расположении.

Приведем их фамилии (в алфавитном порядке): Бейдин Г.В., Голубева И.В., Григорьянц М.Н., Грубник-Буйнова Л.П., Данилевич В.Е., Даркевич В.П., Дьяченко А.Г., Егоров В.Л., Задников С.А., Зайцев Б.П., Колода В.В., Мачулин Л.И., Михеев В.К., Парамонов А.Ф., Плетнёва С.А., Ракитянская А.Н., Скирда В.В., Федоров-Давыдов Г.А., Шрамко Б.А., Шрамко И.Б.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н.* Клады и монеты Харьковщины. Харьков: Курсор, 2007. 122 с.
2. *Голубева И.В.* Археологічні дослідження середньовічних пам'яток Харкова у 2008 р. // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. Київ: Інститут археології НАН України, 2009. С. 21–23.
3. *Голубева И.В.* Дослідження в історичній частині м. Харків у 2009 р. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ: Інститут археології НАН України, 2010. С. 78.
4. *Голубева И.В.* Дослідження пам'яток розвиненого середньовіччя на території Харківської та Донецької областей // Археологічні дослідження в Україні 2014 р. / Отв. ред. Ю.В. Болтрик. Київ: Стародавній Світ, 2015. С. 226–227
5. *Голубева И.В.* Дослідження поселення часів Золотої Орди «Стромоухово» // Археологічні дослідження в Україні 2013 р. Київ: Інститут археології НАН України, 2014. С. 245.
6. *Голубева И.В.* Скарб золотоординських монет з поселення «Стромоухово» // Проблеми історії та археології України. Матеріали ІХ Міжнародної наукової конференції (Харків, 30–31 жовтня 2014 р.). Харків: ТОВ «НТМТ», 2014. С. 51–52.
7. *Данилевич В.Е.* Карта монетних кладов и находок единичных монет Харьковской губернии // Труды XII Археологического съезда в Харькове. Т. I. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1905. С. 374–410.
8. *Даркевич В.П.* Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. Т. 6 (20) / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1985. С. 387–411.
9. *Дьяченко А.Г.* Северско-донецкая окраина Юго-Восточной Руси в картографическом труде середины XII в. // Проблемы археологии Восточной Европы. Харьков: Курсор, 2008. С. 83–89.
10. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: КРАСАНД, 2010. 248 с.
11. *Ермолов Ф.В., Добромислов Л.Б.* Дополнение к первой части публикации "Практика экспорта штемпелей монетного двора Сарай ал-Джадида при хане Токтамыш" // Русь. Орда. Литва. В памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 2 / Отв. ред. Д. В. Гулецкий, Ю. В. Зайнчковский. Минск: Джи энд Джи, 2016. С. 311–326.
12. *Зайнчковский Ю.В.* Клад джучидских дангов XV века с берега реки Северский Донец // Русь. Орда. Литва. В памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 1 / Отв. ред. Д. В. Гулецкий, Ю. В. Зайнчковский. Минск: Джи энд Джи, 2015. С. 226–243.

13. Зайончковский Ю.В., Шапошник В.Г. Штемпель для чеканки подражаний джучидским монетам из Харьковской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 5 / Отв. ред. В.В. Зайцев. М.: Репроцентр, 2015. С. 118–121.
14. Коврижных А.С., Крупа Т.Н., Романов А.А. Золотоордынская нумизматика из фондов Музея археологии и этнографии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Харьков, 2009. На диске.
15. Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В. Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северной земли // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования / Гл. ред. П.Н. Петров / Археология евразийских степей Вып. 18. Казань: Отечество, 2014. С. 6–29.
16. Мачулин Л.И. Клады в Харьковской губернии. Харьков: Харьковская старина, 2006. 208 с.
17. Плетнёва С.А. Саркел и шелковый путь. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1996. 168 с.
18. Плетнёва С.А. Хазары. М.: Наука, 1976. 94 с.
19. Ракитянская А.Н. Записки краеведа. Гудимов, Красная Поляна, Водяное. / Под общ. ред. Ю. А. Коловрата. Змиёв: Издание Историко-краеведческого музея Змиевского лицея № 1 им. З. К. Слюсаренко, 2011. 24 с
20. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. М.: Наука, 1982. 328 с.
21. Скирда В.В., Зайцев Б.П., Парамонов А.Ф. Из глубины веков: к истории города Харькова. Харьков: ВД "Райдер", 2004. 102 с.
22. Скржинский Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. 276 с.
23. Тропин Н.А. О восстановлении монголами Донского торгового пути в середине XIII века // Stratum plus. 2016. № 5. С. 133–142.
24. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
25. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 94–192.
26. Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 165–221.
27. Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во Харьковского Трудового знамени Государственного университета им. А.М. Горькова, 1962. 404 с.
28. Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. Киев: Наукова думка, 1977. 156 с.
29. Шрамко И.Б., Задников С.А. Поселение XIV века "Олешки" на Северском Донце // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время / Гл. ред А.В. Евглевский Донецк: ДонНУ, 2010. С. 163–230.

Информация об авторах:

Шапошник Владимир Гаврилович, краевед, (г. Харьков, Украина);
mihas24@gambler.ru

Зайончковский Юрий Валентинович, доцент, Харьковский национальный университет строительства и архитектуры (г. Харьков, Украина);
zyvkharkov@gmail.com

HISTORY OF THE KHARKOV UDA REGION IN THE GOLDEN HORDE PERIOD

V.G. Shaposhnik, Yu.V. Zayonchkovskiy

The article is dedicated to the analysis of archaeological monuments of the Golden Horde period discovered in the Kharkov region (Ukraine) in the basin of the Udy River (the Udy region). The authors present consolidated information published in scientific literature concerning the monetary hoards of the Golden Horde period discovered in the Kharkov region and the settlements dating back to the same period. The article also features mapping and localization analysis of the sites. The fact that the hoards and settlements of the Golden Horde period are concentrated in the Udy region, which is especially evident in view of the almost complete absence of synchronous sites in other microregions of the Kharkiv region, is accounted for by a significant transit trade route passing through the area at the time, which linked the town of Azaq (located at the crossroads of international Eurasian trade) with the Middle Dnieper region, further linking the area with the western and northern worlds. On the basis of an analysis of numismatic and archaeological data, the authors reconstruct the history of the studied territory in the second half of 13th – first quarter of 15th centuries, particularly the dynamics of the operation of the trade route and the associated infrastructure. Besides, the article outlines the promising directions and tasks for further studies.

Keywords: archaeology, numismatics, basin of the Udy river (the Udy region), Golden Horde, trade routes, coin hoards

REFERENCES

1. Beidin, G. V., Grigor'iants, M. N. 2007. *Klady i monety Khar'kovshchiny (Hoards and Coins of the Kharkiv region)*. Khar'kiv: "Kursor" Publ. (in Russian).
2. Golubeva, I. B. 2009. In *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2008 roku (Archaeological Researches in Ukraine of 2008)*. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 21–23 (in Ukrainian).
3. Golubeva, I. B. 2010. In *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2009 roku (Archaeological Researches in Ukraine of 2009)*. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 78 (in Ukrainian).
4. Golubeva, I. B. 2015. In Boltrik, Iu. V. (ed.). *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2014 roku (Archaeological Researches in Ukraine of 2014)*. Kiev: "Starodavnii Svit" Publ., 226–227 (in Ukrainian).
5. Golubeva, I. B. 2014. In *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2013 roku (Archaeological Researches in Ukraine of 2013)*. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 245 (in Ukrainian).
6. Golubeva, I. B. 2014. In *Problemi istorii ta arkheologii Ukraïni. Materiali IX Mizhnarodnoi naukovoï konferentsii (Kharkiv, 30–31 zhovtnia 2014 r.) (Issues of History and Archeology of Ukraine. Materials of the 9th International Scientific Conference. Kharkov, October 30-31, 2014)*. Kharkiv: TOV "NTMT" Publ., 51–52 (in Ukrainian).
7. Danilevich, V. E. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda v Khar'kove (Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Kharkov)* 1. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova, 374–410 (in Russian).
8. Darkevich, V. P. 1985. In Rybakov, B. A. (ed.). *Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Rus'. Town, Castle, Village)*. Series: Arkheologiiia SSSR (Archaeology of the USSR) 6(20). Moscow: "Nauka" Publ. 387–411 (in Russian).
9. D'iachenko, A. G. 2008. In *Problemy arkheologii Vostochnoi Evropy (Issues of Archaeology of Eastern Europe)*. Kharkiv: "Kursor" Publ., 83–89 (in Russian).

10. Egorov, V. L. 2010. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries)*. Moscow: “KRASAND” Publ. (in Russian).
11. Ermolov, F. V., Dobromyslov, L. B. 2016. In Guletskii, D. V., Zainchkovskii, Yu. V. (eds.). *Rus'. Orda. Litva. V pamiatnikakh numizmatiki i sfragistiki (Rus. The Horde. Lithuania In the Monuments of Numismatics and Sphragistics)* 2. Minsk: “Dzhi end Dzhi” Publ., 311–326 (in Russian).
12. Zaiionchkovskii, Yu. V. 2015. In Guletskii, D. V. Zainchkovskii Yu. V. (eds.). *Rus'. Orda. Litva. V pamiatnikakh numizmatiki i sfragistiki (Rus. The Horde. Lithuania In the Monuments of Numismatics and Sphragistics)* 1. Minsk: “Dzhi end Dzhi” Publ., 226–243 (in Russian).
13. Zaiionchkovskii, Yu. V., Shaposhnik, V. G. 2015. In Zaitsev V. V. (ed.). *Srednevekovaia numizmatika Vostochnoi Evropy (Medieval Numismatics of Eastern Europe)* 5. Moscow: “Reprintsentr” Publ., 118–121 (in Russian).
14. Kovrizhnykh, A. S., Krupa, T. N., Romanov, A. A. 2009. *Zolotoordynskaia numizmatika iz fondov Muzeia arkheologii i etnografii Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta im. V.N. Karazina (Golden Horde Numismatics from the Collections of the Museum of Archaeology and Ethnography of V. N. Karazin Kharkiv National University)*. Khar'kiv. On disk (in Russian).
15. Koloda, V. V., Lebedev, V. P., Enukov, V. V. 2014. In Petrov, P. N. (ed.). *Bezliudovskii klad X v.: materialy i issledovaniia (Bezlyudovsky Hoard of 10th century: Materials and Studies)*. Series: *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 18. Kazan: “Otechestvo” Publ., 6–29 (in Russian).
16. Machulin, L. I. 2006. *Klady v Khar'kovskoi gubernii. (Hoards of Kharkiv Governorate)*. Khar'kiv: “Khar'kovskaia starina” Publ. (in Russian).
17. Pletneva, S. A. 1996. *Sarkel i shelkovyi put' (Sarkel and the Silk Road)*. Voronezh: Voronezh University Publ. (in Russian).
18. Pletneva, S. A. 1976. *Khazary (Khazars)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
19. Rakitianskaia, A. N. 2011. In Kolovrat, Iu. A. (ed.). *Zapiski kraevedy. Gudimov, Krasnaia Poliana, Vodianoe (Notes of a Local Ethnographer. Gudimov, Krasnaya Polyana, Vodyanoie)*. Zmiev: Local History Museum of Zmiev Lyceum (in Russian).
20. Sedov, V. V. 1982. *Vostochnye slaviane v VI–XIII vv. (Eastern Slavs in 6th–13th Centuries)*. Series: *Archaeology of the USSR* 14. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
21. Skirda, V. V., Zaitsev, B. P., Paramonov, A. F. 2004. *Iz glubiny vekov: k istorii goroda Khar'kova (From the Depths of the Centuries: History of the City of Kharkiv)*. Khar'kov: “Raider” Publ. (in Russian).
22. Skrzhinskii, E. Ch. 1971. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh sviazei v XV v. (Notes on Russia by Barbaro and Contarini. The history of Italian-Russian Relations in 15th c.)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
23. Tropin, N. A. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 133–142 (in Russian).
24. Fyodorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: “Paleograf” Publ. (in Russian).
25. Fyodorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 94–192 (in Russian).
26. Fyodorov-Davydov, G. A. 1963. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 165–221 (in Russian).
27. Shramko, B. A. 1962. *Drevnosti Severskogo Donsa. (Antiques of the Seversky Donets region)*. Khar'kov: “Izd-vo Khar'kovskogo Trudovogo znameni Gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gor'kova” Publ. (in Russian).
28. Shramko, B. A., Mikheev, V. K., Grubnik-Buinova L.P. 1977. *Spravochnik po arkheologii Ukrainy. Khar'kovskaia oblast'. (Ukraine Archaeology Handbook. Kharkov Region)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
29. Shramko, I. B., Zadnikov, S. A. 2010. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekoviia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. Donetsk: Donetsk National University, 163–230 (in Russian).

About the Authors:

Shaposhnik Vladimir G. Kharkiv, Kharkiv region, Ukraine; mih24@rambler.ru

Zayonchkovskiy Yuriy V. Kharkiv National University of Construction and Architecture. Sumskaya st., 40, Kharkiv, 61000, Kharkiv region, Ukraine; zvykharkov@gmail.com

Статья поступила в номер 28.09.2017 г.

О ПЕРВЫХ БУЛГАРСКИХ СЕРЕБРЯНЫХ ДИНАРАХ XIII В.¹

© 2017 г. А.И. Бугарчев

В статье исследуются серебряные монеты, чеканенные в первой половине XIII в. на территории Булгарского вилайата. На всех изучаемых монетах находится теофорное имя багдадского халифа ан-Насир ли-дин Аллаха. Установив существование трёх типов булгарских динаров, автор приводит метрологические параметры каждого типа. Так как на данных монетах не проставлялся год чеканки, то на основании изучения гистограмм автор предлагает относительную последовательность выпуска трёх типов. Конечная дата чеканки булгарских динаров с именем ан-Насира – 1251 г. Автор делает вывод о том, что наличие имени халифа ан-Насира на монетах Булгарского чекана не может являться аргументом в дискуссии об их пред-монгольском или монгольском происхождении. Данные динары имеют вполне определённую типологическую преемственность, что позволяет составить относительную хронологию их чекана.

Ключевые слова: археология, джучидская нумизматика, Булгарский вилайат, XIII век, серебряный динар, метрология.

Данная статья посвящена первым монетам, чеканенным в Булгарском регионе в первой половине XIII в. Отличительная черта таких серебряных динаров – присутствие теофорного имени багдадского халифа ан-Насир ли-дин Аллаха (575–622 гг.). Впервые они были опубликованы академиком Х.М. Френом (Френ, 1832). Тогда же началась дискуссия о времени их выпуска, которая продолжается до сегодняшнего дня. Напомним две основные точки зрения.

1. Чеканка серебряных и медных булгарских монет началась при жизни багдадского халифа ан-Насира, то есть до 1225 г.

2. Первые булгарские монеты были выпущены после его смерти, во второй половине 1240-х гг.

В последнее время стала обсуждаться еще одна точка зрения: «После

завоевания Булгарских земель чеканка этих монет могла быть возобновлена уже монгольской администрацией» (Петров, 2010, с. 136).

Однако сначала необходимо определиться – о каких монетах с именем ан-Насира идет речь.

Нам известны три группы булгарских монет с таким именем. 1. Серебряные и медные динары с различными легендами на оборотной стороне, чеканенные до 1251 г. 2. Серебряные монеты с тамгой Менгу-Тимура. 3. Дирхамы с годом 692 г. х. В трудах нумизматов XIX–XX вв. часто не делалось различий между данными группами монет, хотя уже тогда было ясно, что они чеканились в различные периоды. Первая группа с именем ан-Насира выпускалась до появления серебряных и медных монет с именем монгольского каана Мунке, то

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ №16-11-16015 "Исследование нумизматического материала государства Джучидов с применением междисциплинарных методов археотехнологий и археологического материаловедения".

есть до 1251 г. Вторая группа с тамгой Менгу-Тимура чеканилась в период 1266/1267–1274/1275 гг. (см. Рева, Тростьянский, 2013). Третья группа чеканилась, как написано на дирхамах, в 692/1292–1293 г. Безусловно, что вторая и третья группы не рассматриваются в сегодняшнем исследовании по понятным причинам.

Обратимся к болгарским динарам первой группы. Они разделяются на три типа. За критерий типа принимаются два параметра – композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты (Петров, 2010). В нашем случае лицевые стороны у всех типов монет одинаковые – это надпись по-арабски «Ан-Насир ли-дин Аллах повелитель правоверных». Отличия выявляются в легендах оборотной стороны (далее о.с.):

– тип 1 – «Динар. Чекан казны Булгарской» (перевод Г.А. Федорова-Давыдова), в монографии А.З. Сингатуллиной он приводится под № 1 (Сингатуллина, 2003), и в дальнейшем в статье он будет упоминаться как С/1;

– тип 2 – сентенция «Жизнь есть час. Употребляй ее на дела благочестия» (перевод Г.А. Федорова-Давыдова), в монографии А.З. Сингатуллиной он приводится под №№ 3–4, в дальнейшем упоминается как С/3–4;

– тип 3 – «Динар бит в Булгаре», в монографии А.З. Сингатуллиной он приводится под №№ 5–6, в дальнейшем упоминается как С/5–6.

Известны также монеты-мулы, у которых на одной стороне помещена легенда о.с. типа 1 (С/1), а на другой – сентенция о.с. типа 2 (С/3–4). В монографии А.З. Сингатуллиной они приводятся под № 2 (С/2).

Главным недостатком всех предыдущих исследований было то, что между разнотипными динарами не делалось различий. Из их одновременного обращения делался вывод о том, что эти динары и выпускались одновременно.

Найденные на различных археологических памятниках, эти монеты принимались публикаторами за один тип, что обуславливало появление взаимоисключающих выводов. Подобный невнимательный к нумизматическому источнику подход соответствующим образом влиял и на результаты метрологических исследований. В нашей статье для метрологического анализа будет использована информация из каталога А.З. Сингатуллиной (Сингатуллина, 2003), та, что была получена при изучении монет Алексеевского и Лаишевского кладов (Bugarchev, 2014; Бугарчѐв, Степанов, 2015) и материалы личного фотоархива.

Булгарские монеты первой половины XIII в. как серебряные, так и медные чеканились по системе «эльмарко», поэтому важным метрологическим показателем, кроме максимума, являлся средний вес монет каждого типа. Он приводится после каждой гистограммы.

Динары С/1 самые малочисленные среди всех типов динаров ан-Насира. Для построения гистограммы были использованы характеристики известных нам 23 экземпляров (рис. 1).

Мода_{max} 1,73±0,04 г – 4 экз. (17,4%). Средний вес (без учета самого легкого и самого тяжелого экземпляра) 1,84 г. Разброс значений веса учтенных в гистограмме динаров – от 1,39 г до

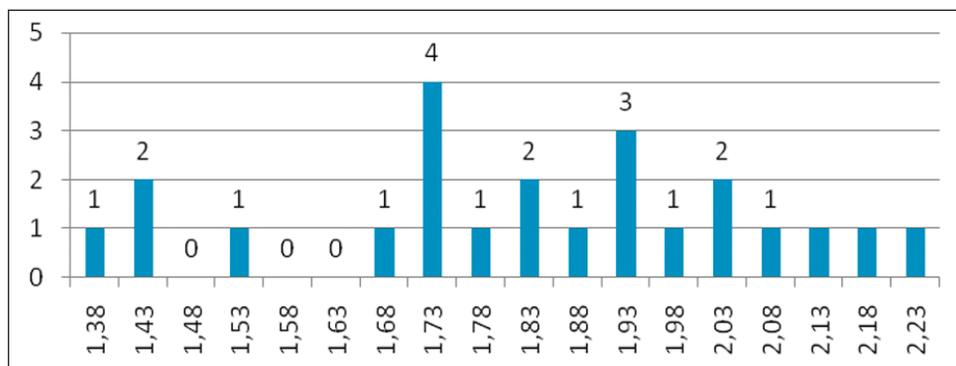

Рис. 1. Зависимость количества динаров С/1 от значения их веса.
 Учтено 23 экз. (каталог А.З. Сингатуллиной – 14 экз.,
 Алексеевский клад и ZENO – по 1 экз., фотоархив автора – 7 экз.).
 Шаг 0,05 г. Ось X – вес в г, ось Y – кол-во в экз.

Fig. 1. Dependence of the number of dinars C/1 on their weight.

2,21 г. Почти половина монет находится в интервале значений веса 1,71–1,93 г – 11 экз.

Динары С/3–С/4 с легендой о.с. «Жизнь есть час...», всего 26 экз. (рис. 2)

Мода_{max} 1,90±0,08 г (8 экз., 30,8%). При построении гистограммы с шагом 0,05 г максимумы выявились на значениях 1,86±0,04 г и 1,89±0,04 г (по 5 экз., 19,2%, гистограмма не приводится). Средний вес 24 экз. (без учета самой легкой и самой тяжелой монеты) – 1,92 г. Разброс значений веса учтенных в гистограмме динаров – от 1,36 г до 2,43 г. Более половины монет находится в интервале значений веса 1,78–1,99 г, 13 экз.

Теперь обратимся к динарам типа С/5–С/6 с легендой о.с. «Динар бит в Булгаре», самым многочисленным из всех типов динаров ан-Насира. Гистограмма построена по материалам Алексеевского клада (рис. 3).

Мода_{max} 1,53±0,04 г (13,7%). Средний вес динаров С/5–С/6 равняется 1,57 г (без учета самой легкой и самой

тяжелой монеты). Разброс значений веса учтенных в гистограмме динаров – от 0,98 до 2,24 г. При построении гистограммы С/5–С/6 по материалам каталога А.З. Сингатуллиной (2003, с. 71, учтено 114 экз.) с шагом 0,05 г выявились два максимума – на значениях 1,46±0,04 г и 1,87±0,04 г (или по 8,8%; сама гистограмма не приводится).

Для наглядности сведем полученные результаты в таблицу, расположив их в порядке уменьшения (табл. 1).

По итогам трех гистограмм динаров с именем ан-Насира можно говорить о тенденции на постепенное снижение их веса:

- первое снижение с 1,90±0,08 до 1,73±0,04 г на величину в интервале от 0,05 до 0,29 г (0,17±0,12);

- второе снижение с 1,73±0,04 до 1,53±0,04 г на величину в интервале от 0,12 до 0,28 г (0,20±0,08 г).

Сопоставление значений среднего веса трех типов динаров выявляет следующие цифры: первое сниже-

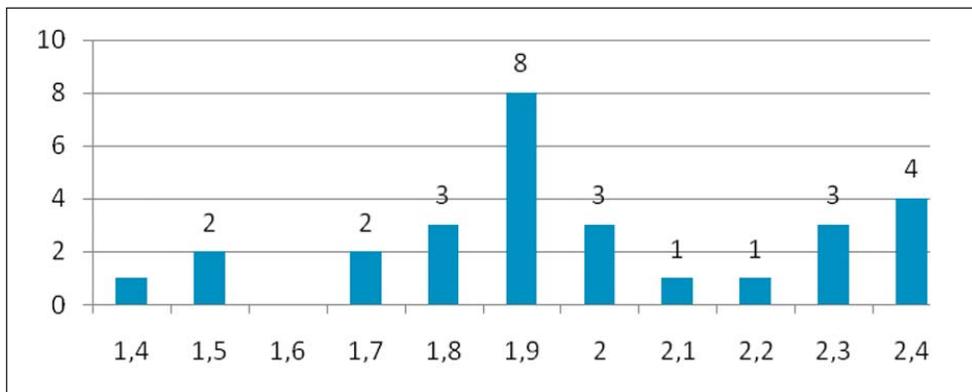

Рис. 2. Зависимость количества динаров C/3 – C/4 («Жизнь – час...») от значения их веса.

Учтено 26 экз. (каталог А.З. Сингагуллиной – 18 экз., Алексеевский и Лаишевский клады – по 2 экз., фотоархив автора – 4 экз.). Шаг 0,1 г. Ось X – вес в г, ось Y – кол-во в экз.

Fig. 2. Dependence of the number of dinars C/3-C/4 on their weight.

Рис. 3. Зависимость количества динаров C/5 – C/6 от значения их веса, Алексеевский клад. Учтено 183 экз. Шаг 0,05 г. Ось X – вес в г, ось Y – кол-во в экз.

Fig. 3. Dependence of the number of dinars C/5-C/6 on their weight.

Метрология динаров с именем ан-Насир ли-дин Аллаха

Литература	Кол-во, экз.	Кол-во монет на максимуме, шаг 0,05, %	Мода, г	Средний вес, г
C/3-C/4	26	19,2	1,9±0,08	1,92
C/1	23	17,4	1,73±0,04	1,84
C/5-C/6	183	13,7	1,53±0,04	1,57

ние – на 0,08 г, второе снижение – на 0,27 г.

Таким образом, расположив метрологические значения по убывающей, мы получили *предполагаемую* очередность выпуска болгарских динаров. Невозможно представить, чтобы с течением времени на монетных дворах использовали серебряные монетные заготовки все большего веса. «Нумизматические исследования чингизидских монет XIII–XV вв. всегда фиксируют именно снижение их веса с течением времени. И лишь реформа в монетном деле и денежном обращении могла приводить к обратному – монетные производства начинали чеканить монету большего весового стандарта» (консультация П.Н. Петрова). В период обращения серебряных динаров типа «ан-Насир ли-дин Аллах» никаких реформ не зафиксировано. По этой причине тенденция на понижение веса чеканной продукции указывает на очередность выпуска каждого из типов. Своеобразной связкой между динарами «Жизнь есть час...» и «Чекан казны...» являются монеты-мулы, C/2. На них приведены обе легенды оборотных сторон. Благодаря выявлению мулов через изучение метрологических параметров можно говорить о последовательности чекана всех трех типов динаров ан-Насира.

По результатам проведенных расчетов предлагается следующий порядок очередности выпуска динаров с именем ан-Насира (табл. 1):

1) C/3–C/4 с легендой о.с. *Жизнь есть час ...*;

2) C/1 с легендой о.с. *Динар. Чекан казной Булгарской*;

3) C/5–C/6 с легендой о.с. *Динар бит в Булгаре*.

Точные даты начала и прекращения чеканки серебряных динаров с именем ан-Насира не известны, поскольку на монетах не ставился год их выпуска. В настоящее время можно оперировать пока только годом окончания их производства – он же год прихода к власти Мунке-каана: ~1251 год. Ориентировочную датировку начала выпуска может иметь только C/5 – 1240-е гг. (очень возможно – вторая половина 1240-х гг.).

По мнению А.Г. Мухамадиева, серебряные монеты со словом *ал-мал* (наш C/1) были чеканены незадолго до монгольского нашествия (Мухамадиев, 1983). Насколько это утверждение верно, сейчас пока проверить не удастся. Но в любом случае болгарские монеты с именем «ан-Насир ли-дин Аллах» не могли чеканиться многие десятилетия. Максимально возможный теоретический временной интервал составляет 15 лет. Именно примерно за 12–15 лет почти вся масса

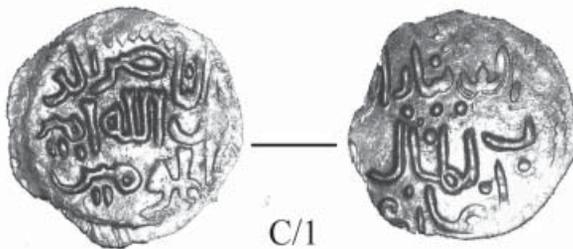

Рис. 4. Карта находок серебряных монет с именем ан-Насира.

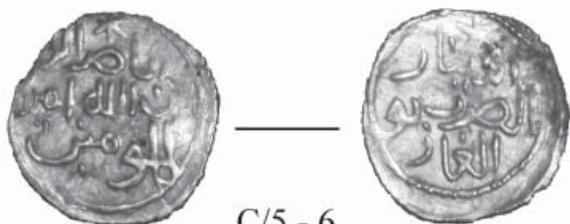
Fig. 4. A map of discovered silver coin with an-Nasir's name.

C/3 - 4

C/1

C/5 - 6

Рис. 5. Булгарские динары первой половины 13 в. с именем ан-Насира.

Fig. 5. Bolgar dinars of the first half of 13th c. with an-Nasir's name.

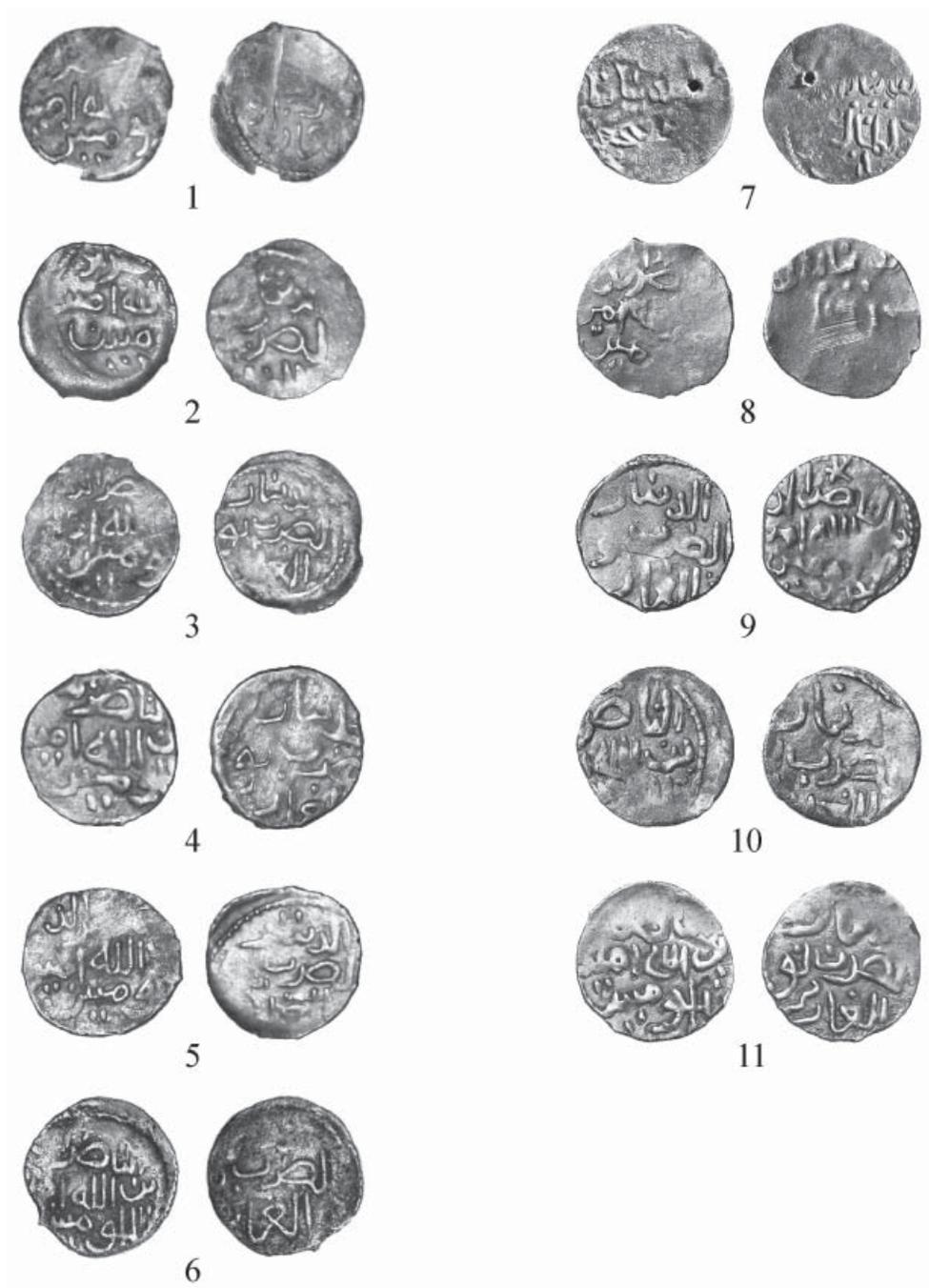

Рис. 6 . Серебряные динары с именем ан-Насира из находок на территории Булгарского вилайата.

Fig. 6. Silver dinars with an-Nasir's name discovered in the territory of Bolgar vilayet.

выпущенной монеты (и не пополняющаяся потом ежегодной подчеканкой) уходит из обращения. Причем первые два типа монет с именем ан-Насира (С/3–С/4 и С/1) выпускались кратко-срочно и, как мы видим, небольшими эмиссиями.

Рассмотрим топографию единичных находок серебряных динаров. На карте (рис. 4) приведены археологические памятники, где были обнаружены монеты с именем ан-Насира. В количественном отношении цифры следующие: Болгарское городище – 4 экз., Малая Полянка – 7 экз. (рис. 6, №№ 1–5), Айбаши – оз. Вшивое – 5 экз. (рис. 6, №№ 7–11), Иске-Казань – 3 экз., Джукетау – 2 экз., Ага-Базар, V Семёновское селище (Бугарчѐв, 2017), Чакма (Бугарчѐв, Руденко, 2013), Емельяново, Дубьязы (рис. 6, № 6) – по 1 экз. Есть информация, что динары ан-Насира находили в Аксубаевском районе (Новое Мокшино), но точных цифр у нас нет. Судя по ме-

стам находок, динары ан-Насира, чеканенные в 1240-х гг., обращались на территории от Иске-Казани и Дубьяз до озера Вшивое и деревень Айбаши и Кокрять (сейчас это северная часть Ульяновской области).

Выводы

1. Наличие имени халифа ан-Насира на монетах Булгарского чекана не может являться аргументом в дискуссии об их предмонгольском или монгольском происхождении.

2. Динары с именем ан-Насира делятся на 3 типа, которые выпускались в разное время.

3. Данные динары имеют вполне определенную типологическую преемственность, что позволяет составить относительную хронологию их чекана.

4. Различные типы монет с именем ан-Насира не запрещались и не изымались из обращения. Существовал процесс естественного ухода и постепенной замены старых монет новыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугарчѐв А.И. Находки джучидских монет XIII – первой трети XIV в. с острова Семёновский (Спасский район РТ) // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 43–51.
2. Бугарчѐв А.И., Руденко К.А. Нумизматические находки с селища Чакма (р.п. Лаишево, Республика Татарстан) // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 64–78.
3. Бугарчѐв А.И., Степанов О.В. Клад золотоордынских монет из Татарстана // Нумизматика Золотой Орды. № 5 / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2015. С. 16–21.
4. Лихачѐв А.Ф. Новый Болгарский клад 1887 года // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. III. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1889. С. 168–183
5. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 168 с.
6. Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: ФЭН, 2010. С. 121–149.

7. Рева Р.Ю., Гростьянский О.В. Балымерский клад джучидских монет XIII века // Нумизматика Золотой Орды. № 3 / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2013. С. 8–15.

8. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.

9. Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М. Френа. СПб., 1832. 80 с.

10. Bugarchev A.I. The Hoard of Bulghar Coins of the Thirteenth Century from the Republic of Tatarstan // Нумизматика Золотой Орды. № 4. / Гл. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2014. С. 5–15.

Информация об авторе:

Бугарчѐв Алексей Игоревич, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); abugar.61@rambler.ru

FIRST BOLGAR SILVER DINARS OF 13TH CENTURY

A.I. Bugarchev

The article considers silver coins minted in the first half of 13th century in the territory of Bolgar vilayet. All studied coins feature a theophoric name of Baghdad caliph al-Nasir li-din Allah. The author determined the existence of three types of Bolgar dinars and provides metrological parameters for each type of coins. Due to the fact that the year of coinage is not specified on the coins, the author suggests a relative sequence of the minting of the three coin types on the basis of a histogram study. The final date of the minting of Bolgar dinars with the name of An-Nasir is 1251. The author concludes that the presence of caliph an-Nasir's name on the coins minted in Bolgar cannot be considered an argument in the discussion of their Pre-Mongol or Mongol origin. The dinars have a well-established typological consistency, which has allowed to determine a relative chronology of their minting.

Keywords: archaeology, Juchid numismatics, Bolgar vilayet, 13th century, silver dinar, metrology.

REFERENCES

1. Bugarchev, A. I. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1. 43–51 (in Russian).
2. Bugarchev, A. I., Rudenko, K. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 64–78 (in Russian).
3. Bugarchev, A. I., Stepanov, O. V. 2015. In Mirgaleev, I. M. (ed.-in-chief). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)*. 5. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 16–21 (in Russian).
4. Likhachev, A. F. 1889. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Geographic Society)*. III. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 168–183 (in Russian).

The work was carried out within the framework of the Russian Foundation for Humanities grant No. 16-11-16015 “Study of the numismatic material of the Juchid state with the application of interdisciplinary methods of archaeological and material technologies”.

5. Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII-XV vv. (The Bulgaro-Tatar monetary system of the XII-XV cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Petrov P.N. 2010. In Mirgaleev I.M. (ed.). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)*. Kazan: "Fän" Publ., 121–149 (in Russian).
7. Reva, R. Yu., Trost'ianskii, O. V. 2013. In Mirgaleev, I. M. (ed.-in-chief). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics) 3*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 8–15 (in Russian).
8. Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
9. Fraehn, Ch. M. J. 1832. *Monety khanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoi Ordy, s monetami inykh mukhammedanskikh dinastii (The Coins of the Khans of Ulus Jochi or Golden Horde, and the Coins of other Muslim Dynasties)*. Saint Petersburg (in Russian).
10. Bugarchev, A. I. 2014. In Mirgaleev, I. M. (ed.-in-chief). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics) 5*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 5–15 (in Russian).

About the author:

Bugarchev Alexey I. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Статья поступила в номер 18.09.2017 г.

НОВЫЕ НАХОДКИ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2017 г. Д.Н. Маслюженко, М.М. Чореф

В статье рассматривается проблема существования денежного обращения на юге Западной Сибири в эпоху Золотой Орды. Для освещения вопроса вводится в научный оборот нумизматический материал, найденный на территории Курганской области местными жителями в 2010–2016 гг. Речь идет о дангах, бывших основными платежными средствами в государстве Джучидов. Был сделан вывод о пульсирующей активизации денежного обращения в регионе в изучаемую эпоху. Первый всплеск пришелся на период правления Узбека и Джанибека. Он был обусловлен политической и экономической стабильностью в Орде при этих государях. Второй фиксируется во второй половине XIV в. по обнаружению в регионе монет хана Мухаммеда, царствовавшего в Мамаевой орде. Полагаем, что он был обусловлен сохранением экономических связей, не прервавшихся в результате Великой Замятни. Позднейшие монеты в изучаемой подборке были выпущены при Улу-Мухаммеде и Деулет-Берди. Примечательно, что данг последнего из упомянутых ханов был пробит. Похоже, эта монета стала элементом мониста, что отражает процесс демонетизации, который наблюдался уже в XV в.

Ключевые слова: археология, нумизматика, Золотая Орда, Западная Сибирь, Шибаниды.

Одной из важнейших задач, стоящих перед современной нумизматикой, является выяснение состава и характер денежного обращения на периферии древних государств. Эта проблема актуальна не только для периода античности (Чореф, 2013, с. 191–215). Она весьма злободневна для средневековья и нового времени. Подчас монеты являются единственными источниками информации об исторических процессах, сведения о которых или отсутствуют в современных событиях текстах, или не могут быть убедительно уточнены в ходе археологических исследований (Алексеев, 2000, с. 174–177; Анохин, 1977, 1986, 1999, 2011; Карышковский, 1982, 1988; Рузанова, 1956, с. 197–208; Фролова, 1997а, 1997б; de Callataÿ, 1997, 2006). Особо актуальна эта проблема для слабоизучен-

ных до недавнего времени территорий, в т.ч. и для юга Западной Сибири. И уже не первое поколение ученых отдает должное изучению нумизматических артефактов, обнаруженных в этом регионе (Адамов, 2000; Адамов, 2015, с. 13–16; Аргентовский, 1912, с. 39–40; Бустанов, 2008, с. 162–166; Зайцев, 2004; Исхаков, 2006; Кызласов, 1992; Маслюженко, 2015, с. 292–298; Маслюженко, Татауров, 2015, с. 135–150; Нестеров, 1990, с. 29–30; Нестеров, 1994, с. 57–63; Нестеров, 2001, с. 274–279; Нестеров, 2007, с. 78–84; Пачкалов, 2011, с. 39–41; Рева, Казаров, Зайончковский, 2017, с. 198–211; Соболев, 1988, с. 54–57; Соболев, 1994; Федоров-Давылов, 2001; 2003; Чореф, 2015, с. 17–25; 2016, с. 100–101). Однако до сих пор не ясно, существовало ли в средневековье на ее территории денежное обращение или

нет. В связи с этим, считаем необходимым ввести в научный оборот описания золотоордынских серебряных монет, найденных в одном из регионов на юге Западной Сибири, то есть на территории Среднего Притоболья.

В первой четверти XIII века Среднее Притоболье, как и вся Юго-Западная Сибирь, стала частью Улуса Джучи Монгольской империи. После Западного похода монголов в 1241–1242 г. к западу от нее по Яику и его притокам были сформированы левобережья брата Бату Шибана (Абулгази, 1996, с. 104), заложившего основу для будущей правящей династии Шибанидов, последние представители которой (т.н. Кучумовичи) фиксируются на этой территории еще в 1660-х гг. К востоку от Тобола по Иртышу находились владения старшего из Джучидов Орды-Ичена (Абулгази, 1996, с. 104; Поло, 1997, с. 368–369). В правление хана Узбека область Сибирь оказалась под управлением назначаемых в Сарае судей (Аннинский, 1940, с.91). Таким образом, с исторической точки зрения, данная территория была неотъемлемой частью ордынского политического и экономического пространства, тем более важного, что через него проходил один из торговых путей, по которым перевозили сибирскую пушнину.

При этом вместе с Чингизидами здесь должны были появиться представители кочевых племен, отданные им в управление, что должно было изменить состав местного угорского населения, на основе которого в результате многообразных процессов тюркизации сформировались затем предки сибирских тюркоязычных народов (татар и башкир). Сложность исследуемого процесса заключается

в том, что мы не представляем себе, как этот процесс проходил и какое он имеет археологическое отражение. Вопрос существования и специфики археологических памятников золотоордынского времени лесостепной полосы Среднего Притоболья на данный момент не имеет однозначного ответа, в том числе и по той причине, что на протяжении предшествующих десятилетий исследователями не ставилась сама такая проблема, а следовательно, и не определялись маркеры памятников этого времени.

Опись серебряных монет:

1. Узбек (712–741 г. х., 1313–1341 гг.).

Л.с.: السلطان الاعظم اوزبك. Легенда вписана в линейный квадрат. Его следы лишь слегка просматриваются. Вокруг него следы надписи: خان ضرب (سرای سنة ۷۱۵).

О.с.: لا الله الا الله محمد رسول الله. Текст вписан в восьмиугольный картуш со скругленными углами.

Данг. Чекан Сарая. 715 г. х. (Сагдеева, 2005, № 199). Монета сильно изношена. Вес – 1,35 г, размеры: 1,4×1,55 см (рис. 1: 1). Найдена у с. Глядянского Притобольного района Курганской области.

2. Джанибек (741–758 г. х., 1342–1357 гг.).

Л.с.: السلطان العادل جاني بك خان. Надпись вписана в линейную и точечную окружности.

О.с.: ضرب سراي سنة (۷۴۹). Легенда обрамлена шестиугольным картушем. Вокруг него – линейная и точечная окружности.

Данг. Чекан Сарая Нового. 749 г. х. (Сагдеева, 2005, № 236). Вес – 1,39 г, размеры: 1,55×1,5 см (рис. 1: 2). Найдена в Куртамышском районе Курганской области.

3. Джанибек (741–758 гг. х., 1342–1357 гг.).

Л.с.: (٧٥١) *السلطان العادل جاني بك خان*. Надпись вписана в окружность в круг из точек.

О.с.: (٧) *ضرب في سراى سنة*. Надпись вписана в шестиугольный картуш, а также в линейную и точечную окружности.

Данг. Чекан Сарая Нового. 751 г. х. (Сагдеева, 2005, № 246). Вес – 1,38 г, размеры: 1,53×1,48 см (рис. 1: 3). Найдена у д. Предеина Кетовского района Курганской области.

4. Мухаммед (771–779 гг. х., 1370–1380 гг.).

Л.с.: (السلطان) *العادل محمد خان خلد ملكه*. По четырем сторонам размещались виньетки – сохранилась нижняя и левая. Кроме того, надпись вписана в окружность в круг из точек.

О.с.: *ضرب الاردو سنة*. Обрамление легенды такое же, как и на аверсе.

Данг. Чекан Орды. 772–775 гг. х. (Сагдеева, 2005, № 352). Монета хорошей сохранности. Вес – 1,427 г, размеры: 1,6×1,55 см (рис. 1: 4). Найдена у д. Редькино Белозерского района Курганской области.

5. Мухаммед (771–779 гг. х., 1370–1377 гг.).

Л.с.: (غياث الدنيا و الدين محمد خان خلد ملكه) *السلطان العادل*. По четырем сторонам размещались виньетки – сохранились нижняя. Кроме того, надпись вписана в окружность в круг из точек.

О.с.: *ضرب الملك الله اوردو سنة ٧٧٧*. Обрамление легенды такое же, как и на аверсе.

Данг. Чекан Орды. 777 г. х. (Сагдеева, 2005, № 353). Монета потерта. Вес – 1,435 г, размеры: 1,7×1,5 см (рис. 1: 5). Найдена у д. Редькино Белозерского района Курганской области.

6. Улу-Мухаммед (822–849 гг. х., 1419–1445 гг.).

Л.с.: *السلطان محمد خان الاعظم*. Обрамление не просматривается.

О.с.: *ضرب عال وى مغظم*. Текст вписан в точечную и линейную окружности.

Данг. Чекан Иль уй Муаззама (Сагдеева, 2005, № 578). Монета потерта. Вес – 0,7 г, размеры: 1,44×1,27 см (рис. 1: 6). Найдена у с. Максимово Далматовского района Курганской области. Монета без подробного описания была опубликована А.А. Адамовым (Адамов, 2015, с. 15).

7. Деулет-Берди (824–831 гг. х., 1421–1427 гг.).

Л.с.: *السلطان الاعظم دولت بردى خان*. Легенда вписана в окружность.

О.с.: *ضرب عال وى مغظم*. Легенда вписана в точечную и линейную окружности.

Данг. Чекан Иль уй Муаззама (Сагдеева, 2005, № 557). Монета пробита, погнута и сильно потерта. Вес – 0,79 г, размеры: 1,4×1,3 см (рис. 1: 7). Найдена у д. Мясниково Белозерского района Курганской области.

Все монеты, кроме № 6, ранее опубликованной А.А. Адамовым, были найдены при различных обстоятельствах местными жителями на протяжении 2010–2016 гг., а затем переданы в фонды учебно-исследовательской археологической лаборатории Курганского государственного университета, где и хранятся на данный момент. Некоторые из них без подробного описания были указаны в сводке А.В. Пачкалова (Пачкалов, 2011, с. 40, № 2–10). В большинстве случаев удалось установить точный район местонахождения и ближайший населенный пункт (Пачкалов, 2011,

Рис. 1. Серебряные монеты золотоордынского времени с территории Курганской области.

Fig. 1. Silver coins of the Golden Horde period from the territory of the Kurgan region.

с. 40, № 2–10). Следует отметить, что на «Археологической карте Курганской области» (Археологическая карта., 1993) в местах обнаружения нумизматических находок выявленные памятники археологии отсутствуют. Хотя вполне возможно, что монеты были утеряны на территории кочевий I. В любом случае визуальный осмотр некоторых из мест обнаружения не выявил следов каких-либо сооружений, а шурфовка их на данный момент не проводилась. При этом находки монет не коррелируются с местами

обнаружения бронзовых зеркал или предметов вооружения этого же времени (Маслюженко, Ханов, 2016, с. 69–76; Маслюженко, Рябинина, 2016, с. 318–321).

Обратим внимание на имеющиеся в историографии подходы к определению памятников ордынского времени в исследуемом регионе. В 1987 г., подводя итоги предшествующих трех десятилетий археологических раскопок, В.А. Могильников указывал, что к XIII в. могут быть отнесены памятники бакальской и юдинской культур, в том числе в ее позднем т.н. «макушинском» варианте. На протяжении XIII–XIV вв. угорские носители этих культур в результате притока тюркских кочевников подверглись процессу тюркизации, что привело либо к подвигам их потомков на север в таежную зону, либо к формированию на их основе различных групп сибирских татар (Финно-угры и балты, 1987, с. 176–177, 182–183). Г.Н. Гарустович выявил по Миассу и Исети

¹ О тривиальности таких случаев свидетельствует обнаружение в 1920-х гг. близ станции Астраханской тогдашней Уральской губернии сильно деформированного, но все же уверенно атрибутируемого штемпеля для оттискивания аверса реплик солидов Юстиниана I (527–565) (Моржерин, 2016, с. 592–597). В настоящее время этот артефакт хранится в Самарском областном музее краеведения (Книга поступлений Самарского музея краеведения 75064, ИНВ АРХ 31393).

группу могильников, которые по погребальному обряду были им соотносены с позднечелялинским этапом XIII–XIV вв., памятники которого близки к макушинским. Носителей этой культуры он также считал уграми, многие из которых были похоронены уже по мусульманскому канону (Гарустович, 2015, с. 182–183, 188–191).

Однако проведенные под руководством С.Г. Боталова работы по радиоуглеродному датированию, показали, что большинство памятников бакальской культуры относятся к периоду I–VI вв. н. э. с возможным доживанием до рубежа VII–VIII вв. (Археология Южного Урала, 2016, с. 47–57). Группа тюменских археологов под руководством Н.П. Матвеевой в целом также поддержала удревнение памятников бакальской культуры, хотя и указала, что на Коловском городище на Исети было два этапа его обживания бакальским населением – VI–VII вв. и IX – начало XI в. (Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008, с. 173). Тем самым отдельные группы бакальского населения гипотетически могли дожить до монгольского завоевания этой территории, но в целом их памятники относятся к более раннему времени, отчасти синхронизируясь с мажарскими древностями кушнарниковских коллективов. Сформировавшиеся еще в VII в. юдинские коллективы с IX века начинают играть все большую роль в исторических процессах на севере Среднего Притоболья (например, на Коловском городище их пребывание относится к началу XI–XIII в.) (Матвеева, Орлова, Рафикова, 2009, с. 145–146, 150). Скорее всего, именно представители юдинской культуры встречали войска Монгольской империи и потом вошли в состав Улуса

Джучи (Золотой Орды). Ситуация усложняется тем, что керамика, схожая по ряду признаков с бакальской, найдена при исследованиях Царева городища (Чимги-Тура), где соответствующий слой памятника датирован в рамках середины XI–XV в. (Матвеева, Орлова, Рафикова, 2009, с. 147). Возникает резонный вопрос о том, каким образом носители одной культуры сохраняли свои керамические традиции в условиях контактной лесостепной зоны и крайне сложной политической ситуации в прилегающих степях с IV по XV в.? К сожалению, в отличие от бакальских и юдинских древностей датировка памятников позднечелялинского этапа основана только на традиционных принципах типологии без проверки радиоуглеродным анализом.

Кроме того, сложность обсуждения хронологии усугубляется тем, что на памятниках этих культур в рассматриваемом регионе нет каких-либо артефактов, которые указывали бы на однозначную связь с синхронными золотоордынскими памятниками степной зоны. Краткое описание общей культурной ситуации и его соотношение с исторической ситуацией, ранее проведенное одним из авторов этой статьи (Д.Н. Маслюженко), ставит перед нами вопрос о том, каким было население владений Шибана и Шибанидов в Урало-Тобольском междуречье и прилегающей к нему западносибирской лесостепи, а также как выглядят оставленные им памятники. Не менее важно понять то, насколько пришедшие с Шибаном племена Центральной Азии и Южной Сибири (Костюков, 2010, с. 131–133) оказали влияние на изменение этнокультурного облика населения лесостепной зоны и последующее формирование

населения Тюменского и Сибирского ханств Шибанидов.

При этом большинство обсуждаемых памятников бакальской, юдинской культур и позднечелябикского этапа расположены по Исети и в северной части Среднего Притоболья. Это ставит перспективную задачу поиска объектов золотоордынского времени на юге исследуемого региона, ближе к границам степной зоны, что, в свою очередь, требует выявления очевидных маркеров. Именно здесь фиксируются монеты 1–5 из этой статьи, а также ранее опубликованные нами зеркала и предметы вооружения золотоордынского времени. Однако случайность обнаружения большинства известных нам артефактов не позволяет соотнести их с какими-либо памятниками археологии, даже при точной локализации находки в месте ее обнаружения может быть не выявлен культурный слой (возможно, это места кочевых стоянок) или же обнаруженные рядом с ней фрагменты керамики относятся к более раннему времени (многослойные памятники). По сути, на данный момент для исследуемой территории следует говорить о необходимости формирования маркеров археологических объектов золотоордынского времени, к которым могут относиться зеркала, предметы вооружения и представленные нумизматические находки, на основании которых потом могла бы быть проведена последующая работа по картографированию.

Как видим, объектом нашего изучения стала весьма интересная подборка золотоордынских серебряных монет. Во-первых, они разновременные. Причем все эти монеты, судя по потертости, находились в обраще-

нии довольно долго. Начнем с самой древней – с данга Узбека (рис. 1: 1). Он весьма сильно изношен. Однако есть все основания считать, что его продолжали использовать, несмотря на значительную потерю веса. Очевидно, что в нем видели не слиток металла требуемого веса, а монету – платежное средство. Основательно потерты и данги Джанибека (рис. 1: 2–3). Есть все основания считать, что они также использовались исключительно как платежные средства. Кроме вышесказанного учитываем и тот факт, что эти монеты не пробиты.

Основываясь на результатах исследования денежного дела Золотой Орды, проведенного А.Л. Пономаревым (Пономарев, 2012, с. 295–300), предполагаем, что данги Узбека и Джанибека поступили в исследуемый регион в период своего обращения в Поволжье в 1320–1360 гг., то есть во время правления упомянутых государей в регион завозили золотоордынские серебряные монеты. Об этом свидетельствует и факт обнаружения меди этих правителей². Очевидно, что в меди нуждались как в платежных средствах, что объясняется экономической и политической стабильностью в государстве Джучидов в тот период.

Не менее примечателен и факт обнаружения дангов хана Гийяс ад-Дин Мухаммеда (Туляка) (рис. 1: 4, 5), царствовавшего при поддержке темника Мамай (1361–1380) в годы Великой Замятни. Напомним, что он был номинальным государем Мамаевой орды. Его монеты из подборки довольно

² Авторы благодарят С.А. Закирова (г. Челябинск) за известные ему находки пулов Узбека и Джанибека (чекана Сарая и Сарая Нового) в исследуемом регионе.

хорошей сохранности, причем они также не пробиты. Следовательно, эти данги использовались исключительно в качестве платежных средств. Вполне возможно, что их берегли как полноценную монету. Сам факт их обнаружения в нашем регионе свидетельствует о существовании торговых связей между Западной Сибирью и Поволжьем в период их обращения в Мамаевой орде³.

Не менее красноречивы и позднейшие монеты из изучаемой подборки – данги Улу-Мухаммеда и Деулет-Берди (рис. 1: 6, 7). Эти монеты также весьма примечательны. Начнем с того, что их выпустили на монетном дворе Иль уй Муаззам. Принято считать, что он был расположен на гор. Каменный бугор близ Астрахани (Пигарёв, 2015, с. 14–18). Полагаем, что они предназначались для обращения в этом же регионе, так что поступление этих монет в исследуемый регион столь же значимо, как и дангов хана Ибрагима, опубликованных Ю.А. Аргентовским (Аргентовский, 1912, с. 39–40). О путях их следования в Южную Сибирь можно только предполагать. Допускаем, что они были привезены в результате торговых операций. Но в то же время не сбрасываем со счетов и вероятность того, что эти монеты стали частью добычи, захваченной в Поволжье. В любом случае они также весьма сильно потерты, что свидетельствует об их длительном использовании.

Однако эти монеты не служили исключительно платежными средствами. Дело в том, что данг Деулет-Берди (рис. 1: 7) пробит. Следовательно, эта монета в свое время выпала из

обращения и была использована для составления мониста. Вернее всего, ее владелец заключил, что она будет более ценна не как монета, а как украшение. Тем самым он констатировал факт снижения интереса местных жителей к дангам этого государя как к платежным средствам⁴.

Можно только рассуждать о дате этого события. Но мы все же рискнем предположить, что демонетизация данга Деулет-Берди произошла в результате снижения спроса на деньги в результате распада Золотой Орды. Находившиеся прежде в обращении монеты или выпали в сокровища, или были использованы как сырье для украшений. Выпуски же монет XV в., связанные с тюменскими ханами из династии Шибанидов, могли предназначаться не для насыщения обращения, а для раздач приближенным, и в конце концов для составления сокровищ.

Полагаем, что следует обратить внимание на следующее обстоятельство. В последней известной нам публикации Р.Ю. Ревы (Рева, 2017, с. 25–36) приведены сведения о находках серебряных монет Шибанидов XV в. Крайне примечательно то, что значительная их часть (данги узбекских ханов Махмуд-Хаджи и Махмуда, сына Хаджи-Мухаммада, чьи владения убедительно реконструируются именно на юге Западной Сибири) найдена только в Поволжье (Рева, 2017, с. 28, 33). Сведения же о местах обнаружения монет прочих Шибанидов XV в., правивших в том числе на юге Западной Сибири, в статье отсутствуют (Рева, 2017, с. 28, 33–35). Это обстоятельство не следует толковать

³ Основываемся на выводах А.Л. Пономарева (Пономарев, 2012, с. 295–300).

⁴ Хотя вполне возможно, что причиной тому стала ее изношенность.

как показатель активности торгового обмена. Ведь, по данным Р.Ю. Ревы, монеты Шибанидов XV в. степной и лесостепной части Юго-Западной Сибири не найдены (Рева, 2017, с. 28, 33–35). Собранный исследователем статистика как нельзя лучше убеждает нас либо в том, что сибирские подданные Шибанидов в тот период не нуждались в монетах собственных правителей как в средствах платежа⁵, либо в том, что узбекские и тюменские ханы Шибаниды реально рассматривали себя именно как степные правители, для которых юг Западной Сибири был кратковременным местом для летовок и сбора ясака.

Словом, у нас есть все основания настаивать на том, что в интересующем нас регионе в XV в. развитого денежного обращения уже не существовало. При этом мы не отрицаем возможности его восстановления в 1560–1570-е гг. в период правления в Искере братьев Ахмад-Гирея и Кучума, только в основу тогда легли уже среднеазиатские или русские денежные единицы, в том числе найденные в Искере (Адамов, 2015, с. 13–14). Однако на данный момент не ясно то, насколько подобные монеты имели хождение за пределами Искера как крупнейшего торгового центра Сибирского ханства, к тому же связанного с ханской династией.

Со временем выпадение из обращения дангов ордынского чекана становилось все более и более активным. Дело в том, что вследствие их износа они становились не пригодными для

использования в качестве обычных средств платежа. А сокровища было удобнее составлять не из изношенных дангов, а из привозной серебряной монеты, предпочтительно русской или среднеазиатского происхождения⁶. В этот период находящиеся в обращении данги должны были быть обрезаны для того, чтобы соответствовать стопам вновь задействованной монеты⁷. Однако наши данги не подверглись этой операции. Следовательно, они выпали из обращения значительно раньше.

Итак, в результате изучения небольшой подборки золотоордынских серебряных монет XIV–XV вв. мы выработали представление о времени и обстоятельствах их проникновения в регион. Полагаем, что сам факт обнаружения этих монет свидетельствует о пульсирующей активизации денежного обращения в регионе в золотоордынский период. Так, нам уда-

⁶ Планируем осветить этот вопрос в ближайшем будущем.

⁷ В связи с этим рекомендуем обратить внимание на статью А.И. Бугарчева и К.А. Руденко (Бугарчев, Руденко, 2013, с. 64–78). Важно то, что исследователям удалось выявить обрезанные подражания дангам Узбека и Джанибека (Бугарчев, Руденко, 2013, с. 66, № 60–62). Есть все основания полагать, что эти реплики были выпущены в обращение с целью его насыщения привычными платежными средствами. Обрезание же их было вызвано изменением монетной стопы. Таким образом, в результате анализа опубликованного исследователями материала появляется не только возможность проследить смену представлений об общепринятых платежных средствах в регионе, но и проследить историю их использования. Безусловно, эта методика будет весьма плодотворна и при изучении нумизматического материала из Западной Сибири.

⁵ К сожалению, этот очевидный, причем самый важный вывод, который можно было бы сделать в результате анализа публикуемого материала, исследователем был упущен.

лось выявить три пика. Первый пришелся на период стабильности в Орде при Узбеке и Джанибеке. Второй – на втор. пол. XIV в. Полагаем, что в тот период экономические связи между регионами Орды все же сохранялись. Позднейшие монеты в изучаемой подборке были выпущены при Улу-Мухаммеде и Деулет-Берди. Безусловно,

они также участвовали в денежном обращении. Однако данг последнего из упомянутых ханов был пробит. Так что у нас нет оснований сомневаться в его демонетизации. Полагаем, что это явление наблюдалось в XV в. в период существования Тюменского ханства. Выносим результаты нашего исследования на научное обсуждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамов А.А.* Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 95 с.
2. *Адамов А.А.* Новые данные о денежном обращении в Сибирском юрте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12(62). С. 13–16.
3. *Алексеев В.П.* Монеты царя Фарзоя из Тиры // *Stratum plus*. 2000. № 6. С. 174–177.
4. *Анохин В.А.* Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Сталос, 2011. 328 с.
5. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 184 с.
6. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.
7. *Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1989. 128 с.
8. *Аргентовский Ю.А.* Археологические находки в дюнах близ деревни Могилевой Кондинской волости Шадринского уезда // Записки Уральского Общества Любителей Естествознания. Т. XXXI. Вып. 1. Екатеринбург: Типография И. П. Романова, 1912. С. 39–40.
9. Археологическая карта Курганской области / Сост. Н.Б. Виноградов. Курган: Производственная группа по охране и использованию памятников, 1993. 348 с.
10. *Бугарчев А.И., Руденко К.А.* Нумизматические находки с селища Чакма (р.п. Лаишево, Республика Татарстан) // Поволжская археология. 2013. № 4(6). С. 64–78.
11. *Бустанов А.К.* К вопросу о денежном обращении в Сибирском улусе в XIV–XVI вв. // Труды V Международной нумизматической конференции: монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков (Волгоград, 18–23 сентября 2006) / Ред. П.Н. Петров. Москва: Нумизматическая Литература, 2008. С. 162–166.
12. *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. 303 с.
13. *Исхаков Д.М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
14. *Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. Киев: Наукова думка, 1988. 168 с.
15. *Карышковский П.О.* О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. В.П. Ванчугов, Г.А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1982. С. 66–82.
16. *Кызласов Л.Р.* Письменные известия о древних городах Сибири. Спецкурс. Москва: Московский университет, 1992. 136 с.

17. *Маслюженко Д.Н.* Выявление памятников золотоордынского времени на территории лесостепного Притоболья: постановка проблемы // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции (г. Челябинск, 28 сентября – 2 октября 2015 г.) / Ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. С. 292–298.

18. *Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А.* Клад XIII в. у с. Белый Яр Курганской области: состав и интерпретация // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Материалы всероссийской научной конференции (с международным участием). / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: УдГУ, 2016. С.318–321.

19. *Маслюженко Д.Н., Ханов С.А.* Зеркала монгольского и золотоордынского времени с территории лесостепного Притоболья // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (Курган, 8 декабря 2016 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Курганский государственный университет, 2016. С. 69–76.

20. *Моржерин К.Ю.* Бронзовый штемпель аверса солида Юстиниана I из Саратовского областного музея краеведения // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 8. Ред. М.М. Чореф. Севастополь, Тюмень, Нижневартовск: НВГУ, 2016. С. 592–598.

21. *Нестеров А.Г.* Монеты Ибрагим хана // Уральский следопыт. 1990. № 12. С. 29–30.

22. *Нестеров А.Г.* Монеты Сибирских Шейбанидов // II Берсовские чтения: материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–21 декабря 1994 г.) / Отв. ред. А.Г. Нестеров, Т.В. Авдеева, С.Н. Панина. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. С. 57–63.

23. *Нестеров А.Г.* Монеты Сибирских Шейбанидов // Диалог культур Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Изд-во ТГПИ, 2001. С. 274–279.

24. *Нестеров А.Г.* Тюменское ханство: Государство Сибирских Шейбанидов в XV в. // Уральское востоковедение: международный альманах. 2007. Вып. 2. Екатеринбург: Уральский университет. С. 78–84.,

25. *Пачкалов А.В.* Новые находки средневековых мусульманских монет в Сибири и на Урале // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы Международной конференции (Курган, 22–23 апреля 2011 г.) / Ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: КГУ, 2011. С. 39–41.

26. *Пигарёв Е.М.* Археологические исследования Каменного бугра в 2014 г. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2(43). С. 14–18.

27. *Пономарев А.Л.* Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. Москва: МГУ, 2012. 672 с.

28. *Рева Р.Ю.* Шибанидские ханы и их монеты // История, экономика и культура средневековых тюркско-татарских государств Западной Сибири: материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции (г. Курган, 21–22 апреля 2017 года) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Курганский государственный университет, 2017. С. 25–36.

29. *Рева Р.Ю., Казаров А.А., Зайончковский Ю.В.* Монеты хана Ибрахима // Материалы и исследования отдела нумизматики / Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXXI / Научный редактор: К.В. Кравцов. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2017. С. 198–211.

30. *Рузанова Н.П.* Монеты царя Фардзоя // МИА. № 50. М.; Л.: Академия наук СССР, 1956. С. 197–208.

31. Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. Каталог-определитель. М.: Горячая линия – Телеком, 2005. 80 с.
32. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск. 1994. 50 с.
33. Соболев В.И. Раннесредневековые города татарского населения Западной Сибири // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи: межвузовский сборник научных трудов. / Ред. Е.И. Соловьева. Новосибирск: НГПУ, 1988. С. 54–57.
34. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М.: МГУ, 2001. 254 с.
35. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.) Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н. э. – 210/211 гг. н. э. Москва: Эдиториал УРСС, 1997а. 448 с.
36. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.) Ч. II. Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н. э. Москва: Эдиториал УРСС, 1997б. 536 с.
37. Чореф М.М. К вопросу о наличии денежного обращения в Сибирском ханстве // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы. Ч. V. / Отв. ред. Л.В. Алексеева. Нижневартовск: НВГУ, 2015. С. 17–25.
38. Чореф М.М. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства // Stratum plus. 2013. № 4. С. 191–215.
39. Чореф М.М. К вопросу о характере обращения медной монеты в Западной Сибири в ордынский период // Ab origine: археолого-этнографический сборник / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Вып. 8. Тюмень: ТГУ, 2016. С. 97–104.
40. Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Баку, 1996. С. 3–186.
41. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 71–112.
42. Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза) / Серия «Этногенез уральских народов» Челябинск: ООО ЦИКР Рифей, 2016. 586 с.
43. Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–198.
44. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Фэн, 2010. 200 с.
45. Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.
46. Матвеева Н.П., Орлова Л.А., Рафикова Т.Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // РА. 2009. № 1. С. 140–151.
47. Путешествия в Восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 192–380.
48. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
49. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 511 с.
50. De Callataÿ F. Coins and Archaeology: the (Mis)use of Mithridatic Coins for Chronological Purposes in the Bosporan Area. In: V. Stolba, L. Hannestad eds.: BSS 3. Chronologies of the Black Sea Area in the Period C. 400–100 BC. Aarhus: Aarhus University Press, 2006, p. 119–136.
51. De Callataÿ F. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies // Publications d'Histoire de l'Art et d'Archéologie de l'Université Catholique de Louvan

XCVIII. Numismatica Lovaniensia 18. Louvain-la-Neuve: Département d'Archéologie et d'Histoire de l'Art; Séminaire de numismatique Marcel Hoc, 1997, 481 p. + 54 pl.

Информация об авторах:

Маслюженко Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Курганский государственный университет (г. Курган, Россия); denmas13@yandex.ru

Чорев Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Нижневартковский государственный университет (г. Нижневартовск, Россия); choref@yandex.ru

NEW SILVER PLATED COINS OF THE GOLDEN HORDE PERIOD DISCOVERED IN THE KURGAN REGION

D.N. Maslyuzhenko, M.M. Choref

The article considers the issue of the existence of monetary circulation in the southern part of Western Siberia in the Golden Horde period. In order to address the issue, the authors introduced into scientific discourse the numismatic material discovered in the Kurgan region by local residents in 2010–2016. It consisted of dangas which represented the primary means of payment in the Juchid state. A conclusion was made concerning the pulsating activity of monetary circulation in the region during the period in question. The first peak of activity occurred during the rule of Uzbek and Janibek. It was accounted for by the political and economic stability in the Horde during the reign of the leaders. The second peak took place in the second half of 14th century, which was determined on the basis of coins minted by khan Muhammad who reigned in the period of the Mamai Horde, discovered in the region. According to the authors, it was due to the preservation of economic relations which did not terminate as a result of the Great Troubles. The latest coins in the studied compilation were issues during the reign of Ulugh Muhammad and Dawlat Berdi. It should be noted that the dang minted by the last of the aforesaid khans was punctured. The authors suggest that this coin became an element of a pendant, which reflects the demonetization process observed as early as in 15th century.

Keywords: archaeology, numismatics, Golden Horde, Western Siberia, Shibanids.

REFERENCES

1. Adamov, A. A. 2000. *Arkheologicheskie pamiatniki goroda Tobol'ska i ego okrestnostei (Archaeological Monuments of Tobolsk and its Neighbouring Area)*. Tobol'sk; Omsk: Omsk State Pedagogical University (in Russian).
2. Adamov, A. A. 2015. In *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki (Historical, philosophical and law sciences and study of art. Theory and practice issues)* 62 (12), 13–16 (in Russian).
3. Alekseev, V. P. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 174–177 (in Russian).
4. Anokhin, V. A. 2011. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Coins from the Northern Pontic)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).
5. Anokhin, V. A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Coinage of Bosporus)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
6. Anokhin, V. A. 1977. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.) (Coinage of Chersonesos (4th century B.C. – 12th century A.D.))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 1977. 176 s.
7. Anokhin, V. A. 1989. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Coins from the Ancient Towns of the North-Western Pontic)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

8. Argentovskii, Yu. A. 1912. In *Zapiski Ural'skogo Obshchestva Liubitelei Estestvoznaniia (Notes of the Urals Society of Devotees of Natural Science)* 31 (1). Ekaterinburg: "I. P. Romanov" Publ., 39–40 (in Russian).
9. In Vinogradov, N. B. 1993. *Arkheologicheskaia karta Kurganskoi oblasti (Archaeological Map of the Kurgan Region)*. Kurgan: Production Group for the Protection and Use of Monuments (in Russian).
10. Bugarchev, A. I., Rudenko K. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 6 (4), 64–78 (in Russian).
11. Bustanov, A. K. 2008. In Petrov, P. N. (ed.). *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII–XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th–15th Centuries)*. Moscow: "Numizmaticheskaia literatura" Publ., 162–166 (in Russian).
12. Zaitsev, I. V. 2004. *Astrakhanskoe khanstvo (Astrakhan Khanate)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
13. Iskhakov, D. M. 2006. *Vvedenie v istoriiu Sibirskogo khanstva. Ocherki (Introduction to the History of Siberian Khanate. Essays)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
14. Karyshkovskii, P. O. 1988. *Monety Ol'vii (Coins of Olbia)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
15. Karyshkovsky, P.O. In Vanchugov, V.P., Dzis-Rajko, G.A. (ed.). *Arkheologicheskiye pamyatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Archaeological monuments of the North-Western Pontic)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 66–82 (in Russian).
16. Kyzlasov, L. R. 1992. *Pis'mennye izvestiia o drevnikh gorodakh Sibiri. Spetskurs. (Written Reports on the Ancient Towns of Siberia. Specialized course)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
17. Masliuzhenko, D. N. 2015. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale: materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Cheliabinsk, 28 sentiabria – 2 oktiabria 2015 g.) (Ethnic Interactions in the Southern Urals: Materials of the 6th All-Russian Scientific Conference (Chelyabinsk, September 28th - October 2nd, 2015))*. Cheliabinsk: Cheliabinsk Museum of Local Lore, 292–298 (in Russian).
18. Masliuzhenko, D. N., Riabinina, E. A. 2016. In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot perykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniuu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie). Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) (Archaeological Heritage of the Urals: since the First Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge (20th Urals Archaeological Meeting). Materials of the All-Russian Scientific Conference (with International Participation))*. Izhevsk: Udmurt State University, 318–321 (in Russian).
19. Masliuzhenko, D.N., Khanov, S.A. 2016. In Masliuzhenko, D. N. (ed.). *Arkheologiiia Srednego Pritobol'ia i sopredel'nykh territorii. Materialy mezhregional'nogo kruglogo stola, posviashchennogo 50-letiiu Kurganskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Kurgan, 8 dekabria 2016 g.) (Archaeology of the Middle Tobol Region and the Neighbouring Territories. Materials of an Interregional Round Table dedicated to the 50th Anniversary of Kurgan Archaeological Expedition (Kurgan, December 8th, 2016))*. Kurgan: Kurgan State University, 69–76 (in Russian).
20. Morzherin, K. Yu. 2016. In Choref, M. M. (ed.). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Crimea)* 8. Sevastopol; Tyumen, Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University, 592–598 (in Russian).
21. Nesterov A.G. 1990. In *Ural'skiy sledopyt (Uralsky Sledopyt)* (12), 29–30 (in Russian).
22. Nesterov, A. G. 1994. In Nesterov A.G., Avdeeva, T. V., Panina, S. N. (eds.). *II Bersovskie chteniia: materialy nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 19–21 dekabria 1994 g.) (2nd Bers Readings: Proceedings of the Scientific Conference (Ekaterinburg, December 19th –21st, 1994))*. Ekaterinburg: "Bank kul'turnoi informatsii" Publ., 57–63 (in Russian).
23. Nesterov, A. G. 2001. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii: Voprosy srednevekovoi istorii i arkheologii. Izuchenie i sokhranenie istoriko-kul'turnogo nasledia (Dialogue of Eurasian*

Cultures. Issues of Medieval History and Archaeology. Study and Conservation of the Historical and Cultural Heritage) 2. Kazan: Tatar State Institute for Humanities, 274–279 (in Russian).

24. Nesterov, A. G. 2007. In *Ural'skoe vostokovedenie: mezhdunarodnyi al'manakh (Ural Oriental Studies: International Almanac)* 2. Ekaterinburg: Ural University. 78–84 (in Russian).

25. Pachkalov, A. V. 2011. In Masliuzhenko, D. N., Tataurov, S. F. (eds.). *Istoriia, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tiurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii (Kurgan, 22–23 aprelia 2011 g.) (History, Economy and Culture of Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia: Materials of the International Conference (Kurgan, April 22nd–23rd, 2011))*. Kurgan: Kurgan State University, 39–41 (in Russian).

26. Pigarev, E. M. 2015. In *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura (The Caspian Region: politics, economics, culture)* 43 (2), 14–18

27. Ponomarev, A. L. 2012. *Evolutsiia denezhnykh sistem Prichernomor'ia i Balkan v XIII–XV vv. (The evolution of monetary systems in Pontic and the Balkans during 13–15 centuries)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

28. Reva, R. Iu. 2017. In Masliuzhenko, D. N., Tataurov, S. F. (eds.). *Istoriia, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tiurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoi Sibiri: materialy III Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii (g. Kurgan, 21–22 aprelia 2017 goda) (History, Economy and Culture of Medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia: Materials of the 3rd All-Russian (with International Participation) Scientific Conference (Kurgan, April 21st–22nd, 2017))*. Kurgan: Kurgan State University, 25–36 (in Russian).

29. Reva, R. Iu., Kazarov, A. A., Zaionchkovskii, Iu. V. 2017. In Kravtsov, K. V. (ed.). *Materialy i issledovaniia otdela numizmatiki (Materials and Studies of the Numismatics Department)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum) 81. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 198–211 (in Russian).

30. Ruzanova, N. P. 1956. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in Archaeology of the USSR)* (50). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 197–208 (in Russian).

31. Sagdeeva, R. Z. 2005. *Serebrianye monety khanov Zolotoi Ordy. Katalog-opredelitel'. (Silver Coins of the Golden Horde Khans. Catalogue Search Guide)*. Moscow: “Goriachaia liniia – Telekom” Publ. (in Russian).

32. Sobolev, V. I. 2008. *Istoriia sibirskikh khanstv (po arkheologicheskim materialam) (History of Siberian Khanates (by archaeological data))*. Doct. Diss. Thesis. Novosibirsk (in Russian).

33. Sobolev, V.I. 1988. In Solov'eva, E.I. (ed). *Gorod i derevnia Sibiri dosovetskogo perioda v ikh vzaimosviazi: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov (The Town and Village of Siberia in the Pre-Soviet Period and their Interrelations: Interuniversity Collection of Scientific Works)*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 54–57 (in Russian).

34. Fyodorov-Davydov, G. A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia: keramika, trgovlia, byt (Golden Horde Towns in the Volga Area: Pottery, Trade, Everyday Life)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

35. Frolova, N. A. 1997. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.) Ch. I. Monetnoe delo Bospora 49/48 gg. do n.e. – 210/211 gg. n.e. (Coinage of Bosporus (mid-1st century B.C. - mid-4th century A.D.) 1. Coinage of Bosporus in 49/48 B.C. - 210/211 A.D.)*. Moscow: Editorial URSS Publ. (in Russian).

36. Frolova, N. A. 1997. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.) Ch. II. Monetnoe delo Bospora 211 – 341/342 gg. n.e. (Coinage of Bosporus (mid-1st century B.C. - mid-4th century A.D.) 2. Монетное дело Боспора 211–341/342 г. н. э.) 2*. Moscow: Editorial URSS Publ. (in Russian).

37. Choref, M. M. 2015. In Alekseeva, L. V. (ed). *Piat' stoletii Iugry: problemy i resheniia, itogi i perspektivy (Five Centuries of Yugra: Issues and Solutions, Results and Prospects)* 5. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University, 17–25 (in Russian).

38. Choref, M. M. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 191–215 (in Russian).

39. Choref, M.M. 2016. In Matveeva, N. P. (ed). *Ab origine: arkeologo-etnograficheskiy sbornik (Ab origine: Archaeological and Ethnographic Collection)* 8. Tyumen: Tyumen State University, 97–104 (in Russian).
40. Abul'-Gazi-Bakhadur-khan. 1996. *Rodoslovnnoe drevo tiurkov. Iakinf. Istoriia pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova. Len-Pul' Stenli. Musul'manskie dinastii (Family Tree of the Turks. Hyacinth. History of the First Four Khans of the Genghis House. Lane-Poole Stanley. Muslim Dynasties)*. Moscow; Tashkent; Baku, 3–186 (in Russian).
41. Anninskii, S. A. 1940. In *Istoricheskii arkhiv (Historical Archive)* 3. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 71–112 (in Russian).
42. *Arkheologiya Iuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza) (Archaeology of the Southern Urals. Forest, forest-steppe (problems of cultural genesis))*. 2016. Series: Etnogenez ural'skikh narodov (Ethnogenesis of the Ural peoples). Chelyabinsk: LLC Centre of Historical-Cultural Reconstructions «Riphean» (in Russian).
43. Garustovich, G. N. 2015. In *Ufimskii arkeologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 15. 181–198 (in Russian).
44. Kostiuikov, V. P. 2010. *Ulus Shibana Zolotoi Ordya v XIII–XIV vv. (Shibana Ulus of the Golden Horde in 13th–14th centuries)*. Kazan: “Fen” Publ. (in Russian).
45. Matveeva, N. P., Berlina, S. V., Rafikova, T. N. 2008. *Kolovskoe gorodishche (Kolovskoye fortified settlement)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
46. Matveeva, N. P., Orlova, L. A., Rafikova, T. N. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 140–151 (in Russian).
47. *Puteshestviya v Vostochnye strany (Journeys to Oriental Countries)*. 1997. Moscow: “Mysl”, 192–380 (in Russian).
48. Fyodorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordya (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: “Paleograf” Publ. (in Russian).
49. In Sedov, V. V. (ed.). 1987. *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR, 17. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
50. De Callatay, F. 2006. In Stolba, V., Hannestad, L. BSS 3. *Chronologies of the Black Sea Area in the Period C. 400–100 BC*. Aarhus: Aarhus University Press, 119–136.
51. De Callatay, F. 1997. *Publications d'Histoire de l'Art et d'Archéologie de l'Université Catholique de Louvain XCVIII. Numismatica Lovaniensia 18*. Louvain-la-Neuve: Département d'Archéologie et d'Histoire de l'Art; Séminaire de numismatique Marcel Hoc.

About the authors:

Maslyuzhenko Denis N. Candidate of Historical Sciences, Kurgan State University, Sovetskaja str., 63, b. 4, Kurgan, 640669, Russian Federation; denmas13@yandex.ru

Choref Mikhail M. Candidate of Historical Sciences, Nizhneartovsk State University, Lenina Str., 56, Nizhneartovsk, 628605, Russian Federation; choref@yandex.ru

Статья поступила в номер 13.09.2017 г.

УДК 903.24

<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.190.207>

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ДАТИРОВКЕ ГРУППЫ ОДЕЖНЫХ ЗАСТЕЖЕК С ТЕРРИТОРИИ ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2017 г. С.С. Рябцева, Л.В. Дергачева

В статье рассматривается группа нашивок из цветных металлов, найденных на территории Пруто-Днестровского региона. В результате анализа ряда аналогий авторы пришли к заключению, что данные изделия являются парными одежными застегками. Среди рассмотренной группы аналогий выделяются находки из Кавказского региона, где сходные застегки существовали длительный период. Кафтанчики с парными застегками являются одной из отличительных черт девичьего, а в ряде случаев и женского этнографического костюма. Кафтанчики с такими застегками носились поверх платья или под ним. По форме рассмотренные нами образцы наиболее близки к характерным застегкам, представленным в ногайском женском костюме. Авторы датируют рассматриваемую группу изделий в пределах XVI–XVIII вв. и соотносят ее с древностями ногайцев Причерноморского и Буджакского регионов.

Ключевые слова: археология, Пруто-Днестровский регион, Кавказ, ногайцы, нашивки, женский костюм, кафтан..

Поводом для написания данной работы послужил тот факт, что в недавнее время мы смогли ознакомиться с серией металлических предметов, хранящихся в частных собраниях города Кишинева. Среди разрозненных деталей украшения одежды мы выделили подборку из одиннадцати однотипных удлиненных накладок. Часть из этих предметов происходит из окрестностей села Еникиой/Enichioi, Кантемирского района Республики Молдова.

Все изделия сходной удлиненной формы, но разного размера и отличаются декором (рис. 1). Основная часть предметов пришивалась к основе сквозь небольшие отверстия (рис. 1: 2–11), лишь одно имеет с оборотной стороны остатки двух напаянных петель (рис. 1: 1). Все накладки литые, присутствуют экземпляры из серебра, оловянистой бронзы и медного

сплава. Часть из них снабжена выступающими петельками с отверстиями, близкими к полукругу. Другие – выступающими выпуклыми полыми «головками». Противоположные стороны нашивок заострены, иногда они просто оформлены в виде выступа, иногда имеют изящные волнистые очертания, в одном случае выступ напоминает «рыбий хвост». Декор поверхности также достаточно разнообразен. Выделяются предметы, украшенные треугольниками ложной зерни (рис. 1: 7–8), прорезным орнаментом (рис. 1: 2–4, 10), обрамленные по краю углубленным зубчатым бордюром (рис. 1: 5, 9, 11), украшенные растительным узором (рис. 1: 1) или без каких-либо элементов – практически гладкие (рис. 1, 6).

Первоначально назначение данных предметов было для нас не ясным. Однако постоянно повторяю-

Рис. 1. Нашивки с территории Пруто-Днестровского междуречья (фото авторов).

Fig. 1. Patches from the territory of the Prut-Dniester interfluvium (photographed by the authors).

щаяся на части рассматриваемых нами изделий такая деталь, как петля, заставило нас прийти к выводу, что мы имеем дело со своеобразными застежками, а «головки» – это разновидность крючков. Это значит, что в первоначальном виде наши нашивки-накладки должны были быть парными. Но не один комплект не сохранился полностью. Предварительные выводы по назначению этой группы вещей уже приведены нами в первой разработке по этой теме (Рябцева, Дергачева, 2015, с. 190–208). Но к настоящему времени нам стали известны новые аналогичные материалы, и мы можем сделать более уверенные выводы по поводу датировки и этнокультурной принадлежности подобных застежек¹. Весьма близ-

кие по форме застежки происходят с территории Украины (к сожалению, тоже без четкого места находки) (рис. 2). Среди них выделяется ажурное изделие со сложным контуром, напоминающее дерево. Выступ-крючок у этой половинки застежки почти плоский (рис. 2: 13).

Отсутствие у рассматриваемых нами находок с территории Республики Молдова и аналогичных из Украины каких-либо хронологических или культурных привязок заставляет нас обратиться к поискам аналогий из других регионов. Среди изделий близкой конструкции мы рассматриваем только те, у которых крючок и петля являются составными частями накладок, то есть отлиты с ними совместно. При этом форма самих накладок и ха-

¹ Выражаем искреннюю благодарность В. Прокопенко (НАНУ, Киев) за

консультации и помощь в подборе литературы.

Рис. 2. Нашивки с территории Украины (подборка авторов из различных источников, доступных на: <http://www.reviewdetector.ru/lofiversion/index.php?t454722.html> и <http://forum.violity.com/viewtopic.php?t=908165&>).

Fig. 2. Patches from the territory of Ukraine (items selected by the authors from various sources available at: <http://www.reviewdetector.ru/lofiversion/index.php?t454722.html> and <http://forum.violity.com/viewtopic.php?t=908165&>).

рактир устройства застёжек оказались достаточно разными. Оговоримся, что нам все же удалось найти очень близкие аналогии. Правда, основной ареал их распространения оказался достаточно удаленным и от Молдовы, и от Украины.

Но сначала несколько слов о бытовании типа застёжек с подобным оформлением крючка и петли. Поиски аналогий и прототипов находкам с территории Пруто-Днестровского региона, на наш взгляд, необходимо было начинать, прежде всего, на востоке. Действительно, сходные застёжки представлены в древностях кимаков и кипчаков Западной Сибири. Например, изделие с подобной схемой застёжки найдено в захоронении № 3 кургана, раскопанного в урочище Басандайка Томской области (Гриневич, 1948, с. 5–50, табл. 33) (рис. 3: 2). В данном случае накладки парные,

имеют овально-листовидную форму, на одной расположена удлиненная застёжка, на другой – щелевидная прорезь.

Если застёжка из Басандайки могла быть как поясной, так и одежной, то небольшая группа изделий с парными ромбическими накладками и вынесенными вперед крючком и петлей, скорее всего, была предназначена именно для соединения пол одежды. Три пары подобных застёжек были найдены в кургане Гульбище в Чернигове. Они происходят из богатого мужского дружинного захоронения, совершенного по обряду кремации, относящегося к середине X века (рис. 4: 1; 5: 1–3). Ромбические пластинки парных застёжек декорированы рапортом из четырех криновидных композиций. Петля круглой формы, крючок с достаточно сильным изгибом застегивается на лицевую сто-

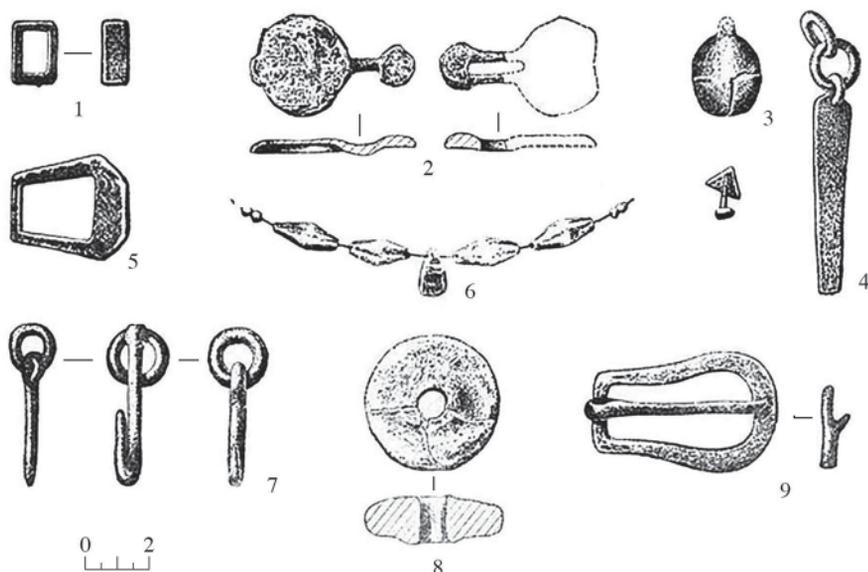

Рис. 3. Материалы из погребения № 3 кургана у с. Басандайка, Томская область, Россия (по Гриневич, 1948). Масштабы разные.

Fig. 3. Materials from burial No. 3 of a barrow near Basandaika village, Tomsk region, Russian Federation (after Grinevich, 1948). The scale of the images is different.

рону (Рыбаков, 1949, с. 7–99; Меч и златник, 2012, с. 102–107).

Сходные застежки известны с территории Венгрии из Компоц (Балинт, 1988, с. 88–101, № 18). Но в отличие от находки из Гульбища, пластинки декорированы одной розеткой, размещенной в центре (рис. 4: 9–10). Петля застежки двойная, восьмеркообразная. Кроме того, сходные ромбовидные пластинки (но без крючков), известные из венгерских захоронений, декорировали одеяния, в том числе одежду типа кафтана (Fodor, Napák, Seleanu et al., 1996, p. 115, fig. 6; 143, fig. 2; 210, 300, fig. 2) (рис. 5: 7–8). Необходимо отметить, что пластинки подобной ромбовидной формы применялись и для застегивания сумок-ташек и поясных кошель (Меч и златник, 2012, с. 100; Fodor, Napák, Seleanu et al., 1996, p. 139, fig. 6; 207,

fig. 1). Но в таких случаях использовалась одна пластинка, через которую продевался ремешок (рис. 4: 17). В погребении № 149 Танкеевского могильника были обнаружены остатки сумочки с парными застежками, правда, не с ромбовидными, а с подтреугольными пластинками. Система их застегивания такая же, как на венгерской и украинской находках (Erdélyi, 1977) (рис. 4: 16).

Вышеописанные находки схожи по конструкции с прекрасными ажурными парными застежками, датированными предположительно X–XII вв. и происходящими из Змейского могильника на Кавказе (Габуев, 2005, с. 73). Пластинки круглые, с прорезным декоративным орнаментом. У двух застежек на обеих половинках изображены птицы (вероятно, павлины) с распущенными хвостами

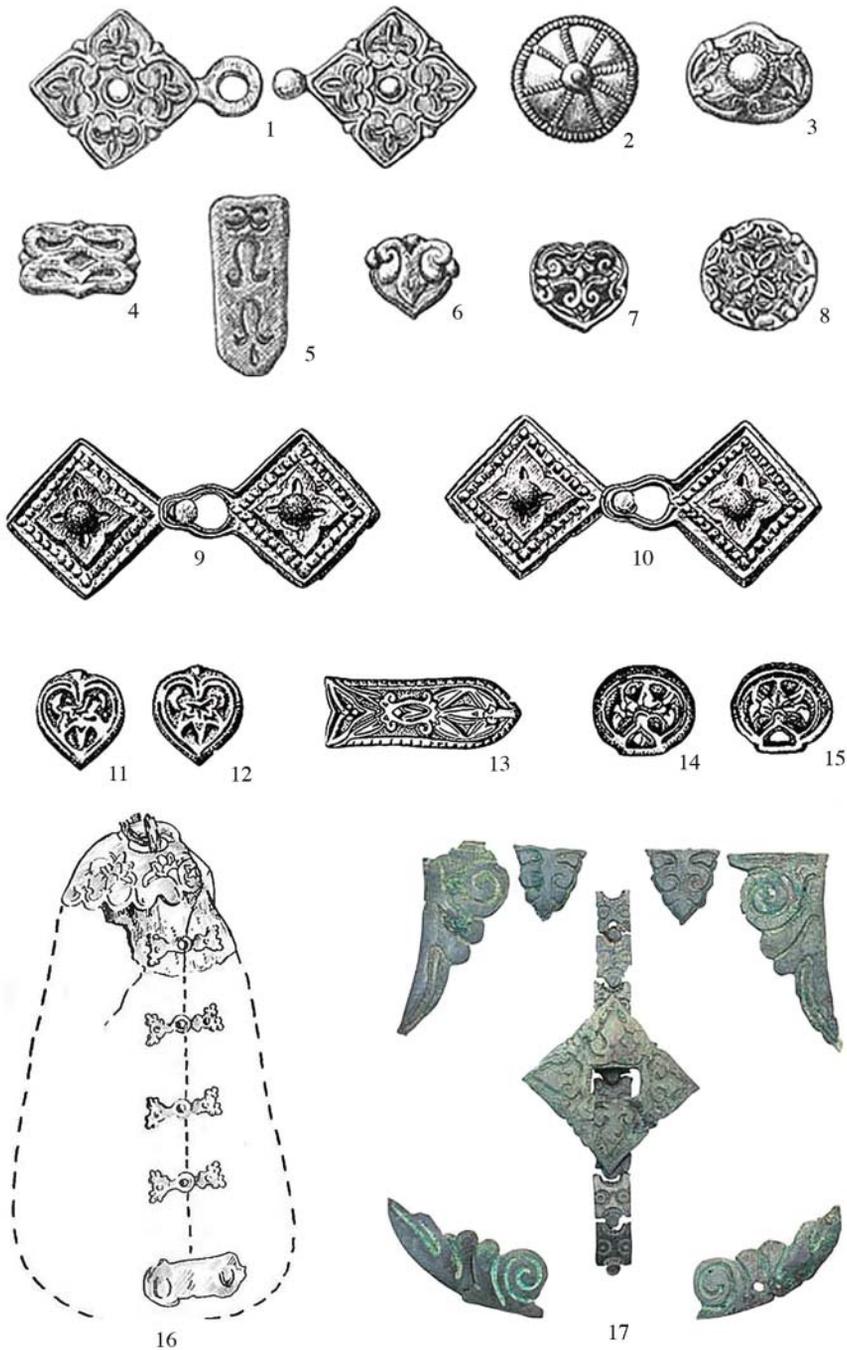

Рис. 4. Материалы из памятников: 1–8 – курган Гульбище в Чернигове, Украина (по Рыбаков, 1949); 9–15 – могильник Компоц, Венгрия (по Балинт, 1988); 16 – Танкеевский могильник, Россия (по Erdélyi, 1977); 17 – Шестовицкие курганы, Украина (по Меч и златник, 2012). Масштабы разные.

Fig. 4. Materials from: 1–8 – Gulbishche barrow in Chernigov, Ukraine (after Rybakov, 1949), 9–15 – Kompots burial mound, Hungary (after Balint, 1988), 16 – Tankeyevka burial ground, Russian Federation (after Erdélyi, 1977), 17 – Shestovitsky barrows, Ukraine (after Sword and zlatnik, 2012). The images are differently scaled.

Рис. 5. Застежки и накладки: 1–3 – курган Гульбище в Чернигове, Украина (по Меч и златник, 2012); 4–6 – Змейский могильник, Россия (по Габуев, 2005); 7 – могильник Надътеремия и 8–9 – могильник Нагкору, Венгрия (по Fodor, Napák, Seleanu et al., 1996). Масштабы разные.

Fig. 5. Clasps and overlays from: 1–3 – Gulbishche barrow in Chernigov, Ukraine (after Sword and zlatnik, 2012), 4–6 – Zmeisky burial ground, Russian Federation (after Gabuev, 2005), 7 – Nadteremiya burial ground, and 8–9 – Nagkoru burial ground, Hungary (after Fodor, Napák, Seleanu et al., 1996). The images are differently scaled.

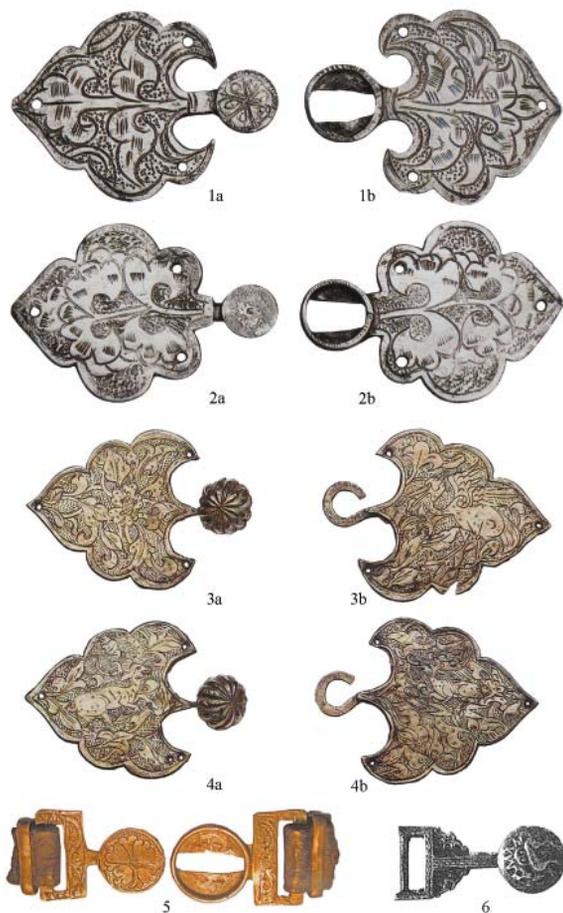
(рис. 5: 4–5). Третья отличается тем, что на одной половинке такое же изображение птицы, а вторая – декорирована плетеночным растительно-геометрическим орнаментом (рис. 5: 6). Крючки небольшие, вставляются в маленькие круглые петельки.

Сходный вариант застежек распространен и в ордынское время. Пара изящных серебряных одежных застежек с листовидными пластинками, декорированными гравированным криновидным орнаментом на прочеканенном фоне, была найдена в составе Нейзацкогоклада XIV века в Крыму. Система застегивания двух половинок состоит из пло-

ской «головки» на одной и круглого приемника с щелевидной прорезью на другой. Для нашивания изделия на ткань использовались круглые отверстия, пробитые у краев листовидных пластин (Сокровища Золотой Орды, 2000, кат. 302–303; Подарок созерцающим, 2015, с. 334, кат. 168) (рис. 6: 1–4). Целая серия подобных серебряных позолоченных одежных застежек хранится в Фонде Марджани в Москве (Подарок созерцающим, 2015, с. 335, кат. 169). В данном случае представлена несколько иная система соединения половинок застежки: «головка» в виде объемной ложчатой розетки, приемник – крючка (рис. 6:

Рис. 6. Одежные и поясные застежки: 1–2 – Нейзацкий клад, Крым; 3–4 – коллекция Фонда Марджани, Москва (по Подарок созерцающим, 2015); 5 – Увек (по Юрченко, 2013); 6 – Белореченские курганы (по Крамаровский, 2001). Масштабы разные.

Fig. 6. Clothing and belt clasps: 1–2 – Neizatsky hoard, Crimea, Russian Federation, 3–4 – collection of the Mardjani Foundation, Tatarstan, Russian Federation (after Gift to the Contemplatives, 2015), 5 – Uvek, Russian Federation (after Yurchenko, 2013), 6 – Belorechensky burial mounds, Russian Federation (after Kramarovsky, 2001). The images are differently scaled.

5–6). Пластинки декорированы изящными гравированными изображениями птиц, зверей и растительных побегов. Фон проработан чеканами. По мнению М.Г. Крамаровского, подобные изображения животных на фоне цветущей природы являются одними из характерных черт золотоордынской торевтики (Крамаровский, 2001, с. 50).

Целый ряд золотоордынских пряжек, также как и одежные застежки из Нейзаца, фиксируются при помощи круглого язычка на одной пластине и приемника с прорезью на второй (рис. 6: 7–9). Подобные пряжки были выделены Г.А. Федоровым-Давыдовым в «особый тип», их находят как в кочевнических захоронениях, так и

в материалах золотоордынского Увека (Федоров-Давыдов, 1966, с. 47, рис. 8: 1–2; Юрченко, 2013, рис. 94) (рис. 6: 7–8). Две пряжки с таким типом застежки были найдены в Белгородо-Днестровском и также относятся, по всей видимости, к золотоордынскому времени (Біляева, 2012, с. 190, рис. 39; Богуславский, 2013, табл. 27). Этим же периодом могут быть датированы две половинки таких же застежек, найденных в погребении № 47 Белореченских курганов на Северном Кавказе (рис. 6: 9). Круглые язычки пряжек декорированы сюжетом «лев и солнце», популярным в Орде с середины XIV века (Крамаровский, 2001, с. 265).

Наиболее близкие к рассматриваемой подборке с территории Республики Молдова застежки представлены на Кавказе, где традиция изготовления таких изделий имеет весьма длительную историю. В этом регионе они становятся отличительной чертой женского этнографического костюма. Подобные детали декорировки женской одежды найдены в целом ряде могильников Кавказского региона XVI–XIX вв. (рис. 7: 1–16). При этом образцы XVI–XVIII вв. отличаются миниатюрными размерами (до 3,5 см в длину) (Мизиев, 1981, с. 74; Тменов, 1986, с. 142–153). Например, в погребении № 45 могильника Карт-Джурт, было найдено сорок восемь пар застежек (Биджиев, 1979, с. 10, рис. 4). Они небольшие (3 см) выполнены в виде удлиненных планочек, крепившихся к тканой основе посредством двух петелек, расположенных на тыльной стороне. В XVIII–XIX вв. в костюме балкарок и карачаевок появляются более крупные застежки, в том числе с чеканным орнаментом. Примером подобных находок могут служить застежки длиной 5 см, происходящие из погребения XVIII века, исследованного в могильнике Ташлы-Тала (Мизиев, 1981, с. 74).

Такие изделия использовались для застегивания и декора узких коротких кафтанчиков, носившихся женщинами Кавказского региона. Наиболее характерны эти одеяния для девичьего костюма (с момента, когда те входили в возраст невест). Их надевали поверх платья или под него, тогда они выполняли функцию своеобразных корсетов. Кавказские кафтанчики застегивались на металлические застежки, мелкие пуговицы и петли из шнурков. У адыгских и ногайских женщин они

начинают фиксироваться на изобразительных произведениях со второй половины XVIII – начала XIX в. Этот тип одежды характерен и для карачаевцев, балкар, осетин (Студенецкая, 1989, с. 46). По крою кафтанчики аналогичны мужским бешметам, но отличаются от них наличием крупных металлических застежек и богатым шитьем.

Кафтанчики, носившиеся под платьем, постепенно эволюционировали в безрукавки, а затем и в нагрудники. Застежки играют роль нагрудных украшений, видимых в глубокий вырез платья. На позднем этапе застежки могли заменяться или имитироваться вышивкой. Кафтанчики женщин старшего возраста отличаются по цветовой гамме и тому, что металлические застежки у них могли заменяться мелкими металлическими или шнуровыми пуговицами. Застежки изготавливали чаще всего из серебра (иногда с позолотой), декорировали гравировкой, чернью, зернью, филигранью, цветными стеклами и камнями. Как правило, они имели продолговатую форму, сужались к концам, одна из них кончалась петлей, вторая – полушаровидным выступом (рис. 7: 19; 8: 1–2, 4). В случае ношения нагрудников функция застегивания для подобных изделий становится не актуальной, они превращаются в нагрудные украшения. В ряде случаев они делаются неразъемными. Иногда, наоборот, застежки нашиваются с двух сторон, поодаль друг от друга, и выполняют исключительно декоративную функцию, а сам кафтанчик застегивается другим способом, например, на пуговицы и цепочки (рис. 7: 21). Кроме того, получают распространение и застежки сложной

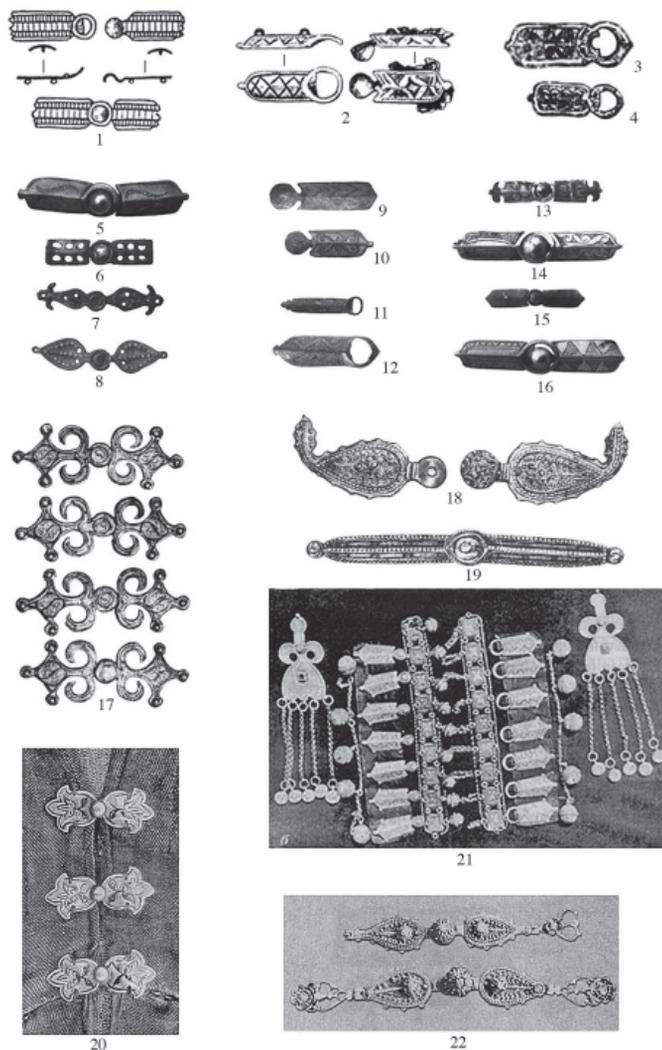

Рис. 7. Одежные застёжки из кавказского региона: 1 – Ташлы-Тала, Кабардино-Балкария (по Мизиев, 1974); 2 – Верхняя Балкария, Кабардино-Балкария; 3–4 – склеп у с. Уакац, Северная Осетия (по Тменов, 1986); 5–12 – башни склепа близ с. Дергавс, Северная Осетия (по Уварова, 1900); 13–16 – могильник у с. Лизгор, Северная Осетия (по Уварова, 1900); 17 – нагрудные застёжки (черкесы); 18–19 – застёжки (балкары) (по Студенецкая, 1989); 20 – застёжки на платье (нашиты на талии) кумыков с. Гели; 21 – украшения женского ногайского кафтанчика, 22 – застёжки на платье (нашивались на уровне талии) кумыков села Каранай Аул (по Булатова, Гаджиева, Сергеева, 2001). Масштабы разные.

Fig. 7. Clothing clasps from the Caucasus region: 1 – Tashly-Tala, Kabardino-Balkaria (after Miziev, 1974), 2 – Upper Balkaria, Kabardino-Balkaria, 3–4 – crypt near Uakats village, North Ossetia (after Tmenov, 1986), 5–12 – towers of a crypt near Dergavs village, North Ossetia (after Uvarova, 1900), 13–16 – burial mound near Lizgor village, North Ossetia (after Uvarova, 1900), 17 – breast clasps (Circassians), 18–19 – clasps (Balkars) (after Studenetskaya, 1989), 20 – clasps on a dress (sewn at the waist) of Kumiks inhabiting Geli village, 21 – decorations of a Nogai women's caftan, 22 – clasps on a dress (sewed at the waist level) of Kumiks inhabiting Karanay Aul village (after Bulatova, Gadzhieva, Sergeeva, 2001). The images are differently scaled.

фигурной формы – растительно-геометрической, цветочной, «турецкого огурца» (Студенечкая, 1989, с. 136–146; Гаджиева, 1981, с. 116) (рис. 7: 17–18, 20, 22; 8: 5).

Благодаря работе с материалами кавказских коллекций в фондах Российского этнографического музея², мы смогли ознакомиться с подборкой кафтанчиков, жилеток и нагрудников, снабженных застежками рассматриваемого типа. Это позволяет определить несколько особенностей нашего материала, который мы можем условно именовать «археологическим», отличным от этнографических комплексов XIX – начала XX в.

Первая важная особенность – размер. Рассматриваемые нами пластинчатые застежки миниатюрные (от 2,2 до 4,5 см). Застежки из этнографической коллекции длиной 5–7 см. Вторая отличительная черта – форма. Среди застежек из Кавказского региона преобладают изделия в форме узких вытянутых пластинок. Но есть и образцы в виде «кинжалчиков», а также сложные вычурные экземпляры. Кроме того, наши изделия более плоские, это касается оформления крючка, петли и самой пластинки. Их достаточно широкие пластинки нашли наиболее близкие аналогии среди подборки изделий, принадлежавших ногайцам (аналогичны изображенным на рис. 7: 21 и 8: 6).

² Выражаем глубокую благодарность сотрудникам Российского Этнографического Музея: ученому секретарю Л.А. Жгун, главному хранителю Н.Н. Прокопьевой, заведующей отделом этнографии Белоруссии, Украины и Молдовы Н.М. Калашниковой, хранителю фондов изделий из драгоценных металлов народов Кавказа Е.И. Нератовой.

Весьма важен и способ крепления изделия к основе. Наши находки в большинстве своем имеют отверстия для пришивания. У рассмотренных нами кавказских этнографических образцов для крепления к основе служат металлические петли, расположенные на обороте изделия. Сквозь эти петли продевался шнур, крепивший данную металлическую garnитуру к основе. Именно этот способ крепления, на наш взгляд, обусловил специфическую конусообразную выступающую форму пластины ряда этнографических нашивок. Среди рассмотренных нами этнографических материалов нет изделий с ажурным прорезным орнаментом, аналогичных тем, которые были представлены в нашей подборке и на некоторых археологических находках из Кавказского региона. Подобные отверстия выполняли как декоративную функцию, так и служили для пришивания застежек на предметы одежды. Кавказские археологические материалы, также как и найденные на территории Молдовы, демонстрируют два способа крепежей – и с помощью отверстий, и при помощи петелек (Биджиев, 1979, с. 10). При этом некоторые гладкие пластины имеют специальные маленькие отверстия для пришивания (рис. 1: 5–9, 11; 2: 1–3, 7, 9; 7: 7–8).

Кроме того, ярко выраженная четкость и графичность орнаментации могут свидетельствовать о более молодом возрасте ряда кавказских археологических находок и, конечно, этнографических материалов, по сравнению с предметами из молдавской коллекции.

Как уже отмечалось выше, по форме ближайшие аналогии рассматриваемым нами изделиям пред-

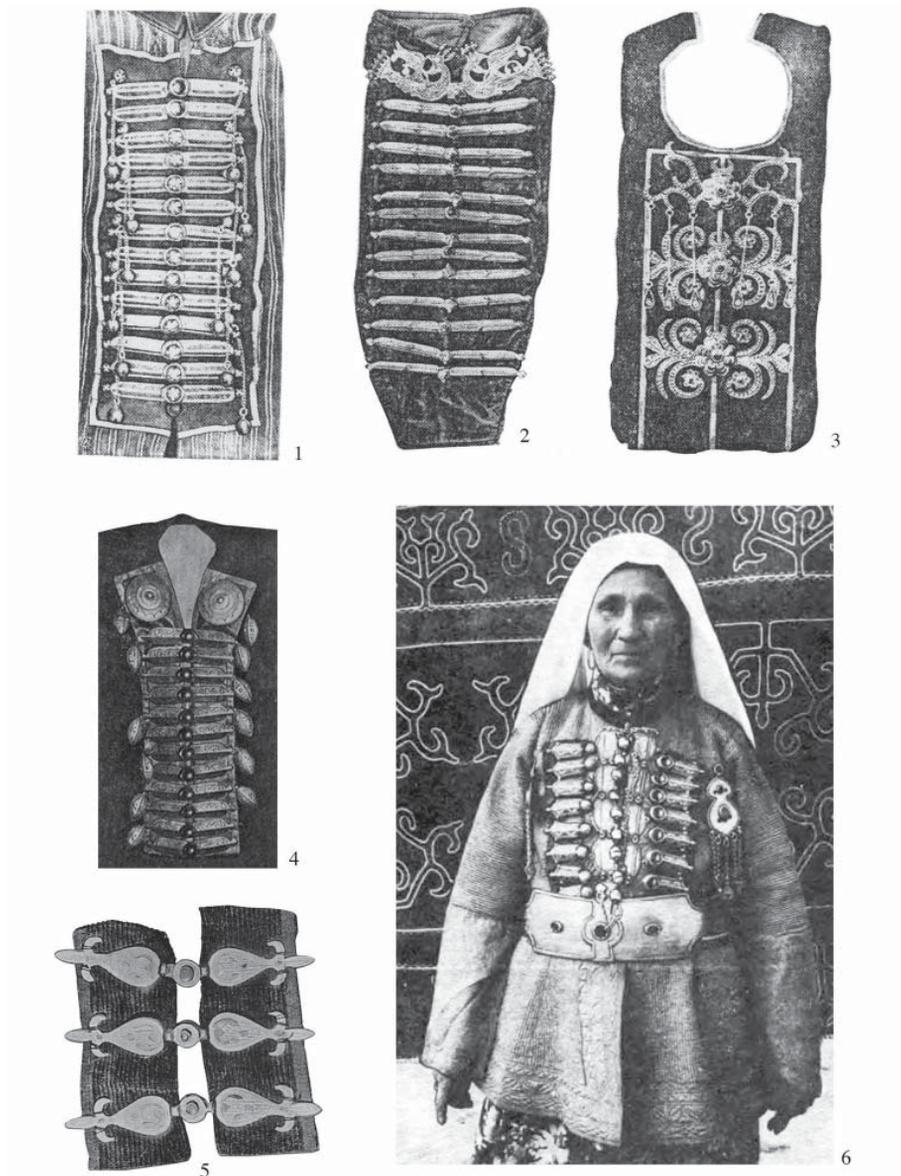

Рис. 8. Одежные застёжки кафтанов из кавказского региона: 1 – застёжки с бубенчиками (адыгейцы); 2 – нагрудник с застёжками и птичками (карачаевцы); 3 – украшения в виде застёжек (карачаевцы); 4 – нагрудные застёжки с бляхами и бубенчиками (осетины) (по Студенецкая, 1989); 5 – застёжки на платье (нашиты на уровне груди) ногайцев с. Уйсалган, (по Булатова, Гаджиева, Сергеева, 2001); 6 – ногайский женский костюм (по Калмыков, Керейтов, Сикалиев, 1988). Масштабы разные.

Fig. 8. Clothing clasps from the Caucasus: 1 – clasps with bells (the Adygeis), 2 – breastplate with clasps and birds (the Karachais), 3 – adornments in the form of clasps (the Karachais), 4 – breast clasps with badges and bells (the Ossetians) (after Studenetskaya, 1989), 5 – clasps on a dress (sewn at the breast level) of the Nogais of Uisalgan village (after Bulatova, Gadzhieva, Sergeeva, 2001), 6 – Nogai women's costume (after Kalmykov, Kereitov, Sikaliev, 1988). The images are differently scaled.

ставлены в костюме ногайцев, при этом они характерны для женских бешметов, кафтанчиков, безрукавых кафтанчиков, жилеток, нагрудников. В ногайском костюме присутствуют несколько основных видов застежек. Наиболее близкими к рассматриваемым нами экземплярам являются *тоьс тюйме* («дошатая пуговица»), они представляют собой застежки щитообразной формы с утолщениями на концах. Застегиваются при помощи полусферической головки с правой стороны и петли – с левой. В наборе могут присутствовать от 6 до 20 парных застежек. Изделия предварительно нашивались на полосу ткани или кожи, крепившуюся затем к одежде (Гаджиева, 1976, с. 130–140, 174–176; Калмыков, Керейтов, Сикалиев, 1988, с. 127, 133).

Таким образом, выделяется целый пласт застежек, весьма близких к найденным в Республике Молдова и Украине. Они являются своеобразной визитной карточкой девичьего и женского костюма в Кавказском регионе, в частности, очень популярны у адыгов и ногайцев. Однако, каковы механизмы распространения данного типа изделий, связанных с кроем женской одежды? Вопрос о взаимодействиях оседлого и кочевого населения, в результате которого могли передаваться подобные одежные и ювелирные инновации, выходит за рамки нашего исследования. Мы можем лишь вкратце упомянуть о миграциях адыгов (*касоги, черкасы/черкесы*) на территорию современной Украины (Бубенок, 2014, с. 30–35), о фиксируемом исследователями аланском присутствии на территории Пруто-Днестровского региона (Posticǝ, Tentiuc, 2014, p. 45–72), об алано-половецких взаимодействиях

в период монгольского нашествия как в Северокавказском регионе, так и на территории Венгрии и Карпато-Днестровских земель (Надорожный, 2013, с. 48–76; Осипян, 2013, с. 122–174). Кроме того, некоторые исследователи прослеживают взаимосвязь между кипчаками, половцами и ногайцами (Калмыков, Керейтов, Сикалиев, 1988, с. 11–15; Гизер, 2014, с. 85–117).

Поселение Еникией (с которого происходит часть рассматриваемых застежек) расположено в зоне расселения ногайского населения³. Значит, подмеченные нами сходства между находками с территории Молдовы и ногайскими застежками не случайны (рис. 8: 21; 9: 5). Это заставляет нас предположить возможность соотнесения рассмотренных застежек именно с ногайцами.

Ногайцы появились в Буджаке в конце XV века. После похода султана Баязида II на Молдавию в 1484 году, южная часть Пруто-Днестровского междуречья вошла в Силистрийский санджак Османской империи. В результате часть земель была пожалована крымскому хану, сюда переселились его подданные ногайцы (Гизер, 2001, с. 212–215). Переселения ногайцев отмечается и в более позднее время; так, в 1569 году в Буджак депортируются ногайцы из районов Астрахани, в 1606 г., переселяются ногайцы мангыты. Предводитель

³ Для южной части Пруто-Днестровского региона выделяется целый пласт топонимов, которые могут быть соотнесены с историей расселения ногайцев Акуй, Баймакля, Жавгур, Жолтай, Конгаз, Кочулия, Коштангалия, Таракля, Тартаул, Томай, Чимишлия и др. (Еремия, 1990, с. 51).

мангытов Хантемир-мурза объединяет местных ногайцев, под его началом формируется Белгородская орда, которая в 1622 году выходит из повиновения Крымскому ханству и переходит под начало турецкого султана. Следующая группа мангытов переселяется в 1659–1665 гг., ее происхождение связывают с Волжской ордой. Численность ногайского населения колеблется, но она весьма значительна: отмечается, что в конце 60-х гг. XVI века они составляли до 30 тыс. человек, а в середине XVII века – 45 тыс., в середине XVIII века Буджакская орда могла выставить до 30 тыс. вооруженных всадников. В XVIII веке Буджакская орда уже вновь находится в подчинении Крымского хана, а часть ногайцев откочевывает в сторону Крыма. В начале XIX века, в период русско-турецких войн орда прекращает свое существование, а ногайцы переселяются в район Измаила (Калмыков, Керейтов, Сикалиев, 1988, с. 28; Бачинский, Добролюбовский, 1988, 82–94; Грек, Руссев, 2011, с. 48–51; Руссев, 2012, с. 153–157).

С ногайцами Буджака может быть связан целый ряд археологических памятников. Предположительно, им могли принадлежать остатки жилищ на поселении Тараклия I, средневековые захоронения грунтовых могильников Комрат, Балабаны, Гайдар, Казаклия, а также целый ряд впускных захоронений в курганах более ранних эпох. К сожалению, для большинства ногайских захоронений характерно отсутствие инвентаря. В ряде случаев их трудно дифференцировать от более ранних памятников, но наличие в ряде могил турецких монет дает некоторую уверенность в их датировке (Добролюбовский, Субботин, Середя, 1988,

с. 131–144; Агульников, 2014, с. 144–141). Определенно говорить о том, что именно ногайцы являлись носителями (или одними из носителей) рассматриваемых застежек в Пруто-Днестровском регионе, можно будет только в случае нахождения подобных изделий, связанных с кроем и отделкой одежды, на памятниках, бесспорно оставленных ногайцами. Таким образом, мы можем предложить в качестве рабочей гипотезы «ногайскую» версию происхождения рассматриваемой группы изделий, не исключая того факта, что они могли быть распространены и у других групп населения, а их появление в зоне между Дунаем и Днестром и не связано напрямую с импульсами из кавказского региона.

Более того, дискуссионным является и вопрос, заимствованы ли подобные нашивки ногайцами у кавказских народов или они являются наследием более раннего этапа их истории, например кыпчакского? В связи с этим можно вспомнить упомянутые выше находки из Басандайки и Нейзацкого клада. По мнению С.Ш. Гаджиевой, с кавказской традицией в ногайском костюме могут быть связаны застежки в виде «кинжалчиков», а щитовидные (наиболее близкие к рассмотренной нами коллекции), вероятно, имеют иные истоки (Гаджиева, 1976, с. 177).

Что касается датировки рассмотренных нами застежек то, после сравнения их с группой кавказских изделий, исходя из их размеров, специфики крепежей и декора пластин, а также, опираясь на исторические данные о пребывании ногайцев в регионе, мы можем отнести большинство рассмотренных нами застежек к XVI–XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агульников С.М.* Средневековые кочевники в Юго-Западном Буджаке // *Moldova devletleri 655 yaşında. Tombarlak masini materiallari. Avgustun 20-si 2014 y.* / Отв. ред. А.К. Папцова. Komrat: ELAN POLIGRAF, 2014. С. 133–141.
2. *Балинт Ч.* Археология эпохи обретения венграми Родины // *Проблемы древних угров на Южном Урале* / Ред. Пшеничук А.Х. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 88–101.
3. *Бачинский А.Д., Добролюбский А.О.* Буджакская орда в XVI–XVII вв. (историко-археологический очерк) // *Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма* / Отв.ред П.В. Советов. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 82–94.
4. *Биджиев Х.Х.* Могильник Карт-Джурт // *Археология и этнография Карачаево-Черкесии.* / Отв. ред. Я.А. Федоров. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1979. С. 5–27.
5. *Біляєва С.* Слов'янські та тюркські світи в Україні. З історії взаємовідносин XIII–XVIII ст. Київ: Университет «Україна», 2012. 524 с.
6. *Богуславский Г.С.* Белгород – Акджа Керман – Аспрокастро (очерк истории и археологии средневекового города) // *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины)* / Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова. Одесса: СМІЛ, 2013. С. 757–791.
7. *Бубенок О.Б.* Данные топонимики о миграциях адыгов на Украинские земли в развитие и позднее средневековье // *Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы Международной научно-практической конференции (Нальчик, 16-20 октября 2013 г.). Ч. I* / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков, В.А. Фоменко. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 193 с.
8. *Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.* Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2001. 289 с.
9. *Габуев Т.А.* Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. Каталог выставки. М.: Государственный музей Востока (ГМИНВ), 2005. 74 с.
10. *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1976. 226 с
11. *Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана. М.: Наука, 1981. 210 с.
12. *Гизер С.Н.* Ногайцы и их культура // *Буджак: историко-этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины* / Отв. ред. А.И. Кисе, А.А. Пригарин, В.Н. Станко. Одесса: PostScriptUm - СМІЛ, 2014. С. 85–117.
13. *Гизер С.Н.* Турецкий источник по истории буджакских ногайцев // *Південна Україна. Вип. 6* / Гол. ред. А.В. Бойка. Запоріжжя: Тандем-У, 2001. С. 212–215. Доступно по URL: <http://web.znu.edu.ua/ru/articles/223.pdf>
14. *Грек И.Ф., Руссев Н.Д.* 1812 поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинев: Stratum plus, 2011. 142 с.
15. *Гриневиц К.Э.* Археологическое обследование урочища Басандайка близ г. Томска // *Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области / Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Т. 98* / Отв. ред. Я. Д. Горлачев. Томск, 1947–1948. С. 5–50.
16. *Добролюбский О.А., Субботин Л.В., Сегеда С.П.* Погребальные памятники Буджакской орды // *Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья* / Отв. ред. П.П. Бырня. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 131–144.
17. *Еремия А.И.* Географические названия рассказывают. Кишинев: Штиинца, 1990. 197 с.
18. *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск: Ставропольское книжное издательство; Карачаево-Черкесское отделение, 1988. 230 с.

19. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
20. Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.
21. Мизиев И.М. Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. Нальчик: Эльбрус, 1981. 124 с.
22. Мизиев И.М. Могильник у с. Ташлы-Тала // Археолого-этнографический сборник. Вып. 1. / Отв. ред. Г.Х. Мамбетов, И.И. Чеченова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 110–120.
23. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества. Вып. 8 / Под. ред. П.С. Уваровой. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1900. 381 с.
24. Нарожный Е.И. Половцы Северного Кавказа (Некоторые итоги и перспективы изучения) // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы ...) / Отв. ред. С.Г. Кляшторный, В.А. Иванов, И.К. Загидуллин. Казань: Ихлас, 2013. С. 48–76.
25. Осипян А.Л. Миграция, адаптация и интеграция кочевников в оседлом обществе: сравнительный анализ перехода половцев к оседлому образу жизни в Галицкой Руси и Венгерском королевстве в XIII–XV вв. // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы ...) / Отв. ред. С.Г. Кляшторный, В.А. Иванов, И.К. Загидуллин. Казань: Ихлас, 2013. С. 122–174.
26. Подарок созерцающим. Странствия Ибн Баттуты: каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2015. 512 с.
27. Руссев Н.Д. «Татары как-то совсем исчезли...» (последние месяцы истории Буджакской орды) // Русин. 2012. № 1 (27). С. 153–157.
28. Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1 // МИА. № 11. М.: АН СССР, 1949. С. 7–103.
29. Рябцева С., Дергачева Л. К вопросу о функциональной принадлежности серии средневековых нашивок и накладок с территории Пруто-Днестровского региона и их возможной связи с одежаниями типа кафтанов // Revista Arheologică. 2015. Vol. XI. Nr. 1–2. P. 190–208.
30. Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки / Авторы: Елихина Ю.И., Крамаровский М.Г., Полякова Г.Ф. СПб.: Славия, 2000. 346 с.
31. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989. 288с.
32. Тменов В.Х. Два склепа из селения Уакац // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Орджоникидзе: Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1986. С. 142–153.
33. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
34. Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи. Время праздников. Время казней. СПб: Евразия, 2013. 432 с.
35. Erdélyi Ist. Les Anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Budapest, Akadémiai kiadó Publ., 1977, 359 p.
36. Fodor I., Napák J., Seleanu M., et al. The ancient Hungarians: the Exhibition Catalogue. Budapest, Hungarian National Museum Publ., 1996, 477 p.
37. Postică Gh., Tentiuc I. Amulete-călăreți de bronz din perioada medievală timpurie în spațiul carpato-nistrean. In: Tyragetia, 2014, issue 8 (23), no. 1, pp. 45–72.

Информация об авторах:

Рябцева Светлана Станиславовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Культурного Наследия АНМ (г. Кишинев, Республика Молдова); sveta_earing@mail.ru

Дергачева Лилия Валентиновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Культурного Наследия АНМ (г. Кишинев, Республика Молдова); dergaciova.lili@gmail.com

ETHNIC-CULTURAL IDENTITY AND DATING OF THE CLOTHING CLASP GROUP FROM THE TERRITORY OF PRUT-DNIESTER INTERFLUVE

S.S. Ryabtseva, L.V. Dergacheva

The article considers a group of non-ferrous metal patches discovered in the territory of the Pruto-Dniester region. An analysis of several analogies allowed the authors to conclude that these items represent paired clothing clasps. The group of studied analogies features the findings discovered in the Caucasus region where similar clasps existed for a long period of time. Caftans with paired clasps are a characteristic trait of a girl's and in certain cases a woman's ethnographic costume. Caftans with such clasps were worn over a dress. In terms of shape, the samples in question are most similar to the characteristic clasps present in Nogai women's costume. The authors date the considered group of items 16th – 18th centuries and correlate it with the antiquities of the Nogais inhabiting the Black Sea and Budjak regions.

Keywords: archaeology, Prut-Dniester region, Caucasus, Nogai, patches, women's costume, caftan.

REFERENCES

1. Agul'nikov, S. M. 2014. In *Papstova, A. K. (ed.). Moldova devletleri 655 yaşında. Tombarlak masini materiallari. Avgustun 20-si 2014 y. (Moldova devletleri 655 yaşında. Tombarlak masini materiallari. Avgustun 20-si 2014 y.)*. Komrat: "ELAN POLIGRAF" Publ. 133–141 (in Russian).
2. Balint, Ch. 1988. In *Pshenichiuk, A. Kh. (ed.). Problemy drevnikh ugrov na Iuzhnom Urale (Issues of the Ancient Ugriic Peoples in the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Scientific Center, Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 88–101 (in Russian).
3. Bachinskii, A. D., Dobroliubskii, A. O. 1988. In *Sovetov, P. V. (ed.). Sotsial'no-ekonomicheskaiia i politicheskaiia istoriia Moldavii perioda feodalizma (Socio-economic and Political History of Moldova in the Feudalism Period)*. Kishinev: "Shtiintsa" Publ., 82–94 (in Russian).
4. Bidzhiev, Kh. Kh. 1979. In *Fedorov, Ya. A. (ed.). Arkheologiia i etnografiia Karachaevo-Cherkessii. (Archaeology and Ethnography of Karachay-Cherkessia)*. Cherkessk: Karachay-Cherkessia Research Institute of Economy, History, Language and Literature, 5–27 (in Russian).
5. Beliaeva, S. 2012. *Slov'ians'ki ta tiurks'ki sviti v Ukraini. Z istorii vzaemovidnosin XIII–XVIII st. (Slavic and Turkic Worlds in Ukraine (from the History of Interrelations in 13th – 18th cc.))*. Kiev: University "Ukraine" Publ.
6. Boguslavskii, G. S. 2013. In *Bruiako, I. V., Samoilova, T. L. (eds.). Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (k 95-letiiu Natsional'noi akademii nauk Ukrainy) (Ancient Cultures of the North-Western Pontic (dedicated to the 95th Anniversary of the National Academy of Sciences of Ukraine)*. Odessa: "SMIL" Publ., 757–791 (in Russian).
7. Bubenok O. B. 2014. In *Bgazhnokov, B. Kh., Fomenko, V.A. (eds.). Drevniaia i srednevekovaiia kul'tura adygov. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Nal'chik, 16–20 oktiabria 2013 g.) Ancient and Medieval Culture of the Adyges. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Nalchik, October 16-20, 2013) 1*. Nal'chik: Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

8. Bulatova, A. G., Gadzhieva, S. Sh., Sergeeva, G. A. 2001. *Odezhda narodov Dagestana. Istoriko-etnograficheskii atlas (Odezhda narodov Dagestana. Istoriko-etnograficheskii atlas)*. Pushchino: Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
9. Gabuev, T. A. 2005. *Alanskii vsadnik. Sokrovishcha kniazei I–XII vekov. Katalog vystavki. (The Alan Horseman. Treasures of 1st–12th century Princes. Exhibition Catalogue)*. Moscow: The State Museum of Oriental Art (in Russian).
10. Gadzhieva, S. Sh. 1976. *Material'naia kul'tura nogaitsev v XIX – nachale XX vv. (Material Culture of the Nogai People in the 19th – early 20th centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
11. Gadzhieva, S. Sh. 1981. *Odezhda narodov Dagestana (Clothing of Dagestan Peoples)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
12. Gizer, C. N. 2014. In Kise, A. I., Prigarin, A. A., Stanko, V. N. (eds.). *Budzhak: istoriko-etnograficheskie ocherki narodov iugo-zapadnykh raionov Odesshchiny (Budzhak: Historical and Ethnographic Essays of Peoples from the Southwestern Odessa Region)*. Odessa: “PostScriptUm - SMIL” Publ., 85–117 (in Russian).
13. Gizer, S. N. 2001. In Boika, A. V. (ed.). *Південна Україна (South Ukraine)* 6. Zaporozhye: “Tandem-U” Publ., 212–215. Available at: <http://web.znu.edu.ua/pu/articles/223.pdf> (in Russian).
14. Grek, I. F., Russev, N. D. 2011. *1812 povorotnyi god v istorii Budzhaka i «zadunaiskikh pereselentsev» (1812 - Turning Year in the History of Budzhak and ‘Trans-Danube resettlers’)*. Kishinev: Stratum plus Publ. (in Russian).
15. Grinevich, K. E. 1947–1948. In Gorlachev, Ya. D. (ed.). *Basandaika. Sbornik materialov i issledovaniy po arkhologii Tomskoi oblasti (Basandaika. Collection of Materials and Studies on the Archaeology of the Tomsk Region)*. Series: Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Tomsk State University) 98. Tomsk, 5–50 (in Russian).
16. Dobroliubskii, O. A., Subbotin, L. V., Segeda, S. P. 1988. In Byrnia, P. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ia (Medieval Sites of the Dniester-Prut Interfluve)*. Kishinev: “Shtiintsa” Publ., 131–144 (in Russian).
17. Eremiia, A. I. 1990. *Geograficheskie nazvaniia rasskazyvaiut (Geographical Names Speak)*. Kishinev: “Shtiintsa” Publ. (in Russian).
18. Kalmykov, I. Kh., Kereitov, R. Kh., Sikaliev, A. I. 1988. *Nogaitsy. Istoriko-etnograficheskii ocherk (The Nogai People. Historical and Ethnographic Essay)*. Cherkessk: Stavropol Book Publ.; Karachay-Cherkessia branch (in Russian).
19. Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoye nasledie Zolotoy Ordy (Gold of Genghisid: the cultural heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: “Slaviya” Publ. (in Russian).
20. *Mech i zlatnik. K 1150-letiiu zarozhdeniia Drevnerusskogo gosudarstva: Katalog vystavki. (Sword and Zlatnik. Dedicated to the 1150th Anniversary of the Old Russian State: Exhibition Catalogue)*. 2012. Moscow: “Kuchkovo pole” Publ. (in Russian).
21. Miziev, I. M. 1981. *Balkartsy i karachaevtsy v pamiatnikakh istorii (Balkarians and Karachays in Historical Monuments)*. Nal'chik: “El'brus” Publ. (in Russian).
22. Miziev, I. M. 1974. In Mambetov, G. Kh., Chechenova I. I. (ed.). *Arkheologo-etnograficheskii sbornik (Archaeological and Ethnographic Collection)* 1. Nalchik: “El'brus” Publ., 110–120.
23. In Uvarova, P. S. (ed.). 1900. *Mogil'niki Severnogo Kavkaza (Burial Mounds of the Northern Caucasus). Materialy po arkhologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiyami Imperatorskogo Moskovskogo Arkheologicheskogo Obshchestva (Materials on the Archeology of the Caucasus Collected by the Expeditions of the Imperial Moscow Archaeological Society)* 8. Moscow: A.I. Mamontov Typography, 1900. 381 c.
24. Narozhnyi, E.I. 2013. In Kliashturnyi, S. G., Ivanov, V.A., Zagidullin, I.K. *Tiurkskie kochevniki Evrazii (kimaki, kipchaki, polovtsy ...) (Turkic Nomads of Eurasia (Kimeks, Kipchaks, Cumans...))*. Kazan: Ikhlis Publ. 48–76 (in Russian).
25. Osipian, A. L. 2013. In Kliashturnyi, S. G., Ivanov, V. A., Zagidullin, I. K. (eds.). *Tiurkskie kochevniki Evrazii (kimaki, kipchaki, polovtsy ...) (Turkic Nomads of Eurasia (Kimeks, Kipchaks, Cumans...))*. Kazan: “Ikhlis” Publ., 122–174 (in Russian).

26. Podarok sozertsaiushchim. Stranstviia Ibn Battuty: katalog vystavki. Gosudarstvennyi Ermitazh (A Gift to Contemplators". Ibn Battuta's Travels: Exhibition catalog. The State Hermitage Museum). 2015. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ. (in Russian).
27. Russev, N. D. 2012. In *Rusin (Rusyn)* 27 (1), 153–157 (in Russian).
28. Rybakov, B. A. 1949. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii drevnerusskikh gorodov (Materials and Studies on the Archaeology of Old Russian Towns)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 11 (1). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–103 (in Russian).
29. Riabtseva, C., Dergacheva, L. K. 2015. In *Revista Arheologică*. 11 (1–2). 190–208 (in Russian).
30. Elikhina, Yu. I., Kramarovskii, M. G., Poliakova, G. F. 2000. *Sokrovishcha Zolotoi Ordyy. Katalog vystavki (Treasures of the Golden Horde. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).
31. Studenetskaia, E. N. 1989. *Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XVIII–XX vv. (Clothing of the North Caucasus Peoples of 18th – 20th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
32. Tmenov, V. Kh. 1986. In Kuznetsov, V. A. (ed.). *Novye materialy po arkheologii Tsentral'nogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e (New Materials on the Archaeology of the Central Caucasus in Antiquity and the Middle Ages)*. Ordzhonikidze: North Ossetia Research Institute of History, Philology and Economy, 142–153 (in Russian).
33. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
34. Yurchenko, A. G. 2013. *Elita Mongol'skoi imperii. Vremia prazdnikov. Vremia kaznei (The Elite of the Mongol Empire. Time for Festivities. Time for Executions)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
35. Erdélyi Ist. 1977. *Les Anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est*. Budapest, Akadémiai kiadó Publ., 359 p.
36. Fodor I., Hapák J., Seleanu M., et al. 1996. *The ancient Hungarians: the Exhibition Catalogue*. Budapest, Hungarian National Museum Publ., 477 p.
37. Postică Gh., Tentiuc I. 2014. In: *Tyragetia*, issue 8 (23), no. 1, pp. 45–72.

About the Authors:

Riabtseva Svetlana S. Candidate of Historical Sciences, Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova. Boulevard Shtefan cel Mare, no. 1, Chisinau, MD 2000, the Republic of Moldova; sveta_earing@mail.ru

Dergacheva Lilia V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova. Boulevard Shtefan cel Mare, no. 1, Chisinau, MD 2000, the Republic of Moldova; dergaciova.lili@gmail.com

Статья поступила в номер 30.06.2016 г.

УДК 903.2

<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.208.221>

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕКСТИЛЬНЫЕ НАХОДКИ XVII–XVIII ВВ.
ИЗ СЛОБОДЫ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ.
АТРИБУЦИЯ, РЕКОНСТРУКЦИЯ**

© 2017 г. И.И. Елкина

В статье рассматриваются текстильные находки XVII–XVIII вв., полученные в ходе археологических работ в 2014–2015 гг. на кладбище церкви Иоанна Предтечи в слободе Новодевичьего монастыря. Предметы находились в крайне неудовлетворительной степени сохранности. После изучения удалось определить их назначение и частично реконструировать облик и декор. Среди остатков наиболее интересными оказались фрагменты рубах, покровцы, оплечье фелони. По результатам реконструкции автора, фелонь, являясь предметом церковного облачения, был длинным, имел высокое твердое оплечье трапециевидной формы, которое было сшито из красного бархата и украшено золотым орнаментальным шитьем, имитирующим облик турецкой ткани. По мнению автора, оплечья, аналогичные по форме и технике исполнения, известны у фелоней XVI–XVII вв.

Ключевые слова: археология, слобода Новодевичьего монастыря, кладбище, текстиль, золотное шитье, рубаха, покровец, оплечье, фелонь, реконструкция.

Текстиль – довольно редкая категория находок в археологии. За многие столетия, находясь в грунте, подавляющее большинство текстильных предметов полностью исчезает из-за климатических колебаний температуры и влажности, под воздействием химического состава почвы, грунтовых вод, бактерий и грибов. Во время археологических работ среди множества находок различной природы обнаруживаются лишь единичные текстильные предметы. Как правило, их сохранность связана с некоторыми благоприятными условиями залегания, контактами с металлическими предметами, природой самих текстильных волокон. Но даже в случае обнаружения эти предметы не имеют своего первоначального вида. Как правило, это темные неказистые и невзрачные фрагменты, порой многочисленные и разрозненные, потерявшие свой

первоначальный цвет и форму. Большинство предметов по разным причинам исчезает уже после изъятия из грунта. Тем не менее любая текстильная находка, обнаруженная во время археологических работ, очень важна, т.к. она является емким источником информации. Комплексное изучение предметов с момента обнаружения позволяет ответить на многие вопросы о видах, технологии, технике изготовления текстиля, об особенностях кроя и способах украшения одежды и других текстильных изделий. Текстиль, обнаруженный в погребениях, помогает в определении пола, возраста, статуса владельца. Графические реконструкции, выполненные на основе проведенных исследований, частично или полностью позволяют воссоздать первоначальный облик предмета.

В 2014–2015 гг. под руководством д.и.н. Л.А. Беляева проводилось ар-

хеологическое изучение некрополя XVI–XVIII вв. в зоне церкви Иоанна Предтечи в Новодевичьей слободе (г. Москва). Во время полевых работ были обнаружены многочисленные находки различной природы, в том числе и текстиль. Текстильные предметы находились во фрагментах и практически все имели неудовлетворительную степень сохранности. Текстиль зафиксирован в семи захоронениях, остатки четырех текстильных предметов выявлены в переотложенном слое кладбища.

Для каждого предмета на месте обнаружения проводилась графическая и фотофиксация *in situ*, выполнялось подробное полевое описание. После изъятия из земли предметы прошли полевую консервацию: проведена первичная механическая очистка мягкой кистью, по возможности, сняты деформации. Дальнейшее изучение предметов заключалось в проведении материаловедческого и структурного анализов, а также их атрибутирования. Подбор фрагментов между собой дал возможность максимально восстановить форму предметов и их орнаментацию. На основе проведенных исследований для некоторых предметов выполнены графические реконструкции.

Весь обнаруженный текстиль из Новодевичьей слободы относится к XVII–XVIII вв. Среди найденных предметов наиболее интересными являются оплечье фелони, декоративные отделки рубах, остатки покровцов на лицо погребенного.

Рубахи

При археологических раскопках в Новодевичьей слободе были выявлены остатки четырех рубах. Все найденные предметы являются эле-

ментами декоративных отделок и представлены во фрагментах. Фрагменты обнаружены в трех детских захоронениях. Еще один предмет в виде комка неопределенной формы был найден в переотложенном слое кладбища.

Облик русских средневековых рубах известен по трем целым музейным экземплярам XVII в. из собрания ГИМ (Ефимова, Белогорская, 1982, табл. 29; Ефимова и др., 2000, с. 14–15). Остальные средневековые рубахи археологические. Благодаря раскопкам позднесредневековых памятников на территории Москвы (некрополь Московского Кремля Кошлякова, 1986, с. 248–253), Зачатьевского монастыря, усыпальница бояр Романовых Новоспасского монастыря (Елкина, 2005, с. 86–97), некрополь церкви Козьмы и Дамиана на Тверской), в Сергиевом Посаде, Суздале (усыпальница князей Пожарских в Спасо-Евфимьевском монастыре (Елкина, 2013, с. 230–232) и некрополь Покровского монастыря), Кирилло-Белозерском монастыре (усыпальница князей Воротыньских), Нижнем Новгороде (Орфинская, Голиков, Елкина, 2014, с. 153–160) и в других местах увеличивается количество текстильного материала, в том числе и средневековых рубах. На сегодняшний день их насчитывается более 20 экземпляров. Подавляющее большинство рубах происходит из захоронений. Чаще всего от рубах остаются лишь декоративные элементы отделки, выполненные из нитей, содержащих металл, и цветного шелка. Дело в том, что наличие металла является одним из факторов сохранности органики. Частичная или полная сохранность цветных шелковых тканей и нитей обусловлена тем, что

при окрашивании шелка вместе с красителем используют протраву в виде окислов железа или меди.

В традиционном русском костюме значительная роль отводится рубахам. Как и любой элемент одежды средневекового костюма, рубаха имела свой довольно устойчивый облик, сохранившийся практически неизменным на протяжении многих столетий (Рабинович, 1988, с. 142; Маслова, 1984, с. 87). Она была туникообразного покроя с глубоким разрезом на груди без воротника. Разрез мог быть как прямым так и сдвинутым в сторону (так называемая «косоворотка»). Материалом для рубах служили льняные или шелковые ткани (Забелин, 1915, с. 435). Поскольку домотканый холст был узким, с боков в стан рубахи вшивались прямоугольные или клиновидные «бочки». Для обеспечения свободы рук между рукавами и бочками под мышками вставлялись квадратные ластовицы. С изнанки на плечах, спине и груди могла подставляться «подоплека» – второй слой ткани.

Любая средневековая рубаха традиционно украшалась декоративными элементами. Расположение декоративных элементов и использованный орнамент имели не только эстетическое значение. По средневековым представлениям, одежда должна была защищать тело человека не только от холода, но и от злых сил, которые при недосмотре могут принести много вреда. Особенно это касалось нательной одежды (Громов, 1977, с. 205). Наиболее уязвимыми частями тела считались шея, руки, ноги. Их защищали с помощью декоративных орнаментов-оберегов, покрывавших одежду в местах традиционного расположения орнамента (Пармон, 1994,

с. 170). Средневековые мужские рубахи имели свой определенный набор декоративных элементов – ворот (передец с окаймляющим вырез для шеи ожерелком или без него), манжеты, вошвы (декоративные элементы на плечах), шлицу (передний разрез на подоле – «прореха для шага»). Под декоративные элементы с изнаночной стороны рубахи подшивали подкладки (обтачки), обычно из красной шелковой ткани в размер декоративного элемента. Конструктивные швы рубахи часто оформлялись красными узкими лентами или плетеной тесьмой.

Несмотря на то что крой рубах и расположение декоративных элементов на них были довольно каноничны, сам декор был самым разнообразным как по используемому материалу, так и по орнаментации. Средневековые мастерицы достигали своеобразия, варьируя декоративные элементы и способы их исполнения. Для украшения рубах использовались вышивка золотными и шелковыми нитями, плетеные тесьмы, узорные тканые ленты, кружево. Нередко из полос ткани или плетеных тесьм изготавливались узкие петлицы, которые нашивались рядами и использовались как вариант оформления застежки. Выбор ткани и способ украшения рубах зависели от достатка и статуса владельца.

Остатки рубах в виде декоративных элементов встречаются и в детских захоронениях. Археологический и этнографический анализ материала в целом показывает, что крой детских рубах, соразмерность и расположение их декоративных элементов полностью совпадают с обликом рубахи взрослого человека – отличается только размер. Однако зафиксированы единичные случаи несоразмерности

Рис. 1. Декоративная отделка рубахи 1: а – текстильные остатки после изъятия из грунта; б – фрагмент декоративной отделки: золотное шитье в прикреп; в – графическая реконструкция ворота.

Fig. 1. Decorative finish of shirt 1: a – textile residues after removal from the soil; b – fragment of decorative finish. ‘Laid’ gold embroidery; c – graphical reconstruction of a collar.

декоративных элементов с размерами самих рубах (Елкина, 2005, с. 92). Это связано со вторичным использованием декоративных элементов рубахи взрослого человека на детских (Орфинская, Голиков, Елкина, 2014, с. 152).

Благодаря сохранности декоративных элементов и, учитывая консервативность покроя, мы имеем возможность воссоздавать первоначальный облик рубах. К сожалению, о реальных пропорциях и истинных размерах каждого конкретного экземпляра можно судить лишь приблизительно.

Рубаха 1. В переотложенном слое кладбища был выявлен текстиль, представляющий собой комок не-

определенной формы (рис. 1а). При проведении первичной полевой консервации комков удалось развернуть. Оказалось, что он состоял из многочисленных фрагментов золотного шитья. Дальнейшее детальное изучение показало, что фрагменты золотного шитья являются элементами декора рубахи предположительно подростка. В ходе исследований удалось реконструировать орнамент декоративной отделки ворота и восстановить первоначальный облик рубахи (рис. 1в).

Основная ткань рубахи оказалась полностью утраченной. По всей вероятности, это было льняное полотно. Непосредственно по этой ткани выполнялись декоративные элементы

рубахи, которые представляли собой полосы вышивки шириной 1,4 см, выполненные в технике золотного шитья. Один, наиболее целый из найденных фрагментов, оформлял разрез ворота, глубина которого составляла не менее 17 см. В основу орнамента положен популярный для средневековья растительный побегок в виде выходящего стебля с трилистниками (рис. 1б).

Вышивка золотными нитями выполнена по шнуру. Первоначально по линиям орнамента выкладывался шнур, а затем его зашивали золотом перпендикулярно выкладке, в прикреп. Для вышивки рубахи использованы золотные нити толщиной 0,6–0,7 мм, полученные путем окручивания шелковых нитей тонкими полосками позолоченного серебра в S-направлении. Орнамент золотной вышивки оконтурен красной шелковой нитью в технике стебельчатого шва.

С оборотной стороны вышивки зафиксированы остатки подкладки (обтачки) в виде крошечных фрагментов тонкой шелковой ткани красного цвета полотняного переплетения. Плотность нитей составляет 28–30 н/см по основе и утку. Нити слабой крутки. Ширина полос обтачки ввиду малых размеров фрагментов не восстанавливается.

Техника исполнения вышивки и использованная орнаментика характерны для XVI–XVII вв.

Рубаха 2. В детском захоронении № 35 были обнаружены многочисленные текстильные фрагменты, содержащие металлическую нить. Большая часть фрагментов располагалась в области грудной клетки. Один из фрагментов, наиболее целый, определился

как фрагмент декоративной отделки ворота.

Сохранившиеся фрагменты являются декоративными элементами рубахи и представляют собой вышивку, выполненную в технике двойного тамбура.

Золотное шитье в технике двойного тамбура – наиболее часто встречаемый вид оформления всех известных на сегодняшний день традиционных рубах XVI–XVII вв. Тамбурное шитье (петельчатый шов) выполнялось золотными нитями при помощи иглы или крючка с острым кончиком (Курс женских рукоделий, 1992, с. 116–118). Двойной тамбурный (петельчатый) шов в отличие от простого был более плотным и сложным по исполнению. Основными элементами орнамента вышивки тамбуром для оформления рубах обычно являются растительно-геометрические мотивы, завитки, S-образные фигуры. Часто элементы зеркально симметричны между собой. В орнаменте декоративных элементов рассматриваемой рубахи использованы композиции из S-образных завитков. Ширина орнамента составляет 13 мм. Для вышивки использованы пряденые золотные нити полученные путем окручивания шелковых нитей тонкими полосками позолоченного серебра в S-направлении.

Рубаха 3. Довольно простой способ декорирования рубахи был зафиксирован в детском захоронении № 117. В области груди были выявлены медный нательный крест, медная шарообразная пуговица-гирька и витой шнурок.

Шнурок толщиной 2 мм свит из шелковых и металлических (золотных?) пряденых нитей. Он сохранил форму горловины и ворота рубахи,

Рис. 2. Декоративная отделка ворота рубахи 4. Кружево на коклюшках.

Fig. 2. Decorative finish of shirt collar 4. Bobbin lace.

которые окантовывал. Сама рубаха полностью истлела. Реконструируемая длина разреза ворота составляет 12 см. Сверху ворот застегивался на шарообразную пуговицу-гирьку.

Рубаха 4. В детском захоронении № 3 обнаружен фрагмент металлического кружева. Фрагмент располагался в области груди погребенного. Он представлял собой полосу металлического кружева, использованную в качестве окантовки декоративной отделки ворота рубахи. На это указывает характерно уложенное по форме горловины и разреза ворота расположение кружева *in situ*. Длина разреза ворота составляет 14 см (рис. 2).

Основная ткань рубахи полностью истлела, но с оборотной стороны кружева зафиксированы крошечные фрагменты шелковой ткани, предположительно окрашенной в красный

цвет. Возможно, эти остатки ткани могли быть обтачкой ворота рубахи. Ввиду крайней деструкции волокон, плотность ткани определить не представляется возможным.

Для декоративной отделки рубахи использовано мерное кружево-аграмант шириной 2 см, выполненное из металлических (серебряных?) пряденых нитей в парной технике плетения. Орнамент – решетка. Края кружева оформлены мелкими зубцами – фестонами.

Металлическое кружево, плетеное на коклюшках, появилось в Западной Европе во второй половине XVI века и довольно быстро получило широкое распространение благодаря своим декоративным качествам (Курс женских рукоделий, 1992, с. 448). В Россию кружево в больших количествах активно завозилось с конца XVII века и в первой половине XVIII века. В это же время в России стали образовываться центры золото-серебряного кружевоплетения в царицыной Мастерской палате, в боярских и княжеских светлицах, женских монастырях. Кружево-аграмант с растительно-геометрическим орнаментом пользовалось особой популярностью в 1 пол. XVIII в. (Баранова, 1993, с. 5–7). Кру-

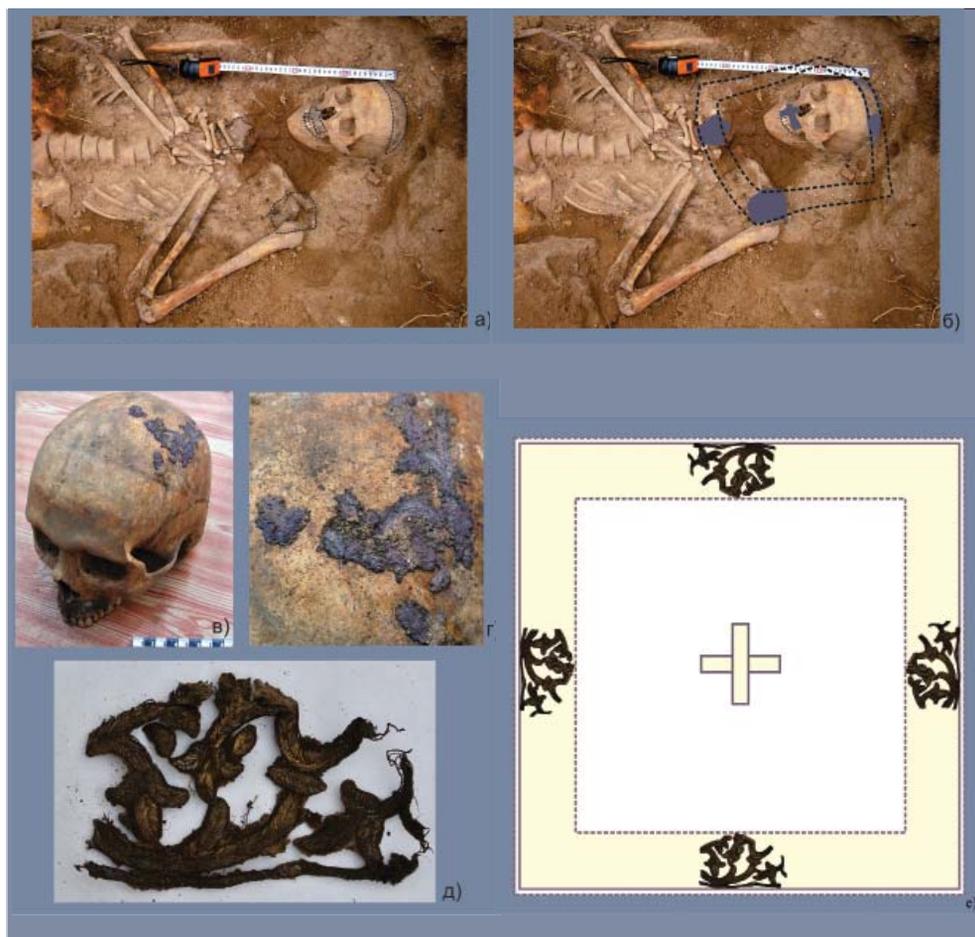

Рис. 3. Покровец 1: а – расположение текстильных остатков и металлических окислов в захоронении; б – реконструкция расположения покровца в погребении; в – текстильные остатки на черепе погребенного; г – текстильные остатки на теменной части погребенного (макрофотосъемка); д – фрагмент двустороннего золотого шитья (фрагмент находился в области груди погребенного); е – покровец.

Графическая реконструкция.

Fig. 3. Cover 1: a – location of textile residues and metal oxides in the burial; b – reconstruction of the location of a cover in the burial; c – textile remains on the skull of the buried; d – textile remains on the bregmatic of the buried. Macrophotography; e – fragment of double-sided gold embroidery.

The fragment was located at the chest of the buried; f – cover.

Graphical reconstruction.

жево-аграмант, зафиксированное в захоронении, указывает на то, что время создания рубахи – не ранее XVIII в.

Покровцы

Покровец 1. Остатки золотной вышивки и металлических окислов были зафиксированы на теменной кости черепа погребенного, в районе плечей и в области грудины (здесь же обнаружен нательный крест с остатками ткани и вышивки). Под вышивкой отмечены фрагменты уцелевшей тонкой шелковой ткани изделия. На лицевой части черепа (на верхней и нижней челюстях) имеются остатки сильно деструктированной металлической тканой ленты и окисел в виде равноконечного креста. Выявленные окислы и сохранившиеся фрагменты вышивки указывают на то, что лицо погребенного в момент погребения было накрыто декоративным платком. Наличие равноконечного креста в центре платка указывает, что изделие являлось покровцом (рис. 3 а–в).

Покровец – квадратный плат, который обычно шился из шелковой или льняной ткани и украшался по периметру широкой полосой вышивки, тесьмой или кружевом. В центре имелось изображение равноконечного, или Голгофского креста.

Покровец из погребения № 105 реконструируется следующим образом: он представляет собой шелковый плат примерными размерами 40×40 см. По периметру изделия располагалась широкая полоса растительного орнамента шириной не менее 5 см, представляющего собой вьющийся стебель с листьями и бутонами. В центре покровца располагался равноконечный крест, выполненный из двух полос длиной 7 см металлической ленты (галуна) шириной 1,5 см (рис. 3 е).

Орнамент вышивки выполнен золотными и цветными шелковыми нитями. Толщина золотных нитей составляет 0,7 мм. Нити получены путем окучивания шелковых нитей тонкими полосками позолоченного серебра в S-направлении. При изготовлении мастерица применила швы «елочка» и «стебельчатый шов». Обычно таким приемом пользовались при изготовлении тех изделий, на которых рисунок получался двусторонним с лицевой и изнаночной сторон (рис. 3 г–д).

В технике двустороннего шитья, аналогичной нашей находке, в XVI–XVIII вв. исполнялись ширинки. **Ширинка** – это небольшой декоративный платок квадратной формы. Ширинка обычно шилась из белого холста и имела размер по ширине ткацкого станка (40×40–50×50 см). По краям она имела орнаментальную кайму, шитую пряденым золотом и серебром и разноцветными шелками. В качестве орнамента использовались узоры – стебель, дерево, цветочные штамбы, трилистники, животные (олени, единороги).

Нередко ширинки в качестве вкладов поступали в монастыри, где приспособлялись к церковным нуждам. В музее Сергиевого Посада имеется целая коллекция ширенок XVI–XVII вв., среди которых есть одна, которая использована как покровец (инв. 617). В центре ширинки нашит прямоконечный крест из золотного галуна. Размеры ширинки составляют 46,5×46,5 см (Манушина, 1983, с. 152–162). Возможно, именно таким образом выглядела ранее и наша находка.

Покровец 2. При расчистке погребения 34 в области черепа и шейных позвонков были выявлены многочис-

ленные разрозненные текстильные фрагменты, представляющие собой остатки вышитого изделия. Сама ткань изделия практически полностью истлела. Крошечные крайне деформированные фрагменты ткани зафиксированы лишь под вышивкой, но они позволяют определить, что основная ткань изделия была шелковой.

Вышивка выполнена в технике двустороннего шитья золотными и цветными шелковыми нитями. В шитье использованы шов «елочка» и «стебельчатый шов». Толщина золотных нитей составляет 0,7 мм. Нити получены путем окручивания шелковых нитей тонкими полосками позолоченного серебра в S-направлении. В уцелевших фрагментах угадываются растительные элементы орнамента. Характер вышивки аналогичен рассмотренному выше покровцу 1.

Таким образом, расположение текстильных остатков в погребении и сам характер вышивки позволяют предположить, что изделием мог быть покровец, которым было укрыто лицо погребенного в момент захоронения.

Оплечье¹

Наиболее интересным текстильным предметом, обнаруженным в ходе археологических работ в Новодевичьей слободе, является оплечье из мужского захоронения № 98².

Оно зафиксировано в виде многочисленных текстильных фрагментов, образующих форму трапеции *in situ* в области шеи, ключиц и плеч, а также

¹ Подробное описание находки см. Елкина. И.И. Оплечье XVII в. из слободы Новодевичьего монастыря // КСИА. Вып. 241. 2015.

² По определению антрополога А.Н. Рассказовой погребение пожилого мужчины 55–60 лет.

под головой погребенного. Разброс фрагментов по длинной стороне трапеции составлял 60 см, в высоту – до 30 см (рис. 4 а). Фрагменты представляли собой элементы орнаментального шитья, выполненного металлическими нитями. Наличие металла объясняет их сохранность. Небольшие фрагменты основной ткани сохранились под вышивкой и местами в промежутках между вышитыми элементами. Также в погребении зафиксированы шесть медных позолоченных шарообразных полых филигранных пуговиц-гирек – в области грудины и поясного отдела. В районе запястья находились застежки в виде медных проволочных крючков и петелек, а в области пояса – железная застежка прямоугольной формы. На груди погребенного обнаружен нагательный крест.

Изучение текстильных остатков показало, что обнаруженное изделие было изготовлено из широкой полосы красного бархата. По бархату была выполнена орнаментальная вышивка в прикреп швом «косой ряд» пряженными золотными нитями. Размер раппорта орнамента составляет 26×20 см (рис. 4 б–в).

В XVI–XVII вв. русские мастерицы наряду с русскими традиционными мотивами часто заимствовали узоры дорогих привозных восточных или западноевропейских тканей (Ефимова, Белогорская, 1982, с. 14; Манушина, 1983, с. 20; Золотая нить России..., 1993, с. 9). По всей вероятности, данная вышивка повторяет орнамент турецкой узорной ткани. Основу орнамента вышивки составляют растительные ветви, направленные вверх и образующие решетку из крупных остроовальных клейм. Ор-

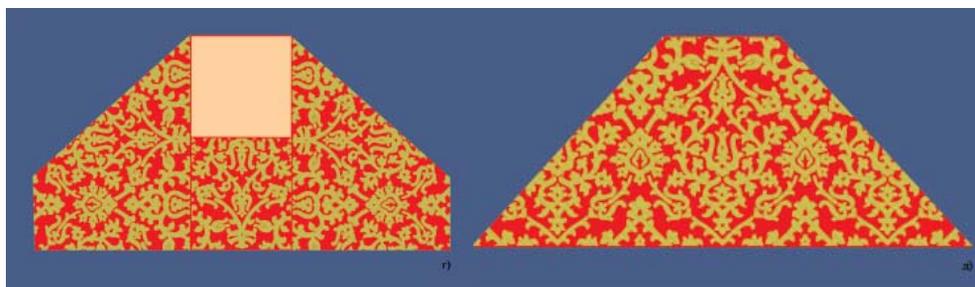

Рис. 4. Оплестье фелони: а – текстильные остатки в погребении. Фото; б – фрагмент оплестья. Золотное шитье в прикреп; в – графическая реконструкция раппорта; г – графическая реконструкция оплестья. Вид спереди; д – графическая реконструкция оплестья. Вид сзади.

намент, заполняющий клейма, представляет зеркально-симметричную композицию. В орнаменте использованы такие растительные элементы, как стилизованный тюльпан, цветок гвоздики, бутоны роз, листья и другие. Подобное композиционное решение, декоративность, высокая степень стилизации элементов орнамента, четко читаемый рисунок характерны и довольно устойчивы для турецких тканей XVI–XVII вв. (Вишневская, 1984, с. 86; Кулланда, 2007, с. 14; Восточные и европейские ткани... каталог).

Форма и расположение остатков текстильного изделия *in situ* указывают на то, что оно являлось декоративным элементом костюма – широким плечьем трапецевидной формы. Предмет находился в захоронении в районе ключиц, шейного отдела и под головой погребенного. Такое местоположение плечья дает возможность предположить, что оно имело

жесткую основу и возвышалось над плечами. Подобный тип плечья характерен для церковного облачения, а именно фелоней (рис. 4 г–д).

Основная ткань фелоня не сохранилась, но наличие остатков плечья и расположение шарообразных пуговиц-застежек в захоронении позволяет реконструировать его облик.

Фелонь был длинным, а передний край по древнему канону спереди подстегивался на пуговицы (<http://simvol-veri.ru/xp/bogoslužebnie-odeyaniya-diakona-i-iereya.html>). Фелонь имел высокое твердое плечье трапецевидной формы. Плечье шито из красного бархата и украшено золотным орнаментальным шитьем, имитирующим облик турецкой ткани.

Плечья, аналогичные по форме и технике исполнения, известны у фелоней XVI–XVII вв., хранящихся в музеях московского Кремля, ГИМ, Ярославского музея, Троице-Сергиевой Лавры и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова Г.К. Золото-серебряное кружево XVII – начала XX века. Каталог. М.: изд-во «СОРЕК», 1993. 96 с.
2. Богослужебные одеяния дьякона и иерея. Доступно по: URL: <http://simvol-veri.ru/xp/bogoslužebnie-odeyaniya-diakona-i-iereya.html>.
3. Вишневская И.И. К вопросу об атрибуции ткани саккоса митрополита Дионисия // Произведения русского и зарубежного искусства XVI – начала XVIII века: Материалы и исследования. / Отв. ред. В.Д. Черный М.: Искусство, 1984. С. 83–101.
4. Восточные и европейские ткани в собрании Государственного Исторического музея. Каталог: М.: ГИМ. б.г.
5. Громов Г.Г. Русская одежда // Очерки русской культуры XVI в.: в 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. А.В. Арциховский. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 202–216.
6. Елкина И.И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в московском монастыре. // Усыпальница дома Романовых в московском Новоспасском монастыре / Ред. А. К. Станюкович, В. Н. Звягин. Кострома: Линия График, 2005. С. 85–114.
7. Елкина И.И. Плечье XVII в. из слободы Новодевичьего монастыря // КСИА.2015. Вып. 241. С. 323–327
8. Елкина И.И. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. // Беляев Л.А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: ИА РАН, 2013. С. 230–238 (Прил. 5).

9. *Ефимова, Л.В., Алешина, Т.С., Самохин, С.Ю.* Костюм в России XV–XX начало вв. из собрания Государственного исторического музея. М.: изд-во «Артродник», 2000. 231 с.
10. *Ефимова, Л.В., Белогорская, Л.Р.* Русская вышивка и кружево: собрание ГИМ. М.: Изобразительное искусство, 1982. 272 с.
11. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. Т. I. М. 1915. 900 с.
12. Золотая нить России / Шитье. Парча. Костюм. Драгоценности. XVI–XX вв.: выставка из собрания ГИМ. М.: Эпитафия, 1993. 80 с.
13. *Кошлякова Т.Н.* Мужские рубахи конца XVI – начала XVII в. из погребений царя Федора Ивановича, царевича Ивана Ивановича и князя М.В. Скопина-Шуйского в Архангельском соборе Московского Кремля // Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к ист.-этногр. атласу. М.: Наука, 1986. С. 248–253.
14. *Кулланда М.В.* Художественный текстиль Османской империи XVI – начала XX веков, М.: ГМВ, 2007. 168 с.: ил.
15. Курс женских рукоделий, М. Изд-во «Российский писатель», 1992 (репринт 1902 г.). 545 с.
16. *Манушина Т.М.* Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М.: Советская Россия, 1983. 296 с.
17. *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984. 216 с.
18. *Орфинская О.В., Голиков В.П., Елкина И.И.,* Средневековая мужская рубаха из Нижнего Новгорода // Нижегородская старина. Вып. 41–42, 2014. С. 153–160.
19. *Пармон Ф.М.* Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М.: Легпромбытиздат, 1994. 270 с.
20. *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: Наука, 1988. 312 с.

Информация об авторе:

Елкина Ирина Игоревна, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); iga-elkina@yandex.ru

ARCHAEOLOGICAL TEXTILE FINDINGS OF 17TH – 18TH CENTURIES FROM THE QUARTER OF THE NOVODEVICHY CONVENT IN MOSCOW. ATTRIBUTION AND RECONSTRUCTION

I.I. Elkina

The article considers the textile findings of 17th – 18th centuries obtained during archaeological studies conducted in 2014–2015 at the cemetery of St. John the Baptist Church in the quarter of Novodevichy Convent. The items were in an extremely unsatisfactory state of preservation. The study allowed to identify their purpose and partially reconstruct their appearance and decoration. Of most interest among the remaining items were the fragments of shirts, covers and a phaelonion shoulder. On the basis of the results of reconstruction conducted by the author, the phaelonion, representing an element of church attire, featured a high rigid trapezoid shoulder made of red velvet and decorated with gold ornamental embroidery imitating the appearance of Turkish textile. According to the author, similar shoulders in terms of the shape and manufacturing technique are characteristic of the discovered phaelonions of 16th – 17th cc.

Keywords: archaeology, quarter of the Novodevichy Convent, cemetery, textile, gold embroidery, shirt, cover, shoulder, phaelonion, reconstruction..

REFERENCES

1. Baranova, G. K. 1993. *Zoloto-serebrianoie kruzhevo XVII – nachala XX veka. Katalog (Gold and Silver Lace of 17th – early 20th centuries. Catalogue)*. Moscow: “SOREK” Publ. (in Russian).
2. *Bogosluzhebnyie odeianiia d'iakona i iereia (Deacon's and Priest's Liturgical Robes)*. Available at: URL: <http://simvol-veri.ru/xp/bogoslujebnie-odeyaniya-diakona-i-iereya.html> (in Russian).
3. Vishnevskaia, I. I. In 1984. Chernyi, V. D. (ed.). *Proizvedeniia russkogo i zarubezhnogo iskusstva XVI – nachala XVIII veka: Materialy i issledovaniia. (Works of Russian and Foreign Art dated 16th – early 18th centuries: Materials and Studies)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ., 83–101 (in Russian).
4. *Vostochnye i evropeiskie tkani v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Oriental and European Fabrics in the Collection of the State Historical Museum)*. Catalogue. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
5. Gromov, G. G. 1977. In Artsikhovskii, A. V. (ed.). *Ocherki russkoi kul'tury XVI v.: v 2 ch. (Essays on the Russian Culture of 16th century: in two parts)* 1. Moscow: Moscow State University Publ., 202–216 (in Russian).
6. Elkina, I. I. 2005. In Staniukovich, A. K., Zviagin, V. N. (eds.). *Usypal'nitsa doma Romanovykh v moskovskom Novospasskom monastyre (Shrine of the House of Romanov in Moscow Novospassky Monastery)*. Kostroma: “Liniia Grafik” Publ., 85–114 (in Russian).
7. Elkina, I. I. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 241, 323–327 (in Russian).
8. Elkina, I. I. 2013. In Beliaev, L. A. *Rodovaia usypal'nitsa kniaziei Pozharskikh i Khovanskikh v Spaso-Evfimievom monastyre Suzdalia: 150 let izuchenii (Family Shrine of Princes Pozharsky and Khovansky in the Saviour Monastery of Saint Euthymius in Suzdal: 150 Years of Study)*. Moscow: Institute of Archeology of RAS. 230–238 (attachment 5) (in Russian).
9. Efimova, L. V., Aleshina, T. S., Samokhin, S. Iu. 2003. *Kostium v Rossii XV–XX nachalo vv. iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Russian Costume of 15th - early 20th cc. from the Collection of the State Historical Museum)*. Moscow: “Artrodnik” Publ. (in Russian).
10. Efimova, L. V., Belogorskaia, L. R. 1982. *Russkaia vyshivka i kruzhevo: sobranie GIM. (Russian Embroidery and Lace: the Collection of the State Historical Museum)*. Moscow: “Izobrazitel'noe iskusstvo” Publ. (in Russian).
11. Zabelin, I. E. 1915. *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI–XVII stoletiiakh (The Domestic Life of Russian Tsars in 16th–17th centuries)* 1. Moscow. 1915 (in Russian).
12. *Zolotaia nit' Rossii. Shit'e. Parcha. Kostium. Dragotsennosti. XVI–XX vv.: vystavka iz sobraniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Golden Thread of Russia. Embroidery. Goldcloth. Costume. Jewelry. 16th – 20th centuries: an Exhibition from the Collections of the State Historical Museum)*. 1993. Moscow: “Epitafiia” Publ. (in Russian).
13. Koshliakova, T. N. 1986. In *Drevniaia odezhdа narodov Vostochnoi Evropy: materialy k ist.-etnogr. Atlasu (Ancient Clothing of the Peoples of Eastern Europe: Materials for a Historical and Ethnographic Atlas)*. Moscow: “Nauka” Publ., 248–253 (in Russian).
14. Kullanda, M. V. 2007. *Khudozhestvennyi tekstil' Osmanskoi imperii XVI – nachala XX vekov (Artistic Textile of the Ottoman Empire of 16th - early 20th centuries)*. Moscow: Gosudarstvennyi Muzei Vostoka Publ. (in Russian).
15. *Kurs zhenskikh rukodelii (Women's Handicraft Course)*. 1992. Moscow: “Rossiiskii pisatel'” Publ., (reprint 1902 g.). (in Russian).
16. Manushina, T. M. 1983. *Khudozhestvennoe shit'e Drevnei Rusi v sobranii Zagorskogo muzeia. (Artistic Sewing of Ancient Rus in the Collection of Zagorsk Museum)*. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ. (in Russian).
17. Maslova, G. S. 1984. *Narodnaia odezhdа v vostochnoslavianskikh traditsionnykh obychaiakh i obriadakh XIX – nachala XX v. (Folk Clothing in Eastern Slavic Traditional Customs and Rites of 19th - early 20th cc.)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

18. Orfinskaia, O. V., Golikov, V. P. Elkina, I. I. 2014. In *Nizhegorodskaia starina (Nizhny Novgorod Antiquity)* (41–42), 153–160 (in Russian).
19. Parmon, F.M. 1994. *Russkii narodnyi kostium kak khudozhestvenno-konstruktorskii istochnik tvorchestva (Russian Folk Costume as an Artistic and Constructive Source of Creativity)*. Moscow: “Legprombytizdat” Publ. (in Russian).
20. Rabinovich, M. G. 1988. *Ocherki material'noi kul'tury russkogo feodal'nogo goroda (Essays on the Material Culture of the Russian Feudal Town)*. Moscow: “Nauka” Publ., 176 (in Russian).

About the author:

Elkina Irina I. Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; ira-elkina@yandex.ru

Статья поступила в номер 10.06.2016 г.

УДК 75.33.43

<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.222.235>

**ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
КАЗАНСКО-ТАТАРСКОЙ ФИЛИГРАНИ:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ЭТНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹**

© 2017 г. Л.Н. Дони́на, С.В. Су́лова

В статье рассмотрены технико-технологические параметры казанско-татарской филигрании (ажурной, бугорчатой, накладной) с целью выявления её генезиса и этноспецифических особенностей. Авторами выяснено, что в казанско-татарской филигрании XVIII–XIX веков применялись практически все известные в Поволжье с XII века виды проволоки: гладкая, скань, канитель, штампованная. У казанских татар преобладала ажурная филигрань. Её технико-технологические параметры преобладают, что указывает на стабильность национальной традиции, имеющей характер индикаторного признака. Традиции изготовления ажурной филигрании, скорее всего, сложились под золотоордынским влиянием. Особый интерес в плане генезиса представляет этноспецифическая бугорчатая филигрань. В археологических и ранних этнографических татарских материалах она не представлена. Бугорчатая филигрань без основы, аналогичная татарской, известна в светской традиции западноевропейских стран. Накладная бугорчатая филигрань встречается в русской культовой традиции.

Ключевые слова: археология, ювелирная технология, филигрань болгарская, золотоордынская, казанско-татарская, скань, канитель, генезис.

Проблема генезиса казанско-татарской филигрании, достигшей наивысшего расцвета в XVIII–XIX веках, интересовала многих исследователей. Механизм ее экспорта и освоения технологий был сложным, многокомпонентным и не одномоментным. Филигрань в Поволжье переживала взлет высоких технологий еще в домонгольский период (Руденко, 2011). Определяющими в ювелирном искусстве волжских болгар были сармато-аланский компонент, античные (Смирнов, 1951, 1966; Ефимова, 1960; Валеева-Сулейманова, 1995), а также арабо-мусульманские традиции (Во-

робьёв, 1953; Валеев, 1975). Специального внимания, на наш взгляд, заслуживают исследования М.Г. Крамаровского, который усматривает истоки казанской филигрании в золотоордынских памятниках XIII–XV веков. Идея генетической преемственности казанской скани как одной из ветвей джучидской художественной школы исследователь считает очевидной, поскольку обе они развивались в рамках одного типа филигрании – спирального (Крамаровский, 2000, с. 278).

Источниковую основу публикации представляет собой электронная база данных по ювелирному искусству

¹ Источниковую основу публикации составляют электронная база данных по ювелирному искусству, сформированная в рамках сбора информации для Историко-этнографического атласа татарского народа, а также материалы исследовательского проекта 2013–2014 гг. «Ювелирные украшения тюркских народов Евразии: общее и особенное» (РФФИ № 13-06-97056).

казанских татар, насчитывающая более тысячи предметов, которая была сформирована в рамках сбора информации и подготовки к изданию Историко-этнографического атласа татарского народа (1970–2000 гг.) (Сулова, Мухамедова, 2000). Особое внимание в последние годы было уделено изучению ювелирных технологических традиций казанских татар и других народов Евразии в фондах и особых кладовых крупнейших российских музеев. На этом этапе в фондах Национального музея Республики Татарстан (НМ РТ) была осуществлена макросъемка, замеры параметров и систематизация более четырехсот изделий, выполненных в технике ажурной, бугорчатой и накладной филигрании.

Исследование носит междисциплинарный этно-археологический характер, что «позволяет решать проблемы генезиса народной культуры разных хронологических периодов на основе сопряжения археологического и этнографического видения проблем» (Томилов, 1999, с. 25). Ретроспективный этно-археологический анализ ювелирных изделий, благодаря их «нетленности» и богатству информационного поля (технично-технологические параметры, формально-морфологические признаки, орнаментальные знаки и символы), делают их фундаментальным источником в познании этапов развития народного искусства, тесно связанного с этнокультурной историей народа.

До настоящего времени технологические особенности казанско-татарской филигрании практически не изучались. Сведения о них в основном ограничивались использованием общепринятой терминологии, основан-

ной на визуальном анализе: *ажурная* и *бугорчатая* – без основы и *накладная*, *напаянная* на основу изделия. Этими дефинициями, определяющими вид миниатюрной орнаментации, пользуемся и мы.

Однако, чтобы отнести филигранные изделия к той или иной технологической школе и тем более выявить их этноспецифические особенности и истоки, визуального стилистического анализа крайне недостаточно. Необходимо определить технико-технологические параметры основного элемента филигрании – проволоки. Для этого нами была использована тщательно разработанная и апробированная методика Н.В. Жилиной. По мнению исследователя, параметры проволоки могут иметь характер индикаторного признака для определения региональной технологической традиции. Автор выделяет признаки, по которым становится возможным определить способ ее изготовления (Жилина, 2010, с. 38, 45). С этой целью была осуществлена макросъемка украшений, выполненных в технике филигрании, из фондов драгоценных металлов НМ РТ. Было выявлено, что для изготовления филигрании XVIII–XIX веков применялись все известные виды проволоки: гладкая (гладь), витая (скань), спиральная (канитель) и штампованная. Проволочная филигрань круглого сечения служила для декорирования металлической поверхности, вальцованная – для заполнения проволочно-каркасных конструкций. Все виды проволоки, изготовленные способом витья, навивки и штампования, имеют разный, но характерный зернистый эффект.

Гладкая проволока изготавливалась путем волочения. Способов ее

применения несколько: обматывание, плетение, украшение поверхности. В ажурной татарской филигрании плющенная гладкая проволока выполняла несколько функций: служила в качестве силового каркаса и использовалась для мелких элементов орнаментации.

Гладкая проволока, т.н. гладь, считается одной из самых древних. «Она испокон веков господствовала на древнем Востоке, в Египте, древней Греции и Этрурии, в изделиях ювелиров Сирии, Малой Азии, Афин и Тосканы. Около IX столетия филигрань из волооченной нити является господствующим видом» (Кондаков, 1896, с. 51). Вероятнее всего, способ волоочения изобрели в странах Ближнего Востока и в Египте в эпоху средней и поздней бронзы. Волоочильные доски (фильеры) изобрели ранее VI в. до н. э. (Минасян, 2014, с. 240, 277). Время перехода на Руси отковки проволоки к ее волочению датируется не позднее X века (Рыбаков, 2015, с. 300).

Гладкая проволока круглого сечения в качестве основного декора широко представлена в изделиях болгарского периода, датируемых XII веком: в известных плетеных серебряных браслетах и гривнах, в золотых височных украшениях. В качестве накладной орнаментации использовались колечки из плоской или круглой глади (Руденко, 2011, с. 80).

Витая проволока (рус. «скань») изготавливалась способом витья из двух проволок и использовалась, как правило, в качестве миниатюрной орнаментации в сочетании с зернью.

Известны два принципиально различных способа изготовления зерни – разбрызгиванием и из заготовок. Различные методы получения гранул

описаны в специальной литературе (Бреполь, 1982, с. 275). В ажурной филигрании казанских ювелиров зернь встречается редко, в накладной – в сочетании с проволокой, а в бугорчатой – она и вовсе не использовалась. Принцип орнаментации изделий, форма гранул дают основание предполагать, что применялся способ из заготовок.

В татарской ювелирной традиции скань использовалась редко: круглого сечения – для оформления основания кастов (рис. 1), вальцованная – для завитков внутри каркаса. В накладной скани, представленной преимущественно предметами культа (коранницами, амулетницами), генетически восходящими к искусству накладной скани золотоордынского периода, она служила в качестве бордюров для зон орнаментации, а также «гнездами» под крупную зернь и для оформления кастов.

Скань в сочетании с зернью была доминирующим средством орнаментации в ювелирном искусстве болгар (рис. 2). В качестве элемента филигрании использовались колечки из круглой или плоской веревочки (Руденко, 2011, с. 80). Совокупность этих приемов прослеживается и в ювелирном искусстве Золотой Орды (Сокровища, 2000, с. 114, 116, 119).

Спиральная проволока (рус. «канитель») изготавливалась способом спиральной навивки на стержень (ригель) и использовалась вместе с ним. Канитель круглого сечения применялась в качестве накладной орнаментации. У татар самое широкое распространение получила канитель вальцованная. Она использовалась для заполнения пространства внутри каркаса ажурной и бугорчатой фили-

Рис. 1. Бляха. Казанские татары. Середина XIX в. Ажурная филигрань. Серебро, позолота, канитель, скань, агат, хрусталь. НМ РТ, инв. № 10221-47.

Fig. 1. Badge. Kazan Tatars. Mid-19th c. Openwork filigree. Silver, gold plating, flattened wire, filigree, agate, crystal. National Museum of the Republic of Tatarstan, inv. No. 10221-47.

Рис. 2. Височное кольцо с фигуркой птицы. Волжская Булгария, XI–XII вв. Золото, тиснение, скань, зернь. НМ РТ, инв. № 14403. (К.А. Руденко 2011: 207).

Fig. 2. Temple ring with a bird figure. Volga Bulgaria, 11th – 12th cc. Gold, embossing, filigree, granules. National Museum of the Republic of Tatarstan, inv. No. 14403, (K.A. Rudenko, 2011: 207).

границ. Для создания ленточной филиграни с дробным зерновым эффектом и высоким рельефом применялась плотная навивка (рис. 1). Некоторые способы создания такой филиграни были технологическими секретами.

Технология спирального навивания с раннего средневековья была характерна для изделий римско-византийского круга. На Руси она известна с XII – первой трети XIII века (Жилина, 2010, с. 41, 42, 47).

Штампованная проволока («зернистые нити», «нити мелких зёрен») считается одним из древних видов филиграни (Кондаков, 1896, с. 51). Технология штампования известна с эпохи античной Греции, она применялась в Риме и Византии, в эпоху средневековья была воспринята повсеместно в Европе, а с X века распространилась и на Руси (Жилина, 2010, с. 12, 16, 20, 42, 45). В татарских ювелирных украшениях плоская штампованная проволока выявлена только в технике бугорчатой филиграни.

Ажурная (плоская) филигрань в ювелирном искусстве казанских татар получила наибольшее распространение и высокотехнологическое развитие.

Принцип ажурной орнаментации заключается в использовании проволоки различной толщины, чередовании гладкой и витой проволоки, заполнении крупных элементов мелкими. Все этапы взаимообусловлены, логично выстроены и сопряжены с соблюдением определенных условий техники пайки. Из набора общих технологических приемов создается множество этноспецифических самобытных образных решений.

Татарские филигранные украшения многосоставные. Основой каж-

дого элемента служит силовой каркас из гладкой проволоки прямоугольного сечения (1,5×1,5 мм; 1,5×1,2 мм), определяющий толщину пластины. Каркас состоит из двух вписанных друг в друга частей: внешняя определяет форму, внутренняя служит основанием оправы для камня. Они соединяются *спиралями* из той же гладкой проволоки, являющимися основными структурными элементами орнамента. Спирали не представляют собой непрерывный стебель, характерный, например, для новорокайльской эстетики московской скани второй половины XIX века. В казанско-татарской традиции они берут начало от внешнего или внутреннего каркасов, включая их в общее орнаментальное пространство. Аналогичный принцип наблюдаем в золотоордынских филигранных изделиях (Сокровища, 2000, с. 201; экспозиция ГИМ, рис. 3). Образованные пустоты внутри и между спиралями заполняются простыми односторонними *завитками*, завитками в один или два оборота из вальцованной проволоки, идущими от внешнего края спирали к центру. Встречаются украшения, в которых завитки чередуются с петлевыми мотивами, свойственными больше для изделий московской школы.

Морфология витья проволоки имеет ряд специфических признаков: разделение витков на ребре проволоки сильно разглажено при вальцевании, рельеф состоит из мелких полукруглых лепестков. Подобный филигранный эффект может сохраниться лишь при технике плотного спирального витья. Завитки заготавливались из плющеной канители, имеющей пропорции 0,5×1,5 мм (рис. 1, 4). Для достижения подобного рельефа и

Рис. 3. Цепь из медальонов. Золотая Орда. Вторая половина XIII–XIV в. «Симферопольский» клад. Экспозиция ГИМ, 2015.

Fig. 3. Chain of medallions. The Golden Horde. Second half of 13th–14th cc. ‘Simferopolsky’ hoard. Collection of the State Historical Museum, 2015.

пропорций ленты необходимо, чтобы стержень в диаметре был в три раза больше диаметра навиваемой на него проволоки. Эти параметры преобладают, что говорит о стабильности технико-технологической традиции казанско-татарской филигрании.

Применение спирального навивания стандарта 0,5×1,0 мм было характерно для русского ювелирного искусства постзолотоордынского периода (Жилина, 2001, с. 77, 81, 91, 92, 98). Есть основания предполагать, что традиции изготовления казанско-

татарской ажурной филигрании также сложились под влиянием искусства Золотой Орды, что согласуется и с выводами М.Г. Крамаровского.

Ажурная филигрань бывает и *объемной*, широко распространенной, например, у крымских татар (Акчурина-Муфтиева, табл. 3. 25 е, л; табл. 3.27 п, р; Qirimtatar, 2001, с. 20–22), у ряда народов Кавказа (Бикбулатова, 2001, табл. XLV–XLVI), но не получившей развития у казанских татар этнографического периода. В татарских музейных материалах встреча-

Рис. 4. Бляха. Казанские татары. Середина XIX в. Бугорчатая филигрань. Серебро, позолота, канитель, искусственные аметисты. НМ РТ, инв. № 10283-31.

Fig. 4. Badge. Kazan Tatars Mid-19th c. Granulous filigree. Silver, gold plating, flattened wire, artificial amethysts. National Museum of the Republic of Tatarstan, inv. No. 10283-31.

Рис. 5. Воротниковая застёжка *яка чылбыры*. Казанские татары.

Конец XVIII–XIX вв.

Бугорчатая филигрань.

Серебро, позолота, канитель, аметисты, бирюза.

НМ РТ, экспозиция 2014.

Fig. 5. Collar clasp *yaka chylbyry*.

Kazan Tatars. Late 18th–19th cc.

Granulous filigree. Silver,

gold plating, flattened

wire, amethysts, turquoise.

National Museum of the Republic of Tatarstan, collection of 2014.

ются объемные филигранные подвески и пуговицы, относящиеся к более раннему времени, но вопрос их места и времени производства остается открытым.

Бугорчатая (рельефная) филигрань известна у татар с XVIII века. Техниккой ее изготовления владели только высококвалифицированные ювелиры, предметы носили элитарный характер. В частности, воротниковые застёжки *яка чылбыры*, нагрудные перевязи *хаситэ*, нередко представляют собой шедевры ювелирного искусства (рис. 5).

Технология бугорчатой филигрании во многом сходна с ажурной. Принципиальная разница заключается в том, что ее орнамент строился из плотных завитков (бугорков) в 4–5 оборотов в форме конуса, возвышающегося выше каркаса. В зависимости от их высоты различают низкую и высокую бугорчатую филигрань. Для завитков использовалась вальцованная кани-

тель плотной вертикальной навивки. Она имела иные пропорции: толщина в пределах 0,3–0,4 мм, высота соответствовала высоте каркаса – 1 мм или 1,3 мм. В ряде изделий использовалась штампованная проволока, имеющая характерный «рубчатый верх». Для изготовления подобной проволоки московские ювелиры второй трети XIX века применяли приспособление, напоминающее вальцы, с использованием шестеренок вместо валов, через которые пропускали вальцованную гладь (Чавушьян, 2008, с. 29, 58).

Бугорчатая филигрань представляет особый интерес в плане генезиса. Так, в историографии сложилось убеждение, что бугорчатая скань является «самобытной и уникальной техникой, не получившей распространения в ювелирном деле других народов» (Татарская, 2002, с. 468). Однако наши исследования последних лет дают основания утверждать, что она бытовала и в ювелирном искус-

Рис. 6. Венец с иконы «Богоматерь Боголюбская». Конец XIV – начало XV вв. Накладная бугорчатая филигрань. Золото, жемчуг, сапфиры, альмадины, скань, зернь. Музей-заповедник «Московский Кремль». (Armoury-chamber.kreml.ru).

Fig. 6. Crown of the Theotokos of Bogolyubovo Icon Frame. Late 14th – early 15th cc. Overlay granulous filigree. Gold, pearls, sapphires, almandines, filigree, granules. Moscow Kremlin Museum-Reserve. (Armoury-chamber.kreml.ru).

стве ряда народов европейской части Евразии. Кроме того, выделяется два технико-технологических способа ее изготовления:

- бугорчатая накладная (на металлической основе);
- бугорчатая ажурная (без основы).

Например, бугорчатая накладная филигрань встречается в русской культовой традиции значительно раньше, чем у казанско-татарских мастеров. Исследователями выявлены четыре уникальных предмета, определяющим элементом декора которых

служат тугие сканые конусы, размещённые между кастами. Все они отнесены ко времени великокняжеской Москвы XIV–XV веков. Это маленькие золотые венец (рис. 6) (Armoury-chamber.kreml.ru) и гривенка (цата) с иконы «Богоматерь Боголюбская» из ризницы Благовещенского собора Московского Кремля; венец с иконы «Богоматерь Барловская» и половина довольно массивного золотого иконного очелья, найденные в 1931 году на месте Чудова монастыря. Самый ранний из этих предметов – очелье. Его форма, подобная узкому полу-

Рис. 7. Брошь. Италия (Венеция?).

Конец XIX – начало XX вв.

Бугорчатая филигрань.

Золото, жемчуг, аметист, скань.

ГИМ, экспозиция 2015.

Fig. 7. Brooch. Italy (Venice?).

Late 19th – early 20th cc. Granulous filigree.

Gold, pearls, amethyst, filigree.

State Historical Museum, collection of 2015.

Рис. 8. Крышка амулетницы. Накладная филигрань. Серебро, позолота, штампованная проволока, канитель, зернь, бирюза. НМ РТ, инв. № 10221-417.

Fig. 8. Lid of a pendant box. Overlay filigree.

Silver, gold plating, stamped wire, flattened wire, grain, turquoise.

National Museum of the Republic of Tatarstan, inv. No. 10221-417.

месяцу, генетически связана с очельями домонгольских кладов. Всю поверхность очелья вокруг гнезд с самоцветами покрывают довольно высокие сканые конусы. Эти конусы в большинстве своём замкнутые, со сжатым концом. Такие же на гривенке «Богоматери Боголюбской», тогда как на её венце они завершаются достаточно крупной зернью. На венце же иконы «Богоматерь Барловская» конусы, напротив, имеют отверстия и лишь отдельные завершены зернью. Предметы принадлежат к древнейшим образцам московской скани и воспроизводят декоративный приём западноевропейских ювелиров. Европейские аналоги имеют чёткую хронологию – конец X – середина XI веков (Мартынова, 1984; Стерлигова, 2000, с. 199–220). В кругу изделий казанско-татарских мастеров этот способ изготовления бугорчатой филигрании нами не обнаружен. Бугорчатая филигрань без основы, аналогичная казанско-татарской, встречается в светской

традиции западноевропейских стран XIX века (Италия, Франция) (рис. 7).

Накладная филигрань в качестве основы имеет гладкую, либо чеканную или гравированную металлическую пластину. Миниатюрной орнаментацией служат зернь различного диаметра, скань или канитель (рис. 8). Основными модулями зерневого орнамента являются минитреугольники из трех или треугольники (пирамидки) из шести гранул. Счетный орнаментальный ряд подчеркивает форму предмета и центр композиции, оформленный в виде розетки. Минитреугольники украшают основания кастов с самоцветами, также образуя небольшие розетки. Одиночные крупные гранулы, как правило, сажаются в гнезда из скани. Скань или канитель круглого сечения служили украшением основания кастов, играли роль бордюров для зон орнаментации и края пластины.

Исследователи татарской филигрании подчеркивают, что подобная счетная система декорирования является

характерной особенностью гуннского ювелирного искусства, сарматских украшений и ювелирного искусства греческих городов-колоний Северного Причерноморья. Большое сходство болгарских украшений с изделиями греческих торевтов позволило предположить, что они являются прототипами болгарских (Валеев, 1975, с. 76; Валеева-Сулейманова, 1995, с. 93–94).

Наиболее полно накладная филигрань представлена в известных болгарских материалах: височных украшениях, ожерельях, перстнях. Накладная филигрань со сканью и зернью известна и по произведениям искусства Золотой Орды.

В татарских коллекциях НМ РТ, РЭМ нередко встречаются изделия (обычно коранницы), орнаментированные ложной (псевдо) зернью, которая изготавливалась методом проката в вальцах со специальной насечкой. Аналогичный прием декора наблюдаем и у народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана (Тохтабаева, 2002, рис. 122; Сычева, 1984, рис. 82, 84).

Накладная филигрань, в отличие от ажурной и бугорчатой, получившая наибольшее развитие у ювелиров Востока, для татарской ювелирной традиции была мало характерна. Однако по бытованию она достаточно широко представлена в комплексе украшений татарской знати, особенно в ранние периоды национальной истории. То, что накладная филигрань была неместного происхождения, говорит и факт отсутствия в татарском языке терминологического ее обозначения. Н.И. Воробьев еще в середине прошлого столетия заметил, что «некоторое количество украшений, употреблявшихся татарами, было определено не местного происхождения, но

разобраться в этом крайне трудно, т.к. местные ювелиры изготавливали украшения иногда по привозным образцам и обычно очень неплохо» (Воробьев, 1953, с. 288).

Как видим, у казанских татар преобладала ажурная филигрань. Ее технико-технологические параметры устойчивы, что указывает на стабильность национальной традиции. Технология её изготовления скорее всего сложилась под влиянием золотоордынской филигрании с идентичными в целом технологическими характеристиками. Распад Золотой Орды, затухание ее мощной городской культуры затормозили дальнейший расцвет этого искусства и в Казанском Поволжье. Новый виток возрождения, как и в России, начинается с середины XVIII в. в процессе интеграции национальной культуры в общий культурный процесс европейской цивилизации. Проследить бытование ажурной филигрании в более ранние периоды по причине условности датировок ювелирных изделий и особенно крайне спорной атрибуции артефактов периода Казанского ханства на данном этапе исследований проблематично.

Выявленные в ходе исследования морфологические характеристики проволоки, структурно-образное решение изделий позволяют высказать предположение, что прямой связи между болгарской сканью домонгольского времени и золотоордынской филигранью спирального стиля не обнаруживается. Это подтверждается и результатами специального исследования (Руденко, 2011).

Чрезвычайный интерес в плане генезиса представляет бугорчатая филигрань, достигшая у татар особого совершенства в середине XVIII в. В

ювелирном искусстве западноевропейских стран известна бугорчатая накладная (X–XI вв.) и бугорчатая ажурная филигрань (XIX в.). В русском искусстве бугорчатая накладная филигрань встречается на предметах религиозного культа XIV–XV вв. Тем не менее, бугорчатая филигрань казанско-татарских мастеров является этноспецифическим элементом та-

тарской культуры, поскольку была не известна сопредельным народам, с которыми татары находились в постоянных контактах (Бромлей, 1973, с. 65).

Накладная филигрань, в отличие от ажурной и бугорчатой, для татарской ювелирной традиции мало характерна, хотя широко представлена в costume знати с весьма раннего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчурина-Муртиеева Н.М. Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV – первой половины XX вв. (этапы развития, типология, стилистика, художественные особенности). Симферополь: ОАО СГТ, 2008. 392 с.
2. Бикбулатова А.Г. Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2001. 289 с.
3. Бреполь Э. Теория и практика ювелирного дела. Л.: Машиностроение, 1982. 384 с.
4. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М: Наука, 1973. 283 с.
5. Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. 214 с.
6. Валеева-Сулейманова Г.Ф. Из истории татарского народного искусства. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. С. 144.
7. Венец с иконы «Богоматерь Боголюбская». Доступно по: URL: <http://armourychamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-3-yuvelirnoe-iskusstvo-moskvu-xv-veka/> Дата обращения 10.12.2013.
8. Воробьев Н.И. Казанские татары: Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода. Казань: Таткнигоиздат, 1953. 383 с.
9. Ефимова А.М. Бутаевский клад ювелирных изделий волжских болгар // СА. 1960. № 3. С. 195–203.
10. Жилина Н.В. Зернь и скань Древней Руси. М.: ИА РАН, 2010. 260 с.
11. Жилина Н.В. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М: Наука, 2001. 248 с.
12. Кондаков Н.П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Спб., 1896. 214 с.: илл.
13. Крамаровский М. Г. К истокам казанской скани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 1–3 июля 1999 г. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 272–278.
14. Мартынова М.В. Оклад иконы «Богоматерь Млекопитательница» из собрания музеев Московского Кремля // Древнерусское искусство XIV–XV вв. / Отв. ред. О.И. Подобедова. М.: Наука, 1984. С. 101–113.
15. Минасян Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2014. 472 с.
16. Руденко К.А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Т. I. Казань: Заман, 2011. 256 с.
17. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Академический проект, Культура. 2015. 716 с.
18. Смирнов А.П. Античные элементы в культуре населения Севера Восточной Европы // Культура античного мира: К сорокалетию научной деятельности Владимира

Дмитриевича Блаватского – его друзья, товарищи, ученики / Отв. ред. А.И. Болтунова. М.: Наука, 1966. С. 237–242.

19. Смирнов А.П. Волжские Булгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 275 с.

20. Скровища Золотой Орды. Каталог выставки / Авторы: Елихина Ю.И., Крамаровский М.Г., Полякова Г.Ф. СПб.: Славия, 2000. 346 с.

21. *Стерлигова И.А.* Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. Происхождение, символика, художественный образ. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 264 с.

22. *Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: ФЭН, 2000. 311 с.

23. *Сычева Н.С.* Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана на XIX–XX веков: из собрания Гос. музея искусства народов Востока: [альбом] / Н.С. Сычёва. М.: Советский художник, 1984. 179 с.: илл.

24. Татарская энциклопедия: в 5 томах / Гл. ред. М.Х. Хасанов. Т. I: А-В. Казань: Изд-во ИТЭ, 2002. С. 468.

25. *Томилов Н.А.* Этноархеология как научное направление российской науки // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов / Гл. ред. Н.А. Томилов. Москва-Омск: Наука, 1999. С. 25–30.

26. *Тохтабаева Ш.Ж.* Шедевры Великой степи / Культура и искусство. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 240 с.

27. *Чавушьян Д.М.* Технично-технологические и художественные особенности московской скани конца XVIII – начала XX вв. Дисс... канд. искусствоведения. М., 2008. 137 с.

28. Qirimtatar Decorativ-Ameliy Sanati (XIX–XX asir). Simferopol: SONAT, 2001. 120 с.

Информация об авторах:

Донина Лариса Николаевна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); lis.art@mail.ru

Суслова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); sv_suslova@mail.ru

TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL FEATURES OF KAZAN-TATAR FILIGREE: RETROSPECTIVE ETHNIC-ARCHEOLOGICAL ANALYSIS

L.N. Donina, S.V. Suslova

The article considers the technical and technological parameters of Kazan-Tatar filigree (openwork, granulous and overlay) with the purpose of determining its genesis and ethnic specific features. The authors determined that the Kazan-Tatar filigree of 18th – 19th centuries is characterized by the application of practically all types of wire discovered in the Volga region since the 12th century: smooth, filigree, flattened and stamped. The type of filigree most widely spread among the Kazan Tatars was delicate filigree. Its predominant technical and

The source of the publication is the electronic database on jewellery art compiled within the framework of data collection for the Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People, and the materials of the research project of 2013–2014 “General and special jewellery of the Turkic peoples of Eurasia” (Russian Foundation for basic research, project No. 13-06-97056).

technological parameters indicate the stability of the national tradition with the character of an indicator. The manufacturing traditions of openwork filigree most likely were established under the influence of the Golden Horde. Of special interest in terms of genesis is the ethnic specific granulous filigree. It is not represented in archaeological and early ethnographic Tatar materials. Granulous filigree with no base, similar to Tatar filigree, is present in the secular tradition of Western European countries. Overlay granulous filigree has been encountered in Russian cult tradition.

Keywords: archaeology, jewellery, technology, Bolgar, Golden Horde, Kazan-Tatar filigree, flattened wire, genesis.

REFERENCES

1. Akchurina-Muftieeva, N. M. 2008. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo krymskikh tatar XV – pervoi poloviny XX vv. (etapy razvitiia, tipologiia, stilistika, khudozhestvennye osobennosti) (Decorative and Applied Arts of Crimean Tatars in 15th - first half of 20th cc. (Development Stages, Typology, Stylistics, Artistic Features))*. Simferopol': Simferopol city printing house (in Russian).
2. Bikbulatova, A. G. Gadzhieva, S. Sh., Sergeeva, G. A. 2001. *Odezhda narodov Dagestana. Istoriko-etnograficheskii atlas. (Clothing of the peoples of Dagestan. Historical and ethnographic Atlas)*. Pushchino: Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
3. Brepol' E. 1982. *Teoriia i praktika iuvelirnogo dela (Theory and Practice of Jewellery)*. Leningrad: "Mashinostroenie" Publ. (in Russian).
4. Bromley, Yu. V. 1973 *Etnos i etnografiia (Ethnos and ethnography)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Valeev, F. Kh. 1975. *Drevnee i srednevekovoe iskusstvo Srednego Povolzh'ia (Ancient and Medieval art in the Middle Volga Region)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
6. Valeeva-Suleimanova, G. F. 1995. *Iz istorii tatarskogo narodnogo iskusstva (Excerpts on the History of Tatar Folk Art)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
7. *Venec s ikony «Bogomater' Bogoljubskaja» (Crown of the Theotokos of Bogolyubovo Icon Frame)*. Available at: URL: <http://armoury-chamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-3-yuvelirnoe-iskusstvo-moskvy-xv-veka/> (accessed 10.12.2013) (in Russian).
8. Vorob'ev, N. I. 1953. *Kazanskie tatory: Etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury dooktiabr'skogo perioda. (Ethnographic Study of the Material Culture of the Pre-October Period)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
9. Efimova, A. M. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 3, 195–203 (in Russian).
10. Zhilina, N. V. 2010. *Zern' i skan' Drevnei Rusi (Granulation and filigree in Ancient Rus)*. Moscow: Institute of Archeology of RAS (in Russian).
11. Zhilina, N. V. 2001. *Shapka Monomakha. Istoriko-kul'turnoe i tekhnologicheskoe issledovanie (Monomakh's Cap. Historical, Cultural and Technological Study)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Kondakov, N. P. 1896. *Russkie klady. Issledovanie drevnostei velikokniazheskogo perioda (Russian Hoards. A Study of Antiquities of the Grand Prince Period)*. Saint Petersburg (in Russian).
13. Kramarovskii, M. G. 2000. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia Kazan': vznik i razvitie (Medieval Kazan: Appearance and Development)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 272–278 (in Russian).
14. Martynova, M. V. 1984. In Podobedova, O. I. *Drevnerusskoe iskusstvo XIV–XV vv. (Ancient Russian Art 14th – 15th c.)* Moscow: "Nauka" Publ., 101–113 (in Russian).

15. Minasian, R. S. 2014. *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e (Metalworking in Antiquity and the Middle Ages)*. SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2014. Saint Petersburg: "State Hermitage Museum" Publ. (in Russian).
16. Rudenko, K. A. 2011. *Bulgarskoe zoloto: filigrannye visochnye podveski (Bulgarian Gold: Filigreed Temple Pendants)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) 1. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
17. Rybakov, B. A. 2015. *Remeslo Drevney Rusi (Craft of Ancient Rus)*. Moscow: Nauka" Publ. (in Russian).
18. Smirnov, A. P. 1966. In Boltunova, A. I. (ed.). *Kultura antichnogo mira: k sotrokoletiiu nauchnoi deyatel'nosti Vladimira Dmitrievicha Blavatskogo – ego druz'ya, tovarishchi, ucheniki (Culture of the ancient world: the fortieth anniversary of scientific activity of Vladimir Dmitrievich Blavatsky - his friends, companions, disciples)*. Moscow: "Nauka" Publ., 237–242 (in Russian).
19. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 19. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
20. Elikhina, Yu. I., Kramarovskii, M. G., Poliakova, G. F. 2000. *Sokrovishcha Zolotoi Ordyy. Katalog vystavki (Treasures of the Golden Horde. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).
21. Sterligova, I. A. 2000. *Dragotsennyi ubor drevnerusskikh ikon XI–XIV vekov. Proiskhozhdenie, simbolika, khudozhestvennyi obraz (A Precious Furnishings of Ancient Russian Icons of the 11th –14th Centuries. Origin, Symbolism, Artistic Image)*. Moscow: "Progress-Traditsiya" Publ. (in Russian).
22. Suslova, S. V., Mukhamedova, R. G. 2010. *Narodnyi kostium tatar Povolzh'ia i Urals (seredina XIX – nachalo XX vv.). Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda (Folk Costume of the Tatars from the Volga Region and the Urals (mid-19th - early 20th centuries). Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People)*. Kazan: "FEN" Publ. (in Russian).
23. Sycheva N.S.1984. *Iuvelirnye ukrasheniia narodov Srednei Azii i Kazakhstana XIX–XX vekov: iz sobraniia Gos. muzeia iskusstva narodov Vostoka: (al'bom) (Jewellery of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan of 19th –20th centuries: from the Collection of the State Museum of Oriental Art: (Album))*. Moscow: "Sovetskii khudozhnik" Publ. (in Russian).
24. Khasanov, M. Kh. (ed.). 2002. *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)*. Kazan: Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 468 (in Russian).
25. Tomilov, N.A. 1999. In Tomilov, N. A. (ed.). *Integratsiia arkhеologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniia (The Integration of Archaeological and Ethnographic Research)*. Barnaul; Omsk: "Nauka" Publ., 25–30 (in Russian).
26. Tokhtabaeva. Sh. Zh. 2002. *Shedevry Velikoi stepi (Masterpieces of the Great Steppe)*. Series: Kul'tura i iskusstvo (Culture and Art). Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).
27. Chavush'ian, D. M. 2008. *Tekhniko-tehnologicheskie i khudozhestvennye osobennosti moskovskoi skani kontsa XVIII – nachala XX vv. (Technical, Technological and Artistic Features of the Moscow Filigree in late 18th – early 20th cc.)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
28. 2001. *Qirimtatar Decorativ-Ameliy Sanati (XIX–XX asir)*. Simferopol: SONAT.

About the Authors:

Donina Larisa N. Candidate of Arts. Institute of History named after Sh. Mardzani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; lis.art@mail.ru

Suslova Svetlana V. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Mardzani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sv_suslova@mail.ru

Статья поступила в номер 02.12.2016 г

Средневековые погребальные комплексы Северной Евразии

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.236.257>

БУСЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ПО ОБРЯДУ ИНГУМАЦИИ ГНЁЗДОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2017 г. О.П. Доброва

В статье рассмотрены бусы из 33-х грунтовых погребений могильника Гнездово. Бусы, общее число которых составляет 367, изготавливались из тянутой трубочки (258), тянутой палочки (3), навивки (45), прессования (2 экз.), с помощью сварки (2 экз.), а также мозаичные (9 экз.). В могильнике фактически отсутствует рубленый бисер, в том числе самый массовый тип для поселения бисер жёлтого стекла. Помимо стеклянных бус, в материалах могильника зафиксированы сердоликовые и хрустальные бусы, янтарные, фаянсовые, а также бусы, изготовленные из металла. Кроме бус, среди инвентаря погребений зафиксирован ряд привесок, у которых на проволочное кольцо нанизана бусина. В рассматриваемых комплексах имеется 5 экземпляров таких привесок. Помимо Гнездова, подобные привески встречены в Киеве, Тимерёве, Пскове, Владимирских курганах. Сравнение наборов бус из могильников Гнездова и Киева позволяет сделать вывод, что в целом набор и частота встречаемости бус в этих могильниках одинаковы. В то же время бусы из горного хрусталя, сердолика и металла встречаются в киевских ингумациях чаще.

Ключевые слова: археология, Древняя Русь, Гнездово, бусы, могильник, X-XI вв., технология, скандинавы.

Гнездово крупнейший археологический комплекс эпохи формирования древнерусского государства, расположенный в верховье р. Днепра близ Смоленска. Памятник включает в себя Центральное городище, селище и ряд курганных групп, кроме того, с ним связаны находки нескольких кладов. Расцвет поселения приходится на X в., что обусловлено его нахождением на одной из главных торговых магистралей Европы «Пути из варяг в греки».

Коллекция гнездовских бус насчитывает более 12 тысяч экземпляров, в то же время в научный оборот по большей части введены бусы, происходящие с территории Гнездовского

поселения (Френкель, 2007). Бусы из гнездовского могильника, хотя и затрагивались в различных аспектах, подробно не рассматривались (Попова, 1980; Лихтер, Щапова, 1991; Каменецкая, 1991; Тодорова, 2004). Целью этой работы является введение в научный оборот части бус из гнездовского могильника, а именно из погребений, совершенных по обряду ингумации. Для этого были отобраны комплексы из раскопок Смоленской археологической экспедиции МГУ и ГИМ, так как они наиболее полно документированы¹.

¹ Автор выражает благодарность Т.А. Пушкиной и С.С. Зозуле за предо-

Наиболее подробно материалы гнёздовского могильника были проанализированы в работах Ю.Э. Жарнова (Жарнов, 1991; Жарнов, 1998). По его мнению, появление погребений по обряду ингумации в Гнёздове вызвано не эволюцией погребальной обрядности, а социальными, этническими и, возможно, религиозными факторами. Все труположения в Гнёздове Ю.Э. Жарнов датирует второй половиной X – началом XI века, и именно в погребениях по обряду ингумации наиболее четко проявилась двучленная этноструктура населения Гнёздова – скандинавы и славяне.

При анализе комплексов гнёздовского могильника Ю.Э. Жарнов выделил группу из 116 комплексов, совершенных по обряду ингумации с погребениями в «могильных ямах» и в «камерах». В группе погребений в «могильных ямах» насчитывается 81 комплекс, при этом бусы зафиксированы в 15 (Ц-61², 276, 281, 289, 292; Л-121, 124, 137, 139; Дн-3, 17; Польш-5, 7, 14, 52). Из 31 погребения «в камере» бусы зафиксированы в составе 14 комплексов (Ц-84, 86, 171, 198, 212, 255, 290, 301, 306; Польш-25/II, 50, 76; Оль-30; Дн-40). К этому списку можно добавить комплексы курганов, раскопанных в Лесной группе: Л-179, Л-192 – погребения в «могильных ямах», а также Л-203 и Дн-55 – погребения «в камере». Таким образом, общее количество погребений по обряду ингумации, имеющих в своем составе бусы, насчитывает 33 комплекса, в которых зафиксировано 367 бус (табл. 1).

ставленный материал.

² Данный комплекс по неизвестным причинам не был учтен Ю.Э. Жарновым в его статье 1998 г.

Охарактеризуем типологический набор бус (табл. 2).

Рубленный бисер – 15 экз. (табл. 2). Бисер зафиксирован в составе погребального инвентаря пяти курганов и составляет 4,4%³. В материалах погребений по обряду ингумации бисер разнообразен, но немногочислен. Лишь в кургане Л-203 набор бус в ожерелье составлен исключительно из бисера, здесь зафиксирован бисер белого (1 экз.) и бесцветного стекла (3 экз.). Бисер бесцветного стекла находился также в наборе бус в кургане Ц-212 (рис. 1: 7, 10, 14, 19), помимо бесцветного (1 экз.) бисера здесь зафиксирован бисер синего (2 экз.) и голубого (1 экз.) стекла. В кургане Ц-198 (рис. 2) зафиксирован бисер серо-голубого полупрозрачного стекла (2 экз.), однако в данном случае он выполняет иную функцию – является дополнительным декоративным элементом при вышивке серебряными нитями, т.к. непосредственно находится на них и оплетен ими. В составе погребения Польш-50 (рис. 3: 13–14) представлен бисер цвета морской волны (1 экз.) и лилового стекла (1 экз.).

Круглые лимонки и пронизки цветного стекла – 96 экз. (табл. 2), что составляет 28,5%. Бусы представлены следующими вариантами стекла:

– синие лимонки и пронизки – 20 экз. (рис. 3: 22);

– желтые лимонки и пронизки – 61 экз. (рис. 3: 19, 23, 33);

– лилового стекла лимонки и пронизки – 6 экз. (рис. 1: 12, 17);

– зеленые непрозрачные лимонки и пронизки – 3 экз. (рис. 1: 1; рис. 3: 6);

³ Здесь и далее проценты даны относительно бус из стекла.

Рис. 1. Комплексы бус из погребений по обряду ингумации гнездовского могильника.
А – Поль-5; В – Ц-212; С – Ц-198.

Fig. 1. Inhumation rites beads recovered from the burials in Gnezdovo burial ground.
A – Pol-5; B – C-212; C – C-198.

Рис. 2. Рубленный бисер оплетенный серебряными нитями из кургана Ц-198.
Фото – М.В. Яковчик.

Fig. 2. Seed beads braided with silver threads from a mound Ц-198.
Photo – M. Yakovchik.

– бесцветные лимонки – 7 экз. (рис. 3: 20).

Ребристые лимонки и пронизки цветного стекла, в том числе двухслойные – 18 экз. (табл. 2.), что составляет 5,3% от числа бус из ингумаций:

– ребристые желтые лимонки – 5 экз. (рис. 3: 7, 21);

– ребристые желтые лимонки, в том числе двухслойные – 1 экз. (рис. 3: 9);

– ребристая зеленая лимонка – 1 экз.;

– ребристые синие лимонки – 1 экз. (рис. 4: 1);

– ребристые лимонки и пронизки из бирюзового и голубого прозрачного и непрозрачного стекла – 6 экз. (рис. 1: 27, 38; 3: 31, 34);

– ребристые бесцветные лимонки – 4 экз. (рис. 1: 3).

Цилиндрические бусы – 5 экз. (табл. 2; рис. 1: 21, 23; рис. 3: 27), соответствуют VIII группе 5 подгруппы по классификации З.А. Львовой. Обнаружены в составе инвентаря трех погребальных комплексов – Ц-198, Ц-290, Ц-292. Особенностью бус из погребений по обряду ингумации является то, что все они являются гранеными трубочками, основная же масса поселенческого материала представлена круглыми бусами-трубочками. На материалах городища мы выделили две разновидности граненых бус-трубочек. К первой – относятся

бусы небольшого размера, имеющие в сечении четырех- или шестигранную призму. В материалах ингумаций зафиксированы единичные экземпляры из зеленого прозрачного стекла (Ц-290) и стекла цвета морской волны (Ц-292). Вторая разновидность – крупные бусы, имеющие в сечении семи- или восьмигранную призму и изготовленные из зеленого (2 экз.) и бесцветного (1 экз.) стекла. Оба варианта происходят из кургана Ц-198. Эта разновидность крупных бус-трубочек зафиксирована впервые. В материалах Центрального городища известны только экземпляры из синего прозрачного стекла.

Бусы из тянутой трубочки с металлической фольгой – 121 экз. (табл. 2; рис. 3: 2, 4, 32) – составляют 36% от общей массы бус из погребений по обряду ингумации. Среди инвентаря могильника они представлены двумя вариантами: серебростеклянными (73 экз.) и ложнозолотостеклянными (48 экз.) лимонками и пронизками. У одной бусины материал фольги установить не удалось. Бусы с бирюзовой контарелью, зафиксированные на городище, в материалах могильника отсутствуют.

Прессованные бочкообразные бусы – 2 экз. (табл. 2; рис. 1: 30). В погребениях по обряду ингумации зафиксирован лишь вариант бочкообразных бус оранжевого непро-

Таблица 1.

Количество бус в комплексах по обряду ингумации.

Количество бус	Номера комплексов и количество бус				Общее количество бус
	«в могильных ямах»		«в камерах»		
	комплекс	Количество бус	комплекс	Количество бус	
1–5 бусин	Ц-281	1	Ц-86	1	16 комплексов – 30 бусины
	Ц-289	2	Ц-255	1	
	Ц-292	1	Ц-306	2	
	Л-121	1	Поль-25	2	
	Л-137	2	Поль-76	2	
	Л-139	2	Дн-55	3	
	Дн-3	4	Л-203	4	
	Поль-14	1			
6–10 бусин	Дн-17	8	Ц-84	8	7 комплексов – 51 бусина
	Поль-7	6	Ц-290	6	
	Поль-52	8	Дн-40	8	
			Поль-50	7	
11–20 бус	Ц-61	16	Ц-171	12	4 комплекса – 47 бус
	Поль-5	19			
Более 20 бус	Ц-276	21	Ц-198	29	6 комплексов – 239 бус
	Л-124	29	Ц-212	32	
	Л-192	57	Ц-301	50	
			Оль-30	21	
Итого:	17 комплексов – 179 бусин		16 комплексов – 188 бусин		33 комплексов – 367 бус

зрачного стекла (2 экз.). В материалах городища наибольшее количество представлено бусами печеночно-красного непрозрачного стекла.

Навитые бусы – 33 экз. (табл. 2). Крученые бусы из ингумаций составляют вторую по численности технологическую группу бус, что соответствует материалам из раскопок Центрального городища.

Эта группа в основном представлена круглыми бусами, которые принадлежат к кольцевидным (рис. 1: 28; рис. 3: 5) синего (1 экз.) и белого стекла (3 экз.), зонным – 22 экз. (рис. 3:

15, 18, 25): синего (10 экз.), белого (1 экз.), зеленого (15 экз.), бледно-бирюзового (1 экз.), черного (1 экз.), печеночно-красного стекла (1 экз.). Имеются цилиндрические бусы (рис. 3: 29) синего (1 экз.) и лилового (1 экз.) стекла, а также бочонкообразные зеленого стекла (рис. 3: 3).

Кроме круглых навитых бус в рассматриваемых материалах зафиксированы ребристые бусы – 3 экз. (рис. 1: 29; рис. 3: 1), из них светло-бирюзовых прозрачных – 2 экз., цвет еще одного экземпляра определить не удалось (Ц-198). К навитым граненым

3	Дн-55																					1	ребристая синяя лимонка (1 экз.)	
1	Л-121																						бусина жёлтого стекла, рассыпалась при снятии	
29	Л-124					9	7	8	2															
2	Л-137																					2		
2	Л-139																						кольцевидная синяя прозрачная (1 экз.); цилиндрическая синяя (1 экз.)	
1	Л-179																							
57	Л-192	2	29	18					1														рубленый жёлтый бисер (1 экз.), рубленый бисер зелёного стекла (1 экз.), зонная печёчно-красная непрозрачная (1 экз.), стеклянная круглая (1 экз.), стеклянная круглая полихромная (2 экз.), стеклянная круглая голубая (1 экз.)	
4	Л-203																						рубленый бисер белый (1 экз.)	
16	Ц-61													1	2	1	2	1	2				мозаичная сваренная из отрезков красно-жёлто-зелёно-жёлто-красной палочки (2 экз.); мозаичная сваренная из отрезков бело-коричнево-жёлто-зелёной палочки (1 экз.); мозаичная бусина с крестообразным декором (1 экз.); бусина из горного хрусталя многогранная фасетированная или 14-гранная (1 экз.), 14-гранная синяя прозрачная (палочка (?), резная (?)) (1 экз.), обломок синей круглой бусины	
8	Ц-84																				2		круглая лимонка	
1	Ц-86																						оплавленная бусина	
12	Ц-171																					2	ребристая лимонка зелёная (1 экз.), одна бусина утеряна	

29	Ц-198	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	призматическая зелёного стекла из тянутой трубочки (2 экз.); призматическая бесцветного стекла из тянутой трубочки (1 экз.); зонная белая (1 экз.); цилиндрическая лилового стекла (1 экз.); навигатя ребристая бусина (1 экз.); навигатя призматическая зелёная непрозрачная (1 экз.); 14-гранные лилового стекла из тянутой палочки (2 экз.); зонные бесцветного стекла изготовлены сваркой (1 экз.); зонные светло-бирюзового прозрачного стекла изготовлены сваркой (1 экз.); бусина навигатя цилиндрическая жёлтая с выпавшими глазками; цилиндрические синего стекла с накладными нитями (2 экз.); зонные светло-бирюзовые с двумя пересекающимися нитями (2 экз.); навигатя зонная с накладными нитями (1 экз.). Рубленый серо-голубой бисер наннанный на серебряные нити (2 экз.)
32	Ц-212	1	7	3	2	1	3														рубленый бисер синий (2 экз.); рубленый бисер голубой (1 экз.); бипирамидальные зелёного прозрачные из тянутой палочки (1 экз.); продольно-полосатые чёрно-белые лимонки (2 экз.); сердечковые призматические (3 экз.); призматическая горного хрустала (1 экз.); шарообразные горного хрустала (2 экз.); бипирамидальная с гранёным пояском горного хрустала (1 экз.); фаянсовая ребристая (1 экз.); навигатя зонная с двумя пересекающимися нитями белого и жёлтого стекла (1 экз.)
1	Ц-255																				янтарные биконические (1 экз.)
21	Ц-276		2	1	3	7	1	1													глазчатая бочкообразная с гладким мозаичным глазком в оплетке (1 экз.)
1	Ц-281																				
2	Ц-289																				
6	Ц-290																				зонная чёрного стекла (1 экз.); призматическая зелёного стекла из тянутой трубочки (1 экз.)
1	Ц-292																				призматическая из тянутой трубочки цвета морской волны (1 экз.)
50	Ц-301		4	9		36															
2	Ц-306					1															

бусам относится только призматическая подквадратная бусина зеленого непрозрачного стекла, зафиксированная в составе погребения Ц-198 (рис. 1: 31).

Среди зонных зеленых бус можно выделить экземпляры, вероятно, изготовленные в одной мастерской. Бусы происходят из разных комплексов (ср. рис. 3: 15 и 18), но идентичны по технологии изготовления, форме, оттенку стекла, а также фиксируемой на их поверхности примеси коричневатого-лилового стекла (возможно, непроваренного стекла), что можно отнести к индивидуальным признакам этой серии (рис. 8). Как уже отмечалось выше, эти бусы обнаружены в разных комплексах. В комплексе Поль-25 наряду с ними в ожерелье были включены серебряные монеты-подвески – византийский милиарисий императора Льва VI (886–911 гг.) и саманидский дирхем Исмаила ибн Ахмада, чеканенный в аш-Шаше (905/906 г.), а также серебряная зерненная лунница. Комплекс Поль-50, помимо стеклянных и сердоликовых бус, содержал литую круглую подвеску с волютообразным орнаментом и серебряное с завязанными концами колечко (которое, скорее всего, тоже входило в состав ожерелья, если судить по погребениям из Бирки). Наличие этих бус в ожерельях, отличающихся как бусинным составом, так и составом привесок, возможно, свидетельствует о том, что эти ожерелья были составлены непосредственно в Гнёздове.

Еще одним важным, на наш взгляд, наблюдением стало то, что из восьми комплексов, в которых зафиксированы зонные зеленые непрозрачные бусы, пять относятся к скандинавским – Поль-25 и 50, Ц-171, 198, 290, при-

чем во всех случаях, за исключением комплекса Ц-198, бусы были парными. Еще одна пара зонных зеленых бус происходит из комплекса Ц-61. Этническая принадлежность его неочевидна, однако в наборе инвентаря присутствуют вещи скандинавского круга – прессованная бусина оранжевого стекла, литые круглые привески с волютообразным орнаментом, а также щитообразная подвеска. В комплексе кургана Дн-17 зонная зеленая бусина находилась на металлическом колечке с незавязанными концами. Подобные украшения с завязанными концами исследователи, как правило, относят к скандинавской традиции, о чем пойдет речь ниже. Исключение составляет лишь комплекс Ц-276, в составе которого наряду с упомянутыми бусами были обнаружены шесть серебряных перстнеобразных височных колец с завитком на одном конце. Таким образом, не исключено, что зонные зеленые бусы могли поступать в Гнёздово непосредственно со скандинавами. Именно зонные зеленые и синие, а также прессованные бусы наиболее часто встречаются на привесках-колечках с завязанными концами.

Бусы, изготовленные с помощью сварки стекла, – 2 экз. (рис. 1: 24, 35). На поверхности бус четко читаются следы соединительных швов (рис. 9). Бусины зонной формы изготовлены из бесцветного и бирюзового прозрачного стекла. Оба экземпляра происходят из комплекса кургана Ц-198. Ближайшие аналогии этой техники происходят из раскопок Центрального городища Гнёздова.

Из тянутой палочки (?) бипирамидальная бусина зеленого прозрачного стекла – 1 экз. (рис. 1: 9). Бусы

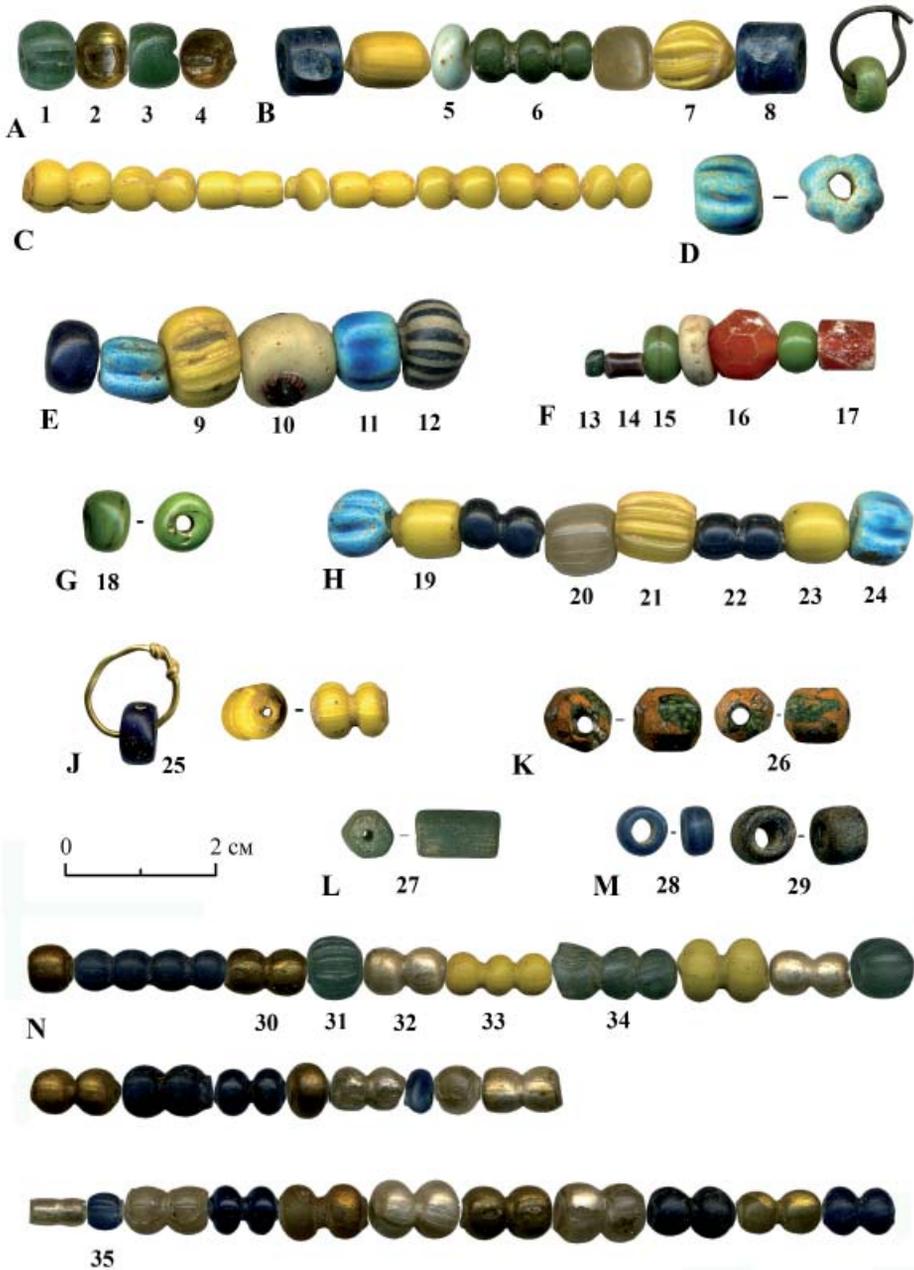

Рис. 3. Комплексы бус из погребений по обряду ингумации гнездовского могильника.
 А – Дн-3; В – Дн-17; С – Поль-7; F – Поль-50; G – Поль-25; К – Л-137; L – Ц-292;
 М – Л-139; N – Л-124.

Fig. 3. Inhumation rites beads recovered from the burials in Gnezdovo burial ground.
 A – Dn-3; B – Dn-17; C – Pol-7; F- Pol-50; G – Pol-25; K – L-137; L – L-292; M – L-139; N – L-124.

похожего цвета и пропорций известны в материалах Волжской Болгарии, однако, в отличие от гнёздовского экземпляра, они имеют четкие острые грани. В кургане Ц-198 в составе ожерелья находились парные 14-гранные бусы лилового прозрачного стекла – 2 экз. (рис. 1: 34, 36).

Неясна техника изготовления 14-гранной синей бусины из комплекса Ц-61. В материалах городища 14-гранные бусы фиксировались неоднократно, они принадлежат к разным технологическим группам: резным, навитым и изготовленным из тянутой палочки. Кроме этого, к неопределенной технике относятся стеклянная круглая и круглая голубая бусины из кургана Л-192.

Мозаичные бусы – 9 экз. (табл. 2). Мозаичные рыже-пестрые бусы – 4 экз. (рис. 3: 26) – встречены парно в составе инвентаря курганов Л-137 и Ц-61, они имеют аналоги среди материалов Центрального городища и селища в пойме р. Днепр (по номенклатуре Я.В. Френкеля III-1-4). Бусы этого типа датируются рубежом X–XI – концом XI века (Седых, Френкель, 2012, с. 315–317). Интересно отметить, что в составе погребения Ц-61, помимо описанных выше, представлены еще три разновидности мозаичных бус. Две из них сформованы из отрезков многослойных палочек-глазков (красно-желто-зелено-желто-красных), сваренных между собой, – 2 экз. (рис. 4: 5), а также бело-коричнево-желто-зеленой палочки – 1 экз. Обе разновидности имеют аналоги среди коллекции мозаичных бус Центрального городища Гнёздова. Кроме того, в коллекции встречена мозаичная бусина с крестовидным декором. Полных аналогов этой бусине в мате-

риалах памятника нет. Фрагмент бусины с подобным декором присутствует среди материалов раскопок селища в пойме р. Днепр⁴. Бусы с похожим орнаментальным мотивом известны в Скандинавии под типом G001-G002 (Callmer, 1977. Color plate III).

Не совсем ясна в этом плане позиция бусины (?) из кургана Ц-86, в одних материалах она атрибутирована как мозаичная бусина, в других – как стеклянная шашка⁵.

Продольно-полосатые бусы – 3 экз. (табл. 2). Представлены лимонкой сине-белого стекла (рис. 3: 12) и двумя экземплярами черно-белых полосатых лимонок (рис. 1: 15, 18). Эти цветовые варианты хорошо известны по материалам древнерусских памятников, в том числе среди поселенческих материалов Гнёздова. Однако бусы из гнёздовских ингумаций отличаются от классических вариантов как по размерам, так и по цвету стекла. При этом бусина с сине-белыми полосками, вероятно, завершает эволюционный ряд сине-белых лимонок и пронизок и представляет наиболее позднюю их разновидность.

В отличие от поселенческих материалов продольно-полосатые бусы из ингумаций гнёздовского могильника не столь разнообразны. Здесь отсутствуют как наиболее ранние разновидности продольно-полосатых бус, фиксирующиеся в пойменной части селища, так и среди материалов Центрального городища. Интересной особенностью погребений стало полное

⁴ Раскопки Смоленской археологической экспедицией Государственного Исторического музея под руководством В.В. Мурашёвой на селище в пойме р. Днепр в 2015 г.

⁵ Предмет утерян.

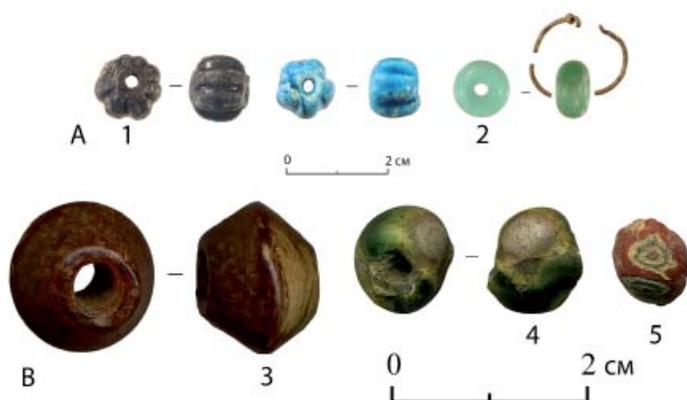

Рис. 4. Бусы из погребений по обряду ингумации гнездовского могильника.
А – Дн-55; В – Ц-255.

Fig. 4. Inhumation rites beads recovered from the burials in Gnezdovo burial ground.
А – Dn-55; В – C-255.

отсутствие двухслойных продольно-полосатых бус, а также двухслойных желтых лимонок (типы I-1-1-2, III-9-2, III-9-3 по Я.В. Френкелю, 2007). Эти бусы представлены значительным количеством в материалах синхронной им коллекции бус из раскопок селища в пойме р. Днепр (Френкель, 2007, с. 77, 82, 108), но полностью отсутствуют среди погребений по обряду ингумации в Гнёздове.

Глазчатые бусы – 6 экз. (табл. 2), представлены следующие экземпляры:

- бочонкообразная темно-лилового (кажущегося черным) стекла с концентрическими гладкими глазками синее ядрышко в бело-лилово-белом колечках – 1 экз. (рис. 1: 2);

- глазчатая бочонкообразная белого непрозрачного стекла с рельефными мозаичными глазками – 1 экз. (рис. 3: 10);

- глазчатая бочонкообразная с гладким мозаичным глазком в оплетке, происходит из кургана Ц-281.

Кроме описанных выше глазчатых бус, вероятно, представлены бусы с тремя одноцветными глазками-пятнышками (?). Глазки выпали, и в силу этого определить их характер не представляется возможным. Все экземпляры принадлежат к цилиндрическим бусам. В двух случаях тулово основы изготовлено из синего стекла (рис. 3: 8), в третьем – из желтого непрозрачного стекла (рис. 1: 39).

Бусы с линейно-волнистым декором – 6 экз. (табл. 2; рис. 1: 16, 20, 25, 32, 37, 40). Бусы цилиндрические синего стекла с накладными нитями белого или красного стекла – 2 экз., а также зонные бусы светло-бирюзового стекла с однократной или двумя пересекающимися нитями белого непрозрачного стекла – 2 экз. Еще два экземпляра частично расстеклованы. Бусы с линейно-волнистым декором зафиксированы только в скандинавских ингумациях.

Типологическую принадлежность двух стеклянных декорированных бус

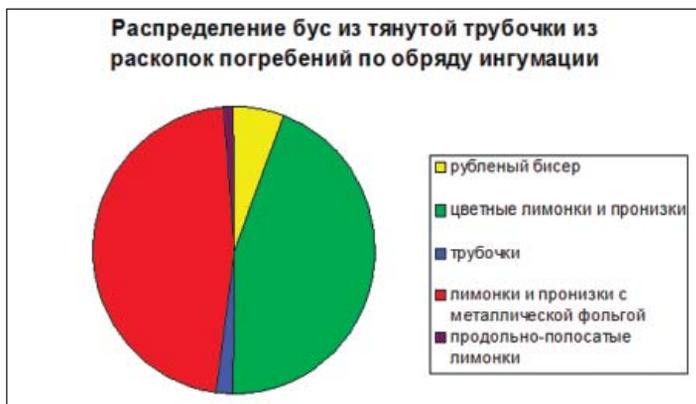

Рис. 5. Распределение бус VIII группы по материалам ингумаций Гнездовского могильника.

Fig. 5. VIII group beads distribution according to the materials of Gnezdovo burial ground inhumations.

из кургана Л-192 определить не удалось.

Фаянсовые бусы – 14 экз. (табл. 2). Основная масса представлена бусами, имеющими в сечении пятилепестковую розетку, – 13 экз. (рис. 3: 11, 24). Бусы распространены по территории памятника достаточно широко и зафиксированы как в материалах поселения, так и среди погребений могильника, однако большая часть, как уже отмечалось ранее, обнаружена среди материалов Правобережной Ольшанской курганной группы (Каменецкая, 1991, с. 151; Френкель, 2007, с. 83). Кроме того, в коллекции присутствуют экземпляры фаянсовой бусины, имеющей в сечении мелколепестковую розетку (рис. 1: 8). Аналогии этой бусине встречены среди материалов Готланда (Thunmark-Nylen, 1998. Taf. 313: 3).

Бусы из полудрагоценных камней – 11 экз. (2,9%). В целом их количество в материалах ингумаций оказывается невелико, хотя в ряде погребений по обряду кремации ожерелья составлены исключительно из каменных бус.

Сердоликовые бусы – 6 экз. (табл. 2), представлены тремя типами: призматическими – 3 экз. (рис. 1: 5), 14-гранными – 2 экз. (рис. 3: 17) и многогранной фасетированной – 1 экз. (рис. 3: 16).

Бусы из горного хрусталя – 5 экз. (табл. 2; рис. 1: 4, 6, 11), зафиксированы исключительно в составе инвентаря кургана Ц-212, где представлены шарообразными – 2 экз., призматической – 1 экз., а также бипирамидальной с граненым пояском – 1 экз. Из комплекса Ц-61 происходит бусина горного хрусталя 14-гранная или фасетированная многогранная.

Янтарные бусы – 2 экз. (табл. 2). Зафиксированы в составе инвентаря курганов Оль-30, где представлены многогранной бусиной, и Ц-255, где найдена биконическая бусина (рис. 4: 3). В целом можно говорить о незначительном количестве янтарных бус в материалах гнездовской коллекции.

Металлические бусы с треугольниками ложной зерни – 4 экз. (табл. 2; рис. 1: 22), зафиксированы в составе ожерелий погребений курганов Ц-61 и Ц-198, причем все бусы являлись

Рис. 6. Распределение бус VIII группы по материалам городища.

Fig. 6. VIII group beads distribution according to the materials of Gnezdovo settlement.

парными. В Гнёздове бусы из металла встречаются как среди поселенческого материала, так и в погребениях по обряду кремации и ингумации.

Привески-колечки с бусинами (рис. 3, В, Л). В составе погребального инвентаря проанализированных комплексов зафиксирован ряд своеобразных привесок. Они представляют собой небольшое металлическое кольцо с нанизанной на него стеклянной бусиной (Дн-17, Дн-55, Поль-76, Ц-289, Ц-290) или без нее (Поль-50). Все бусы являются стеклянными кручеными, изготовленными из синего (Поль-76, Ц-289), зеленого непрозрачного (Дн-17, Ц-290) или бледно-бирюзового стекла (Дн-55). При этом материал металлического кольца различен – бронза, серебро, золото. Используемая проволока может быть как круглой гладкой, так и рубчатой. В настоящее время изделия, концы которых завязаны, исследователи соотносят со скандинавской традицией (Ениосова, 2007, с. 310). Подобные привески хорошо известны по материалам могильника Бирки, где они зафиксированы в составе 15 комплексов

(Arbman, 1949). В одном погребении могло насчитываться от одной до шести привесок (Бирка-138), однако в большинстве комплексов представлено по одному экземпляру. В изделиях из погребений Бирки на стержень нанизывается чаще всего по одной бусине, но иногда количество нанизанных бус может достигать и шести (Бирка-632). Материал бус также различен, чаще всего они сделаны из стекла, реже – из полудрагоценных камней (Бирка – 151, 948). В некоторых случаях, помимо бус, на металлический стержень были нанизаны небольшие проволочные колечки (Бирка-557).

Привески с бусинами на проволочных или рубчатых колечках известны и на территории Древней Руси. Помимо Гнёздова, они зафиксированы в материалах Владимирских курганов, в Киеве, Тимерёве, Пскове (Спицын, 1905, рис. 19; Каргер, 1958, табл. XXIX; Недошивина, Зозуля, 2012, рис. 5; Яковлева, 2004, с. 77–79). Основная масса этих украшений в погребениях Древней Руси известна в единичных экземплярах. Как и в скандинавских погребениях, на ко-

Рис. 7. Распределение бус VIII группы по материалам селища в пойме р. Днепр (по материалам статьи Я.В. Френкеля).

Fig. 7. VIII group beads distribution according to materials of the settlement on Dnieper floodplain (based on the article by Ya. V. Frenkel).

лечко нанизана всего одна стеклянная бусина, чаще всего крученая, реже – прессованная. Несколько отличается от них погребение 125 по М.К. Каргеру. В составе инвентаря этого комплекса насчитывается пять экземпляров колец с бусинами. Количество бус, нанизанных на колечко, в этом комплексе варьировалось от одной до трех и помимо стеклянных бус здесь были надеты также бусы из полудрагоценных камней (Каргер, 1958, табл. XXIX).

Из материалов Центрального городища происходит привеска с прессованной бусиной печеночно-красного стекла, однако концы этого изделия не завязаны. В то же время прессованные бусы относятся к изделиям

скандинавского производства (Львова, 1968, с. 73). Вероятно, к скандинавской традиции можно отнести и металлические колечки с несомкнутыми концами и нанизанными на них прессованными бусинами.

Бусы Гнёздовского и Киевского могильников. Бусы из гнёздовских ингумаций можно сравнить с набором бус из погребений киевского некрополя, материалы которых обобщены в недавней работе В.Г. Ивакина (Ивакин, 2011). Из 155 ингумаций Киева бусы были обнаружены в составе инвентаря 34 комплексов. Общее количество бус составляет не менее 370 экземпляров. Таким образом, количество погребений и бус на памятниках в целом оказывается сопоставимым. Частота встречаемости бус в ингумациях Киева и Гнёздова оказывается равной и составляет 22–23%. К сожа-

Рис. 8. Бусина комплекса Поль-25 с примесью коричнево-лилового стекла.

Fig. 8. Bead with an admixture of brownish-lilac glass, Pol-25 complex.

лению, работ, рассматривающих бусы из киевских комплексов, нет, но ряд выводов мы тем не менее можем сделать. Во-первых, совпадает общий набор материалов, из которых произведены бусы: стекло, сердолик, горный хрусталь, янтарь и металл. Несколько не ясно, имеются ли в составе киевских погребений бусы из фаянса. При этом в ряде киевских погребений отмечены привески из раковин, которые не фиксируются в материалах Гнёздова. Можно предположить, что раковины каури могли входить в состав ожерелий и гнёздовских комплексов, но в песке не сохранились.

Большинство Гнёздовских ожерелий составлено из стеклянных бус. Киевские ожерелья, напротив, более разнообразны по материалу бус, входивших в их состав. Кроме того, значительно чаще в Киеве встречаются бусы из полудрагоценных камней и серебра (в Киеве 17 и 9 комплексов соответственно).

Погребения Киева демонстрируют, что бусы входили в состав женского и детского костюма, лишь в одном случае две серебряные бусины сопровождали мужское погребение (Ивакин, 2011, с. 265). Анализ гнёздовских погребений не всегда позволяет определить половозрастную принадлежность погребенных, но в целом по сопутствующему инвентарю можно заключить, что абсолютное большинство бус происходит из женских погребений.

Набор бус из гнёздовских ингумаций и поселения. Представленный набор бус из гнёздовских ингумаций в целом отражает типологический набор гнёздовского поселения. При этом наблюдается некоторая разница в соотношении отдельных типов бус

изготовленных из тянутой трубочки. Их доля в общем наборе бус из гнёздовских ингумаций составляет 76,7%. Этот факт хорошо согласуется с данными, полученными в результате исследования коллекций бус из раскопок Центрального городища и разных участков гнёздовского селища, где бусы из тянутой трубочки также преобладают. В то же время выявлен ряд различий в количестве бус разных типов из различных частей поселения (городища и селища) и могильника (рис. 5–7). Так, доля рубленого бисера из раскопок Центрального городища составляет 77,1%, на селище в пойме р. Днепр – 40,5% (Френкель, 2007, с. 79–82), еще меньше его доля в комплексах по обряду ингумации – 4%. Отметим, что среди бисера из ингумаций не зафиксирован самый массовый тип гнёздовских бус – рубленый бисер желтого стекла, за исключением одного экземпляра, тогда как в материалах городища его доля составляет 48,6%. При сокращении доли рубленого бисера увеличена доля лимонок и пронизок из цветного стекла и бус с металлической фольгой. Сравнительный анализ распределения стеклянных бус Центрального городища Гнёздова и Земляного городища Старой Ладogi демонстрирует очень близкие значения как в процентном соотношении различных технологических групп, так и общности самого бусинного набора. Это свидетельствует в пользу уже высказанной версии о возможном поступлении бус в Гнёздово через Старую Ладogu (Лихтер, Шапова, 1991, с. 254).

Хронология. Хронология гнёздовских погребений по обряду ингумации определяется временем появления обряда в Гнёздове – со второй

Рис. 9. Стекланные бусы со следами соединительных швов.

Fig. 9. Glass beads with traces of joints.

половины X века. Сложнее вопрос с верхними датами этих комплексов и связанной с этой проблемой финала «классического» Гнёздова. Как считал Ю.Э. Жарнов, финал Гнёздова относится к началу XI века. Этот вывод был сделан на основании анализа инвентаря курганного могильника. Последние исследования селища в пойме р. Днепр позволили установить, что нижний горизонт (горизонт 5) относится к самому началу XI века, выше него располагалось еще два горизонта, которые, таким образом, можно датировать уже XI веком (Мурашева, Авдусина, 2007, с. 26). В.В. Нефёдов предложил в качестве финала Гнёздова время Ярослава Мудрого. При этом он отмечал, что финал поселения был, скорее, катастрофическим событием, а не процессом (Нефёдов, 2012, с. 109). На памятнике также отмечена немногочисленная керамика, датирующаяся XI веком, выделение которой, однако, достаточно проблематично в связи с многочисленностью переходных форм (Каменецкая, 1977, с. 10, 12). Более четко обозначен период жизни на территории Гнёздова в рамках феодальной усадьбы (Каменецкая, 1977, с. 12; Пушкина и др. 2012, с. 273).

Действительно, по материалам бус выделяются два пика, соответствующие «классическому Гнёздову» и Гнёздову XII–XIII веков. Сложнее обстоит дело с бусами XI века. На памятнике есть многочисленные типы, верхняя хронологическая граница которых уходит в XI век (а в зависимости от датировок конкретного исследователя могут датироваться и более поздним временем) – это бусы из тянутой трубочки, прессованные, некоторые разновидности мозаичных бус, крученые кольцевидные, зонные синие и ряд других. В то же время при нормальном функционировании жизни на поселении, что отмечают коллеги, исследовавшие участок селища в пойме р. Днепр (Мурашѐва, Авдусина, 2007, с. 26), стоило бы ожидать притока новых типов бус, характерных для XI века или преимущественно бытующих в тот период, – это широко распространенные крученые бусы с металлической фольгой, белоромбические, треугольные глазчатые, бипирамидальные сердоликовые, ягодовидные. Однако по каким-то причинам притока этих новых типов не происходило. Исключение составляют лишь два комплекса из могильника дореволюционных раскопок, где обнаружены крученые бусы с металлической фольгой. Данное обстоятельство важно для датирования материалов ингумаций гнёздовского могильника. Если исходить из того, что в начале XI века жизнь на поселении прекращается, то это обстоятельство может

объяснить отсутствие новых типов бус. Однако этому противоречат керамические материалы и находка денария с территории гнёздовского поселения. Если же не учитывать факт отсутствия массовых типов бус в составе ингумаций, то в этом случае верхняя дата некоторых комплексов может быть определена по материалам бус и в рамках всего XI в. Представляется, что вывод о непрерывности жизни (хотя и в гораздо более скромном масштабе) на поселении в XI в. требует дополнительной аргументации. Требуется проработка других категорий археологического материала, чтобы объяснить либо присутствие керамики, либо отсутствие массовых типов бус, широко распространенных на территории Древней Руси в целом и Смоленщины в частности.

Если датировать рассмотренные комплексы только по материалам бус, что и входит в нашу задачу, то большинство из них будут иметь более широкие даты, чем предложенное датирование их серединой X – началом XI века (Жарнов, 1998, с. 95). К таковым можно отнести Оль-30; Поль-14, 25, 52, 76; Дн-3, 40, 55; Л-121, 124, 139; Ц-84, 86, 171, 255, 276, 281, 289, 290, 292. Для комплекса кургана Ц-306 по двум угловым столбам камеры получена дендродата – 979 год. 970-ми годами был датирован и комплекс кургана Ц-301 (Авдусин, Пушкина, 1989, с. 203). Оба набора бус не противоречат этим датам.

Этим же временем – третьей четвертью X века – фактически датируется комплекс кургана Ц-212 (Доброва, 2015, с. 326). Комплекс кургана Поль-50 содержит набор бус, типичный для X века, однако сердоликовая бусина с 5–6-угольными фасетками датируется

временем не позднее рубежа X–XI веков (Френкель, 2007, с. 101–102). Набор бус из кургана Л-137 состоит из мозаичных рыже-пестрых бус, этот тип появляется с 990-х годов и сохраняется на протяжении XI века (Седых, Френкель, 2012, с. 315–317). По этому же типу бус определяется нижняя дата комплекса кургана Ц-61.

Рассмотренные материалы позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, как и в материалах поселения, основную массу бус ингумаций составляют бусы из тянутой трубочки. Однако их соотношение в материалах поселения и могильника отличается. В материалах могильника фактически отсутствует рубленый бисер, в том числе самый распространенный на территории Гнёздова тип – желтый рубленый бисер. Снижение доли рубленого бисера в материалах ингумаций привело к увеличению доли цветных лимонок и пронизок, а также бус с металлической фольгой.

Во-вторых, обращает на себя внимание крайне малое количество бус из полудрагоценных камней в материалах гнёздовских ингумаций при значительном их количестве в составе киевских ингумаций.

В материалах ингумаций отсутствуют двухслойные желтые и продольно-полосатые лимонки. При этом они представлены значительной серией в материалах коллекций из раскопок синхронного им селища в пойме реки Днепр.

В-третьих, бусы являлись элементом костюма как «славянских», так и «скандинавских» женщин, а состав этих наборов только по материалам бус не позволяет на сегодняшний день достоверно говорить о какой-либо этнической специфике.

Кроме того, не прослеживается связь между количеством бус и бедностью или богатством самого погребения (в ряде работ критерием богатства или бедности служит количество бус в погребении). Среди комплексов с количеством бус до 5 экземпляров фактически не встречаются серийно изготовленные бусы из тянутой трубочки, тогда как в комплексах с количеством бус от шести экземпляров бусы из тянутой трубочки составляют от 33% до 100%. В ряде погребений с небольшим количеством бус в оже-

релье фиксируются вещи, которые по своему характеру не могут соответствовать бедному погребению. Так, в кургане Поль-76 зафиксированы всего две бусины: двухчастная желтая лимонка и зонная бусина синего стекла, при этом последняя находилась на завязанном золотом колечке. То же можно сказать и о входящих в состав ожерелья привесках в комплексе Поль-25, в который помимо двух зонных зеленых бус входили две серебряные привески-монеты и серебряная лунница.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.* Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 190–205.
2. *Доброва О.П.* Бусы из погребения в камере кургана Ц-212 и некоторые аспекты количественного распределения бус в Гнёздове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. В.В. Седова: сб. материалов 60-го заседания, (Псков, 22–24 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М., Псков, Saint Petersburg: Нестор-История, 2015. С. 322–328.
3. *Енисова Н.В.* Золото викингов на территории Древней Руси // У истоков русской государственности: сб. материалов междунауч. конф. (Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.) / Отв. ред. Е.Н. Носов. Saint Petersburg: Дмитрий Буланин, 2007. С. 307–316.
4. *Жарнов Ю.Э.* Гнёздовские курганы с остатками труположения // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина / Под ред. Т.А. Пушкиной. М.: Памятники исторической мысли. 1998. С. 92–105.
5. *Жарнов Ю.Э.* Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д.А. Авдусина. М.: Изд-во Московского университета, 1991. С. 200–225.
6. *Ивакин В.Г.* Киевские погребения X века // *Stratum plus*. № 5. 2011. С. 243–286.
7. *Каменецкая Е.В.* Заольшанская курганная группа Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д.А. Авдусина. М.: Изд-во Московского университета, 1991. С. 125–174.
8. *Каменецкая Е.В.* О верхней дате Гнездовского поселения под Смоленском (по керамическому материалу) // Проблемы истории СССР. Т. VI / Отв. ред. С.С. Дмитриев. М.: изд-во МГУ, 1977. С. 3–13.
9. *Каргер М.К.* Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1958. 580 с.
10. *Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л.* Гнёздовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д.А. Авдусина. М.: Изд-во Московского университета, 1991. С. 244–259.
11. *Львова З.А.* Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Советский художник, 1968. С. 64–94.

12. *Мурашева В.В., Авдусина С.А.* Исследование притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексного исследования памятника / Отв. ред. В.В. Мурашёва. М.: Альфарет. 2007. С. 8–30.

13. *Недошивина Н.Г., Зозуля С.С.* Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., Вологда: Древности Севера, 2012. С. 179–193.

14. *Нефедов В.С.* Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования древнерусского государства: сб. материалов Междун. науч. конф. (6–8 июня 2012, Вологда – Кириллов – Белозерск) / Отв. ред. С.Д. Захаров. Вологда: Древности Севера. 2012. С. 89–113.

15. *Попова В.М.* Гнездовские бусы: Дипломная работа, защищенная в 1980 г. Рукопись хранится на кафедре археологии МГУ.

16. *Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В.* Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., Вологда: Древности Севера, 2012. С. 243–273.

17. *Седых В.Н., Френкель Я.В.* Бусы из курганных комплексов Тимерева: хронологический аспект // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения Илариона Александровича Тихомирова. Материалы науч. конф. (Ярославль, 21–22 октября 2011 г.). Ярославль: Конверсия – Высшая школа бизнеса. 2012. С. 296–322.

18. *Спицын А.А.* Владимирские курганы // Известия ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 84–172.

19. *Тодорова А.А.* О наборах бус в камерных погребениях X в. // Новгород и Новгородская земля история и археология. Материалы науч. конф. (Новгород, 27–29 января 2004 г.). Вып. 18 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород, 2004. С. 212–220.

20. *Френкель Я.В.* Опыт датирования пойменной части Гнездовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексного исследования памятника / Отв. ред. В.В. Мурашёва. М.: Альфарет. 2007. С. 78–117.

21. *Яковлева Е.А.* Охранные раскопки на Старовознесенском раскопе в Окольном городе Пскова. Открытие камерного захоронения X в. // АО 2003. М.: Наука, 2004. С. 77.

22. Arbman, 1940. Arbman H. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940. 288 p.

23. Arbman, 1943. Arbman H. Birka I. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943. 482 p.

24. Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800 – 1000 A. D. // Acta archeologica Lundensia Series in 4, Nr 11. Bonn; Lund, 1977. 252 p.

25. Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands. II. Stockholm, 1998. 316 pl.

Информация об авторе:

Доброва Ольга Павловна, научный сотрудник. АНО «Научно-просветительский центр палеоэтнологических исследований» (г. Москва, Россия); russa-dolya@mail.ru

BEADS FROM INHUMATION RITE BURIALS OF GNEZDOVO BURIAL MOUND

O.P. Dobrova

The beads from 33 inhumation burials at Gnezdovo burial mound are examined in the article. The beads (total 367) were crafted from stretched tube (258), stretched stick (3), winding (45), press molding (2 pcs.), welding (2 pcs.), and mosaic beads (9 pcs.). The burial mound contains virtually no broken beads, including the settlement's most common yellow glass beads. Besides glass beads, cornelian, crystal, amber and faience beads have been registered among the burial mound material, as well as beads crafted with metal. Apart

from beads, grave inventories contained a series of pendants with a bead strung on a wire ring. The considered complexes contain five pendants of this type. Besides Gnezdovo, similar pendants have been discovered in Kiev, Timerev, Pskov and Vladimir barrows. A comparison between bead sets from Gnezdovo and Kiev burial mounds allows to conclude that the general composition and occurrence frequency of beads is identical for these burials. At the same time, beads crafted with rock crystal, cornelian and metal are more frequently discovered in Kiev inhumations.

Keywords: archaeology, Ancient Rus, Gnezdovo, beads, burial mound, 10th-11th centuries, technology, the Scandinavians

REFERENCES

1. Avdusin, D. A., Pushkina, T. A. 1989. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Istoriia i kul'tura drevnerusskogo goroda (History and Culture of Ancient Rus Towns)* Moscow: Moscow State University, 190–205 (in Russian).
2. Dobrova, O. P. 2015. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)*. Moscow; Pskov; Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 322–328 (in Russian).
3. Eniosova, N. V. 2007. In Nosov, E. N. (ed.). *U istokov russkoi gosudarstvennosti (At the Origins of Russian National Identity)*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 307–316 (in Russian).
4. Zharnov, Yu. E. 1998. In Pushkina, T. A. (ed.). *Istoriicheskaia arkheologiia: Traditsii i perspektivy. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia D.A. Avdusina (Historical Archaeology. Traditions and Perspectives. To the 80th Anniversary of D. A. Avdusin)*. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ., 92–105 (in Russian).
5. Zharnov, Yu. E. 1991. In Avdusin, D. A. (ed.). *Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda) (Smolensk and Gnezdovo (on History of the Ancient Russian Town))*. Moscow: Moscow State University, 200–225 (in Russian).
6. Ivakin, V. G. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5). 243–286 (in Russian).
7. Kamenetskaia, E. V. 1991. In Avdusin, D. A. (ed.). *Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda) (Smolensk and Gnezdovo (on History of the Ancient Russian Town))*. Moscow: Moscow State University, 125–174 (in Russian).
8. Kamenetskaia, E. V. 1977. In Dmitriev, S. S. (ed.). *Problemy istorii SSSR (Issues of USSR History)* VI. Moscow: Moscow State University, 3–13 (in Russian).
9. Karger, M. K. 1958. *Drevnii Kiev: ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda (Ancient Kiev: Essays on the Material Culture of the Ancient Russian Town)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
10. Likhter, Yu. A. 1991. In Avdusin, D. A. (ed.). *Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda) (Smolensk and Gnezdovo (on History of the Ancient Russian Town))*. Moscow: Moscow State University, 244–259 (in Russian).
11. L'vova, Z. A. 1968. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 10. Leningrad: "Sovetskii khudozhnik" Publ., 64–94 (in Russian).
12. Murasheva, V. V., Avdusina, S. A. 2007. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gnezdovo. Rezul'taty kompleksnogo issledovaniia pamiatnika (Gnezdovo. Results of a Complex Study of the Monument)*. Moscow: "Al'faret" Publ., 8–30 (in Russian).
13. Nedoshivina, N. G., Zozulia, S. S. 2012. In Makarov, N. A. (ed.). *Rus' v IX–XI vekakh: arkheologicheskaia panorama (Rus in 9th-11th Centuries: Archaeological Panorama)*. Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 179–193 (in Russian).

14. Nefedov, V. S. 2012. In Zakharov, S. D. (ed.). *Severnaia Rus' i problemy formirovaniia drevnerusskogo gosudarstva (Northern Rus and the Issues of Establishment of the Ancient Rus State)*. Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 89–113 (in Russian).
15. Popova, V. M. 1980. *Gnezdovskie busy (Gnezdovo Beads)*. Graduate Thesis. Moscow (in Russian).
16. Pushkina, T. A., Murasheva, V. V., et al. 2012. In Makarov, N. A. (ed.). *Rus' v IX–XI vekakh: arkeologicheskaia panorama (Rus in 9th-11th Centuries: Archaeological Panorama)*. Moscow; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 243–273 (in Russian).
17. Sedykh, V. N., Frenkel', Ya. V. 2012. *XIII Tikhomirovskie kraevedcheskie chteniia. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia Ilariona Aleksandrovicha Tikhomirova (13th Tikhomirov Local History Readings. To the 150th Anniversary of Ilarion Aleksandrovich Tikhomirov)*. Yaroslavl: "Konversiiia-Vysshaia shkola biznesa" Publ., 296–322 (in Russian).
18. Spitsyn, A. A. 1905. In *Izvestiia Imperatorskoi arkeologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 15. Saint Petersburg, 84–172 (in Russian).
19. Todorova, A. A. 2004. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaiia zemlia istoriia i arkeologiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 18. Veliky Novgorod, 212–220 (in Russian).
20. Frenkel', Ya. V. 2007. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gnezdovo. Rezul'taty kompleksnogo issledovaniia pamiatnika (Gnezdovo. Results of a Complex Study of the Monument)*. Moscow: "Al'faret" Publ., 78–117 (in Russian).
21. Yakovleva, E. A. 2004. In Sedov, V. V. (ed.). *Arkeologicheskie otkrytiia 2003 goda (Archaeological Discoveries of 2003)*. Moscow: "Nauka" Publ., 77 (in Russian).
22. Arbman, 1940. *Birka I. Die Gräber. Tafeln*. Uppsala, 1940.
23. Arbman, 1943. *Birka I. Die Gräber. Text*. Uppsala, 1943.
24. Callmer J. 1977. *Acta archeologica Lundensia Series in 4*, 11. Bonn; Lund.
25. Thunmark-Nylen L. 1998. *Die Wikingerzeit Gotlands*. II. Stockholm.

About the author:

Dobrova Olga P. Paleoethnology Research Center, Novaya Ploschad, 12, b. 5. Moscow, 109012, Russian Federation; russa-dolya@mail.ru

Статья поступила в номер 24.04.2017 г.

УДК 902+745/749

<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.258.274>

**ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ
В ЮЖНОЙ ЧАСТИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА
(РАСКОПЫ CLXXIV И ССХIV. РАСКОПКИ 2012 И 2015 ГГ.)**

© 2017 г. К.А. Руденко, И.И. Елкина

В статье рассматриваются ювелирные украшения из трех захоронений, обнаруженных в ходе археологических работ в южной части Болгарского городища (раскопы CLXXIV и ССХIV). Большую часть исследованной в 2012 и 2015 гг. территории занимает кладбище XIV в., сформированное вокруг каменного мавзолея. Особый интерес представляет комплекс ювелирных серебряных украшений, сложенный в шелковый мешочек (?) и помещенный в заполнение могильной ямы погребения № 52/2012 г. вблизи от восточного пилона мавзолея. Комплекс состоит из семи пластинчатых браслетов, украшенных на концах изображением львиных морд, трех булавок, двух подвесок в виде коробочек с петельками для подвешивания, декорированных зернью и сканью, а также вставками из кусочков глазурированной керамики. Кроме того, в комплекс входит подвеска из серебряной монеты чекана хана Джанибека (1341–1357 г.). Внутри мавзолея, в погребении № 89/2012 г. обнаружен уникальный головной убор, который украшали круглые золотые колечки. В детском погребении № 16/2015 г., расположенном к западу от мавзолея, были найдены два подвесных колечка, выполненные из золотой проволоки.

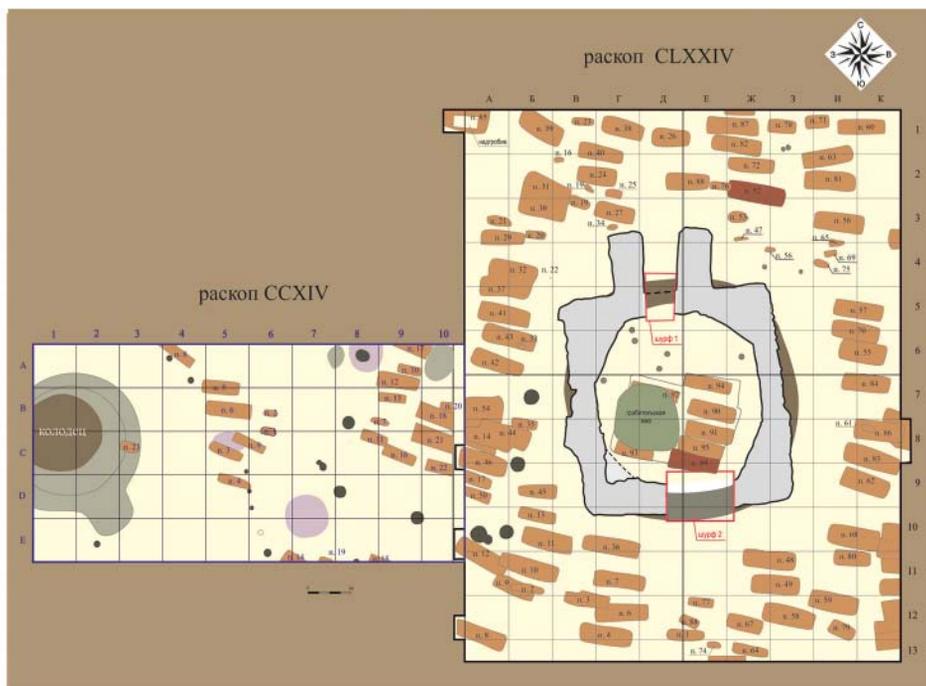
Ключевые слова: археология, Булгар, Золотая Орда, мавзолей, ювелирные изделия, браслеты, булавки, филиктерий.

В 2012 и 2015 г. проводились археологические работы в южной части Болгарского городища. При исследовании остатков мавзолея и прилегающей к нему территории, представляющей собой одно из кладбищ средневекового Болгара, в трех захоронениях были выявлены ювелирные украшения (Елкина, 2014, с. 131–144). В 2012 г. в двух захоронениях (№№ 52 и 89) обнаружены соответственно набор серебряных украшений и золотые украшения головного убора. Краткие сведения об этих находках были опубликованы (Лазукин, 2014, с. 156–162, рис. 8: 5, 7; 9). В 2015 г. при изучении некрополя, к западу от мавзолея, в детском захоронении были найдены два золотых подвесных колечка. В

данной статье приводится анализ этих изделий, их атрибуция и культурно-историческая принадлежность.

Набор ювелирных украшений (рис. 2 А) был обнаружен в восточной части могильной ямы женского погребения № 52 (Лазукин, 2014, с. 156) (участок 3, квадраты Ж2, Ж3, 32, 33, уровень -56/-64 см). Погребение располагалось в одном из могильных рядов к северу от восточного пилона мавзолея, возможно, сооруженного несколько позже (рис. 1: 1). Датируется этот ряд (погребения №№ 72, 82, 87) второй половиной XIV в.

Следует отметить, что верх могильной ямы зафиксировать не удалось, т.к. она попала в зону многолетней распушки. Контуры могильной

1

2

Рис. 1. 1 – сводный план выявленных объектов. Раскопы CLXXIV и CCXIV вв.;
2 – раскоп CLXXIV, погребение № 52/2012 г.

Fig. 1. 1 – general layout of discovered items. Excavations CLXXIV and CCXIV;
2 – excavation CLXXIV, burial No. 52/2012.

Рис. 2. А – комплекс ювелирных украшений из заполнения могильной ямы погребения № 52; 1, 2 – коробочки-подвески; 3 – монета-подвеска; 4 – железный стержень с оплеткой; 5–7 – булавки; 8–14 – пластинчатые браслеты. 1, 2 – верх могильной ямы погребения № 52. На поверхности зафиксированы остатки тризны; 3 – набор ювелирных украшений в момент обнаружения.

Fig. 2. А – complex of jewellery from the filling material of the grave pit of burial No. 52; 1, 2 – box pendants; 3 – coin pendant; 4 – iron rod with braiding; 5–7 – pins; 8–14 – plate bracelets. 1, 2 – top portion of the grave pit of burial No. 52. The remains of a funeral feast were traced on the surface; 3 – set of jewellery at the time of discovery.

ямы были выявлены лишь после снятия распаханного слоя. Под пашней, в центральной части могильной ямы, был зафиксирован горизонт тризны (?) в виде пятна очень темной супеси с большим содержанием крупных фрагментов керамики (в том числе донца красноглиняного сосуда) и расколотых костей животных (КРС (3 фр.), МРС (6 фр.), лошади (3 фр.)¹.

Украшения обнаружены в верхней части засыпи могильной ямы, на 6 см ниже уровня горизонта тризны. Все предметы оказались довольно компактно сложенными между собой (рис. 2: 1,2,3; 5).

Внутри, на дне могильной ямы, находились останки женщины 35–45 лет² без инвентаря, погребенной по мусульманскому обряду (скелет ориентирован головой на запад, лицевая часть черепа обращена на юг; зафиксирован разворот костяка на правый бок, при этом правая рука вытянута вдоль тела, левая – согнута в локте и уложена на бок) (рис. 1: 2).

Была ли прямая связь между драгоценными вещами и самим погребением установить практически невозможно, также как и их принадлежность умершей. Однако следует подчеркнуть, что предметы попали в могильную яму, скорее всего, в момент

¹ Остеологическое определение проведено Г.Ш. Асылгараевой (НЦАИ ИИ АН РТ).

² Антропологическое определение проведено И.Р. Газимзяновым (НЦАИ ИИ АН РТ).

Рис. 3. А – коробочка-подвеска № 1; Б – коробочка-подвеска № 2.

Fig. 3. A – box pendant No. 1;
Б – box pendant No. 2.

похорон, т.к. никаких следов прикопа, дополнительных ям, нарушения целостности засыпки могильной ямы нами зафиксировано не было.

При расчистке *in situ* среди украшений были выявлены несколько довольно мелких сильно разрушенных текстильных фрагментов. Величина самого большого фрагмента не превышает 2 см. Текстиль в виде окислов и прикипевших остатков также зафиксирован на некоторых предметах (рис. 4: 4).

При изучении текстильных остатков были определены шелковые ткани двух видов: плотная ткань сложной структуры – самит – и тонкая ткань полотняного переплетения. Кроме того, среди текстильных остатков так-

же обнаружен небольшой фрагмент шелкового шнура, предположительно окрашенного в красный цвет. По всей вероятности, текстильные фрагменты являются остатками мешочка, в котором находились украшения. Мешочек, по-видимому, был двуслойный: лицевой стороной служила узорная ткань-самит, а в качестве подкладки использована тонкая шелковая ткань.

В наборе находились семь пластинчатых браслетов (рис. 2 А: 7–14; 5–7), три булавки-заколки с полусферическими шляпками (рис. 2 А: 5–7; 4: 1–3), две подвески (рис. 2 А: 1, 2; 3: 1, 2) и один дирхем (использовался в качестве украшения) (рис. 2 А: 3; 3: 3). При этом шесть целых браслетов были переплетены между собой (рис.

Рис. 4. 1–3 – булавки;
4 – фрагменты ткани.

Fig. 4. 1–3 – pins; 4 – fragments of tissue.

зафиксированный в отверстии, свидетельствует о том, что монета была подвешена на него.

Можно сказать, что рассматриваемые предметы не представляли одного комплекта украшений. Нечетное количество браслетов и заколок, индивидуальное оформление изделий подтверждают это предположение. Это клад длительного накопления, содержащий предметы, изготовленные в разное время.

Булавки-заколки (рис. 4: 1–3) представляют собой заостренный стержень-иголку, завершающуюся полый полусферической шляпкой, укрепленной на припаянном к игле тонком диске. В верхней части шляпка украшена крупным шариком зерни, укрепленном на сканом колечке. Поверхность полусферы декорирована четырьмя (рис. 4: 1 а, 3 а) и пятью (рис. 4: 2 а) треугольниками зерни диаметром около 0,1 мм. Размеры булавок чуть варьируются.

Булавка № 1 (БГИАМЗ, инв. № 1527; рис. 4: 1): длина – 5,7 см, толщина иглы – 0,2 см; диаметр шляпки – 1,3 см, ее высота – 1 см. Четыре равносторонних треугольника (8×8) зерни составлены из 36 зерен, т.е. всего для декорирования заколки использовано 144 шарика зерни. Основания зерновых треугольников соприкасаются друг с другом.

Булавка № 2 (БГИАМЗ, инв. № 1528; рис. 4: 2) длина – 5,9 см, толщина иглы – 0,2 см; диаметр

5; 6: 8), а один, сломанный пополам (рис. 7: 1, 2), как бы вставлен в них. Все изделия выполнены предположительно из серебра. Вместе с этими изделиями был обнаружен железный стержень неясного назначения со следами оплетки на внешней стороне. Предметы из набора в настоящее время находятся в фондах Болгарского музея-заповедника (БГИАМЗ, инв. №№ 1522–1535).

Дирхем (рис. 3: 3) диаметром 1,7 см, весом 1,84 г чеканен во время правления хана Джанибека (1341–1357 г.) из чего следует, что весь комплекс находок датируется не ранее середины XIV в. Дирхем использовался в качестве подвески. Изначально в монете было пробито небольшое отверстие для фиксации ушка, но потом, вероятно, ушко сломалось и для подвешивания использовалось проделанное отверстие. Крошечный фрагмент красного витого шелкового шнура,

Рис. 5. Браслеты, «переплетенные» между собой.

Fig. 5. 'intertwoven' bracelets.

шляпки – 1,3 см, ее высота – 1 см. Пять равносторонних треугольника (8×8) зерни составлены из 36 зерен, т.е. всего для декорирования закладки использовано 180 шариков (на одном из треугольников имеются утраты). Основания зерновых треугольников соприкасаются друг с другом. Игла булавы деформирована.

Булавка № 3 (БГИАМЗ, инв. № 1526; рис. 4: 3) длина – 6,5 см, толщина иглы – 0,2 см; диаметр шляпки – 1,2 см, ее высота – 1 см. Четыре треугольника состоят из разного количества зерен: три равносторонних (5×5) из 15 шариков и один равнобедренный (5×6) из 20 шариков зерни; между треугольниками уложено по 4 шарика зерни. Всего для декорирования закладки использовано 81 зерно.

Такие изделия встречаются в древностях Волжской Булгарии с XII в., но чаще в XIII в., с начала этого столетия (например, Рождественская находка) (Руденко, 2015, с. 175, рис. 275). Причем изделия этого времени декорированы сканью. Зерновые узоры

на них, как правило, отсутствуют. Из Болгарского городища из коллекции А.Ф. Лихачёва известно еще несколько находок таких булавок. Единичные экземпляры таких булавок-заколов находили и вкладах XIV в. (Руденко, 2015, с. 175).

Подвески-коробочки (2 экз.; рис. 3: 1, 2) представляют из себя миниатюрные полые изделия прямоугольной формы с ушком (диаметр около 0,4 см), выполненным из тонкой полоски металла, припаянным с верхней стороны поделки. Подвеска изготовлена из согнутой на шаблоне пластинки, запаянной снизу. Две стороны подвески наглухо скреплены между собой с торцов овальными пластинками, шириной 0,7–0,8 см. На лицевой стороне имеется каст со вставкой (рис. 3: А, Б), а плоскость изделия украшена сканью и зернью, диаметром около 0,1 см (обратная сторона – только сканью).

Подвеска № 1 (БГИАМЗ, инв. № 1523; рис. 3: 1): размер – 1,85×2,1 см, толщина – 0,8 см. Лицевая сторона оконтурена двумя линиями штампованной «под сканью» проволоки (s-кручение), а по периметру – пояском зерни из 15 (сверху и снизу) и 13 (с боков) шариков. На этом пояске основаниями припаяны равносторонние треугольники зерни: по два сверху (5×5×5) и снизу (4×4×4), а также по одному с боков (5×5×5). Всего на украшение коробочки ушло 136 шариков зерни. В центре лицевой

стороны имеется цилиндрический (деформированный) каст высотой 0,5 см, в котором находятся кусочки от раздробленной стенки кашинного (?) сосуда с глухой белой поливой (рис. 3: А). На обратной стороне сканой «веревочкой» выложен узор из двух S-видных элементов, симметрично расположенных друг к другу. Поверхность подвески позолочена.

Подвеска № 2 (БГИАМЗ, инв. № 1522; рис. 3: 2) размер – 1,8×2,1 см, толщина – 0,9 см. Лицевая сторона оконтурена двумя линиями штампованной «под скань» проволоки (s-кручение), а по периметру – пояском зерни из 15 (сверху и снизу) и 13 (с боков) шариков. На этом пояске основаниями припаяны равносторонние треугольники зерни: по два сверху (5×5×5) и снизу (5×5×5), а также по одному с боков (4×4×4). Таким образом, на украшение коробочки ушло 126 шариков зерни. В центре лицевой стороны имеется цилиндрический каст высотой 0,6 см, диаметром около 0,4–0,5 см, в котором находится мелкий фрагмент (0,3×0,3 см) стенки кашинного (?) сосуда с бирюзовой поливой (рис. 3: Б). На обратной стороне сканой «веревочкой» выложены S-видные узоры (сохранились с утратами), составляющие композицию в зеркальной симметрии. Поверхность подвески позолочена.

Такой формы и размера подвески известны из домонгольских древностей Волжской Болгарии. Однако они не золотились и украшались только гравированными рисунками и чернью. Встречены и более крупные изделия, выполненные в таком стиле (например, Спасский клад) (Руденко, 2015, с. 121, рис. 8: 1 а, 4). Эта традиция имела продолжение и в ордынский

период, судя по находке серебряного позолоченного филиakterия (8,4×7,2×1,5 см) с гравированным, черным рисунком, датированного второй половиной XIV в. (Сокровища, 2000, с. 86, кат. № 80; Руденко, 2015, с. 130, рис. 18: 1). С зернью подобных изделий в домонгольский период встречено не было. Исключение составляет коробочка-филактерий из Щербеньского клада, однако она отличается от находок из клада 2012 г. не только более крупными размерами, но и совершенно иным дизайном (Руденко, 2015, с. 121, рис. 8: 2).

Из Симферопольского клада происходит золотая коробочка-подвеска более крупного размера (5,8×5,9×1,25 см), где для украшения использовалась зернь, а на лицевой стороне в касте закреплена жемчужина. Также как и на изделиях из Болгара, на лицевой стороне предмета использована зернь, а на оборотную сторону помещен сканый рисунок (Сокровища, 2000, с. 123, 317, кат. № 487). Симферопольская коробочка-филактерий датируется первой половиной XIV в. Любопытно использование вставок из кусочков поливной керамики. Такой прием на ювелирных изделиях, например, на плетеных браслетах, бытовавших в Волжской Болгарии и в Прикамье, встречается с XIII в. (Руденко, 2015, с. 247, рис. 45 в, г) и довольно часто – в XIV в.

Браслеты (7 экз., рис. 5, 6) – самая многочисленная категория находок в этом кладе. Все они серебряные, окончания у всех украшены стилизованными изображениями львиных морд (Руденко, 2015, с. 486, 487, кат. №№ 364–370). У всех браслетов выпуклая поверхность спинки и следы дополнительной прочеканки изнутри

Рис. 6. 1–7 – браслеты.

Fig. 6. 1–7 – bracelets.

(рис. 7: 1, 2). Вместе с тем почти у всех изделий заметны индивидуальные отличия.

Браслет № 1 (БГИАМЗ, инв. № 1533; рис. 6: 1) размер: 6,4×4,9 см; ширина спинки пластины – 1,6 см. Тип Б-9.1, по К.А. Руденко (2015, с. 317, рис. 100: 2–5, 7). На окончаниях браслета – изображение львиной морды по классическому образцу: две маленькие дуги, расположенные параллельно краю, обозначают подушечки усов; две симметрично прочерченные дуги выпуклыми сторонами друг к другу, почти соприкасаясь средними частями, моделируют нос, украшенный 4 оттисками пунсона в

виде ромба. Два отрезка дуги, обращенной вниз, пересекающей верхние части вышеозначенных дуг образуют глаза миндалевидной формы этого существа, а небольшое углубление от пунсона в нижней части глаза обозначает его зрачок. Две смыкающиеся на переносице небольшие дуги образуют брови, соединенные маленьким изогнутым отрезком в средней части, что напоминает миниатюрную корону. В образовавшуюся ромбовидную фигуру вписан крестик из четырех перлов. На морде льва показаны волосы отходящими тонкими линиями в виде лучиков от нижнего края глаз. Кроме того, волосы в виде таких же тонких

линий показаны и на подушечках усов линиями, отходящими вертикально или с небольшим наклоном от верхнего края.

Спинка браслета имеет по краям узкие желобки, ограничивающие небольшой выпуклый валик посередине, рельефность которого подчеркнута с помощью дополнительной прочеканки пластины изнутри инструментом с плоским узким краем.

Браслет № 2 (БГИАМЗ, инв. № 1530; рис. 6: 2; 7: 4) размером 6,75×5,5 см; ширина спинки пластины – 1,5 см. Тип Б-9.1, по К.А. Руденко (2015, с. 317, 486, кат. № 365). На окончаниях браслета – «классическое» изображение львиной морды: широкий нос ромбовидных очертаний, миндалевидные глаза, дуги-брови над ними; изображение волос на морде в виде тонких линий на щеках и подушечках усов. Отличие только в одной детали: брови соединены не маленькой дугой, а двумя прямыми отрезками, образующими при соединении тупой угол. Кроме того, глаза подчеркнуты выразительным изгибом нижней линии, так сказать, нижнего века (рис. 7: 4).

Спинка браслета, как и в предыдущем случае, имеет по краям узкие желобки, ограничивающие выпуклый валик посередине, рельеф которого подчеркнут дополнительной прочеканкой изнутри, хорошо заметной на обратной стороне изделия.

Браслет № 3 (БГИАМЗ, инв. № 1532; рис. 6: 3; 7: 5) размером 6,35×4,3 см; ширина спинки пластины – 1,4 см. Тип Б-9.1, по К.А. Руденко (2015, с. 317, 486, кат. № 366). На окончаниях браслета – «классическое» изображение львиной морды: широкий нос ромбовидных очертаний,

миндалевидные глаза, дуги-брови над ними, соединенные двумя отрезками посередине; изображение волос на морде в виде тонких линий на щеках и подушечках усов. В деталях, особенно в трактовке глаз (рис. 7: 5), данный браслет близок браслету № 2 из этого клада.

Спинка браслета, как и в предыдущем случае, имеет по краям узкие желобки, ограничивающие небольшой выпуклый валик посередине (как у браслета № 1). На обратной стороне заметны следы прочеканки.

Браслет № 4 (БГИАМЗ, инв. № 1535; рис. 6: 4) размером 6,35×4,3 см; ширина спинки пластины – 1,4 см. Тип Б-9.1, по К.А. Руденко (2015, с. 317, 487, кат. № 367). На окончаниях браслета – изображение львиной морды с широким трапециевидным носом, миндалевидными глазами, причем зрачки дополнительно выделены короткими отрезками, дуги-брови над ними, соединенные посередине малой дугой, под которой крестик из четырех перлов, хотя крестовидная форма здесь строго не выдерживается. В отличие от изображений львиных личин на предшествующих артефактах, на этом браслете подушечки верхней губы только намечены над самым краем среза окончания браслета. Изображение волос на морде в виде тонких линий разной длины на щеках. Помимо этого, короткие линии отходят от «короны», образуя как бы сияние. Пропорции изображения более вытянуты. Такой тип рисунка был весьма популярен и имеет аналогии, исполненные в меди и в золоте (Руденко, 2015, с.131, 435, рис. 19–3; кат. № 224). Причем золотой браслет с идентичным рисунком происходит из клада, обнаруженного также на Бол-

Рис. 7. Окончания браслетов с изображением львиных морд.

Fig. 7. Bracelets tips with the images of lion's faces.

гарском городище (Сокровища, 2000, с.79, 231, кат. № 71).

Спинка браслета, как и в предыдущих случаях, имеет по краям узкие желобки, ограничивающие небольшой выпуклый валик посередине (как у браслета № 1). На обратной стороне браслета заметны следы прочеканки.

Браслет № 5 (БГИАМЗ, инв. № 1531; рис. 6: 5; 7: 7, 9) размером 6,5×5,4 см; ширина спинки пластины – 1,6 см. Тип Б-9.1, по К.А. Руденко (2015, с. 317, 487, кат. № 368). На окончаниях браслета изображение львиной морды с широким треугольным носом, каплевидными глазами, причем зрачки дополнительно выделены короткими отрезками; дуги-брови над глазами выполнены короткими дугами, соединенными посередине малой дугой, под которой пространство заполнено вертикальной штриховкой.

Львиная маска на этом браслете по стилю близка изображению на браслете № 4, однако здесь есть несколько примечательных особенностей. Во-первых, щеки львиной морды ограничены с двух сторон тонкой вертикальной линией; во-вторых, намечена пасть зверя в виде горизонтальной линии, отстоящей на несколько миллиметров от нижнего края браслета, отчего изображенное существо приобретает некоторое эмоциональное содержание. Кроме того, оформление рисунка выполнено по-другому: на щеках вместо штрихов, имитирующих шерсть, нанесены в несколько рядов горизонтальные полосы (от 3-х до 5-ти) из мелких точек. Между бровями и верхним веком нанесены три точки: под каждой из дуг и в месте их соединения. Над «коронай» нанесены три точки в форме треугольника. Отметим также, что львиные маски на каждом из окончаний имеют небольшие отличия (рис. 7: 7, 9). Такой тип рисунка с небольшими вариациями встречается на других браслетах с Болгарского городища (Руденко, 2015, с. 480, кат. № 352). На спинке браслета имеются по два боковых валика, а между ними и по краю нанесены мелкие насечки. На обратной стороне заметны следы прочеканки.

Браслет № 6 (БГИАМЗ, инв. № 1534; рис. 6: 6; 7: 3, 6) размером 6,2×5,3 см; ширина спинки – 1,3–1,6 см. Тип Б-9.1, по К.А. Руденко (2015, с.317, 487, кат. № 369). На окон-

чаниях браслета – изображение львиной морды с широким трапециевидным носом, миндалевидными глазами со зрачками, выделенными короткими отрезками. Дуги-брови над глазами соединены посередине малой дугой, под которой имеется крестик из четырех перлов. По дизайну данное изделие наиболее близко браслету № 4 из этого набора. Спинка браслета, как и в предыдущих случаях, имеет по краям узкие желобки, ограничивающие небольшой выпуклый валик посередине (как у браслета № 1 и 4). На обратной стороне имеются следы прочеканки.

Браслет № 7 (БГИАМЗ, инв. № 1529; рис. 6: 7; 7: 8) размером 7,2×6,7 см; ширина спинки пластины – 1,6 см (сохранился в двух фрагментах). Тип Б-9.1, по К.А. Руденко (2015, с. 317, 487, кат. № 370). На окончаниях браслета – изображение львиной морды с широким треугольным носом, каплевидными глазами, с подчеркнутыми зрачками. По дизайну он практически идентичен браслету № 5, но на «нижней губе» имеются насечки, а над «коронной» отсутствуют три точки. На спинке браслета имеются по два боковых валика; между ними и по краю нанесены мелкие насечки. На обратной стороне заметны следы прочеканки.

Анализ изображений показывает, что браслеты №№ 1–3 составляют один комплект; браслеты № 5 и № 7 – одну пару; браслеты № 4 и № 6 – вторую пару. По стилю изображений браслеты можно разделить на две группы: с треугольной «коронной» (рис. 7: 4, 5) и с «коронной» с округлым верхом (рис. 7: 6–9). Скорее всего, это не является хронологическим показателем, а свидетельством работы двух ювелиров. Более того, дизайн

этих браслетов отличается от изделий, бытовавших в последней трети XIV в., например, из Карашамского клада (Руденко, 2015, с. 478, 479, кат. №№ 349, 350).

Исходя из этого предположения браслеты из найденного набора 2012 г. можно датировать второй – третьей четвертью XIV в. М.Г. Крамаровский, вслед за Н.Ф. Калинин, утверждал, что ромбили сегмент в месте схода надбровных дуг – свидетельство раннего этапа развития эволюционного ряда в иконографии львиноголовых браслетов (Крамаровский, 2001, с. 191), подкрепляя это мнение аналогиями в резных рельефах иранского и европейского происхождения (Крамаровский, 2001, с. 191). Однако этого явно не достаточно, чтобы ограничивать их датировку для всей Золотой Орды только рамками XIII столетия. Типы орнаментации этих артефактов достаточно разнообразны (Руденко, 2015, с. 322, 323, рис. 508–511). Исходя из находок в Карашамском кладе начала XV в. можно предположить, что более поздними являются пары браслетов (№№ 5, 7 и №№ 4, 6).

Таким образом, в ювелирном наборе конца XIV в. были скрыты семейные ценности (личные украшения; возможно, приданное), собиравшиеся как минимум в течение жизни двух поколений владельцев. Предметы не имеют следов длительного использования, хотя, судя по обломанному ушку на монете и замене на коробочках-подвесках вставок, видимо из мелкого жемчуга, на фрагменты керамики, по назначению они служили достаточно большой срок. Добавим сюда и очевидную комплектность набора украшений: две пары браслетов и еще три браслета (вероятность того,

что носили нечетное число браслетов (большая). Набор принадлежал одному человеку: три заколки для прически, пара подвесок-коробочек, три комплекта браслетов и одна монета-подвеска.

Вероятно, что набор украшений был скрыт в промежутке 1361–1391 гг. – от разгрома Болгара Булак-Тимуром и до периода конфронтации Тимура и Тохтамыша. Впрочем, и более позднюю дату полностью исключить нельзя. Судя по монете, ранее середины XIV в. он зарыт быть не мог. Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что вещи были изготовлены во второй четверти XIV в. и использовались до 1350–1360-х гг. или чуть позже.

К более раннему времени относится захоронение № 89 молодой женщины (16–18 лет) (рис. 8: 1) (Елкина, 2014, с. 139). Оно было совершено в деревянном гробу. Костяк располагался вытянуто на спине, головой на запад, со скрещенными на животе руками (рис. 8: 2) (Лазукин, 2014, с. 161). Вероятно, женщина была похоронена в одежде, по крайней мере, на голове у нее сохранились остатки головного убора. Шелковый платок с округлыми концами, контуры и центральная часть которого богато расшиты золотными нитями в прикреп. По контуру платка проходил растительно-геометрический орнамент шириной 7 см, состоявший из мелких элементов. Причем вышивка по двум сторонам платка шла по лицу, по двум другим – по изнанке. Орнамент центральной части состоял из 7 рядов кружков диаметром 1,2 см. Вышивка с обеих сторон связана с особенностями надевания этого головного убора. Платок складывался

таким образом, что вся вышивка оказывалась на одной стороне, и зрительно головной убор представлял собой сплошную вышивку (рис. 9: 1). Кроме платка на голове зафиксированы фрагменты сетки, сплетенной из золотных нитей (Елкина, Лазукин, 2014, с. 161).

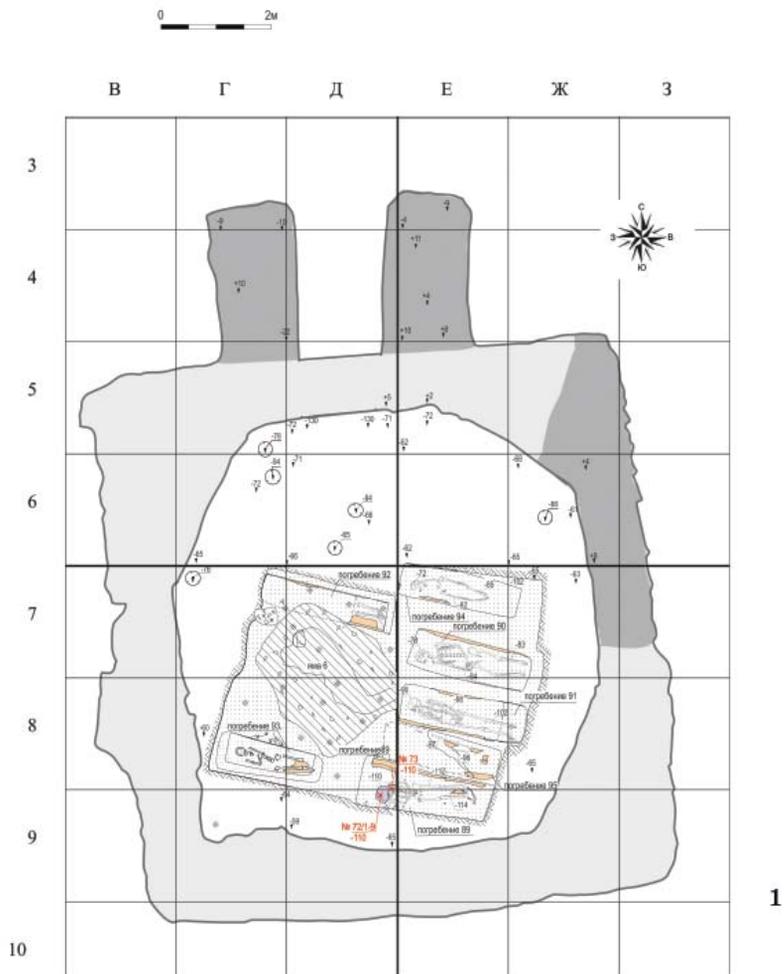
К головному убору в районе висков в качестве украшения крепились золотые колечки (рис. 10: А) по 4 с каждой стороны (рис. 9: 2) и одно колечко находилось в области затылка (рис. 10: Б). На шее погребенной в качестве украшения была подвешена бипирамидальная сердоликовая бусина.

Колечки из золота диаметром чуть больше 2 см сделаны из тонкой проволоки диаметром 0,15 см гладкой (рис. 10: 1, 2, 4, 6–8) или тордированной (рис. 10: 3, 5). На одном из них сохранилась напускная жемчужинка (рис. 10: 4).

Кольцо № 1 (рис. 10: 1) из проволоки круглого сечения ($d=0,15$ см), диаметром 2 см, толщина украшения – 0,4 см. Утоньшенные окончания изделия переплетены и завязаны, примерно по середине колечка на противоположных сторонах кончики проволоки накручены достаточно аккуратно в несколько оборотов на стержень и закреплены довольно хаотично.

Кольцо № 2 (рис. 10: 2) из проволоки круглого сечения ($d=0,15$ см), размером $2 \times 1,85$ см, толщина украшения – 0,4 см. Утоньшенные окончания изделия заведены друг за друга (параллельно) и примерно по середине колечка, ближе к верхней части, на противоположных сторонах кончики проволоки накручены почти аккуратно в несколько оборотов на стержень.

Кольцо № 3 (рис. 10: 3) из тордированной проволоки круглого сечения

1

2

Рис. 8. 1 – план захоронений внутри мавзолея; 2 – погребение № 89.

Fig. 8. 1 – layout of burials inside the mausoleum; 2 – burial No. 89.

1

2

Рис. 9. 1 – головной убор из захоронения № 89; 2 – подвесные кольца, входящие в комплекс головного убора in situ.
(Фото И.И. Елкиной)

Fig. 9. 1 – headpiece from burial No. 89; 2 – ring pendants included in the headwear complex in situ.
(photographed by I. I. Elkina).

($d=0,15$ см), размером $2,25 \times 1,85$ см, толщина украшения – $0,4$ см. Утоньшенные окончания изделия заведены друг за друга и в нижней части колечка накручены на стержень в один или два оборота.

Кольцо № 4 (рис. 10: 4) из проволоки круглого сечения ($d=0,15$ см), размером $1,9 \times 1,5$ см, толщина украшения – $0,4$ см. В средней части колечка, внизу, имеется маленькая жемчужинка, насаженная на изогнутое окончание одного из кончиков проволоки, зафиксированное затем несколькими оборотами на основе кольца. Второй кончик проволоки пропущен через одну из петелек первого окончания и закручен на противоположной стороне.

Кольцо № 5 (рис. 10: 5) из тордированной проволоки круглого сече-

ния ($d=0,15$ см), размером $2,4 \times 1,8$ см, толщина украшения – $0,4$ см. Утоньшенные окончания изделия переплетены и завязаны на противоположных сторонах колечка; кончики проволоки накручены хаотично. Окончания проволочек напоминают английскую булавку, причем внутренняя сторона выпуклая. Эта конструкция позволяет предположить, что на одну из проволочек была нанизана жемчужинка.

Кольцо № 6 (рис. 10: 6) из проволоки круглого сечения ($d=0,15$ см), размером $2 \times 1,68$ см, толщина украшения – $0,4$ см. Аналогично № 5.

Кольцо № 7 (рис. 10: 7) из проволоки круглого сечения ($d=0,15$ см), размером $2 \times 1,65$ см, толщина украшения – $0,4$ см. Утоньшенные окончания изделия переплетены и завязаны. Одно из окончаний выпрямлено, второе окончание перехлестнуто через соседнее и дугой свободно зацеплено через несколько миллиметров.

Кольцо № 8 (рис. 10: 8) из проволоки круглого сечения ($d=0,15$ см), размером $2 \times 1,85$ см, толщина украшения – $0,4$ см. Утоньшенные окончания изделия, замыкаясь, идут параллельно с интервалом по вертикали в несколько миллиметров, причем нижняя проволочка изогнута вниз.

Кольцо № 9 (рис. 10: 9) из проволоки круглого сечения ($d=0,15$ см), размером $1,9 \times 1,7$ см, толщина укра-

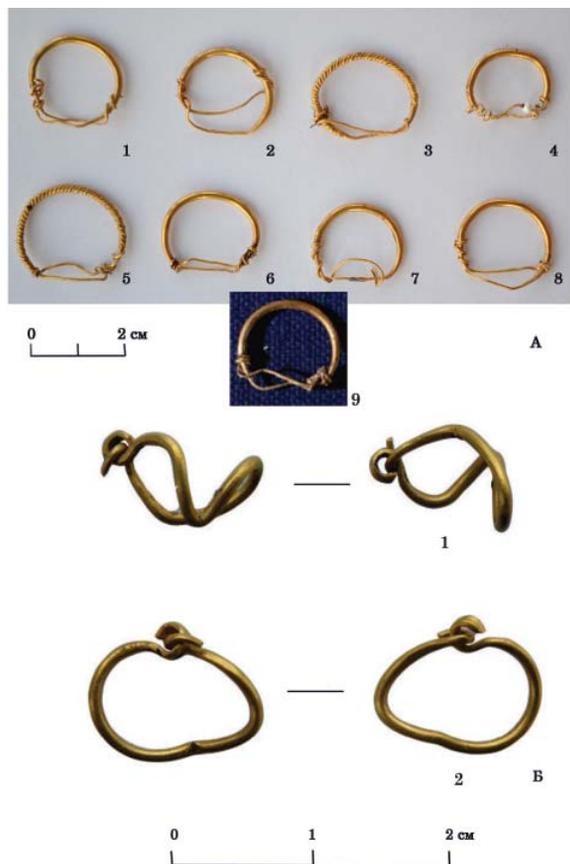

Рис. 10. А – подвесные кольца из погребения № 89/2012 г.; Б – подвесные кольца из детского погребения № 16/2012 г.

Fig. 10. А – ring pendants from burial No. 89/2012; Б – rings pendants from child burial No. 16/2012.

шения – 0,4 см. Утонщенные окончания изделия переплетены и завязаны, примерно по середине колечка, на противоположных сторонах кончики проволоки накручены почти аккуратно в несколько оборотов на стержень и закреплены довольно хаотично.

В подобной технике выполнен целый ряд золотых украшений, найденных на Болгарском городище, например, серьга из тордированной проволоки с жемчужинкой из раскопа LI 1975 г. – руководитель Н.Д. Аксёнова (Руденко, 2015, с. 456, кат. № 277). Из погребений христианского кладбища у Греческой палаты происходит золотое колечко (серьга?) с петелькой диаметром 1,5 см (Руденко, 2015, с. 467, кат. № 330), а также аналогичное

рассмотренным колечко (чуть меньше размером, $d=1,5$ см) с двумя жемчужинками из погребения № 64 (Руденко, 2015, с.465, кат. № 324). Очевидно, в последнем захоронении мог находиться головной убор подобного типа, что и в погребении № 89. Тем более что фрагменты шелковой ткани были встречены в погребениях в Греческой палате и рядом с ней (Видонова, 1947, с. 112–118).

Не исключено, что подобные металлические предметы, только из серебра, украшали и детские головные уборы в могильнике у Греческой палаты, в частности, в погребении № 100. Только здесь вместо замков колечки замыкали кубические грузики (не исключено, что эти колечки были

результатом переделки их из сережек в виде знака вопроса) (Руденко, 2015, с. 464, кат. №№ 321–323).

Бипирамидальная сердоликовая бусина не имеет узкой датировки и встречается в болгарских древностях с XI по XIV в. Немало их встречено на Болгарском городище, причем стратифицированные находки происходят из слоев золотоордынского времени (Полубояринова, 1991, с. 26, 27, прим. 52, рис. 1–16).

Из детского погребения № 16 (кости скелета не сохранились), отличавшегося большим количеством железных гвоздей, скреплявших доски гроба, происходят два золотых колечка (рис. 10–Б).

Колечко № 1 (рис. 10: 1 Б) (1,1×0,9 см) было выполнено из тонкой проволоки, согнутой в колечко; замок представлял собой зацепленные друг за друга крючки, сделанные на окончаниях этого куска проволоки (изделие деформировано).

Колечко № 2 (рис. 10: 2 Б)

(1,3×1 см) аналогично предыдущему.

Форма этих артефактов проста и не имеет каких-либо четко выраженных хронологических или культурных привязок. Однако стоит отметить серию подобного рода украшений из могильника у Греческой палаты в Болгарах (из раскопок А.П. Смирнова), который датируется XIV в. Они выполнены из серебра и несколько – из золота. В основном это простые проволочные колечки (Руденко, 2015, с. 464, кат. № 314–320). Вместе с тем характер замка рассматриваемых артефактов из погребения № 16 предполагает, что в случае, если это были серьги, то их должны были носить постоянно или (что нам представляется более вероятным) эти колечки были украшением головного погребального убора.

Таким образом, рассмотренные в статье украшения в основном были местного производства и использовались населением города Болгара в XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Видонова Е. Ткани и шитье XIV в. из раскопок в Великих Булгарах // КСИИМК. Вып. XXI. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 112–117.
2. Елкина И.И. Мавзолей XIV века в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.). // Поволжская археология. 2014. № 2. С. 131–144.
3. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
4. Лазукин А.В. Предварительные итоги исследования некрополя в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.). // Поволжская археология. 2014. № 2. С. 145–164.
5. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА АН СССР, 1991. 112 с.
6. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
7. Сокровища Золотой Орды: каталог выставки / Авторы: Елихина Ю.И., Крамаровский М.Г., Полякова Г.Ф. СПб.: Славия, 2000. 346 с.

Информация об авторах:

Руденко Константин Александрович доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

Елкина Ирина Игоревна, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); ira-elkina@yandex.ru

**JEWELLERY FROM BURIALS LOCATED
IN THE SOUTHERN PART OF BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT
(EXCAVATIONS CLXXIV AND CCXIV OF 2012 AND 2015).**

K.A. Rudenko, I.I. Elkina

The article presents jewellery from three burials discovered in the course of archaeological works in the southern part of Bolgar fortified settlement (excavations CLXXIV and CCXIV). The major part of the area studied in 2012 and 2015 is occupied by a 14th century cemetery encircling a stone mausoleum. Of particular interest is a complex of silver jewellery discovered inside a silk pouch (?) in the filling materials of the pit of burial No. 52/2012 near the eastern pylon of the mausoleum. The complex includes seven plate bracelets decorated with lion's faces, three pins, two pendants in the form of boxes with eyelets for hanging decorated with grains and filigree, and inlays composed of glazed ceramic fragments. In addition, the complex features a pendant made of a silver coin minted by khan Janibek (1341–1357). A unique headdress decorated with round gold rings was discovered in burial No. 89/2012 inside the mausoleum. Two pendant rings made of gold wire were discovered in a child burial No. 16/2015 located west of the mausoleum. The authors conclude that the jewellery was generally produced locally and used by the population of Bolgar town in 14th century.

Keywords: archaeology, Bolgar, Golden Horde, mausoleum, jewellery, bracelets, pins, phylactery.

REFERENCES

1. Vidonova, E. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)*. XXI. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 112–117 (in Russian).
2. Elkina, I. I. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*. (2), 131–144 (in Russian).
3. Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoye nasledie Zolotoy Ordyy (Gold of Genghisid: the cultural heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: "Slaviya" Publ. (in Russian).
4. Lazukin, A. V. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)*. (2), 145–164 (in Russian).
5. Poluboiarinova, M. D. 1991. *Ukrasheniia iz tsvetnykh kamnei Bolgara i Zolotoy Ordyy (Jewelry of Gemstones found in Bulgar and the Golden Horde)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).
6. Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe srebro (Bulgarian Silver)*. Series: *Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar)*. II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
7. Elikhina, Yu. I., Kramarovskii, M. G., Poliakova, G. F. 2000. *Sokrovishcha Zolotoy Ordyy. Katalog vystavki (Treasures of the Golden Horde. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Elkina Irina I. Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; ira-elkina@yandex.ru

Статья поступила в номер 05.06.2017 г.

СЕРЕБРЯНАЯ ПОСУДА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ XIII–XIV ВВ.

© 2017 г. В.Н. Чхаидзе

В работе рассмотрено 31 погребение кочевников XIII–XIV вв. с находками престижной серебряной посуды (поясные чаши, ковши и кубки), выявленные на территории девяти регионов Восточно-Европейской равнины (Заволжье, Поволжье, Подонье, Предкавказье, Прикубанье, Подонцовье, Поднепровье, Побужье и Приднестровье). Это одна из наиболее информативных и выразительных групп погребального инвентаря кочевников, доступная только представителям правящей верхушки и входящая в круг атрибутов кочевой аристократии XIII–XIV вв. Описание каждой находки приводится на фоне суммарных данных по датировке погребений, их типу и полу погребенного. Рассматривается место посуды в погребальной обрядности и ее принадлежность представителям родовой и племенной кочевой золотоордынской аристократии.

Ключевые слова: археология, Восточно-Европейская равнина, средневековые кочевники, Золотая Орда, серебряная посуда, торевтика, ковши, чаши, социальная стратификация.

В изучении культуры кочевых обществ Восточноевропейской равнины золотоордынского времени ключевую роль играет выявление и детальное рассмотрение хронологически значимых комплексов и отдельных категорий находок в них.

В настоящей работе предметом исследования выступает престижная серебряная посуда (поясные чаши, ковши и кубки) – одна из наиболее информативных и выразительных групп погребального инвентаря кочевников, которая была доступна только представителям правящей верхушки и входящая в круг атрибутов кочевой аристократии XIII–XIV вв.

Абсолютное большинство посуды кочевнических комплексов изготовлено из серебра (часто – с позолотой), однако в двух погребениях XIV в. на Ставрополье были обнаружены изделия из золота: в раскопанном в 1890 г.

крестьянами кургане в урочище Гашун-Уста, откуда происходит золотой ковш с ручкой в виде протомы дракона (Смирнов, 1909, с. 10, табл. CV: 232; Крамаровский, 1973, с. 65–70; 2001, с. 49, 61, рис. 21: 10; с. 234–235, № 13; 2012, с. 43, рис. 17; Бабенко, 2016, с. 211) и в погребении Новониколаевский – 15, в котором выявлена золотая чаша без инкрустации (Нарожный, Охонько, 2007, с. 75, рис. 35: 1; Охонько, 2010, с. 91, рис. 6: 7).

В историографии уже приводилась обобщенная информация о четырех серебряных сосудах (один – случайная находка) из кочевнических погребений с территории Восточноевропейской степи (Федоров-Давыдов, 1966, с. 87, №№ 325, 594, 944, рис. 15: 1), а также сводка посуды из 11 захоронений Волго-Донского междуречья (Мыськов, 2015, с. 187–188, табл. XXXIII: 5–8). Однако вся сово-

купность известных на сегодняшний день серебряных ковшей, чаш и кубков из кочевнических памятников еще не становилась предметом специального исследования¹.

К настоящему времени на территории девяти регионов Восточноевропейской равнины (Заволжье, Поволжье, Подонье, Предкавказье, Прикубанье, Подонцовье, Поднепровье, Побужье и Приднестровье) известно 31 погребение XIII–XIV вв., в которых была обнаружена серебряная посуда (рис. 1)²:

Заволжье

1. Суслы (совр. Саратовская обл., Советский р-н) (рис. 2: 6). Раскопки кургана П. Вейсбекером и П. Вайнгелем в 1912 г. Информация о погребении не сохранилась. Серебряная чаша с гравировкой на внешней стороне под венчиком – орнаментальный пояс из волнообразно изогнутых побегов с листьями, фон выполнен С-овидным чеканом. На внутреннем дне – круглый медальон из двух вписанных окружностей с гравированным растительным орнаментом. Разветвленный побег с длинным и коротким стеблем с фигурными листьями. Внутри листьев сгруппированные по дуге круговые насечки, у основания листьев

по центру поставлена точка. На орнаменте остатки золочения. Размеры³: D_1 – 11,2 см, D_2 – 8 см, Н – 3,5 см, вес – 60 гр, серебро 700 пробы (Гарустович и др., 1998, с. 98; Моржерин, 2013, с. 363, № 25).

2. Бахтияровка – 24/1 (Волгоградская обл., Ленинский р-н) (рис. 3: 1). Погребение – основное в кургане, мужское, ориентировка западная. Совершено в долбленной колоде, в яме с уступом вдоль северной стены – типы АП (Федоров-Давыдов, 1966, с. 124), А-6 (Васильев, 2007, с. 74) или АГ (Мыськов, 2015, с. 273). В погребении найдено 5 серебряных монет Узбека, самая поздняя из которых отчеканена в 1330–1331 гг. Фрагментированная чаша лежала вверх дном у левого плеча погребенного. Чаша плоскодонная. Наружная сторона венчика украшена позолоченной горизонтальной орнаментированной полосой в виде волнистого стебля с полупальметтами, а внутренняя поверхность дна – позолоченным многоугольным медальоном, внутри которого на точечном фоне изображен многолепестковый цветок на тонком изогнутом стебле. D_1 – 13,5 см, D_2 – 8,5 см, Н – 3,3 см (Кригер, 1982, л. 13, рис. 62: 1; 63–64; Мыськов, 2013, с. 197, 285, № 455; 2015, с. 188, 243, табл. XXXIII: 6).

Поволжье

3. Укек – мавзолей 1/1 (совр. южная окраина Саратова) (рис. 2: 5). Погребение женщины, уложенной головой на северо-восток, совершено в гробу и в кирпичном склепе – тип БПа (Мыськов, 2015, с. 274). Первая пол. XIV в. (датируется 2 дирхемами

¹ В работе не рассматриваются немногочисленные (среди железных и медных) серебряные посудовидные изделия (т.н. плошки): (Потемкина, 2012 а, с. 284, 287, рис. 2: 12; ср.: Кригер, 1984, с. 111, рис. 5: 9; Иванов, Кригер, 1988, с. 16, рис. 12: 9; Зеленский, Каминская, 1993, рис. 3: 3; Гарустович и др., 1998, с. 188–189).

² Учтены только изделия, чье происхождение из кочевнических погребений установлено точно. Случайные находки, а также экземпляры, вызывающие сомнения в своем происхождении, привлекаются в качестве аналогий.

³ Здесь и далее: D_1 – диаметр по венчику; D_2 – диаметр по дну; Н – высота; Т – толщина стенок.

Рис. 1. Находки серебряной посуды в погребениях кочевников XIII–XIV вв. на территории Восточноевропейской равнины: 1 – Суслы; 2 – Бахтияровка – 24/1; 3 – Укек – мавзолей 1/1; 4 – Укек – мавзолей 1/5; 5 – Укек, кирпичный слеп; 6 – Мелик; 7 – Остроухов – 1/1; 8 – Веселый II – 1/1; 9 – Нагавский I – 2/1; 10 – Семенкин – 28/1; 11 – Высокая Гора – 2/1; 12 – Высокая Гора – 3/1; 13 – Новый Буравль; 14 – Олень-Колодезь – 7/1; 15 – Олень-Колодезь – 9/1; 16 – Гудермес; 17 – Ачикулак; 18 – Джухта II – 2/2; 19 – Джухта II – 2/5; 20 – Розенталь I – 1/1; 21 – Коллекторский – 1/1; 22 – Коллекторский – 2/14; 23 – Новониколаевский II – 2/1; 24 – Курчанская; 25 – Черемшино – 3/1; 26 – Афанасьевка – 7/1; 27 – Мамай-Гора, восточная группа – 3; 28 – Ковалевка IV – 4/1; 29 – Ковалевка IV – 6/1; 30 – Ковалевка IV – 11/1; 31 – Терновка IV – 254(76)/1.

Fig. 1. Silver vessels discovered in the nomad burials of 13th–14th centuries in the territory of the East European steppe: 1 – Susly; 2 – Bahtiyarovka – 24/1; 3 – Ukek – mausoleum 1/1; 4 – Ukek – mausoleum 1/5; 5 – Ukek, brick tomb; 6 – Melik; 7 – Ostroukhov – 1/1; 8 – Veseliy II – 1/1; 9 – Nagavskaya I – 2/1; 10 – Semenkin – 28/1; 11 – Visokaya Gora – 2/1; 12 – Visokaya Gora – 3/1; 13 – Novuy Buravl; 14 – Olen-Kolodez – 7/1; 15 – Olen-Kolodez – 9/1; 16 – Gudermes; 17 – Achikulak; 18 – Juhta II – 2/2; 19 – Juhta II – 2/5; 20 – Rosenthal I – 1/1; 21 – Collectorskiy – 1/1; 22 – Collectorskiy – 2/14; 23 – Novonikolaevskiy II – 2/1; 24 – Kurchanskaya; 25 – Cheremshino – 3/1; 26 – Afanas'evka – 7/1; 27 – Mamai-Gora, the Eastern group – 3; 28 – Kovalevka IV – 4/1; 29 – Kovalevka IV – 6/1; 30 – Kovalevka IV – 11/1; 31 – Ternovka IV – 254(76)/1.

Узбека 1317–1318 гг. из синхронного погребения 2). В погребении находились бокка, парчовый халат, две золотых серьги в виде знака вопроса, два пластинчатых браслета, бронзовое зеркало и пр. Серебряная плоскодонная чаша лежала с левой стороны от головы погребенной. Боковые стенки

сосуда представляют 12 выпуклых медальонов со срезанным основанием. Шесть медальонов гладкие, позолоченные, на трех изображен кречет с загнутой назад головой, на остальных трех медальонах помещены стилизованные цветы или дерево жизни. На дне чаши, в круглой рамке из линей-

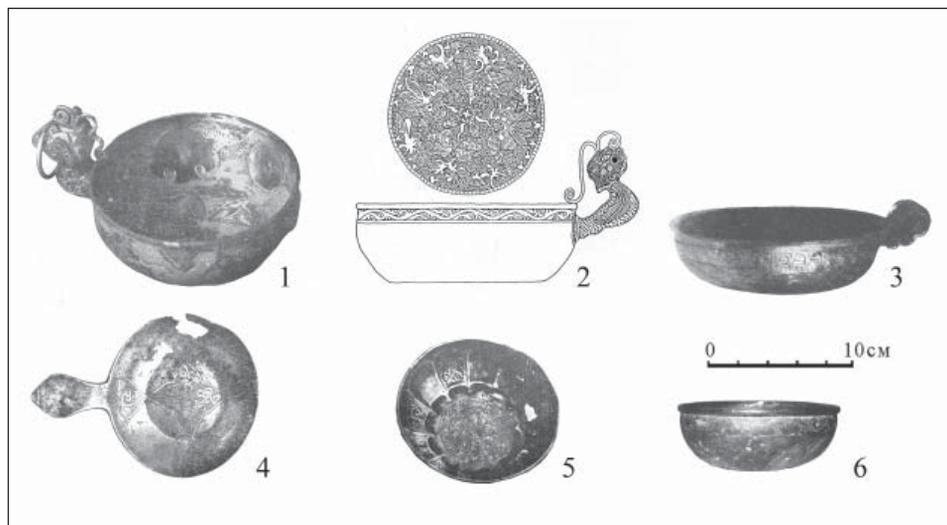

Рис. 2. Серебряная посуда из погребений кочевников XIII–XIV вв.:
1 – Укек, кирпичный слеп; 2 – Олень-Колодезь – 7/1; 3 – Афанасьевка – 7/1;
4 – Мелик; 5 – Укек – мавзолей 1/1; 6 – Суслы.

Fig. 2. Silver vessels from the nomad burials of 13th – 14th centuries: 1 – Ukek, brick tomb;
2 – Olen-Kolodez – 7/1; 3 – Afanasevka – 7/1; 4 – Melik; 5 – Ukek – mausoleum 1/1; 6 – Susly.

ных украшений, изображен идущий влево хищник (лев?) с загнутым за спину стилизованный в цветок хвостом. Вокруг льва – растительный орнамент. D_1 – 9 см (Кротков, 1915, с. 120–121, снимок 8; Кубанкин, 2006, с. 196, рис. 3: 2; Мыськов, 2015, с. 188, 247).

4. Укек – мавзолей 1/5. Погребение мужчины, обращенного головой на северо-восток – тип БПа (Мыськов, 2015, с. 274). 1 пол. XIV в. Серебряный, со следами позолоты ковш находился около правого плеча погребенного. Ковш с горизонтальной фестончатой килевидной рукоятью со следами позолоты. Край венчика снаружи укреплен полукруглым в сечении валиком-жгутом из узкой серебряной полосы. D – 9,5 см, глубина – 3 см (Кротков, 1915, с. 125, снимок 14; Кубанкин, 2006, с. 199; Мыськов, 2015, с. 188).

5. Укек, кирпичный склеп (т.н. «холм Уейского») (рис. 2: 1). Склеп разграблен, в нем был найден ковш, имевший ручку в виде протомы дракона с аметистовыми глазами, держащего в пасти серебряное свободно передвигающееся кольцо. Плоское дно ковша украшено позолоченным чеканным орнаментом в виде шестилепестковой розетки. Стенки – позолоченными лотосовидными цветками и круглыми розетками. D – 14 см (Спицын, 1914, с. 104, рис. 40; Кротков, 1915, с. 126–127; Федоров-Давыдов, 1994, с. 206; Кубанкин, 2006, с. 201, рис. 4, 5; Мыськов, 2015, с. 188).

6. Мелик (совр. Саратовская обл., Балашовский р-н) (рис. 2: 4). Из разграбленного кургана происходит ковш с инкрустацией. Ручка плоская, по венчику – утолщение. Растительный орнамент на тулове распределен по

пяти зонам на дне и стенке. Эти зоны имеют контур розетки из четырех широких лепестков. D – 8,8 см, Н – 3 см (Спицын, 1914, с. 104, рис. 37; Кравец, 2005, с. 51, рис. 17: 2).

7. Остроухов – 1/1 (Волгоградская обл., Кумлыженский р-н). Основное в кургане ограбленное погребение мужчины, в колоде с крышкой, уложенного головой на северо-запад. Вокруг могилы была сооружена деревянная конструкция, окруженная меловой подсыпкой. К юго-востоку от погребения находилась отдельная яма с костями лошади. Чаша без инкрустации находилась в западной части погребения, между колодой и головой погребенного. Чаша полусферической формы с плоским дном и с уплощенной закраиной в виде валика. D₁ – 13,6 см, D₂ – 9 см, Т – 0,1 см (Гуренко, 2001, л. 10–14, рис. 37, 42).

Подонье

8. Веселый II – 1/1 (Волгоградская обл., Котельниковский р-н) (рис. 4: 9). Основное в кургане погребение женщины (с признаками монголоидности) в гробу, уложенной головой на север, в подбое – типа ДIII (Федоров-Давыдов, 1966, с. 127) или БIV (Мыськов, 2015, с. 274), кон. XIII – нач. XIV в. Из погребения происходят остатки бокки, золототканого парчового халата, два золотых, пластинчатых т.н. «булгарских» браслета, золотая серьга в виде знака вопроса, бронзовое зеркало и пр. Серебряная чаша кубка с утраченным поддоном без инкрустации, лежала на костях левой руки. Сосуд с округлым дном, тонкими, плавно расширяющимися стенками и низкой втулкой для крепления поддона. Край венчика снаружи укреплен полукруглым в сечении валиком-жгутом из узкой серебряной

полосы. Сохранившаяся Н кубка – 11,5 см; вес – 215 гр; серебро 990 пробы (Мыськов, 2015, с. 187–188, 289, рис. 5: 2, табл. XXXIII: 8).

9. Нагавский I – 2/1 (Волгоградская обл., Котельниковский р-н) (рис. 4: 3). Основное в кургане погребение мужчины-монголоида, типа ДIII (Федоров-Давыдов, 1966, с. 127) или БIа (Мыськов, 2015, с. 274) – подбой с деревянным перекрытием, кон. XIII – нач. XIV в. Возле левой руки погребенного найдены кости передней ноги с лопаткой барана. Плоскодонная чаша с гладкими не орнаментированными стенками лежала у локтя левой руки. D – 13 см; вес – 62 гр; серебро 990 пробы (Мыськов, 2015, с. 286, рис. 3: 2, табл. XXXIII: 7).

10. Семенкин – 28/1 (Ростовская обл., Волгодонский р-н). Основное в кургане погребение женщины, уложенной головой на север, в яме с заплечиками вдоль восточной и западной стен и деревянным перекрытием – тип БIб (Мыськов, 2015, с. 274), 2 пол. XIII в. За черепом погребенной найдены кости барана – левая лопатка, левая берцовая, таранная и пяточная. В погребении присутствовали остатки бокки, бронзовое зеркало, две серебряные серьги в виде знака вопроса и пр. У локтевого сустава правой руки погребенной находился развал чаши с валикообразным бортиком по верхнему краю. Размеры чаши не восстанавливаются (Ларенок, Ларенок, 1990, л. 89, рис. 189; Ларенок, 1992, табл. 1).

11. Высокая Гора – 2/1 (Воронежская обл., Богучарский р-н) (рис. 4: 4). Основное воинское погребение, совершенное в деревянном гробу (без крышки), головой на север – типа ДI (Федоров-Давыдов, 1966, с. 127) или БIа (Мыськов, 2015, с. 274), кон. XIII –

1 пол. XIV в. С северо-запада от гроба найдена кость барана. Среди инвентаря встречены: железные шлем и копье, бронзовый котел, поясной набор из серебра с позолотой, золотая серьга и пр. Перевернутая вверх дном чаша находилась под локтем правой руки погребенного. Чаша не орнаментированная, с профилированным утолщенным в верхней части венчиком и округлым дном. D_1 – 15 см, Н – 6,3 см (Кравец и др., 2000, с. 117, рис. 4: 6; Кравец, 2005, с. 50, 110, рис. 16: 6, 23: 6).

12. Высокая Гора – 3/1 (рис. 4: 5). Впускное (под вторичной насыпью) женское погребение, уложенной головой на север, в деревянном гробу (без крышки) – типа ДІ (Федоров-Давыдов, 1966, с. 127) или БІа (Мыськов, 2015, с. 274), кон. XIII – 1 пол. XIV в. В погребении обнаружены остатки шелковой одежды, две золотые серьги в виде знака вопроса, золотой перстень, серебряный пластинчатый браслет, различные золотые украшения, билоновое зеркало, бронзовый котел и пр. Не орнаментированная плоскодонная чаша в кожаном чехле, с приклепанными к нему кольцами для подвешивания, находилась у локтя левой руки погребенной. D_1 – 11 см, Н – 3,7 см (Кравец и др., 2000, с. 122, рис. 7: 3; Кравец, 2005, с. 50, 112, рис. 16: 7, 26: 3).

13. Новый Буравль (Сафоновка) (Воронежская обл., Бобровский р-н). Курган раскопан в нач. XX в. Материалы не сохранились. Погребение основное, погребенный уложен между двух досок, головой на северо-запад. В комплексе выявлены золотая серьга и бронзовый котел. На грудных костях скелета, вверх дном, лежала чаша из серебра с примесью меди, покрытая

куском парчи на подкладке (Цыбин, 1986, с. 264; Кравец, Бойков, 1996, с. 205).

14. Олень-Колодезь – 7/1 (Воронежская обл., Каширский р-н) (рис. 2: 2). Основное воинское погребение, совершенное в гробу, головой на северо-восток, в могильной яме с уступом вдоль западной стены – тип БІг (Мыськов, 2015, с. 274), кон. XIII – 1 пол. XIV в. Слева от гроба лежали кости ноги барана. В погребении выявлены: железные шлем (с позолотой), кольчуга, копье, топор, инкрустированный золотом, золотая серьга в виде знака вопроса, серебряный с позолотой поясной набор и пр. Поясной ковш находился справа от головы погребенного. Ковш плоскодонный, с ручкой в виде протомы дракона с короткой шеей и вытянутым туловом, гравированным орнаментом. Край венчика сосуда снаружи укреплен полукруглым в сечении валиком-жгутом из узкой серебряной полосы. Ниже расположена горизонтальная орнаментированная полоса с бегущим волнистым стеблем с полупальметтами, внутренняя поверхность дна покрыта цветочным узором в обрамлении узкой полосы, декорированной линейным точечным орнаментом. D_1 – 14,5 см, D_2 – 9,5 см, Н – 4,7 см (Ефимов, 1999, с. 97, рис. 3: 2; 2000, с. 170, рис. 5: 1, 6: 1; Крамаровский, 2001, с. 61, 63, рис. 25, с. 238, № 21; Кравец, 2005, с. 50, 113, рис. 17: 1, 28: 6; Мыськов, 2015, с. 188).

15. Олень-Колодезь – 9/1 (рис. 4: 1). Основное женское погребение, совершено в гробу, головой на северо-восток – типа ДІ (Федоров-Давыдов, 1966., с. 127) или БІа (Мыськов, 2015, с. 274), кон. XIII – 1 пол. XIV в. В северо-западной и северо-восточной стенках могильной ямы были сделаны

две полукруглые ниши, в которых в анатомическом порядке лежали кости ног барана. В погребении выявлены бокка, два пластинчатых серебряных браслета, золотой перстень, бронзовое зеркало, бронзовый котел и пр. Чаша была завернута в парчовую ткань и лежала вверх дном в районе правого локтя погребенной. Наружная сторона венчика украшена рядами точек, под которыми размещены шесть фестончатых медальонов, выделенных резервом, изнутри центральная часть дна декорирована округлым медальоном с шестилепестковой розеткой на точечном фоне. Чаша плоскодонная. D_1 – 11 см, D_2 – 7,5 см, Н – 3,5 см (Ефимов, 1999., с. 104, рис. 8: 11; 2000, с. 177, рис. 8: 11; Крамаровский, 2001, с. 243, № 48; Кравец, 2005, с. 50, 114, рис. 16: 8, 32: 11; Мыськов, 2015, с. 188, табл. XXXIII: 5).

Предкавказье

16. Гудермес (Чеченская респ.) (рис. 3: 2). Чаша из разграбленных в 1974 г. курганов близ города. Часть корпуса обломана. Вдоль венчика украшена растительным орнаментом в обрамлении двух горизонтальных линий. На внутренней стороне дна – орнамент в виде цветка лотоса с побегами на точечном фоне. Чаша плоскодонная. D – 16 см, Н – 4,7 см (Нарожный, 2005, с. 230, рис. 10).

17. Ачикулак (Ставропольский край, Нефтекумский р-н) (рис. 3: 3). Мужское погребение, случайно открытое 1957 г. Погребенный был уложен головой на север. Чаша находилась под затылочной частью черепа. Вдоль венчика по внешней стороне чаши растительный орнамент в обрамлении двух горизонтальных линий. На внутренней стороне, в центре дна помещен сложный орнамент,

представленный крупным цветком лотоса с побегами на точечном фоне⁴. Чаша плоскодонная. D – 16 см, Н – 5 см (Нарожный, 2005, с. 230–231, рис. 6).

18. Джухта II – 2/2 (Ставропольский край, Апанасенковский р-н) (рис. 3: 4). Впускное мужское погребение, совершено в гробу (без дна), головой на запад, в могильной яме с заплечиками по всему периметру ямы (деревянное перекрытие вдоль коротких стен); к северу – в особой яме костяк лошади, головой на запад – тип БХХII (Федоров-Давыдов, 1966, с. 125–126). Погребенный был одет в парчовый халат. Возле его бедренной кости находился позвонок животного. Чаша лежала вверх дном справа на тазовых костях. С внешней стороны украшена фризом (толщиной 1,1 см) из элементов растительного орнамента, выполненного в технике чеканки и позолоты. Крупный цветок в обрамлении листьев на точечном фоне, заключенный в круг, украшает дно чаши. Чаша плоскодонная. D_1 – 12,1 см, Н – 3,4 см, Т – 0,2 см (Белинский, 1998, л. 27, рис. 103–104; Доде, 2001, рис. 39; Dode, 2007, p. 76, fig. 13: 5).

19. Джухта II – 2/5 (рис. 3: 5). Основное женское погребение, по обряду идентичное предыдущему. На по-

⁴ Как нетрудно заметить, цветок лотоса на чашах из Гудермеса и Ачикулака полностью идентичен лотосу на чаше из Ковалевки. Также одинаковы и прорисовки фризов из растительного орнамента на чашах из Гудермеса и Ковалевки (рис. 3: 2, 3, 8). Мы затрудняемся определить, случайное ли это совпадение, и полагаемся здесь исключительно на Е.И. Нарожного, который опубликовал чаши из Гудермеса и Ачикулака по прорисовкам краеведа из г. Грозного М.П. Севостьянова (Нарожный, 2005, с. 226–227).

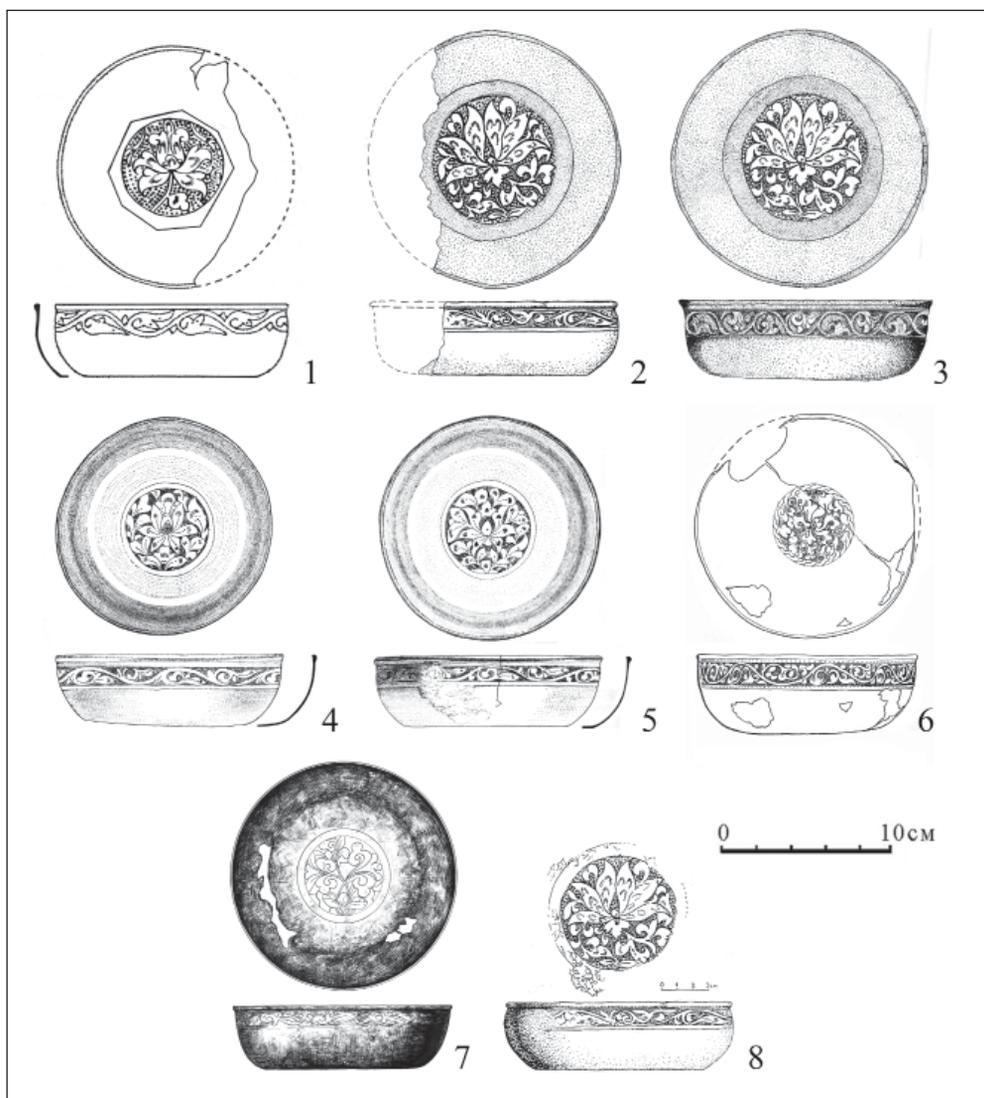

Рис. 3. Серебряная посуда из погребений кочевников XIII–XIV вв.:
 1 – Бахтияровка – 24/1; 2 – Гудермес; 3 – Ачикулак; 4 – Джухта II – 2/2;
 5 – Джухта II – 2/5; 6 – Новониколаевский II – 2/1; 7 – Черемшино – 3/1;
 8 – Ковалевка IV – 6/1.

Fig. 3. Silver vessels from the nomad burials of 13th – 14th centuries: 1 – Bahtiyarovka – 24/1;
 2 – Gudermes; 3 – Achikulak; 4 – Juhta II – 2/2; 5 – Juhta II – 2/5; 6 – Novonikolaevskiy II – 2/1;
 7 – Cheremshyno – 3/1; 8 – Kovalevka IV – 6/1.

гребенной был парчовый халат. Среди инвентаря выделяются: золотая бляшка, серебряная пряжка, бронзовое зеркало, бронзовый котел, в котором найдены ребро и позвонки животного. Серебряная чаша, аналогичная

чаше из предыдущего захоронения, находилась вверх дном, за стопами погребенной. D_1 – 12,3 см, Н – 3,5 см (Белинский, 1998, л. 32, рис. 147–148; Доде, 2001, рис. 39; Dode, 2007, р. 76, fig. 9: 10).

20. Розенталь I – 1/1 (Республика Калмыкия, Городовиковский р-н) (рис. 4: 6). Основное мужское погребение типа АI (Федоров-Давыдов, 1966, с. 124). В составе инвентаря присутствовал железные наконечник копья и плошка. Серебряная чаша находилась справа от погребенного, чуть выше тазовых костей. D_1 – ок. 19 см, D_2 – 12 см, Н – 6 см, Т – 1,2 см (Кольцов, Дремов, 2011, с. 41, рис. 93: 1).

Прикубанье

21. Коллекторский – 1/1 (Краснодарский край, Калининский р-н) (рис. 4: 2). Погребение 1 пол. XIV в., представляло собой захоронение воина (уложен головой на север, могила обложена деревом) с лошадьми (в двух отдельных ямах) – тип EV (Федоров-Давыдов, 1966, с. 127) или БШаI (Мыськов, 2015, с. 274), в индивидуальном кургане. Могильная яма была перекрыта широкими досками. Под тазовыми костями погребенного обнаружены позвонки барана, а у правой берцовой кости – ребро. Чаша находилась у сгиба правого локтя (между ним и ребрами), в ней обнаружены угольки. Фрагмент этой же чаши был обнаружен справа у шеи лошади, захороненной в отдельной яме, южнее погребения человека. Венчик чаши оформлен в виде выступающего наружу валика. Мотивы штампованного растительного орнамента – симметрично расположенные трилистники, направленные от дна к венчику. Между трилистниками симметрично располагались три окружности. На дне – шестилепестковая розетка, наложенная на круг с шестью фигурными выступами, находящимися между лепестками розетки. Поверхность чаши внутри фигур орнамента гладкая; между ними покрыта точечным орна-

ментом. Техника нанесения орнамента: контуры фигур вдавлены внутрь, образуя рельефные линии. Чаша плоскодонная. D_1 – 13 см, Н – 3,7 см, Т – 0,8 см, стенки местами повреждены (Чхаидзе, Дружинина, 2010, с. 119, рис. 5: 15).

22. Коллекторский – 2/14 (рис. 4: 7). Воинское погребение, аналогичное предыдущему, 1 пол. XIV в., также было совершено в индивидуальном кургане, в гробу, головой на северо-восток – тип EV (Федоров-Давыдов, 1966, с. 127) или БШаI (Мыськов, 2015, с. 274). В составе инвентаря выделяются монгольский железный шлем и железная кольчуга, серебряная серьга в виде знака вопроса. На уровне правого локтя погребенного, у северной стенки гроба находилась очень плохой сохранности, перевернутая вверх дном чаша, которая распалась на фрагменты, разбросанные по могильной яме. Поверхность чаши расслоилась, стенки в верхней части вертикальны, в нижней сужались ко дну и переходили в него через перегиб. Дно вогнутое. Край венчика утолщен, снаружи выступал в виде валика. В одном месте на стенке замечен рельефный полукруг (часть орнамента?). К чаше прикипел кусочек кожаного ремешка, находившийся у стенки гроба. D – 13 см, Н – 4,0 см, Т – 0,2 см (Чхаидзе, Дружинина, 2010, с. 122, рис. 6: 13).

23. Новониколаевский II – 2/1 (Краснодарский край, Калининский район) (рис. 3: 6). В индивидуальном кургане, женское погребение в гробу (головой на запад), совершенное в яме с заплечиками вдоль длинных стен (с деревянным перекрытием); к северу, головой на запад, уложено чучело лошади – типа BIV (Федоров-Давыдов,

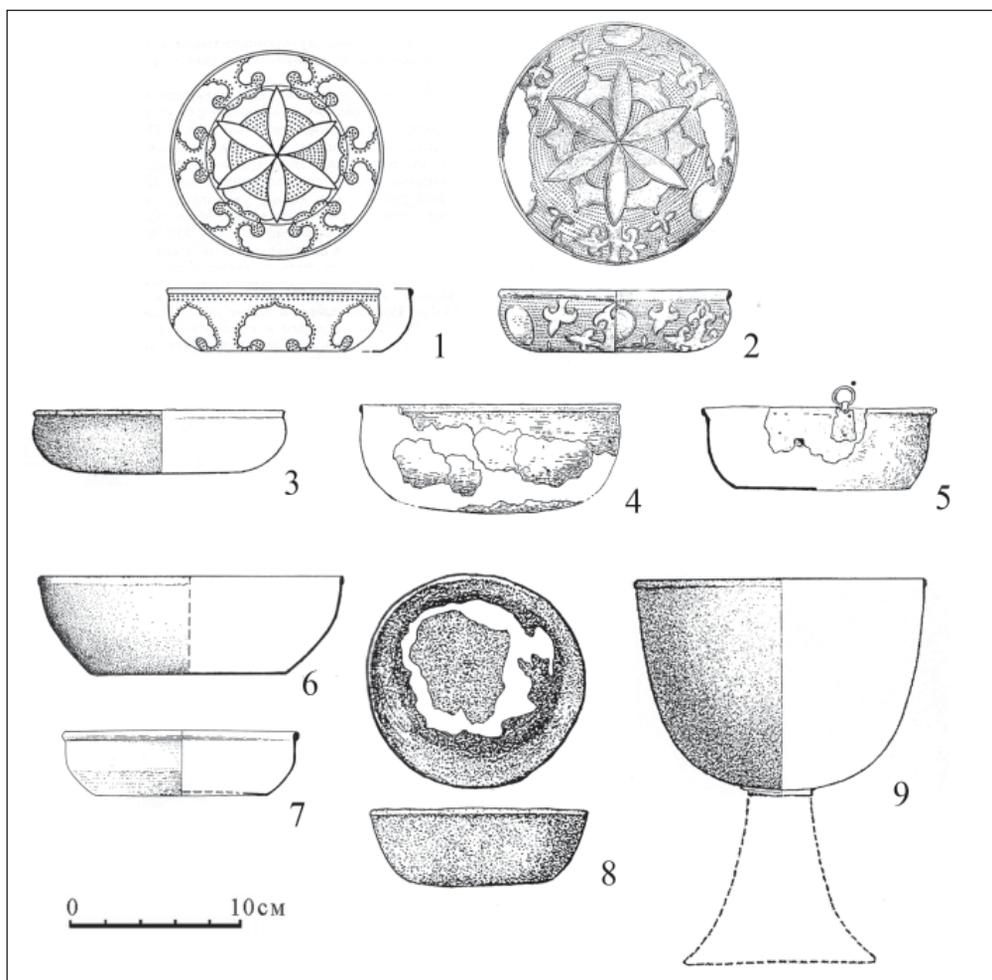

Рис. 4. Серебряная посуда из погребений кочевников XIII–XIV вв.:
 1 – Олень-Колодезь – 9/1; 2 – Коллекторский – 1/1; 3 – Нагавский I – 2/1; 4 – Высокая
 Гора – 2/1; 5 – Высокая Гора – 3/1; 6 – Розенталь I – 1/1; 7 – Коллекторский – 2/14;
 8 – Мамай-Гора, восточная группа – 3; 9 – Веселый II – 1/1.

Fig. 4. Silver vessels from nomad burials of 13th – 14th centuries: 1 – Olen-Kolodez – 9/1; 2 – Collec-
 torskiy – 1/1; 3 – Nagavskaya I – 2/1; 4 – Visokaya Gora – 2/1; 5 – Visokaya Gora – 3/1; 6 – Rosent-
 al I – 1/1; 7 – Collectorskiy – 2/14; 8 – Mamai-Gora, Eastern group – 3; 9 – Veseliy II – 1/1.

1966, с. 124) или АПБ1 (Мыськов, 2015, с. 273), 1 пол. XIV в. Из инвента-
 ря следует отметить серебряную
 подвеску и бронзовое зеркало. Чаша
 лежала справа от черепа погребен-
 ной, вверх дном. Украшена орнамен-
 том, нанесенным в технике насечек
 золотом и тонкой гравировки с по-
 следующим золочением. На внешней

поверхности чаши орнамент прохо-
 дит под бортиком, полосой шириной
 1,9 см. Эта полоса ограничена сверху
 и снизу парами горизонтальных гра-
 вированных линий, между которыми
 заключены горизонтальные ряды то-
 чек. Пространство между двумя верх-
 ними линиями целиком позолочено.
 Центральная часть орнаментальной

полосы шириной 1,4 см занята растительным орнаментом в виде волнисто изгибающейся лозы, от которой вверх и вниз отходят листья, побеги и крины. В целом, обегая чашу, побег лозы восемь раз касается верхнего и восемь раз нижнего края орнаментальной зоны. Здесь орнамент ритмично повторяется. Внутри, на дне чаши, орнамент представляет собой круглую розетку диаметром 5 см, размеченную при помощи циркуля (в ее центре оставлена точка). В розетку вписан лотос с лепестками сложной формы. Пространство между лепестками заполнено сложным узором в виде изогнутых ростков, побегов и листьев. Чаша плоскодонная. $D_1 - 13,2$ см, $D_2 -$ ок. 7,5 см, $H - 5,2-5,0$ см, $T - 0,3-0,4$ см (Дружинина и др., 2011, с. 42, 45, рис. 12).

24. Курчанская (Краснодарский край, Темрюкский р-н). Раскопанное Н.П. Кондаковым в 1880 г. основное воинское погребение (совершено в гробу) с чучелом лошади. Ориентировка погребенного – либо на запад, либо на восток – типа Б1 или Г1 (Федоров-Давыдов, 1966, с. 124, 126), XII–XIII вв. В погребении встречены: железные шлем, кольчуга, копье, бронзовый котел и пр. Медная посеребренная чаша находилась возле левой руки погребенного (Чхаидзе, 2009, с. 116, 122). Изображение чаши и ее описание не сохранились.

Подонцовье

25. Черемшино – 3/1 (Луганская обл., Свердловский р-н) (рис. 3: 7). Основное в кургане, ограбленное (ритуально разрушено?) мужское погребение, ориентированное головой на северо-восток, в могильной яме с заплечиками вдоль восточной и западной стен, перекрытой деревянными

ми плахами – тип Б1б (Мыськов, 2015, с. 274), кон. XIII – нач. XIV в. В погребении встречены: детали пластинчатого доспеха, серебряное кольцо и пр. Чаша находилась слева от черепа. Венчик с утолщением, под ним – рельефный растительный орнамент. На внутренней части дна с помощью циркуля нанесены два правильных круга диаметрами 6,1 и 5,4 см. Во внутреннем круге в технике гравировки исполнен рисунок в виде растительного орнамента. В пространстве между кругами отмечены линии. Чаша плоскодонная. $D_1 - 13,7$ см, $D_2 - 9$ см, $H - 4,1$ см (Красильников, 2001, с. 215–216, рис. 4; Красильникова и др., 2016, с. 346–347, рис. 2: 1–3).

Поднепровье

26. Афанасьевка – 7/1 (совр. Днепропетровская обл., Новомосковский р-н) (рис. 2: 3). Основное женское погребение, погребенная уложена головой на запад, в яме с заплечиками вдоль северной и южной стен – типа АIV (Федоров-Давыдов, 1966, с. 124), А-4 (Васильев, 2007, с. 74) или А1б (Мыськов, 2015, с. 273). Над погребением находились остатки повозки. В погребении выявлены: остатки бокки и парчового халата, два серебряных эмалевых агафа, серебряные бляшки и две серьги в виде знака вопроса, золотые подвески и перстень, бронзовый кувшин, бронзовое зеркало с надписью куфи и пр. Серебряный ковш находился возле левой руки погребенной. Ковш с инкрустацией по внешнему поясу, имеющий ручку в виде львиной головы, держащей в пасти край сосуда (Эварницкий, 1907, с. 124–126, рис. 2; Федоров-Давыдов, 1966, с. 87, 259, № 594).

27. Мамай-Гора, восточная группа – 3 (Запорожская обл., Каменско-Дне-

провский р-н) (рис. 4: 8). Погребение грунтовое, мужское, погребенный уложен головой на север, в яме с подбоем вдоль западной стены – типа ДШ (Федоров-Давыдов, 1966, с. 127) или БВ (Мыськов, 2015, с. 274), в деревянном решетчатом ящике-гробовище, 1 пол. – сер. XIV в. Возле черепа находилась кость ноги барана. Из погребения происходит серебряная серьга. Чаша без инкрустации, находилась вверх дном под левой лопаткой погребенного. D_1 – 11,4–11,0 см, D_2 – ок. 7 см, Н – 4,0–3,6 см, (Ельников, 2004, с. 88, 95, рис. 4: 4; Андрух, Тощев, 2009, с. 123, 128, рис. 59: 4).

Побужье

28. Ковалевка IV – 4/1 (Николаевская обл., Николаевский р-н). Основное мужское погребение в гробовище, погребенный уложен головой на северо-восток, в могильной яме с заплечиками вдоль восточной, южной и западной стен – тип ББ (Мыськов, 2015, с. 274), кон. XIII – нач. XIV в. Могила перекрыта деревянными плахами, на которые были положены кости барана. В погребении находились железное копье, бронзовый котел и пр. Чаша без инкрустации лежала справа от черепа погребенного, на ключице, вверх дном. D_1 – 16 см, D_2 – 11,9 см, Н – 5,6 см, (Ковпаненко и др., 2005, с. 377, 379, рис. 39: 2; Квитницкий, 2005, с. 390).

29. Ковалевка IV – 6/1 (рис. 3: 8). Основное воинское погребение в «ладьевидной» колоде с крышкой, умерший уложен головой на север в могильной яме с заплечиками вдоль восточной и западной стен – тип ББ (Мыськов, 2015, с. 274), кон. XIII – нач. XIV в. Могила перекрыта деревянными плахами, на которые были положены остатки передней части

туши барана. Из погребения происходят: конская узда с серебряными фигурными бляхами, серебряный султан, серебряные детали пояса, железные шлем и кольчуга, костяная рукоять плети и пр. Чаша лежала вверх дном возле стопы левой ноги погребенного. Украшена по венчику и дну гравированным растительным орнаментом на точечном фоне. Чаша плоскодонная. D_1 – 14,5 см, D_2 – 10,5 см, Н – 4,3 см, серебро 750 пробы (Горелик, Ковпаненко, 2001, с. 154, 159, рис. 4: 1–2; Ковпаненко и др., 2005, с. 381, 384, рис. 50; Квитницкий, 2005, с. 390).

30. Ковалевка IV – 11/1. Основное женское погребение, умершая уложена головой на северо-восток, в могильной яме с заплечиками вдоль восточной и западной стен – тип ББ (Мыськов, 2015, с. 274), кон. XIII – нач. XIV в. На уступе находились деревянные плахи перекрытия. В погребении встречены: серебряная фигурная бляшка, две серебряные бляхи и пр. Чаша без инкрустации лежала возле колена левой ноги погребенной. Под венчиком чаша имела два отверстия, в которые вставлялась подвижная железная дужка. D_1 – 11,5×9,6 см, D_2 – 8 см, Н – 3 см (Ковпаненко и др., 2005, с. 386–387, рис. 58: 1; Квитницкий, 2005, с. 390).

Приднестровье

31. Терновка IV – 254(76)/1 (Приднестровье, Слободзейский р-н). Погребение в простой яме (с деревянным перекрытием), умерший лежал головой на северо-запад, в гробу; в отдельной яме к северу находился костяк лошади, уложенный головой на запад – типа БХХI (Федоров-Давыдов, 1966, с. 125) или БШа1 (Мыськов, 2015, с. 274). Погребение содержало джу-

чидскую монету. Чаша позолоченная, с резным растительным орнаментом. На дне – орнаментированная розетка (Гошкевич, 1930, с. 27–28; Фабрициус, 1951, с. 25–26; Федоров-Давыдов, 1966, с. 87, 263, № 944; Добролюбовский, 1986, с. 87, № 35).

Серебряная посуда являлась важным атрибутом этикета монгольского застолья (Крамаровский, 2001, с. 80–83), вероятно, в погребениях она должна была иметь не менее важное семантическое значение.

Посуда встречена в 16 мужских погребениях (№№ 2, 4, 7, 9, 11, 14, 17, 18, 20–22, 24, 25, 27–29) и 9 женских (№№ 3, 8, 10, 12, 15, 19, 23, 26, 30). Обзор комплексов показал, что посуда в погребениях не имеет устойчивого местоположения: справа от головы (№№ 7, 14, 23); слева от головы (№№ 3, 25); под головой (№ 17); на правом плече (№ 28); возле правого плеча (№ 4); возле левого плеча (№ 2); у локтя правой руки (№№ 10, 15, 21, 22); под локтем правой руки (№ 11); у локтя левой руки (№№ 9, 12); на левой руке (№ 8); возле левой руки (№№ 24, 26); под левой лопаткой (№ 27); на груди (№ 13); на тазу (№ 18); справа от таза (№ 20); у колена левой ноги (№ 30); возле левой стопы (№ 29); за стопами (№ 19). Десять чаш были положены вверх дном (№№ 2, 11, 13, 15, 18, 19, 22, 23, 27, 28).

Большинство погребений (№№ 2, 7–15, 20–26, 28–30) – одиночные подкурганские захоронения; в трех случаях (№№ 3–5) погребения совершены в мавзолее и склепе. Могилы со ступенью, заплечиками или подбойные. В 8 случаях присутствуют костяки или чучела лошадей (№№ 7, 18–19, 21–24, 31), 6 из этих погребений совершены в Предкавказье и Прикубанье. Преоб-

ладают ориентировки в северном секторе – 20 погребений (№№ 3, 4, 7–15, 17, 21, 22, 25, 27–31); лишь в 6 случаях (№№ 2, 18–20, 23, 26) умершие ориентированы в западном направлении.

Необходимо указать на наличие в 12 погребениях (№№ 7–11, 14, 15, 18, 19, 21, 27–29) остатков заупокойной пищи в виде отдельных частей туши барана – этот признак рассматривается в качестве характерного для монгольской погребальной обрядности (Дружинина и др., 2011, с. 187–188; Потемкина, 2014, с. 590–592). При этом, помимо северной, возможна и западная ориентировка погребенных (Потемкина, 2012б, с. 147–148, рис. 2).

О принадлежности погребенных золотоордынской элите XIII–XIV вв. говорят и иные категории погребального инвентаря, маркирующих явно высокий статус умерших: значительное количество оружия в мужских погребениях и изделия из драгоценных металлов в женских, шапочки–бюкка, парчовые халаты, монеты, серьги в виде знака вопроса, золотые украшения и пр.

Можно полагать, что помещение серебряной посуды в погребения золотоордынцев приходит на смену исчезающему половецкому обряду опускать в захоронения медные котлы (№№ 11–13, 15, 19, 23, 28 совмещают котлы и чаши), которые также указывали на высокий социальный статус погребенных (Кравец, Бойков, 1996, с. 206–207; Чхаидзе, 2015, с. 286–287).

Представленная серебряная посуда достаточно органично вписывается в разработанную М.Г. Крамаровским классификационную схему.

Чаши с ручками в виде протомы дракона (рис. 2: 1–2) (№№ 5, 14) относятся к первой раннемонгольской группе 1 подгруппе Б, которая датируется в 2 пол. XIII – рубежом XIV в. (Крамаровский, 2001, с. 61–70; 2013, с. 145). Подобные чаши известны в Китае (Jianshe, 2006, р. 181), Западной Сибири (Смирнов, 1909, табл. СIII: 237, 238; Крамаровский, 1996, с. 200–202, № 76; 2001, с. 235, № 14, рис. 24), в материалах могильника Сайгатинский IV в Среднем Приобье (Федорова, 1991, с. 197–198, рис. 6; Крамаровский, 1991, с. 11–20, № 16), в Поднепровье (район Канева) (Смирнов, 1909, табл. СXVIII: 300; Rolle, Müller-Wille, Schietzel, 1991, р. 345, № 210) и Болгарии (Шумен) (La Bulgarie Médiévale, 1980, № 310). Чаша № 1, согласно мнению М. Г. Крамаровского, по стилистическим признакам относится к группе чаш №№ 15 и 20 (Крамаровский, 2001, с. 61, 91).

Близка к этой группе и чаша с ручкой в виде львиной головы, держащей в пасти край сосуда (рис. 2: 3) (№ 25).

Ковш с горизонтальной фестончатой ручкой (№ 4). Подобная форма, различающаяся уровнем разработки орнамента, также широко распространена в кон. XIII – 1 пол. XIV в. Аналогичные, но золотые ковши происходят из Казахстана (Акишев, Акишев, 1983, с. 210–211) и Семиречья (Крамаровский, 2011, с. 214, рис. 113, с. 240, № 41). Известны находки в Закубанье (ОАК, 1898, с. 27, рис. 143; 1909, с. 129, рис. 187; Смирнов, 1909, табл. СXXVIII: 322; Федоров-Давыдов, 1976, с. 183, рис. 132–133; Крамаровский, 2001, с. 87–88, рис. 36, 38, 39, с. 247, 265–266, №№ 60, 136; Горелик, Дружинина, 2011, с. 57, рис. 15: 1–3; Носкова, 2013, с. 210–212, рис. 3:

4), Киеве (Рудыка, 2013, с. 378–379, № 46), Армении (Крамаровский, 2011, с. 218, рис. 115).

Чаша с изображением льва на внутренней стороне и шестью медальонами с птицами и растительным орнаментом (рис. 2: 5) (№ 3) является образцом смешанного золотоордынского стиля (Федоров-Давыдов, 1994, с. 206).

Достаточно представительная группа чаш (рис. 2: 6, 3: 1–8) (№№ 1, 2, 16–19, 23, 25, 29, 31) может быть соотнесена с группой 6 – продукцией нескольких родственных мастерских кон. XIII – нач. XIV в. (Крамаровский, 2001, с. 89–90). Золотые чаши обнаружены в Китае (Jianshe, 2006, р. 177). Такие чаши известны на Северном Кавказе (Смирнов, 1909, табл. CVII: 253, 254; Крамаровский, 2001, с. 248–249, №№ 63, 68), в частности, в материалах Белореченских курганов (ОАК, 1898, с. 11, рис. 61; 1909, с. 97, рис. 123; Смирнов, 1909, табл. CVII: 255–257; Левашева, 1953, с. 171, рис. 2: 1; Крамаровский, 2001, с. 89, рис. 41, с. 250, № 69). Можно указать на происходящую из Ирана чашу со сливом (Крамаровский, 2001, с. 214, рис. 114). Отметим и чашу из коллекции фонда Марджани, однако ее дно украшено медальоном с изображением оленя в зарослях (Крамаровский, 2013, с. 216, № 49). К этой же группе можно отнести и ковш с ручкой (рис. 2: 4) (№ 6).

Две чаши (рис. 4: 1–2) (№№ 15, 21) отнесены к группе 8, датированной концом XIII – первым-вторым десятилетиями XIV в. Сосуды выполнены в одной или нескольких близких по ремесленной традиции мастерских (Крамаровский, 2001, с. 90–91; 2013, с. 147, 214; Горелик, Дружинина, 2011,

с. 57). Аналогичные чаши происходят с Северного Кавказа (Смирнов, 1909, табл. СI: 248), в частности, две – из Белореченских курганов (Крамаровский, 2001, с. 90; Горелик, Дружинина, 2011, с. 57, рис. 14: 1); две – из Одесского музея (Крамаровский, 2001, с. 90); из с. Губдор близ Перми (Смирнов, 1909, табл. СХХVII: 315; Крамаровский, 2001, с. 90–92, рис. 42, с. 243, № 47; Горелик, Дружинина, 2011, с. 57, рис. 14: 2); из Среднего Приобья: могильник Сайгатинский IV (Федорова, 1991, с. 197, рис. 5; Крамаровский, 1991, с. 11–20, № 17; 2001, с. 90, рис. 43) и блюдо из святилища Сайгатинский I (Федорова, 1991, с. 196, рис. 4; Крамаровский, 1991, с. 11–20, № 20; 2001, с. 90–91, 225, рис. 44, 120). К этой же группе примыкает ковш из коллекции фонда Марджани (Крамаровский, 2013, с. 214, № 48).

Чаши без инкрустации (рис. 4: 3–8) (№№ 7, 9, 11, 13, 20, 22, 27, 28, 30) имеют многочисленные аналогии в Сибири (Смирнов, 1909, табл. С: 217–219), на Северном Кавказе (Смирнов, 1909, табл. CVIII: 251), в Закубанье (Смирнов, 1909, табл. CVIII: 260; Федоров-Давыдов, 1976, с. 181, рис. 128; Носкова, 2005, с. 193, рис. 6: 2), Предкавказье (Нарожный, 2005, с. 228–229, рис. 2, 3). Чаша из биллона с циркульным орнаментом в виде концентрических окружностей на внутренней стороне происходит из слоя середины XIV в. Водянского городища (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 132, табл. VIII: 1–3).

Единственный кубок (рис. 4: 9) (№ 8). Аналогичные кубки без инкрустации известны в Сибири (Смирнов, 1909, табл. ХСIX: 210, 211) – они

близки инкрустированным кубкам из Сибири и Предкавказья (Крамаровский, 2001, с. 87–88, рис. 37).

Таким образом, представленные в настоящей работе предметы торевтики следует связывать с ремесленной продукцией мастерских различных городов Улуса Джучи, откуда они и распространялись по территориям кочевой Степи (Крамаровский, 2001, с. 80–84; 2012, с. 43–51; Горелик, Ковпаненко, 2001, с. 159–160). Этот стиль художественного серебра, сложился к концу XIII – первой половине XIV в. (Крамаровский, 2013, с. 147). Несомненным представляется мощное китайское влияние на сложение этого золотоордынского стиля, который ярко демонстрирует как китайские заимствования (например – мотив лотоса, ручки в виде протомы дракона и пр.), так и элементы собственно золотоордынского декора (Федоров-Давыдов, 1994, с. 205–206).

Памятники золотоордынской торевтики использовались и в более позднее время – вплоть до XVI–XVII вв., в том числе со вторичными гравированными владельческими надписями (Стерлигова, 2013, с. 539–541; Svaneti Museum, 2014, p. 146, № 92). Известны и подражательные формы XV в. (Дружинина, Чхаидзе, 2012, с. 319).

Итак, наличие серебряной поясной чаши, ковша или кубка – атрибутов монгольской всаднической культуры, – демонстрировало высокое социальное (еще при жизни) положение владельца. Как предмет погребального инвентаря серебряная посуда символизировала принадлежность погребенного к представителям родовой и племенной аристократии Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишев А.К., Акишев К.А.* Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Онер, 1983. 262 с.
2. *Андрух С.И., Тощев Г.Н.* Могильник Мамай-Гора. Книга IV. Запорожье: Запорожский национальный университет, 2009. 312 с.
3. *Белинский А.Б.* Отчет об охранных раскопках курганного могильника “Джухта” в Апанасенковском районе Ставропольского края в 1998 году. Ставрополь, 1998 / Архив ИА РАН. Р-1. № 21043.
4. *Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. 192 с.
5. *Горелик М.В., Дружинина И.А.* Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1 (2). М.: Издательский дом Марджани, 2011. С. 39–63.
6. *Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т.* Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. / Отв. ред. Г. Н. Белорыбкин. Пенза: ПГПУ, 2001. С. 154–164.
7. *Гошкевич В.И.* Погребения, датированные джучидскими монетами. Из раскопок И.Я. Стемповского // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській АН. Число 4–5. Секція археологічна. Одесса, 1930. С. 104–111.
8. *Гуренко Л.В.* Отчет об археологических исследованиях в Октябрьском и Кумлыженском районах Волгоградской области в 2001 году. Волгоград, 2001 / Архив ИА РАН. Р-1. № 23770.
9. *Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н.* Погребение знатного адыгского воина из кургана Асран // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.) / Отв. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала: Изд. дом Мавраев, 2012. С. 319–320.
10. *Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М.: Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета, 2011. 268 с.
11. *Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А.* Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 108–167.
12. *Ефимов К.Ю.* Золотоордынские погребения из могильника “Олень-Колодезь” // РА. 2000. № 1. С. 167–182.
13. *Ковпаненко Г.Т., Гаврилюк Н.А., Евдокимов Г.Л.* Курганы у с. Ковалевка (группа IV). // АДУ 2003–2004 рр. Запоріжжя: Дике Поле, 2005. С. 363–388.
14. *Кольцов П.М., Дремов М.И.* Исследование курганов и старокалмыцких поселений Калмыкии (по материалам раскопок 2002–2009 гг.). Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2011. 192 с.
15. *Кравец В.В.* Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж: ВГПУ, 2005. 208 с.
16. *Кравец В.В., Бойков А.А.* Металлическая посуда в погребениях кочевников зоотоордынского времени в лесостепном Подонье // Археологические исследования высшей педагогической школы. Воронеж: ВГУ, 1996. С. 202–208.
17. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
18. *Крамаровский М.Г.* Золотой ковш монгольского времени из Предкавказья // СГЭ. Вып. XXXVI. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1973. С. 65–70.
19. *Крамаровский М.Г.* Монголы. История и культура // Десяносто девять имен Всевышнего. Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков / Сост. Г. Ласикова. М.: Изд. дом Марджани, 2013. С. 142–151, 195–217.

20. Крамаровский М.Г. Новые находки золотоордынского серебра из Приобья. Северокитайские и исламские черты в торовитке XIII–XIV вв. // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки. К 70-летию отдела Востока Гос. Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1991. С. 11–20.
21. Красильникова Л.И., Апареева Е.К., Красильников К.И. Элементы прикладного искусства в среде номадов степного Подонцовья // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти С.А. Плетневой. / Отв. ред. И.Л. Кызласов М.: Авторская книга, 2016. С. 342–350.
22. Кригер В.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Волгоградской области в 1982 г. Уфа, 1982. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9241.
23. Кротков А.А. Раскопки на Укеке в 1913 году // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 32. Саратов: Союз Печатного Дела, 1915. С. 111–133.
24. Кубанкин Д.А. Погребальные памятники Увекского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2006. С. 190–213.
25. Ларенок В.А., Ларенок П.А. Отчет о работе Отдела полевых археологических исследований ТЛИАМЗ в 1990 году. Курганный могильник у х. Семенкин Волгодонского района Ростовской области. Ростов-на-Дону, 1990 / Архив ИА РАН. Р-1. № 15112.
26. Левашева В.П. Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. XXII. М.: ГИМ, 1953. С. 163–213.
27. Моржерин К.Ю. Ковш поясной // Юрченко А. Г. Элита монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2013. С. 363.
28. Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.
29. Нарожный Е.И. О некоторых находках XIII–XIV вв. с территории “Грозненской области” (по материалам личного архива грозненского краеведа М. П. Севостьянова). // МИАСК. Вып. 5 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: Международная Академия Наук. 2005. С. 226–243.
30. Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей / МИАСК. Вып. 7 / Армавир – Ставрополь: Ставропольский музей-заповедник и ЦАИ АГПИ. 2007. 176 с.
31. Носкова Л.М. Богатый комплекс золотоордынского времени из предгорий Закубанья // Древности Западного Кавказа. 1 / Отв. ред. Н.Е. Берлизов Краснодар: Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник, 2013. С. 205–214.
32. Носкова Л.М. Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее // Материальная культура Востока. Вып. 4 / Отв. ред. Л.М. Носкова. М.: Государственный музей Востока (ГМИНВ), 2005. С. 186–202.
33. Потемкина Т.М. Золотоордынские кочевнические погребения с меридиональной ориентировкой: проблемы этнокультурной интерпретации // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк: ЛГУ, 2014. С. 589–593.
34. Потемкина Т.М. Металлические посудовидные изделия из погребений номадов золотоордынского времени Восточной Европы: проблемы и стереотипы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. / Гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: ДНУ, 2012а. С. 279–306.
35. Потемкина Т.М. Признаки монгольской погребальной традиции (по золотоордынским кочевническим погребениям). // Донецкий археологический збірник. № 16 / Голов. ред. Литвиненко Р.О. Донецк: ДНУ, 2012б. С. 144–151.
36. Рудыка Н.Н. Ковш // Юрченко А.Г. Элита монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2013. С. 378–379.

37. *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи. С.-Петербург, 1909. 153 с.

38. *Спицын А.А.* Некоторые новые приобретения Саратовского музея // ИАК. Вып. 53. Пг., 1914. С. 95–106.

39. *Стерлигова И.А.* Чарка Казанского царя // От Онона к Темзе. Чингисиды и их соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. / Ред.-сост. В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 539–546.

40. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 230 с.

41. *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

42. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

43. *Цыбин М.В.* Погребения средневековых кочевников X–XVI вв. в Среднем Подонье // СА. 1986. № 3. С. 257–266.

44. *Чхаидзе В.Н.* Котлы из погребений кочевников степного Предкавказья XI–XIV вв. // КСИА. Вып. 237. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 280–291.

45. *Чхаидзе В.Н.* Средневековые кочевнические погребения в степном Прикубанье из раскопок конца XIX – начала XX вв. // МИАСК. Вып. 10 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: ЦАИ АГПИ. 2009. С. 116–126.

46. *Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А.* Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1, 2010. С. 110–125.

47. *Эварницкий Д.И.* Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе в 1905 г. Т. I. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Сопко, 1907. С. 108–157.

48. *Dode Z.* «Djutha», nécropole de la période de la Horde d'Or dans le village caucasien de Djuhti, région de Stavropol. In: Archéologie Médiévale, Tome 37, Caen, 2007, p. 67–90.

49. *Jianshe Yu.* Important Archaeological Sites for Excavated Gold and Silverware in Chifeng Region. In: Essence of Chifeng Historical Relics Series. Chifeng: Distant Place Publishing, 2006, 226 p.

50. *La Bulgarie Médiévale. Art et civilisation: Catalogue Exposition.* Paris; Grand Palais, Réunion des Musées Nationaux, 1980. 223 p.

51. *Rolle R., Müller-Wille M., Schietzel K.* Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig: Archäologisches Landesmuseum, 1991, 440 p.

52. *Svaneti Museum, 2014. Catalog.* Tbilisi: Sezani, 1991, 262 p.

Информация об авторе:

Чхаидзе Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Институт археологии РАН, (г. Москва, Россия); chkhaidze@yandex.ru

SILVER TABLEWARE FROM THE NOMAD BURIALS OF 13TH – 14TH CENTURIES ON THE EAST EUROPEAN PLAIN

V.N. Chkhaidze

The article considers 31 nomad burials of 13th – 14th cc. containing prestigious silverware (waist bowls, ladles and goblets) discovered in the territory of nine regions of the East European Plain (Trans-Volga, Volga, Don, Cis-Caucasus, Kuban, Donets, Dnieper, Ob, Bug and Trans-Dniester regions). It is one of the most informative and expressive groups of nomadic burial inventories only available for the the representatives of the ruling elite and included

in the attributes of nomadic aristocracy of 13th – 14th cc. The description of each finding is provided together with the aggregate data concerning the dating of the burials, their type and the gender of the deceased. The authors consider the role of tableware in burial rites and its correspondence the representatives of family and tribal nomadic Golden Horde aristocracy.

Keywords: archaeology, East European Plain, medieval nomads, Golden Horde, silverware, turetics, ladles, bowls, social stratification.

REFERENCES

1. Akishev, A. K., Akishev, K. A. 1983. *Drevnee zoloto Kazakhstana (Ancient Gold of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Oner" Publ. (in Russian).
2. Andruk, S. I., Toshchev, G. N. 2009. *Mogil'nik Mamai-Gora (Mamai-Gora Burial Mound)*. Zaporozh'e: Zaporizhzhya National University Publ. (in Russian).
3. Belinskii, A. B. 1998. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh kurgannogo mogil'nika "Dzhukhta" v Apanasenskovo raione Stavropol'skogo kraia v 1998 godu (Report on the Salvage Excavations of Dzhukhta Barrow Burial Mound in the Apanasenskiy District of the Stavropol Region in 1998)*. Stavropol'. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 21043 (in Russian).
4. Vasil'ev, D. V. 2007. *Islam v Zolotoi Orde: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Islam in the Golden Horde: Historical-Archaeological Research)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House (in Russian).
5. Gorelik, M. V., Druzhinina, I. A. 2011. In: *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia)*. 2 (1). Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ., 39–63 (in Russian).
6. Gorelik, M. V., Kovpanenko, G. T. 2001. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Arkheologiya Povolzh'ya (Archaeology of the Volga region)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 154–164 (in Russian).
7. Goshkevich, V. I. 1930. In *Visnik Odes'koi komisii kraeznavstva pri Ukrain'skii AN. Chislo 4–5. Sektsiia arkheologichna (Bulletin of the Odessa Regional Studies Committee, Ukrainian Academy of Sciences. No. 4–5. Archaeological Section)*. Odessa, 104–111 (in Russian).
8. Gurenko, L. V. 2001. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiah v Oktiabr'skom i Kumylzhenskom raionakh Volgogradskoi oblasti v 2001 godu (Report on Archaeological Studies in the Oktyabrsky and Kumylzhensky Districts of the Volgograd Region in 2001)*. Volgograd. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 23770 (in Russian).
9. Druzhinina, I.A., Chkhaidze, V.N. 2012. In Gadzhiev, M. S. (ed.). *Noveishie otkrytiia v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniia i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Newest Discoveries in the Archaeology of North Caucasus: Investigations and Interpretations. Materials of the International Conference)*. Makhachkala: "Mavraev" Publ., 319–320 (in Russian).
10. Druzhinina, I. A., Chkhaidze, V. N., Narozhnyi, E. I. 2011. *Srednevekoveye kochevniki v Vostochnom Priazov'e. (Medieval Nomads in the Easter Azov Region)*. Armavir; Moscow: Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical University (in Russian).
11. Egorov, V. L., Fedorov-Davydov, G. A. 1976. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Srednevekoveye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 108–167 (in Russian).
12. Efimov, K. Yu. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)*. (1), 167–182 (in Russian).
13. Kovpanenko, G. T., Gavriiliuk, N. A., Evdokimov, G. L. 2005. In *Arkheologichni doslidzhenia v Ukraini 2013 roku (Archaeological Researches in Ukraine of 2003–2004)*. Zaporizhia: "Dike Pole" Publ., 363–388 (in Russian).
14. Koltsov, P. M., Dremov, M. I. 2001. *Issledovanie kurganov i starokalmytskikh poselenii Kalmykii (po materialam raskopok 2002–2009 gg.) (Investigation of Barrows and Ancient Kalmyk)*

Settlements of Kalmykia (on the Basis of Materials from the Excavations of 2002-2009). Elista: Kalmyk State University Publ. (in Russian).

15. Kravets, V. V. 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Middle Don in the Golden Horde Period)*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University (in Russian).

16. Kravets, V. V., Boikov, A. A. 1996. In *Arkheologicheskie issledovaniia vysshei pedagogicheskoi shkoly (Archaeological Studies of the Higher Pedagogical School)*. Voronezh: Voronezh State University 202–208 (in Russian).

17. Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoye nasledie Zolotoy Ordy (Gold of Genghisid: the cultural heritage of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: "Slaviya" Publ. (in Russian).

18. Kramarovskii, M. G. 1973. In *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* 36. Leningrad: The State Hermitage Publ. 65–70 (in Russian).

19. Kramarovskii, M. G. 2013. In Lasikova, G. (comp.). *Klassicheskoe iskusstvo islamskogo mira IX–XIX vekov. Devyanosto deviat' imen Vsevyshnego (Classic Art of the Muslim World of 9th – 19th Centuries. Ninety-Nine Names of God)*. Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ., 142–151, 195–217 (in Russian).

20. Kramarovskii, M. G. 1991. In *Vostochnyi khudozhestvennyi metall iz Srednego Priob'ia. Novye nakhodki. Katalog vremennoi vystavki. K 70-letiiu otzela Vostoka Gos. Ermitazha (Oriental Art Metal from the Middle Ob Region. New Findings. Temporary Exhibition Catalogue. Dedicated to the 70th Anniversary of the Oriental Department of the State Hermitage Museum)*. Leningrad: The State Hermitage Publ., 11–20 (in Russian).

21. Krasil'nikova, L. I., Apareeva, E. K., Krasil'nikov, K. I. 2016. In Kyzlasov, I. L. (ed.). *Stepi Vostochnoi Evropy v srednie veka. Sbornik pamiati S.A. Pletnevoi (Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. Collection dedicated to the Memory of S.A. Pletneva)*. Moscow: "Avtorskaia kniga" Publ. 342–350 (in Russian).

22. Kriger, V. A. 1982. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax na territorii Volgogradskoi oblasti v 1982 g. (Report on Archaeological Studies in the Territory of the Volgograd Region in 1982)*. Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 9241 (in Russian).

23. Krotkov, A. A. 1915. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission)*. 32. Saratov: "Soiuz Pechatnogo Dela" Publ., 111–133 (in Russian).

24. Kubankin, D. A. 2006. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)*. 4. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 190–213 (in Russian).

25. Larenok, V. A., Larenok, P. A. 1990. *Otchet o rabote Otdela polevykh arkheologicheskikh issledovaniy TLIAMZ v 1990 godu. Kurgannyi mogil'nik u kh. Semenkin Volgodonskogo raiona Rostovskoi oblasti (Report on the Activities of the Field Archaeological Studies Department of Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve in 1990. Barrow Burial Mound near near Semenkin Village of the Volgodonsky District of the Rostov Region)*. Rostov-na-Donu. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 15112 (in Russian).

26. Levasheva, V. P. 1953. In *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 96. Moscow: State Historical Museum, 163–213 (in Russian).

27. Morzherin, K. Yu. 2013. In Yurchenko A. G. *Elita mongol'skoi imperii: vremia prazdnikov, vremia kaznei (The Elite of the Mongol Empire: Time for Festivities, Time for Executions)*. Saint Petersburg: Evraziia Publ. (in Russian).

28. Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

29. Narozhnyi, E. I. 2005. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus)*. 5. Armavir: International Academy of Sciences, 226–243 (in Russian).

30. Narozhnyi, E. I., Okhon'ko, N. A. 2007. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus)*. 7. Armavir-Stavropol:

Stavropol Museum-Reserve and the Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical Institute (in Russian).

31. Noskova, L. M. 2013. In Berliozov, N. E. (ed.). *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza (Antiquities of the Western Caucasus)*. 1. Krasnodar: Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve, 205–214 (in Russian).

32. Noskova, L. M. 2005. In Noskova, L. M. (ed.). *Material'naia kul'tura Vostoka (Material culture of East)*. Moscow: *The State Museum of Oriental Art*, 186–202 (in Russian).

33. Potemkina, T.M. 2014. In *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collection)*. 6. Lipetsk: LGU, 589–593 (in Russian).

34. Potemkina, T. M. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. 11. *Zolotoordynskoe vremia (Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 279–306 (in Russian).

35. Potemkina, T. M. 2012. In Lytvynenko, R. A. (editor-in-chief). *Donets'kii arkheologichnii zbirnik (Donetsk archaeological collection)* 16. Donetsk: Donetsk National University, 144–151 (in Russian).

36. Rudyka, N.N. 2013. In Yurchenko A.G. *Elita mongol'skoi imperii: vremia prazdnikov, vremia kaznei (The Elite of the Mongol Empire: Time for Festivities, Time for Executions)*. Saint Petersburg: “Evraziia” Publ., 378–379 (in Russian).

37. Smirnov, Ya. I. 1909. *Vostochnoe serebro. Atlas drevnei serebrianoi i zolotoi posudy vostochnago proiskhozhdeniia, naidennoi preimushchestvenno v predelakh Rossiiskoi Imperii (Oriental Silver. Atlas of Ancient Silver and Gold Dishware of Oriental Origin Generally Discovered within the Russian Empire)*. Saint Petersburg (in Russian).

38. Spitsyn, A. A. 1914. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)*. 53. Petrograd, 95–106 (in Russian).

39. Sterligova, I. A. 2013. In Stepanenko, V. P., Yurchenko A.G. (eds.). *Ot Onona k Temze. Chingissidy i ikh sosedi. K 70-letiiu Marka Grigor'evicha Kramarovskogo (From the Onon to the Thames. Chingissids and their Neighbours. Dedicated to the 70th Anniversary of Mark Grigorievich Kramarovsky)*. Moscow: “Izdatel'skii dom Mardzhani” Publ, 539–546 (in Russian).

40. Fyodorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

41. Fyodorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov (Art of nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities)*. Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian).

42. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

43. Tsybin, M. V. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* 3, 257–266 (in Russian).

44. Chkhaidze, V. N. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 237. Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ., 280–291 (in Russian).

45. Chkhaidze, V. N. 2009. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus)* 10. Armavir: Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical Institute, 116–126 (in Russian).

46. Chkhaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2010. In: *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia)* 1, 110–125 (in Russian).

47. Evarnitskii, D. I. 1907. In *Trudy XIII Arkheologicheskogo s"ezda v Ekaterinoslave v 1905 g. (Proceedings of the 13th Archaeological Congress in Yekaterinoslav, 1905)*. I. Moscow: G. Lissner, D. Sopko Publ., 108–157 (in Russian).

48. Dode, Z. 2007. *Archéologie Médiévale*. 37. Caen, 67–90.

49. Jianshe, Yu. 2006. *Important Archaeological Sites for Excavated Gold and Silverware in Chifeng Region: Essence of Chifeng Historical Relics Series*. Chifeng: Distant Place Publishing.
50. 1980. *La Bulgarie Médiévale. Art et civilisation: Catalogue Exposition*. Paris; Grand Palais, Réunion des Musées Nationaux.
51. Rolle, R., Müller-Wille, M., Schietzel, K. 1991. *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig: Archäologisches Landesmuseum.
52. 1991. *Svaneti Museum, 2014. Catalog*. Tbilisi: Sezani.

About the Author:

Chkhaidze Victor N. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; chkhaidze@yandex.ru

Статья поступила в номер 31.08.2017 г.

ЗЕРКАЛА В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ САРЫАРКИ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ¹

© 2017 г. Б.М. Хасенова, М.К. Хабдулина

Авторы анализируют зеркала, которые появились уже в древнетюркских погребениях, но только в эпоху Золотой Орды приобрели максимально широкое бытование, что было, в значительной мере, обусловлено активизацией контактов в связи с образованием Монгольской империи. Высококачественные китайские зеркала и их местные подражания повсеместно встречаются на обширной территории, где степняками в этот период создавались новые государственные объединения. Авторы соглашаются с мнением многих исследователей, считающих зеркала ритуальными изделиями. Имеются сведения, что в древнетюркское время зеркала были характерны для женских погребений. Эта информация отчасти, поскольку не всегда имеются палеоантропологические характеристики, подтверждается и для развитого средневековья. Приведены сведения об условиях обнаружения зеркал в погребениях рассматриваемого времени. Впервые выполнено полное описание некоторых из зеркал, обнаруженных в погребениях степной зоны Казахстана. Значительный интерес представляет обнаружение одного из зеркал, которое находилось под доской гробовища в женском захоронении по мусульманскому погребальному обряду. Авторы статьи преследуют цель – выявить роль отдельных предметов в погребальной обрядности эпохи средневековья, в данном случае зеркал, как маркера гендерной принадлежности.

Ключевые слова: археология, степная Евразия, Золотая Орда, Ак-Орда, Астана, Бозок, Казахское Притоболье, погребальный обряд, ислам, зеркала, семантика, гендер.

Позднее средневековье на территории евразийских степей характеризуется значительными изменениями в погребальной обрядности, связанными с распространением ислама. Так, согласно одному из его предписаний, умершего человека больше не хоронили в сопровождении вещей. Но, как свидетельствуют данные археологии, ситуация была не столь однозначна. Некоторое количество погребений, совершенных по мусульманскому погребальному обряду, содержали какие-либо предметы. Это обстоятельство, по мнению исследователей, является наследием предшествующе-

го времени. Обращает внимание то, что практически все немногочисленные предметы, обнаруженные в таких погребениях, относятся к ближнему миру: одежда, украшения, бытовые предметы.

Зеркала получают наибольшее распространение в период, наступивший после монгольских завоеваний. В значительной мере эта ситуация была связана с активизацией контактов в связи с образованием Монгольской империи. Высококачественные китайские зеркала и их местные подражания повсеместно встречаются на обширной территории, где степняками в

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, проект № 2978/ГФ4 «Саки Тургая: этноархеологические исследования»

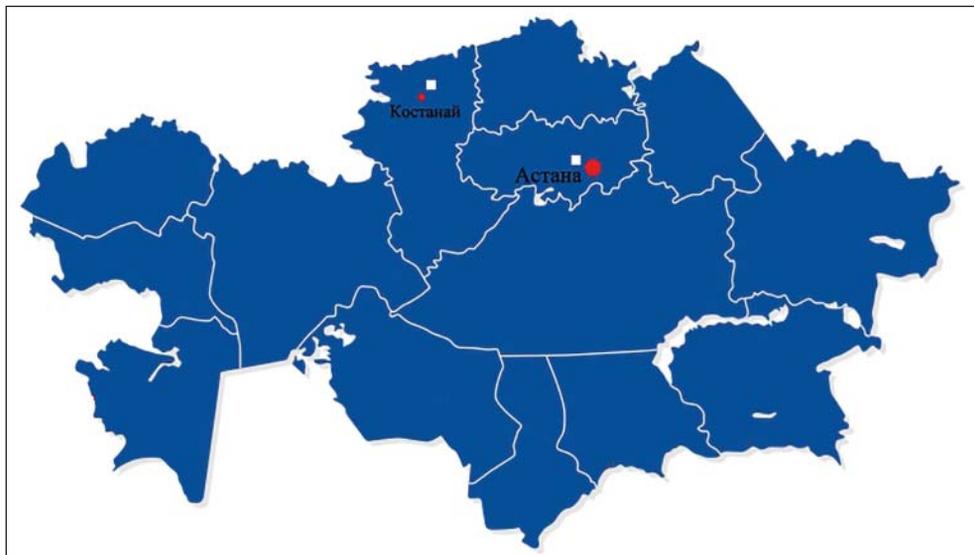

Рис. 1. Локализация места нахождения зеркал из Сарыарки на карте Казахстана. Бозок – близ Астаны, Надеждинка-3 – в Костанайской области.

При подготовке схемы использована топооснова с сайта: allart.kz (©allart.kz).

Fig. 1. Localization of the mirrors from Saryarka on the map of Kazakhstan. Bozok – near Astana, Nadezhdinka-3 – in the Kostanay region. During the preparation of the scheme, the topographic basis was used from the site: allart.kz (© allart.kz).

этот период создавались новые государственные объединения. Необходимо отметить, что зеркала в средневековье нередко являлись импортными вещами в отличие от других предметов торевтики, когда иноэтничность степняками, скорее, камуфлировалась, эти предметы нередко с ярко выраженной другой символикой охотно использовались в качестве дополнения к костюму как элемент престижа, демонстрация статуса.

Зеркала по праву привлекают внимание исследователей, им посвящен значительный объем литературы. В данной статье публикуются сведения о двух женских погребениях, содержащих зеркала, и датированных достаточно близко друг к другу, но нюансы погребального обряда, выполненные в каждом случае, маркируют различные этапы в духовной жизни степного населения Евразии.

В статье анализируется два зеркала, происходящие из единого в историко-культурном отношении региона – Сарыарки, – протянувшейся от Чингистау на востоке до Тургая и Улытау на западе (Бейсенов, 2017) (рис. 1). В хронологическом отношении находки относятся к эпохе Золотой Орды и Ак-Орды.

Условия обнаружения. Первое зеркало было найдено в одном из погребений некрополя Бозок. Памятник расположен на восточном берегу оз. Бузукты и в настоящее время входит в черту г. Астаны. Многолетние исследования памятника с 1999 г. ведет Ишимская археологическая экспедиция, созданная К.А. Акишевым в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева.

Погребение 4 (раскоп IV), откуда происходит зеркало, находилось внутри сырцово-глиняной прямоугольной

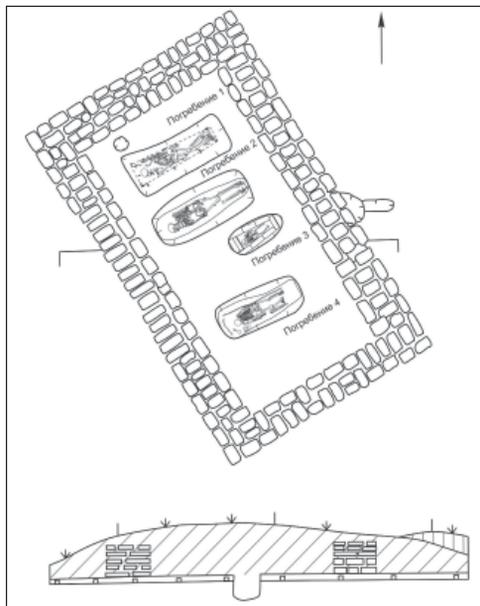

Рис. 2. План ограды на раскопе IV некрополя Бозок.

Fig. 2. The fence plan at the excavation IV of the necropolis of Bozok.

формы. Она содержала четыре погребения – три взрослых (все женские) и одно детское. Могилы расположены в ряд, ориентированы широтно. До проведения исследования объект представлял собой земляной бугор овальной формы размерами около 10×7 м, высотой до 1 м. Ограда выложена из прямоугольных сырцовых кирпичей-блоков черного и желтого цвета (рис. 2). Сооружение ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Размеры по внешнему контуру стен: $7,5 \times 4$ м, внутреннему: 6×3 м. Сохранившаяся высота стен – до восьми слоев кирпича. Необходимо отметить, что функции входа в ограду выполнял лаз под восточной стеной. Он прорыт под углом по отношению к стене и углублен в материк на 0,1 м, при этом часть кирпичей была выбрана (Акишев, Варфоломеев, 2008, с. 48).

Умершая была погребена по мусульманскому погребальному обряду (рис. 3: 1). Яма овальной формы, размеры в придонной части $2,16 \times 0,5 - 0,8$ м, глубина 0,95 м от уровня мате-

рика. Внутримогильная конструкция сложная, выполнена из сырцовых кирпичей и деревянных плашек и досок (рис. 3: 2). В изголовье плашки установлены вертикально и образуют стенку высотой до 0,4 м. Вдоль продольных стен размещены длинные доски, одна над другой. Они опирались на грунтовую подсыпку с внутренней стороны, тем самым яма на дне приобретает очертания закругленного ложа. Сырцовыми кирпичами оформлена восточная торцовая стенка. Два нижних лежали плашмя друг над другом, верхний поставлен наклонно и подпирает длинные боковые доски (Акишев, Варфоломеев, 2008, с. 51).

Погребенный человек находился в вытянутом положении. Руки лежали в позиции вдоль тела и были слегка согнуты в локтях. Головой ориентирован на ЗЮЗ. Череп повернут направо.

Инвентарь отсутствовал, за исключением бронзового зеркала, расположенного за пределами погребального сооружения (рис. 4). Оно лежало, согласно полевому дневнику, под нижней доской боковой стенки, справа от правого плеча умершей². Также необходимо отметить, что между стенкой ямы и данной стенкой гробовища

² К сожалению, эта особенность погребального обряда не была документирована, в целях обеспечения расчистки костяка, данная боковая стенка, нижний край которой заходил на дно, была убрана.

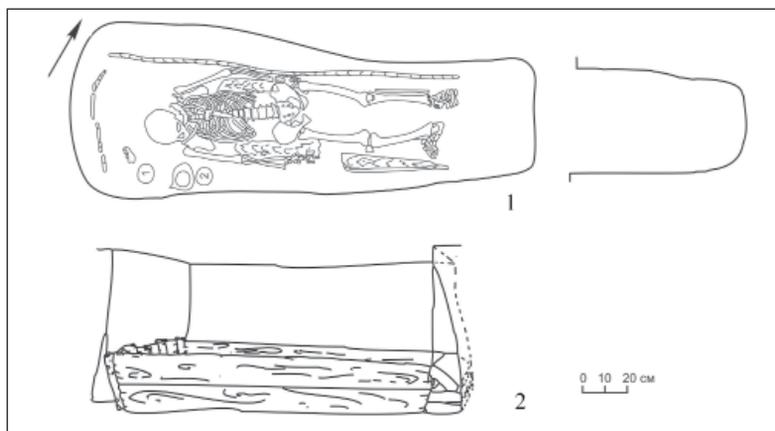

Рис. 3. Некрополь Бозок. Погребение. 1 – яма и профиль погребения 4;
2 – реконструкция внутримогильного сооружения (автор М.К. Хабдулина).

Fig. 3. The Necropolis of Bozok. Burial. 1 – pit and burial profile 4;
2 – reconstruction of the intraburial structure (author M.K. Khabdulina).

была специально выполнена подсыпка из грунта с включениями обломков сырцового кирпича, благодаря которой угол приобрел закругленную форму. Немного выше, в изголовье, находилась половина нижней челюсти МРС (?) с обрубленными краями (Акишев, Варфоломеев, 2008, с. 51).

Еще в двух женских погребениях из ограды вещи отсутствовали. Интересная деталь погребального обряда была прослежена при раскопках детского погребения (погребение 3). В области грудной клетки обнаружена подвеска из серебряной монеты, в изголовье, в углу внутримогильного сооружения из сырцовых кирпичиков вертикально был воткнут железный наконечник стрелы (Акишев, Варфоломеев, 2008, с. 51, рис. 7: 1).

Необходимо отметить, что практически все погребения некрополя Бозок были совершены по мусульманскому погребальному обряду, отклонения от нормы фиксируются в единичных случаях – в виде помещения в могилы некоторых изделий (зер-

кала, наконечника стрелы, монеты) и костей животного.

Второе зеркало было зафиксировано в развезанном погребении Надеждинка-3 в Казахском Притоболье, примерно в 80 км на северо – северо-восток от г. Костанай во время работ Тургайской археологической экспедиции Костанайского пединститута под руководством В.Н. Логвина³ (Логвин, Лохматов, 1992).

Погребение обнаружено у края песчаного карьера. Судя по разрезу в обрыве карьера, первоначальная глубина ямы составляла 0,8 м от поверхности. Кости плохой сохранности (рис. 5). Отсутствуют череп, кости правой руки и стоп; оставшиеся кости расположены в анатомическом порядке. Сохранившийся сопроводительный комплекс составляют зеркало из белой бронзы (?) (рис. 6), четыре

³ Выражаем искреннюю признательность В.Н. Логвину за возможность использования неопубликованного материала.

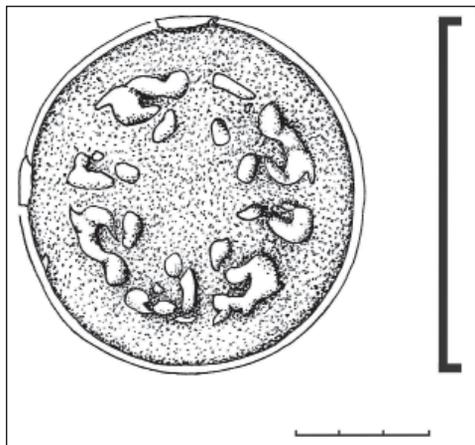

Рис. 4. Зеркало из погребения некрополя Бозок

Fig. 4. Mirror from the burial of the necropolis Bozok

бронзовые пуговицы, два фрагмента изделия из стекла и деревянный гребень. Зеркало и пуговицы находились на уровне грудной клетки, соответственно остальные изделия расчищены в области тазовых костей.

Палеоантропологическое определение известно для одного из погребений. А.В. Колбиной установлено, что в погребении 4 раскопа IV некрополя Бозок была похоронена женщина старческого возраста (Колбина, 2008, с. 71). Интерес представляет тот факт, что два других погребения взрослых людей также являлись женскими: зрелого и возмужалого возраста (Колбина, 2008, с. 70). В случае из Казахского Притоболья возможно определение пола, исходя из состава погребального инвентаря. О том, что здесь была похоронена женщина, свидетельствуют обнаружение зеркала и гребня.

Описание. Бозокское зеркало бронзовое. Диаметр 7,8 см, толщина до 0,2 см. По краю прослеживается узкий бортик. На обратной поверхности изображены выпуклые фигуры четырех сидящих человеческих фигур, а между ними – четыре маленьких дракона. Изображения нечеткие. Персонажи размещены в профиль, по окружности вокруг ничем не заполненного

центра и ориентированы головами к центру. Свободное пространство также окаймляет фигуры снизу. Из-за особенностей изготовления предмета изображения сильно разнятся. Видно, что у человека овальная голова, тело удлиненное, расширяется книзу, рука (руки?) вытянута вперед. Персонаж сидит, поджав под себя ноги. В целом фигура образует треугольник. Драконы небольшие, с маленькой изящной головкой на длинной изогнутой шее, тело короткое, заканчивается раздвоенным хвостом. Крыло миндалевидной формы опущено вниз. Тело животного образует S-видную фигуру. К двум персонажам драконы направлены мордами, к двум другим – спиной.

Зеркало лежало обратной стороной вниз и находилось в деревянном футляре, от него сохранилась пластинка, расположенная снизу размерами 10×12 см, толщиной до 0,7 см (Акишев, Варфоломеев, 2008, с. 51).

Зеркало из Казахского Притоболья выполнено из белой бронзы (?). Диаметр 9,2 см, максимальная толщина до 0,4 см. По краю диска с обратной стороны расположен невысокий бортик, треугольный в сечении. В центре изделия размещена небольшая окружность с внешними рельефными очертаниями. Внутри нее имеется мелкая округлая выпуклость. Окружность окаймляют две выпуклые фигуры рыбок, тела которых вывернуты так, что головы помещены в профиль, а хвосты – в анфас. Головы треугольной формы, посередине – крупный окру-

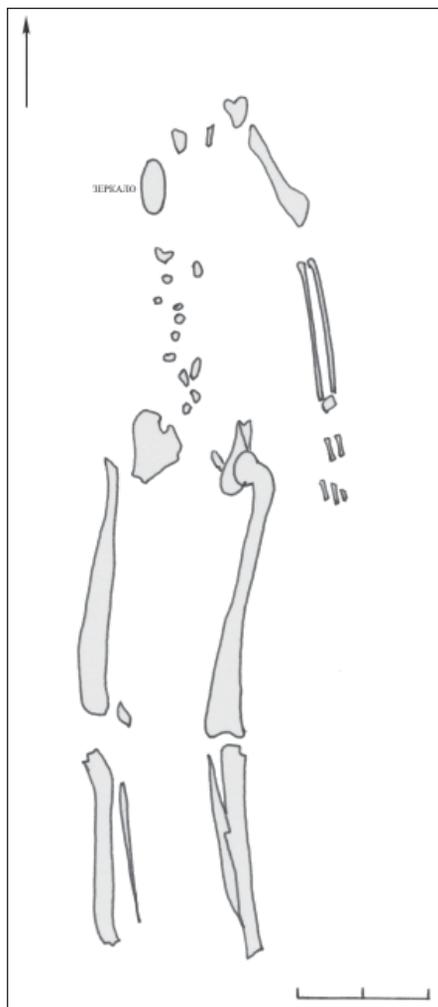

Рис. 5. Погребение Надеждинка-3.
План (по: Логвин, Лохматов, 1992).

Fig. 5. Burial of Nadezhdinka-3.
Scheme (by: Logvin, Lokhmatov, 1992).

отходят закругленные завитки различной формы. Между изобразительным полем и валиком выполнена неширокая полоска, заполненная часто расположенными поперечными короткими полосками.

Аналогии. Сюжет с плывущими по кругу рыбами – излюбленная тема в тюрвентике и керамике золотоордынского времени. Такие зеркала получили широкое распространение на обширной территории. Только на территории Казахстана они известны в материалах следующих памятников: Новая Казанка, городище Сарайшык (Западный Казахстан) (Кригер, 2012, рис. 34; Тасмагамбетов, Самашев, 2001, с. 263), городище Отрар (Южный Казахстан) (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1979, с. 195, рис. 85: 4), курган 14, Ждановский могильник (Павлодарское Прииртышье) (Арсланова, 1963, рис. 1). Более развернутая выборка представлена Л.Ф. Недашковским, по его данным подобные зеркала были обнаружены на территории Восточной Европы, Хакаско-Минусинской котловины, Средней Вятки, Поволжья (Недашковский, 2000, с. 50). Наиболее ранними следует считать зеркала с массивным широким бортиком, они трактуются как китайские и чжурчжэньские (Недашковский, 2000, с. 62–63, рис. 10, 2, 5). В целом такие изделия датируются XIII–XIV вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1979, с. 195). Л.Ф. Недашковский приводит сведения, что они встречаются с монетами первой по-

глый глаз. Тела удлиненные, спинки заостренные. Узкий боковой плавник с заостренным окончанием показан в нехарактерной позиции: не сбоку, а выше головы. Он развернут под углом по отношению к телу. Хвосты длинные, раздвоенные. Обратная сторона зеркала гладкая. Возможно, на поверхности зеркала изображены рыбы из семейства лососевых. Особенности их облика являются заостренная голова, продолговатое массивное тело и раздвоенный с одинаковыми окончаниями хвост. Животные изображены в окружении растительных побегов, по обе стороны от которых

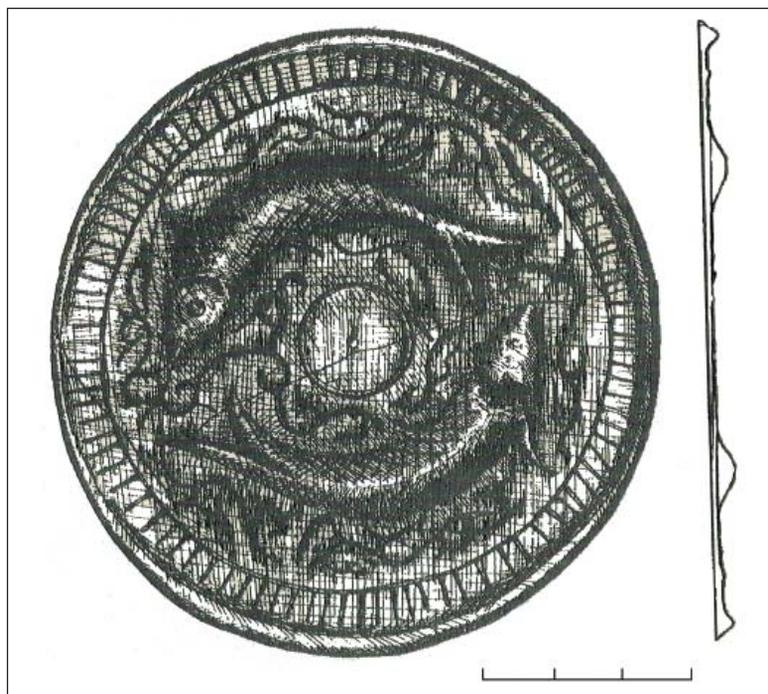

Рис. 6. Зеркало из погребения Надеждинка-3 (по: Логвин, Лохматов, 1992)
Fig. 6. Mirror from the burial of Nadezhdinka-3 (by: Logvin, Lokhmatov, 1992)

ловины XIV в. (Недашковский, 2000, с. 50).

Основанием для датировки зеркала с дракончиками может служить монета из детского погребения, расположенного рядом, которая датируется 1321 г.⁴ (Акишев, Варфоломеев, 2008, с. 54). Монета имеет следы изношенности и отверстие для подвешивания, тем самым погребение, его содержавшее, должно датироваться немного более поздним временем. Подобные изделия также имеют широкое бытование: на территории от Средней Вятки до Северного Кавказа, от Поднепровья до Западного Казахстана (Недашковский, 2000, с. 51). Такие зеркала, по данным Л.Ф. Недашков-

ского, встречаются вместе с монетами середины XIV – начала XV в. (Недашковский, 2000, с. 50).

Исследователи отмечают, что зеркала в эпоху раннего средневековья характерны для погребений как мужчин, так и женщин (Овчинникова, 1990, с. 63; Кубарев, 2005, с. 76). В предшествующее время также отсутствует четкая гендерная привязка. Но, например, судя по материалам могильника Усть-Эдиган, зеркала становятся принадлежностью именно женских погребений у племен булано-кобинской культуры в начале I тыс. на Алтае (Худяков, 1998, с. 133). Еще одна серия этих изделий, датируемая временем от тюркского времени до эпохи Золотой Орды, происходит с территории внутреннего Тянь-Шаня, подтверждая такое наблюдение (Та-

⁴ Определение выполнено Р.З. Бурнашевой.

балдиев, 1999, с. 81). Необходимо отметить вывод С.С. Серегина, полученный в результате статистического анализа состава погребального инвентаря тюрков Саяно-Алтая о том, что показателями исключительно женских погребений являются зеркало, игольник и пряслице (Серегин, 2012, с. 63). Таким образом, в зависимости от региона и времени могли быть некоторые особенности, но чаще зеркала все-таки являются гендерно обусловленным элементом обряда.

Это обстоятельство вполне возможно влияло на использование определенных образов в оформлении данных предметов. Излюбленными в рассматриваемое время стали изображения благожелательного характера, к таковым, конечно, можно отнести рисунок плывущих друг за другом рыбок, как на зеркале из погребения в Казахском Притоболье.

В дополнение к уже сформировавшемуся мнению исследователей о семантике данных изделий (культ плодородия), хотелось бы отметить, что образ рыбы сохраняется в последующем, несмотря на предписания ислама относительно изображения живых существ, в этнографическое время. В казахском ювелирном искусстве подтверждением преемственности благожелательной идеи, которая существовала в эпоху позднего средневековья и, возможно, раньше, является использование такого орнаментального приема, как имитация поверхности чешуи при оформлении именно женских украшений. Образ рыбы воспроизводится при изготовлении полнофигурных подвесок к серьгам, окончаний браслетов, оформленных в виде рыбьих хвостов (Тохтабаева, 2005).

Зеркала являлись рядовым предметом, используемым в повседневной жизни женщин эпохи Золотой Орды, и не имеющим этническую или, например, религиозную наполненность. Только однажды, насколько нам известно, зеркало имело экстраординарное использование – в качестве гадательного предмета. Речь идет о зеркале, которое было обнаружено в начале XX в. в Днепропетровской области. На лицевой поверхности с помощью гравировки нанесены фигура в трехчастной короне на троне, прямоугольник с тремя шестиугольными звездами и большая шестиугольная звезда. По мнению авторов статьи каталога, «не исключено, что с помощью этого предмета гадали о судьбе претендента на трон» (Юрченко, 2013, с. 422).

Судя по особенностям погребального обряда, зеркало из Казахского Притоболья является более ранним, по сравнению с бозокским. Причем имеется целая группа таких женских погребений, содержащих среди сопроводительных вещей именно эти предметы: курган 14 Ждановского могильника, погребение у пос. «25 лет Октября» (Северо-Восточная Сарыарка), погребение на поселении Тузусай (Жетысу) (Арсланова, 1963, с. 58; 1970; Григорьев, Чанг, Туртеллот, 2007). Все они имеют широкую датировку в пределах XIII–XIV вв.

В свою очередь, находка монеты в ограде, содержащей погребение с зеркалом, позволяет обратиться к ярким кочевническим комплексам первой половины XIV в. – это богатые мужские погребения из раскопок в Сарыарке (мог. Тасмола, к. 2, мог. Жарта, к. 5; курган у пос. Вишневка) и

в предгорьях Алатау (мог. в урочище Тос-Тобе у с. Королевка, к. 2) (Маргулан, 1959, с. 258; Максимова, 1965, с. 91; Массон, 1965, с. 83; Кадырбаев, Бурнашева, 1970, с. 49–50; Кадырбаев, 1975, с. 132).

Интерес представляет расположение бозокского зеркала: оно находилось под нижней доской боковой стенки, спускающейся до дна, тем самым оказалось изъятым из пространства, оформленного со всех сторон с помощью внутримогильной конструкции. Нормы исламского погребального обряда были соблюдены, но тем не менее в мир предков эту женщину погребают в сопровождении такого предмета и фрагмента нижней челюсти МРС (?). По данным Д.В. Васильева, начиная со второй половины XIV в. происходят значительные изменения в связи с распространением ислама: исчезают предметы всадничества, вооружения, но остаются монеты, украшения, немного ниже в числе предметов туалета он перечисляет и зеркала (Васильев, 2007, с. 130, 132).

По мнению специалистов, именно XIV в. стал «своеобразной переломной эпохой в истории степного региона, буквально во всех сферах жизни общества» (Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014, с. 288). Необходимо отметить еще один аспект, характерный для территории Ак-Орды. Неравномерное распространение ислама, отступление от его норм может быть объяснимо ослаблением центральной власти в этот период: источники сообщают об усилении власти племенных вождей, ставших во главе небольших улусов (Ускенбай, 2008, с. 108). Наглядным подтверждением этого положения может служить совпадение по датам рассматриваемого мусульман-

ского погребения с зеркалом с богатыми захоронениями воинов.

Таким образом, эта категория предметов, начиная с эпохи средневековья, на территории евразийских степей становится частью погребальных комплексов, принадлежавших именно женщинам. Возможно, круг бытования этих изделий – среди обычных повседневных, – обусловил популярность и длительность существования иноэтничных образов, в которых прослеживается благожелательная символика, понятная или воспринятая населением Степи. На смену языческому погребальному обряду начиная с XIV в. приходит мусульманский, что вносит, несомненно, значительные изменения. Некоторые отклонения от него, были продолжением традиций предшествующего времени: важно, что наиболее долго в погребениях сохранялись предметы личного обихода: одежда, украшения, предметы туалета. Интересная деталь обряда, зафиксированная в одном из погребений некрополя Бозок, позволяет обратить внимание на период, когда нормы ислама в погребальном обряде степного населения еще утверждались. Тем самым в данном случае мы видим, что они были соблюдены, но оказалось важным помещением личного предмета, которое при этом было вынесено за пределы погребального пространства. Зеркало из Казахстанского Притобоя относится ко времени, когда вещи были неотъемлемой частью погребального обряда. Одинаковые предметы, различающиеся и хронологически не значительно, наглядно демонстрируют важнейшие нюансы, произошедшие в Степи в связи с распространением ислама.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишев К.А., Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар XIII–XV вв. Алма-Ата: Наука, 1987. 255 с.
2. *Акишев К.А., Варфоломеев В.В.* Жилища городища Бозок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: материалы Международного полевого семинара, посвященного 80-летию со дня рождения видного казахского ученого-археолога К.А. Акишева (Астана, 29–30 июля 2004 г.) / Гл. ред. С.А. Абдыманалов. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 41–55.
3. *Арсланова Ф.Х.* Погребение золотоордынского времени в Павлодарской области // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 54–73.
4. *Арсланова Ф.Х.* Средневековый могильник из Прииртышья // Сборник Министерства высшего и среднего специального образования КазССР. История, философия, экономика. Алма-Ата, 1963. С. 278–302.
5. *Бейсенов А.З.* Сарыарка – земля древней культуры // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2017. № 2 (10). Доступно по URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/717>
6. *Васильев Д.В.* Распространение ислама в Золотой Орде (на материалах погребальных памятников). Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007. 171 с., прил.
7. *Григорьев Ф.П., Чанг К., Туртеллот П.* Погребение женщины позднекочевнического времени на поселении Тузусай // История и археология Семиречья. 2007. № 3. С. 129–139.
8. *Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В.* Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
9. *Кадырбаев М.К.* Зооморфные костяные пластины из Северного Казахстана // Древности Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 130–140.
10. *Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З.* Погребение кыпчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 42–73.
11. *Колбина А.В.* Краниологическая характеристика погребений из некрополя городища Бозок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: материалы Международного полевого семинара, посвященного 80-летию со дня рождения видного казахского ученого-археолога К.А. Акишева (Астана, 29–30 июля 2004 г.) / Гл. ред. С.А. Абдыманалов. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2008. С. 66–97.
12. *Кригер В.А.* Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). Уральск: Евразийский союз ученых, 2012. 200 с.
13. *Кубарев Г.В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
14. *Логвин В.Н., Лохматов Ю.В.* Средневековое захоронение Надеждинка 3 / Отчет Тургайской археологической экспедиции. Кустанай, 1991 / Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана.
15. *Макимова А.Г.* Погребение воина XIV в. // Вестник АН КазССР. 1965. № 6 (243). С. 85–91.
16. *Маргулан А.Х.* Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нура // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 7 / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1959. С. 248–261.
17. *Массон М.Е.* К вопросу об изучении языческих курганных погребений // Вестник Академии Наук Казахской ССР. 1965. № 1. С. 82–84.
18. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.

19. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.
20. Серегин Н.Н. Общие и особенные характеристики женских погребений ранне-средневековых тюрк Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2. С. 61–69.
21. Табалдиев К.Ш. Зеркала из погребений внутреннего Тянь-Шаня // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2 / Отв. ред. О.А. Митько. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 78–81.
22. Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайшык. Алматы: Берел, 2001. 320 с.
23. Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 471 с.
24. Ускенбай К.З. Держава Урус-хана. Военно-политические аспекты усиления Ак-Орды в 1360–1370 гг. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 2. С. 103–144.
25. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.
26. Худяков Ю.С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 3 / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: изд-во ГАГУ, 1998. С. 126–134.
27. Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи. Время праздников. Время казней. СПб: Евразия, 2013. 432 с., 72 с.

Информация об авторах:

Хасенова Бахыт Мулдашевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); alicar@inbox.ru

Хабдулина Марал Калымжановна, кандидат исторических наук, директор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан); m_habdulina@rambler.ru

MIRRORS IN THE BURIAL RITES OF SARYARKA POPULATION IN THE GOLDEN HORDE PERIOD

B.M. Khasenova, M.K. Khabdulina

The authors analyze the mirrors which were originally discovered in ancient Turkic burials, but became widely spread as late as in the Golden Horde period, which was largely accounted for by the intensification of contacts due to the establishment of the Mongol Empire. High-quality Chinese mirrors and their local imitations have been discovered across the entire vast territory in which the steppe peoples established new state formations. The authors support the opinion advanced by many researchers, according to which the mirrors represent ritual items. There is evidence of the fact that in the ancient Turkic period mirrors were characteristic of female burials. This information is partially confirmed for the developed medieval period as well, for paleoanthropological characteristics are not always available. The authors provide information on the conditions in which mirrors have been discovered in the burials of the historical period in question. The article features the first description of individual mirrors discovered in the burials of the steppe area of Kazakhstan. Of considerable interest is the discovery of one of the mirrors underneath a grave in a female

The work was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Project No. 2978/GF4 “The Saka of Turgay: Ethnoarchaeological Studies”

burial conducted in accordance with the Muslim funerary rite. The authors attempt to identify the role of individual items in the burial rite of the medieval period, in this case mirrors, as a marker of gender identity.

Keywords: archaeology, steppe Eurasia, Golden Horde, White Horde, Astana, Bozoq, Kazakh Tobol region, burial rite, Islam, mirrors, semantics, gender.

REFERENCES

1. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1987. *Otrar XIII–XV vv. (Otrar in 13th – 15th Centuries)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
2. Akishev, K. A., Varfolomeev, V. V. 2008. In Abdymanalov, S. A. (ed.). *Bozoq v panorame srednevekovykh kul'tur Evrazii: materialy Mezhdunarodnogo polevogo seminar, posviashchennogo 80-letiiu so dnia rozhdeniia vidnogo kazakhskogo uchenogo-arkheologa K.A. Akisheva (Astana, 29–30 iuliia 2004 g.)*. (*Bozoq in the Panorama of the Medieval Cultures of Eurasia: Materials of the International Field Seminar dedicated to the 80th Anniversary of a Prominent Kazakh Scientist and Archaeologist K.A. Akishev (Astana, July 29th–30th, 2004)*). Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University Publ., 41–45 (in Russian).
3. Arslanova, F. Kh. 1970. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana (In the Wake of the Ancient Cultures of Kazakhstan)*. Almaty: “Nauka” Publ., 54–73 (in Russian).
4. Arslanova, F. Kh. 1963. In *Sbornik Ministerstva vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniia KazSSR. Istoriia, filosofii, ekonomika (Collection of the Ministry of Higher and Secondary Special Education of the Kazakh SSR. History, Philosophy, Economics)*. Almaty, 278–302 (in Russian).
5. Beisenov, A. Z. 2017. In «*edu.e-history.kz*» 2 (10). Available at: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/717> (in Russian).
6. Vasil'ev, D. V. 2007. *Rasprostranenie islama v Zolotoi Orde (na materialakh pogrebal'nykh pamiatnikov) (Propagation of Islam in the Golden Horde (on the Basis of Materials from Funerary Monuments))*. PhD Diss. Ufa (in Russian).
7. Grigor'ev, F. P., Chang, K., Turtellot, P. 2007. In *Istoriia i arkhologiiia Semirech'ia. (History and Archeology of the Semirechie)* (3). 129–139 (in Russian).
8. Ivanov, V. A., Garustovich, G. N., Pilipchuk, Ia. V. 2014. *Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii (Medieval Nomads on the Border between Europe and Asia)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).
9. Kadyrbaev, M. K., 1975. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Drevnosti Kazakhstana (Antiquities of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. 130–140 (in Russian).
10. Kadyrbaev, M. K., Burnasheva, R. Z. 1970. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana (In the Wake of the Ancient Cultures of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. 42–73.
11. Kolbina, A. V. 2008. In Abdymanalov, S. A. (ed.). *Bozoq v panorame srednevekovykh kul'tur Evrazii: materialy Mezhdunarodnogo polevogo seminar, posviashchennogo 80-letiiu so dnia rozhdeniia vidnogo kazakhskogo uchenogo-arkheologa K.A. Akisheva (Astana, 29–30 iuliia 2004 g.)*. (*Bozoq in the Panorama of the Medieval Cultures of Eurasia: Materials of the International Field Seminar dedicated to the 80th Anniversary of a Prominent Kazakh Scientist and Archaeologist K.A. Akisheva (Astana, July 29th–30th, 2004)*). Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University Publ., 66–97 (in Russian).
12. Kriger, V. A. 2012. *Kochevniki Zapadnogo Kazakhstana i sopredel'nykh territorii v srednie veka (X–XIV vv.) (Nomads of Western Kazakhstan and the Neighbouring Territories in the Middle Ages (10th–14th centuries))*. Ural'sk: “Evraziiskii soiuz uchenykh” Publ. (in Russian).
13. Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Funerary*

Monuments)). Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

14. Logvin, V. N., Lokhmatov, Iu. V. 1991. *Otchet Turgaiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Report of the Turgai Archaeological Expedition)*. Kustanai. Archive of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Russian).

15. Maksimova, A.G. 1965. In *Vestnik AN KazSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 243 (6), 85–91 (in Russian).

16. Margulan, A. Kh. 1959. In Akishev, K. A. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 7. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 248–261 (in Russian).

17. Masson, M. E. 1965. In *Vestnik Akademii Nauk Kazakhskoi SSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* (1), 82–84 (in Russian).

18. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

19. Ovchinnikova, B.B. 1990. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaiia v VI–X vv. (Turkic Antiquities of the Sayano-Altai in the 6th–10th centuries)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

20. Seryogin, N.N. 2012. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (2), 61–69 (in Russian).

21. Tabaldiev, K. Sh. 1999. In Mit'ko, O. A. (ed.). *Evraziia: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii (Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations)* 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 78–81 (in Russian).

22. Tasmagambetov, I., Samashev, Z. 2001. *Saraishek (Saraychyq)*. Almaty: "Berel" Publ. (in Russian).

23. Tokhtabaeva, Sh. Zh. 2005. *Serebrianyi put' kazakhskikh masterov (The Silver Path of Kazakh Masters)*. Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).

24. Uskenbai, K. Z. 2008. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 2. 103–144 (in Russian).

25. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

26. Khudiakov, Yu. S. 1998. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaiia. Izvestiia laboratorii arkheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 3, Gorno-Altaiisk: Gorno-Altaiisk State University Publ., 126–134 (in Russian).

27. Yurchenko, A. G. 2013. *Elita Mongol'skoi imperii. Vremia prazdnikov. Vremia kaznei (The Elite of the Mongol Empire. Time for Festivities. Time for Executions)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

About the authors:

Khasenova Bakhyt M. Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; alicar@inbox.ru

Khabdulia Maral K. Candidate of Historical sciences, director K.A. Akishev Research Institute near the Eurasian national university named L.N. Gumilev, K. Mounaytpasov Str., 5, Astana, 010000, the Republic of Kazakhstan; m_habdulina@rambler.ru

Статья поступила в номер 18.09.2017 г.

Критика и библиография

УДК 930.26:016

<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.310.325>

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УЧЕТА ПУБЛИКАЦИЙ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ КОСТЮМУ И ТЕКСТИЛЮ

© 2017 г. А.Э. Жабрева

В статье анализируются вопросы взаимосвязи отраслевой научно-вспомогательной библиографии с археологией и историей костюма, а также зависимости библиографического обеспечения темы «археологический костюм и текстиль» от эволюции археологических знаний. Автор формулирует основные задачи и проблемы выявления, систематизации данных и информирования специалистов. Приведены примеры основных ретроспективных библиографических пособий, объяснены особенности пользования ими. Проанализирован РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) как инструмент для выявления публикаций по археологическому костюму и текстилю. Подтверждено отсутствие «ядра» периодических изданий, распыленность публикаций по данной теме среди большого числа научных журналов. Предложена организация текущего информирования в виде публикации ежегодных списков новых книг и статей на страницах одного, наиболее профильного журнала.

Ключевые слова: археологический костюм, история костюма, археологический текстиль, библиография.

Термин «библиография» («biblio» – книга, «grafo» – пишу), обозначающий «книгописание», появился в Древней Греции в V в. до н. э., в научный оборот вошел в XVII в. Этот термин долгое время обозначал и науку о книге, и списки литературы. Первые библиографические памятники относятся к IV в. до н. э., а первый отечественный список – перечень рекомендуемых и запрещенных книг – обнаружен в «Изборнике» князя Святослава (1073 г.). В XVIII в. с развитием книгопечатания и расширением читательской аудитории зародились разные виды библиографии, сформировались ее функции: регистрационная, подытоживающая, рекомендательная и др. Основным результатом труда библиографа является библиографический указатель – спи-

сок литературы, классифицированный по какому-либо принципу и снабженный научно-справочным аппаратом. Сегодня историографический обзор и список использованной литературы составляют также неотъемлемую часть любого научного труда.

Тесным образом с состоянием своей области знания связана отраслевая научно-вспомогательная библиография, зависящая от количества публикаций, разработанности терминологии, широты круга специалистов, нуждающихся в информации. Библиографическое освещение таких областей знания, как археологический костюм и текстиль, имеет свою историю, проблемы и перспективы.

Исследования археологического текстиля начались уже с XIX в., в этот

период накопления знаний акцент делался на определение красителей, иногда давалось описание текстиля из археологических раскопок. В 1930-е гг. древний текстиль стал рассматриваться как исторический источник для изучения производств, экономических и культурных связей (Глушкова, 2006, с. 9). Сегодня эта область научного знания активно развивается, объединяя усилия археологов, химиков, реставраторов, мастеров-ткачей, реконструкторов ткацких станков и других приспособлений.

Благодаря усилиям исследователей XX в. В.К. Клейна, Н.Н. Соболева, Л.И. Якуниной, А.А. Нахлика, М.А. Сабуровой, И.И. Вишневской и др. довольно хорошо изучены ткани, бытовавшие на территории Древней Руси в XI–XVII вв. (Клейн, 1925; Нахлик, 1963; Соболев, 1934; Якунина, 1949 и др.). Уделялось внимание тканям разных периодов, отечественным и импортным, драгоценным и дмотканым. В последние годы можно видеть «всплеск» публикаций, посвященных именно археологическому текстилю (если иметь в виду, что под этим словосочетанием понимаются подлинные текстильные предметы или их фрагменты, извлеченные в ходе археологических раскопок), а география находок шагнула далеко за пределы европейской части России: на Урал и Кавказ, в Поволжье, Сибирь и Среднюю Азию (Полосьмак, 2005 и др.).

Понятие «археологический костюм» – нововведение последнего десятилетия, однако история костюма древнего мира и средневековья уже давно попала в поле зрения исследователей. К этой теме обращались историки, археологи, архивисты,

коллекционеры, художники XIX века: А.Н. Оленин, Ф.Г. Солнцев, В.А. Прохоров, П.И. Савваитов, П.К. Степанов, Н.П. Кондаков, И.Е. Забелин и другие. Их усилиями были открыты, зарисованы и опубликованы многие документальные, изобразительные и, конечно же, археологические памятники. В XIX в. были изданы такие сегодня уже классические труды, как «Древности Российского государства», «Материалы для истории русских одежд», «Русские древности в памятниках искусства» и др. (Древности, 1844–1853; Русские древности, 1889–1899; Прохоров, 1881–1885; Степанов, 1915). Основу знаний о внешнем облике наших далеких предков всегда составляли именно археологические находки: металлические, кожаные, стеклянные предметы и их детали, фрагменты текстиля. На протяжении XIX в. шло накопление материалов о костюме, собиравшихся в частных и первых государственных коллекциях – в Оружейной палате и Историческом музее.

В XX в. сотрудники крупнейших музеев и научных учреждений А.В. Арциховский, В.В. Бебре, И.С. Вахрос, А.Г. Векслер, М.В. Горелик, Г.Г. Громов, О.И. Давидан, А.К. Елкина, Ю.П. Зыбин, Г.Ф. Корзухина, Г.П. Латышева, М.Н. Левинсон-Нечаева, Е.И. Оятева, М.Г. Рабинович, Т.Д. Равдоникас, Н.В. Хвощинская, М.В. Фехнер и др. подготовили немало работ, посвященных изучению древнего и средневекового костюма на территории России и сопредельных стран. Как правило (если не было других задач), работы этих авторов опирались, в первую очередь, на предметы из раскопок. Развитие археологической науки, использование новых

технологий позволили ученым заглянуть в глубины истории человечества. Усилиями наших современников В.Б. Богомолова, З.В. Доде, И.И. Елкиной, Н.В. Жилиной, Е.С. Зубковой, А.А. Иерусалимской, А.А. Красноперова, Л.С. Ключко, Т.Н. Крупы, О.В. Кузьминой, Е.В. Куприяновой, А.В. Курбатова, А.В. Мастыковой, К.А. Михайлова, Т.Б. Никитиной, О.В. Орфинской, Д.О. Осипова, А.Н. Павловой, Н.В. Полосьмак, С.С. Рябцевой, В.И. Семеновой, Ю.В. Степановой, О.В. Умеренковой, Э.Р. Усмановой, Д.Ф. Файзуллиной, Н.Г. Царевой, С.А. Яценко и др. стали четче вырисовываться отдельные детали и костюм в целом людей, живших одно-два тысячелетия назад. У каждого из авторов – свои темы, объекты, география и хронологические периоды изучения¹.

Сложилось так, что древний и средневековый костюм изучается как бы фрагментами, по видам и назначению изделий, что определилось тем, насколько хорошо или плохо сохраняются в земле его остатки. Наиболее изученными представляются украшения, а львиную долю публикаций составляют разноаспектные исследования, посвященные металлическим и стеклянным изделиям (Русские древности, 1889–1899; Корзухина, 1954; Рябцева, 2005). Второе место по числу публикаций занимает обувь и другие кожаные изделия; выявлены, в частности, сведения о производстве, распространении, региональных осо-

бенностях, способах ношения древнерусской обуви (Курбатов, 2012). Собственно одежда изучена мало по причине плохой сохранности или полного отсутствия подлинных предметов, но сейчас, благодаря новейшим методам работы с текстильными фрагментами, удалось воссоздать крой и рапорты тканей нескольких конкретных одежд (Зубкова 2010; Орфинская, 2012; Орфинская, 2013; Реставрация, 2015), а также создать реконструкции целых костюмных комплексов (Степанова, 2009; Куприянова, 2015).

Целостному изучению средневекового костюма на территории России способствовал выпуск сборников «История культуры Древней Руси: домонгольский период», «Очерки русской культуры XIII–XV вв.», «Очерки русской культуры XVI в.» и «Очерки русской культуры XVII в.» издававшихся в 1940–1970-х гг. в Московском государственном университете под редакцией А.В. Арциховского. На их страницах опубликованы статьи А.В. Арциховского и Г.Г. Громова, посвященные древнерусскому костюму (Арциховский, 1948; Арциховский, 1969; Громов, 1977; Громов, 1979). Под руководством М.Г. Рабиновича был подготовлена коллективная монография «Древняя одежда народов Восточной Европы» (Древняя одежда, 1986), статьи которой посвящены как одежде русских в IX–XVII вв., так и костюму раннего железного века, скифов, сарматов и гетто-даков, одеждам восточных славян VI–IX вв., средневековым одеждам латышей, литовцев, эстонцев, молдаван. Определенную роль в формировании представления о древнерусском костюме сыграла, на наш взгляд, статья М.А. Сабуровой, основанная на археологических и изо-

¹ К сожалению, в пределах одной статьи мы не можем привести список всех авторов, занимающихся темой «археологический костюм и текстиль», тем более со ссылками на их работы.

бразительных памятниках и снабженная большим количеством рисунков и авторских реконструкций (Сабурова, 1997). Сегодня тенденция расширения географических рамок особенно заметна: имеются публикации, посвященные костюму кочевников периода Золотой Орды, народам Поволжья, Алтая, Сибири, Казахстана, Кавказа в период средневековья, древним народам Евразии (Доде, 2001; Кокарева, 2005; Никитина, 2012; Иерусалимская 2012; Павлова, 2008; Усманова, 2010; Яценко, 2006).

Важным средством научной коммуникации являются конференции. Сегодня уже проводятся конференции, полностью или частично посвященные различным аспектам изучения костюма, как правило, они сопровождаются изданиями трудов.

Прежде всего, это международная конференция «Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии», собирающаяся в С.-Петербурге (РЭМ и СПбГУТД) ежегодно с 1997 г. под руководством Н.М. Калашниковой (в 2016 г. она пройдет в девятнадцатый раз). К началу каждого мероприятия издается сборник трудов, включающий более ста докладов. Опубликован указатель содержания первых пятнадцати сборников (Мода и дизайн, 2012).

Все более известным становится научно-практический семинар «Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время», проводимый по инициативе Ю.В. Степановой (Тверской государственный университет), три заседания которого состоялись в 2011, 2012 и 2015 г. (Женская традиционная культура, 2011–2015). Семинар привлекает преимущественно историков, археологов, реконструкторов.

В октябре 2010 г. в Казани состоялся научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований», где была выделена самостоятельная секция «Проблемы изучения и реконструкции костюма традиционных культур», собравшая археологов, историков, реставраторов, этнографов из центральных и восточных регионов России, некоторых стран Ближнего Зарубежья. К началу форума был подготовлен сборник докладов, содержащий более пятидесяти «костюмных» статей (Интеграция, 2010). В апреле 2016 г. Казань стала местом проведения международной научно-практической конференции «Археологический костюм: реставрация, реконструкция, репрезентация», на которой было представлено более тридцати сообщений, показавших, что эта тема привлекла внимание исследователей разных специальностей, реконструкторов костюмов и технологий, преподавателей.

Наиболее оперативным способом информирования о результатах научных и практических исследований является публикация статей на страницах специализированных журналов. Уже на рубеже XIX–XX вв. выпускалось довольно много периодических и продолжающихся изданий археологического профиля: «Древности: труды Археографической комиссии МАО», «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», «Записки Московского археологического института», «Известия Археологической комиссии», а также «ЧОИДР», «ЖМНП» и др. Многие издания XIX в. имеют опубликованные росписи содержания. В XX в. основным изданием археологического профиля была «Советская ар-

хеология» (ныне «Российская археология»). Публикации «костюмного» характера встречаются в КСИА, «Археологическом сборнике» и «Трудах Государственного Эрмитажа», в продолжающихся сборниках «Археология и этнография Марийского края» и др., в том числе в общеисторических журналах.

Среди современных российских периодических изданий археологического профиля, в которых выявлены статьи по археологическому костюму (костюм, ткани, обувь, головные уборы, украшения), необходимо назвать следующие: «Археологические вести», «Археология и история Пскова и Псковской земли», «Археология, этнография и антропология Евразии», «Вестник археологии, антропологии и этнографии», «Поволжская археология», «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий», «Российская археология». Хорошо известны и такие солидные издания, как «Археология» (Киев) и «Stratum plus: archaeology and cultural anthropology» (Кишинев).

Вышесказанное подтверждает тот факт, что количество публикаций по археологическому костюму неуклонно растет, круг специалистов расширяется, имеется и потребность в информации о старой и новой профильной литературе.

Библиографическое обеспечение проблемы археологического костюма и текстиля имеет в нашей стране свою историю. Оно развивалось по мере становления как общеисторической науки, так и археологии как одного из ее разделов, а в последнее время также в рамках междисциплинарной темы «История костюма в России». Осо-

бенности развития археологической дисциплины, становления библиографии и эволюция термина «костюм» сказались на том, что в настоящее время тема «археологический текстиль и костюм» представлена в разных пособиях и электронных базах. Однако она не обеспечивается каким-то одним конкретным пособием.

Публикации XIX в. нашли отражение в уже первых опытах библиографических трудов исторической тематики. Труды П.П. Ламбина, Б.П. Ламбина и В.И. Межова по библиографии исторической литературы имеют огромное значение и для исследователя костюма (Ламбин, 1861–1884; Межов, 1892–1893; Межов, 1882–1890). В связи с тем что костюм рассматривался и как исторический источник, и как произведение декоративно-прикладного искусства, и как часть материальной культуры, литература о нем встречается в разных частях этих пособий. Например, в «Русской исторической библиографии» за 1800–1854 гг. первого профессионального библиографа В.И. Межова сведения о костюме включены в раздел «Вспомогательные науки по русской истории» (подразделы: «Одежда, царские регалии, часы, экипажи», «Утварь, посуда, золотые, серебряные, металлические и разные другие вещи женского и домашнего употребления», «Военная археология. Арсеналы, одежда и вооружение войск (...)»). Библиографические описания полные, некоторые снабжены аннотациями. Расписаны не только отдельно изданные работы, но и публикации из периодических изданий как столичных, так и провинциальных, в том числе из газет. В каждом выпуске находится около 30 публика-

ций, имеющих отношение к истории костюма.

Перу В.И. Межова принадлежит и указатель «Археология русская в период времени от 1859 г. до 1868 г. включительно» (Межов, 1873). Весь указатель состоит из десяти хронологических частей, в которых выделены разделы «Древности бытовые и обрядные», «Разные изделия», «Археологические раскопки, курганы, городища, гробницы и надгробные камни», где обнаруживаются публикации по костюму. Включены книги, статьи из журналов и газет, неочевидные названия сопровождаются аннотациями. Например, статья «Интересная находка» из «Кубанских войсковых ведомостей» за 1866 г. поясняется аннотацией: «Две золотые вещи: царские ожерелья одного из Тавроскифских царей» (Межов, 1873, с. 191).

Труды П.П. и Б.П. Ламбиных и В.И. Межова охватили почти всю историческую литературу XIX в. Они и сегодня востребованы исследователями, подбирающими материалы по историографии изучаемого вопроса, уточняющими сведения о какой-либо экспедиции, персоне или археологической находке. В ряде последующих библиографических пособий делались попытки учесть периодические, ведомственные издания, литературу по узкой теме или проблеме, а также публикации сотрудников одного учреждения. Однако искать в них публикации по костюму – занятие мало результативное.

Полностью археологическая литература на русском языке и на языках народов СССР, выходившая в Советском Союзе, отражена в серии библиографических указателей «Советская археологическая литература». Каж-

дый том охватывает публикации за определенный период. Первым вышел том за 1941–1957 гг., затем 1918–1940, 1958–1962 и т.д. В последнем томе учтена литература за 1988–1991 гг. (Советская археологическая литература, 1965–2007). Продолжение серии выходит под заглавием «Археологическая литература России и стран СНГ» (Археологическая литература, 2012). В 2003 г. был издан том, в котором учтена литература за 1900–1917 гг. (Русская археологическая литература, 2003). Он связал дореволюционную и советскую библиографии.

Каждый том включает восемь – одиннадцать тысяч записей, применительно к проблеме выявления литературы по археологическому костюму и текстилю наиболее важны подразделы «Средневековье», имеющиеся в каждом из четырех крупных территориальных разделов. Том, посвященный 1900–1917 гг. имеет такие узкие подразделы, как «Ювелирное дело», «Шитье. Ткани. Одежда», «Вооружение» «Ремесла. Промыслы» (в разделах «Археология России» и «Археология зарубежных стран»). Например, подраздел «Шитье. Ткани. Одежда» включает около 40 названий статей из разных сборников и продолжавшихся изданий (среди авторов: И.Я. Билибин, А.Н. Вершинский, В.К. Клейн, В.Я. Курбатов и др.), посвященных древнерусским одеждам, искусству лицевого и орнаментального шитья, отдельным предметам, прежде всего церковным облачениям и утварям, коллекциям. В разделах «Ремесла. Промыслы» собраны работы, посвященные в том числе кожевенному производству. Подразделы «Ювелирное искусство» помещены в разные разделы. Интересны и «общие» раз-

дела, в которых можно обнаружить весьма любопытные статьи (например, Соболев, 1913).

Серия этих трудов является самой полной и квалифицированной сводкой данных об археологической литературе почти всего XX века. Изначально и до настоящего времени она готовится в филиале БАН при Институте археологии РАН (ИИМК). Ее первыми составителями были библиографы Н.А. Винберг, Т.Н. Заднепровская, А.А. Любимова и Р.Ш. Левина. С тома, охватившего период 1963–1967 гг. (Л.; 1975), к работе над указателем подключился Л.М. Всевиов, продолжающий работу над очередными выпусками уже в одиночку вплоть до настоящего времени.

Других отдельно изданных ретроспективных библиографических указателей по отдельным вопросам немного и среди них два выпуска пособия «Археология Новгорода» (Археология Новгорода, 1983; Археология Новгорода, 1992). Структура указателя формальная: записи расположены по жанру издания (отчеты о раскопках, дипломные работы, научные и научно-популярные работы, газетные заметки, информация). Найти конкретный материал помогает вспомогательный «Предметно-тематический указатель», в котором выделены рубрики «Вещевые находки» (подрубрики: обувь, стеклянные браслеты, стеклянные бусы, ткани, украшения) и «Ремесло древнего Новгорода» (подрубрики: кожевенное, прядение и ткачество, ювелирное).

К числу текущих библиографических указателей, которые среди прочего содержат информацию о костюме в историческом и этнографическом ключе, относится издание ИНИОН

«Новая литература по социальным и гуманитарным наукам. История. Археология. Этнология». Здесь нет специального раздела по костюму, эти сведения могут оказаться в разных частях каждого выпуска. В указателе учитывается литература на русском и иностранных языках как отдельные издания, так и статьи из сборников, периодических и продолжающихся изданий. В настоящее время кропотливый просмотр этого библиографического указателя упрощает наличие электронных баз на сайте ИНИОН, которые сейчас, в связи с трагическим пожаром в этом учреждении в январе 2015 г., тоже отстают.

Много лет занимаясь поиском и систематизацией литературы по истории русского костюма, мы, естественно, затронули тему «археологический костюм и текстиль», однако, пришли к этому не сразу. В первой отдельно изданной библиографии «Русский костюм» (Жабрева, 2002), где учтено около 2000 книг и статей, опубликованных на русском языке с 1710 по 2001 г., книги и статьи по археологическому костюму помещены в разделы: «История русского костюма», «Отдельные части костюма» и «Обработка материалов и производство одежды, кружев и обуви».

В следующем указателе (История костюма в России, 2008)² в пределах раздела «История костюма в России» уже выделены следующие подразделы: «Костюм народов древнейших государств на территории России

² Тираж этого пособия, в котором учтено около 4,5 тыс. названий книг и статей, вместе с допечатками составил всего 250 экземпляров, поэтому он известен гораздо меньше указателя 2001 г.

(I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.) (27 назв. с 1915 г.), «Костюм Киевской и Московской Руси (IX–XVII вв.)» (107 назв. с 1879 г.), «Костюм народов сопредельных с древней Русью территорий (XI–XVII вв.)» (50 назв. с 1950-х гг.). Этот последний раздел был интересным решением, позволившем включить работы о средневековом костюме тех государств, которые вошли в состав Российской империи и СССР значительно позднее. Помимо этого, публикации по древним и средневековым элементам русского костюма – обуви (35 назв.), головным уборам (68 назв.), украшениям (143 назв.) содержатся в соответствующих подразделах. Литература, посвященная древним способам производства и обработки нитей и тканей, а также орнаментам, учитывалась нами тогда очень выборочно. Публикации по военному костюму и оружию также имеются в специальных рубриках раздела «Форменный костюм» (более 100 назв.). Приблизительно общее число публикаций (до 2007 г.), которые можно отнести к теме «археологический костюм на территории России» в этом указателе достигает 600 названий.

Здесь необходимо заметить, что составление любого библиографического указателя является весьма непростой работой. Это не только и не столько правильно составленные библиографические описания, сколько скрупулезная работа по обнаружению факта публикации, нахождению книги или статьи, их просмотру *de visu*, поскольку одно из заповедных правил библиографа – включать в указатель только то, что он увидел собственными глазами (во избежание ошибок). На этом этапе помимо библиографи-

ческого описания составляется аннотация, задачей которой является уточнение содержания работы, если оно недостаточно понятно (хронологические рамки, география и др.). Следующим этапом работы над указателем является выбор принципа расстановки материала, который позволил бы ориентироваться в нем наиболее эффективно. Я выбрала систематический принцип, а в пределах раздела «История костюма в России» выделила хронологические и географические подразделы и деления по отдельным частям костюма. Самые дробные многоступенчатые дробления потребовались для систематизации литературы по украшениям, поскольку объем публикаций по этой теме особенно велик. В последнем делении избрана хронологическая расстановка записей. Это решение позволяет рассмотреть процесс накопления знаний по тому или иному узкому вопросу и проследить историю исследования той или иной темы.

Показателен в этом смысле небольшой раздел указателя 2002 г. «Регалии княжеской, царской и императорской власти» (около 40 назв.), первая публикация которого относится к 1771 г. (Щербатов, 1771) и принадлежит перу историка князя М.М. Щербатова. В статье излагается легенда о присылке князю Владимиру Всеволодовичу регалий от византийского императора Константина Мономаха (шапка, скипетр, держава, бармы, цепь), даются их описания, приводятся доказательства в пользу этой легенды по документам и устным сообщениям. К концу XIX в. появляются работы, в которых принадлежность регалий византийскому императору уже берется под сомнение. В числе завершающих

этот раздел публикаций находится монография Н.В. Жилиной, где приведена историография вопроса, изложены результаты различных исследований «Шапки Мономаха», исследование ее филигранны, определено место в ряду аналогичных головных уборов (Жилина, 2001).

Библиографический указатель фиксирует состояние научного знания на конкретный отрезок времени, он становится отправной точкой для дальнейших исследований, показывая незатронутые темы и аспекты. Как заполняются эти лакуны, видно по новым публикациям (с 2008 г. по настоящее время), которые выявляются при просмотре выставок новых поступлений в Библиотеку РАН. Сведения о новых изданиях помогают обнаружить электронные ресурсы: электронные каталоги крупных библиотек (РГБ, РНБ и РГБИ), электронная библиотека Elibragu, электронная база диссертаций РГБ, базы новых поступлений по общественным и социальным наукам ИНИОН. На сегодняшний день прибавилось более 450 названий книг, авторефератов и статей из периодических и продолжающихся изданий: в раздел «Костюм народов древнейших государств на территории России (I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.) – 45 названий; в раздел «Костюм Киевской и Московской Руси (IX–XVII вв.)» – 65 названий, в «Костюм народов сопредельных с древней Русью территорий (XI–XVII вв.)» – около 50 названий, а в подразделы, посвященные древним и средневековым элементам русского костюма добавлены новые работы, посвященные исследованию обуви (63 назв.), головных уборов (16 назв.), украшений (220 назв.). В завершеном виде пере-

работанная версия библиографического указателя «История костюма в России» должна с достаточной полнотой отразить публикации археологического профиля.

Проблемы, возникающие при выявлении и отборе литературы, определяются сегодня, в первую очередь, труднообозримостью потока печатных изданий, из которого нужно «выловить» тонкую струйку профильных публикаций. Этот поток состоит из монографий, научно-популярных, иллюстрированных, учебных книг, музейных и выставочных каталогов, сборников статей и периодических изданий. Во многих из них помещены те или иные текстовые и изобразительные материалы по истории костюма. Ни заглавие работы, ни ключевые слова не дают объективных сведений о работе, лишь непосредственное, пусть и беглое знакомство с публикацией может определить, стоит ли ее включать в указатель и в какой раздел поместить.

Сведения о находках, имеющих отношение к внешнему облику человека, встречаются во многих публикациях, в которых исследуются данные того или иного захоронения, кургана или городища. Наряду с описанием остатков жилищ, глиняной посуды, металлической утвари, конской упряжи, в них включены описания и рисунки таких предметов, как бусы, пуговицы, подвески, нашивки, фрагменты головных уборов и т.д.). Включение всех этих публикаций, которых очень и очень много, абсолютно невозможно, поэтому в названных указателях было принято решение отбирать только работы (монографии или каталоги), имеющие выделенные разделы по костюму (или обуви, украше-

ниям и т.д.), которые можно описать средствами библиографии.

Казалось бы, с внедрением в практику электронных баз данных поиск новейших публикаций будет легко осуществляться «нажатием одной кнопки». РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе Elibrary, навязанный научному сообществу как форма учета их деятельности, в идеале должен дать прозрачную картину публикационной активности отдельного сотрудника, конкретного учреждения и даже целой области знания. На деле этот ресурс очень зависит от финансовых вложений учреждения и издающей организации, от активности самого исследователя. Сегодня список публикаций, выявляемый в РИНЦ, составляет лишь небольшую долю всех работ автора. Поэтому поиск по фамилиям авторов как способ подбора литературы по Elibrary оказывается необъективным.

Видимо, предполагалось, что РИНЦ станет ресурсом, по которому можно хоть как-то отслеживать публикации по своей теме, в отдельных случаях получая даже их полный текст. Однако в настоящее время эта функция Elibrary далека от идеала. Вот, например, какие результаты мы получили, попробовав выявить новую литературу для данной статьи. Ограничив круг поиска журналами исключительно археологического профиля, мы поочередно вводили поисковые термины; на словосочетание «археологический костюм» было получено 15 результатов; на «археологический текстиль» – 2 названия (причем, из числа предыдущих); на «головные уборы» – 2 названия; на «украшения» – более 600 названий. При этом в последнюю выборку попали публикации о самых разных «украшениях», в том

числе не имеющих к костюму никакого отношения.

Одному специалисту интересен предмет как произведение искусства, другому важен процесс его изготовления, третьего интересует спектральный анализ материалов, четвертого – определенный хронологический интервал, пятого – лингвистический аспект, шестого – определенная территория бытования и т.д. Однако с помощью РИНЦ всего этого выявить не удается.

Хорошие результаты дает просмотр оглавлений периодических изданий. Однако невозможно следить за всеми журналами даже археологического профиля (их несколько десятков даже по РИНЦ). Здесь важно выделить «ядро» археологических журналов, стабильно помещающих статьи по костюму и текстилю. К сожалению, провести статистический анализ публикаций и выявить такое ядро по РИНЦ нам не удалось.

Несмотря на увеличение электронных ресурсов, на наш взгляд, все более очевидной становится необходимость более широкого использования труда библиографов-профессионалов. Помимо ретроспективных отраслевых и тематических указателей жизненно необходимым становится текущее информирование. Однако нам представляется важным ни в коем случае не разделять костюм по хронологическому или какому-то иному принципу, а собирать информацию на страницах одного специализированного издания. Всесторонняя информированность о старой и новой литературе, о новейших достижениях коллег позволит обнаружить неисследованные объекты и оптимизировать труд каждого исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая литература стран СНГ: библиографический указатель, 1992–1994 / сост. Л.М. Всевиов. СПб.: Библиотека Российской академии наук, 2012. 430 с.
2. Археология Новгорода: указатель литературы, 1917–1980 гг. / сост. П.Г. Гайдуков; под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1983. 223 с.
3. Археология Новгорода: указатель литературы, 1981–1990 гг.: дополнения к указателю за 1917–1980 гг. / сост. П.Г. Гайдуков; отв. ред. В.Л. Янин. М.: Славия, 1992. 119 с.
4. *Арциховский А.В.* Одежда // История культуры Древней Руси: домонгол. период: в 2 ч. Т. 1. / Отв. ред. А.В. Арциховский. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 234–262.
5. *Арциховский А.В.* Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV вв.: в 2 ч. Ч. 1. / Отв. ред. А.В. Арциховский. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 277–296.
6. *Глушкова Т.Н.* Проблемы в изучении археологического текстиля // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII. Ч. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 9–13.
7. *Громов Г.Г.* Одежда // Очерки русской культуры XVII в.: в 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. А.В. Арциховский. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 202–218.
8. *Громов Г.Г.* Русская одежда // Очерки русской культуры XVI в.: в 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. А.В. Арциховский. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 202–216.
9. *Доде З.В.* Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М.: Восточная литература РАН, 2001. 136 с.
10. Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению Императора Николая I // (авт. текстов И. Снегирев; ил. рисованы Ф. Солнцевым). М.: Типография А. Семена, 1844–1853. Отд-ние 1–6.
11. Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. 272 с.
12. *Жабрева А.Э.* Русский костюм: библиографический указатель книг и статей на русском языке (1710–2001). СПб.: Профессия, 2002. 319 с.
13. Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время: материалы международного научно-образовательного семинара. Вып. 2 / Сост., ред. Ю.В. Степанова; науч. ред. Н.В. Жилина. М.; Тверь, 2012.
14. Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время: материалы международного научно-образовательного семинара. Вып. 3 / Сост., ред. Ю.В. Степанова; науч. ред. Н.В. Жилина. М.; Тверь, 2015.
15. Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время: материалы международного научно-образовательного семинара (2011, 2012, 2015 гг.). Вып. 1 / Сост., ред. Ю.В. Степанова; науч. ред. Н.В. Жилина. М.; Тверь, 2011.
16. *Жилина Н.В.* Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М: Наука, 2001. 248 с.
17. *Зубкова Е.С., Орфинская О.В.* Результаты исследования текстиля из раскопок в Пскове в 2006 г. // Археологические вести. 2010. № 16. С. 160–172.
18. *Иерусалимская А.А.* Мощевая Балка: необычный памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.
19. Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / Отв. ред. Н.А. Томилов, М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов. Ч. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани; Иркутск-Омск, 2010. 468 с.
20. История костюма в России с древнейших времен до наших дней: Библиографический указатель книг и статей на русском языке, 1710–2007 / сост. А.Э. Жабрева. СПб.: БАН, 2008. 480 с.

21. *Клейн В.* Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология // Сборник Оружейной палаты. М.: Изд-во Оружейной Палаты, 1925. С. 11–72.
22. *Кокарева Л.* Золотоордынский женский костюм конца XIII – начала XIV века // Реконструкция костюма средневековья: сб. материалов Fashion-блока XIV Международного фестиваля «Зиланткон-2004» / Ред. Г.А. Бударина и др. Казань, 2005. С. 22–31.
23. *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 226 с.
24. *Куприянова Е.В.* Реконструкция детского погребального костюма эпохи бронзы по материалам могильника Степное VII // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (261). Серия: История. Вып. 63. С. 8–15.
25. *Курбатов А.В.* Кожевенное ремесло в средневековой России. Автореф. дисс... д-ра. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2012. 52 с.
26. *Ламбин П.П., Ламбин Б.П.* Русская историческая библиография, 1855–1864. Т. 1–10. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1861–1884.
27. *Межов В.И.* Археология русская в период времени от 1859 г. до 1868 г. включительно: библиографический указатель книг и статей, вышедших по русской археологии. IV. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. 263 с.
28. *Межов В.И.* Русская историческая библиография за 1865–1876 гг. включительно. Т. 1–8. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882–1890.
29. *Межов В.И.* Русская историческая библиография: указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800–1854 гг. Т. 1–3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1892–1893.
30. *Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: материалы 2–15-й международных научных конференций (1998–2012): библиографический указатель / сост. А.Э. Жабрева; отв. ред. Н.М. Калашникова.* СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2012. 148 с.
31. *Нахлик А.* Ткани Новгорода // МИА. №. 123. М.: Наука, 1963. С. 228–296.
32. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.
33. *Орфинская О.В.* Крой женского платья Древней Руси IX–X веков // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура: тез. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 6–8 дек. 2012 г.) / отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 2012. С. 58–59.
34. *Орфинская О.В., Михайлов К.А.* Древнерусское «платье» из Изяславля: новая атрибуция // РА. 2013. № 4. С. 75–85.
35. *Павлова А.Н.* Семантика костюма волжских финнов середины I – начала II тыс. н. э. Автореф. дисс... д-ра ист. наук. Казань, 2008. 46 с.
36. *Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
37. *Прохоров В.А.* Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по высочайшему соизволению В. Прохоровым: (Ч. 1–4). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881–1885.
38. *Русская археологическая литература: библиографический указатель, 1900–1917 / сост. Т.Н. Заднепровская.* СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 473 с.
39. *Русские древности в памятниках искусства.* Вып. 1–6 / сост.: И.И. Толстой, Н.П. Кондаков. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1889–1899.
40. *Рябцева С.С.* Древнерусский ювелирный убор: Основные тенденции формирования. СПб.: Нестор - История, 2005. 384 с.
41. *Сабурова М.А.* Древнерусский костюм. Одежда // Древняя Русь. Быт и культура / Археология / Отв. ред.: Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 93–102.
42. *Соболев А.Н.* В чем были погребаемы наши предки – христиане // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. 1913. Т. 15. Сообщ. С. 1–35 (пагинация 3-я).
43. *Соболев Н.Н.* Очерки по истории украшения тканей. М.-Л.: Academia, 1934. 433, 2 с., ил., 6 л. ил.

44. Советская археологическая литература: библиография (1918–1991 / сост. Н.А. Винберг, Т.Н. Заднепровская, Р.Ш. Левина, Л.М. Всевиов). М., Л.: Наука, 1965–2007. (Вып. 1–10).

45. Степанов П.К. История русской одежды. Пг.: Тип. Министерства внутренних дел, 1915. Вып. 1. (6), 34 с.

46. Степанова Ю.В. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Тверской государственный университет, 2009. 364 с.

47. Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда; Лисаковск, 2010. 176 с.

48. Федотова Ю.В., Синицына Н.П., Орфинская О.В., Визгалова М.Ю. Реставрация и исследования археологического текстиля периода Золотой Орды из захоронения болгарской женщины (конец XIV в.) // Поволжская археология. 2015. № 3(13). С. 74–91.

49. Щербатов М.М. Изыскание о прислании Регалей к великому князю Владимиру Мономаху из Константинополя // История Российская от древнейших времен: в 7 т. Т. 2. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1771. С. 98–114.

50. Якунина Л.И. Ткани из раскопок в Софийском новгородском соборе // КСИ-ИМК. Вып. XXIV. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 105–107.

51. Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т; Восточная Литература, 2006. 664 с.

Информация об авторе:

Жабрева Анна Эрнестовна, кандидат педагогических наук, научный сотрудник, Библиотека Российской академии наук (г. Санкт-Петербург, Россия); annazhabreva@mail.ru

FEATURES AND PROSPECTS OF BIBLIOGRAPHIC CONTROL OF PUBLICATIONS ON ARCHAEOLOGICAL COSTUME AND TEXTILE

A.E. Zhabreva

The article analyzes the issues of interrelations between the supplementary scientific branch bibliography with archaeology and history of the costume, as well as the dependence of the bibliographic support of the Archaeological Costume and Textiles topic on the evolution of archaeological knowledge. The author formulates the primary tasks and issues of identification and systematization of data, and notification of specialists. The article contains examples of primary retrospective bibliographic publications and describes the specific features of their application. It also features an analysis of the RSCI (Russian Science Citation Index) as a tool for identifying publications on archaeological costume and textile. The authors confirm the absence of a 'core' of periodicals and the distribution of publications on this topic across a wide range of scientific journals. They suggest to organize the ongoing notification in the form of publishing the annual lists of new books and articles on the pages of a single most of organization of current information in the form of publication of annual lists of new books and articles on the pages of a core journal.

Keywords: archaeological costume, history of the costume, archaeological textile, bibliography.

REFERENCES

1. In Vsevirov, L. M. 2012. *Arkheologicheskaia literatura stran SNG: bibliogr. ukaz., 1992–1994 (Archaeological Sources of the CIS countries: Bibliographical Reference, 1992–1994)*. Saint Petersburg: Library of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).

2. Gaidukov, P. G. 1983. *Arkheologiiia Novgoroda: ukazatel' literatury, 1917–1980 gg (Archaeology of Novgorod: Bibliographical Reference, 1917–1980)*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).

3. Gaidukov, P. G. 1992. In Yanin, V. L. (ed.). *Arkheologiia Novgoroda: ukazatel' literatury, 1981–1990 gg.: dopolneniia k ukazateliiu za 1917–1980 gg. (Archaeology of Novgorod: Bibliographical Reference, 1981–1990: Additions to the Reference of 1917–1980.)*. Moscow: “Slaviia” Publ. (in Russian).
4. Artsikhovskii, A. V. 1948. In Artsikhovskii, A. V. (ed.). *Istoriia kul'tury Drevnei Rusi: domongol'skii period: v 2 ch. (The History of Culture of Ancient Rus: the Pre-Mongol Reriod: in two parts)* 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 234–262 (in Russian).
5. Artsikhovskii, A. V. 1969. In Artsikhovskii, A. V. (ed.). *Ocherki russkoi kul'tury XIII–XV vv.: v 2 ch. (Essays on the Russian Culture of 13th–15th centuries: in two parts)* 1. Moscow: Moscow State University Publ., 277–296 (in Russian).
6. Glushkova, T. N. 2006. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 12, part 2. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 9–13 (in Russian).
7. Gromov, G. G. 1979. In Artsikhovskii, A. V. (ed.). *Ocherki russkoi kul'tury XVII v.: v 2 ch. (Essays on the Russian Culture of 17th century: in two parts)*. 1. Moscow: Moscow State University Publ., 202–218 (in Russian).
8. Gromov, G. G. 1977. In Artsikhovskii, A. V. (ed.). *Ocherki russkoi kul'tury XVI v.: v 2 ch. (Essays on the Russian Culture of 16th century: in two parts)* 1. Moscow: Moscow State University Publ., 202–216 (in Russian).
9. Dode, Z. V. 2001. *Srednevekovyi kostium narodov Severnogo Kavkaza. Ocherki istorii. (Medieval Costume of North Caucasian Peoples. Essays on History)*. Moscow: “Vostochnaya literatura RAS” Publ. (in Russian).
10. Snegirev, I., Solntsev, F. 1844–1853. *Drevnosti Rossiiskogo gosudarstva, izdannye po Vysochaishemu poveleniiu Imperatora Nikolaia I (Antiquities of the Russian State Published by the Supreme Order of Emperor Nicholas I)* 1–6. Moscow: Tipografiia A. Semena (in Russian).
11. Rabinovich, M. G. (ed.). 1986 *Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy (Ancient Clothing of Eastern European Peoples)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
12. Zhabreva, A. E. 2002 *Russkii kostium: bibliograficheskii ukazatel' knig i statei na russkom iazyke (1710–2001) (Russian Costume: a Bibliographic Reference of Books and Articles in Russian (1710-2001))*. Saint Petersburg: “Professiiia” Publ. (in Russian).
13. Stepanova, Yu. V. 2012. In Zhilina, N. V. (ed.). *Zhenskaia traditsionnaia kul'tura i kostium v epokhu srednevekov'ia i novoe vremia: materialy mezhdunar. nauch.-obrazovat. seminara (Traditional Female Culture and Costume in the Middle Ages and Modern Times: Materials of the International Scientific-Educational Workshop)* 2. Moscow; Tver'. (in Russian).
14. Stepanova, Yu. V. 2015. In Zhilina, N. V. (ed.). *Zhenskaia traditsionnaia kul'tura i kostium v epokhu srednevekov'ia i novoe vremia: materialy mezhdunar. nauch.-obrazovat. seminara (Traditional Female Culture and Costume in the Middle Ages and Modern Times: Materials of the International Scientific-Educational Workshop)* 3. Moscow; Tver'. (in Russian).
15. Stepanova, Yu. V. 2011. In Zhilina, N. V. (ed.). *Zhenskaia traditsionnaia kul'tura i kostium v epokhu srednevekov'ia i novoe vremia: materialy mezhdunar. nauch.-obrazovat. seminara (Traditional Female Culture and Costume in the Middle Ages and Modern Times: Materials of the International Scientific-Educational Workshop)* 1. Moscow; Tver'. (in Russian).
16. Zhilina, N. V. 2001. *Shapka Monomakha. Istoriko-kul'turnoe i tekhnologicheskoe issledovanie (Monomakh's Cap. Historical, Cultural and Technological Study)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
17. Zubkova, E. S., Orfinskaia, O. V. 2010. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 16. 160–172 (in Russian).
18. Ierusalimskaia, A. A. 2012. *Moshchevaia Balka: neobychnyi pamiatnik na Severokavkazskom shelkovom puti (Moshchevaia Balka: an Unusual Monument on the North Caucasus Silk Road)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).

19. In Tomilov, N. A., Berezhnova, M. L., Korusenko, S. N., Khakimov, R. S. (eds.). 2010. *Integratsiia arkhelogicheskikh i etnograficheskikh issledovaniï (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; Irkutsk; Omsk (in Russian).
20. Zhabreva, A. E. 2008. *Istoriia kostiuma v Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: Bibliograficheskii ukazatel' knig i statei na russkom iazyke, 1710-2007 (The History of Costume in Russia since Ancient Times until the Present Day: a Bibliographic Reference of Books and Articles in Russian, 1710-2007)*. Saint Petersburg: "BAN" Publ. (in Russian).
21. Klein, V. 1925. In *Sbornik Oruzheinoi palaty (Collection of the Armoury Chamber)*. Moscow: "Oruzheinaia palata" Publ., 11–72 (in Russian).
22. Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX–XIII vv. (Russian Hoards of 9th–13th Centuries)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
23. Kupriyanova, E. V. 2015. In *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriia (Bulletin of the Chelyabinsk State University: History Series. 63)* 261 (6), 8–15 (in Russian).
24. Kurbatov, A. V. 2012. *Kozhevennoe remeslo v srednevekovoi Rossii (Tanning in Medieval Russia)*. Doct. Diss. Thesis. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
25. Lambin, P. P., Lambin, B. P. 1861–1884. *Russkaia istoricheskaia bibliografiia, 1855–1864 (Russian Historical Bibliography, 1855–1864)* 1–10. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).
26. Mezhev, V. I. 1873. *Arkheologiia russkaia v period vremeni ot 1859 g. do 1868 g. vkluchitel'no (Russian Archaeology since 1859 until 1868)* 4. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).
27. Mezhev, V. I. 1892–1890. *Russkaia istoricheskaia bibliografiia za 1865–1876 gg. vkluchitel'no (Russian Historical Bibliography, 1865–1876)* 1–8. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).
28. Mezhev, V. I. 1892–1893. *Russkaia istoricheskaia bibliografiia, za 1800–1854 gg. (Russian Historical Bibliography, 1800-1854.)* 1–3. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).
29. Zhabreva, A. E. 2012. In Kalashnikova, N. M. (ed.). *Moda i dizain: istoricheskii opyt – novye tekhnologii: materialy 2–15-i mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii (1998–2012): bibliograficheskii ukazatel' (Fashion and Design: Historical Experience - New Technologies: Materials of the 2-15th International Scientific Conferences (1998-2012): Bibliographic Reference)*. Saint Petersburg: Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (in Russian).
30. Nakhlik, A. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in Archaeology of the USSR)* 123. Moscow: "Nauka" Publ., 228–296 (in Russian).
31. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Veltuzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th–11th Centuries in the Veltuga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).
32. Orfinskaia, O. V. 2012. In Makarov, N. A., Gaidukov, P. G. (eds.). *Rus' v IX–X vekakh: Vzaimodeistvie Severa i Iuga (Rus in the 9th–10th Centuries: Interaction of the North and South)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 58–59 (in Russian).
33. Orfinskaia, O. V. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* 4, 75–85 (in Russian).
34. Pavlova, A. N. 2008. *Semantika kostiuma volzhskikh finnov serediny I – nachala II tys. n.e. (Semantics of the Costume of the Volga Finns of the mid-1st - early 2nd Millennia A.D.)*. Doct. Diss. Thesis. Kazan (in Russian).
35. Polos'mak, N. V., Barkova, L. L. 2005. *Kostium i tekstil' pazyryktsev Altaia (IV–III vv. do n.e.) (The Costume and Textile of the Pazyryk People of Altai Mountains (4th – 3rd Centuries BC))*. Novosibirsk: "Infolio" Publ. (in Russian).
36. Prokhorov, V. A. 1881–1885. *Materialy po istorii russkikh odezhd i obstanovki zhizni narodnoi, izdavaemye po vysochaishemu soizvoleniiu V. Prokhorovym (Materials on the History of*

Russian Clothing and the Life of People, Issued with the Permission of His Imperial Majesty by V. Prokhorov) 1–4. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

37. Zadneprovskaia, T. N. (comp.). 2003. *Russkaia arkheologicheskaia literatura: bibliograficheskii ukazatel', 1900–1917 (Russian Archaeological Literature: Bibliographic Reference, 1900–1917)*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedenie” Publ. (in Russian).

38. Tolstoi, I. I., Kondakov N. P. (comp.). 1889–1899. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva (Russian Antiquities in the Monuments of Art)* 1–6. Saint Petersburg: Ministry of Transportation Publ. (in Russian).

39. Riabtseva, S. S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).

40. Saburova, M. A. 1997. In Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: “Nauka” Publ., 93–102 (in Russian).

41. Sobolev, A. N. 1913. In *Trudy Vladimirskoi uchenoi arkhivnoi komissii. (Proceedings of the Vladimir Academic Archive Commission)* 15. 1–35 (pagination 3) (in Russian).

42. Sobolev, N. N. 1934. *Ocherki po istorii ukrasheniia tkanei. (Essays on the History of Fabrics Decoration)*. Moscow; Leningrad: “Academia” Publ. (in Russian).

43. Vinberg, N. A., Zadneprovskaia, T. N., Levina, R. Sh., Vseviov, L. M. (comp.). 1965–2007. *Sovetskaia arkheologicheskaia literatura: bibliografiia. 1918–1991 (Soviet Archaeological Literature: Bibliography. 1918–1991)* 1–10. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

44. Stepanov, P. K. 1915. *Istoriia russkoi odezhdy (History of Russian Clothing)* 1(6). Petrograd: Ministry of Internal Affairs Publ. (in Russian).

45. Stepanova, Yu. V. 2009. *Drevnerusskii pogrebal'nyi kostium Verkhnevolzh'ia (Old Russian Burial Costume of the Upper Volga Region)*. Tver: Tver State University (in Russian).

46. Usmanova, E. R. 2010. *Kostium zhenshchiny epokhi bronzy Kazakhstana. Opyt rekonstruktsii (Women's Costume of the Bronze Age from Kazakhstan. Reconstruction Experience)*. Karaganda; Lisakovsk (in Russian).

47. Fedotova, Yu. V., Sinitsyna, N. P., Orfinskaia, O. V., Vizgalova M. Yu. 2015. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 74–91 (in Russian).

48. Shcherbatov, M. M. 1771. In *Istoriia Rossiiskaia ot drevneishikh vremen: v 7 t. (Russian History since Ancient Times: in 7 volumes)* 2. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 98–114 (in Russian).

49. Yakunina, L. I. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 24, 105–107 (in Russian).

50. Yatsenko, S. A. 2006. *Kostium Drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody) (Costume in Early Eurasia (Iranian-Speaking Peoples))*. Moscow: Russian State University for the Humanities; “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).

51. Kokareva, L. 2005. In Budarina, G. A. et al. (ed.). *Rekonstruktsiia kostiuna srednevekov'ia: sb. materialov Fashion-bloka XIV Mezhdunarodnogo festivalia «Zilantkon-2004» (Reconstruction of the Medieval Costume: Collection of Materials of the Fashion Block of 14th International Festival Zilantkon-2004)*. Kazan, 22–31 (in Russian)..

About the authors:

Zhabreva Anna E. Candidate of Pedagogical Sciences, Library of the Russian Academy of Sciences, Exchange line, 1, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; annazhabreva@mail.ru

Статья поступила в номер 11.08.2016 г.

УДК 902(092)

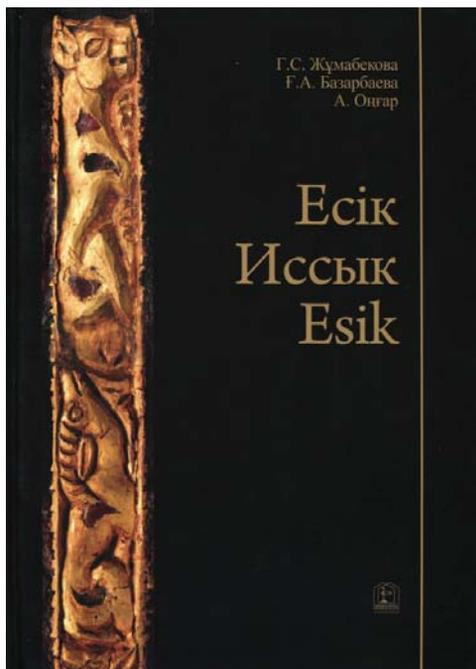
<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.326.330>

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Г.С. ЖУМАБЕКОВА, Г.А. БАЗАРБАЕВА,
А. ОНГАР «ЕСІК. ИССЫК. ESİK». АЛМАТЫ, 2011. 200 С.)**

© 2017 г. Г.Ш. Файзуллина

В рецензии дана положительная оценка изданию, посвященному истории изучения яркого открытия казахстанской археологии XX в., ставшего достоянием мировой культуры – кургану Иссык. В рецензируемой книге дается исчерпывающая характеристика памятника, исследовавшегося группой специалистов из отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова под руководством К.А. Акишева. Стиль изложения авторов, а также собранные по крупицам черно-белые фотографии и цветные снимки, выполненные профессиональным фотографом, органично дополняют друг друга. В книге прослежена логическая цепь событий – от открытия памятника, свершившегося в прошлом веке, до его музеефикации, ставшей возможной в настоящее время.

Ключевые слова: археология, курган Иссык, «Золотой человек», К.А. Акишев, мир вещей, музей, книга-альбом.

В последнее время археологи и музейные специалисты независимо друг от друга пришли к пониманию того, что необходима популя-

рия истории научных исследований, связанных с курганом Иссык. Тем более что книга К.А. Акишева «Курган Иссык» (Акишев, 1978) (в нашем случае – первоисточник) стала библиографической редкостью. Так, на международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, автор данной статьи выступила с докладом (Файзуллина, 2011), в котором ставились вопросы о необходимости новых публикаций, а в начале 2012 года у нас на руках появился альбом «Есік. Иссyk. Esik».

Как пишут сами авторы, Г.С. Жумабекова, Г.А. Базарбаева, А. Онгар, – «... с момента открытия «Золотого человека» прошло немногим более 40 лет. За это время археология эпо-

хи раннего железа века Казахстана и горно-долинной зоны Евразии пополнилась новыми, во многом уникальными материалами, проливающими свет на малоизвестные грани далекого прошлого... Мы лишь попытались несколько иначе, с позиции науки нашего времени, взглянуть на бесценные материалы всемирно известного памятника» (Жумабекова, Базарбаева, Онгар, 2011, с. 89). И вот... под одной обложкой собраны все факты, связанные с «Золотым человеком», как советского издания («Ертедегі ескерткіштер елесі» (Ақышев, 1976), «Курган Иссык» (Акишев, 1978), «Путь к Золотому воину» (Нурмуханбетов, Загородний, 1984), так и современные («Предисловие», написанное одним из авторов открытия – Бекмуханбетом Нурмуханбетовым); авторская интерпретация материалов с использованием данных из последних публикаций (наличие подробного списка использованной литературы – подспорье для тех, у кого есть желание самостоятельно «погрузиться» в сакскую проблематику).

В настоящее время в обществе есть осознание того, что к «Золотому человеку» как явлению культуры и истории невозможен однозначный подход. Примечательно, что первый вопрос, который постоянно задают посетители музея – где сейчас «Золотой человек»? В ответ мы спрашиваем – «А что является в вашем представлении «Золотым человеком»?» Ведь это и останки, которые находятся в заповеднике-музее «Иссык» (за исключением черепа), и археологическое золото (Национальный музей РК, Астана), и первая реконструкция, выполненная В.И. Садомсковым по научному про-

екту К.А. Акишева (Музей Института археологии, Алматы).

Можно выделить несколько «слов» своеобразной мифологизации «Золотого человека». 1. Мифы, возникшие в результате неполных исследований материала данного кургана, в частности по костным останкам. До тех пор пока не будут опубликованы научные исследования по данному вопросу, до тех пор будут «гулять» мифы о половой принадлежности человека, захоронение которого было обнаружено в кургане Иссык. 2. Мифы об истории археологической находки. Достоверная экспозиция в музее, публикация исследований, фотодокументов и воспоминаний очевидцев (и в музейной экспозиции, и в полиграфических изданиях) помогут обозначить границы между реальностью и выдумкой. 3. И, наконец, миф о национальной идентичности, превративший «Золотого человека» в символ независимости Казахстана, его бренд.

Видимо, изучая сакский период истории в пятом классе, к взрослому состоянию большинство забывает детали и имеет весьма общее представление об иссыкском «золотом человеке» и весьма отрывочные знания, которые к тому же «разбавлены» представлениями, основанными на визуальном образе монумента «Независимость». Совсем не редкость высказывания о том, что «золотой человек» – это золотая статуя, которая была закопана в кургане... Почему так происходит? Скорее всего, оттого, что археологические исследования стали основой для создателей символов независимого Казахстана и ... «потерялись» за ними. Сегодня в общественном сознании иссыкский «Золотой человек»

был именно таким, каким его создали Кималь Акишев и Виктор Садомсков в реконструкции или изобразил Шота Валиханов в алматинском монументе «Независимость». Сегодня они «живут» самостоятельной жизнью и являются не меньшей реальностью, чем «золотой человек» как археологическая находка.

Публикация в Предисловии прижизненных воспоминаний Бекена Нурмуханбетова (1935–2016) – в течении последних шести лет жизни работавшим ведущим научным сотрудником Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык» – прекрасная возможность услышать историю из уст участника той самой легендарной экспедиции первооткрывателей «Золотого человека». Ему принадлежала идея создания музея под открытым небом на территории Иссыкского могильника, и ее упорное воплощение в жизнь на протяжении более чем двадцати лет. Его рассказы среди курганов, на сезонных передвижных выставках сформировали целое поколение есикчан, не равнодушных к истории родного края. У Бекен-ата, несомненно, был талант держать внимание публики рассказом, и это интересно. Потому что, в первую очередь, через него история открытия «Золотого человека» (и даже – история саков) говорила от первого лица. Методы устной истории очень важны в современной музейной практике. Именно они часто являются источником тех самых музейных историй, о которых мы сейчас говорим, как о новой единице музейной коммуникации. Фигура рассказчика становится очень важной в современной экспозиции. Фактически в современных европейских музеях она заменяет и вытесняет

традиционную фигуру экскурсовода. Причем, когда спрашивают, в чем разница между экскурсоводом и рассказчиком, то отвечают: экскурсовод рассказывает содержание учебника, он идет от предмета к предмету и выстраивает связи между ними, а рассказчик рассказывает захватывающие истории. (Гнедовский, 2010). В заповеднике-музее «Иссык» был такой рассказчик – Бекмуханбет Нурмуханбетов. Старейший в стране археолог, он как талантливый экскурсовод умел работать именно с историями, чувствуя обратную связь, понимая, кому что нужно и на каком языке говорить с посетителем. В целом в музеях сегодня происходит перефокусировка от длинных монологических экскурсий к более фокусным, сюжетным историям, в этом смысле деятельность Нурмуханбетова-экскурсовода была в русле современных тенденций развития музеев.

Пополнила музейную «копилку» рассказов о «Золотом человеке» история создания первой реконструкции К. Акишевым и В. Садомсковым (чего стоит, например, сообщение о парадоксальном и очень... советском использовании пробок от шампанского для изготовления литейных форм. Что-то от этого есть в современных рассказах М. Задорного о смекалке «нашего человека»). Создание первого варианта реконструкции «Золотого человека» – это был первый и, безусловно, успешный (дальнейшая судьба реконструкции подтверждает это) музейный жест в интерпретации открытия. «Воссозданный из небытия облик молодого мужчины превзошел все ожидания, заняв достойное место в экспозиции музея археологии. Это стало настоящим событием даже для

археологов» (Жумабекова, Базарбаева, Онгар, 2011, с. 109).

В книге можно найти ответы на вопросы, которые возникают в результате наблюдения музейных интерпретаций материала из кургана Иссык. К примеру, расположение перстней на руках «золотого человека». Авторы поясняют (Жумабекова, Базарбаева, Онгар, 2011, с. 106), что К. Акишев в 1978 г. писал: «На пальцах рук было нанизано два перстня: на правой – перстень-печать и, возможно, на левой – перстень со щитком», а спустя пять лет Кималъ Акишевич и Алишер Кималевич уже будут писать, что оба перстня носились на правой руке. К сожалению, объяснения тому, почему такое расхождение возникло, нет. Может, стоило прояснить ситуацию у Алишера Кималевича? Надеемся, в последующих изданиях авторам удастся ответить и на такие вопросы.

Особо хочется отметить – книга «Есік. Иссык. Esik» написана образным популярным языком, понятным многим, кто интересуется историей Казахстана, грамотно оформлены ссылки, все это свидетельствует о качестве издания. Хороший язык, любопытные (поэтические) названия отдельных частей. Здесь хотелось бы обозначить личную ремарку – кому довелось слушать лекции А.К. Акишева, тот – счастливец: это захватывающее повествование, логика исследования, увлекательное путешествие... но книга «Искусство и мифология саксов» трудна для восприятия, для пересказа... Авторам «Есік. Иссык. Esik» удалось сложные вещи передать простым языком.

И в связи с названием книги хотелось бы еще раз сказать о терми-

нологической проблеме. И прежде, и сейчас название кургана в русском варианте было Иссык, в казахском – Есік. Какой же должна быть английская транскрипция названия – Esik или Issyk? Наверное, это вопрос политической, но не научной дискуссии (в этом я согласна с М. Хабдуллиной, которая высказала мнение о том, что курган в археологической профессиональной среде известен как «Иссык» и не стоит это положение вещей менять).

У книги-альбома – замечательный дизайн. Публикация фотографий позволяет рассмотреть в подробностях все подлинные детали костюма «Золотого человека». Замечательно и то, что обозначено «право владения» (на момент фотосъемки) на коллекцию Государственным музеем золота и драгоценных металлов РК.

Хотя данное издание не снимает актуальности переиздания теперь уже классического произведения в области археологических исследований в Казахстане – книги К.А. Акишева «Курган Иссык», можно сказать – благодаря «Есік. Иссык. Esik», многие «мифы» становятся реальной историей. В этом, наверное, и есть решение задачи научных исследований и публикаций их результатов. Хотя данное издание не снимает актуальности переиздания теперь уже классического произведения в области археологических исследований в Казахстане – книги К.А. Акишева «Курган Иссык», можно сказать – благодаря «Есік. Иссык. Esik», многие «мифы» становятся реальной историей. В этом, наверное, и есть решение задачи научных исследований и публикаций их результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гнедовский М.Б. Роль сюжета в структуре музейной коммуникации: новые тенденции в европейском музейном деле. Доклад представлен на VIII Красноярской музейной биеннале, г. Красноярск, 15.04.2010 г.

2. Файзуллина Г.Ш. Музейное и внемузейное пространство археологического предмета // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы / Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК (Алматы, 12–15 декабря 2011 г.). Т. 3. / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 306–312.

Информация об авторе:

Файзуллина Галия Шаукетовна, кандидат исторических наук, Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык» (Есик, Алматы, Казахстан); galiaf2@yandex.ru

**BOOK REVIEW: G.S. JUMABEKOVA, G.A. BAZARBAYEVA, A. ONGAR.
ЕСИК. YESYK. ESIK. ALMATY, 2011. 200 P.**

G.Sh. Faizullina

The review gives a positive assessment to a publication dedicated to the history of the study of an outstanding discovery of 20th century Kazakhstan archaeology which became a world cultural asset – Issyk burial mound. The reviewed book provides a comprehensive characteristic of the site, which was studied by a group of specialists from Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology headed by K. A. Akishev. The narrative style of the authors is organically complemented by rare black-and-white and colour photographs taken by a professional photographer. The book presents a logical sequence of events since the discovery of the site in the last century until its museumification, which has become possible in our time.

Keywords: archaeology, Issyk burial mound, ‘Golden man’, K. A. Akishev, world of things, museum, album.

REFERENCES

1. Gnedovskii, M. B. 2010. *Rol' siuzheta v strukture muzeinoi kommunikatsii: novye tendentsii v evropeiskom muzeinom dele (Role of the Plot in the Structure of Museum Communication: New Trends in European Museum Business)*. Doklad predstavlen na VIII Krasnoiarskoi muzeinoi biennale, g. Krasnoiarsk, 15.04.2010 g. (The paper was presented at the Museum's biennial in Krasnoyarsk, 15.04.2010 (in Russian).

2. Faizullina, G. Sh. 2011. In Baitanaev B.A. (ed.). *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archaeology of Kazakhstan in the Period of Independence: Results, Perspectives)* 3. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, 306–312 (in Russian).

About the Author:

Faizullina Galiya Sh. Candidate of Historical Sciences. State historical reserve-museum "Issyk" (Esik, Almaty, Kazakhstan); galiaf2@yandex.ru

Статья поступила в номер 14.09.2017 г.

Хроника

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.331.336>

О РАБОТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА «МОНИТОРИНГ ОБЪЕКТОВ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН СНГ»

© 2017 г. Н.Л. Айтуганова, Р.М. Валеев,
А.Г. Ситдииков, Р.Р. Хайрутдинов

В статье представлены результаты Международного семинара «Мониторинг объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО: опыт Российской Федерации и стран СНГ», состоявшегося 27–28 апреля 2017 г. на базе Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Участниками семинара стали более 40 представителей объектов Всемирного наследия, научно-исследовательских институтов, представителей национальных агентств по сохранению культурного Всемирного наследия и экспертов ИКОМОС из России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Международный семинар стал профессиональной дискуссионной площадкой для обмена опытом в сферах мониторинга объектов культурного Всемирного наследия ЮНЕСКО и памятников предварительного списка; мониторинга состояния сохранности Болгарского историко-археологического комплекса и других объектов культурного наследия на территории Республики Татарстан; подготовки к включению новых объектов в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Завершающим этапом семинара стало создание Ассоциации экспертов Всемирного наследия СНГ и Восточной Европы.

Ключевые слова: археология, всемирное наследие ЮНЕСКО, Всемирное культурное наследие СНГ, мониторинг, Болгарский историко-археологический комплекс.

С 27 по 28 апреля 2017 года на базе Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника состоялся Международный семинар «Мониторинг объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО: опыт Российской Федерации и стран СНГ».

Организаторами семинара выступили Ресурсный центр «Всемирное культурное наследие» Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Научно-исследователь-

ский университет «Высшая школа экономики», Казанский государственный институт культуры. Мероприятие было проведено при поддержке Министерства культуры Республики Татарстан, Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан, Спасского муниципального района Республики Татарстан и Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника при содействии Министерства культуры Российской Федерации, Национального комитета Международного совета по охране памятников и досто-

примечательных мест (ИКОМОС) и Российского исторического общества.

Участниками семинара стало более 40 представителей объектов Всемирного наследия; объектов, включенных в Предварительные национальные списки потенциальных объектов Всемирного наследия; национальных агентств по сохранению культурного Всемирного наследия; научно-исследовательских институтов и экспертов ИКОМОС из России, Армении, Греции, Казахстана, Киргизии и Таджикистана.

Мониторинг состояния объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в настоящее время становится одним из ключевых инструментов сохранения выдающейся универсальной ценности (ВУЦ) и оценки качества системы управления (Voccardi, 2004). В системе Всемирного наследия ЮНЕСКО мониторинг является важной составляющей процессов номинирования объектов природного и культурного наследия на включение в список Всемирного наследия ЮНЕСКО; подготовки ежегодных отчетов о состоянии сохранности объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО; подготовки периодического отчета о выполнении Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия (Selfslagh, 2004). В связи с отсутствием общепринятых стандартов к данной процедуре, практика проведения мониторинга различается как на уровне стран-участниц, так и на уровне отдельных объектов Всемирного наследия (UNESCO, 2012; UNESCO, 2014).

В связи с этим целью проведения семинара стало создание дискуссионной площадки для обмена опытом и выявления наиболее эффективных подходов, механизмов и инструмен-

тов мониторинга сохранности объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО стран СНГ и Восточной Европы.

Программа семинара включала в себя пленарную и панельные сессии. В рамках пленарной сессии были представлены следующие доклады:

– Мониторинг объектов Всемирного культурного наследия: проблемы, вызовы, перспективы» (Алкивиадис Препис, Греция);

– Опыт участия Российской Федерации в Периодической отчетности ЮНЕСКО о состоянии объектов Всемирного культурного наследия (Максаковский Н.В., Россия);

– О состоянии объектов Всемирного наследия в Республике Казахстан: проблемы и перспективы (Касеналин А.Е., Казахстан);

– Состояние культурного наследия в Российской Федерации и разработка государственной стратегии его использования (Шульгин П.М. и Штеле О.Е., Россия);

– Реализация руководящих принципов ЮНЕСКО и ИКОМОС по мониторингу объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Республике Татарстан (Валеев Р.М., Хайрутдинов Р.Р., Ситдииков А.Г. и Айтуганова Н.Л.).

Работа панельных сессий была разделена на следующие тематические блоки:

«Опыт мониторинга объектов культурного наследия ЮНЕСКО и памятников предварительного списка Российской Федерации, стран СНГ и дальнего зарубежья». В рамках данной сессии были представлены доклады, посвященные опыту мониторинга объектов Всемирного наследия Киргизии (Иманкулов Д.Д., Киргизия); мониторинга состояния стено-

Участники международного семинара «Мониторинг объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО: опыт Российской Федерации и стран СНГ».

Participants of the International Workshop on World Heritage Monitoring in Russian Federation and Post-Soviet Countries

писи Ферапонтова собора (Шаромазов М.Н., Россия); проекту сохранения и реставрации западной застройки Антониева монастыря (Хорошевская В.В., Россия); состоянию сохранности Храма Звартноц (Погетова Г.Л., Армения); опыту мониторинга объекта археологического наследия «Городище Танаис» (Перевозчиков В.И., Россия); опыту мониторинга Нижнетагильского музея-заповедника (Меркушева Э.Р., Россия).

«Мониторинг состояния сохранности Болгарского историко-археологического комплекса и других объектов культурного наследия Республики Татарстан». С докладами выступили Валеев Р.М. (доклад «Мониторинг объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО на территории Республики Татарстан»,

Ситдиков А.Г. (доклад «Мониторинг археологического наследия в буферной зоне Болгарского историко-археологического комплекса») и Зиганшин И.И. (доклад «Методология номинирования туристско-рекреационной нагрузки на объекты природного наследия»).

«Подготовка к включению новых объектов в список Всемирного наследия ЮНЕСКО». В рамках данной сессии были представлены доклады, посвященные проблемам номинирования объектов культурного наследия Таджикистана (Мукимова С.Р., Таджикистан); трансграничного серийного объекта культурного наследия «Шелковый путь» на территории Российской Федерации (Хайрутдинов Р.Р., Россия); городища Двин (Пилипосян А.С., Армения); Нижнета-

гильского индустриального ландшафта (Кузовкова М.В., Россия).

В завершение семинара состоялась презентация рекомендаций по сохранению Выдающейся универсальной ценности исторических городов – объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО при планировании и реализации новых проектов застройки. Рекомендации были разработаны экспертом ИКОМОС, доктором архитектуры, профессором университета Аристотеля (Греция) Алкивиадисом Преписом с учетом специфики проблем сохранения и управления объектами Всемирного наследия в странах СНГ и Восточной Европы.

На основе результатов пленарных и панельных дискуссий была принята резолюция международного семинара «Мониторинг объектов Всемирного наследия: опыт Российской Федерации и стран СНГ» о создании Ассоциации экспертов Всемирного наследия СНГ и Восточной Европы на базе Ресурсного центра «Всемирное культурное наследие» Института

международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета.

Материалы семинара будут опубликованы в течение года в совместном научном журнале Казанского (Приволжского) федерального университета и Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» «Наследие и современность».

Международный семинар «Мониторинг объектов Всемирного наследия: опыт Российской Федерации и стран СНГ» стал первым мероприятием в серии международных воркшопов и семинаров, разработанных Ресурсным центром «Всемирное культурное наследие» для специалистов, работающих в сфере Всемирного наследия в Российской Федерации, странах СНГ и Восточной Европы. Следующее мероприятие, посвященное проблемам буферных зон объектов Всемирного культурного наследия, планируется провести в мае 2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Boccardi, G (2004). Improving Monitoring for World Heritage Conservation. In H. Stove, ed., *Monitoring World Heritage*. Paris: UNESCO.
2. Selfslagh, B. (2002). Monitoring World Heritage: A View from a World Heiritage Committee Delegate. In H. Stove, ed., *Monitoring World Heritage*. Paris: UNESCO.
3. UNESCO (2012). Final report on the results of the second cycle of the Periodic Reporting exercise for Asia and the Pacific. Paris: UNESCO (Online). Available at: <http://whc.unesco.org/archive/2012/whc12-36com-10A-en.pdf> (Accessed May 31, 2017).
4. UNESCO (2014). Final Report on the Results of the Second Cycle of the Periodic Reporting Exercise for the Europe Region and Action Plan. Paris: UNESCO (Online). Available at: <http://whc.unesco.org/archive/2015/whc15-39COM-10A-en.pdf> (Accessed May 31, 2017).

Информация об авторах:

Айтуганова Наргиз Ляисовна, ответственный секретарь, Ресурсный центр «Всемирное культурное наследие», Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); nargissaituganova@yandex.ru

Валеев Рафаэль Миргасимович, доктор исторических наук, вице-президент национального комитета Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС); руководитель центра «Всемирное культурное наследие»

Казанский (Приволжский) федеральный университет; проректор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); valeev_rm@inbox.ru

Ситдигов Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Хайрутдинов Рамиль Равилович, кандидат исторических наук, директор, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет; зам. директора, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ramilh64@mail.ru

ACTIVITY OF THE INTERNATIONAL WORKSHOP ON UNESCO WORLD HERITAGE MONITORING IN THE RUSSIAN FEDERATION AND CIS COUNTRIES

N.L. Aituganova, R.M. Valeev, A.G. Sitdikov, R.R. Khayrutdinov

The article features the results of the International Workshop on UNESCO World Heritage Monitoring in the Russian Federation and the CIS Countries held on April 27th – 28th, 2017 at the premises of the Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve. The workshop was attended by over 40 representatives of World Heritage sites, research institutes, national agencies for the preservation of the World Cultural Heritage and ICOMOS experts from Russia, CIS countries and abroad. The international workshop has become a professional discussion platform for the exchange of experience in the field of monitoring of UNESCO World Heritage sites and the monuments from the preliminary list; monitoring of the condition of Bolgar Historical and Archaeological Complex and other cultural heritage sites in the territory of the Republic of Tatarstan; preparation for the inclusion of new sites in the UNESCO World Heritage List. The final stage of the workshop was the establishment of the Association of World Heritage Experts of the CIS and Eastern Europe.

Keywords: archaeology, UNESCO World Heritage, World Cultural Heritage of the CIS, monitoring, Bolgar Historical and Archaeological Complex.

REFERENCES

1. Boccardi, G. 2004. In Stove, H. (ed.). *Monitoring World Heritage*. Paris: UNESCO.
2. Selfslagh, B. 2002. In H. Stove (ed.). *Monitoring World Heritage*. Paris: UNESCO.
3. UNESCO 2012. *Final report on the results of the second cycle of the Periodic Reporting exercise for Asia and the Pacific*. Paris: UNESCO (Online). Available at: <http://whc.unesco.org/archive/2012/whc12-36com-10A-en.pdf> (Accessed May 31, 2017).
4. UNESCO 2014. *Final Report on the Results of the Second Cycle of the Periodic Reporting Exercise for the Europe Region and Action Plan*. Paris: UNESCO (Online). Available at: <http://whc.unesco.org/archive/2015/whc15-39COM-10A-en.pdf> (Accessed May 31, 2017).

About the Authors:

Aituganova Nargiz L. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; nargissaituganova@yandex.ru

Valeev Rafael M. Doctor of Historical Sciences. Vice-President of the National Council of ICOMOS. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation. Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; valeev_rm@inbox.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str.,

30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Khayrutdinov Ramil R. Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ramilh64@mail.ru

Статья поступила в номер 20.07.2017 г.

К ЮБИЛЕЮ СВЕТЛАНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ЕФИМОВОЙ**© 2017 г. М.М. Герасимова, Д.В. Пежемский**

Статья посвящена юбилею Светланы Григорьевны Ефимовой – известного российского краниолога, специалиста по физической антропологии древних и современных народов Волго-Уральского региона. Перечислены основные вехи биографии исследовательницы, важные события ее творческого пути, большая часть которых связана с Научно-исследовательским Институтом и Музеем антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Проведен анализ научных трудов С.Г. Ефимовой, в первую очередь охарактеризованы ее работы по краниологии средневекового населения Волжской Булгарии. Обращено внимание на фундаментальные разработки юбиляра по краниологии народов Европы и особенно – Русской равнины, на методические инновации в области краниофенетики и биометрии, содержащиеся в ее публикациях.

Ключевые слова: физическая антропология, краниология, этническая история Волго-Уральского региона, С.Г. Ефимова.

Летом этого года, когда большинство из нас находилось в отпуске или в экспедициях, Светлана Григорьевна Ефимова – выдающийся палеоантрополог нашей страны и крупнейший специалист по краниологии древнего населения Поволжья и Приуралья – отметила свой славный юбилей. Мы с удовольствием поздравляем Светлану Григорьевну с ее замечательным праздником и желаем ей дальнейшей реализации научных замыслов и еще

долгого служения науке, которую она выбрала делом своей жизни.

При всей своей скромности, Светлана Григорьевна Ефимова – личность незаурядная, сказавшая свое веское слово не только в палеоантропологии Волго-Уралья, но и в исследовании физического типа древних народов Восточной Европы эпох раннего железа и средневековья в целом. Не говоря уже о ее фундаментальных разработках по биологической истории

населения всей Европы за прошедшие полторы тысячи лет.

Будучи старшим научным сотрудником НИИ и Музея антропологии МГУ, она является носителем лучших традиций московской антропологической школы. Вся творческая жизнь Светланы Григорьевны, отданная *Alma mater*, – пример верного служения идеалам высокой науки, безупречного профессионализма и активной гражданской позиции. Ее публикации отличаются точностью поставленных задач, обоснованностью применяемых методов, блестящим анализом и четкостью выводов, что в последние десятилетия на нашем научном ландшафте обнаруживается редко, особенно в условиях информационного бума и повального увлечения многомерной статистикой, чаще всего применяемой неадекватно. Широта научных интересов Светланы Григорьевны очень велика, у нас нет возможности охарактеризовать их сколько-нибудь полно. В этом очерке мы позволили себе затронуть лишь некоторые работы С.Г. Ефимовой и надеемся, что это поможет нашей научной молодежи найти баланс между формализованными результатами статистических анализов и их биологической и исторической интерпретацией.

Светлана Григорьевна Ефимова родилась 5 июня 1947 г. в г. Бялограде (немецкий г. Бельгард, после Войны вошел в состав Польши). Отец ее, Григорий Степанович Ефимов, прошедший и Финскую, и Великую Отечественную, воевавший с 18-ти лет, закончил войну старшим лейтенантом. С Марией Тимофеевной, певицей и красавицей, он познакомился в конце войны в госпитале, где будущая мать Светланы Григорьевны работала

медсестрой. У обоих было тяжелое детство, оба прошли фронт и позднее получили высшее образование, которое очень ценили, воспитывая дочь соответствующим образом. Отец преподавал физическое воспитание в педагогическом вузе, а Мария Тимофеевна – немецкий язык в техникуме.

После демобилизации отца семья перебралась в г. Ставрополь, где с 1948 по 1966 г. Светлана Григорьевна жила вместе с родителями и окончила школу с золотой медалью. По окончании средней школы она поехала в Москву и, несмотря на очень большой конкурс, поступила на биолого-почвенный факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Здесь Светлана Григорьевна и выбрала для себя физическую антропологию в качестве профессии. Определяющую роль в этом выборе сыграл один из крупнейших ее представителей, заведующий кафедрой антропологии Яков Яковлевич Рогинский. Обаяние личности профессора, его острый ум и манера общаться со студентами с огромной теплотой вспоминаются Светланой Григорьевной и сейчас, спустя полвека.

Первый полевой сезон юбиляра прошел в 1968 г. в Пермском крае, где под руководством Отто Николаевича Бадера – одного из крупнейших археологов страны, увлеченного полевика и хорошего рассказчика – она участвовала в раскопках верхнепалеолитических пещерных стоянок. Следующие два полевых сезона были связаны с изучением популяционной генетики современного населения. Безусловно, молодой пылкий ум привлекала генетика, только-только возродившаяся на биологическом факультете ко вре-

мени обучения Светланы Григорьевны. В это время на кафедре антропологии преподавал молодой тогда и очень талантливый исследователь – Юрий Григорьевич Рычков, который активно занимался изучением генетико-автоматических процессов в изолированных популяциях Памира, Дагестана, а также много работал в Сибири. Под его руководством Светлана Григорьевна работала в 1969 г. на Кольском полуострове, где изучались саамы, а в 1970 г. – на Чукотке, где исследовались эскимосы и чукчи. Экспедиции были очень тяжелыми – не столько физически, сколько, скорее, морально. У начальника экспедиций был своеобразный характер, он был не всегда справедлив и внимателен к молодым участникам полевых работ, что и отвергло Светлану Григорьевну от антропогенетики (на радость палеоантропологам). Однако ученичество у Ю.Г. Рычкова сыграло большую роль в ее становлении как исследователя, вылилось в изучение такой интереснейшей популяционно-генетической системы, как дискретно-варьирующие признаки черепа, в первую очередь, опробованной на сериях ископаемых черепов из Биляра и Болгара.

В палеоантропологии наставником и научным руководителем Светланы Григорьевны стала Мария Степановна Акимова – человек добрый, внимательный, высокопрофессиональный и очень требовательный, знаковая фигура в антропологии древних и современных народов Волго-Уральского региона. Под ее руководством С.Г. Ефимова написала и защитила дипломную работу на тему «Средневековое население Биляра», материал для которой был частично предло-

жен самой М.С. Акимовой. В 1971 г. Светлана Григорьевна поступает в аспирантуру кафедры антропологии биологического факультета МГУ. К глубокому сожалению, ее научный руководитель – М.С. Акимова – скоропостижно скончалась в конце этого года и С.Г. Ефимова продолжила свои исследования палеоантропологических материалов из Биляра самостоятельно. Аспирантуру она окончила в 1974 г. уже под руководством Татьяны Ивановны Алексеевой – очень яркого, выдающегося антрополога, тоже начинавшего научную карьеру с палеоантропологии Поволжья.

В 1972 г. С.Г. Ефимова участвует в раскопках некрополей средневекового Биляра как антрополог. Исследования проводились под руководством Альфреда Хасановича Халикова, знакомство с которым сыграло значительную роль в кристаллизации ранних научных интересов Светланы Григорьевны, коими стали палеоантропология Волжской Булгарии, истоки происхождения физических черт ее населения, антропологическое разнообразие бассейна Средней Волги в целом. В 1974 г. появляется первая публикация С.Г. Ефимовой о билярской краниологической серии. Вторая – в 1976 г. в коллективной монографии «Исследования Великого города», в основу которой легли материалы из раскопок Билярского городища в 1967–1974 гг. В ходе анализа краниометрических данных выводы, сделанные на основе эмпирического сравнения средних величин признаков и применения графического метода полигонов, подтверждались, кроме прочего, и математически. Светланой Григорьевной был применен новый, только получивший распростране-

С.Г. Ефимова на раскопках
Биляра, 1972 г.

S.G. Efimova at the excavations
of Bilyar, 1972.

ние в отечественной антропологии метод суммарного сопоставления групп по Л. Пенроузу. В этой работе С.Г. Ефимова показала себя сильным биометриком, в плеяду которых она, безусловно, входит и поныне. Наряду с метрическими характеристиками ею были изучены и дискретно-варьирующие признаки черепов из Биляра – так называемые «анатомические аномалии». Здесь проявилась присущая, как показали последующие работы Светланы Григорьевны, заинтересованность в новых методических разработках, и дело было не только в применении редко используемой методики, но и в том, что ею была составлена фактически авторская программа этих признаков.

В нашей стране изучение дискретно-варьирующих признаков черепа связано с именами Д.Н. Анучина и В.В. Бунака, однако в 1920-е гг. это важнейшее направление исследований прервалось. В конце 1960-х – начале 1970-х гг., после длительного перерыва, эта система признаков начала возрождаться в нашей стране усилиями Ю.Г. Рычкова. Среди его соратников (Н.Н. Мамонова) и ближайших учеников (А.А. Мовсесян, И.В. Первозчиков), также изучавших частоты дискретно-варьирующих признаков в разных древних и современных популяциях, была и С.Г. Ефимова.

Хотелось бы упомянуть публикацию 1981 г., которую С.Г. Ефимова назвала «К краниологии раннего же-

лезного века Волго-Камья». В этой небольшой статье анализировались краниологические серии, относящиеся к ананьинской культуре VIII–VI вв. до н. э. Археологические данные противоречиво освещали вопрос о происхождении населения этой культуры – речь шла либо об автохтонном его происхождении, либо об участии в сложении культуры западносибирского населения. Изученные С.Г. Ефимовой краниологические данные и проведенный межгрупповой анализ не отрицали притока на территорию Прикамья монголоидных групп в раннеананьинское время, однако оказалось, что черепа более позднего времени (пьяноборской и карабызской культур) имели европеоидный облик и не позволяли переоценить влияние пришлых групп на формирование антропологических особенностей населения Волго-Камья рубежа эр.

Заслуживает большого внимания и статья «Краниология городского населения Волжской Болгарии (по материалам Билярских некрополей)», опубликованная С.Г. Ефимовой в 1983 г. Эта работа запомнилась специалистам исчерпывающим внутригрупповым анализом краниологической серии – ее автор приводит результаты первичной статистической обработки цифрового материала, графики эмпирического распределения ведущих краниологических признаков, коэффициенты их корреляции. Завышенные величины показателей изменчивости, нарушение биологических связей между признаками и двувершинность распределения их значений свидетельствовали о том, что в серии мужских черепов из Биляра объективно присутствуют два разных кранио-

логических типа. Кроме группировки черепов по хронологическому принципу автор использовал группировку индивидуальных данных статистическими методами (U(p2)-группировка, внутригрупповой кластерный анализ). Выделенные таким образом в билярской серии два основных морфологических компонента анализировались С.Г. Ефимовой позднее в рамках более широкой проблемы антропологического состава средневекового населения Волжской Болгарии. Мы же обратили внимание на эту работу как на идеальное пособие по внутригрупповому анализу серии методами описательной статистики, о которой большинство современных исследователей или позабыло, или намеренно игнорирует ее из-за отсутствия морфологического чутья и неумения работать с первичным цифровым материалом.

Следует подчеркнуть вклад С.Г. Ефимовой в изучение именно средневекового населения Волжской Болгарии, культурогенетический импульс которой заложил основу формирования тюркоязычного населения Поволжья и Приуралья, и прежде всего – татарского народа. В 1983 г. на специализированном Ученом совете при МГУ имени М.В. Ломоносова С.Г. Ефимова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук по специальности 03.00.14 «Антропология» (под руководством Т.И. Алексеевой). Темой диссертационной работы была «Антропология древнего населения Волжской Болгарии». Большая ее часть вошла позднее в состав монографического исследования С.Г. Ефимовой «Палеоантропология Поволжья и Приуралья», увидевше-

го свет в самое нелегкое время – в 1991 г. Эта небольшая книжка стала большим событием в отечественной палеоантропологии конца XX века. Мало того что она наполнена огромным количеством фактического материала и в известной мере подводит итоги определенного этапа палеоантропологического изучения огромного региона Восточной Европы, она содержит ценные рекомендации по методике анализа палеоантропологических данных, а также единственную опубликованную стандартную корреляционную матрицу для ряда важнейших краниометрических признаков. Спустя более четверти века эти наработки С.Г. Ефимовой не утратили своей ценности.

Начиная с 1990-х гг. проблемы расогенеза на территории Европы и вопросы этногенеза ее народов занимают в творчестве С.Г. Ефимовой особое место. Этой проблематике посвящен целый ряд ее работ. Каждый раз Светланой Григорьевной анализировался огромный массив данных. Он представлен двумя хронологическими срезами – V–IX и X–XV вв. К анализу в основном привлекаются не объединенные или сборные серии, а локальные выборки из отдельных могильников или компактно расположенных синхронных памятников. Первый хронологический срез, как известно, характеризовался интенсивными глобальными миграционными процессами, изменившими политическую и этнокультурную карту Европы. С.Г. Ефимова при помощи многомерной обработки данных и антропологических карт убедительно показала, что у мигрантного населения раннего средневековья сохранялись антропологические комплексы, характерные

для территорий их формирования. Эпоха развитого средневековья дала самые разнообразные примеры дальнейших судеб мигрантного населения. Кроме того был проделан анализ массива славянских серий (150 локальных выборок) с территории расселения восточных, западных и южных славян. Как показывают графики и антропологические карты, преобладающая часть восточнославянских серий расположена вне ареала изменчивости южных и западных славян. Проведенное С.Г. Ефимовой исследование отразило значение географического фактора как одного из ведущих в процессе формирования антропологических особенностей восточных славян.

Не менее значимы работы С.Г. Ефимовой и в области палеоантропологии Восточной Европы эпохи раннего железа и позднеримского времени. В частности – о соотношении лесостепных и степных групп населения Европейской Скифии, о существовании преемственности между сарматским населением Южного Приуралья и населением ему предшествующим. В общем виде – о влиянии миграционных процессов на формирование антропологических особенностей населения и его состав в определенные этапы истории.

Публикации Светланы Григорьевны показывают удивительные примеры гармоничного сочетания методов многомерной статистики с эмпирическим морфологическим анализом, со статистическими одномерными данными, с применением географического метода для представления картины конкретного краниологического разнообразия более наглядно. К слову сказать, в отечественной антропологии Светлана Григорьевна является, к

сожалению, единственным современным специалистом, широко использующим географический метод в своих работах.

Нельзя обойти вниманием 25-летнюю работу С.Г. Ефимовой в должности хранителя огромных краниологических и остеологических коллекций Института и Музея антропологии МГУ – работу тяжелую и морально, и физически, требующую эрудиции не только в области палеоантропологии, но и в области археологии самых разных регионов и эпох, в истории науки, блестящего знания географии. Результатом этой работы стала публикация в 1986 г. каталога палеоантропологических коллекций МГУ, подготовленная под руководством Т.И. Алексеевой и при участии Р.Б. Эренбург.

Следует отметить гражданскую позицию Светланы Григорьевны. Мы имеем в виду коллективное письмо «Рецидивы шовинизма и расовой нетерпимости», опубликованное в 2003 г. в журнале «Природа» и подписанное целым рядом крупных отечественных антропологов. Текст этого письма,

направленного против лженаучных теорий В.Б. Авдеева, пропагандирующего несуществующую науку «расологию», подготовлен и распространен исключительно Светланой Григорьевной. Пожалуй, это единственный случай публичного выступления антропологов-биологов по животрепещущим проблемам современности.

Кроме того, Светлана Григорьевна увлеченно работает в области истории физической антропологии нашей страны, даря своим коллегам прекрасные, интереснейшие доклады и очерки о жизни и творчестве отцов-основателей антропологии в России (А.П. Богданове, Н.Н. Миклухо-Маклае), о наших учителях (В.В. Бунаке, Я.Я. Рогинском).

Оканчивая наш очерк о Светлане Григорьевне Ефимовой, мы хотим еще раз поздравить нашего юбиляра с замечательной датой, пожелать ей здоровья, благополучия, хорошего настроения, творческих успехов и новых интересных исследований, в которых так заинтересованы ее друзья и коллеги.

Будьте счастливы, дорогая Светлана Григорьевна!

Информация об авторах:

Герасимова Маргарита Михайловна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); gerasimova.margarita@gmail.com

Пежемский Денис Валерьевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия), старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); pezhemsky@yandex.ru

TO ANNIVERSARY OF SVETLANA G. EFIMOVA

M.M. Gerasimova, D.V. Pezhemsky

The article is devoted to anniversary of Svetlana G. Efimova – the famous Russian craniologist, an expert on the physical anthropology of ancient and modern population of the Volga-Ural region. The authors present the milestones of the biography of the researcher, the important events of her scientific career, most of which are associated with the Anuchin Institute and Museum of Anthropology (Lomonosov Moscow State University). The authors

also analyze the scientific works of Svetlana G. Efimova, primarily characterized by her articles on the craniology of the medieval population of Volga Bulgaria. Attention is drawn to her fundamental treatises on the craniology of the Europepeoples and especially – peoples of Russian plains, on methodological innovations in the field of craniophenetics and biometrics, contained in her publications.

Keywords: physical anthropology, craniology, Volga-Ural region ethnic history, S.G. Efimova.

About the Authors:

Gerasimova Margarita M. Candidate of Historical Sciences. Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maklay (IEA), Russian Academy of Sciences. Leninsky Ave., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation; gerasimova.margarita@gmail.com

Pezhensky Denis V. Candidate of Biological Sciences. Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pezhensky@yandex.ru

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ С.Г. ЕФИМОВОЙ

МОНОГРАФИИ

1. Алексеева Т.И., Ефимова С.Г., Эренбург Р.Б. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1986. 224 с.
2. Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 95 с.
3. Восточные славяне. Антропология и этническая история /Отв. ред. Т.И. Алексеева. Коллективная монография. М.: Научный мир, 1999. 336 с.
4. Ефимова С.Г., Балахонова Е.И., Булочникова Е.В. Ученые и собиратели Антропологического музея. М.: Параллели, 2015. 118 с.

СТАТЬИ

5. Краниологические материалы домонгольского времени из Биляра – города Волжской Булгарии // Вопросы антропологии. Вып. 48. 1974. С. 169–179.
6. Антропологические материалы из Билярских некрополей // Исследование Великого города. М.: Наука, 1976. С. 169–185.
7. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // Вопросы антропологии. Вып. 67. 1981. С. 64–73.
8. Относно антропологичния состав на населението на Волжская Болгария // Интердисциплинарни изследвания. Т. VII–VIII. София, 1981. С. 7–18 (в соавторстве с Цв. Минковым).
9. Краниология городского населения Волжской Булгарии (по материалам Билярских некрополей) // Вопросы антропологии. Вып. 72. 1983. С. 102–111.
10. Средневековые кочевники Южного Урала по данным антропологии // Сравнительная антропология башкирского народа. Уфа, 1990. С. 98–106.
11. Формирование антропологического состава населения Биляра // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991. С. 117–130.
12. Болгарский компонент в антропологическом составе населения салтово-маяцкой культуры Подонья // Вопросы антропологии. Вып. 87. 1993. С. 66–79 (в соавторстве с Т.С. Кондукторовой).

13. Этно-территориальная изменчивость краниологических комплексов восточно-европейского населения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Т. I. М.: Старый сад, 1998. С. 14–37.
14. Краниология финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: территориальная изменчивость и ретроспективный анализ // Вопросы антропологии. Вып. 90. 2000. С. 127–140.
15. Население средневековой Европы: соотношение антропологических и этнокультурных общностей // На путях биологической истории человечества. Т. I. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 157–178.
16. Краниология населения Европы в контексте пространства и времени // Антропология на пороге III тысячелетия. Т. I. М., 2003. С. 202–218.
17. Опыт построения антропологической карты средневековой Европы // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 185–190.
18. Краниология чувашей как исторический источник // Чуваша: актуальные аспекты антропологии. Чебоксары, 2004. С. 59–80.
19. Влияние миграционных процессов на формирование антропологического состава средневекового населения юга Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк, 2005. С. 41–54.
20. Ранние кочевники степей Южного Приуралья // Вопросы антропологии. Вып. 92. 2005. С. 260–270.
21. Антропологические аспекты в изучении проблемы перехода от мезолита к неолиту в Европе // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР, № 13. М.: ТАУС, 2010. С. 448–458.

Статья поступила в номер 11.10.2017 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
АДУ – Археологічні дослідження в Україні.
АЕС – Археология Евразийских степей
АКИО – ананьинская культурно-историческая область
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
БГИАПМЗ – Билярский государственный историко–археологический
и природный музей–заповедник
БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения
Российской академии наук
БФАН СССР – Башкирский филиал Академии Наук СССР
ВИА – Всеобщая история архитектуры, М.-Л.
ВНОТ – Вестник научного общества татароведения
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и
культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИИ РТ – Государственный музей изобразительных искусств Ре-
спублики Татарстан
ГУП – Государственное унитарное предприятие
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДА – Донская археология
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук
Республики Татарстан
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии Академии наук СССР/Рос-
сийской академии наук
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского от-
деления Российской Академии наук
ИИ АН РТ – Институт истории Академии наук Республики Татарстан
ИИАК – Известия Императорской археологической комиссии
ИИАП – Институт истории и археологии Поволжья
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской
академии наук
ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова
КФАН СССР
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
КП СМК — Книга поступлений Самарского музея краеведения.

- КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИА – Краткие сообщения института археологии, М.
 КСИИМК - Краткие сообщения института истории Материальной культуры, М.-Л
 КТК – культура текстильной керамики
 КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
 ЛОИА – Ленинградское отделение ИА АН СССР
 МА К(П)ФУ – Музей археологии Казанского (Поволжского) федерального университета
 МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-востока
 МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 МИАР – Материалы и исследования по археологии России
 МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
 МУП – Муниципальное унитарное предприятие
 НА РТ - Национальный архив Республики Татарстан
 НКАЭ – Нижнекамская археологическая экспедиция
 НКЦ – Национальный культурный центр
 НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
 НЦ РАН – Научный центр Российской Академии наук
 ОАК – Отчет Императорской ученой археологической комиссии.
 ОАН – объект археологического наследия
 ПБВ – поздний бронзовый век
 ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
 ПСЗРИ - Полное собрание законов Российской империи
 РА – Российская археология
 РГАДА - Российский государственный архив древних актов
 РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив
 РЖВ – ранний железный век
 РМЭ – Республика Марий Эл
 СА – Советская археология, М.
 САИ – Свод археологических источников. М.
 СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
 СГУ – Саратовский государственный университет
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа.
 СНЦРАН – Самарский научный центр Российской Академии наук
 СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
 СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СЭ – Советская этнография
СЭС – Среднеазиатский этнографический сборник
ТАС – Тверской археологический сборник
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТГУ – Тюменский государственный университет
ТИЭ – Труды Института этнографии
УАВ – Уфимский археологический вестник
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УроРАН – Уральское отделение Российской Академии наук
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЦИАИ – Центр исторических и археологических исследований
ЦЭИ – Центр этнографических исследований
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
экз. - экземпляр
ЮОО – Южный Олений остров
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет
BSS — Black Sea Studies. Aarhus.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 2017

Абдуллин Х.М. (г. Казань, Россия). Болгарский селитренный завод по историческим, архивным и картографическим материалам. № 4, 112

Авизова А.К. (Шымкент, Казахстан). см. Байпаков К.М.

Айтуганова Н.Л., Валеев Р.М., Ситдилов А.Г., Хайрутдинов Р.Р. (г. Казань, Россия). О работе международного семинара «Мониторинг объектов всемирного наследия Юнеско: опыт Российской Федерации и стран СНГ». № 4, 331

Акилбаев А.В. (Йошкар-Ола, Россия). Смена инвентаря в погребениях середины XI–XIII веков могильников Нижнего Поволжья. № 1, 298

Алешинская А.С. (Москва, Россия). см. Чижевский А.А.

Алтынбеков К., Досаева Д.К. (Астана, Казахстан). Опыт реконструкции «археологического» костюма. № 1, 157

Бадеев Д.Ю. (г. Москва, Россия). Улицы средневекового Болгара. № 4, 24

Байпаков К.М. (Алматы, Казахстан), Авизова А.К. (Шымкент, Казахстан). Тамгообразные знаки на керамике с памятников Отрарского оазиса доарабской эпохи. № 3, 155

Бахматова В.Н., Ситдилов А.Г. (Казань, Россия). Районы и места отбора исходного сырья в гончарном производстве Болгара: источники и проблемы идентификации (по материалам аналитических исследований). № 2, 255

Бахматова В.Н., Храмченкова Р.Х., Ситдилов А.Г. (г. Казань, Россия). Исследования керамики и источников глинистого сырья в керамическом производстве Среднего Поволжья XIII–XIV вв. № 4, 126

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С. (Алматы, Казахстан). О древнем ритуале порчи предметов, используемых в обряде погребения кочевников. № 2, 28

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. (Пермь, Россия). Древнерусские материалы в Пермском Предуралье X–XI вв. № 1, 284

Беляев А.В. (Казань, Россия). см. Набиуллин Н.Г.

Беляев А.В., Валиев Р.Р., Ситдилов А.Г. (Казань, Россия). VI научный семинар «Междисциплинарные археологические и естественнонаучные исследования памятников культурного наследия: Болгар и Свияжск». № 2, 344

Березина Н.С. (Чебоксары, Россия). Памятники финального палеолита и мезолита Чувашского Поволжья: к вопросу о культурной интерпретации. № 3, 190

Бернц В.А. (Ижевск, Россия). см. Голдина Р.Д.

Бернц В.А. (Ижевск, Россия). см. Голдина Р.Д.

Бочаров С.Г. (Симферополь, Россия). Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Чембальское. № 2, 204

Бочаров С.Г. (Симферополь, Россия). Средневековое селение Кавалари на Керченском полуострове. № 4, 81

Бугарчёв А.И. (г. Казань, Россия). О первых болгарских серебряных динарах XIII в. № 4, 165

Bugrov D.G., Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation). Antler Sleeves from the Neolithic Lake-Dwelling Sites of Switzerland (the “Swiss Collection” of the National Museum of Tatarstan Republic, Kazan). № 1, 26

Бугров Д.Г., Вязов Л.А., Ситдилов А.Г. (Казань, Россия). Всероссийская научная конференция «I Старостинские чтения». № 3, 351

- Бугров Д.Г., Вязов Л.А., Ситдиков А.Г. (Казань, Россия).** см. Бугров Д.Г.
- Бусова В.С. (Москва, Россия).** Текстиль из курганов скифского времени в долине реки Ээрбек (Центральная Тува). № 3, 318
- Валеев Р.М. (г. Казань, Россия).** см. Айтуганова Н.Л.
- Валеева-Сулейманова Г.Ф. (Казань, Россия).** см. Федотова Ю.В.
- Валиев Р.Р. (Казань, Россия).** см. Беляев А.В.
- Valiulina S.I., (Kazan, Russian Federation).** Khuzin F.Sh.
- Визгалова М.Ю. (Казань, Россия).** см. Федотова Ю.В.
- Вихляев В.И. (Саранск, Россия).** Могильники мордвы III–V вв. и проблема единства древней культуры. № 1, 205
- Выборнов А.А. (Самара, Россия).** Спорные вопросы изучения раннего неолита Марийского Поволжья. № 1, 38
- Вязов Л.А. (Казань, Россия).** см. Чижевский А.А.
- Вязов Л.А. (Казань, Россия).** см. Бугров Д.Г.
- Газизов Д.Г. (г. Нижнекамск, Россия).** см. Ермаков В.В.
- Газимзянов И.Р. (г. Казань, Россия).** см. Макарова Е.М.
- Гайнуллин И.И., Хомяков П.В., Ситдиков А.Г., Усманов Б.М. (Казань, Россия).** Качественная оценка состояния средневековых городищ Республики Татарстан по данным дистанционного зондирования. № 2, 303
- Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation).** см. Bugrov D.G. № 1,
- Галимова М.Ш. (Казань, Россия).** см. Карманов В.Н.
- Георгиев В.В. (г. Казань, Россия).** см. Насыртдинов Б.М.
- Герасимова М.М. (г. Москва, Россия).** Пежемский Д.В.
- Голдина Е.В., Черных Е.М. (Ижевск, Россия).** Бусы Дубровского могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование. № 1, 238
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия).** Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть II. № 1, 172
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия).** Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. № 2, 47
- Дергачева Л.В. (г. Кишинев, Республика Молдова).** см. Рябцева С.С.
- Джумабекова Г.С. (Алматы, Казахстан).** см. Бейсенов А.З.
- Доброва О.П. (г. Москва, Россия).** Бусы из погребений по обряду ингумации Гнёздовского могильника. № 4, 236
- Донина Л.Н., Сулова С.В. (г. Казань, Россия).** Техничко-технологические особенности казанско-татарской филигрании: Ретроспективный этно-археологический анализ. № 4, 222
- Досаева Д.К. (Астана, Казахстан).** см. Алтынбеков К. № 1,
- Дроздова Г.И. (Казань, Россия).** Участие казанских археологов в работе Марийской археологической экспедиции. № 3, 259
- Елкина И.И. (г. Москва, Россия).** Археологические текстильные находки XVII–XVIII вв. из слободы Новодевичьего монастыря в Москве. Атрибуция, реконструкция. № 4, 208
- Елкина И.И. (г. Москва, Россия).** см. Руденко К.А.
- Ермаков В.В. (г. Н.Челны, Россия), Набиуллин Н.Г. (г. Казань, Россия), Газизов Д.Г. (г. Нижнекамск, Россия), Салахатдинова Г.Т. (г. Нижнекамск, Рос-**

сия). К вопросу о локализации исторически известных объектов нового времени (на примере «Чалнинского Городка»). № 4, 99

Жабрева А.Э. (С.-Петербург, Россия). Особенности и перспективы библиографического учета публикаций по археологическому костюму и текстилю. № 4, 310

Жилина Н.В. (Москва, Россия). Сравнительный анализ хазарского и славяно-русского убора из украшений к костюму. № 2, 127

Житенев В.С. (Москва, Россия). Новое свидетельство использования серпентинитового сырья в Каповой пещере (Южный Урал). № 1, 18

Зайончковский Ю.В. (г. Харьков, Украина). см. Шапошник В.Г.

Зиливинская Э.Д. (г. Москва, Россия). Торговые постройки в городах востока и Золотой Орды. № 4, 46

Иванов В.А. (г. Уфа, Россия). Южное Предуралье в эпоху великого переселения народов – археолого-географический контекст. № 4, 8

Иванов В.А. (Уфа, Россия). Памятники эпохи раннего железного века - средневековья Южного Предуралья: источниковедческий контекст (лес и лесостепь). № 1, 130

Измайлова С.Ю. (Казань, Россия). Исследования А.Ф. Лихачева и начальный этап изучения первобытных древностей Казанского Поволжья. № 3, 8

Казаков Е.П. (Казань, Россия). К проблеме хронологии памятников меллятамакского культурного типа. № 3, 211

Казанцева О.А., Нагиев З.Ш. (Ижевск, Россия). Погребение тяжеловооруженного всадника в Кудашевском I могильнике. № 2, 73

Капленко Н.М. (Н.Челны, Россия). см. Чижевский А.А. № 1,

Капленко Н.М. (Н.Челны, Россия). см. Морозов В.В.

Каримов И.Р. (Казань, Россия). см. Ситдииков А.Г.

Карманов В.Н. (Сыктывкар, Россия), Галимова М.Ш. (Казань, Россия). Намеренная фрагментация кремнёвых изделий в неолите (по материалам стоянки Пезмогты 3А на Средней Вычегде, Республика Коми). № 3, 48

Королев А.И., Шалапинин А.А. (Самара, Россия). Поселение Лебяжинка VI – памятник эпохи энеолита в лесостепном Поволжье. № 1, 71

Кочанова М.Д. (Москва, Россия). см. Чижевский А.А.

Красноперов А.А., Черных Е.М. (Ижевск, Россия). Женский головной убор из Дубровского могильника IV–V вв. н. э. № 1, 216

Крыласова Н.Б. (Пермь, Россия). см. Белавин А.М.

Кузьминых С.В. (Москва, Россия). Марийская археологическая экспедиция: люди и судьбы. № 1, 327

Кузьминых С.В. (Москва, Россия). см. Чижевский А.А.

Кузьминых С.В. (Москва, Россия). «Хорошо, что из тысячи судеб ты смогла отыскать лишь свою»: К юбилею Н.А. Кокориной. № 2, 349

Куприянова Е.В. (Челябинск, Россия). Мелкие аксессуары головного убора женщины эпохи бронзы Южного Зауралья: методы исследования и реконструкции № 3, 272

Лифанов Н.А. (Самара, Россия). О происхождении образа драконов на пластине из Шиловского могильника. № 2, 91

Лукпанова Я.А. (Уральск, Казахстан). Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога. № 1, 145

Лыганов А.В. (Казань, Россия). см. Морозов В.В.

Лыганов А.В. (Казань, Россия). Коминтерновский курган № 1 луговской культуры в Приустьевом Закамье. № 3, 97

Лысенко С.Д. (Киев, Украина). см. Лысенко С.С.

Лысенко С.С., Лысенко С.Д. (Киев, Украина). Погребальные комплексы и клады как источники для реконструкции парадного убранства носителей комаровской культуры. № 3, 329

Лычагина, Е.Л. (Пермь, Россия). см. Митрошин Е.Н.

Макарова Е.М., Газимзянов И.Р. (г. Казань, Россия). Палеодемография Болгарского городища. № 4, 67

Маслюженко Д.Н. (г. Курган, Россия), Чорев М.М. (г. Нижневартовск, Россия). Новые находки серебряных монет золотоордынского времени на территории Курганской области. № 4, 175

Митрошин Е.Н., Лычагина, Е.Л. (Пермь, Россия), Цыгвинцева Т.А. (Ижевск, Россия), Поплевко Г.Н. (С.-Петербург, Россия). Комплексный анализ каменного инвентаря мезолитической стоянки Чашкинское Озеро XI. № 3, 26

Михеев А.В. (Йошкар-Ола, Россия). К методике определения границ территории объектов археологического наследия (на опыте работы МарАЭ). № 1, 311

Морозов В.В., Лыганов А.В. (Казань, Россия), Капленко Н.М. (Н.Челны, Россия). Поздненеолитический комплекс Гулюковской I стоянки в Нижнем Прикамье. № 3, 70

Мухамадеев А.Р. (Казань, Россия). Проблемы изучения и сохранения историко-археологических памятников Болгар на страницах печати начала 1920-х гг. № 2, 282

Набиуллин Н.Г. (г. Казань, Россия). см. Ермаков В.В.

Набиуллин Н.Г., Беляев А.В., Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М. (Казань, Россия). Чугунная посуда Джукетау: предварительные результаты междисциплинарных исследований. № 2, 236

Нагиев З.Ш. (Ижевск, Россия). см. Казанцева О.А.

Насыртдинов Б.М., Хасанов Д.И., Георгиев В.В. (г. Казань, Россия). Результаты детальных магниторазведочных исследований на территории Болгарского городища в 2012–2015 гг. № 4, 36

Никитин В.В. (Йошкар-Ола, Россия). На стыке двух тысячелетий (Марийской археологической экспедиции 60 лет). № 1, 8

Никитин В.В. (Йошкар-Ола, Россия). см. Никитина Т.Б.

Никитин В.В. (Йошкар-Ола, Россия). Итоги изучения каменного века в Марийском Поволжье. № 3, 168

Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия). Работы Марийской археологической экспедиции по изучению средневековых древностей Поветлужья. № 1, 272

Никитина Т.Б., Никитин В.В. (Йошкар-Ола, Россия). О работе межрегиональной научной конференции «Проблемы сохранения и популяризации археологического наследия». № 1, 357

Никитина Т.Б., Пузаткина Е.А. (Йошкар-Ола, Россия). Русенихинский могильник: междисциплинарный подход к изучению памятника. № 2, 187

Оруджов Э.И. (Казань, Россия). Система расселения носителей ананьинской культурно-исторической области в бассейне рек Вятка и Ветлуга. № 3, 117

Орфинская О.В. (Москва, Россия). Анализ кроя мужских кафтанов и женских платьев алан Северного Кавказа. № 2, 173

Останина Т.И. (Ижевск, Россия). Наборные пояса из Кузубаевского клада VII века. № 1, 257

Патрушев В.С. (Казань, Россия). «Текстильная» керамика Марийского Поволжья (по материалам раскопок поселений эпохи бронзы). № 1, 92

Пежемский Д.В., Герасимова М.М. (г. Москва, Россия). К юбилею Светланы Григорьевны Ефимовой. № 4, 337

Поплевко Г.Н. (С.-Петербург, Россия). см. Митрошин Е.Н.

Пузаткина Е.А. (Йошкар-Ола, Россия). см. Никитина Т.Б.

Руденко К.А. (г. Казань, Россия), Елкина И.И. (г. Москва, Россия). Ювелирные украшения из захоронений в южной части Болгарского городища (раскопы CLXXIV и CCXIV. раскопки 2012 и 2015 гг.). № 4, 258

Руденко К.А. (Казань, Россия). О хронологии восточного импорта в Волжскую Булгарию в X–XI вв. (по материалам торевтики). № 2, 157

Рябцева С.С., Дергачева Л.В. (г. Кишинев, Республика Молдова). К вопросу об этнокультурной принадлежности и датировке группы одежных застежек с территории Пруто-Днестровского междуречья. № 4, 190

Савельев Н.С. (Уфа, Россия). О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н.э. № 1, 114

Салахатдинова Г.Т. (г. Нижнекамск, Россия). см. Ермаков В.В.

Салова Ю.А. (Казань, Россия). см. Чижевский А.А.

Семыкин Ю.А. (Ульяновск, Россия). Проблемы сохранения и использования археологического наследия в Ульяновской области. № 2, 288

Синика В.С. (Тирасполь, Молдова). Новые находки предметов звериного стиля на левобережье Нижнего Днестра. № 3, 141

Ситдииков А.Г. (г. Казань, Россия). см. Бахматова В.Н.

Ситдииков А.Г. (г. Казань, Россия). см. Айтуганова Н.Л.

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия). см. Бахматова В.Н.

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия). см. Гайнуллин И.И.

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия). см. Беляев А.В.

Ситдииков А.Г. (Казань, Россия). см. Федотова Ю.В.

Ситдииков А.Г., Каримов И.Р. (Казань, Россия). Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2016 году. № 2, 330

Скаун Н.Н. (С.-Петербург, Россия). см. Эсакия К.М.

Спиридонова Е.А. (Москва, Россия). см. Чижевский А.А.

Ставицкий В.В. (Пенза, Россия). Рецензия на монографию: Мордовские племена накануне великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III–IV вв.): монография / В.В. Гришаков, С.Д. Давыдов, О.В. Седышев, А.Н. Сомкина; Мордов.гос. пед. ин-т. Саранск, 2016. 195 с. № 1, 339

Ставицкий В.В. (Пенза, Россия). К вопросу о хронологии и периодизации памятников писеральско-андреевского горизонта. № 3, 244

Суслова С.В. (г. Казань, Россия). см. Донина Л.Н.

Терехина В.В. (С.-Петербург, Россия). см. Эсакия К.М.

Умеренкова О.В. (Кемерово, Россия). Металлические украшения одежды и головных уборов эпохи бронзы Западной Сибири (проблемы изучения и реконструкции). № 3, 280

Усманов Б.М. (Казань, Россия). см. Гайнуллин И.И.

Усманова Э.Р. (Караганда, Казахстан). Презентация андроновского костюма в экспозиции музея (по материалам могильника Лисаковский эпохи бронзы). № 3, 289

Файзуллина Г.Ш. (Есик, Алматы, Казахстан). Рецензия на книгу: Г.С. Жумабекова, Г.А. Базарбаева, А. Онгар «Есік. Иссык. Esik». Алматы, 2011. 200 с.). № 4, 326

Файзуллина Д.Ф. (Казань, Россия). Костюм населения Волго-Камья ананьинского времени в контексте развития костюмных комплексов Евразии раннего железного века. № 3, 305

Файзуллина Д.Ф. (Казань, Россия). см. Федотова Ю.В.

Федотова Ю.В., Валеева-Сулейманова Г.Ф., Визгалова М.Ю. (Казань, Россия). Головной убор из погребения женщины XIV в. на территории г. Болгара (тюрган с золотым шитьем и сетчатым покрывалом). № 2, 224

Федотова Ю.В., Файзуллина Д.Ф., Ситдинов А.Г. (Казань, Россия). II Международная научно-практическая конференция «Археологический костюм: реставрация, реконструкция, репрезентация». № 3, 357

Хабдулина М.К. (г. Астана, Казахстан). см. Хасенова Б.М.

Хайрутдинов Р.Р. (г. Казань, Россия). см. Айтуганова Н.Л.

Хасанов Д.И. (г. Казань, Россия). см. Насыртдинов Б.М.

Хасенова Б.М. (г. Алматы, Казахстан), Хабдулина М.К. (г. Астана, Казахстан). Зеркала в погребальной обрядности населения Сарыарки в эпоху Золотой Орды. № 4, 297

Хисяметдинова А.А. (Казань, Россия). см. Чижевский А.А.

Хисяметдинова А.А. (Казань, Россия). см. Чижевский А.А.

Хомяков П.В. (Казань, Россия). см. Гайнуллин И.И.

Храмченкова Р.Х. (г. Казань, Россия). см. Бахматова В.Н.

Храмченкова Р.Х. (Казань, Россия). см. Набиуллин Н.Г.

Khuzin F.Sh., Valiulina S.I., Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation). 50th Anniversary of Bilyar Archaeological Expedition: results and issues of Great Town investigation. № 2, 8

Цыгвинцева Т.А. (Ижевск, Россия). см. Митрошин Е.Н.

Черных Е.М. (Ижевск, Россия). см. Красноперов А.А.

Черных Е.М. (Ижевск, Россия). см. Голдина Е.В.

Чижевский А.А. (Казань, Россия), Кузьминых С.В. (Москва, Россия). Научная конференция «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации». № 1, 347

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А. (Казань, Россия), Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. (Москва, Россия). Оборонительные сооружения городища Гремячий Ключ. № 3, 221

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Вязов Л.А., Салова Ю.А. (Казань, Россия). Исследования вала городища Балымерский «Шолом» в 2014 г. № 2, 108

Чижевский А.А., Шипилов А.В. (Казань, Россия), Капленко Н.М. (Н.Челны, Россия). Итоги исследования Каентубинской Островной стоянки в 2004 году. № 1, 50

Чорэф М.М. (г. Нижневартовск, Россия). см. Маслюженко Д.Н.

Чхаидзе В.Н. (г. Москва, Россия). Серебряная посуда из погребений кочевников Восточно-Европейской равнины XIII–XIV вв. № 4, 275

Шайхутдинова Е.Ф. (Казань, Россия). см. Набиуллин Н.Г.

Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation). Khuzin F.Sh.

Шалапинин А.А. (Самара, Россия). см. Королев А.И. № 1,

Шапошник В.Г., Зайончковский Ю.В. (г. Харьков, Украина).

К истории харьковского Поудья в золотоордынское время. № 4, 147

Шипилов А.В. (Казань, Россия) см. Чижевский А.А. № 1,

Щавелёв С.П. (Курск, Россия). Рецензия на книгу: А.Н. Ткачёв. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа (1917–1991 гг.). Биобиблиографический словарь-справочник. Краснодар, 2016. 346 с. № 2, 321

Эсакия К.М. (Тбилиси, Грузия), Скакун Н.Н., Терехина В.В. (С.-Петербург, Россия). Скрепки из поселения Арухло I, Грузия (к вопросу о соответствии формы и функций древних орудий). № 3, 89

Янбаев Р.М. (Казань, Россия). см. Набиуллин Н.Г.

Список сокращений № 1, 360

Список сокращений. № 2, 362

Список сокращений № 3, 361

Список сокращений № 4, 346

Правила для авторов № 1, 363

Правила для авторов. № 2, 364

Правила для авторов № 3, 363

Правила для авторов 351 № 4, 363

Авторский указатель № 4, 349

INDEX OF THE AUTHORS 2017

Abdullin Kh.M. (Kazan, Russian Federation). Bolgar Saltpeter Plant in Historical, Archival and Cartographic Materials. № 4, 112

Avizova A.K. (Shymkent, Kazakhstan). look Baipakov K.M.

Aituganova N.L., Valeev R.M., Sitdikov A.G., Khayrutdinov R.R. (Kazan, Russian Federation). Activity of the International Workshop on UNESCO World Heritage Monitoring in the Russian Federation and CIS Countries. № 4, 331

Akilbaev A.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Change of Grave Goods in the Middle 11th–13th Centuries in the Burial Grounds in the Lower Vetluga Area. № 1, 298

Aleshinskaya A.S. (Moscow, Russian Federation). look Chizhevsky A.A.

Altynbekov K., Dosayeva D. (Astana, Kazakhstan). Experience of a Reconstruction of "Archaeological" Costume. № 1, 157

Badeev D.Yu. (Moscow, Russian Federation). Streets of Medieval Bolgar. № 4, 24

Baipakov K.M. (Almaty, Kazakhstan), Avizova A.K. (Shymkent, Kazakhstan). Tamga-Shaped Symbols on Ceramics from the Sites of Otrar Oasis of the Pre-Arabic Period. № 3, 155

Bakhmatova V.N., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). Areas and Locations of Feedstock Extraction for Bolgar Pottery: sources and identification issues (on the basis on analytical investigation materials). № 2, 255

Bakhmatova V.N., Khramchenkova R.Kh., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). Research in Ceramics and Sources of Raw Clay Material Used in Ceramic Production in the Middle Volga Region 13th – 14th cc. № 4, 126

Beisenov A.Z., Dzhumabekova G.S. (Almaty, Kazakhstan). Ancient Item Spoilage Ritual Used in Nomadic Burial Rite. № 2, 28

Belavin A.M., Krylasova N.B. (Perm, Russian Federation). Ancient Russian Materials in the Perm Cis-Urals During the 10th–11th Centuries. № 1, 284

Beliaev A.V. (Kazan, Russian Federation). look Nabiullin N.G.

Beliaev A.V., Valiev R.R., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). 6th Scientific Seminar "Interdisciplinary Archaeological And Natural Scientific Investigations of Cultural Heritage Monuments: Bolgar And Sviyazhsk". № 2, 344

Berezina N.S. (Cheboksary, Russian Federation). Sites of Final Paleolithic and Mesolithic from the Chuvash Volga Region: the issue of cultural interpretation. № 3, 190

Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation). look Goldina R.D.

Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation). look Goldina R.D.

Bocharov S.G. (Kazan, Russian Federation). Medieval Kavalari Village on the Kerch Peninsula. № 4, 81

Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation). Notes on Historical Geography of 14th–15th Century Genoese Gazaria. Chembalo Consulate. № 2, 204

Bugarchev A.I. (Kazan, Russian Federation). First Bolgar Silver Dinars of 13th Century. № 4, 165

Bugrov D.G., Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation). Antler Sleeves from the Neolithic Lake-Dwelling Sites of Switzerland (the "Swiss Collection" of the National Museum of Tatarstan Republic, Kazan). № 1, 26

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Bugrov D.G.

- Bugrov D.G., Vyazov L.A., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation)** All-Russian Research Conference "1st Starostin Readings". № 3, 351
- Busova V.S. (Moscow, Russian Federation)**. Textile from the Barrows of the Scythian Period in the Valley of the Eerbek River (Central Tuva). № 3, 318
- Valeev R.M. (Kazan, Russian Federation)**. look Aituganova N.L.
- Valeeva-Suleymanova G.F. (Kazan, Russian Federation)**. look Fedotova Yu.V.
- Valiev R.R. (Kazan, Russian Federation)**. look Beliaev A.V.
- Valiulina S.I. (Kazan, Russian Federation)**. look Khuzin F.Sh.
- Vizgalova M.Yu. (Kazan, Russian Federation)**. look Fedotova Yu.V.
- Vikhljaev V.I. (Saransk, Russian Federation)**. Mordovian Cemeteries of 3rd–5th Centuries and the Unity of Their Early Culture. № 1, 205
- Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation)**. Controversial Questions of the Early Neolithic Studies in the Mari Volga Region. № 1, 38
- Viazov L.A. (Kazan, Russian Federation)**. look Chizhevsky A.A.
- Vyazov L.A. (Kazan, Russian Federation)**. look Bugrov D.G.
- Gazizov J.G. (Nizhnekamsk, Russian Federation)**. look Ermakov V.V.
- Gazimzyanov I.R. (Kazan, Russian Federation)**. look Makarova E.M.
- Gainullin I.I., Khomyakov P.V., Sitdikov A.G., Usmanov B.M. (Kazan, Russian Federation)**. Qualitative Assessment of the Condition of Tatarstan Medieval Fortified Settlements Under the Data of Remote Sensing. № 2, 303
- Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation)**. look Bugrov D.G.
- Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation)**. look Karmanov V.N.
- Georgiev V.V. (Kazan, Russian Federation)**. look Nasyrtidinov B.M.
- Gerasimova M.M. (Moscow, Russian Federation), Pezhemsky D.V. (Moscow, Kazan, Russian Federation)**. To Anniversary of Svetlana G. Efimova. № 4, 337
- Goldina E.V., Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation)**. Beads of the Dubrovskiy Burial Ground (4th – 5th Centuries A.D.) in the Middle Kama Region: Classification and Use. № 1, 238
- Goldina R.D., Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation)**. Chronology of 3rd – 5th Centuries Male Graves from the Tarasovo Burial Ground. № 1, 172
- Goldina R.D., Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation)**. Chronology of 3rd – 5th Century Female Graves from Tarasovo Burial Ground. № 2, 47
- Dergacheva L.V. (Chisinau, Republic of Moldova)**. look Riabtseva S.S.
- Dzhumabekova G.S. (Almaty, Kazakhstan)**. look Beisenov A.Z.
- Dobrova O.P. (Moscow, Russian Federation)**. Beads from Inhumation Rite Burials of Gnezdovo Burial Mound. № 4, 236
- Donina L.N., Suslova S.V. (Kazan, Russian Federation)**. Technical and Technological Features of Kazan-Tatar Filigree: Retrospective Ethnic-Archeological Analysis. № 4, 222
- Dosayeva D. (Astana, Kazakhstan)**. look Altynbekov K.
- Drozdova G.I. (Kazan, Russian Federation)**. Kazan Archaeologists Participate in Mari Archaeological Expedition. № 3, 259
- Elkina I.I. (Moscow, Russian Federation)**. Archaeological Textile Findings of 17th – 18th Centuries from the Quarter of the Novodevichy Convent in Moscow. Attribution and Reconstruction. № 4, 208
- Elkina I.I. (Moscow, Russian Federation)**. look Rudenko K.A.

Ermakov V.V. (N. Chelny, Russian Federation), Nabiullin N.G. (Kazan, Russian Federation), Gazizov J.G. (Nizhnekamsk, Russian Federation), Salakhatdinova G.T. (N. Chelny, Russian Federation). Question on Localization of Historically Known Sites of the Modern Period (from the Example of ‘Chalninsky Gorodok’). № 4, 99

Zhabreva A.E. (Saint Petersburg, Russian Federation). Features and Prospects of Bibliographic Control of Publications on Archaeological Costume and Textile. № 4, 310

Zhilina N.V. (Moscow, Russian Federation). Comparative Analysis of the Khazar And Slavic-Russian Attire of Adornments. № 2, 127

Zhitenev V.S. (Moscow, Russian Federation). New Evidence of Serpentinite Raw Material Exploitation in the Kapova Cave (The Southern Urals). № 1, 18

Zayonchkovskiy Y.V. (Kharkiv, Ukraine). look Shaposhnik V.G.

Zilivinskaya E.D. (Moscow, Russian Federation). Trade Constructions in Oriental and Golgen Horde Towns. № 4, 46

Ivanov V.A. (Ufa, Russian Federation). Early Iron Age and Medieval Sites in the Southern Ural Region: Context of Sources (Forest and Forest-Steppe). № 1, 130

Ivanov V.A. (Ufa, Russian Federation). Southern Cis-Urals in the Great Migration Period – Archaeological and Geographical Context. № 4, 8

Izmaylova S.Yu. (Kazan, Russian Federation). Research by A.F. Lihachev and the Initial Stage of Studying the Prehistorical Antiquities of the Kazan Volga Region. № 3, 8

Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation). The Issue of Chronological Classification of Monuments of the Mellia-Tamak Type. № 3, 211

Kazantseva O.A., Nagiev Z.Sh. (Izhevsk, Russian Federation). Burial of a Man-At-Arms in Kudash I Burial Ground. № 2, 73

Kaplenko N.M. (Naberezhnye Chelny, Russian Federation). look Morozov V.V.

Kaplenko N.M. (N. Chelny, Russian Federation). look Chizhevsky A.A.

Karimov I.R. (Kazan, Russian Federation). look Sitdikov A.G.

Karmanov V.N. (Syktyvkar, Russian Federation), Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation). Intentional Fragmentation of Flint Products During the Neolithic (according the Pezmogty 3A site on the Middle Vychegda river, Komi Republic). № 3, 48

Korolyov A.I., Shalapinin A.A. (Samara, Russian Federation). Lebyazhinka VI Settlement: Eneolithic Site in the Forest-Steppe Volga Region. № 1, 71

Kochanova M.D. (Moscow, Russian Federation). look Chizhevsky A.A.

Krasnopeorov A.A., Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation). Female Headdress from Dubrovskiy Burial Ground of 4th – 5th Centuries. № 1, 216

Krylasova N.B. (Perm, Russian Federation). look Belavin A.M.

Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation). Mari Archaeological Expedition: People and Destinies. № 1, 327

Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation). look Chizhevsky A.A.

Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation). “Good that You Were Able to Find Their Only Destiny Among the Thousands of Fates” To the Anniversary of N.A. Kokorina. № 2, 349

Kupriyanova E.V. (Chelyabinsk, Russian Federation). Small Accessories of Women's Headwear of the Bronze Age in the Southern Urals: research and reconstruction techniques. № 3, 272

Liphanov N.A. (Samara, Russian Federation). On the Origin of the Dragon Image on the Plate from Shilovka Burial Mound. № 2, 91

Lukpanova Ya.A. (Ural'sk, Kazakhstan). Reconstruction of Female Costume From the Elite Burial Ground Taksay-I: a View of the Archaeologist. № 1, 145

Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation). look Morozov V.V.

Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation). Komintern 1 Burial Mound of Lugovskaya Culture in the Kama Mouth Region. № 3, 97

Lysenko S.D. (Kiev, Ukraine). look Lysenko S.S.

Lysenko S.S., Lysenko S.D. (Kiev, Ukraine). Burial Complexes and Hoards as Sources for the Reconstruction of Ceremonial Adornments of the Representatives of Komarovo Culture. № 3, 329

Lychagina E.L. (Perm, Russian Federation). look Mitroshin E.N.

Makarova E.M., Gazimzyanov I.R. (Kazan, Russian Federation). Palaeodemography of Bolgar Fortified Settlement. № 4, 67

Maslyuzhenko D.N. (Kurgan, Russian Federation), Choref M.M. (Nizhnevartovsk, Russian Federation). New Silver Plated Coins of the Golden Horde Period Discovered in the Kurgan Region. № 4, 175

Mitroshin E.N., Lychagina E.L. (Perm, Russian Federation), Tsygvintseva T.A. (Izhevsk, Russian Federation), Poplevko G.N. (Saint Petersburg, Russian Federation). Complex Analysis of the Stone Inventory from the Chashkinskoe Ozero XI Mesolithic Site. № 3, 26

Mikheev A.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Delineating Sites of Archaeological Heritage: Methodology Based on Endeavours of the Mari Archaeological Expedition. № 1, 311

Morozov V.V., Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation), Kaplenko N.M. (Naberezhnye Chelny, Russian Federation). Late Neolithic Complex of the Gulyukovo I Site in the Lower Kama Region. № 3, 70

Mukhamadeev A.R. (Kazan, Russian Federation). Issues of Studying and Preservation of Historical and Archaeological Monuments of Bolgar in Periodicals of Early 1920s. № 2, 282

Nabiullin N.G. (Kazan, Russian Federation). look Ermakov V.V.

Nabiullin N.G., Beliaev A.V., Shaikhutdinova E.F., Khramchenkova R.Kh., Ianbaev R.M. (Kazan, Russian Federation). Cast Iron Dishware from Juketau: preliminary interdisciplinary research results. № 2, 236

Nagiev Z.Sh. (Izhevsk, Russian Federation). look Kazantseva O.A.

Nasyrtdinov B.M., Khasanov D.I., Georgiev V.V. (Kazan, Russian Federation). Results of Detailed Magnetic Surveying in the Territory of Bolgar Fortified Settlement in 2012–2015. № 4, 36

Nikitin V.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). look Nikitina T.B.

Nikitin V.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). On the Turn of Two Millennia (60 Years of the Mari Archaeological Expedition). № 1, 8

Nikitin V.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Results of Studying of the Stone Age Period of the Mari Volga Region. № 3, 168

Nikitina T.B. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Progress of Mari Archaeological Expedition in Study of Medieval Antiquities of Vetluga Region. № 1, 272

Nikitina T.B., Nikitin V.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). On Proceedings of the Inter-Regional Scientific Conference on Conservation and Popularization of Archaeological Heritage. № 1, 357

Nikitina T.B., Puzatkina E.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Rusenikha Burial Ground: interdisciplinary approach to monument investigation. № 2, 187

Orudzhov E.I. (Kazan, Russian Federation). Settlement System of the Representatives of Ananyino Cultural and Historical Areal in Viatka and Vetluga Basins. № 3, 117

Orfinskaya O.V. (Moscow, Russian Federation). An Analysis of the Style of Male Caftans And Female Dresses of the Alans from the North Caucasus. № 2, 173

Ostanina T.I. (Izhevsk, Russian Federation). The Seventh Century Composite Belts from Kuzebaevo Hoard. № 1, 257

Patrushev V.S. (Kazan, Russian Federation). “Textile” Ceramics of Mari Volga (by the Materials of Excavations on the Bronze Age Settlements). № 1, 92

Pezhemy D.V. (Moscow, Kazan, Russian Federation). look Gerasimova M.M.

Poplevko G.N. (Saint Petersburg, Russian Federation). look Mitroshin E.N.

Puzatkina E.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). look Nikitina T.B.

Rudenko K.A. (Kazan, Russian Federation), Elkina I.I. (Moscow, Russian Federation). Jewellery from Burials Located in the Southern Part of Bolgar Fortified Settlement (Excavations CLXXIV and CCXIV of 2012 and 2015). № 4, 258

Rudenko K.A. (Kazan, Russian Federation). On the Chronology of Oriental Import into Volga Bulgaria in 10th – 11th Centuries (according to toreutics materials). № 2, 157

Riabtseva S.S., Dergacheva L.V. (Chisinau, Republic of Moldova). Ethnic-Cultural Identity and Dating of the Clothing Clasp Group from the Territory of Prut-Dniester Interfluve. № 4, 190

Savelev N.S. (Ufa, Russian Federation). On the Southern Border of the Forest and Forest-Steppe Cultures in the Urals in the Ist Millennium BC. № 1, 114

Salakhatdinova G.T. (N. Chelny, Russian Federation). look Ermakov V.V.

Salova Yu.A. (Kazan, Russian Federation). look Chizhevsky A.A.

Semykin Yu.A. (Ulyanovsk, Russian Federation). Conservation and Use of Archaeological Heritage in Ulyanovsk Oblast. № 2, 288

Sinika V.S. (Tiraspol, Moldova). Newly Discovered Items of the Zoomorphic Style from the Left Bank of the Lower Dniester. № 3, 141

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Bakhmatova V.N.

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Gainullin I.I.

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Beliaev A.V.

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Fedotova Yu.V.

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Bakhmatova V.N.

Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). look Aituganova N.L.

Sitdikov A.G., Karimov I.R. (Kazan, Russian Federation). Key Results of Scientific Activities of the Institute of Archaeology Named After A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences in 2016. № 2, 330

Skakun N.N. (Saint Petersburg, Russian Federation). look Esakiya K.M.

Spiridonova E.A. (Moscow, Russian Federation). look Chizhevsky A.A.

Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation). Review of the Monograph: Mordvinia’s Tribes on the Eve of the Great Migration (Ust-Uzinsky Burial 3rd – 4th Cent.):

Monograph / V.V. Grishakov, S.D. Davidov, O.V. Syedyshev, A.N. Somkina. Saransk, 2016. 195 P. № 1, 339

Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation). The Issue of Chronology And Periodization of Sites from the Piseraly-Andreevka Horizon. № 3, 244

Suslova S.V. (Kazan, Russian Federation). look Donina L.N.

Terekhina V.V. (Saint Petersburg, Russian Federation). look Esakiya K.M.

Umerenkova O.V. (Kemerovo, Russian Federation). Metal Adornments of Clothing and Headwear in the Bronze Age of Western Siberia (issues of research and reconstruction). № 3, 280

Usmanov B.M. (Kazan, Russian Federation). look Gainullin I.I.

Usmanova E.R. (Karaganda, Kazakhstan). Presentation of Andronovo Costume in Museum Exposition (on materials from Lisakovsk burial ground of the Bronze Age). № 3, 289

Faizullina G.Sh. (Esik, Almaty, Kazakhstan). Book Review: G.S. Jumabekova, G.A. Bazarbayeva, A. Onggar. Ecik. Yesyk. Esik. Almaty, 2011. 200 P. № 4, 326

Fayzullina D.F. (Kazan, Russian Federation) look Fedotova Yu.V.

Fayzullina D.F. (Kazan, Russian Federation). Costume of the Volga-Kama Population of the Ananyino Period in the Context of the Development of Costume Complexes in the Early Iron Age Eurasia. № 3, 305

Fedotova Yu.V., Valeeva-Suleymanova G.F., Vizgalova M.Yu. (Kazan, Russian Federation). Headdress from a Female Burial of 14th Century in the Territory of Bolgar (a turban with goldwork and a knit veil). № 2, 224

Fedotova Yu.V., Fayzullina D.F., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). 2nd International Research and Practical Conference "Archaeological Costume: Restoration, Reconstruction, Representation". № 3, 357

Khabdulia M.K. (Astana, the Republic of Kazakhstan). look Khasenova B.M.

Khayrutdinov R.R. (Kazan, Russian Federation). look Aituganova N.L.

Khasanov D.I. (Kazan, Russian Federation). look Nasyrtidinov B.M.

Khasenova B.M.(Almaty, the Republic of Kazakhstan), Khabdulia M.K. (Astana, the Republic of Kazakhstan). Mirrors in the Burial Rites of Saryarka Population in the Golden Horde Period. № 4, 297

Khisiyemetdinova A.A. (Kazan, Russian Federation). look Chizhevsky A.A.

Khisiyemetdinova A.A. (Kazan, Russian Federation). look Chizhevsky A.A.

Khomyakov P.V. (Kazan, Russian Federation). look Gainullin I.I.

Khramchenkova R.Kh. (Kazan, Russian Federation). look Nabiullin N.G.

Khramchenkova R.Kh. (Kazan, Russian Federation). look Bakhmatova V.N.

Khuzin F.Sh., Valiulina S.I., Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation). 50th Anniversary of Bilyar Archaeological Expedition: results and issues of Great Town investigation. № 2, 8

Tsygvintseva T.A. (Izhevsk, Russian Federation). look Mitroshin E.N.

Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation). look Krasnopeorov A.A.

Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation). look Goldina E.V.

Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation), Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation). Scientific Conference 'Ananyino World: Cultural Space, Connections, Traditions and Innovations'. № 1, 347

Chizhevsky A.A., Khisiametdinova A.A. (Kazan, Russian Federation), Spiridonova E.A., Aleshinskaya A.S., Kochanova M.D. (Moscow, Russian Federation). Defensive Structures of the Gremiachy Kliuch Hillfort. № 3, 221

Chizhevsky A.A., Khisiametdinova A.A., Viazov L.A., Salova Yu.A. (Kazan, Russian Federation). Investigations of a Rampart of Balymer Sholom Hill-Fort in 2014. № 2, 108

Chizhevsky A.A., Shipilov A.V. (Kazan, Russian Federation), Kaplenko N.M. (N. Chelny, Russian Federation). Study Results on Kaen-Tube Island Site in 2004. № 1, 50

Choref M.M. (Nizhnevartovsk, Russian Federation). look Maslyuzhenko D.N.

Chkhaidze V.N. (Moscow, Russian Federation). Silver Tableware from the Nomad Burials of 130th–14th Centuries on the East European Plain. № 4, 275

Shaikhutdinova E.F. (Kazan, Russian Federation). look Nabiullin N.G.

Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation). look Khuzin F.Sh.

Shalapinin A.A. (Samara, Russian Federation). look Korolyov A.I.

Shaposhnik V.G., Zayonchkovskiy Y.V. (Kharkiv, Ukraine). History of The Kharkov Udy Region in the Golden Horde Period. № 4, 147

Shipilov A.V. (Kazan, Russian Federation). look Chizhevsky A.A.

Schaveliov S.P. (Kursk, Russian Federation). Book Review: A.N. Tkachev. Archaeologists of Kuban and the North-West Caucasus (1917–1991). A Bibliographic Dictionary and Reference Book. Krasnodar, 2016. 346 P. № 2, 321

Esakiya K.M. (Tbilisi, Georgia), Skakun N.N., Terekhina V.V. (Saint Petersburg, Russian Federation). Hide-Scrapers from Arukhlo I Settlement in Georgia (on correspondence of the shape and function of prehistoric implements). № 3, 89

Yanbaev R.M. (Kazan, Russian Federation). look Nabiullin N.G.

List of Abbreviations. 360 № 1, 360

List of Abbreviations. № 2, 362

List of Abbreviations № 3, 361

List of Abbreviations № 4, 346

Submissions. № 1, 363

Submissions. № 2, 364

Submissions № 3, 363

Submissions № 4, 363

Index of the Authors № 4, 349

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Поволжская археология – международный рецензируемый журнал, посвященный проблемам археологии и смежным дисциплинам. Журнал выходит ежеквартально на русском и английском языках. Все публикации рецензируются и сопровождаются резюме на английском и русском языках.

Научный журнал «**Поволжская археология**» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Статьи», «Дискуссии», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией **Соглашение**, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Материалы, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Порядок приема материалов

Прием материалов для рассмотрения к публикации в журнале «Поволжская Археология» осуществляется по единому графику:

№ 1 (**март**) – не позднее **1 декабря** текущего года

№ 2 (**июнь**) – не позднее **1 марта** текущего года

№ 3 (**сентябрь**) – не позднее **1 июня** текущего года

№ 4 (**декабрь**) – не позднее **1 сентября** текущего года

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассматриваться на выход в другом номере журнала, в соответствии с его тематикой. **Датой поступления материала в номер** считается дата принятия редактором его окончательного варианта, а не рабочей версии.

В исключительном случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема материалов в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на три недели.

При подготовке работ к публикации в журнале Поволжская археология следует строго выполнять *редакционные требования* и следовать *этическим принципам редакции*.

Пожалуйста, обратите внимание на необходимость подачи **полного комплекта материалов**:

1. **Соглашение с автором** является обязательным для заполнения и фиксирует согласие автора с условиями публикации в журнале. Документ соглашения доступен для заполнения по адресу: (<http://archaeologie.pro/ru/for-authors/article-submission/>) или по требованию, обратившись по адресу **arch.pov@mail.ru**. Без соглашения материал на рассмотрение редакции не принимается;

2. **Текст** в электронном виде

3. **Список** использованной литературы

4. **Иллюстративный материал**: рисунки, фотографии, таблицы/диаграммы с исходными файлами, использованными для их построения

ИНСТРУКЦИИ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Уважаемые коллеги, процесс обработки публикаций будет более оперативным, если рукопись приведена в соответствии с приведенными ниже рекомендациями, и сопровождается **полным комплектом необходимых материалов**.

Если у Вас возникают какие-либо вопросы перед подачей материала, пожалуйста, свяжитесь с техническим отделом по электронному адресу **arch.pov@mail.ru**.

РЕЗЮМЕ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Объем принимаемых материалов зависит от раздела журнала, в который вы планируете подать статью.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

ДИСКУССИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 15–20 тысяч знаков и 1 иллюстрация. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25 работ).

ХРОНИКА. Не более 15 тысяч знаков и 2–3 иллюстраций.

Формат принимаемых материалов

Материалы принимаются в форматах **.doc* и **.rtf*. (формат **.docx* не принимается)

Не следует набирать заголовки и выделения в тексте всеми прописными буквами.

Не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

Статья должна содержать (см. **Образец оформления статьи**):

– УДК;

– **Название** статьи на русском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском языке;

– **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;

– **Список литературы (библиография)**

– **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;

– **Название** статьи на английском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на английском языке;

– **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.

– **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;

– **Таблицы** в формате Word (в тексте) или MS Excel;

– **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. *Образец оформления статьи*);

– **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Сокращения (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Числа (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Хронология и датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Радиоуглеродные датировки (общие требования) (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Некалиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Калиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ИЛЛЮСТРАЦИИ (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Рисунки и фотографии в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi; Иллюстрации, вставленные в MS Word или Excel-файл, **не принимаются.**

Если рисунок содержит **номера или текст**, они должны быть **впечатаны** в электронном виде, а не вписаны от руки. Исключение составляют архивные материалы.

ДИАГРАММЫ должны быть оформлены в программе **MS Excel**. При этом **обязательно** вместе с диаграммами MS Excel необходимо предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

ТАБЛИЦЫ. Наглядный материал может быть представлен в табличной форме.

Таблица строится в программе MS Excel или MS Word;

Таблицы должны иметь номер и заголовок (на английский язык заголовок не переводится);

Если Таблица включает рисунки, то их необходимо прислать отдельно в формате *.tif или *.jpg.

БИБЛИОГРАФИЯ И СИСТЕМА ССЫЛОК (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

В статьях, публикуемых в журнале «Поволжская археологи», используется нижеприведенная система составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии. В случае несоответствия данным требованиям присланные материалы будут отправлены автору для доработки.

Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. Пожалуйста, убедитесь в том, что **все** внутритекстовые ссылки включены в библиографический список.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы (библиография) составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). Библиографический список не следует делать излишне пространственным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять не более 25%. Пожалуйста, убедитесь в том, что все ссылки, приведенные в библиографии, присутствуют в тексте статьи.

Например:**Описание монографии (книги)**

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

2. *Чижевский А.А.*, Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

3. *Халиков А.Х.* Мезолит Среднего Поволжья // МИА. 1966. № 126. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

1. *Белорыбкин Г.Н.* Монголы в землях обугаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

2. *Напольских В.В.* Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. I. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург, Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blonde_du_Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. *Генинг В.Ф., Одинцов В.В.* Отчет о раскопках Нырғындинского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 756.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

Образец оформления статьи

УДК 904 “04/14”

Исследования в центральной части Болгарского городища («Дом Ремесленника»)

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

**Researches in the Central Part of the Bulgar Ancient
Settlement ("House of the Handicraftsman")**

A.M. Gubaydullin

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, к изданию в журнале не принимаются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.12.2017 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать цифровая. Бумага мелованная. Печ. л. 23,0. Усл. печ. л. 32,2.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20